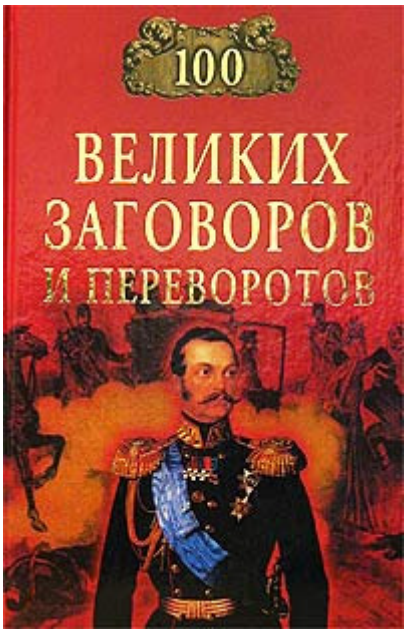
Игорь Анатольевич Мусский
100 великих заговоров и переворотов

100 великих –



«100 великих заговоров и переворотов»: Вече; М.; 2004
ISBN 5-7838-1125-4

Аннотация

Заговоры и перевороты существуют с тех пор, как человечество стало заниматься политикой. Во все времена честолюбцы бросали вызов законному обладателю трона. Кризис власти — экономический, политический — благодатная почва для переворота, особенно военного. Щедро раздаются популистские обещания райской жизни. Но, как правило, добившись цели, власть забывает о своих обещаниях. Главное — обезопасить себя от потенциальных противников, способных совершить новый переворот.

О ста самых великих заговорах и переворотах мировой истории — от Древнего Востока до новейшей истории СССР и США — рассказывает эта книга.

Игорь Анатольевич МУССКИЙ
СТО ВЕЛИКИХ ЗАГОВОРОВ И ПЕРЕВОРОТОВ

ВВЕДЕНИЕ

Заговоры и перевороты существуют и существовали с того момента, как человечество стало заниматься политикой. Во все времена честолюбцы бросали вызов законному обладателю трона.

И в древности находились смельчаки, пытавшиеся свергнуть неугодную им власть. Жестокая политическая борьба и различного рода интриги, провокации и заговоры с целью овладения троном или сохранения его были едва ли не обычной нормой жизни. Разумеется, в этой борьбе противника никогда и нигде не щадили — слишком высока была ставка. И конечно, нигде не церемонились при этом в вопросе выбора средств для достижения желанной цели. Так, жертвой заговора пал ненавистный Калигула, был устранен Цезарь, погиб от кинжала телохранителя Филипп II Македонский.

В Византии формально власть императора не была наследственной, хотя фактически с помощью ряда нехитрых уловок (например, практики совместного царствования) это ограничение можно было обойти. Поэтому главной задачей интриганов, и в первую очередь тех из них, кто имел хоть малейшие для того формальные и тем более легитимные основания, было стремление пробраться как можно ближе к трону, при первой возможности взобраться на него и, главное, не дать себя сбросить с него. Заговоры и перевороты — неотъемлемая часть истории Византии.

Жизнь французских и английских королей и королев постоянно подвергалась опасности. Сколько покушений было совершено на Генриха IV и Луи-Филиппа! И сколько заговоров было составлено против Елизаветы I! Однажды на подобную дерзость осмелился ее опальный фаворит Эссекс, за что, впрочем, поплатился головой.

Надо отметить, что нередко заговор созревал в ближайшем окружении правителя. В связи с этим вспоминается фраза Юлия Цезаря, которую он якобы бросил, когда увидел среди убийц Марка Юлия Брута: «И ты, дитя мое!» (утверждают, что Брут был его сыном). Поэтому опытные советники призывали правителей не терять бдительности и время от времени устраивать проверки своим подчиненным, чтобы выявить их истинные намерения. И самое главное, вовремя пресекать возможные заговоры и интриги, держать в своих руках всю власть и не делиться ею ни с кем.

В старой русской исторической литературе краткий отрезок времени (с 1725 по 1762 год) было принято называть «эпохой дворцовых переворотов». В самом деле — новый, 1725 год Россия встретила с первым императором — Петром Великим, а спустя всего тридцать семь лет, летом 1762 года, на престол вступила Екатерина II — уже восьмой по счету самодержец с императорским титулом. В этот промежуток на престоле сменяли друг друга Екатерина I, Петр II, Анна Ивановна, Иван VI Антонович, Елизавета Петровна, Петр III.

Однако «эпохой дворцовых переворотов» этот период называют не потому, что властители менялись так часто. Важнее то, что практически всякий раз смена власти сопровождалась смутами, волнениями, арестами, ссылками.

Екатерина I, Наполеон I, Ленин, Муссолини, Франко и другие неординарные личности пришли к власти, совершив государственный переворот, а по сути государственное преступление. В связи с этим любопытно, как определяет понятие «заговор» словарь Брокгауза — Ефрона, вышедший более ста лет назад:

«По французскому Code penal — Заговор определяется как решимость двух или более лиц действовать с целью ниспровергнуть или изменить существующий государственный строй, или возбудить граждан к вооружению против государственной власти. Одна эта решимость составляет преступление. Наказуем также Заговор, составленный с целью возбудить междоусобную войну или вооруженное нападение одной части населения на другую. По германскому уложению Заговором признается состоявшееся между несколькими лицами соглашение совершить действия, направленные против главы государства, конституции или целости государственной территории. По действующему русскому уложению о наказаниях различается составление Заговора или участие в Заговоре против власти верховной от принадлежности к противозаконному сообществу, имеющему целью противодействие распоряжениям правительства или возбуждение неповиновения властям, разрушение основ общественной жизни, религии, семейного союза и собственности, возбуждение вражды между сословиями, стачек и т.п. Заговор против верховной власти, т.е. имеющий целью ниспровергнуть правительство во всем государстве или части его, переменить образ правления или порядок наследия престола, отличается от принадлежности к противозаконному сообществу, главным образом, целью, для которой он составлен, так как для состава преступления Заговор против власти верховной не требует совершения каких-либо действий. Одно знание о существовании заговора наказывается как участие в нем, т.е. смертной казнью».

И даже несмотря на такие суровые законы, всегда находились люди, считающие, что убийством того или иного деятеля можно изменить существующую систему. Генрих III и Генрих IV, Густав III и Линкольн, Фердинанд и Распутин, Махатма Ганди и Кеннеди… Их постигла одна участь — трагическая смерть от руки убийцы. Список можно продолжать и

продолжать. Например, в XIX веке в России террористы убивали царей, аристократов, генералов и полицейских, что вызвало лишь репрессии властей. Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в 1914 году даже спровоцировало Первую мировую войну.

Кризис власти — экономический, политический — благодатная почва для переворота. Особенно военного. Путчи, пронунсиамиенто, мятежи… Популистские обещания райской жизни… Но чаще всего, добившись цели, власть тут же забывает о своих обещаниях. Главное — обезопасить себя от потенциальных противников, способных совершить новый переворот.

Вообще-то тайные методы, ведущие к заговору и перевороту, тоже достаточно единообразны, как и все иные методы политической борьбы. Они хорошо знакомы и Западу, и Востоку, причем это вполне понятно и легко объяснимо, ибо в основе сходства лежит как сам принцип власти любого правителя, так и мотив, движущий теми, кто неудержимо стремится к власти и готов ради этого на все.

ПЕРЕВОРОТ ДАРИЯ

Персия. 522 год до Р.Х.

В 522 году до Р.Х. персы уже более трех лет владели Египтом, а их царь Камбис бесчинствовал в завоеванной стране. Неизвестно, какие злодеяния еще бы он учинил, если бы не одно событие в Персии, заставившее его спешно покинуть берега Нила.

Отправляясь в поход, Камбис оставил смотрителем царского дворца в Сузах мидянина Патизифа, служившего еще Киру Великому, отцу нынешнего царя. Однако никто не догадывался, что под маской верного царедворца скрывается опасный заговорщик. Патизиф принадлежал к касте мидийских магов, которые со дня завоевания Мидии Киром мечтали о восстановлении независимости.

Верные люди донесли Патизифу из Египта о том, что Камбис распорядился убить своего брата Бардия, всенародного любимца и опасного претендента на персидский трон. Приказ был исполнен. Но кончину младшего сына Кира держали в тайне и об этом знали немногие. И тут у магов созрел план: заменить убитого самозванцем.

Дело в том, что у Патизифа был брат по имени Гаумата, который внешне был очень похож на покойного Бардию. Гаумата под именем Бардия «взошел» на персидский престол. Геродот сообщает, что «маг разослал по всем народам своего царства распоряжение о свободе от военной службы и от податей на три года». Популярная мера имела успех. Его признали персы в Сузах; Вавилония, Мидия и Лидия тоже поспешили заверить нового царя в верноподданничестве.

В то же время Гаумата приказал разрушить святилища персов — центры родовой культуры — ив интересах мидийской знати пытался разрушить еще сохранившуюся общинную организацию Персиды с целью нанесения ущерба персидским воинам-общинникам.

Однако в Египте находился настоящий царь — Камбис. Под его началом была хоть и не очень большая, но верная ему армия. Кроме того, Камбис, имея в распоряжении финикийс кие корабли, оставался хозяином восточной части Эллинского моря. С этим нельзя было не считаться. Но к моменту его возвращения из Египта заговорщики надеялись собрать большое войско из вавилонян, мидян и других народов, которых тяготило господство персов. С этим-то войском они и собирались вступить в единоборство с Камбисом.

Сделав своего брата царем, Патизиф решил отправить к Камбису в Египет гонца с требованием добровольно отказаться от царской власти и явиться в Сузы, чтобы преклонить колени перед новым повелителем Персидского царства.

Месяц спустя гонец Патизифа прибыл в Мемфис и сообщил Камбису о том, что его брат Бардия провозгласил себя правителем. Это известие ошеломило царя, ведь по его приказу Бардия был умерщвлен. Вызвали исполнителя приказа Прексаспа. Тот поклялся, что своими руками предал тело младшего сына Кира земле. Прексасп предположил, что трон занял самозванец. Вскоре выяснилось и его настоящее имя.

Оставив своим наместником в Египте знатного перса Арианда с третьей частью войска, Камбис выступил из Мемфиса в Сузы.

Будучи уже в Сирии, персидский царь в результате несчастного случая поранил себе ногу.

Камбис был вынужден прервать поход. На двадцатый день болезни его состояние ухудшилось. Камбис призвал к себе знатнейших персов и открыл им правду. Он повелел отвоевать власть у мидян и расправиться с Патизифом и Лжебардией.

На следующий день Камбис умер. У него не было детей, унаследовать его власть было некому, и между персами начались споры. Одни отказывались верить, будто маги захватили власть. Им казалось, что Бардия жив, и поэтому следует идти в Сузы и преклонить колени перед новым повелителем. Другие же, поверившие, что в Сузах заправляют заговорщики, высказывались за войну с узурпатором Гауматой-Бардией.

В стороне от всех держался 27-летний Дарий, сын Гистаспа, представитель младшей ветви царского рода Ахеменидов. Пока шли споры, он, собрав вокруг себя верных людей, завладел телом Камбиса и направился в Персию, в Пасаргады, где намеревался предать останки царя земле…

В самой же Персии лишь немногие представители знати отнеслись к Гаумате как к узурпатору и подумывали о его низвержении. Одним из них был Отан, сын Фарнаспа. По происхождению и богатству он принадлежал к числу наиболее влиятельных людей в Персии и ежедневно являлся в царский дворец для решения государственных дел. Отану показалось странным то, что новый царь никогда не появлялся в тронном зале и не призывал к себе никого из знатных персов для решения особо важных государственных дел, как поступали Кир и Камбис. Чаще всего от его имени говорил смотритель дворца Патизиф. Не прошло мимо внимания Отана и внезапное исчезновение брата Патизифа, Гауматы. Страшная догадка требовала подтверждения. Он вспомнил, что в начале своего царствования Камбис за какую-то провинность приказал отрезать Гаумате уши и тот скрывал свое увечье длинными волосами, поверх которых надевал еще и парик. Но как проверить, когда тот не показывается подданным на глаза и никого не подпускает к себе, окруженный многочисленной стражей? Отан рассказал о своих догадках дочери Федиме, и у них созрел план.

На следующий день Отан сообщил Лжебардии о своем желании выдать за него дочь Федиму. Обрадованный маг послал за девушкой слуг.

Вскоре Федима выяснила все, что требовалось. Персией действительно правил не Бардия, а мидийский маг Гаумата. Отан поведал тайну преданным друзьям — Аспафину и Гобрию. Сообща они задумали свергнуть узурпатора с престола, но для этого следовало заручиться поддержкой других знатных персов. Так, к заговорщикам примкнули Мегабиз, верой и правдой служивший Киру и его сыну Камбису, Интафрен, Гидарн Чуть позже к ним присоединился и Дарий.

Но был еще один человек, точно знавший, что Персией управляет самозванец, — Прексасп. Сразу после кончины Камбиса он приехал в Сузы. Но опасаясь возмездия за убийство Бардии, Прексасп везде заявлял, что не убивал царевича и Камбис оговорил его.

Однако на улицах и торговой площади Суз продолжали шептаться о царе-самозванце, обманом захватившем власть в государстве. Боясь разоблачения, маги пригласили к себе Прексаспа и предложили ему за большие деньги выступить перед персами с заявлением, что Бардия жив и правит ими именно он, а не кто-нибудь другой.

В назначенный день Прексасп в сопровождении Патизифа и нескольких стражников взошел на высокую башню. На площади уже собралась толпа. Вначале все шло по плану мидийских магов. И вдруг, в конце своей речи Прексасп прокричал: «Персы! Настало время, когда вы должны узнать всю правду. Так вот знайте: я действительно убил Бардию по приказу Камбиса, убил вот этими руками, да пошлют боги на меня за это страшные проклятия. Не верьте тому, что Бардия — ваш царь. Вами правит Гаумата и его брат Патизиф, мидийские маги…» Стражники хотели схватить Прексаспа, но было поздно — тот бросился с башни вниз…

Такова была славная кончина Прексаспа.

Это трагическое событие произошло в тот день, когда семь знатных персов — Отан, Гобрий, Аспафин, Интафрен, Гидарн, Мегабиз и Дарий Ахеменид — ехали в Сузы с твердым намерением расправиться с самозванцем. Прибыв в столицу, заговорщики решили не расходиться и переночевать в доме у Отана. Утром они принесли жертвы богам и вместе с преданными слугами отправились во дворец.

Дворцовые стражники почтительно расступились и пропустили их во внутренний двор. Миновав площадь, Дарий и его друзья оказались у входа в царские покои. Здесь, кроме стражников, находилось еще несколько евнухов, которые стали расспрашивать о цели визита Дарий заявил, что у него для царя важное известие, но его отказались пропускать к правителю. Тогда Дарий выхватил из-под кафтана меч и бросился на евнухов. Его примеру последовали остальные заговорщики.

Дарий крикнул Отану и Гидарну, чтобы они со слугами задержали стражников. Сам же с Гобрием, Интафреном, Аспафином и Мегабизом устремился дальше. У дверей опочивальни заговорщики вступили в схватку с четырьмя охранниками. Мегабиз был ранен, остальные же ворвались в царские покои.

В полумраке заговорщики различили двух магов. Патизиф только что проник в спальню к брату через потайную дверь, чтобы сообщить о внезапном нападении. Он схватил со стены лук, но воспользоваться им не успел. Гаумата же, умело орудуя копьем, ранил Аспафина в бедро, а Интафрена — в голову. Но Дарий и Гобрий набросились на него, и через несколько минут с самозванцем было покончено.

Тем временем Патизиф выбежал в соседнюю комнату и попытался запереть за собой дверь, но Дарий и Гобрий догнали его. Вдвоем они справились с магом: Патизиф был задушен Гобрием.

Заговорщики отрубили магам головы и двинулись к выходу из дворца.

На дворцовой площади уже собралось сотни две персов, привлеченных шумом сражения. Заговорщики велели созвать ко дворцу всех персов, проживавших в Сузах.

Через час дворцовая площадь была заполнена народом. Дарий, Гобрий, Отан и Гидарн (раненые Аспафин, Интафрен и Мегабиз остались на попечении слуг) поднялись на башню и показали собравшимся головы магов. Персы пришли в восторг и, когда Дарий призвал уничтожить в столице всех мидийских магов, бросились исполнять приказ, а заодно уничтожать и остальных мидян.

Погромы мидийских домов продолжались весь день и закончились только с наступлением ночи. Были убиты сотни мидян. Всех магов, которых удалось найти, казнили. Впоследствии персы ежегодно отмечали этот день, называя его днем «избиения магов».

В сентябре 522 года до Р.Х. персидским царем стал Дарий.

На Бехистунской скале Дарий увековечил события начала своего царствования. Здесь, на большой высоте, клинописным слоговым письмом была вырезана большая надпись в 400 строк на древнеперсидском языке и ее переводы на эламский и аккадский языки. Над надписями изваян рельеф с изображением Дария, торжествующего над связанным магом Гауматой и восемью вождями мятежных областей.

ЗАГОВОР ГАРМОДИЯ И АРИСТОГИТОНА ПРОТИВ ГИППАРХА И ГИППИЯ

Греция, Афины. 514 год до Р.Х.

После смерти в 527 году до Р.Х. легендарного тирана Писистрата наследниками трона в Афинах стали его сыновья — старший Гиппий, средний Гиппарх и младший Фессал. Согласно преданию Фессал оставался в тени своих старших братьев, отказался от тирании и тем, что желал равенства граждан, снискал их уважение. Гиппарх был привержен безобидной, хотя и расточительной страсти к любви и поэзии; именно по его приглашению в Афины прибыли Анакреонт и Симонид. И только Гиппий обещал быть мудрым правителем — в течение тринадцати лет продолжал политику отца.

Эти тираны, сообщает Фукидид, проявляли усердие и благоразумие, они требовали лишь двадцатую часть доходов, содержали свой полис в порядке, доводили войны до конца и жертвовали в храмы. Гиппий поддерживал в своих войсках дисциплину, и хотя он вызывал страх у граждан, но, с другой стороны, обратиться к нему мог каждый. Аристотель даже называет его разумным от природы государственным мужем.

Как часто бывает, сыновья далеко ушли от простого образа жизни отца, который возвысился благодаря собственным талантам. Братьям не без основания приписываются роскошные пиры и процессии, дорогостоящее разведение лошадей и т. п.

Напротив, во внешней политике они следовали по стопам Писистрата, то есть в общем и целом сохранялся мир.

Власть тиранов дала афинянам все, кроме свободы. Жажда свободы стала причиной недовольств и нескольких заговоров против братьев. К 520-514 годам относится заговор некоего Кедона против тиранов. Заговор провалился, хотя у Кедона был круг верных сторонников, которые еще долго воздавали ему хвалу на пирах. Вторую попытку свержения тирании, вероятно, также до 514 года, предприняли изгнанные из Афин Алкмеониды, которые обосновались в Липсидрионе в Парнасских горах, куда стали стекаться их единомышленники из города. Но в ряде сражений они были изгнаны из своего лагеря и были вынуждены, на этот раз окончательно, покинуть страну. Третий заговор принес частичный успех: на Панафинейских играх 514 года Гиппарх был убит Гармодием и Аристогитоном.

Аристогитон — муж среднего возраста — снискал любовь молодого Гармодия, находившегося тогда, по словам Фукидида, «в расцвете юношеской красоты». Но любви отрока искал и Гиппарх. Гармодий не ответил ему взаимностью, и тиран тяжело оскорбил его сестру. Тогда Гармодий вместе со своим другом Аристогитоном сговорился отомстить тирану во время Панафинейского шествия.

Заговорщики решили убить заодно и Гиппия и таким образом свергнуть тиранию. Гармодий и Аристогитон хотели дать сигнал к общему восстанию, поскольку на Панафинейские празднества граждане являлись вооруженными и поэтому были готовы к выступлению. Однако Аристотель на основании своих исторических исследований опровергает тот факт, что граждане во время процессии были вооружены. С фактологической точки зрения, его рассказ заслуживает большего доверия, чем слишком тенденциозное сообщение Фукидида. Если следовать ему, то дело происходило на Акрополе, где заговорщики наблюдали за Гиппием, который собирался принимать праздничную процессию, тогда как Гиппарх в Леокорионе выстраивал участников игр, чтобы вести их к крепости.

Когда один из заговорщиков дружески заговорил с Гиппием, остальные решили, что их предали. Чтобы успеть хоть что-то совершить до ареста, они поспешили с горы вниз. Гармодий и Аристогитон встретили Гиппарха еще у Леокориона и там закололи. Но тут же на месте Гармодия убили телохранители тиранов, Аристогитон же попытался скрыться, но был вскоре схвачен и после допроса под пытками убит.

Предание гласит, что куртизанка Леэна, любовница Гармодия, храбро погибла под пытками, не выдав никого из уцелевших заговорщиков. Если верить греческой традиции, она откусила собственный язык и выплюнула его в своих мучителей, дав им понять, что не станет отвечать на их вопросы.

Хотя в дошедшей до нас сколии (застольной песне) уже до 500 года Гармодий и Аристогитон восхваляются как «тираноубийцы», которые собирались дать Афинам изономию (равноправие), это совершенно не соответствует действительности. Уже Фукидид выступил против их прославления, которое в V веке стало каноническим. Он указывал на то, что тираном, собственно, был Гиппий, оставшийся в живых, и что тиранию ликвидировали лишь лакедемоняне. То, что прославлялось как подвиг двух друзей, было всего лишь намерением, тем более что толчок к покушению дали личные обстоятельства.

Не только Фукидид и Аристотель едины в том, что Гиппий тоже должен был быть убит, — его реакция со всей отчетливостью показывает, что он считал покушение политическим, а его целью — свержение тирании в Афинах. Многих, предположительно или действительно замешанных в заговоре, он велел казнить, а подозрительных или просто ненадежных изгнал из Аттики. После попыток свержения тирании Кедоном и изгнанными Алкмеонидами, он считал, что пора отойти от мягкой политики и ввести режим репрессий, шпионажа и террора. По мере ужесточения диктатуры ропот о свободе (становился все громче, и Гармодий и Аристогитон запечатлелись в народном воображении мучениками свободы.

Гиппий же был свергнут во время архонта Гарпактида (511/510 гг.), что принесло афинянам на долгое время свободу. Вскоре после изгнания Гиппия на Акрополе был

установлен столб, на котором были записаны имена тех членов дома — прежде всего, разумеется, Гиппия и пяти его детей, которые были обречены на объявление вне закона и конфискацию их собственности. Кроме того, потомки Писистрата исключались из всех амнистий на протяжении всего V века.

Гармодий и Аристогитон, подвиг которых прославляла знаменитая сколия, вскоре после свержения Гиппия и впоследствии необычайно почитались как тираноубийцы и основатели свободного государства. На агоре появилась отлитая из бронзы скульптурная группа «Тираноубийцы» — произведение Антенора, которое после взятия Афин в 480 году, очевидно, похитил Ксеркс. Однако два друга к этому времени уже настолько превратились в символ свободы аттического полиса, что вскоре после битвы при Платеях Критий и Неспот создали новую скульптурную группу. «Поистине великий свет взошел для афинян, когда Аристогитон и Гармодий убили Гиппарха» — гласила надпись на подножии монумента. Их гробницу позднее показывали на пути в рощу Академа, однако она не относилась к государственным гробницам, и несмотря на все уважение, которым они пользовались, их культ как героев существовал лишь во времена Александра Македонского, который отправил творение Антенора обратно из Суз или, по крайней мере, распорядился это сделать.

Вообще следует учесть, что некоторые почести, как, например, запрещение называть рабов именами тираноубийц или устанавливать рядом с их скульптурной группой другие скульптуры, появились много лет спустя после их деяния. Впрочем, потомков «освободителей» продолжали пожизненно бесплатно кормить в пританеях. Они были также освобождены от налогов и могли занимать лучшие места на состязаниях. Вплоть до римского периода афиняне видели в убийцах Гиппарха воплощение свободолюбия и питали ненависть к тиранам, которая была составной частью духа полиса не только в классическую эпоху. Даже «освобождение» Афин от деспотизма Аристиона Суллой (86 год) было прославлено чеканкой монеты с изображением монумента тираноубийцам.

ЗАГОВОР КИНАДОНА

Спарта. 398 год до Р.Х.

Заговор Кинадона, о котором нам известно главным образом из сочинения Ксенофонта, — трагический эпизод в истории Спарты.

У Ксенофонта история заговора начинается с краткого, но весьма драматического введения. В то время как царь Агесилай, ставший царем Спарты, по мнению большинства историков, летом 399 г. до Р.Х. совершал обычные жертвоприношения от имени государства, прорицатель сообщил ему, «что боги указывают на какой-то ужаснейший заговор». Все дальнейшие попытки царя получить благоприятные знамения ни к чему не привели.

Далее события приобретают стремительный характер. Через несколько дней к эфорам — выборным должностным лицам государства, поступил донос о заговоре, причем в нем был указан и руководитель заговора — Кинадон. Имя доносчика Ксенофонт не называет, скорее всего он его и не знал, ведь дело было очень темное и деликатное. В заговоре могли быть замешаны представители многих спартанских семей, и потому эфоры предпочитали действовать быстро и тайно.

Ксенофонт в форме диалога между эфорами и доносчиком рисует зловещую картину состояния спартанского общества. На смену «узкой олигархии спартиатов» к началу IV века пришла «еще более узкая олигархия гомеев». Последние находились «в пугающем меньшинстве по сравнению с униженной и враждебно к ним относящейся массой». Судя по рассказу Ксенофонта, Кинадон считал своими естественными союзниками все категории спартанского населения, за исключением лишь тех, кто входил в состав общины «равных» — правящего сословия Спарты. Далее в тексте Ксенофонта дается список всех неполноправных групп спартанского общества. Доносчик рисует перед эфорами страшную картину: по его словам, замыслы заговорщиков полностью совпадают «со стремлениями всех илотов, неодамодов, гипомейонов, периеков» и эти люди испытывают такую ненависть к спартиатам, что «никто не может скрыть, что он с удовольствием съел бы их живьем».

Однако руководители заговора были явно не из народа, хотя и пытались сблизиться с ним. У Ксенофонта есть следующие сведения относительно истинного числа заговорщиков. «На вопрос эфоров, сколько было… соучастников в заговоре, тот [доносчик] ответил, что… руководители заговора посвятили в свои планы лишь немногих и притом лишь самых надежных людей».

Сам Кинадон, по словам Ксенофонта, неоднократно исполнял поручения эфоров и при этом пользовался услугами корпуса «всадников». Руководитель заговора, по рассказу Ксенофонта, «был юноша, сильный телом и духом, но не принадлежавший к сословию гомеев». Кинадону было никак не меньше 30 лет.

Труднее определить социальный статус Кинадона. По утверждению Ксенофонта, руководитель заговора не принадлежал к сословию «равных» — к политической элите спартанского общества, бесспорно одно — он был спартанским гражданином. По неизвестным нам причинам его социальный статус был понижен, и он попал скорее всего в разряд гипомейонов (так в Спарте называли спартиатов, которые потеряли часть своих гражданских прав).

Среди видных участников заговора Ксенофонт также называет прорицателя Тисамена (по всей видимости, он был представителем знаменитого жреческого рода Иамидов из Элиды). Его дед, также Тисамен, в 480 году был принят в спартанскую общину и на протяжении многих лет занимал пост главного жреца-прорицателя в Спарте. По словам Геродота, Тисамен и «его брат были единственными иностранцами, которые сделались спартанскими гражданами». Тисамен, как и Кинадон, был спартиатом, причем достаточно видным, а участие такого человека в заговоре свидетельствует о глубоком расколе спартанской общины. Еще одним доказательством тому, что тайное общество Кинадона состояло по преимуществу из спартиатов, служит замечание Ксенофонта о вооружении заговорщиков. Они имели собственное оружие. А в Спарте только граждане имели право в мирное время носить оружие.

Ксенофонт усматривал цель заговора в удовлетворении социального честолюбия той части спартиатов, которые не имели права входить в состав общины «равных». Аристотель главную причину заговора видел в эгоистических интересах Кинадона, которым двигало исключительно личное честолюбие. По его словам, Кинадон устроил вооруженный заговор против спартиатов из-за того, что, «будучи человеком мужественным, не занимал в государстве надлежащего почетного положения».

Для уяснения всей совокупности причин, приведших к заговору Кинадона, надо иметь в виду следующие факторы. Во-первых, возникновение в период Пелопоннесской войны «новой аристократии», которая по своему социальному составу была далеко не однородна. Однако в экстремальных условиях войны эти люди ничем не отличались по своему статусу от представителей общины «равных». Вместе с Лисандром, знаменитым спартанским полководцем, героем Пелопоннесской войны, они участвовали в далеких походах, занимали самые видные посты в армии, назначались правителями (гармостами) покоренных городов. Там, за пределами Спарты, об их происхождении никто и не вспоминал. Но кончилась война, и все изменилось.

Во-вторых, не исключено, что ядро заговора состояло в основном из бывших сподвижников Лисандра, которые и после войны не потеряли контактов со своим полководцем. Впрочем, нет никаких данных об участии Лисандра в заговоре. Однако Лисандр с его опытом организации всякого рода гетерий — дружеских обществ — вполне мог стоять за кулисами событий. Тут можно учесть и его собственное не совсем чистое происхождение, и предыдущий опыт обращения к низам общества отдельных политических деятелей Спарты. Во всяком случае, в этом обвиняли таких из них, как Клеомен и Павсаний. Не объясняется ли столь скорая и решительная расправа эфоров над заговорщиками их желанием замять политический скандал, коль скоро в нем был замешан Лисандр?

Следующая причина — это наличие в стране политического кризиса. Об ожесточенной борьбе в Спарте после окончания Пелопоннесской войны свидетельствуют многие факты: споры и разногласия по поводу денег, присланных Лисандром из Малой Азии, противоречивое поведение Спарты по отношению к Афинам в 403 году, борьба за престолонаследие и узурпация власти Агесилаем, опала Лисандра, изгнание царя Павсания и т.д.

Если первую часть рассказа Ксенофонта можно назвать историей заговора Кинадона, то вторая часть представляет собой историю «контрзаговора» эфоров. С большим знанием дела Ксенофонт перечисляет те меры, которые были предприняты эфорами. Так, Ксенофонт говорит, что «они не созвали даже так называемой малой экклесии», но совместно со старейшинами-геронтами вынесли общее решение выслать Кинадона из города и арестовать его в Авлоне. Эфоры, над которыми нависла опасность, степень которой они не знали, добивались поддержки герусии (совета старейшин) на тот случай, если в дальнейшем их действия показались бы спорными.

Для того чтобы изолировать Кинадона и тайно обезглавить заговор, эфоры выдумали правдоподобный предлог — Кинадона послали в Авлон (Северная Мессения) и приказали «ему привести… несколько авлонитов и илотов, имена которых были написаны на скитале». Ксенофонт, желая пояснить причину такого решения властей, добавляет, что «Кинадон уже не раз исполнял такого рода поручения эфоров». По-видимому, он был постоянным участником подобных карательных отрядов, которые время от времени прочесывали спартанскую территорию. Так что выдумка, к которой прибегли эфоры, чтобы удалить Кинадона из города, бесспорно, была правдоподобна.

Узнав о заговоре, эфоры решили вовлечь в свой «контрзаговор» старшего гиппагрета, одного из трех руководителей спартанского корпуса «всадников» (именно эфоры назначали их на должность). Согласно тайной инструкции, полученной от эфоров, гиппагрет послал вместе с Кинадоном в Авлон несколько подчиненных ему «юношей», которые были поставлены в известность о предстоящей им тайной миссии. Для страховки эфоры послали в Авлон также конный отряд, о чем Кинадон, естественно, не знал.

В Авлоне все произошло по разработанному эфорами сценарию. Кинадон был арестован, «сознался во всем и назвал имена соучастников», после этого он был поспешно препровожден в Спарту, но еще раньше «конный гонец принес протокол допроса с именами выданных Кинадоном соучастников». Ксенофонт нигде не говорит, каким способом удалось вытянуть из Кинадона все необходимые сведения. Очевидно, «юношам», сопровождавшим Кинадона, разрешено было действовать как угодно, вплоть до применения пыток. Полиен прямо говорит о том, что Кинадона пытали; да и как иначе можно было так быстро узнать от него имена заговорщиков! По словам Ксенофонта, эфорам удалось арестовать всех видных участников заговора еще до прибытия Кинадона в Спарту. На процессе, происходившем в самой Спарте, Кинадон подтвердил все свои прежние показания, а на вопрос о мотивах заговора заявил, что «затеял заговор из желания быть не ниже всякого другого в Лакедемоне».

О казни заговорщиков Ксенофонт не сообщает. Полиен же прямо говорит о том, что эфоры «без всякого смущения приказали убить всех, на кого был донос, за исключением самого доносчика».

После подавления заговора спартанское правительство прибегло к наиболее радикальному средству для быстрой, хотя и временной консолидации всех сословий, — оно объявило войну. С Агесилаем в Малую Азию было отправлено две тысячи неодамонов — таким образом Спарта одним ударом избавилась от наиболее взрывоопасной части своего населения. Непосредственным результатом подавления заговора Кинадона можно считать, по-видимому, временное укрепление политической организации Спарты, что нашло свое выражение прежде всего в отсутствии разногласий между царями и эфорами.

ЗАГОВОР ПРОТИВ ФИЛИППА II МАКЕДОНСКОГО

Македония. 336 год до Р.Х.

В середине IV века благодаря царю Филиппу II Македония превратилась в одно из сильнейших государств Эгейского бассейна. Объявив Персии войну, Филипп высадил свои войска под командованием испытанных полководцев Пармениона, Аминты и Аттала в Малой Азии. Они должны были освободить эллинские города от власти персов. В конечном счете в Малой Азии предполагалось создать плацдарм для наступления в глубь Персидского государства. В Малой Азии греки встретили воинов Филиппа как освободителей; Парменион и

Аттал овладели Эфесом и Магнесией. Однако Филиппу II не суждено было завершить начатое им дело. В царской семье разразился скандал: Филипп разошелся с Олимпиадой, которую подозревал в супружеской неверности, и женился на Клеопатре, племяннице Аттала. В результате Олимпиада вернулась в Эпир, а ее сын Александр укрылся в Иллирии.

Филипп, конечно, хорошо понимал, какую грозную опасность представляют для него оскорбленные жена и сын. За Олимпиадой стояли ее эпирские родственники. Александр, очевидно, мог рассчитывать еще и на поддержку иллирийцев, кровно заинтересованных в ослаблении Македонского царства. Вот почему Филипп принял все меры, чтобы утихомирить и обезвредить Олимпиаду и Александра. С помощью коринфянина Демарата, связанного с македонским царским домом отношениями гостеприимства, Филипп уговорил Александра вернуться в Пеллу. Можно было подумать, что царевич обретает при дворе свое прежнее положение. Однако Клеопатра оставалась женой Филиппа, она ждала ребенка, и Александр не мог не ощущать опасности по-прежнему быть устраненным.

Для восстановления связей с Эпиром и одновременно для успокоения Олимпиады Филипп решил выдать Клеопатру, свою дочь от Олимпиады, замуж за эпирского царя Александра, брата Олимпиады.

Но примирение было только внешним: и Александр, и Олимпиада, да и сам Филипп испытывали постоянный страх за будущее и нараставшее с каждым днем ожесточение. Когда Пиксодар, правитель Карий, желая породниться с царем, предложил свою дочь Аду в жены Филиппу Арридею — сыну Филиппа II от фессалиянки Филлины (родом из Лариссы), Александр и его окружение увидели в этих планах новую угрозу. В неминуемой борьбе за власть после смерти царя сам Арридей едва ли мог быть грозным противником, но за ним стоял бы карийский правитель со своими войском и богатством. Обеспокоенный Александр предложил Пиксодару, чтобы тот выдал Аду не за Арридея, а за него, Александра. Пиксодар согласился. Но этот проект натолкнулся на ожесточенное сопротивление Филиппа II. Явившись к Александру в сопровождении Филоты, сына Пармениона, одного из близких, как считалось, друзей царевича, он осыпал сына упреками и запретил ему жениться. Филипп разогнал все окружение царевича, а его ближайших друзей — Гарпала, Неарха, Эригия, Лаомедонта, Птолемея — выслал из Македонии. В дальнейшем все эти люди занимали высокое положение при особе Александра. Не исключено и другое: отношение Александра к Филоте и его отцу Пармениону определилось уже тогда, когда Филота принял сторону Филиппа II в этом споре. Есть основания думать, что именно Филота донес последнему о замыслах Александра. Не мог Александр забыть, конечно, и родственных связей Пармениона и Филоты с Атталом — своим злейшим врагом. Но Филота скажет свое слово позже.

Летом 336 года до Р.Х. Филипп праздновал в Эгах, старой столице Македонии, свадьбу дочери Клеопатры с эпирским царем Александром. Через несколько дней Филипп должен был отбыть в расположение войск, действовавших против персов в Малой Азии.

На торжество прибыли приближенные царя, а также посланцы из всех областей Македонии, греческих городов, фракийских и иллирийских племен. Великолепие праздника должно было продемонстрировать всем балканским подданным, македонянам и эллинам блеск династии и могущество государства.

Свадебный пир проходил без споров и разногласий. Выступали эллинские актеры, гости произносили речи с пожеланиями счастья, дарили золотые венки.

Наконец состоялось торжественное шествие по улицам города. Участники процессии несли изображения двенадцати богов, а с ними и статую тринадцатого бога — гордого и могущественного царя Македонии.

Праздник венчали игры в театре. Филипп II, сопровождаемый двумя Александрами (зятем и сыном), проследовал к входу в театр. Узкий проход, ведущий в театр, вынудил свиту отстать; под свод вступили оба Александра, затем царь и молодой телохранитель Павсаний. Спустя несколько секунд царь упал, пораженный кинжалом Павсания.

Убийца бросился бежать, но, запнувшись, повалился на землю и тут же был изрублен преследователями.

По преданию, Филипп II умер на руках у Александра. Несчастье, однако, не помешало сыну решительно взять власть в свои руки. С преданными ему воинами Александр вернулся в

город и занял крепость. Вскоре македонское собрание воинов провозгласило юношу царем. Со смертью Филиппа умерла надежда объединить греческие и македонские области в единый союз. Идея панэллинизма не нашла у его преемника Александра ни поддержки, ни защиты.

Труп убийцы прибили к кресту, но гораздо важнее было найти и наказать его сообщников. Александр воспользовался возбуждением, царившим в народе и армии, захватил и, более того, уничтожил всех, кто казался опасным для трона, независимо от их причастности к покушению на Филиппа. Следствие не дало почти никаких результатов. Окружением царевича была предложена официальная версия, убийство истолковывалось как акт личной мести царю. Павсаний хотел отомстить Атталу, надменному опекуну новой царицы, за то, что тот надругался над ним, будучи гомосексуалистом. Филиппа же он убил потому, что тот не удовлетворил просьбу Павсания о наказании его обидчика.

Одновременно официальная версия содержала пункт о причастности к убийству рода Линкестидов, династов из Верхней Македонии, недавно покоренной Филиппом. Правда, сам убийца происходил из другого рода верхнемакедонских династов, Орестидов. Тем не менее войсковое собрание дало царевичу Александру согласие на применение репрессий против верхнемакедонской знати: род Линкестидов был вырезан. Любопытно и другое: в ходе жесточайших репрессий, обрушенных Александром на македонскую знать, практически не пострадал род Орестидов, род убийцы!

Гибель Филиппа II и поныне остается волнующей загадкой древности. Версия об убийце-одиночке скоро перестала удовлетворять современников. Многое вызывало вопросы. К примеру, почему после нападения Павсаний попытался спастись бегством, хотя обычай личной мести требовал сознательное пожертвование жизнью? Впрочем, настораживала и сама гибель убийцы от рук преследователей. Македонские традиции предполагали в таком случае арест преступника, привлечение свидетелей, проведение следствия и суда. Вероятно, следствие и допрос Павсания были кому-то невыгодны.

Признавая личные мотивы Павсания и, не отрицая возможную причастность к убийству Линкестидов, древние историки Плутарх и Юстин называют в числе соучастников первую жену Филиппа Олимпиаду и сына Александра. В самом деле, заключение Филиппом второго брака со знатной македонянкой из рода Аттала было с удовлетворением воспринято знатью Македонии. Александр практически потерял статус наследника, так как в глазах македонян уроженка Эпира Олимпиада и ее сын были чужаками, наследниками становились потомки Филиппа от второго брака. Смерть Филиппа устраняла постоянную опасность, угрожавшую им с момента его женитьбы на Клеопатре, открывала Александру дорогу к власти. Так что представляется весьма правдоподобным, что и Олимпиада, и Александр подстрекали Павсания к убийству.

Лишь немногие исследователи рискуют полностью отвергать эту версию. Доводы их таковы: Александр был старшим сыном и в силу этого бесспорным наследником отца; что же касается Олимпиады, то «она никак не могла быть заинтересована в заговоре против Филиппа, зная, каких трудов стоит борьба за единовластие». Действительно, мужского потомства от второго брака у Филиппа еще не было, а другие претенденты по тем или иным причинам не годились на роль предводителя начинавшегося азиатского похода. Единственным реальным претендентом на престол летом 336 года оказывается именно Александр.

Но вспомним обстоятельства убийства: Павсаний, рассчитывавший спастись, напал на Филиппа, когда сопровождавшие отстали и рядом с царем остались лишь два Александра, сын и зять Ни один источник не сообщает о попытке царевича помешать убийце или о его участии в погоне, следовательно, можно предположить, что Павсаний не опасался присутствия царевича. Наконец, весьма показательно, что из всей охраны Филиппа только два непосредственных убийцы Павсания — Пердикка и Леоннат впоследствии стали ближайшими приближенными и исполнителями особых заданий молодого царя.

Еще менее основательны попытки оправдать Олимпиаду. Именно она настроила сына Александра против Филиппа и пыталась спровоцировать брата на войну с Македонией Примирение брата с Филиппом лишало ее всех надежд на восстановление прежнего положения, с гибелью же царя она получала прочный статус царицы-матери, а возможно, и пост правительницы страны. Что касается «трудностей борьбы за единовластие», то именно в этот

момент их не было: кроме Александра никто другой не годился в вожди азиатского похода, Аттал находился вдали от Македонии.

Заинтересованность Павсания в заговоре могла быть обусловлена обещанием применения к Атталу самых строгих мер после устранения его покровителя, тем более что в этом интересы Павсания и царской семьи совпадали.

Наконец, существует еще одна версия, предложенная Аррианом и Курцием. По их мнению, убийство Филиппа явилось результатом широкого заговора, инспирированного внешними силами, заинтересованными в гибели македонского царя, в первую очередь — Персией. Они обращают внимание на участии в нем македонской знати, оппозиционной Филиппу. По этой версии, персы вмешивались во внутренние дела Греции, поддерживали своим золотом антимакедонские группировки и в конечном счете организовали убийство царя. Сам Александр, чиня расправу над своими возможными соперниками, а также в своих политических выступлениях уже во время войны с Дарием III также пытался изобразить гибель Филиппа II как результат заговора, инспирированного персами.

Сами обстоятельства покушения вынуждают обратить внимание и на личность Александра Молосского из Эпира.

В начале 330-х годов оставленная супругом Олимпиада вместе с сыном бежит в Эпир и находит там убежище, что со стороны Александра, несомненно, было актом крайне недружественным по отношению к Филиппу и, во всяком случае, свидетельством независимости проводимой молосским двором политики. При дворе брата Олимпиада категорически настаивает на объявлении войны Македонии; любопытно, что и сам Александр не исключал возможности войны и был к ней готов.

Показательно поведение Филиппа II в создавшейся ситуации. Он по собственной инициативе предложил Александру руку своей дочери; брак этот должен был стать гарантией желания Филиппа заключить мир и союз с молосским царем.

Бракосочетание, состоявшееся в Эгах летом 336 года, праздновалось с величайшей пышностью, «достойной двух великих царей». Определение Юстина не представляется случайным. В самом деле, могущественный македонский царь титулуется «царем великим» наравне с правителем небольшого периферийного государства. Но если так, то следует признать, что в 336 году Молоссия рассматривалась как абсолютно независимое от Македонии государство.

И все-таки Филипп оставался для Александра Молосского опасным врагом. Расправа с Молоссией была неизбежной; она лишь была отсрочена на время похода в Азию. Естественно, что Александр не мог не сочувствовать заговору, если знал о нем (знать же, общаясь с Олимпиадой, вполне мог).

Каковы же результаты, достигнутые в итоге заговора каждой из причастных к нему сторон? Что касается Павсания, то враг его Аттал был уничтожен. Возможный мятеж в Линкестиде решительными мерами сына Филиппа был предотвращен, столь же безуспешной оказалась попытка греков свергнуть македонскую гегемонию.

Сразу после гибели Филиппа Александру Молосскому удалось почти полное объединение Эпира В 334 году он выступает в поход на Запад, намереваясь осуществить завоевание Западного Средиземноморья. Мощь Эпира в это время несомненна: даже македонский завоеватель рассматривает его как опасное препятствие своим планам, но полагает борьбу с ним возможной лишь после серьезнейшей подготовки.

Династы Верхней Македонии не сумели организовать выступление и были перебиты; греки и персы, очевидно, не ожидавшие столь быстрой развязки, также не смогли воспользоваться благоприятной обстановкой; наконец, и семье Филиппа не удалось воспользоваться удобным моментом для полной ликвидации оппозиции в среде македонской знати.

Александр Македонский утвердился на престоле, а его мать обрела влияние при дворе и статус вдовствующей царицы. Однако сразу же после отбытия сына в поход позиции Олимпиады пошатнулись: македонская знать по-прежнему не желала признавать ее власть. Олимпиаде пришлось еще при жизни сына покинуть Македонию и искать убежище в Эпире, при дворе своего брата.

Сам Александр Македонский, впрочем, тоже в полной мере не пожал плоды убийства Филиппа с середины 30-х годов балканский мир выпадает из сферы его интересов. В конечном счете, добившись значительных успехов в Азии, Александр утратил контроль над Балканами, а македонская знать сохранила свое влияние в стране…

ЗАГОВОР ФИЛОТЫ ПРОТИВ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Македония. 330 год до Р.Х.

Во время завоевательного восточного похода македонского царя Александра умеренные и демократичные греко-македонские обычаи при его дворе постепенно сменялись торжественным и пышным персидским церемониалом. Персы, являясь к царю, обычно склонялись перед ним, целовали в знак почтения кончики своих пальцев, простирались ниц. Александр стал добиваться, чтобы эти церемонии, унизительные с точки зрения свободных греков, не считавших себя чьими-либо подданными, или македонян, как и прежде, видевших в царе только первого среди равных, совершали также и его греко-македонские «друзья». Теперь царь принимал в громадном роскошном шатре, восседая на стоявшем посредине золотом троне, шатер был окружен тремя подразделениями стражников, греко-македонскими и персидскими. Уходили в прошлое времена, когда какой-нибудь Филота, Клит или Каллисфен мог запросто явиться в палатку Александра и провести время за дружеской беседой; «друзья» Александра должны были испрашивать аудиенцию и участвовать в царском приеме, превращавшемся в пышное и унизительное для них зрелище. Впрочем, Александр не ограничивался попытками заставить греков и македонян усвоить персидские обычаи. Он стремился также внедрить в персидскую среду греко-македонские обычаи. Отобрав 30 тысяч мальчиков, он велел учить их греческой грамоте и македонским военным приемам. Греческое воспитание получали по его приказу и дети Дария III.

Греко-македонскому окружению царя казалось, что Александр превращается в перса и заставляет становиться персами, варварами греков и македонян; превращается в восточного деспота и хочет сделать свободных греков и македонян своими рабами. Возмущение вызывало и обожествление Александра, также создавшее глубокую пропасть между ним и его греко-македонским окружением.

Как бы то ни было, в армии Александра появились недовольные. Даже среди ближайших друзей Александра далеко не все следовали его примеру. Так, если Гефестион одобрял царя и, как и он, изменил образ жизни, то Кратер, занимавший примерно с середины 330 года место, ранее принадлежавшее Пармениону, подчеркнуто сохранял верность «отеческим» обычаям. Кратер, видимо, вообще не желал бездумно следовать за Александром, хотя и считал своим долгом поддерживать носителя власти.

Александр в общем был хорошо осведомлен о настроениях своих солдат и командного состава, и это внушало ему глубокую тревогу. Он подверг перлюстрации письма своих «друзей», чтобы выведать их образ мыслей. И все же известие о заговоре на его жизнь Александр воспринял как гром среди ясного неба.

Заговор обнаружился вследствие чрезмерной болтливости одного из участников, некоего Димна, открывшего тайну его существования своему возлюбленному Никомаху. Димн происходил из хорошей семьи, но не занимал заметного положения.

Димн поведал Никомаху, что через три дня Александр будет убит и в этом замысле принимает участие он сам вместе со смелыми и знатными мужами. Угрозами и уговорами Димн добился от перепуганного Никомаха обещания молчать и присоединиться к заговору. Однако сразу же после встречи с Дим-ном Никомах отправился к своему брату Кебалину и все ему рассказал. Братья условились, что Никомах останется в палатке, дабы заговорщики не заподозрили недоброго.

Кебалин, встав у царского шатра, куда не имел доступа, ожидал кого-нибудь, кто бы провел его к царю. Ждал он долго, пока не увидел Филоту, задержавшегося у Александра. Кебалин рассказал ему обо всем и попросил немедленно доложить царю. Филота снова пошел к Александру, но в беседе с ним не упомянул о заговоре. Вечером Кебалин, встретив Филоту у

входа в царский шатер, спросил, исполнил ли тот его просьбу. Филота отговорился тем, что у Александра не было времени для беседы с ним. На следующий день все повторилось Поведение Филоты в конце концов стало внушать Кебалину подозрения, и он отправился к Метрону, ведавшему арсеналом.

Укрыв Кебалина у себя, Метрон немедленно доложил Александру, находившемуся в этот момент в бане, обо всем, что узнал. Александр тотчас же послал своих телохранителей .схватить Димна, а сам пошел в арсенал, чтобы лично допросить Кебалина. Получив сведения, которыми тот располагал, Александр спросил еще, сколько дней прошло с тех пор, как Никомах рассказал о заговоре, узнав, что идет уже третий день, он заподозрил недоброе и приказал арестовать самого Кебалина. Последний, естественно, стал уверять, что, узнав о готовящемся злодействе, сразу же поспешил к Филоте. Услышав имя Филоты, Александр насторожился. Много раз повторял он одни и те же вопросы: обращался ли Кеба-лин к Филоте, требовал ли, чтобы Фи-лота пошел к нему, — и постоянно получал утвердительные ответы. Наконец, воздев руки к небесам, Александр стал жаловаться на неблагодарность его некогда близкого сподвижника. Тем временем Димн покончил с собой или был убит пришедшими его арестовать. Стоя над умирающим, Александр, как говорили, спросил: «Что дурного я замыслил против тебя, Димн, что тебе Филота показался более достойным править Македонией, чем я?» Ответа на свой вопрос он не получил…

В тот момент, когда Александр услышал имя Филоты, судьба последнего и его отца Пармениона была решена. Все дальнейшее разбирательство было сосредоточено вокруг Филоты. Александр видел в Парменионе предводителя и самого влиятельного из тех аристократов, которые стремились не допустить абсолютизации царской власти. Правда, Парменион выполнял уже второстепенные функции: в момент, когда обнаружился заговор, он находился в Мидии, вдали от действующей армии. Поведение Филоты, сына Пармениона, также внушало Александру озабоченность и недовольство. Через любовницу Филоты, некую Антигону из Пидны, до Александра доходили слухи о разговорах, которые он ведет: дескать, все победы одержаны Парменионом и Филотой; Александр, этот мальчишка, только благодаря им получил царскую власть. «Что был бы тот Филипп, если бы не Парменион? — спрашивал Филота. — И что — этот Александр, если бы не Филота? Где были бы Аммон, где змеи, если бы мы не захотели?».

Филоте, честолюбивому сыну Пармениона, было намного труднее скрыть свою враждебность новому курсу. Более горячий, чем его отец, более страстный и в политике, он по крайней мере в самом узком кругу давал волю гневу. И если Филота помалкивал в присутствии Александра и среди его приближенных, то его настроение было известно всем. К тому же не было недостатка в доносчиках, передававших царю его высказывания. Александр в течение многих лет терпел Филоту, помня о заслугах его отца, а также об уважении, которым сам Филота пользовался в армии. Когда же после смерти Дария противоречия стали обостряться, Филота в качестве командующего конницей знати становился все более несносен. Не было сомнений в том, что теперь он занял в лагере место своего отца, стал носителем традиций Филиппа и пользовался значительной поддержкой в аристократическом кругу. В итоге этот человек был опаснее всех.

Известен разговор Филоты с Каллисфеном. «Кого больше всего почитают в Афинах?» — спросил Филота. «Гармодия и Аристогитона, — отвечал Каллис-фен, — потому что они убили одного из двух тиранов и уничтожили тиранию». «А может ли, — продолжал Филота, — убийца тирана спастись в каком-нибудь греческом городе?» «В других, может быть, и нет, но у афинян он сможет укрыться, — сказал Каллисфен, — ведь они за детей Геракла воевали даже против Еврисфея, бывшего тогда тираном Эллады». Разговор этот едва ли вымышлен. Учитывая глубокое недовольство того и другого политикой Александра, легко представить их говорящими обиняком о желательности устранения Александра. Афины, где свято почиталась память тираноубийц, были врагом Александра, так что Каллисфен мог указать на Афины как на естественное убежище предполагаемого убийцы македонского царя. Нежелание Филоты донести о заговоре свидетельствовало, что он рассчитывал в любом случае использовать в своих интересах ситуацию, которая могла сложиться после гибели Александра.

Сразу же после смерти Димна Александр вызвал к себе Филоту и предложил ему

опровергнуть обвинение. Филота попытался все обратить в шутку: Кеба-лин передал ему слова развратника Никомаха, но он не поверил столь ничтожному свидетелю и подумал, что над ним станут смеяться, если он будет рассказывать о ссорах между влюбленным и распутником. Александр сделал вид, что принимает объяснение, однако сразу же после его ухода созвал «друзей»; Филота приглашен не был. Допросив Никомаха, на обсуждение поставили дело Филоты. Основным обвинителем выступал Кратер, стремившийся в своих карьеристских целях уничтожить и Пармениона, положение которого он только что занял, и его сына. Участники совещания пришли к выводу, что Филота был либо организатором, либо участником заговора, и решили назначить следствие. Обо всем, что говорилось на совете, Александр велел молчать.

На следующий день объявили поход; Филота, как будто ничего не произошло, был приглашен на царский пир, и Александр там дружески с ним беседовал. Тем временем все выходы из лагеря и дороги заняли солдаты. Глубокой ночью в царский шатер явились «друзья» Александра — Гефестион, Кратер, Кен (зять Филоты), Эригий, а также Пердикка и Леоннат, принадлежавшие к отряду телохранителей. Для ареста своего «друга» Александр послал отряд в 300 человек под командованием Атария, сына Дейномена. Филоту взяли в постели и закованного, с закрытой головой отвели в шатер Александра.

На следующее утро Александр велел созвать всех своих воинов с оружием: он решил в соответствии с македонским обычаем представить дело Филоты на рассмотрение войска. Здесь Александр прямо обвинил Пармениона и Филоту в организации заговора. С обвинениями выступили также Аминта и Кен. Наконец, возможность говорить получил и сам Филота.

Оправдаться Филоте не удалось, хотя ни Никомах, ни Кебалин в числе заговорщиков его не назвали. Он не мог удовлетворительно объяснить свое молчание. Возбужденные солдаты требовали казни Филоты.

Ночью по требованию Гефестиона, Кратера и Кена Филоту подвергли пытке. Во время чудовищного по своей жестокости допроса Филота рассказал, будто уже в Египте, когда было объявлено о божественности Александра, Парменион и Гегелох (погибший в сражении при Гавгамелах) договорились убить Александра, но только после того, как будет уничтожен Дарий III, потом Филоту заставили принять участие в заговоре. В настоящее время трудно судить, насколько показания Филоты, вырванные у него под пыткой, соответствовали действительности. Плутарх называет обвинения, возводившиеся на Филоту, «мириадами клевет». Фактом, однако, было то, что Филота не донес о готовившемся покушении, и это делало его неведение подозрительным, давало Александру желанную возможность обвинить и погубить как самого Филоту, так и его отца Пармениона.

Александр лично присутствовал при истязании. Лежа за занавеской, он слушал показания Филоты, перемежавшиеся отчаянными воплями и униженными мольбами о пощаде, обращенными к Гефестиону. Говорили, что Александр даже воскликнул: «Таким-то малодушным будучи, Филота, и трусом, ты посягаешь на подобные дела?» Физических мук царственному палачу было, наверное, недостаточно, он желал наслаждаться еще и нравственным унижением своего врага.

На следующий день на сходке воинов, куда принесли и Филоту (сам он уже не мог ходить), были оглашены его показания. После этого на суд армии был представлен Деметрий, также обвиненный в соучастии. Демерий упорно отрицал все обвинения и требовал для себя пытки. Измученный Филота, опасаясь, что палачи снова примутся за свою работу, дабы вырвать у него сведения об участии Деметрия в заговоре, стал звать к себе некоего Калиса, стоявшего неподалеку. Перепуганный Калис отказался, и тогда все услышали, как Филота проговорил: «Неужели ты допустишь, чтобы Деметрий лгал, а меня бы снова пытали». Эта сцена привлекла общее внимание. Калис побледнел, голос его пресекся. Раньше никто не называл его имени, и стоявшие вокруг македоняне подумали было, что Филота хочет оклеветать невиновного, однако не выдержавший напряжения Калис внезапно сознался: и он, и Деметрий замышляли убийство Александра.

Солдатская сходка приговорила обвиняемых к смертной казни; по македонскому обычаю, всех их, включая, разумеется, и Филоту, воины побили камнями и забросали дротиками. Вслед за ними казнили и линкестийца Александра, уже третий год находившегося в заключении. Аминта, сын Андромена, поддерживавший дружеские отношения с Филотой и поэтому также

вовлеченный в процесс о заговоре на жизнь Александра, был оправдан и освобожден из-под стражи. Организовать расправу над Парменионом Александр поручил Полидаманту, одному из самых близких друзей престарелого военачальника. В сопровождении двух арабов Полидамант за 11 дней пересек пустыню на верблюдах и доставил в Мидию приказ убить осужденного; одновременно он привез письма и самому Пармениону: одно — от царя, другое — якобы от Филоты. Пока старик читал письмо, как он думал, от сына, Клеандр, брат Кена, один из присутствовавших при этом высших македонских командиров, вонзил ему в бок свой меч, а затем перерезал горло. Остальные бросились колоть и рубить тело мечами. Голову Пармениона отправили Александру.

Уничтожив Пармениона, Филоту и других участников заговора, а заодно и линкестийца Александра, царь лишь частично достиг своей цели. Ему удалось подавить и запугать оппозицию, но только на время. Гибель Пармениона и Филоты вызвала в армии нежелательные для Александра толки; нашлось немало людей, сочувствовавших осужденным. Казнь линкестийца Александра сделала его родственника Антипатра, наместника Македонии, врагом царя. Из солдат, выражавших в своих письмах недовольство войной (об этих настроениях Александр узнавал благодаря перлюстрации солдатских писем), он создал что-то вроде штрафного подразделения. Желая вырваться оттуда, штрафники проявляли исключительное геройство, однако их мысли и настроения не менялись.

ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ

Рим. 64—61 годы до Р.Х.

Имя знаменитого римского политического авантюриста Каталины известно каждому, изучавшему латынь: знаменитые обвинительные речи Цицерона, направленные против него, вошли во все учебники, как один из лучших образцов ораторского искусства.

Кто же такой Катилина?

Саллюстий пишет, что Луций Катилина, происходивший из знатного рода, отличался могучей духовной и физической силой, но вместе с тем дурным, испорченным характером. С юных лет ему были милы междоусобные войны, убийства, грабежи, гражданские распри… Свое тело он приучил невероятно легко переносить голод, стужу, недосыпание. Дух он имел неукротимый, был коварен, непостоянен, лжив, жаден до чужого, расточителен в своем, пылок в страстях, красноречием обладал в достаточной степени, благоразумием — ни в малейшей. Историк говорит о Каталине как о приверженце Суллы, его обуяло страстное желание последовать примеру диктатора и захватить в свои руки власть в государстве.

Цицерон рисует образ Каталины тоже далеко не радужными красками. В своих речах против Катилины — так называемых Катилинариях — Цицерон обвинял своего политического противника: «Теперь ты открыто посягаешь на все государство, обрекая на гибель и опустошение храмы бессмертных богов, городские жилища, существование граждан, наконец, всю Италию». По словам Цицерона, Катилина окружил себя последними подонками, и нет в Италии такого «отравителя, гладиатора, бандита, разбойника, убийцы, подделывателя завещаний, мошенника, кутилы, мота, прелюбодея, публичной женщины, совратителя молодежи, развратника и отщепенца», которые не признались бы в самых тесных дружеских отношениях с Катилиной.

На самом деле Катилина очень долго придерживался легальных форм борьбы и «конституционного» пути. Его политическая карьера складывалась вначале весьма благополучно. Впервые его фигура появляется на политической арене в годы проскрипций и террора В 73 году его обвиняют в кощунственной связи с весталкой Фабией, которая, кстати говоря, была сестрой жены Цицерона. Однако благодаря защите Квинта Лутация Катулла он был оправдан. В 68 году Катилина — претор, после чего он получает в управление провинцию «Африка» В Рим же он возвращается в 66 году, и с этого времени начинается для него целая серия неудач.

Он выдвигает свою кандидатуру на занятие консульской должности (на 65 год), однако вскоре ее приходится снять. Дело в том, что из провинции «Африка» прибыла делегация,

которая обратилась в сенат с жалобой на своего бывшего наместника

Консулами на 65 год избираются Публий Автроний Пет и Публий Корнелий Сулла Однако вскоре после своего избрания они были признаны виновными в подкупе избирателей. На новых выборах в консулы прошли совсем другие кандидаты.

Эти события стали, видимо, причиной так называемого первого заговора Катилины. В нем принимали участие помимо самого Каталины неудачливые претенденты на консульство, т.е. Автроний и Сулла, некто Гней Писон, как говорил о нем Саллюстий, «молодой человек знатного происхождения и отчаянной отваги», и, наконец, по некоторым сведениям, даже Красе и Цезарь. Заговорщики якобы собирались убить новых консулов в день их вступления в должность, а затем восстановить в правах Автрония и Суллу Что касается Красса, то он намечался чуть ли не в диктаторы. Однако замышляемый переворот не состоялся и был дважды сорван, один раз по вине Красса, который не явился в условленный день на заседание сената, вторично — по вине самого Катилины, который подал знак заговорщикам ранее намеченного срока

Интересно отметить, что против заговорщиков не последовало никаких репрессий.

В 65 году Катилина был привлечен к суду по жалобе африканской делегации. Его снова оправдывают, но процесс затягивается настолько, что он не может участвовать в консульских выборах и на 64 год. Все это происходит как раз в то время, когда Цицерон собрался было выступать в качестве его защитника, хотя и не сомневался в его вине

Итак, Катилина терпит неудачу с выборами уже второй раз. Несмотря на это он начинает активно готовиться к выборам на 63 год и выдвигает свой основной лозунг, новые долговые книги, т е. отмена всех старых долгов. Это был смелый шаг. Имя Катилины становится теперь популярным в самых различных слоях римского общества У него появляются приверженцы как среди обремененных долгами аристократов и разорившихся ветеранов Суллы, так и среди низов

В разгар предвыборной кампании летом 64 года Катилина собирает своих наиболее видных сторонников. По словам Саллюстия, на этом собрании присутствовали представители как высшего, т.е. сенаторского, так и всаднического сословий, а также многочисленные представители муниципиев и колоний. Катилина старался воодушевить собравшихся, вновь обещая кассацию долгов, проскрипции богачей, государственные и жреческие должности. В заключение он заявил, что Писон, находящийся с войском в ближней Испании, и Публий Нуцерин в Мавритании разделяют все пункты его программы, как и Гай Антоний, который, судя по всему, будет вместе с ним, Катилиной, избран консулом. В Риме распространился слух о благосклонном отношении Красса к новому заговору.

В ходе подготовки к выборам промотавшийся аристократ Квинт Курий, желая произвести впечатление на свою любовницу, сообщил ей, что он вместе с Катилиной готовит заговор, а от нее слух о намерениях Катилины и его окружения распространился по всему городу. Это и было, как считает древний историк Саллюстий, главной причиной, изменившей отношение знати к кандидатам. В результате Катилина вновь проиграл, а консулами на 63 год были избраны Цицерон и Гай Антоний.

После поражения на консульских выборах на 63 год, Катилина начинает готовиться к консульским выборам на 62 год Правда, наряду с этим он вербует новых участников заговора, заготовляет оружие, снабжает деньгами Манлия, который должен был собрать войско в Этрурии

Выступая перед своими сторонниками, он говорил — государство попало в полную зависимость от олигархов, а мы превращены в бесправную чернь; нам они оставили «судебные преследования и крайнюю бедность». Олигархи не знают, куда девать свои богатства, «между тем как у нас не хватает средств на самое необходимое»; «у нас дома бедность, вне дома долги». «Вот она, вот она ваша свобода, которой вы всегда жаждали», — говорил Катилина.

Он действует в рамках закона, что заставляет Цицерона занимать выжидательную и осторожную позицию.

Однако, чем ближе подходил срок новых выборов, тем напряженнее становилось положение. Речь шла о соревновании четырех претендентов Катилины, юриста Сульпиция Руфа, видного военачальника Лициния Мурены и Децима Юния Силана В ходе предвыборной

кампании Сульпиций Руф снимает свою кандидатуру.

Такой неожиданный оборот дела значительно повышал шансы Катилины. Но чем энергичнее он добивался консульства, тем более настойчиво распространялись по городу порочащие его слухи Говорилось, что он собирается привести на выборы сулланских ветеранов из Этрурии, что снова проводятся тайные собрания заговорщиков, что подготовляется убийство Цицерона. Дабы доказать, что ничем противозаконным он не занимается и, в частности, против Цицерона не злоумышляет, Катилина соглашается жить под наблюдением в доме Цицерона

И все-таки дело доходит до открытого разрыва Катилины с сенатом. На одном из заседаний Катон заявил о своем намерении привлечь его к суду. В ответ на это Катилина произнес весьма неосторожную и «дерзкую» фразу: если, мол, попытаются разжечь пожар, который будет угрожать его судьбе, его благополучию, то он потушит пламя не водой, а развалинами

Цицерон счел возможным перейти к более решительным действиям. На заседании сената 20 октября 63 года он поставил вопрос об опасности, угрожающей государству, и предложил в связи с этим отсрочить проведение избирательных комиций. На следующий день сенат заслушал специальный доклад консула о создавшемся положении, причем в конце доклада Цицерон обратился непосредственно к Катилине, предлагая высказаться по поводу предъявляемых ему претензий и обвинений К крайнему удивлению и даже возмущению присутствующих сенаторов, последний вызывающе заявил, что, по его мнению, в государстве есть два тела: одно — слабое и со слабой головой, другое же — крепкое, но без головы; оно может найти свою голову в нем, Катилине, пока он еще жив.

После этого заявления Катилина демонстративно — а по словам Цицерона, с ликованием — покинул заседание сената. Впечатление, произведенное его словами, было, видимо, настолько велико, что сенаторы тотчас же вынесли решение о введении чрезвычайного положения и вручили консулам неограниченные полномочия по управлению государством. Это была крайняя мера, к которой в Риме прибегали лишь в исключительных случаях.

Через несколько дней после этого заседания были все же созваны избирательные комиции. Откладывать их на еще более поздний срок уже не было возможности, зато Цицерон постарался сделать все, чтобы оправдать декрет сената о чрезвычайном положении. Марсово поле, на котором происходило собрание, было занято вооруженной стражей. Сам консул, желая подчеркнуть грозившую лично ему смертельную опасность, явился на выборы в панцире платах. Однако выборы прошли спокойно. Катилина снова был забаллотирован; консулами на 62 год избрали Децима Юния Силана и Луция Лициния Мурену. Таким образом, четвертая по счету попытка Каталины добиться консульства законным путем снова окончилась провалом.

И только теперь Катилина вступает на иной путь борьбы. Он собирает заговорщиков и сообщает им, что намерен лично возглавить войска, собранные в Этрурии одним из его наиболее ярых приверженцев — Гаем Манлием. Два видных участника заговора заявляют о своей готовности завтра же расправиться с Цицероном. Но покушение это не удается: предупрежденный осведомителями, Цицерон окружил свой дом стражей, а заговорщикам, когда они явились к нему с утренним визитом, было отказано в приеме.

8 ноября было снова собрано экстренное заседание сената, в котором вместо обычного доклада Цицерон выступил с эффектной речью. Это была первая речь против Каталины, первая Катилинария Консул говорил о том, что если Тиберий Гракх был убит за попытку самого незначительного изменения существующего государственного строя, то как можно терпеть Катилину, который стремится «весь мир затопить в крови и истребить в огне». Цицерон требовал, чтобы Катилина покинул Рим, поскольку между ним, желающим опереться на силу оружия, и консулом (т.е. самим Цицероном), опирающимся только на силу слова, должна находиться стена. Катилина, видя, что подавляющее большинство сената настроено по отношению к нему крайне враждебно, почел за благо шять совету и в тот же вечер покинул Рим.

Выступая на следующий день, 9 ноября, со своей второй речью перед народом, Цицерон сразу заявил: «Он ушел, он удалился, он бежал, он вырвался!» В этой речи перечислено шесть разных категорий сторонников Катилины. Первая категория — это те, кто, несмотря на огромные долги, владеет крупными поместьями и не в состоянии расстаться с ними. Вторая —

те, кто, будучи обременен долгами, стремится все же к достижению верховной власти и почетных должностей. Третья — в основном разорившиеся колонисты, ветераны Суллы. Четвергая, самая пестрая, смешанная по составу — это люди, безнадежно залезшие по тем или иным причинам в долги и находящиеся под вечной угрозой вызова в суд, описи имущества и т.п. Пятая — всякого рода преступные элементы, которых не вместит никакая тюрьма. И наконец, последняя, шестая категория — преданнейшие приверженцы и любимцы Катилины, т.е. щеголи, бездельники и развратники из среды «золотой молодежи».

А Катилина, прибыв в лагерь Манлия в Этрурии, присвоил себе знаки консульского достоинства. Тогда сенат объявляет его и Манлия врагами отечества и поручает консулам произвести набор армии.

В декабре, последнем месяце пребывания у власти консулов 63 года, развитие событий, именуемых заговором Катилины, принимает трагический оборот. Заговорщики, оставшиеся в Риме без своего вождя, не пали духом. Заговор возглавил Публий Корнелий Лентул. Ему якобы было предсказано, что он тот третий представитель рода Корнелиев — до него уже были Цинна и Сулла, — которому уготована «царская власть и империй» в римском государстве. Был разработан следующий план действий: народный трибун Луций Бестиа выступит в комициях с резкой критикой деятельности Цицерона, возлагая на него ответственность за фактически уже начавшуюся гражданскую войну, что и послужит сигналом к решительному выступлению. Большой отряд заговорщиков во главе со Статилием и Габинием должен поджечь город одновременно в 12 местах; Цетегу поручается убийство Цицерона, а ряду молодых участников заговора из аристократических семей — истребление их собственных родителей.

В это время в городе находились послы галльского племени аллоброгов. Они прибыли в Рим с жалобой на притеснения магистратов и действия публи-канов, сумевших довести общину аллоброгов почти до полного разорения. У Лентула возникла идея привлечь это галльское племя к участию в заговоре, и он поручает одному из своих доверенных людей вступить в соответствующие переговоры с послами.

Сначала представителю Лентула как будто удается соблазнить послов щедрыми посулами. Но, поразмыслив, аллоброги сообщили об этом предложении своему лидеру Фабию, Санге, а тот немедленно доложил обо всем Цицерону. Последний разработал хитроумный план: для получения доказательств послы, по наущению Цицерона, попросили от главарей заговора письма для своих вождей. Лентул, Цетег, Статилий и Габиний охотно вручили компрометирующие их документы послам-аллоброгам.

Все последующее было разыграно как по нотам. Когда в ночь на 3 декабря аллоброги с сопровождавшим их представителем заговорщиков Титом Воль-турцием пытались выехать из Рима, они по распоряжению Цицерона были задержаны и доставлены обратно в город. Имея теперь на руках документальные доказательства антигосударственной деятельности заговорщиков, Цицерон распорядился об их аресте.

На утреннем заседании сената заговорщикам был учинен допрос. Тит Воль-турций, допрашиваемый первым, сначала все отрицал, но, когда сенат гарантировал ему личную безопасность, охотно покаялся и выдал всех остальных. Аллоброги подтвердили его показания; с этого момента арестованные главари заговора оказались в безвыходном положении. Сначала речь шла о четырех: Лентуле, Цетеге, Габиний и Статилий, но затем к ним был присоединен некто Цепарий, который, по планам заговорщиков, должен был поднять восстание в Апулии.

Слух о раскрытии заговора и об аресте его вождей распространился по всему городу. К храму богини Согласия, где заседал сенат, собрались огромные толпы народа. Цицерону была устроена овация, и он обратился к народу с новой речью против Катилины (третья Катилинария). В этой речи уже звучат ноты торжества, и именно этой речью открывается кампания безудержного самовосхваления.

На следующий день в сенате были заслушаны показания некоего Луция Тарквиния, который тоже направлялся к Катилине, но по дороге был задержан и возвращен в Рим. Он подтвердил показания Вольтурция о готовившихся поджогах, убийствах сенаторов и походе Каталины на Рим. Однако, когда он заявил, что был направлен к последнему самим Крассом, чтобы ускорить намечавшийся поход, это вызвало бурю возмущения среди сенаторов, значительная часть которых, по словам Саллюстия, находилась от Красса в полной

зависимости.

Теперь следовало решить судьбу заговорщиков, тем более что, по распространившимся в тот день слухам, вольноотпущенники Лентула и Цетега якобы замышляли освободить арестованных при помощи вооруженной силы. Цицерон снова созывает — 5 декабря — заседание сената, на котором ставит вопрос о том, как следует поступить с теми, кто находится под арестом и уже признан виновным в государственной измене.

На знаменитом заседании сената от 5 декабря первым выступил избранный консулом на 62 год Децим Юний Силан. Он высказался за высшую меру наказания. К нему присоединился другой консул предстоящего года — Луций Ли-циний Мурена и ряд сенаторов. Однако избранный претором на 62 год Гай Юлий Цезарь, отнюдь не обеляя заговорщиков, высказался против смертной казни как меры противозаконной (без решения народного собрания) и, кроме того, весьма опасного прецедента. Он предложил пожизненное заключение; имущество же осужденных должно быть конфисковано в пользу казны.

Предложение Цезаря произвело резкий перелом в настроениях сенаторов. Не помогло даже то, что Цицерон, нарушая процессуальные нормы, выступил с очередной речью против Каталины (четвертая Катилинария). Было внесено предложение отложить окончательное решение о судьбе заговорщиков до победы над Катилиной и его войском. Снова выступил Децим Силан и разъяснил, что под высшей мерой наказания он подразумевал именно тюремное заключение. И тут прозвучала крайне резкая, решительная и убежденная речь Марка Порция Катона, который обрушился на заговорщиков, на всех колеблющихся, а Цезаря весьма прозрачным намеком изобразил чуть ли не соучастником заговора. После его выступления большинство сенаторов проголосовало за смертную казнь.

Поздно вечером 5 декабря Цицерон лично препроводил Лентула в подземелье Мамертинской тюрьмы; преторы доставили туда же остальных четырех арестованных. Все они были удушены рукой палача. После этого консул обратился к толпе, которая вновь собралась на Форуме и не расходилась, несмотря на поздний час. Консул торжественно произнес «vixerunt», что означало «они прожили» — обычный в Риме способ оповещения о чьей-либо смерти.

Вскоре особым решением народного собрания спасителю-консулу была вынесена благодарность и присвоено почетное наименование «отец отечества». Поспешная и беззаконная казнь пяти видных участников заговора была, пожалуй, предпоследним актом разыгравшейся драмы. Многие сторонники Каталины стали покидать его лагерь, как только до них дошла весть о судьбе Лентула, Цетега и других казненных. И хотя сам Катилина еще был жив и войско его еще не было разбито, исход движения был в общем предрешен.

В начале 61 года до Р.Х. около города Пистории трехтысячная армия Каталины была разбита правительственными войсками; вождь восстания погиб. Цицерон, считает Аппиан, «приобрел репутацию избавителя гибнущей родины».

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЦЕЗАРЯ

Рим. 44 год до Р.Х.

В 44 году Гай Юлий Цезарь стал диктатором в четвертый раз, а консулом — в пятый. Положение его казалось бесспорным; новые почести, декретированные сенатом, соответствовали уже открытому обожествлению. Дни побед Цезаря ежегодно отмечались как праздники, а каждые пять лет жрецы и весталки совершали молебствия в его честь; клятва именем Цезаря считалась юридически действительной, а все его будущие распоряжения заранее получали правовую силу. Месяц квинтилий переименовался в июль, Цезарю посвящался ряд храмов и т.д. и т.п.

Но все чаще звучали разговоры о Цезаре и царском венце. Отрешение от должности трибунов, власть которых всегда считалась священной и неприкосновенной, произвело крайне неблагоприятное впечатление. А вскоре после этих событий Цезарь был провозглашен диктатором без ограничения срока. Началась подготовка к парфянской войне. В Риме стали распространяться слухи о том, что в связи с походом столица будет перенесена в Илион или в

Александрию, а для того, чтобы узаконить брак Цезаря с Клеопатрой, будет предложен законопроект, согласно которому Цезарь получает разрешение брать себе сколько угодно жен, лишь бы иметь наследника.

Монархические «замашки» Цезаря, то ли существовавшие на самом деле, то ли приписываемые ему общей молвой, оттолкнули от него не только республиканцев, которые одно время рассчитывали на возможность примирения и альянса, но даже явных приверженцев Цезаря. Так, один из главных руководителей будущего заговора Марк Юний Брут, в соответствии с традициями той ветви рода Юниев, к которому он принадлежал, был убежденным сторонником «демократической партии». Создалась парадоксальная ситуация, при которой всесильный диктатор, достигший, казалось бы, вершины власти и почета, на самом деле очутился в состоянии политической изоляции. Уже и народ не был рад положению в государстве: тайно и явно возмущаясь самовластием, он искал освободителей. Когда в сенат были допущены иноземцы, появились подметные листы с надписью: «В добрый час! не показывать новым сенаторам дорогу в сенат!»

Заговор против Цезаря сложился в самом начале 44 года. Его возглавляли Марк Брут и Гай Кассий Лонгин. В свое время этих приверженцев Помпея, выступавших против Цезаря с оружием в руках, он не только простил, но и предоставил почетные должности: оба они стали преторами. Интересен состав и других заговорщиков: кроме главарей заговора Марка Брута, Гая Кассия и таких видных помпеянцев, как Кв. Лигарий, Гней Домиций Агенобарб, Л. Понтий Аквила (и еще нескольких менее заметных фигур), все остальные участники заговора были до недавнего прошлого явными сторонниками Цезаря. Л. Туллий Кимвр, один из наиболее близких к диктатору людей, Сервий Гальба, легат Цезаря в 56 году и его кандидат на консульство в 49 году, Л. Минуций Базил, тоже легат Цезаря и претор 45 года, братья Публий и Гай Каска, причем первый из них был уже избран трибуном на 43 год Всего же в заговор было вовлечено более 60 человек.

Тем временем подготовка к новой, i .е. парфянской, войне шла полным ходом. Цезарь намечает свой отъезд к войску на 18 марта (в Македонию), а 15 марта предполагалось заседание сената, во время которого квиндецемвир Л. Аврелий Котта (консул 65 года) должен был провести в сенате решение о награждении Цезаря царским титулом, основываясь на предсказании, найденном в си-виллиных книгах, по которому парфян может победить лишь царь.

Заговорщики колебались, убить ли диктатора на Марсовом поле, когда на выборах он призовет трибы к голосованию, — разделившись на две части, они хотели сбросить его с мостков, а внизу подхватить и заколоть, — или же напасть на него на Священной дороге или при входе в театр. Но когда было объявлено, что в иды марта сенат соберется на заседание в курию Помпея, то все охотно предпочли именно это время и место.

То, что его жизни угрожает опасность, Цезарь знал или по крайней мере догадывался. И хотя он отказался от декретированной ему почетной стражи, сказав, что он не желает жить в постоянном страхе, тем не менее он как-то бросил фразу, что не боится людей, которые любят жизнь и умеют наслаждаться ею, однако ему внушают более серьезное опасение люди бледные и худощавые. В данном случае Цезарь явно намекал на Брута и Кассия.

Злосчастные иды марта в истории приобрели нарицательный смысл как роковой день. Убийство Цезаря и предшествующие ему зловещие предзнаменования весьма драматично описаны рядом древних авторов. Например, все они единодушно указывают на многочисленные явления и знаки, начиная от самых невинных, вроде вспышек света на небе, внезапного шума по ночам, и вплоть до таких страшных признаков, как отсутствие сердца у жертвенного животного или рассказа о том, что накануне убийства в курию Помпея влетела птичка королек с лавровой веточкой в клюве, ее преследовала стая других птиц, которые ее здесь нагнали и растерзали.

А за несколько дней до смерти Цезарь узнал, что табуны коней, которых он при переходе Рубикона посвятил богам и отпустил пастись на воле, упорно отказываются от еды и проливают слезы.

Знамения на этом не закончились. Накануне рокового дня Цезарь обедал у Марка Эмилия Лепида, и, когда случайно речь зашла о том, какой род смерти самый лучший, Цезарь

воскликнул. «Внезапный!» Ночью, после того как он уже вернулся домой и заснул в своей спальне, внезапно растворились все двери и окна. Разбуженный шумом и ярким светом луны, Цезарь увидел, что его жена Кальпурния рыдает во сне: ей привиделось, что мужа закалывают в ее объятиях и он истекает кровью. С наступлением дня она стала просить Цезаря не выходить из дому и отменить заседание сената или по крайней мере принести жертвы и выяснить, насколько благоприятна обстановка. Видимо, и сам Цезарь начал колебаться, ибо он никогда раньше не замечал у Кальпурнии склонности к суеверию и приметам.

Однако когда Цезарь решил направить в сенат Марка Антония, дабы отменить заседание, то один из заговорщиков, и в то же время особенно близкий Цезарю человек Децим Брут Альбин, убедил его не давать новых поводов для упреков в высокомерии и самому отправиться в сенат хотя бы для того, чтобы лично распустить сенаторов. По одним сведениям, Брут вывел Цезаря за руку из дома и вместе с ним пошел в курию Помпея, по другим данным, Цезаря несли в носилках. И даже по дороге в сенат Цезарю открылось несколько предостережений. Сначала ему встретился гадатель Спуринна, который предсказал диктатору, что в иды марта ему следует остерегаться большой опасности. «А ведь мартовские иды наступили!» — шутливо заметил Цезарь. «Да, наступили, но еще не прошли», — спокойно ответил гадатель.

Затем к Цезарю пытался обратиться какой-то раб, якобы осведомленный о заговоре. Но, оттесненный окружавшей Цезаря толпой, он не смог сообщить ему об этом. Раб вошел в дом и заявил Кальпурнии, что будет дожидаться возвращения Цезаря, так как хочет сообщить ему нечто чрезвычайно важное. Наконец, Артемидор из Книда, гость Цезаря и знаток греческой литературы, также имевший достоверные сведения о заговоре, вручил Цезарю свиток, в котором было изложено все, что он знал о готовящемся покушении. Заметив, что Цезарь все свитки, вручавшиеся ему по дороге, передает окружавшим его доверенным рабам, Артемидор якобы подошел к диктатору и сказал: «Прочитай это, Цезарь, сам, не показывая никому другому, и немедленно! Здесь написано об очень важном для тебя деле». Цезарь взял в руки свиток, однако из-за множества просителей прочесть его так и не смог, хотя неоднократно пытался это сделать. Он вошел в курию Помпея, все еще держа в руках свиток.

Заговорщикам не раз казалось, что они будут вот-вот разоблачены. Один из сенаторов, взяв за руку Публия Сервилия Каску, произнес: «Ты от меня, друга, скрываешь, а Брут мне все рассказал». Каска в смятении не знал, что ответить, но тот, смеясь, продолжал— «Откуда ты возьмешь средства, необходимые для должности эдила?»

Сенатор Попилий Лена, увидев в курии Брута и Кассия, беседующих друг с другом, неожиданно подошел к ним и пожелал им успеха в том, что они задумали, и посоветовал торопиться. Брут и Кассий были чрезвычайно напуганы этим пожеланием, тем более что, когда появился Цезарь, Попилий Лена задержал его при входе каким-то серьезным и довольно длительным разговором. Заговорщики уже готовились покончить с собой, прежде чем их схватят, но в этот момент Попилий Лена простился с Цезарем. Стало ясно, что он обращался к диктатору с каким-то делом, возможно просьбой, но только не с доносом.

Существовал обычай, что консулы при входе в сенат совершают жертвоприношения И вот именно теперь жертвенное животное оказалось не имеющим сердца. Цезарь весело заметил, что нечто подобное с ним уже случалось в Испании, во время войны. Жрец отвечал, что он и тогда подвергался смертельной опасности, сейчас же все показания еще более неблагоприятны. Цезарь приказал совершить новое жертвоприношение, но и оно оказалось неудачным. Не считая более возможным задерживать открытие заседания, Цезарь вошел в курию и направился к своему месту.

Дальнейшие события в описании Плутарха выглядели следующим образом: «При появлении Цезаря сенаторы в знак уважения встали со своих мест. Заговорщики же, возглавляемые Брутом, разделились на две группы: одни стали позади кресла Цезаря, а другие вышли навстречу вместе с Туллием Цимбром просить за его изгнанного брата; с этими просьбами заговорщики проводили Цезаря до самого кресла. Цезарь, сев в кресло, отклонил их просьбы, а когда заговорщики подступили к нему с еще более настойчивыми просьбами, он выразил им свое неудовольствие.

Тогда Туллий схватил обеими руками тогу Цезаря и начал стаскивать ее с шеи, что было знаком к нападению. Народный трибун Публий Сервилий Каска первым нанес удар мечом в

затылок; рана эта, однако, была неглубока и несмертельна. Цезарь, обернувшись, схватил и удержал меч. Почти одновременно оба закричали: раненый Цезарь по-латыни: «Негодяй Каска, что ты делаешь?», а Каска по-гречески, обращаясь к своему брату: «Брат, помоги!» Не посвященные в заговор сенаторы, пораженные страхом, не смели ни бежать, ни защищать Цезаря, ни даже кричать.

Либо сами убийцы оттолкнули тело Цезаря к цоколю, на котором стояла статуя Помпея, либо оно там оказалось случайно. Цоколь был сильно забрызган кровью. Можно было подумать, что сам Помпеи явился для отмщения своему противнику, распростертому у его ног, покрытому ранами и еще содрогавшемуся. Цезарь, как говорят, получил двадцать три раны. Многие заговорщики, направляя удары против одного, в суматохе переранили друг друга».

Перед тем как напасть на диктатора, заговорщики условилирь, что они все примут участие в убийстве и как бы отведают жертвенной крови. Поэтому и Брут нанес Цезарю удар в пах. Отбиваясь от убийц, Цезарь метался и кричал, но, увидев Брута с обнаженным мечом, накинул на голову тогу и подставил себя под удары.

Эта драматическая сцена убийства изображается античными историками довольно согласно, за исключением отдельных деталей: Цезарь, защищаясь, пронзил руку Каски, нанесшему ему первый удар, острым грифелем («стилем»), а увидев среди своих убийц Марка Юния Брута, якобы сказал по-гречески: «И ты, дитя мое!» — и после этого перестал сопротивляться.

Мать Брута — Сервилия — была одной из самых любимых наложниц Цезаря. Однажды он подарил ей жемчужину стоимостью 150 тысяч сестерциев. В Риме мало кто сомневался, что Брут — плод их любви, что не помешало юноше принять участие в заговоре.

«После убийства Цезаря, — продолжает Плутарх, — Брут выступил вперед, как бы желая что-то сказать о том, что было совершено. Но сенаторы, не выдержав, бросились бежать, сея в народе смятение и непреодолимый страх. Одни запирали дома, другие бросали без присмотра свои меняльные лавки и торговые помещения; многие бежали к месту убийства, чтобы взглянуть на случившееся, другие бежали оттуда, уже насмотревшись.

Марк Антоний и Марк Эмилий Лепид, наиболее близкие друзья Цезаря, ускользнув из курии, спрятались в чужих домах.

Заговорщики во главе с Брутом, еще не успокоившись после убийства, сверкая обнаженными мечами, собрались вместе и отправились из курии на Капитолий. Они не были похожи на беглецов: радостно и смело призывали они народ к свободе, а людей знатного происхождения, встречавшихся им на пути, приглашали принять участие в их шествии.

На следующий день заговорщики во главе с Брутом вышли на Форум и произнесли речи к народу. Народ слушал ораторов, не выражая ни неудовольствия, ни одобрения, и своим полным безмолвием показывал, что жалеет Цезаря, но чтит Брута.

Сенат же, заботясь о забвении прошлого и о всеобщем примирении, с одной стороны, почтил Цезаря божественными почестями и не отменил даже самых маловажных его распоряжений, а с другой — распределил провинции между заговорщиками, шедшими за Брутом, почтив их подобающими почестями; поэтому все думали, что положение дел в государстве упрочилось и снова достигнуто наилучшее равновесие».

«Он часто говорил, что жизнь его дорога не столько ему, сколько государству — сам он давно уже достиг полноты власти и славы, государство же, если с ним что случится, не будет знать покоя и ввергнется в еще более бедственные гражданские войны», — пишет Светоний.

Эти слова Цезаря оказались пророческими. «После вскрытия завещания Цезаря обнаружилось, что он оставил каждому римскому гражданину значительную денежную сумму, — замечает Плутарх. — Видя, как его труп, обезображенный ранами, несут через Форум, толпы народа не сохранили спокойствия и порядка; они нагромоздили вокруг трупа скамейки, решетки и столы менял с Форума, подожгли все это и таким образом предали труп сожжению. Затем одни, схватив горящие головни, бросились поджигать дома убийц Цезаря, а другие побежали по всему городу в поисках заговорщиков, чтобы схватить их и разорвать на месте. Однако никого из заговорщиков найти не удалось, так как все они надежно попрятались по домам».

Когда по прошествии многих лет улеглось пламя жестокой гражданской войны,

победитель император Октавиан Август, наследник Цезаря и основатель Римской империи, соорудил мраморный храм Божественного Юлия в центре Форума на том месте, где пылал погребальный костер Цезаря.

На протяжении всей истории Римской империи все императоры носили имя Цезаря: оно стало нарицательным и превратилось в титул.

ЗАГОВОР АНТИПАТРА ПРОТИВ ИРОДА

Иудейское царство. 4 год до Р.Х.

Иудейский царь Ирод заставил народы и племена трепетать под властью своих законов, но и сам никогда не испытывал покоя, вечно терзаясь страхами и опасениями за свою жизнь и власть. Его семья, члены которой как никто другой должны дать ему успокоение и утешение от государственных забот, являлась главной причиной его смертельных страхов.

В 37 году до Р.Х. Ирод женился на Мариамне, происходившей из древнего царского рода. У нее родились сыновья — Александр и Аристобул. Дворец Ирода Великого стал местом сложнейших семейных интриг.

Дело в том, что до восшествия на престол он был женат на Дориде, родившей ему сына Антипатра. Мариамна потребовала, чтобы Ирод изгнал из Иерусалима Антипатра, — и царь выполнил ее желание.

Но затем начались трения с родственниками Мариамны. Сначала ему показалось, что ее дед слишком высокомерен и чрезмерно гордится своим царским происхождением. Конфликт все обострялся, и в результате Ирод убил его. Затем традиция заставила Ирода возвести в сан первосвященника 17-летнего брата Мариамны, но когда на его первой проповеди заплакал весь народ в храме — судьба талантливого юноши была решена: он был отослан в Иерихон и там по приказу Ирода утоплен в пруду. Произошло это в 35 году до Р.Х.

Печальная участь постигла и саму Мариамну. В приступе ревности Ирод приказал убить ни в чем не повинную жену. Но словно в наказание за преступление, страсть к убитой возросла еще больше. Ирод был в отчаянии. Залив тело Мариамны медом, он хранил его во дворце, ночами беседовал с мертвой и убеждал себя в том, что она жива.

Дети Мариамны — Александр и Аристобул — возненавидели отца. Царю быстро донесли, что сыновья замышляют против него что-то недоброе. Тогда испуганный Ирод вернул из ссылки Антипатра и объявил новый порядок наследования: первым должен был взойти на престол Антипатр, за ним Александр и только потом Аристобул.

Но положение молодого наследника не было устойчивым, пока рядом были сводные братья. По его наущению придворные провоцировали Александра и Аристобула на резкие высказывания в адрес отца. Ироду рассказывали, что братья взывают к имени Мариамны, грозят рассчитаться с родственниками после смерти отца. Александр соблазнял евнухов из гарема отца, дарил им богатые подарки, называл Ирода старым развратником, красящим седые волосы, и обещал, что отнимет власть силой и сполна рассчитается с врагами. Конечно, шпионы обо всем донесли царю. Начались допросы, пытки и казни. Ирод уже не доверял никому. Один лишь Антипатр оставался близким к царю человеком, но и он плел дьявольскую сеть интриг, в которой хотел погубить братьев.

В конце концов Александр с братом Аристобулом стали жертвами отцовской ненависти. Ирод потребовал суда над сыновьями. Он сам выступил главным обвинителем, назвав в числе преступлений насмешки над отцом, оскорбления личности царя, покушения на его жизнь. Вся Иудея и Сирия с напряженным вниманием следили за этой трагедией. Царь потребовал для сыновей смертной казни — и никто из судей не решился ему возражать: Александр и Аристобул были задушены. Случилось это в 6 году до Р.Х.

Устранив конкурентов, Антипатр начал жаловаться матери, что стареет, а отец вроде бы не собирается умирать. Кто знает, уж не намерен ли Ирод пережить сына, да и зачем ему, Антипатру, власть в старости — и не проще ли укоротить жизнь царя?.. Но прежде чем захватить власть, надо было заручиться поддержкой народа и армии.

Антипатр попытался подкупить дарами и расположить к себе речами старых друзей отца

и даже перетянул на свою сторону и заручился поддержкой Сатурнина, римского губернатора Сирии.

Ферора, брат Ирода, также был тесно связан с Антипатром, который незаметно приобрел довольно значительное число тайных сторонников, на содействие и поддержку которых в нужную минуту вполне мог рассчитывать. Антипатр продолжал льстить отцу, и тот видел в мятежном сыне самого ревностного, надежного и верного своего подданного.

Коварный заговорщик попытался привлечь на свою сторону Саломею, сестру Ирода, но лживыми посулами и обещаниями было невозможно обмануть коварную и хитрую царевну. Ей показалось подозрительным поведение Фероры и Антипатра. На людях они отрыто враждовали, а под покровом ночи в глубокой тайне вели продолжительные беседы. Саломея поделилась своими наблюдениями с Иродом и посоветовала ему быть настороже: возможно, его жизни угрожает опасность. Царь, хорошо знавший характер сестры, не сразу поверил ее словам, но стал более внимателен.

В свое время Ирод смертельно обиделся на Ферору, когда тот женился на служанке. Царь пытался заставить брата расторгнуть столь постыдный союз, но Ферора не отступил.

Жена Фероры окружила себя фарисеями, среди которых все чаще стали слышны разговоры, что самому богу угодно лишить трона Ирода и передать его Фероре. Изменники были преданы казни, а Ирод снова попытался убедить брата развестись с женой. На это требование Ферора заявил, что всегда был и остается верен ему, носителю верховной власти, но с женой расставаться не намерен.

Ирода оскорбил столь решительный ответ, и он запретил Антипатру вступать в какое-либо общение или переписку с Феророй. Однако приказы царя не были исполнены. Заговорщикам пришлось усилить меры предосторожности. Антипатр убедился, как опасна даже тень подозрения в глазах столь мстительного монарха, и поспешил выехать в Рим, к Цезарю, прихватив с собой завещание старого и больного царя.

Тем временем Ирод повелел брату удалиться за пределы Иудеи. Ферора покорился воле царя, поклявшись никогда больше не возвращаться ко двору. И свое слово сдержал. Он умер на чужбине.

Сразу после смерти Фероры два его вольноотпущенника явились к Ироду и заявили, что их хозяин был отравлен, и молили Ирода не оставлять без наказания столь явное злодейство. Служанки Фероры подверглись жестоким пыткам. Несчастные так ни в чем и не признались, и только одна чуть слышно прошептала сквозь рыдания: «Да не допустит бог, чтобы мать Антипатра избегла общих мучений, единственной виновницей которых была она сама». Слова эти встревожили царя. Несчастную женщину привели в чувство и снова подвергли пыткам. Она показала, что Антипатр смертельно ненавидит отца и горячо желает ему смерти, чтобы как можно скорее овладеть короной.

Затем уже слуга Антипатра сознался, что вручил Фероре смертельный яд, которым тот должен был отравить царя. Яд этот был привезен из Египта Антифилом, одним из друзей Антипатра. Яд был доставлен Фероре, а тот передал его своей жене. Последняя в конце концов раскрыла на допросе правду. «Мой супруг обо всем знал, — рассказывала она, — и дал свое согласие на вашу смерть, потому что навлек на себя ваш гнев, государь, и боялся его печальных последствий. Однако чувство братской любви и привязанности, которые вы ему явили во время его болезни, совершенно изменили его чувства и мысли. Однажды он позвал меня и сказал: „Я был введен в заблуждение Антипатром и оказался слишком слаб, чтобы не дать вовлечь себя в братоубийственное дело, которое нынче внушает мне отвращение. Я не хочу, чтобы душа моя перешла в иной мир запятнанной самым гнусным из злодеяний. А потому прошу вас бросить сейчас, в моем присутствии, в огонь этот яд“. И я, повинуясь моему супругу, тотчас сожгла его, сократив лишь малую толику, чтобы самой воспользоваться, если вы пожелаете предать меня позорной казни после внезапной смерти моего супруга». Вдова Фероры показала Ироду тайник, в котором хранился яд.

Антипатр в это время находился во главе посольства в Риме. Ирод хитростью выманил его в Иерусалим, написав Антипатру, что неотложные дела в Иудее требуют присутствия сына. Хотя письмо было полно самых нежных, самых душевных излияний и признаний в любви и отцовской привязанности, Антипатр им не поверил.

Прибыв на Сицилию, Антипатр заколебался, стоит ли ему ехать к Ироду. Мнения друзей разделились. Одни предлагали ему ждать, другие советовали поторопиться с отъездом, чтобы тем скорее и уже наверняка развеять подозрения отца и расстроить происки врагов. Антипатр все-таки решил продолжить путешествие.

Наконец он прибыл в Иерусалим. При встрече Антипатр хотел обнять отца, но Ирод с явным отвращением оттолкнул его и прямо заявил, что теперь не он его отец, а Квинтилий Вар, наместник Сирии, который и будет ему судьей.

На следующий день Ирод созвал многолюдное собрание, на котором председательствовал Квин. На суде присутствовали родственники царя, обвинители и некоторые из слуг, взятые с поличным, захваченные с письмами, способными служить доказательством их преступления.

Последним выступал Квинтилий Вар, наместник сирийский. «Можете говорить, если считаете себя невиновным. Мы вновь выслушаем вас», — обратился он к Антипатру. Но тот молчал. Тогда судья велел принести яд, о котором так много говорилось на этом процессе, чтобы испробовать его силу в действии. Яд дали одному из приговоренных к смерти, и тот тотчас же пал мертвым. Антипатра заключили в тюрьму.

Семейные несчастья до того омрачили жизнь Ирода, что он уже ни в чем не находил себе отрады. Помраченный дух его повлек развитие странных болезней, диагноз которых так до сих пор и не установлен. Помимо лихорадки по всей поверхности кожи он испытывал невыносимый зуд. Кроме того, его мучили одышка и болезненные судороги в мышцах. Между прочим, писатель и врач А. П. Чехов считал, что Ирод страдал от застарелой формы чесотки.

Ирод говорил, что его мучения будут расти, пока Антипатр жив, и потому захотел лично наблюдать за казнью собственного сына.

Ирод пережил сына на пять дней. Римский император Октавиан Август, узнав о казни Антипатра, сказал: «Гораздо лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном!»

ЗАГОВОР ПРОТИВ КАЛИГУЛЫ

Рим. 41 год от Р.Х.

Гай Юлий Цезарь, имевший при жизни прозвище Калигула («Сапожок») и под этим именем вошедший в историю, был третьим сыном Германика и Агриппины Старшей. После смерти Тиберия, 18 марта 37 года, он был провозглашен императором.

В начале своего правления Калигула попытался восстановить народное собрание и вернуть ему право выбора должностных лиц. Новый император проявил щедрость и к римскому народу, выплатив ему деньги, которые присвоил Тиберий. Калигула часто устраивал роскошные зрелища и обильные раздачи продовольствия.

Все это было в самом начале его правления. Вскоре Калигула превратил принципат в откровенную монархию. Алчность его не знала границ. Император требовал, чтобы знатные и богатые люди в своих завещаниях делали бы его сонаследником, а потом объявлял их преступниками, осуждал на смерть и завладевал имуществом. Но всего этого оказалось недостаточно, и Калигула учредил множество новых и небывалых налогов (в том числе на продукты питания). Роскошь двора дошла до невероятных размеров. Принцип своего правления он выражал фразой, услышанной им в одной трагедии: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись!».

Главной формой борьбы с деспотической властью стали заговоры. В 40 году покончить с Калигулой хотели квестор Бетилен Басе и Секст Папиний. Предприятие провалилось. Заговорщиков казнили. Напуганный император начал было отступать от своей линии на полный разрыв с сенатом, однако примирение оказалось фикцией.

Новый заговор назревал. Он охватил окружение Гая и был чрезвычайно разветвленным. В заговоре участвовали сенаторы Анний Виниций, Эмилий Регул, Квинт Помпеи Секунд, Валерий Азиатик и другие. Состав заговорщиков и мотивы их участия в заговоре были различны. Например, Квинт Помпеи Секунд был скомпрометирован в глазах императора участием в «заговоре молодых людей», и, чтобы заслужить прощение, ему пришлось поцеловать сапог Калигулы. А вот Валерий Азиатик числился среди «друзей» Калигулы.

В заговор были также посвящены оба префекта претория и видные либерты императора

— Каллист и Нарцисс. Каллист, либерт (вольноотпущенник) Калигулы, достиг величайшей власти, почти такой же, как сам император. Но он имел немало причин опасаться за свою жизнь; особую роль тут играло его несметное богатство. Потому он сблизился с Клавдием, дядей императора, и тайно примкнул к нему в надежде, что после кончины Калигулы власть перейдет к Клавдию и что он, Каллист, благодаря своему влиянию займет при новом императоре видное положение.

Но, как и префекты претория, Каллист не фигурировал среди исполнителей. Эту роль взяли на себя трибуны и центурионы преторианских когорт — всадники Кассий Херея и Корнелий Сабин. Первый приобрел известность в сентябре 34 года, когда, будучи центурионом, вступил в схватку с мятежными легионерами. Калигула многим был ему обязан, но несмотря на это унижал старого воина: обзывал его неженкой и бабнем, назначал ему в качестве пароля слова «Приап» или «Венера», предлагал ему в благодарность за что-то руку для поцелуя, сложив и двигая ее непристойным образом.

Когда Калигула объявил, что намерен отправиться на Восток, заговорщики поняли, что пора действовать. Имелись и другие причины, заставлявшие торопиться. Калигула направил угрожающее письмо наместнику Сирии Петронию, призывая его совершить самоубийство, грозился наказать Меммия Регула, наместника Лидии, Македонии и Греции за задержку с отправкой в Рим статуи Зевса Олимпийского. Калигула становился все более подозрительным, а будущее его приближенных — все более непредсказуемым.

Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» так пишет о настроениях в Риме: «Между тем слухи о заговоре Кассия Хереи распространились среди многих, и все эти люди — сенаторы, всадники и простые воины — стали вооружаться; не было вообще ни одного человека, который не считал бы убийство Калигулы великим счастьем. Поэтому заговорщики по мере своих возможностей старались не отставать друг от друга в проявлении доблести и по возможности от всего сердца способствовать убиению тирана».

Решено было напасть на Калигулу на Палатинских играх (конец января 41 года), в полдень, при выходе с представлений.

«Убийство было предвещено многими знаменьями, — отмечает другой античный историк Светоний. — В Олимпии статуя Юпитера, которую он приказал разобрать и перевезти в Рим, разразилась вдруг таким раскатом хохота, что машины затряслись, а работники разбежались; а случившийся при этом человек, по имени Кассий, заявил, что во сне ему было велено принести в жертву Юпитеру быка. В Капуе в иды марта молния ударила в Капитолий, а в Риме — в комнату дворцового привратника; и нашлись толкователи, уверявшие, что одно знаменье возвещало опасность господину от слуг, а другое — новое великое убийство, как некогда в тот же день. Астролог Сулла на вопрос императора о его гороскопе объявил, что близится неминуемая смерть. Оракулы Фортуны Антийской также указали ему на опасность, которая грозит ему от некоего Кассия. Не поняв, о ком конкретно идет речь, Калигула послал убить Кассия Лонгина, который был тогда проконсулом Азии. Сам он накануне гибели видел сон, будто он стоит на небе возле трона Юпитера, и бог, толкнув его большим пальцем правой ноги, низвергает на землю. Вещими сочтены были и некоторые события, случившиеся немного ранее в самый день убийства. Принося жертву, император был забрызган кровью фламинго; пантомим Мнестер танцевал в той самой трагедии, которую играл когда-то трагический актер Неоптолем на играх, во время которых убит был Филипп, царь македонян; а когда в миме „Лавреол“, где актер, выбегая из-под обвала, харкает кровью, вслед за ним стали наперебой показывать свое искусство подставные актеры, то вся сцена оказалась залита кровью. К ночи же готовилось представление, в котором египтяне и эфиопы должны были изображать сцены из загробной жизни».

Утром 24 января на Палатине Калигула присутствовал на спектакле, в котором участвовали мальчики из знатных семей Азии, и остался ими очень доволен.

Император отправился на завтрак. По пути он оказался в подземной галерее, где готовились к очередному выступлению мальчики. Калигула остановился, чтобы похвалить их. «О дальнейшем рассказывают двояко, — замечает Светоний — Одни говорят, что, когда он разговаривал с мальчиками, Херея, подойдя к нему сзади, ударом меча глубоко разрубил ему затылок с криком: „Делай свое дело!“— и тогда трибун Корнелий Сабин, второй заговорщик,

спереди пронзил ему грудь. Другие передают, что когда центурионы, посвященные в заговор, оттеснили толпу спутников, Сабин, как всегда, спросил у императора пароль; тот сказал: „Юпитер“; тогда Херея крикнул „Получай свое“— и когда Гай обернулся, рассек ему подбородок.

Он упал, в судорогах крича «Я жив!»— и тогда остальные прикончили его тридцатью ударами — у всех был один клич. «Бей еще!» Некоторые даже били его клинком в пах. По первому шуму на помощь прибежали носильщики с шестами, потом — германцы-телохранители; некоторые из заговорщиков были убиты, а с ними и несколько неповинных сенаторов».

Херея успел отдать приказ об убийстве жены и дочери Калигулы. Цезонию пронзили мечом, а маленькой Друзилле ударом о стену размозжили голову.

Убийцы бежали с места преступления, поскольку пришедшие в беспокойство преторианцы, лишившись своего повелителя, искали их, чтобы казнить. Свидетели преступления отсутствовали. Тем не менее некоторые сенаторы пришли, чтобы опознать убитого; среди них — консул Валерий Азиатик, которого солдаты уважали за мужество. Гвардия подчинилась своим офицерам, а германцев удалось успокоить. Толпа городской черни, сочувствующая Калигуле, бросилась на форум, требуя расправиться с заговорщиками, но ее успокоил Валерий Азиатик.

«Каковы были те времена, можно судить по тому, что даже известию об убийстве Калигулы люди поверили не сразу подозревали, что он сам выдумал и распустил слух об убийстве, чтобы разузнать, что о нем думают в народе, — продолжает Светоний. — Заговорщики никому не собирались вручать власть, а сенат с таким единодушием устремился к свободе, что консулы созвали первое заседание не в Юлиевой курии, а на Капитолии, и некоторые призывали истребить память о Цезарях и разрушить храмы Юлия Цезаря и Августа. Но прежде всего было замечено и отмечено, что все цезари, носившие имя Гай, погибли от меча, начиная с того, который был убит еще во времена Цинны».

Консул Гней Сатурнин издал эдикт, призывая сенат и народ к порядку и обещая снижение некоторых налогов. Сенат с энтузиазмом встретил Херею и Сабина, которые бросились в курию с криками, что они вернули свободу

Курия была окружена городскими когортами, которые поддержали четыре преторианские когорты Сатурнин предложил заговорщикам почести и сравнил Херею с Брутом и Кассием.

Многие выступающие в сенате одобрили убийство тирана, совершившего неслыханные злоупотребления, и предложили не избирать нового принцепса и, таким образом, восстановить республику.

И все-таки большинство сенаторов считали, что принципат необходим. Новая серия дебатов касалась уже вопроса о конкретном кандидате, среди которых были Анний Виниций, Валерий Азиатик, командующий легионами в Германии Сервий Гальба и Камилл Скрибониан. В конечном счете сенат не пришел к определенному решению, и за это время все решили другие силы.

Семья погибшего не смогла сразу определиться с наследником. Сестры Калигулы Агриппина II и Юлия находились в ссылке, партия их была уничтожена, а дядя Калигулы Клавдий, как и маленький Нерон, не относился к роду Юлиев.

Преторианцы, ворвавшиеся во дворец с целью грабежа, нашли спрятавшегося Клавдия, который во время убийства был при императоре, а затем пытался скрыться. Клавдия отнесли в лагерь и провозгласили императором. Узнав об этом, войска, вставшие на сторону сената, начали его покидать. Переговоры между Клавдием и сенатом длились целый день. Наконец, 25 января сенат признал Клавдия и дал ему все полномочия принцепса. Как Тиберий и Калигула, он получил все сразу. Принцепса поддержали не только солдаты, но и народные массы, тоже настроенные монархически.

Тело Калигулы взяли его слуги — рабы и вольноотпущенники, и отнесли в «Сады Ламии», где сожгли на костре судьбы, а останки предали земле. Позже Калигулу перезахоронили возвратившиеся из изгнания сестры.

Как сложилась судьба тираноубийц? Кассий Херея хотел уничтожить тирана, чтобы восстановить республику. Новый император Клавдий не мог этого простить. Впоследствии он

заставил Кассия покончить жизнь самоубийством. Напротив, Корнелий Сабин был новым принцепсом прощен, хотя также покончил с собой; это говорит в пользу того, что Сабин присоединился к Херее скорее по дружбе, чем по убеждению.

ЗАГОВОР ПИЗОНА ПРОТИВ НЕРОНА

Рим. 65 год от Р.Х.

Нерон был провозглашен императором с громоздким официальным именем — Нерон Клавдий Цезарь Август Германик.

С 59 года Нерон вступил на путь самого разнузданного произвола, который закономерно привел его к гибели и к падению всего дома Юлиев-Клавдиев, бывших властителями Рима почти в течение ста лет.

Если в начале своего правления Нерон еще как-то считался с общественным мнением, то впоследствии он его полностью игнорировал. Он совсем не заботился об управлении государством, жизнь его до краев была наполнена разгулом, развратом, расточительством и разнузданной жестокостью.

В июле 64 года произошло роковое для принцепса событие. В ночь с 18 на 19 июля в Риме начался сильный пожар, который длился 6 дней, а затем через 3 дня возобновился. Из 14 районов города 4 были уничтожены целиком и только 3 оказались нетронутыми стихией. Остальные были сильно повреждены.

Когда пожар начался, Нерон находился вне Рима. Прибыв в город, он распорядился оказать помощь пострадавшему населению и открыть для народа Марсово поле, крупные здания и императорские сады. «Из Остии и других городов было доставлено продовольствие, и цена на зерно снижена до трех сестерциев. Принятые ради снискания народного расположения мероприятия, однако, не достигли поставленной цели, так как распространился слух, будто в то самое время, когда Рим был объят пламенем, Нерон поднялся на дворцовую стену и стал петь о гибели Трои, сравнивая постигшее Рим несчастье с бедствиями древних времен», — пишет Тацит.

Нерон, сообщает далее Тацит, чтобы снять с себя обвинения молвы, объявил виновниками пожара сектантов, приверженцев одного из восточных культов.

В народе поползли слухи, обвиняющие Нерона в поджоге Рима, якобы для того, чтобы на месте старого Нерон города построить новый и назвать его своим именем. Даже несмотря на казнь обвиненных в причастности к пожару христиан, восстановление и перестройка города только убеждали в причастности принцепса к пожару. Другим следствием была необходимость крупных затрат, что, возможно, стало исходной точкой конфликта и с провинциями.

Вероятно, первой реакцией на пожар стал так называемый заговор Пизона. Состав его участников был весьма пестр; в него входили сенаторы Г. Кальпурний Пизон, Анней Лукан, Плавтий Латеран, Флавий Сцевин, Афраний Квинти-ан, всадники Клавдий Сенецион, Церварий Прокул, Вулкаций Арарик, Юлий Авгурин, Мунаций Грат, Антоний Натал, Граций Фест. Лидерами, вероятно, были Латеран и Лукан, поэт и автор «Фарсалии», а также — Сцевин и Квинти-ан. Возможно, круг заговорщиков был шире. Другую, сравнительно независимую группу заговорщиков составляли преторианские офицеры. В заговор вошел второй префект претория Фений Руф и группа офицеров — Субрий Фпав, Сульпиций Аспер, Гавий Сильван, Стаций Проксум, Максим Скавр, Випстан Павел и, видимо, некоторые другие. Из 9 трибунов преторианской гвардии 3 являлись заговорщиками, а еще 4 сместили после заговора. Не исключено, что к заговору была причастна и дочь Клавдия Антония.

Всю эту пеструю группу объединяло только одно стремление — убрать ставшего крайне непопулярным императора. Краткая формула обвинения была выражена на допросе Субрием Флавом, назвавшим Нерона «убийцей матери и жены, колесничим, лицедеем и поджигателем». Но были и другие мотивы. Сенаторы и всадники были недовольны автократическим курсом и процессами об оскорблении величия. Преторианцы возмущались не только Нероном, но и Тигеллином, кроме того, в свое время в гвардии была очень популярна Агриппина. Наконец, многие из заговорщиков имели личные мотивы. Лукан столкнулся с Нероном на почве поэзии,

Пизон боялся принцепса, будучи одним из самых родовитых людей Рима, Фений Руф враждовал с Тигеллином.

Все заговорщики сходились в необходимости убить Нерона, и почти все считали, что его надо заменить другим принцепсом. Республиканские настроения если и проявлялись, то в очень слабой форме, а две группы, гражданская и военная, были настолько автономны, что большинство даже не знало полного состава заговорщиков. Преторианцы склонялись к тому, чтобы объявить императором Сенеку, а сенаторы выдвигали самого знатного из них — Гая Каль-пурния Пизона.

Заговор был чуть не раскрыт в самом начале, когда некая Эпихарида, видимо, вольноотпущенница, связанная с заговором, хотела вовлечь в заговор офицера флота Волузия Прокула. Прокул донес властям, но Эпихарида держались очень стойко и никого не выдала, а позднее умерла под пытками, так и не сказав ни слова.

Несколько раз покушение срывалось, наконец, было решено убить Нерона 12 апреля 65 года. Буквально накануне покушения либерт Сцевина Мнлих донес на участников заговора сенатора Сцевина и всадника Натала. Арестованные Сцевин и Натал вскоре выдали Пизона, Лукана, Квинциана и Глития Галла. Город объявили на осадном положения, везде были расставлены караулы. Следствием руководил Тигеллин.

Гражданская часть заговорщиков была разгромлена. Пизон, Лукан, Сене-цион, Квинтиан и Сцевин покончили с собой. Кроме участников заговора, Нерон уничтожил и других неугодных ему людей, в том числе консула Аттика Вестина, мужа своей любовницы Статилии Мессалины, позволявшего себе независимое поведение.

Через Сцевина следствие вышло на военных. Сцевин и Цезарий Прокул выдали Фения Руфа, после чего начались аресты среди преторианцев. Фений Руф, Субрий Флав и Сульпиций Аспер были казнены. После разгрома ядра заговорщиков начались массовые изгнания и ссылки.

Дети осужденных были изгнаны из Рима и убиты ядом или голодом: одни были умерщвлены за общим завтраком, вместе со своими наставниками и прислужниками, другим запрещено было зарабатывать себе пропитание.

Неизвестно, был ли причастен к этому заговору Сенека, — воспитатель императора — но он оказался в числе подозреваемых и получил от Нерона приказ покончить с собой.

«Сохраняя спокойствие духа, — пишет Тацит, — Сенека велит принести свое завещание, но так как центурион воспрепятствовал этому, обернувшись к друзьям, восклицает, что раз его лишили возможности отблагодарить их подобающим образом, он завещает им то, что остается единственным, но зато самым драгоценным из его достояния, а именно — образ жизни, которого он держался, и если они будут помнить о нем, то заслужат добрую славу, и это вознаградит их за верность. Вместе с тем он старается удержать их от слез то разговором, то прямым призывом к твердости, спрашивая, где же предписания мудрости, где выработанная в размышлениях стольких лет стойкость в бедствиях? Кому неизвестна кровожадность Нерона? После убийства матери и брата ему только и остается, что умертвить воспитателя своего и наставника…»

Сенека сначала вскрыл себе вены, а затем принял яд цикуты.

Были сосланы близкие к Сенеке Новий Приск и Цезений Максим, Глитий Галл и другие; несколько знатных дам. Сцевин, Церварий Прокул и Стаций Проксум были помилованы. В изгнание ушли многие представители интеллигенции, учитель Эпиктета стоик Музоний Руф и учитель поэта Персия Вергилий Флав. Таким образом, Нерон уничтожил многих сенаторов и всадников и значительную часть командного состава преторианцев.

Но репрессии продолжалась. Вскоре начался процесс сенатора Гая Кассия Лонгина и Юния Силана. Силан был убит, а Кассия сослали в Сардинию Нерон уничтожил семью Рубеллия Плавта, его жену Поллиту и теотя, консула 55 года Л. Антистия Вета. В 66 году покончили с собой привлеченные к суду П. Антей и Осторий Скапула, были казнены отец Лукана Анней Мела, Аниций Цериал, сосланный год назад Руфрий Криспин, преторий Минуций Терм и консуляр Гай Петроний, возможный автор «Сатирикона», игравший при Нероне роль главного консультанта по искусству. Наконец, была уничтожена группа сенаторов-стоиков во главе с Тразеей Петом и Бареей Сораном

В 66 году против Нерона был организован новый заговор, который возглавил приемный

сын Корбулона Анний Виниций Виниций планировал убить Нерона в Беневенте. Но этот заговор был раскрыт. Лидеры заговора были казнены, и среди жертв была дочь Клавдия Антония.

Пожар Рима, заговор Пизона и казни 65—67 годов окончательно восстановили против режима не только римскую элиту, но и армию и население Италии и провинций.

ЗАГОВОР ГАЙНЫ И ТРЕБИГИЛЬДА

Византия, Константинополь. 399 год.

В конце IV века важным фактором в военно-политической жизни Византийской империи стали варварские племена, которые под давлением гуннов перешли Дунай и были расселены на землях империи в качестве федератов. Стремясь укрепить свои позиции, глава византийского правительства Руфин предоставил вестготам провинции префектуры Иллирик Но благодаря его стараниям окрепли позиции готских наемников в Константинополе и диоцезе Азии.

Влиятельные представители знати, опасаясь, что Руфин использует свое могущество против них, чему было немало примеров, организовали заговор. Они сумели расстроить бракосочетание дочери Руфина с императором Аркадием, женив его в день свадьбы на воспитаннице Простота Евдоксии, дочери умершего главнокомандующего франка Баутона Это ослабило влияние Руфина.

В конце концов заговорщики сумели настроить против Руфина и вестготов. 27 ноября 395 года вспомогательные войска вестготов под командованием Гайны подошли к Константинополю. Возле Золотых Ворот их встретили придворные во главе с ничего не подозревавшим Руфином. Солдаты Гайны окружили его и убили.

Опекуном Аркадия стал возглавлявший заговорщиков евнух Евтропий. Как утверждает Зосим, Евтропий стремился удалить от двора всех, кто прежде пользовался влиянием. Он присвоил большую часть состояний Руфина, а затем предал суду представителей знати Тимасия, Сагрия, Абуданция и добился их ссылки Главным свидетелем против них Евтропий выдвинул торговца колбасами Барго, которого сначала демонстративно возвысил до поста командующего, а затем также предал суду Он умело лавировал между различными группировками, добиваясь усиления личной власти.

Военной опорой Евтропия стали войска Гайны, получившего звание магистра армии Чтобы платить наемникам, Евтропий увеличил бремя налогов и конфисковал имущество сторонников Руфина Однако, как утверждает Зо-сим, он не мог удовлетворить ненасытную жадность вестготов Ориентация на готских наемников и готские вспомогательные войска, укрепив на первых порах позиции константинопольской знати, в дальнейшем настолько усилила варваров, что поставила под угрозу политическое господство императорского двора.

В 399 году магистр армии Гайна предпринял попытку захватить политическую власть в стране Он был недоволен тем, что все богатства, конфискованные у Руфина и его сторонников с помощью готских наемников, сосредоточиваются в руках Евтропия Гайна вступил в заговор с комитом армии Треби-гильдом, командовавшим готскими наемниками во Фригии.

По указанию Гайны Требигильд начал вводить в гарнизонах Фригии какие-то новшества, вызвавшие волнения среди местных жителей По свидетельству Созомена, эти новшества выразились в том, что Требигильд, «намереваясь захватить верховную власть в стране, вызывал своих единомышленников-готов в римские земли и близких себе людей ставил над ними сотниками и тысячниками» Следовательно, Требигильд увеличивал численность готских наемников и усиливал свое влияние, чем вызвал недовольство городской знати и народа, на которых давили расходы по содержанию армии.

В ответ Требигильд совершил карательный поход по Лидии и Фригии Во время этого похода его поддержали и соплеменники, оказавшиеся среди жителей, и состоящие из варваров городские гарнизоны Как говорит Зосим, «поскольку Требигильду никто не мешал, то происходило то, что каждый город завоевывался силой, всех жителей убивали, и ни один варвар не помогал римлянам, а наоборот, варвары и их земляки сражались против римлян» По словам арианского церковного историка Филосторгия, не заинтересованного в очернении

своего единоверца, Требигильд, «начав с Николии, захватил много городов и произвел великое человекоубийство».

Однако в Памфилии на пути Требигильда возникло неожиданное препятствие против него выступили исавры, до этого момента боровшиеся против византийского господства.

Оказавшись в безвыходном положении, Требигильд сумел связаться с Гайной, который находился в Гераклее, и тот спас его, не раскрывая своего участия в заговоре Он воспользовался тем, что в Памфилию был направлен с отрядом воинов приближенный Евтропия Лев Якобы для усиления этого отряда, Гайна направил в Памфилию подкрепления «Варвары, которых Гайна посылал ко Льву, нападали на римлян, опустошали страну и не прекращали этого до тех пор, пока не сокрушили отряд Льва и пока не превратили почти всю страну в пустыню»

Когда стало известно о разгроме отряда Льва, Гайна переправился с войском в Азию, а Требигильд, по словам Филосторгия, «как будто убегая от Гайны, напал на Писидию и Памфилию и опустошил их»

В таких условиях Аркадий решил пожертвовать Евтропием, смещения которого требовал не только Гайна, но и часть византийской знати.

Но Гайна не сумел воспользоваться выгодами нового расклада сил при дворе После свержения Евтропия ключевые позиции в правительстве заняли выходцы из константинопольской знати Во главе их стал Аврелиан, префект претории Востока Его поддерживали магистр армии Сатурнин и советник Иоанн Они выступили против притязаний Гайны.

Тогда Гайна договорился с Треби-гильдом о совместном наступлении на Константинополь.

Когда Гайна достиг Халкедона и только пролив отделял его от столицы, а Требигильд занял город Ламп-сак, откуда мог переправиться в Херсо-нес-Фракийский, над Константинополем нависла опасность Аркадий был вынужден принять требования Гайны и назначить его главнокомандующим, а также выдать Аврелиана, Са-турнина и Иоанна, которые отправились в ссылку.

Пользуясь положением главнокомандующего, Гайна приказал Требигильду ввести свои войска в Константинополь и выслал из города охрану императорского дворца.

Однако положение Гайны и его сторонников оказалось непрочным Жители Константинополя, успешно отстоявшие город в 378 году, поднялись против готов и в 399—400 годах Ненависть горожан к наемникам была настолько сильной, что они опасались появляться на улице в одиночку.

Когда Гайна потребовал, чтобы готам-арианам была передана одна из больших базилик в столице, это вызвало такое возмущение народа, для которого православие было знаменем борьбы против готского засилия, что патриарх Иоанн Златоуст, чувствуя народную поддержку, заявил решительный протест Император Аркадий был вынужден отказать Гайне.

Созомен рассказывает, что Гайна дважды посылал ночью готские отряды, чтобы захватить дворец императора, но они, увидев множество вооруженных воинов огромного роста, в ужасе отступали Сократ уверяет, будто на стенах дворца появлялись небесные ангелы-защитники Зная, что дворцовая охрана выслана из города, он и не мог иначе объяснить безуспешность готских попыток овладеть дворцом.

На третью ночь Гайна лично возглавил отряд и повел его к стенам дворца, но повернул обратно, увидев многочисленных защитников и полагая, что императору удалось тайно вызвать из других городов воинов, которые ночью охраняют дворец, а днем находятся в укрытии. Вряд ли такое предположение верно. Отряды Гайны и Требигильда контролировали все подходы к городу. Скорее всего, защитников посылала православная церковь, усилившая анги-арианскую пропаганду и проводившая ночные молитвы с песнопениями.

Гайна решил вывести наемников в один из фортов, находившийся в 10 километрах от города.

В ночь на 12 июля 400 года он начал выводить наемников из Константинополя Городская стража, заметив, что готы увозят оружие и колчаны со стрелами, воспрепятствовала этому На крик стражи сбежались горожане и начали убивать готов камнями и чем попало.

Синезий пишет о столкновении у городских ворот как очевидец По его словам, одна старушка, живущая подаянием, заметила, что готы увозят ценности, и начала громко проклинать их Один гот поднял меч, чтобы сразить ее, но его убили подоспевшие горожане Они овладели воротами и бросились на оставшихся в городе варваров и нападали на каждого; всех подряд сбивали с ног, пронзали копьями, били, кололи.

Семь тысяч готов, не успевших уйти с Гайной, бежали в базилику, находившуюся недалеко от императорского дворца Гайна не смог оказать им помощи, поскольку ворота и стены города были в руках горожан.

Когда опасность, нависшая над городом, миновала, горожане, по словам Зосима, или воины, по мнению Созомена, зажгли базилику, и горящая крыша рухнула на скрывшихся в ней готов. Сократ и Созомен утверждают, что император объявил Гайну врагом государства и приказал истребить оставшихся в городе варваров. Синезий, как очевидец событий, рассказывает о них иначе По его словам, «весь народ поднялся по собственному побуждению, без предводителя, и божьей волей, каждый сам себе был полководцем и воином, и командующим, и подчиненным. Да и могло ли быть иначе, если Бог захотел и дал людям силу, чтобы спастись при любых обстоятельствах»

По словам того же писателя, префект претории Кесарии, ставленник Гайны, обратился с речью к народу и тщетно призывал не уничтожать готов Когда же попытки сдержать народ не увенчались успехом, император решился встать на сторону восставших и официально санкционировал погром. По мнению Синезия, в Константинополе погибла пятая часть готских наемников.

Гайна, узнав об их гибели, попытался захватить Фракию. Но крестьяне свезли продовольствие в города и вместе с горожанами обороняли городские стены По рассказу Зосима, «Гайна ничего не видел, кроме травы и стен, которые надежно укрывали фрукты, скот и имущество», и решил двинуться в Хер-сонес-Фракийский, чтобы переправиться в Азию Правительственные войска под командованием гота-язычника Фравиты бдительно охраняли берег Азии и потопили многих готов, пытавшихся на плотах преодолеть пролив.

Гайна вновь отступил во Фракию, опустошая все, что уцелело после его предыдущего похода Часть наемников была перебита, другие бежали от Гайны. С ним остался лишь небольшой отряд, в котором были и примкнувшие римляне Опасаясь перебежчиков, Гайна перебил их, а сам отступил за Дунай Там его окончательно разбили гунны. Их предводитель Ульдис прислал голову Гайны в Константинополь (3 января 401 года), за что получил богатые подарки и был признан федератом Византии.

ПЕРЕВОРОТ ОДОАКРА

Италия, 476 год от Р.Х.

В 474 году императором Рима стал Юлий Непот, племянник Марцеллина, успешно воевавший против вандалов. Он командовал большим флотом, обеспечивающим оборону берегов Адриатического моря от вандальских пиратов.

Византийский император Лев I пригласил Непота в Константинополь, возвел в патриции, женил на племяннице императрицы и дал ему в помощь военную эскадру во главе с Домицианом.

Но после смерти Льва I борьба за власть среди различных группировок знати ожесточилась, и новый император Зенон отозвал эскадру из Равенны.

Чтобы удержаться на троне, Непот призвал наемников из Паннонии, но и после этого его власть не распространилась за пределы Италии. Бургунды в Юго-Восточной Галлии и франки в Северо-Западной признавали его только номинально. Усиливалось наступление на Южную Галлию и вестготов, обосновавшихся в Испании. В этих условиях магистром армии в Галлии Непот назначил Ореста, и это окончательно решило судьбу императора.

Карьера Ореста началась после распада гуннского военно-племенного союза в Паннонии. Уроженец Паннонии, он служил секретарем у Аттилы, а после его смерти завербовался на военную службу в Италию.

Под предлогом войны против вестготов Орест вывел наемников из Рима и повел их к

Равенне, будто бы для прощания с императором перед походом, а в действительности, чтобы свергнуть его. Когда мятежная армия начала осаду Равенны, Непот вместо организации обороны бежал в свои далматийские владения, в Салону. Орест провозгласил императором своего малолетнего сына Ромула, позже прозванного Августулом (Августишка).

Мятежные наемники требовали от Ореста трети земельных наделов в Италии, как получали остальные федераты, селившиеся в пределах Империи, но Орест не выполнил этого требования и принял меры, чтобы привлечь в Италию новые отряды наемников, которые можно было бы противопоставить мятежникам.

Начальником гвардии Орест назначил Одоакра, сына своего друга, с которым он служил Аттиле, и направил его в Паннонию вербовать армию.

Подобно Оресту, Одоакр начал карьеру в Италии в качестве наемника, завербованного на военную службу Отец Одоакра, Эдекон, когда-то выполнял важные поручения Аттилы, но был втянут византийцами в заговор против него Брат Одоакра, Оноульф, находился на византийской военной службе, завербовавшись после поражения одного из гуннских отрядов под командованием Денгизириха.

Выполняя поручение Ореста, Одоакр собрал большую армию, состоявшую не только из его соплеменников, скиров, но также из герулов, ругов и выходцев из других племен. Встав во главе таких сил, он теперь сам мог претендовать на верховную власть. Опираясь на свое войско и гвардию Ореста, Одоакр подготовил военный переворот При этом он привлек на свою сторону наемников из различных гарнизонов Италии, пообещав им земельные наделы, и местных жителей, которым посулил уменьшение налогов.

Узнав о военном мятеже, Орест бежал в Павию, а оборону Равенны возглавил его брат Павел.

Одоакр осадил, взял и разграбил Павию. Пленного Ореста он казнил (28 августа), после чего приступом взял Равенну (4 сентября 476 года), низложил Ромула Августула и сослал его в замок Лукулла в Кампании (около Неаполя), назначив ему пожизненную пенсию.

Рассказ об этих событиях Марцел-лин Комит заключает словами: «Западная империя римского народа, котр-рой в 709 году от основания Рима начал править Октавиан Август, на 522 год правления императоров погибла с этим Августулом, и с того времени Римом управляют короли готов». Хотя хронист допустил неточность (Одоакр не был готом), он верно отметил, что переворот Одоакра свидетельствовал об окончательном падении Западной Римской империи.

Римский сенат признал переворот и направил легатов в Константинополь добиваться для Одоакра права управлять диоцезом Италии в звании патриция. Одновременно туда же прибыли представители Непота с просьбой помочь ему в возвращении трона. Император Зинон не мог вмешаться в дела Италии из-за междоусобицы при дворе и ограничился ответным письмом, в котором советовал Одоакру не препятствовать возвращению Непота в Италию и от него принять титул патриция. Однако в этом же письме Зинон назвал Одоакра патрицием.

Итак, в 476 году существование Западной Римской империи прекратилось. До переворота правители Италии именовали себя императорами даже тогда, когда их власть не распространялась за ее пределы, и стремились продолжить великодержавную политику Рима. Одоакр понял ее нереальность и отослал знаки императорского достоинства в Константинополь. Он не облачался в пурпур, не носил соответствующих регалий, не чеканил монет со своим изображением. Отныне Ра-веннский двор ведал лишь делами Италии и не стремился к господству над Воин варварскими королевствами. В отличие от организаторов всех предшествующих военных переворотов, новый правитель Италии не стал создавать ширму для своего господства с помощью какой-либо креатуры римского происхождения.

Свою власть в Италии Одоакр укрепил облегчением налогового бремени, переселением в ее пределы с наделением землей старинных ее жителей из Нори-ки, раздачей варварам-наемникам земель.

Отказ от великодержавных притязаний имел глубокие последствия и благоприятно отразился на развитии соседских отношений между коренным населением римских провинций и варварами.

До Одоакра варвары, нанятые на военную службу и находившиеся в Италии, не имели

наделов. Готовя заговор, Одоакр обещал им землю. После переворота варвары-наемники, подобно тому, как это было в Галлии, получили наделы по правилам военного постоя. Они были расселены среди итало-римлян.

Перемещение варваров, находившихся на военном постое, из одной провинции в другую, было обычным порядком до Одоакра. Пример тому — перемещение бургундов в Сабаудию в 443 году и неоднократные перемещения аланов в середине V в. Одоакр отказался от этого, и полученные варварами участки стали рассматриваться ими как собственные.

Форма государственного управления Италии сохранилась. Столицей страны считалась Равенна. Остались суд и прежние должности со всеми их титулами и правами. Правда, сначала Одоакр отменил должность консула, но с 480 года он назначал для Запада консулов, которые, по традиции, при вступлении на должность увеселяли плебс Рима денежными раздачами, цирковыми играми. На эти должности назначались крупные земельные собственники-сенаторы (Аполлинарий Сидоний, Боэций, Северин, Фест, Симмах, Деций, Динамий, Пробин).

В Риме сохранилась курия наследственных сенаторов, пользовавшаяся традиционным почетом. Остались прежние учреждения в Риме и Равенне. Однако Римский сенат перестал управлять делами не только Империи, но и Италии. Он почти превратился в магистрат Рима. Формально это оправдывалось тем, что со времени отправки императорских регалий в Константинополь верховным правителем Востока и Запада стал считаться византийский император. Некоторые короли Запада относились к нему, как к своему повелителю, и пытались заручиться его поддержкой, но это не мешало их самостоятельности в пределах собственных королевств. Далекий император не имел ни возможности, ни необходимости вмешиваться в их дела…

ЗАГОВОР АЙШИ ПРОТИВ ХАЛИФА АЛИ

Арабский халифат. 650-е годы

Первым преемником основателя ислама Мухаммеда был Абу-Бекр. Арабам он пришелся по душе. Осман (644—655), правивший сразу вслед за ними, также ни в малой степени не злоупотреблял своей властью: его отличали высокая нравственность, уважение к религии, он заботился о бедных и страждущих Осман заслужил любовь своих подданных. Однако против этого правителя был составлен заговор, жертвой которого он стал.

Самым заклятым врагом халифа был его секретарь Мерван, злоупотребивший доверием господина. От имени халифа он отдавал такие приказы и распоряжения, которые в конечном итоге всколыхнули в народе бурю негодования. Произошло восстание, даже попыток подавить которое не было предпринято, так что народ ворвался во дворец халифа с оружием в руках. Осман, видя приближающихся к нему людей, взял в руки Коран и прижал его к груди. Он полагал, что эта столь почитаемая мусульманами книга спасет его от насилия. Но разъяренная толпа уже ничего не соображала. Ему нанесли множество кинжальных ударов. Так закончилась жизнь 24-летнего халифа.

После кончины Османа правителем стал Али (655—660). Между тем Талха ибн Аллах и Зубейр, пользующиеся большим авторитетом среди мусульман, также претендовали на верховную власть и не могли взирать спокойно на восшествие нового халифа. Именно это чувство заставило их решиться на заговор против правителя. В этот заговор вошла и Айша, вдова пророка Мухаммеда, получившая прозвище «Матери правоверных», которая поддерживала Абд-Амаха ибн Зубейра, по слухам, своего любовника.

Вдову Мухаммеда подозревали в измене мужу еще при eFo жизни. Али посмел вмешаться в столь деликатное дело и даже представил весьма серьезные доказательства супружеской измены жены предполагаемого пророка А ведь хорошо известно, сколь чувствительны женщины к такого рода обвинениям1 И Айша ждала лишь подходящего случая, чтобы отомстить.

Талха и Зубейр, желая погубить халифа, подстрекали его наказать виновников смерти Османа. Откажись Али даже под благовидным предлогом от этого предложения, и пятно преступления неминуемо легло бы и на него; покарай же он подлинных убийц, и число его

нынешних врагов значительно бы возросло.

Халиф, понявший, какую ему готовят ловушку, казалось, стремился отомстить за смерть несчастного Османа. «Позаботьтесь найти этих гнусных злодеев, — промолвил он, — а уж я сурово их покараю, но знайте, что поиски эти скорее возбудят всеобщее волнение и могут стать причиной гибели государства». Ответ этот был по-настоящему мудр, и если бы Али всегда вел себя с подобной осторожностью, он бы непременно избежал уготованных ему несчастий.

Меры, принятые им в целях укрепления собственной власти и авторитета, к несчастью, возымели совершенно обратное действие и повели его к скорой гибели. Так, Али решил, что следует незамедлительно и в целях безопасности государства сменить всех наиболее подозрительных наместников областей и провинций необъятной арабской державы, запятнанных участием в заговоре против Османа или подозреваемых в сочувствии и тайном содействии заговорщикам, а также тех, кто вел себя слишком независимо по отношению к центральной власти. Теперь он намерен был даровать посты наместников только верным ему людям. Кроме того, он запретил наместникам набирать большое число стражи и слуг.

Абд-Аллах ибн Аббас, с которым Али советовался по данному вопросу, предложил своему господину и повелителю избегать резких изменений в общественной жизни и в вопросах управления и прежде всего заклинал его не спешить смещать со своего места Муавию, наместника Сирии, столь могущественного и пользующегося таким авторитетом, что его отстранение от должности неминуемо повело бы ко всеобщему возмущению в Сирии и Аравии. Увы, совет этот, столь здравый и справедливый, не был исполнен. Муавия был смещен и на его место назначен сам мудрый советчик Абд-Аллах. Увы, его предшественник увез с собой все деньги из губернаторской казны и, прибыв в Мекку, вручил их в руки Айши, Тал-хи и Зубейра, выказав тем самым открытое неповиновение халифу.

Последние двое были разгневаны тем, что Али не назначил их наместниками провинций. Халиф сказал им, что в нынешних обстоятельствах нуждается в их советах, почему и просит не отлучаться от его двора, обещав при этом, что услуги их не останутся без достойного вознаграждения.

Подобный тон не понравился двум старым и опытным приближенным халифа. Талха ибн Аллаху и Зубейру не составляло труда понять, что отныне за каждым их шагом будут следить. Они, конечно, сделали вид, что не постигли намерений повелителя, и рассыпались в льстиво-хвалебных речах по поводу его мудрости и предусмотрительности, а некоторое время спустя все-таки смогли получить разрешение совершить паломничество в Мекку. Там, в сердце Аравии, ее древней столице, они при активном участии и содействии Айши составили заговор, стоивший жизни злосчастному халифу. Лозунгом, под которым объединились противники Али, была месть за смерть Османа.

Сначала пламя мятежа охватило. Сирию Жители этой провинции нашли средство раздобыть одежду Османа, которая была на нем в момент убийства, и воспользовались ею как знаменем восстания, способным зажечь праведным гневом сердце народа. И в самом деле, зрелище это не могло не оказать сильнейшего впечатления на сирийцев, тотчас же взявших в руки оружие, чтобы отомстить за смерть Османа, своего благодетеля.

Узнав о происходящем, Али тотчас написал Муавии, дабы убедить его незамедлительно проявить знаки прежней дружбы и верности. Письмо халифа было написано в выражениях вполне мягких и умеренных, ответ же на него оказался крайне оскорбителен. Бывший губернатор Сирии направил халифу послание, которое содержало всего лишь два слова: «Муавия — Али».

И в то время как в дальних провинциях разгоралось восстание против Али, в самом сердце халифата Айша, Талха и Зубейр при поддержке Омейядов, рода, из которого происходил Осман, вынашивали еще более решительные планы.

Заговорщики, разрабатывая план действий, решили осадить город Басру — будущую столицу их движения, о чем заблаговременно были оповещены все враги правящего халифа посредством посланий, составленных в следующих выражениях: «Мать всех правоверных мусульман, а с нею вместе Талха и Зубейр лично направляются в Басру. Все, горящие желанием ценой своей крови и жизни защитить религию и отомстить за смерть Османа, должны ехать туда же и сделать все возможное во исполнение этого святого и благочестивого дела».

Наконец Айша вместе с отрядом выступила в Басру. Как гласит предание, во время стоянок стаи собак кружили вокруг ее шатра, не переставая лаять на эту жестокую женщину. Столь простое событие легко могло расстроить вс планы восставших, ибо вдова Мухаммеда вспомнила, что покойный супру видел в этом дурной знак. И Айша не захотела продолжать путешествие,) пришлось прибегнуть к хитрости, чтобы заставить ее переменить решение.

По приказу своих командиров воины, неожиданно появившись у шатров лагеря, разом и изо всех сил принялись кричать: «Опасность! Опасность! Неподалеку Али вместе со всеми своими войсками!»

Внезапная угроза заставила забыть о суевериях Взобравшись на верблюда, Айша стремительно тронулась в путь и вскоре была вблизи Басры.

Началась осада города. Гарнизон его мужественно защищался, но мятежники в конце концов им овладели.

Дальнейшие события донесены до нас в форме живописной легенды, которая рисует Али миролюбивым и мудрым правителем, способным к сострада нию даже к своим врагам.

Поскольку жители Медины более жителей других городов Аравийского полуострова способствовали избранию Али халифом, именно к ним он обратился за помощью. Правитель горячо убеждал мединцев поддержать его и разрушить замыслы врагов. После пламенной речи один из знатных жителей города подошел к халифу и молвил: «Повелитель, да будут прокляты те, кто с отвагой в сердце не поддержат дела своего законного владыки* Что касается меня, то прямо заявляю вам, что вы всегда найдете меня исполненным желания и рвения вам служить». Шаг этот, предпринятый человеком весьма уважаемым в своем городе, произвел сильное впечатление на мединцев, которые более не колебались, сразу приняв решение, и каждый из них выказал горячее желание выступить на защиту дела халифа.

В то же время Али послал гонцов к жителям Куфы, но с первого раза ничего не добился. Однако он не терял надежды и поручил исполнение важной миссии своему сыну Хасану. Тот предстал перед собранием горожан Куфы и сказал им: «Ваш повелитель сегодня обращается к вам за помощью. Он в долгу перед вами, и в ваших интересах не отказывать ему впредь. И какие причины, право, могли побудить вас изменить своему господину? Религия ли ваша чужда ему? Или вы считаете его бесславным захватчиком чужого трона? Мятежники говорят о мести за смерть Османа, но все эти речи не более, чем предлог, чтобы оправдать их поведение. Единственная тщеславная мечта Талхи и Зубейра заключена в том, чтобы зажечь фитиль братоубийственной войны; но даже если большая часть подданных моего отца восстанет против него, у меня есть все основания верить, что вы все-таки останетесь ему верны».

Эта речь произвела сильное впечатление на горожан. Беды халифа горячо их тронули и в них воскресло вновь горячее желание служить его интересам. Почти 9 тысяч его сторонников направились в лагерь законного владыки. Когда они прибыли, Али встретил их словами: «Вы будете свидетелями того, как поступаю я с жителями Басры, ибо я буду использовать мягкость, чтобы вернуть их в лоно моей власти, заставив вспомнить о долге, а потому, насколько это возможно, я буду воздерживаться от пролития крови моего народа. Я прошу тех из вас, кому верят в этом городе или кто имеет в нем каких-либо родственников и знакомых, присоединиться ко мне во имя успешного завершения задуманного. Я предпочитаю мир любым выгодам войны, если таковые вообще могут быть найдены, и я не хочу без надобности рисковать жизнями даже тех моих подданных, которые так несправедливо и безбожно желают лишить меня моей».

Ответом халифу стали крики радостного одобрения. Видя, как расположен к нему народ, он тотчас выступил в поход и вскоре стал лагерем у стен Басры. Талха и Зубейр, боясь, что стены совсем недавно выстроенной крепости, служившей военным форпостом арабских завоевателей в Ираке и Иране, не смогут выдержать штурма армии халифа, попытались примириться со своим господином. Они добились позволения предстать перед повелителем, который горько укорял их за неверность и мятеж. «Помните ли вы, — обратился он к Зубейру, — о том разговоре, когда пророк спросил вас о чувствах, которые вы ко мне испытываете, и вы ответили, что любите меня, а он тотчас же возразил: „И все-таки вы восстанете против Али и станете причиной несчастий для мусульман“. „Я припоминаю это, — отвечал Зубейр, — а если бы вспомнил раньше, никогда не поднял бы оружия против моего

господина и повелителя“.

Затем он удалился, поклявшись никогда больше не становиться на сторону восставших; но Айша скоро заставила его переменить решение.

Напрасно использовал халиф пути мягкосердечия и милосердия для приведения к покорности восставших подданных. Пришлось ему прибегнуть к оружию. Столкновения были жестоки. Айша призывала воинов проявить мужество. Ее присутствие и речи, наконец, ее гордый и прекрасный облик не могли не воодушевить войска, и одно это было причиной того, что война шла с переменным успехом. И все же победил Али. Талха и Зубейр погибли в битве. Талха, уже смертельно раненный, подозвал одного из военачальников халифа и сказал ему: «Сегодня я вновь готов повторить клятву верности моему господину, которую принес ему накануне; и в отчаянии от того, что оказался неверен своим обязательствам».

Зубейра был убит арабским военачальником по имени Амр. Полагая, что его достойно вознаградят за это, он принес халифу голову главы мятежных мусульман. Али, которому никогда не были чужды чувства гуманности и сострадания, не смог сдержать слез при виде такого печального зрелища и горько упрекнул Амра за ненужную жестокость, проявленную убийством несчастного Зубейра.

Айша, видя себя во власти победителей, разумеется, опасалась за собственную жизнь, но те и теперь относились к вдове Мухаммеда с должным почтением. Халиф отослал ее в Медину, посоветовав отныне вести себя скромнее, мудрее и благоразумнее.

ЗАГОВОР МИХАИЛА II ПРОТИВ ЛЬВА АРМЯНИНА

Византия, Константинополь. 820 год

История Византии, как никакой другой державы, наполнена заговорами, переворотами, политическими убийствами и изменами. Константинопольский двор впитал в себя роскошь и коварство Востока, жестокость и цинизм Рима, и внес свой вклад в копилку истории политической интриги. Яркое описание общей политической ситуации в стране в начале IX века дают современники:

«После того как римская армия присвоила себе право избирать императоров и стала возводить на трон людей самого низкого достоинства и звания, любой мог надеяться достичь этого высшего поста в государстве. Чтобы добиться его, следовало всего лишь применять в нужное время и в нужном месте подлость, коварство и убийство. Таковы были заговоры, потрясавшие в течение долгого времени Константинополь. Редко, когда кто-либо из императоров оканчивал свои дни в покое, передавая власть законным наследникам».

Примеров можно привести множество. Одним из ярких является судьба восхождения на трон и падения императора Льва V Армянина. Когда на троне восседал кесарь Михаил, он командовал римскими войсками.

В этот период шла война с Болгарией, которая складывалась крайне неудачно для Константинополя. Византийскими войсками командовал лично император.

Когда Михаил I отлучился от войск, оставив их под командованием Льва Армянина, византийский полководец решил воспользоваться удобным случаем. Он начал через своих людей распространять в войске слухи, что все поражения и несчастья его в этой войне порождены трусостью, слабостью и бездарностью императора, передавшего все бразды правления в руки императрицы. Затем, добившись ожидаемой реакции, внушил солдатам, что,только такой человек, как он, Лев, сможет достойно отплатить за оскорбление, нанесенное империи.

Больше ничего говорить не пришлось — солдаты, разочарованные и огорченные поражением, были и без того настроены против императора и потому охотно стали под знамена Льва, даровав ему звание императора.

Так Лев Армянин добился власти. Однако и при нем империи приходилось выдерживать тяжелые войны, которые были не более удачны, чем при его предшественнике.

Сразу после восхождения на престол Лев Армянин сместил со своих постов всех чиновников, которых поставил его предшественник. В деле распределения наград милостью

своей он не обошел и Михаила (будущего императора Византии Михаила II), коего уважал и высоко ценил как одного из самых верных своих слуг. Михаил получил от него звание патрикия и должность начальника федератов.

Михаил родился в Амории, городе Нижней Фригии. По слухам, в молодости он разводил скот и служил подпаском. Образования Михаил не имел, не умел ни читать, ни писать, отчего презирал людей образованных. Вместе с Львом Армянином он начал свою службу у стратига Анатолика Вардана, который отметил его и выдвинул в число полководцев. Михаил был храбр, но коварен, бесстыден, жаден, жесток, неблагодарен, склонен к сквернословию и пьянству.

Михаил начал плести интриги против хозяина. Некоторые монахи-иконоборцы убедили его, что в один прекрасный день он взойдет на трон.

Михаил остерегался раньше времени обнаружить свои коварные замыслы, однако, перебрав вина, не смог на одном из пиров сдержаться и раскрыл свои тайные намерения. Так, он признался, что хочет свергнуть императора и жениться на императрице. Лев Армянин не придал значения его словам, приписав их опьянению и глупости человека, открыто говорящего о столь важных и опасных вещах. И все же, предупрежденный друзьями, он велел арестовать Михаила, который после краткого дознания был приговорен к сожжению заживо.

Ужасный приговор должен был приведен в исполнение в сочельник 820 года. Преступника уже вели на казнь, и сам император пожелал присутствовать при этом зрелище. Но императрица Феодосия заявила супругу, что не подобает лишать человека жизни в столь великий праздник. Лев Армянин не хотел уступать настоятельным просьбам супруги, но под конец все же велел вернуть Михаила в темницу.

Всю ночь император провел в жестоких терзаниях. Он отправился в тюрьму и нашел Михаила спокойно спящим в собственной постели. Император усомнился, в самом ли деле друг его предал?

Вскоре Михаила известили о происшедшем. Это сделали люди, связанные с ним узами заговора: они послали сказать ему, что если его вскоре не освободят, то и они погибнут вместе с ним. Заговорщики, опасаясь, как бы заключенный перед смертью не назвал их имен, вошли в дворцовую часовню и напали на императора. Лев бросился к алтарю, обнял его ступени, моля Бога о спасении. В то же время он громко звал на помощь своих слуг, но никто так и не пришел на его призыв. Увы, ничто — ни храбрость, ни святость поста и заступничество Бога, ни пронзительные крики — не могло спасти его от банды убийц, поклявшихся довести до конца свое дело. Потеряв руку, которой он пытался себя защитить, Лев пал на землю, и в тот же миг заговорщики отрубили ему голову.

Михаила освободили из-под стражи и, не сняв с ног кандалы (не могли найти ключей, которые для безопасности Лев хранил при себе), усадили на трон, и все находившиеся во дворце преклонили колена и провозгласили его самодержцем. В середине дня, когда молва о случившемся уже распространилась повсюду и едва удалось разбить молотом цепи, Михаил отправился в собор Святой Софии и был коронован патриархом.

Так с эшафота взошел он на трон, отправив в монастырь императрицу Феодосию, которой был столь многим обязан Можно даже предположить, как это делали древние историки, что эта государыня тоже принимала участие в заговоре В таком случае нельзя не пожалеть о том, что она стала жертвою такой черной неблагодарности

ЗАГОВОР АНДРОНИКА КОМНИНА ПРОТИВ МАНУИЛА АЛЕКСЕЯ

Византия. 1182 год

После смерти Мануила Комнина 24 сентября 1180 года во главе правительства стали вдова покойного императора Мария, дочь антиохийского герцога-крестоносца Раймунда, и ее фаворит, племянник Мануила протоцеваст Алексей Комнин Номинальным же императором был 11-летний сын Мануила Алексей.

Окружение императора Алексея продолжало политику привлечения латинян, наводнивших Ближний Восток после серии крестовых походов Пришельцы с Запада, лишенные корней в Константинополе, были куда надежнее, чем родственники и провинциальная знать Население Константинополя было возмущено засильем венецианских и генуэзских купцов

Поддержка кварталов, заселенных иностранцами, обеспечивала доходы двору, но для горожан венецианцы и генуэзцы были чужими, наглыми и слишком богатыми чужеземцами.

В борьбу вступило и духовенство, для которого латиняне были еретиками И даже Мария Антиохийская, еще недавно обожаемая, стала еретичкой и чужестранкой.

Заговорщики, принадлежавшие к высшим придворным кругам (старшая дочь Мануила кесарисса Мария, ее муж, граф Ренье, брат Конрада Монферратского, эпарх города Иоанн Каматир, сыновья Андроника Комнина — Мануил и Иоанн), подготавливали убийство протосеваста Покушение было назначено на 17 февраля 1181 года, но в силу случайных обстоятельств его осуществить не удалось, а в марте «заговор двенадцати» был раскрыт Заговорщики попали в темницу, только Мария вместе с мужем, графом Ренье, нашла убежище в храме Святой Софии.

В борьбе партий, открывшейся по смерти Мануила, принял деятельное участие князь-изгой Андроник Комнин, который не находил себе поприща деятельности в Византии и большую часть царствования Мануила провел в скитаниях по странам Европы и Азии Существенное обстоятельство, обусловливавшее положение Андроника в царском семействе, заключалось в том, что он происходил от старшей линии, устраненной от престола по воле представителей младшей линии Именно император Мануил родился от младшего сына Алексея I Комнина, Иоанна, между тем как Андроник — от старшего, севастократора Исаака Уже отец Андроника делал попытку отнять власть у Иоанна, но потерпел неудачу, бежал на Восток и поднимал против Византии иконийского султана.

Юношеские годы Андроник провел в столице и воспитывался вместе со своим двоюродным братом, будущим императором Мануилом Можно полагать, что он провел около 15 лет при дворах различных государей Востока Незадолго до смерти Мануил пригласил его в Константинополь, взял с него слово не искать власти при малолетнем Алексее II и назначил ему жить в Пафлагонии Здесь и жил Андроник в 1181 году, когда до него дошла весть о смерти Мануила.

Он не торопился вмешиваться в события Из Пафлагонии Андроник внимательно следил за событиями в столице Обуреваемый жаждой мести, но не нашедший еще надежного способа обрести корону, он писал письма императору, патриарху Константинополя и самым видным людям государства, высказывая им свою боль по поводу излишеств и недостатков двора, и утверждал, что совершенно необходимо положить предел не в меру выросшему влиянию регента и первого министра Письма эти были написаны с большим искусством, и казалось, что Андроник думает лишь о том, как уврачевать зло, опустошающее империю.

А что происходило в Константинополе? Мария Антиохийская и ее фаворит не посмели послать солдат в храм и упустили время Из храма с помощью священников Мария начала призывать константинопольский люд к восстанию против соперницы Эти призывы пали на благодатную почву — толпы народа заполнили улицы, они громили дома приверженцев императрицы-матери, жгли канцелярии, чтобы уничтожить податные списки Начались погромы в кварталах латинян, правда не везде Итальянские солдаты примкнули к восставшим, а французы и немцы остались на стороне правительства.

Испуганный восстанием, протосеваст Алексей приказал своим войскам взять храм Святой Софии штурмом Но храм не был беззащитен — мгновенно к нему сбежались тысячи горожан, и закипел отчаянный бой, который остановило лишь вмешательство патриарха Алексей пошел на компромисс и простил заговорщиков Те вышли из собора победителями.

В эти бурные дни в Константинополе распространились слухи об Андронике говорили, что он не потерпит поругания престола и отомстит протосева-сту за все его несправедливости Ораторы, восхваляя Андроника, приводили одно древнее предсказание, по которому ему обещана царская власть, доказывали, что он один в состоянии принять под защиту народное дело, как человек умудренный опытом и летами и не зараженный латинским влиянием.

Не справившись с кесариссой Марией, протосеваст Алексей решил отыграться на патриархе Патриарх был отвезен в монастырь, и тут же восстание вспыхнуло с новой силой И опять правительству пришлось отступить.

И тут пришла пора выйти на сцену Андронику Он ждал этого часа всю свою жизнь Андроник со своими приверженцами двинулся к столице Лишь в некоторых местах (Никея,

Фракисийская фема) ему было оказано сопротивление — Малая Азия приветствовала его («каждый в это время призывал Андроника», — утверждает Евстафий Солунский).

Кесарисса Мария под предлогом прогулки за город покинула Константинополь и поехала навстречу Андронику, который уже находился в малоазий-ской провинции Пафлагонии. Андроник, привыкший скрывать свои истинные чувства и намерения, сначала вел себя осторожно, но, увидев искренность и благородство кесариссы, смело открывшей ему свои планы, признал, что отныне они должны действовать заодно, дабы освободить молодого императора от тлетворного влияния императрицы-регентши и ее любовника, первого министра двора, истинных и главных виновников всех бед в государстве. Мария и Андроник заверили друг друга, что не имеют других помыслов, кроме освобождения императора, и даже пролили слезы по поводу горестной участи юного повелителя, которого они в свое время клялись предать смерти. .

Тем временем в Константинополе ширилось народное движение, главным лозунгом которого было ограничение произвола иностранцев. Вот как пишет о ситуации в городе один из них, Вильгельм Тирский:

«Не только те, которые явно переходили к Андронику, ослабляли нашу партию, но и все другие знатные и народ уже не тайно, но явно высказывали свое расположение к Андронику. Вследствие того наши, страшно пораженные, боялись неожиданного нападения на них греков, будучи о том предуведомлены некоторыми участниками в заговоре».

Когда император Алексей увидел, что подданные один за другим его покидают, он решил наконец совершить то, чего от него так долго добивались — принести в жертву протосеваста. Его схватили во дворце и доставили к Андронику. Тот разыграл патетическую сцену, обвиняя фаворита императрицы в низкой измене, и приказал выколоть ему глаза.

Накануне вступления в столицу Андроник спровоцировал избиение «латинян» — приближенных протосеваста Алексея, привилегированных воинов, итальянских купцов. В уличных боях в первую очередь принял участие «городской демос», простой люд.

В апреле 1182 года Андроник вступил в столицу. Его торжественно встречали как освободителя не только толпы народа, но и патриарх Феодосии и кесарисса Мария.

Андроник обратился к народу с речью. Он клялся всеми святыми, что пришел исключительно для того, чтобы освободить обожаемого юного императора Алексея от господства безнравственных людей, что его интересует лишь благоденствие империи, что власть ему не нужна — он верный сын отечества. У него лишь одно желание — оградить императора от вредного влияния его распутной матери и ее фаворита, которых он просит добровольно отказаться от власти.

Следующим актом проявления преданности Андроника престолу стало посещение усыпальницы Мануила в церкви Пантократора. Присутствовавшие были поражены выражением глубокой скорби, которую обнаружил Андроник; но многие иначе поняли эту сцену и слезы Андроника называли актерством.

Легкий успех, с которым Андроник достиг популярности в Константинополе и получил в свои руки высшую власть, обусловливался двумя обязательствами, принятыми им на себя. Он обязывался, во-первых, установить национальное правительство и освободить Византию от латинян, во-вторых, ослабить служилую аристократию и поместное дворянство, причем предполагался ряд мер, имевших целью обеспечить благосостояние земледельческого сословия.

Первые месяцы правления Андроник активно занимался государственными делами, причем так, чтобы завоевать любовь народа. Он отменил непосильные налоги, разогнал мздоимцев и жестоко покарал ненавидимых чиновников. В то же время Андроник подавлял сопротивление в провинциях, где еще оставались сторонники протосеваста. И ни на минуту не забывал о своей основной задаче — убрать с пути всех соперников.

Неожиданно по Константинополю разнеслась весть, что таинственным образом умерли кесарисса Мария и ее муж граф Ренье, союзники Андроника. Никто не сомневался, что их отравили по его приказу.

В последующие недели страшные слухи расползлись по Константинополю, родственников императора арестовывали. Затем начались публичные суды. Из политических соображений Андроник избегал тайных убийств. Послушные прокуроры всегда выносили

нужный приговор. Так погибла вся верхушка семьи Комнинов.

Наступила очередь самых главных соперников — императрицы-матери и мальчика-императора.

Сначала Андроник принялся публично обвинять императрицу в том, что она строит против него и империи страшные козни, поэтому он якобы будет вынужден покинуть Константинополь. Он не может нести ответственность за безопасность императора.

После того как почва была подготовлена, Андроник приказал арестовать императрицу-мать. Марию обвинили в том, что она иностранная шпионка. Нашлись и свидетели ее шпионской деятельности, и обвинители, которые доказали, что она намеревалась продать Византию франкам. Приговор был единодушен — смертная казнь.

Но этот приговор был недействителен без санкции императора. Андроник принес его мальчику и приказал подписать смертный приговор матери.

Прежде чем задушить Марию в камере, ей показали подпись сына — последний акт мести Андроника своей сопернице.

Прошло еще несколько месяцев, и послушный совет империи обратился к Андронику с нижайшей просьбой короноваться, так как иначе ему будет трудно нести бремя власти. Андроник картинно возмутился неожиданным предложением и тут же во всеуслышание отказался от незаслуженного поста. Совет настаивал, народ бушевал на улицах — слава Андроника еще не потускнела. Многим казалось, что, если он станет императором, в Византии наступит золотой век.

Процедура коронования Андроника, как пишут хронисты, была хорошо разыгранной комедией. Он буквально дрался с придворными, которые старались надеть на него пурпурную мантию и корону. Его еле втащили на трон И в конце концов, обливаясь слезами, Андроник покорился воле народа и поклялся, что делает лишь для того, чтобы помогать Алексею.

Через месяц Алексея привели во дворец к Андронику, и в то время, как император занимался государственными делами, задушили в соседней комнате. Труп мальчика выволокли к ногам Андроника, который сказал, с презрением его разглядывая «Отец твой был лжецом, мать — развратницей, а сам ты — трусом». В течение нескольких дней он не расставался с головой Алексея, дабы досыта усладить взгляд столь приятным ему зрелищем. Потом ее выбросили в Босфор вместе с прочими останками. Такова была судьба молодого правителя, который в течение трех лет своего властвования был рабом своей матери, своего первого министра, своего опекуна и своих удовольствий.

Патриарха Феодосия сослали в монастырь, а на его место поставили менее прозорливого иерея.

Девочку-императрицу Анну Андроник велел привести к себе в спальню. Она стала его наложницей.

В конце 1183 года Андроник повелел расторгнуть свой брак с Феодорой и женился на Анне, которой тогда было тринадцать. Бракосочетание состоялось в храме Святой Софии…

ЗАГОВОР МИХАИЛА ПАЛЕОЛОГА ПРОТИВ ИОАННА ЛАСКАРИСА

Византия. 1259 год.

В 1254 году императором Никеи был провозглашен Феодор II Ласкарис Ближайшими советниками 33-летнего императора стали незнатные лица — протовестиарий Георгий Музалон и два его брата. Георгия император обычно оставлял своим наместником в столице во время военных походов.

Феодор Ласкарис вел жесткую политику. Он строго взыскивал налоги, ликвидировал некоторые излишества при дворе: даже императорские охотничьи и сокольничьи были зачислены в войско. Но серьезной ошибкой Феодора Ласкариса было снижение платы западным наемникам.

Великий коноставл (коннетабль), командующий наемниками, осторожный и изворотливый, Михаил Палеолог происходил из знаменитой и очень знатной семьи, имевшей тесные родственные связи с правителями империи. Притеснение латинских наемников он

воспринял как личное оскорбление. Опираясь на недовольство своего войска, он ждал только случая, чтобы взять власть в свои руки. И случай не заставил себя долго ждать.

Правление Феодора II Ласкариса было коротким. Он страдал тяжелой болезнью, сопровождавшейся мучительными эпилептическими припадками. В августе 1258 года император умер, оставив трон восьмилетнему сыну Иоанну. Опекунами юного императора Феодор Ласкарис назначил Георгия Музалона и, вероятно, патриарха Арсения

Регент знал, насколько ему враждебны архонты, враги личного режима, и наемники-латиняне с Михаилом Палеологом во главе. Поэтому он немедленно отвез малолетнего императора в крепость Магнисию, где хранилась императорская казна, и окружил его верными слугами под начальством Агиофеодо-рита, друга покойного императора. В то же время он созвал архонтов и войско и объявил, что готов уступить власть желающему принять на себя ответственность. Однако заговорщики предпочли действовать из-за угла. Палеолог выступил с речью, восхваляющей мудрость Музалона, и задал тон собранию. Посыпались льстивые заявления. Была принесена присяга на верность Иоанну и Георгию Музалону

Но уже через несколько дней после похорон императора Феодора в Сосандрах, на его могиле, разыгралась кровавая трагедия. Молодой император с Музалонами и сановниками прибыли в храм для заупокойного богослужения. Наемники подняли шум, требуя показать им императора Иоанна, и, когда он показался на паперти, заговорщики вместе с наемниками-латинянами ворвались во храм. Георгий, Андроник и Феодор Музалоны пытались найти убежище у алтаря, но были настигнуты и зверски зарублены. Кровь регента обрызгала престол. Имущество Музалонов было немедленно разграблено. Но перед народом заговорщики кричали «Мы расправились с изменниками, которые извели императора Феодора и посягнули на свободу его сына, императора Иоанна. Да здравствует свобода!»

Охрана малолетнего Иоанна была усилена. Многими овладела паника. Старый вельможа Карианит со своими приближенными бежал к сельджукам. У трона юного императора разыгрались страсти и соперничество; знатные семейства хотели захватить его в свои руки.

Анархия не могла длиться долго Дела государства, особенно на Западе, требовали твердой руки. Первым кандидатом в регенты был Михаил Палеолог — испытанный полководец, любимец войск, особенно наемников-латинян, знатного рода, выдвинувшегося при первых Комнинах, родственник царствующего дома и лично, и по жене. Гибель Музалонов открыла ему путь к верховной власти. Не дожидаясь патриарха, Михаилу дали звание великого дуки.

Как регент, он получил доступ к императорским богатствам, собранным императорами Иоанном и Феодором в крепостях Магнисии на Меандре и Ас-тице на Скамандре. Михаил щедро раздавал деньги сановникам, военным, духовенству, всюду вербуя сторонников. Пытался он завоевать симпатии и простых горожан, освободив должников фиска из тюрем Особенно старался Палеолог привлечь духовенство на свою сторону. Прибывшему патриарху Михаил устроил торжественную встречу и вел его мула под уздцы, прибыв во дворец, он вынес малолетнего императора и вручил патриарху. При всяком случае Михаил заявлял, что примет власть лишь из рук синода В то же время он соблазнял архиереев, показывая им императорские сокровища. Синод не устоял, тем более что Палеолог не скупился на содержание архиереев и через третьих лиц или при ночных свиданиях обещал еще более.

Палеолог приобрел расположение такого числа влиятельных сограждан, что уже на первом собрании своих сторонников удостоился от них необыкновенных похвал, после которых собравшиеся сановники и вельможи спросили, будет ли ему угодно принять титул «деспота».

На соединенном заседании синода с сановниками ни один архиерей не подал голоса против Палеолога, наоборот, все находили нужным возвести его в сан деспота, чтобы он получил справедливое воздаяние за труды и личный риск, сопряженные с регентством, и чтобы Палеолог, удовлетворенный такой честью, тем вернее оберегал малолетнего императора; архиереи указывали на знатный род Комнина-Палеолога, на его почтение к духовенству, доступность и щедрость.

В результате в 1259 году знаки сана деспота были вручены Палеологу малолетним императором и патриархом. Михаил имел право устраивать торжественные церемонии встреч посольств, давать аудиенции им и все гражданские и военные дела решать единовластно.

И все же, облеченный столь обширными полномочиями, Михаил Палеолог все еще не был императором, а значит, не были удовлетворены и его необычайные амбиции. Хотя в его руках концентрировались все прерогативы императорской власти, титула императора у него не было.

Щедроты Палеолога полились рекою; втайне он хлопотал уже о должности императора-соправителя. Предварительно шли переговоры: будущему императору были поставлены условия. Он обязался отказаться от престола за себя и за сына, если не окажется достойным, т.е. если не сдержит своих обещаний.

Палеологу было предложено, во-первых, гарантировать права церкви, слушаться и чтить ее представителей. Он обязался считать церковь своей матерью. А обещаний было не мало.

Знати и сановникам было обещано назначать на высшие должности лишь достойных. Не должно быть посягательства на имущественные права, но как бедный (крестьянин), так и достаточный (архонт) могут безбоязненно хвалиться своим достатком. Обещано было не устанавливать незаконных (т.е. новых) налогов.

Палеолог обязался не слушать доносов, обеспечить правосудие. Отменены были судебные поединки и испытание железом, которое однажды угрожало самому Палеологу.

Ученым гарантировано почетное положение, точнее сказать, императорские щедроты.

Армии будущий император обещал оставить поместья (пронии) за детьми владевших ими служилых людей, хотя бы находившимися во чреве матери при смерти отца. Другими словами, пронии становились наследуемым имуществом.

Само собою разумеется, давая такие благородные и прекрасные обещания, Михаил Палеолог клялся ничем и никогда не вредить словом, делом и даже мыслью Иоанну Ласкарису, своему сюзерену, со своей стороны тот тоже обязывался не вмешиваться в дела, мнения, решения и интересы того, кто должен был стать его коллегой и соправителем.

Сторонники Палеолога были в большинстве, и потому им легко было добиться всего, чего они желали. В 1259 году должна была состояться коронация обоих императоров. Однако коронован был лишь Михаил Палеолог. Коронация Иоанна была отложена на неопределенный срок. Ласкарис вернулся во дворец в обычной диадеме, украшенной жемчугом и другими драгоценными камнями.

Возвышение Палеолога не обошлось все-таки без борьбы. Патриарх Арсений, коронуя Михаила, добился от него клятвы, что по достижении Иоанном совершеннолетия тот станет единовластным государем Дорожа своим авторитетом и авторитетом церкви, патриарх не мог пренебречь присягой Феодо-ру II и его сыну. Арсения поддержали некоторые епископы. Были, по-видимому, колебания и среди придворных.

Оппозиция, однако, оказалась бессильной. Несчастный ребенок был удален от двора под надзор преданных Палеологу людей Весной 1261 года Арсений в знак протеста оставил патриарший трон и удалился в монастырь. Палеолог быстро организовал выборы нового патриарха. Непокорные епископы были смещены со своих кафедр. Событием, чрезвычайно благоприятствовавшим планам Палеолога и случившимся как нельзя более кстати, было отвоевание в июне 1261 года Константинополя. Оно было истолковано самим Палеологом и придворными льстецами как знак божьего расположения к Михаилу. Высшая чиновная знать во главе с Георгием Акрополитом подготовила узурпатору приятный сюрприз к его вступлению в древнюю столицу — восторженный панегирик. В Константинополь из Никеи прибыл патриарх Арсений, в храме Софии состоялась вторичная коронация Михаила VIII Палеолога и его супруги Феодоры, явившаяся своеобразным завершением торжеств по поводу восстановления Византийской империи.

Судьба Иоанна была окончательно решена. Палеолог решил не убивать его, ограничившись простым и не столь жестоким ослеплением конкурента при помощи вращающегося перед глазами раскаленного щита. Несчастному Ласкарису была сохранена жизнь, но до самой смерти ему было уготовано судьбой пребывать во мраке собственной слепоты и заточения в мрачных стенах унылой крепости на самом берегу моря…

«СИЦИЛИЙСКАЯ ВЕЧЕРНЯ»

Сицилия. 31 марта 1282 года

В 1281 году Карл I Анжуйский, младший брат Людовика IX, короля Франции, после победы над сицилийским королем Манфредом и его преемником Конрадином овладел Сицилией.

Более умелый и опытный в делах войны, чем мирного правления, Карл Анжуйский умел покорять, но не умел управлять.

Утвердившись на троне, он с самого начала решил увеличить свои доходы. Король ввел новые налоги, которые легли тяжким бременем на плечи сицилийцев. Кроме того, число чиновников резко возросло, и каждый из них угнетал народ своей алчностью и жестокосердием.

Сицилийцы надеялись найти избавление от всех зол в смене государя и попытались возложить корону на голову Конрадина. Когда умер его отец Конрад, правивший Сицилией около четырех лет, ему было два года. Поскольку тогда сам он был не в состоянии защищать корону и трон, на который претендовали римские папы, Манфред— сын императора Фридриха II — под предлогом защиты интересов своего племянника с оружием в руках вступил на землю Сицилии и завоевал остров. Он был коронован в Палермо 11 августа 1258 года. Папа Урбан IV, считавший его узурпатором, наложил запрет на коронацию и, обвиняя Манфреда в тяжких преступлениях против Церкви, Бога и международного права, с согласия сицилийских грандов провозгласил графа Анжуйского королем Сицилии с условием, что он освободит церковь от тирана и изгонит его с острова. Француз принял эти условия и овладел короной Сицилии. Против Манфреда был объявлен крестовый поход. В битве его войска были разгромлены, а сам Манфред погиб.

В то время когда сицилийцы вновь обратили на Конрадина свои взоры, принцу шел уже шестнадцатый год и он жил при дворе Отона, герцога Баварского, своего дяди по матери. Некоторые сторонники Манфреда, изгнанные из Сицилийского королевства, прибыли в Германию и уведомили Конрадина о том, что наступило время доказать справедливость своих притязаний.

Большая часть городов Италии встала на его сторону. Конрадин повсюду действовал с большим успехом и одержал немало побед, но вскоре фортуна перестала ему благоволить. Он был разбит и попал в плен к своим непримиримым врагам. Все его сторонники, взятые в плен, погибли на виселице.

Карл был убежден в том, что лишь жестокость в состоянии удержать в повиновении народ. Но это не могло напугать сицилийских грандов. Сицилийские синьоры укреплялись в своих замках, так что посланные их покорять вынуждены были повсюду сеять смерть и опустошение, срывая укрепления восставших до основания и истребляя сельское население. Однако после многочисленных кровавых казней спокойствие не воцарилось. Тогда Карл Анжуйский отдал приказ предать суду Конрадина и Фридриха Австрийского, его двоюродного брата. Оба были приговорены к смерти.

Король пожелал лично присутствовать при казни. Конрадин, обратив взгляд к толпе, громко произнес, что не имел намерений узурпировать сицилийскую корону, но лишь стремился вернуть то, что принадлежало ему по божественному праву. «Я надеюсь, — добавил он, — что все государи Баварского дома, вся Германия отомстит за мою смерть». Своим наследником он назвал Педро, короля Арагонского (Педро был женат на Констанции Швабской, дочери Манфреда, дяди Конрадина), и бросил толпе свою перчатку в знак сложения с себя полномочий и передачи их своему преемнику.

Первому отрубили голову Фридриху. 17-летний Конрадин, оплакав друга, вторым встал на колени и получил смертельный удар, положивший конец его короткой, но бурной жизни. Он был последним государем из знаменитого рода Штауфенов, герцогов Швабских, который правил Священной Римской империей германского народа в течение целого века, а королевством Сицилией в течение семидесяти шести лет.

Сицилийцы не могли больше выносить власть тирана. Первым, кому пришла мысль о заговоре против Карла Анжуйского, был синьор Джованни ди Прочида. Он был известен как человек решительный, скрытный, многоопытный в делах разного рода, к тому же редкой осторожности. Фридрих II и Манфред, хорошо знавшие его достоинства, доверяли ему

выполнение самых ответственных заданий.

В это время король Сицилии готовился вернуть константинопольский трон своему зятю Филиппу, сыну и наследнику Балдуина II, императора Латинской империи крестоносцев. Последний был лишен Константинопольского трона Михаилом Палеологом.

Синьор Прочида, осведомленный о замыслах своего государя, тайно встретился с Михаилом Палеологом, сообщив тому о готовящемся выступлении. Также он обещал ему помощь на Сицилии и союз с Педро, королем Арагонским. Император последовал советам синьора Прочиды, дал ему письма к Педро и сицилийским синьорам и направил на Сицилию своих послов под предлогом заключения союза с Карлом Анжуйским, а на самом деле — для изучения настроений народа.

Недовольство сицилийцев было всеобщим. Налоги были непосильными. Чиновники короля, почти сплошь французы, бесчинствовали. Правда, сицилийцы еще надеялись, что король не подозревает о злоупотреблениях. Но вскоре эти надежды рухнули. Карл отказался выслушать делегатов и с угрозами велел удалиться.

Оставалось только уповать на помощь папы Николая III. К нему были направлены епископ и монах. Добившись аудиенции, они обстоятельно рассказали об угнетении сицилийцев и заклинали папу помешать королю совершать подобные беззакония в дальнейшем. Когда делегаты выходили из дворца папы, люди Карла Анжуйского набросились на депутатов. Монаха связали и бросили в тюрьму, прелат с трудом откупился, сообщив своим соотечественникам об «успехе» путешествия.

Вскоре и Прочида, переодевшись монахом, прибыл в Рим и поведал папе о настроениях сицилийской знати и договоре, заключенном с Михаилом Палеологом. Великий понтифик, ненавидевший Карла Анжуйского и к тому же охотно принявший дары императора Византии, согласился написать королю Арагона, обещая ему королевство Сицилийское в том случае, если он его завоюет. Король Арагона принял предложение и обещал приступить к исполнению благого дела.

Смерть Николая III, случившаяся чуть позже, едва не расстроила все планы. Карл Анжуйский с радостью узнал об этом, новый папа, как он надеялся, мог с гораздо большим благоволением отнестись к его давней мечте — возвращению Константинополя под власть папы. Удовлетворение его было полным. Высший пост в римской церкви достался его сторонику кардиналу Симону, ставшему папой под именем Мартина IV.

Для француза все складывалось превосходно. Король Арагона был в нерешительности, но синьор Прочида вновь прибыл в Константинополь, откуда вместе с послами Палеолога направился морем в Каталонию и там встретился с Арагонцем. От имени Михаила Палеолога королю вручили большую сумму денег (30 тыс. унций золота) для снаряжения флота и войска, которые должны были бы помочь сицилийской знати свергнуть иго Анжуйской династии.

В конце королю сказали. «Должно быть, вы забыли о тяжких оскорблениях, которые нанесли французы вашему дому. Разве не они лишили жизни вашего сиятельного предка Педро Арагонского, нашедшего смерть от их рук в битве при Мурете? Да, по правде сказать, смерть его была славной, потому что он пал с оружием в руках Но разве кровь Конрадина, пролитая презренным палачом, не взывает вас к мести7 Но даже если вам безразличны смертельные оскорбления, нанесенные вашему дому, должны ли вы отказаться от прав своей жены9 Трон Сицилии принадлежит ей, и от вас зависит воссоединение его с вашим троном Все сицилийцы настроены в вашу пользу и очень в вас верят, они стонут под игом тирании и надеются обрести именно в вас своего освободителя Не обманите же их ожиданий»

Речь эта произвела решающее впечатление на Педро Арагонского, и он решил довести до конца замысел, от которого прежде чуть не отказался Клятвенно заверив союзников в своей поддержке, он снарядил флот и объявил, что готовит его для войны с сарацинами.

В то время как он вел свои приготовления, король Франции Филипп Смелый послал к нему спросить, в какую же из арабских стран намерен он направиться, и предлагал свою помощь и деньги Арагонец, не открыв ему правды, принял предложение своего шурина Филипп был удивлен подобной скрытностью и сообщил об этом королю Сицилии, но Карл, слишком уверенный в собственной отваге и могуществе, не придал особого значения словам французского короля и приготовлениям арагонцев.

Джованни Прочида, путешествуя под видом монаха по Сицилии, готовил своих сторонников к общему выступлению Заговорщики собрались в Палермо на праздник Пасхи, который в этом году выпадал на 29 марта, и случилось так, что именно накануне этого дня один из французов изнасиловал местную женщину Узнав об этом, сицилийцы взялись за оружие Французские солдаты поддержали своего соотечественника И повод этот стал началом знаменитой резни, получившей название «Сицилийской вечерни», поскольку сигналом к ее началу послужил звон колоколов, призывающих людей по всему острову на вечернюю молитву Именно с этого момента и началось всеобщее истребление французов их убивали без различия звания, пола и возраста Жестокость дошла до того, что беременным французским женщинам вспарывали животы, чтобы не оставить на Сицилии и следа этой ненавистной нации И все-таки был пощажен и избежал смерти некий провансалец, Гильем де Порселет, правитель небольшого города Калафатимы, известный в этом городе своей скромностью, добротой и справедливостью С почестями был он отправлен на родину, оказавшись единственным из восьми тысяч французов, удостоенным такой чести, — все остальные погибли.

Довольно долго Карл ничего не знал о кровавой резне Когда же ему стало известно о трагедии, он, срочно снарядив флот, взял курс на Мессину и вскоре блокировал ее порт Жители города, хорошо представляя степень угрожающей им опасности, просили помощи у папского легата, умоляя примирить их с королем.

Но Карла еще больше разгневало то, что его подданные смеют торговаться и выставлять какие-то условия своему господину Он прямо заявил, что лишает их всякой надежды на примирение, так что мессинцам оставалось готовиться к мужественному отпору Король держал военный совет, решая, следует ли уничтожать город осадой и штурмом, рискуя обратить его в пепел, или дать его жителям несколько дней покоя, чтобы вынудить их самих вывесить белый флаг и принять все его условия.

Победила вторая точка зрения Началась длительная осада города Поэтому у восставших было время укрепить город и спокойно ожидать помощи из Арагона.

Тем временем король Педро прибыл в Палермо, жители которого встретили его как освободителя Он повелел Карлу удалиться из Сицилии, в противном случае угрожая силой вытеснить его с острова Карл отвечал ему в том же духе, а позже, принужденный все-таки снять блокаду с Мессины, послал Педро письмо, полное самых грубых оскорблений.

Но обвинения и угрозы Карла Анжуйского нисколько не смутили арагонского короля Он лишь опасался войск Франции, Тосканы и Ломбардии, посланных на подмогу его сопернику Если бы Карл сумел извлечь для себя пользу из этой помощи, возможно, ему не составило бы труда вернуть себе сицилийскую корону, но он угодил в ловушку, устроенную арагонцем. Тот, опасаясь, что не сможет долго держаться против мощных сил объединенной коалиции, предложил Карлу прекратить распри, решив дело рыцарским турниром, в котором должны были биться по сто рыцарей с каждой стороны, включая и двух королей Карл, в гораздо большей степени отважный, чем осторожный, посчитал, что будет обесчещен, если откажется от предложения. Он принял вызов и выбрал местом сражения город Бордо во Франции, в то время принадлежавший королю Англии.

В назначенный день Карл прибыл на место необычайной дуэли, однако противник его так и не появился Король Арагона не собирался посещать турнир Педро всего лишь хотел удалить Карла из Италии и помешать ему воспользоваться помощью из Франции Он остался хозяином уже захваченного им трона Конечно, чтобы вернуть утраченное, Карл предпринимал отчаянные попытки, пока смерть не настигла его во время одного из походов.

ЗАГОВОР АПОКАВКА ПРОТИВ КАНТАКУЗИНА

Константинополь. 1341—1345 годы

Старшему сыну Андроника, молодому императору Иоанну V Палеологу, было всего 8 или 9 лет Завещания Андроник не оставил Хозяином положения оказался регент Кантакузин, в его руках было преданное войско и деньги как казенные, так и большие личные Он происходил из очень богатого и знатного рода и благодаря ему царствование Андроника III не было лишено

некоторого блеска

Кантакузин окружил дворец преданными ему наемниками-норманнами и разослал властям указ о подавлении мятежей, т е попыток свергнуть его власть Еще не было справлено пышное поминовение по Андронику (даже Св София не вместила собравшегося духовенства), как против Кантакузина выступили в первом же заседании синклита его главные враги в Константинополе царица Анна, патриарх Иоанн Априйский, из знати — Гавала и трое Асеневичей и, наконец, опаснейший из всех — дука флота и протовестиарий Апокавк, бывший сообщник Кантакузина, незнатный, но честолюбивый и не стеснявшийся в средствах, он предлагал Кантакузину помощь в достижении престола, но Кантакузин ему не доверился, и Апокавк стал его заклятым врагом.

Поддерживаемый царицей патриарх, хотя и ставленник Кантакузина, переселился во дворец в качестве защитника малолетнего императора и потребовал учреждения регентства с ним, патриархом, во главе. Кантакузин держал себя спокойно и с выдержкой и при первом же случае — обсуждении войны с болгарами — подал в отставку, зная, что без него не обойтись. И он не ошибся: его враги в бессилии упросили Кантакузина вернуться к управлению делами.

В защиту Кантакузина выступили воины, заявившие, что не признают никакого другого регента, кроме их полководца, который в прежние времена всегда спасал их, вел к победам благодаря своей мудрости и ободрял своим личным примером. Один из офицеров императорской гвардии, положив ладонь на рукоять меча, сказал Апокавку: «Пришло время окрасить эту сталь твоей кровью». И если бы тот благоразумно не обратился в бегство, воины наверняка умертвили бы его.

Время шло, и когда однажды Кантакузин был вынужден с войском выступить в поход, Апокавк решил претворить в жизнь свои коварные замыслы: убить регента, ниспровергнуть и заточить императора, заставить Анну даровать ему высший пост в государстве. Заговор был раскрыт внезапно, за несколько дней до выступления. Апокавк, боясь гнева императрицы и Кантакузина, укрылся в знаменитой башне Эпиваты, под Константинополем.

Сторонники и родные Кантакузина, его люди и войско тяготились неопределенным положением, ожидали и даже требовали, чтобы их вождь возложил на себя корону. Сам Кантакузин был врагом поспешных и нелегальных шагов, предпочитая фактическую власть узурпации.

Он хотел брака юного императора со своею дочерью, но свадьбу откладывал; он хотел обезопасить себя со стороны Апокавка, но вместо решительных мер против явного врага поехал к нему в Эпиваты и, удовлетворившись обещаниями, сам пропустил его в столицу.

В Апокавке он ошибся. Прибыв в Константинополь, тот немедленно возбудил и объединил врагов Кантакузина.

Апокавк хорошо понимал, что должен привлечь к себе людей высокого положения, и прежде всего обратился к константинопольскому патриарху. Человек этот сам мечтал о регентстве и даже безуспешно домогался его. К тому же светская власть ему была милее церковной, которую он получил тоже благодаря поддержке Кантакузина. Заговорщик без труда склонил его на свою сторону и даже заставил принять на себя роль презренного доносчика. Брак дочери Апокавка на сыне патриарха тесно связал их между собой.

Апокавк искал сообщников среди тех, кто тайно и явно ненавидели Кантакузина. Заговорщики собирались в доме патриарха, а для дискредитации Кантакузина сообщали императрице все новые и новые измышления относительно министра.

Наконец пришла очередь выйти из тени патриарху, до сих пор хранившему в отношении Кантакузина молчание. Глава константинопольской церкви направился во дворец с новым решительным обвинением. Азаний, тесть последнего, тоже готовился поддержать обвинение: так, оба явились к императрице. Патриарх со вздохом произнес: «Министр, которому вы так доверяете, мой старинный друг, а потому с глубокой печалью явился я обвинять человека, которому столь многим обязан. Однако даже признательность имеет свои границы и ее не следует причислять к добродетелям, когда речь идет о безопасности государя. Эта мысль и заставила меня предстать перед вами, чтобы открыто заявить, что Кантакузин очень коварен и опасен, задумав против вас и ваших детей преступление. Пора вам принять меры, которые подскажет ваша мудрость с тем, чтобы спасти себя, свое потомство и империю от гибели».

Эта речь взволновала императрицу. Могла ли она не поверить патриарху Константинополя?

Мать, сын и невестка Кантакузина были окружены стражей, но народ еще не решился грабить богатый дворец, удовольствовавшись разгромом домов знатных приверженцев регента, из коих 42 спаслись бегством. В это время Кантакузин находился далеко от столицы.

Все попытки друзей регента и даже его самого вступить в переговоры кончались тем, что Апокавк бросал посланных в тюрьму. Сама царица была запугана. Тайно она советовала Кантакузину проявить терпение, а явно подписывала грамоты и указы, которыми Кантакузин обвинялся в умыслах против юного императора; от него требовали удалиться в частную жизнь. При таких условиях собравшиеся в Димотике сторонники Кантакузина ради собственного спасения заставили его возложить на себя знаки царского достоинства; но и тогда он не решился выступить против династии и приказал поминать себя с супругой Ириной лишь после царицы Анны и Иоанна Палеолога.

Надо признать, Кантакузина всегда удовлетворял занимаемый им пост, который, на его взгляд, он вполне заслужил, поэтому он никогда не метил выше, но несправедливость и прямое насилие его врагов произвели действие, которое обычно порождает честолюбие. Ему оставалось либо признать поражение, либо прийти к власти. Эшафоту он предпочел корону, которую принял 26 октября 1341 года.

Образ действий Кантакузина в силу его личной умеренности был оборонительный и даже примирительный; но руководимый Апокавком константинопольский двор не хотел слышать о примирении и считал Кантакузина бунтовщиком. Его послов в столице бросали в тюрьму с позором. Его мать, гордую Палеологину, не раз содержавшую армию Андроника Младшего за свой счет, заключили в тюрьму, лишениями довели до скорой смерти. Сама императрица Анна Савойская не могла облегчить ее заточение, не могла узнать о ней правду даже через своего врача и узнала лишь по смерти Ф. Палеологины через родственницу-монахиню. Богатый дворец Кантакузина в столице был разрушен. Его земли и имущество во Фракии, кроме укрепленной Димотики, были разграблены.

Тесть Кантакузина Андроник Асень (Асеневич) выступил против него с войском Палеолога. Его поход был триумфальным шествием. Кантакузин со своим небольшим отрядом не смел даже подступить к Димотике, где укрылась его семья. Междоусобие, народное восстание против знатных принесло ужасные плоды. Фракия, по словам Кантакузина, обратилась в скифскую пустцню. Сельджуки безнаказанно высылали орды конных и пеших грабителей, и, за исключением городов, прибрежная Фракия обезлюдела.

Руководимое Апокавком константинопольское правительство действовало энергично. Молодой император Иоанн V был коронован патриархом (1341); чтобы не остаться без денег, не постеснялись заложить венецианцам камни царского венца за 30 000 дукатов (они так и остались в ризнице Св. Марка); при этом с Венецией было возобновлено перемирие с обязательством возместить венецианским купцам стоимость разграбленного у них имущества.

В звании великого дуки флота Апокавк стал всесильным временщиком, выдал дочь за Андроника Палеолога, сына деспота Константина, рассчитывая возвести зятя на престол. Он послал флот против сухопутных сил Кантакузи-на, и план этот имел смысл, так как целью обеих воюющих сторон были приморские Салоники, второй город империи.

И все-таки выжидательная позиция Кантакузина принесла плоды, и наступил перелом в его пользу. В Константинополе стали тяготиться Апокавком, как временщиком, поддерживавшим междоусобие ради собственного спасения.

Сама царица Анна не раз высказывалась в пользу примирения с Кантаку-зином. Особенно ее потрясла смерть матери Кантакузина Феодоры Палеоло-гины, которой столько был обязан Андроник III. Но Апокавк запугал Анну и посадил под арест сановников Хумна и К. Асана, подавших голос за примирение.

Междоусобие стало невыносимым для страны, лучшие области от Веррии и Салоник до Болгарии были опустошены турками, славянами и еще более самими греками; в развалинах были лучшие дома не только в усадьбах и селах, но и в городах, неприятелем не взятых. Положение Апокавка стало небезопасным даже в столице. Сын его, правитель Салоник, погиб в борьбе с зилотами. Он было увез малолетнего императора, но встретил противодействие

патриарха. Царица Анна была успокоена лишь щедротами на ее содержание и особенно возобновлением переговоров с Кантакузином. Теперь и Апокавк считал для себя более выгодным примирение с противником, которого он травил, как дикого зверя. Одновременно с послами Анны Палеологины в Димотику, в ставку Кантакузина, прибыла депутация горожан Сереса, умолявших о прощении и о помощи против сербов. Сила теперь была за Кантакузином. Его посол требовал у Анны аудиенции без присутствия Апокавка. Цепляясь за власть, Апокавк приказал избить и отослать посла.

Трудно сказать, чем бы завершилось это противостояние, если бы Апокавк не стал жертвой случая. Временщик, не утративший энергии до конца, инспектировал подземные дворцовые темницы, когда политические узники неожиданно набросились на него и убили. Труп Апокавка подвергся надругательствам. Ему отрубили голову и выставили ее на пике на крыше тюрьмы. Ниже, к стене, было прибито его тело. Его убийцы, страшась неминуемой кары за содеянное, овладели темницей, вооружившись оружием стражи, решив превратить каземат в крепость, но разъяренная толпа растерзала заключенных.

Смерть Апокавка в 1345 году привела к окончанию междоусобной войны, мирным путем передав в руки Кантакузина венец византийских императоров. Следует отметить, что он не стал свергать юного императора, а стал лишь его соправителем.

ПЕРЕВОРОТ РИЕНЦИ

Рим. 1347 год

В 1344 году нотариусом римской городской камеры был назначен Кола ди Риенци, обладавший огромными природными способностями: он хорошо владел латинским языком, обнаружил прекрасные ораторскими данные.

Должность нотариуса городской камеры считалась важной в папской столице: приходилось оформлять сделки папской казны в Риме с учреждениями и частными лицами. Кроме того, он регистрировал акты городского самоуправления, составлял проекты различных бумаг для города и т.п.

Биографы Колы пишут, что аристократы считали восторженного нотариуса немного сумасшедшим и потому не придавали особенно большого значения его речам, а больше хохотали над ними. А он якобы нарочно еще усиливал это впечатление. Сам Кола в письме к императору Карлу IV писал об этом периоде своей жизни: «Таким образом я делался изо дня в день все более страшным и подозрительным для могущественных людей, а для народной массы — все более любимым». Это, несомненно, точнее отражает настроение обеих сторон.

Живой, отчаянно смелый, склонный к фантазиям, чуть не к визионизму (способности иметь «видения»), и умевший увлекать других, он завоевал симпатии римлян.

Кола ди Риенци энергично выступал против правителей, защищая интересы народа. Он говорил о слабости папского управления через епископов-викариев, о том, что сенаторы не способны навести в Риме элементарный порядок.

Но слова ничего не меняли в существующем порядке вещей. Тогда Кола собрал небольшую группу своих сторонников. Среди них оказались люди богатые и авторитетные в городе. В числе руководителей заговора было несколько нотариусов, а также кавалеротти.

После нескольких тайных совещаний сторонники переворота перед днем Троицы провели более широкое, тоже тайное, собрание на Авентинском холме. В своей речи Риенци ярко описал нищету, рабство и крайне опасное положение, в котором находился ранее процветавший Рим. Он говорил о верховенстве знати, унижении народа, похищении феодалами девушек и замужних женщин — простолюдинок или горожанок; вспомнил и земледельцев, у которых бароны отбирают плоды их трудов; пилигримов, ограбленных и задушенных у самых ворот Рима; горожан, которым постоянно угрожает потеря жизни и имущества; аристократов-разбойников и духовенство, предававшееся всем видам разврата.

В своей речи Кола использовал ораторские эффекты, больше всего присущие итальянцам, он и вздыхал, и проливал слезы, и кричал от возмущения.

Описав тяжелое положение Рима и добившись нужного настроения, он заметил, что из

создавшегося положения есть выход. Среди участников собрания есть люди, которые сговорились добиться сохранения «справедливости и мира». Риенци подчеркнул, что конечной их целью является установление народовластия. Что касается финансирования нового порядка, он предполагал использовать папские имущества и налоги. По словам анонимного биографа, Кола сказал: «О денежных средствах не беспокойтесь, потому что римская городская камера получает много неоценимых доходов. Прежде всего от подымной подати, по четыре сольдо с печи, начиная от моста Чеперы до моста Пальи, всего сто тысяч флоринов; потом от продажи соли — сто тысяч флоринов, затем еще от сбора с проезжающих через мосты и замки вадиме — сто тысяч флоринов, которые передаются папе, о чем известно его викарию». Затем Кола, по словам того же биографа, сказал: «Господа, если многие граждане расхищают силой церковные имущества, не верьте, что это делается с разрешения или по воле папы». Эти слова особенно возбудили собравшихся; они согласились добиваться «доброго государственного порядка». Собрание закончилось торжественной присягой: заговорщики поклялись на евангелии выступить в назначенный день с оружием в руках и подписали письменное обязательство.

После этого собрания идеи «великого справедливого суда» над феодалами и «восстановления доброго древнего государственного порядка» начали распространяться среди народа.

Поводом к прямому выступлению стали перебои в снабжении города хлебом. И тут, в условиях грозящего голода, стало известно, что в порт Корнето прибыло судно с хлебом для Рима, но влиятельнейший из римских синьоров, знаменитый Стефано Колонна, собрав наиболее близких людей, поехал в Корнето, чтобы захватить этот груз и под охраной доставить в Рим.

Во время собрания граждан на Капитолийском холме в субботу 19 мая были высказаны опасения в справедливом распределении хлеба. Начались волнения в городе.

Префекта города Джованни ди Вико, его свиты и части вооруженных сил в те дни в Риме не было; многие феодалы вместе со Стефано Колонна находились вне города. Момент для выступления казался благоприятным.

Ночью заговорщики собрались в церкви Сант-Анджело Пескерии. Поклявшись не изменять делу «святого духа», собрав все свои вооруженные силы, составившие сильный отряд в тысячу человек, они около 8 часов утра двинулись от церкви Сант-Анджело к Капитолийскому дворцу — резиденции сенаторов, управлявших Римом. Кола вышел из церкви в полном вооружении, но с непокрытой головой (демонстрация особенной смелости и преданности святому делу, применявшаяся не раз тогдашними рыцарями, иногда даже на поле сражения).

Рядом с Колой шествовал «господин викарий господина папы» и своим присутствием давал папскую санкцию этому шествию.

Заговорщики нигде не встретили сопротивления. Народ приветствовал их одобрительными криками. Оставшиеся в городе синьоры и войска без санкции префекта города (уехавшего в Корнето) не рискнули разогнать заговорщиков. Сенаторы, Любертелло Бертольдо и Пьетро ди Агабито, синьор де Дженацца-но, скрылись.

Мятежный отряд занял Капитолий и правительственные учреждения. Риенци произнес горячую речь, объявляя о «восстановлении старого доброго государственного порядка».

Здесь, по словам анонимного биографа, Кола снова заявил, что во имя любви к папе и ради благоденствия римского народа он готов подвергнуться любой опасности. Толпа отвечала криками ликования.

Тогда Кола предложил одному из участников заговора, Койте, сыну Чекко Манчино, зачитать новые законы.

Среди них основное место занимали законы, касающиеся аристократов. Во-первых, Кола отнимал у них крепости, мосты, пристани. Во-вторых, налагал на синьоров в качестве общественной повинности обязанность охранять дороги и снабжать продовольствием город Такой же радикальный характер имели для того времени положения об организации римской армии (городской милиции), главную часть которой должны были составить сами римские граждане.

К числу законов временного характера относились такие меры, как смертная казнь для

всех убийц, меры против ложных доносов, против разрушения домов осужденных и т.п.

Народ, одобрив их голосованием, предоставил Риенци право вводить и отменять законы, право жизни и смерти в отношении всех граждан, право заключать договоры и союзы с другими городами и государствами, право изменять границы римской территории.

Эти права, предоставленные Коле, давали ему неограниченную, диктаторскую власть в городе Риме и во всей Папской области.

Все эти действия обнаруживают выдающийся политический ум Риенцо и редкое умение использовать в революционных условиях свой административный опыт. Сразу после народного собрания Кола захватил все замки, мосты и другие важнейшие стратегические пункты в городе, передав охрану порядка организуемой римской армии; на все вакантные административные должности в Капитолийском дворце он назначил своих сторонников. Фактически Кола взял в свои руки всю власть в городе Риме.

Когда весть о перевороте дошла до Корнето, где находились крупнейшие аристократы Рима, Стефано Колонна поспешил в Рим и, по рассказу анонимного биографа, заявил, что новый порядок ему не нравится. На другой день Риенци послал ему приказ оставить Рим. Стефано схватил бумагу, разорвал ее и сказал: «Если этот сумасшедший меня разозлит, я велю выбросить его из окна Капитолия». Получив сообщение об этом, Кола собрал народ, и Стефано пришлось бежать из Рима. Риенци издал новый приказ, чтобы все синьоры выехали из столицы в свои замки. Тем пришлось подчиниться, так как сила оказалась на стороне Риенци. На следующий же день ему были официально переданы все мосты в окрестностях Рима.

24 июня Кола отменил сюзеренитет римских баронов. Единственным синьором на всей территории Римской области Кола объявил папу и церковь. Фактически же, поскольку представителем папы был его викарий, который являлся только формальным соправителем Колы, а на самом деле предоставил ему полную власть, сюзеренитет перешел к новому правительству.

Риенци провел через народное собрание постановление о том, что он и викарий папы, Раймондо, будут, как правители государства, именоваться «народными трибунами и освободителями государства».

Аристократы попытались организовать заговор против Колы, но из-за разногласий он провалился. Большинство склонилось к тому, что в данный момент необходимо признать новую власть и подчиниться трибуну, а в то же время пытаться, если возможно, саботировать новые законы.

Первым, кто явился с повинной головой к трибуну, был Стефанелло Колонна, сын Стефано. Кола заставил его поклясться на «теле христовом» (т.е. «освященном» хлебе, употребляемом для причастия) и на евангелии, что он не будет выступать против трибуна и римлян, что будет служить им, не будет давать приюта разбойникам или другим дурным людям, будет держать дороги в безопасности, помогать сиротам и приемышам, не расхищать общественного имущества и являться вооруженным или без оружия по всякому требованию трибуна. Такой присяги требовали затем от каждого синьора.

После Стефанелло Колонна явился представитель враждующего с Колоннами рода — Ринальдо Орсини, затем Джованни Колонна, Джордано и, наконец, сам старик Стефано Колонна. В числе других присягнул Коле и его собственный синьор Франческо Савелло.

Таким образом, переворот, названный Колой и его сторонниками «преобразованием» и «обновлением», 20 мая 1347 года победил во всей Папской области.

Узнав о перевороте, восторженное поздравительное письмо ди Риенци и римскому народу послал Петрарка. Он писал, что не знает, кого надо скорее поздравлять — Колу или освобожденных им римлян. «Свобода, — пишет Петрарка, — находится посреди вас, а слаще и желательней ее нет ничего; это мы лучше всего узнаем, когда ее теряем».

ЗАГОВОР ДОНА ЭНРИКЕ ПРОТИВ КОРОЛЯ КАСТИЛИИ

Испания. 1360-е годы

Альфонсо XI, король Кастилии, имел от своей фаворитки доньи Элеоноры де Гусман шестерых сыновей и двух дочерей. Трон же после его смерти наследовал шестнадцатилетний

дон Педро, сын королевы Констанции.

ЗАГОВОР ДОНА ЭНРИКЕ ПРОТИВ КОРОЛЯ КАСТИЛИИ 77

Юный король был прекрасно сложен, умен, храбр, и в то же время слыл алчным и жестоким. Вначале он находился под опекой матери, королевы Констанции, и ее фаворита Альфонсо де Альбукерке.

Сразу же после смерти короля Альфонсо XI его фаворитку Элеонору де Гусман заключили в темницу. Сыновья Элеоноры нашли убежище в Альхесирасе, а затем их дороги разошлись. Один из них, дон Энрике, направился к дону Хуану Мануэлю, графу де Молина, который через некоторое время выдал за него свою старшую дочь, присовокупив в качестве приданого графство Траста-мара.

Разгневанный дон Педро повелел графу де Молине выдать ему дона Энрике вместе с женой. Однако те успели скрыться в горах Астурии.

Король не стал преследовать беглецов и вернулся в Бургос. Он предоставил Констанции решить судьбу Элеоноры де Гусман, и королева велела убить свою соперницу.

Узнав о смерти матери, дон Энрике, граф Трастамара, собрал отряд и захватил несколько небольших городов и крепостей Южной Кастилии. Обеспокоенный правитель Арагона попытался примирить враждующие стороны, и на время ему это удалось.

Тем временем Альфонсо де Альбукерке свел Педро с Марией де Падилья, дочерью кастильского гранда. Но женился король в 1353 году на французской принцессе, дочери герцога Пьера де Бурбона, Бланке, которая тотчас после свадьбы была выслана в замок Аревало, где содержалась под строжайшим надзором. Мария стала фавориткой юного короля, а при дворе усилилось влияние ее родственников.

В итоге Альбукерке, долгое время являвшийся фаворитом дона Педро, вынужден был уступить свое место дяде Марии Фернандо де Гинестросу. Разгневанный экс-фаворит вступил в заговор с гроссмейстером ордена Ка-латравы и другими грандами, чтобы восстановить королеву во всех ее правах. Но заговор был раскрыт. Альбукерке и гроссмейстер скрылись за границей. Король выместил злобу на невинных вассалах первого, а последнего убедил вернуться в Кастилию, в замок Альмагро. Здесь гроссмейстера бросили в темницу, и после того как он под пытками отказался от своего сана, его умертвили.

Капитул ордена передал сан гроссмейстера брату фаворитки Диего де Падильи. Новый гроссмейстер сделался правителем государства вместе со своим дядей Гинестросой. Другой брат Марии, несмотря на свое незаконное происхождение, был назначен гроссмейстером ордена святого Иакова на место сына Элеоноры Гусман дона Федериго, насильственно лишенного этого звания.

Избежавший расправы Альбукерке оказался при дворе короля Альфонсо Португальского. Граф Трастамара и его брат дон Фадриго по приказу короля выехали в Лиссабон, чтобы потребовать выдачи беглеца Но братья имели другие намерения. И в самом деле, прибыв в Португалию, они были допущены к королю Альфонсо, перед которым горько оплакивали несчастья своей родины. Можно сказать больше, граф Трастамара приглашал короля Португалии разорвать цепи Кастилии и обещал ему помощь в завоевании королевства. Альфонсо, хорошо понимая трудность выполнения этого плана, отказался. Он посоветовал Альбукерку примириться со своим королем, но кастильский вельможа упорствовал и убедил дона Энрике не оставлять начатого дела.

Тем временем дон Педро влюбился в первую красавицу Кастилии Хуаниту де Кастро, молодую вдову бискайского владетеля Диего де Гаро. Но она не соглашалась стать его любовницей. Тогда король развелся с Бланкой и женился на гордой даме. Быстро утолив свою страсть, он отправил де Кастро в провинциальный городок.

Возмущенные поведением короля вельможи съехались в Сиудад-Родриго Заговор возглавил Альбукерке. К нему присоединились сыновья Элеоноры Гусман, а также брат изгнанной Хуаниты, Перес Кастро, один из могущественнейших вельмож Галисии. Кроме того, к ним примкнули дон Хуан и дон Фернандо Арагонские, которые привели с собой не менее 6 тысяч бойцов. Мятежные кастильцы и их арагонские союзники надеялись, что аристократы и народ Кастилии присоединятся к ним. Заговорщики требовали восстановления Бланки де Бурбон в правах законной супруги, а Марию Падилью со всей ее родней удалить от двора и

всех должностей. Римский папа и французский король поддержали их.

Но и дон Педро не дремал Он лишил братьев графа Трастамары всех привилегий и званий. Бланку де Бурбон король отправил в Толедо, чтобы там заточить в алькасаре (укрепленном замке), но на ее защиту встали все жители Толедо, за что впоследствии пострадали.

Поскольку речь шла о том, чтобы свергнуть с трона короля Педро и на его место посадить достойного преемника, все взоры обратились к графу Траста-маре, и ему было предложено возложить корону на свою голову. После долгих уговоров граф Трастамара согласился.

Союзные войска под командованием дона Энрике вступили в Кастилию и встретили широкую поддержку населения страны.

Мятежники одерживали одну победу за другой. Дон Педро отступил в Тордесильяс, где был осажден. В разгар войны Альбукерке неожиданно умер. Вероятно, его отравил врач-итальянец, подкупленный Педро. Однако смерть лидера коалиции не повлияла на ход событий. Восставшие, руководимые сыновьями Элеоноры Гусман, Энрике и Федериго, продолжали осаду. Находясь в безвыходном положении, дон Педро отправился в Торо на переговоры с лидерами восстания. Там его взяли под стражу и вынудили согласиться на все условия.

Братья Марии Падильи были казнены Мирный договор предстояло утвердить на кортесах, которые собирались в столице Старой Кастилии Бургосе Кастильские инфанты и большинство лидеров коалиции, посчитав, что война окончена, уехали из Торо. Они не учли одного жители Бургоса ревниво относились к Новой Кастилии и ее столице Толедо. Поэтому на кортесах верх взяли сторонники дона Педро. Королю были выделены деньги, на которые он смог навербовать наемников.

Получив солидное подкрепление, дон Педро напал на лагерь заговорщиков и изгнал их с территории Кастилии Захватив непокорный Толедо, он выслал королеву Бланку в Медину-Сидонию. По его приказу 22 человека казнили без всякого суда, а город Толедо отдано на разграбление наемникам. Сотни христиан и евреев были убиты.

Отомстив толедцам, Педро пошел на Торо, где скрывались Энрике и Федериго. Мятежники оборонялись почти год, но все-таки сдались (1356). Правда, сыновья Леоноры опять ускользнули, но многие их сторонники были схвачены и убиты. Граф Трастамара был принят во Франции Король Иоанн даже выделил ему пенсию в размере 10 тысяч франков.

Педро отпраздновал свою победу блестящими турнирами и пирами в Тордесильясе, после чего уехал в Севилью. Отсюда он объявил войну арагонскому королю, к которому бежали многие заговорщики.

Между государствами началась война На стороне арагонцев выступили король Наварры и правитель Марокко. К ним присоединились граф Трастамара и другие бежавшие из Кастилии вельможи.

И все-таки дон Педро добился больших успехов, подступив к Валенсии. Однако казнь Бланки де Бурбон оттолкнула от короля Кастилии всех европейских монархов. Дон Энрике, граф Трастамара, обратился за помощью к французам. Король Франции Карл направил в Испанию войска под командованием Жана де Бурбона, графа де ля Марша, двоюродного брата королевы Бланки. В помощь ему был призван Бертран дю Геклен, один из самых знаменитых полководцев того времени. Граф Трастамара, после некоторых колебаний, согласился принять титул короля Кастилии. Узнав об этом, король Арагонский также заключил с ним соглашение: в обмен на военную помощь он получал Мурсию и несколько крепостей на кастильской границе.

Когда союзные войска вступили в Кастилию, граф Трастамара призвал народ объединиться в борьбе против тирана. И его слова нашли отклик в сердцах кастильцев. Король Энрике с триумфом вошел в Бургос и был там торжественно встречен своей супругой.

Дон Педро сначала бежал в Севилью, где погрузился на корабль и отплыл в Португалию. Не найдя поддержки, он вернулся в Кастилию, в Галисию, где велел казнить архиепископа Толедского, и овладев его имуществом и деньгами, направился к Эдуарду, принцу Уэльскому.

Дон Педро заключил с Эдуардом договор, по которому в обмен на престол обязался выплатить 500 тысяч флоринов и отдать англичанам Бискайю, а также выплатить огромное

жалование всем рыцарям и баронам, выступившим под его знаменами. Принц согласился помочь кастильскому королю и выдвинул свою армию в Испанию. Под его началом находились лучшие в Европе войска, а сам он слыл выдающимся полководцем.

В 1367 году кастильцы были разгромлены. Дон Энрике спешно отступил. Взятые в плен изменники были казнены, города королевства, изменившие законному государю, присуждались к уплате огромных штрафов и контрибуций.

Но и на этом дело не закончилось Дон Энрике получил во Франции денежный займ и набрал войско в 10 тысяч человек Через пять месяцев после ухода англичан Энрике выступил против своего врага К нему присоединился Бертран дю Геклен с 2 тысячами французов.

В 1369 году состоялось решающее сражение Дон Педро был сокрушен Правда, он успел укрыться в замке, который Энрике взял в осаду.

Когда запасы провизии и снаряжения подошли к концу, король предложил дю Геклену 100 тысяч золотых дублонов в обмен на свободу. Геклен принял предложение и назначил место для переговоров.

Дон Педро в сопровождении трех кастильских синьоров прибыл в указанное место. Французские воины провели его в палатку своего полководца, где уже находились дон Энрике, дю Геклен и другие вооруженные люди. Поняв, что угодил в ловушку, дон Педро вскричал: «Я король Кастилии!» — и схватился за меч, но дон Энрике выхватил кинжал и одним ударом поразил противника. Так коварный Гекелен обеспечил Энрике королевский трон.

ЗАГОВОР ШЕМЯКИ ПРОТИВ ВАСИЛИЯ II

Москва. 1446 год

Осенью 1441 года, после длительной междуусобицы между московским великим князем Василием Васильевичем и его двоюродным братом Дмитрием Шемя-кой князем Галицким, наконец утвердился мир. Шемяка подписал с князем договорную грамоту и удалился в Углич. Но на деле он не оставил своих притязаний на московский престол и ждал только повода. И повод скоро представился.

Во время очередного похода Василий II угодил в плен к татарам и подвергся унизительной процедуре. С него сняли нательные кресты. Некий «татарин Ачисан» отвез их в Москву и передал жене и матери великого князя. Весть о случившемся мгновенно распространилась по городу. Началась паника, порожденная слухами о скором приходе татар. В довершение всего в Москве случился страшный пожар.

Но татары отпустили великого князя за большой выкуп, который был собран с народа. 17 ноября 1445 года Василий Васильевич вернулся в Москву. Московское население было недовольно тем, что вместе с Василием, вернувшимся в Москву с ярлыком на великое княжение, пришли татары для получения выкупа. Многим казалась привлекательной мысль, которую подал Шемяка: свергнув Василия II с престола, можно освободиться от необходимости выплачивать всем миром огромный выкуп, который он пообещал хану за свое освобождение из плена.

8 февраля 1446 года Василий II, взяв с собою двух сыновей, выехал в Троицу, чтобы встретить здесь Неделю о блудном сыне — второе воскресенье, посвященное подготовке к Великому посту.

Отъезд великого князя из Москвы оказался той самой оплошностью, которой дожидались заговорщики. Вот как рассказывает об этом Н.М. Карамзин: «Еще мера зол, предназначенных судьбою сему великому князю, не исполнилась: ему надлежало испытать лютейшее, в доказательство, что и на самой земле бывает возмездие по делам каждого. Димитрий вступил в тайную связь с Иоанном Можайским, князем слабым, жестокосердным, легкомысленным, и без труда уверил его, что Василий будто бы клятвенно обещал все государство Московское царю Махмету, а сам намерен властвовать в Твери. Скоро пристал к ним и Борис Тверской, обманутый сим вымыслом и страшась лишиться княжения. Главными их наушниками и подстрекателями были мятежные бояре умершего Константина Димитри-евича, завистники бояр великокняжеских; сыскались изменники и в Москве, которые взяли сторону Шемяки,

вообще нелюбимого: в числе их находились боярин Иван Старков, несколько купцов, дворян, даже иноков. Умыслили не войну, а предательство; положили нечаянно овладеть столицею и схватить великого князя; наблюдали все его движения и ждали удобного случая.

[1446 года] Василий, следуя обычаю отца и деда, поехал молиться в Троицкую обитель, славную добродетелями и мощами Св. Сергия, взяв с собою двух сыновей с малым числом придворных. Заговорщики немедленно дали о том весть Шемяке и князю можайскому, Иоанну, которые были в Рузе, имея в готовности целый полк вооруженных людей. Февраля 12 ночью они пришли к Кремлю, где царствовала глубокая тишина; никто не мыслил о неприятеле; все спали; бодрствовали только изменники и без шума отворили им ворота. Князья вступили в город, вломились во дворец, захватили мать, супругу, казну Василиеву, многих верных бояр, опустошив их домы; одним словом, взяли Москву. В ту же самую ночь Шемяка послал Иоанна Можайского с воинами к Троицкой лавре».

В воскресенье 13 февраля, во второй половине дня, отряд Ивана Можайского внезапно нагрянул в Троицкий монастырь. Захваченный врасплох и насмерть перепуганный, Василий II стал легкой добычей своих ловцов. В простых крестьянских санях, под надзором одного из иноков, его повезли обратно в столицу. Поздно вечером в понедельник 14 февраля Василий был доставлен в Москву и помещен под стражей на дворе Дмитрия Шемяки.

Первым делом Шемяка потребовал у Василия II подлинник секретного договора с татарами, где перечислялись все условия его освобождения. Пленник отказывался отдать документ, который мог стать главным пунктом обвинения в предательстве интересов Руси. Тогда Шемяка приказал произвести в княжеских покоях тщательный обыск. «И начаша искати грамот, какову Запись даде хану Улу-Магметю, и обретоша написану: дати за себе 5000 рублев, да дани даяти на всяк год со всея земли Руския со 100 голов 2 рубля», — читаем мы в летописи.

Узнав из грамоты подлинную цену освобождения Василия II, князья и бояре пришли в ярость. Действительно, сумма, обещанная хану, была велика. Летописцы времен Ивана III не посмели прямо сказать о том, что поводом для ослепления Василия II было обвинение его в обмане народа и своей «младшей братии», князей, относительно политических и финансовых условий освобождения. Но именно эту идею взял на вооружение Дмитрий Шемяка.

Дмитрий Шемяка обратил свой гнев на бояр и клириков Василия И. В обмен на прощение они «озвучили» желание Шемяки — требование казни Василия. Однако эта идея встретила сильные возражения со стороны князя Ивана Можайского. Небывалая мера наказания могла вызвать возмущение всех русских князей.

Но и сам Шемяка не мог не понимать, что в случае убийства Василия II все враги его семейства немедленно объединятся вокруг сыновей Василия. Помимо двух старших сыновей, Ивана и Юрия, беременная княгиня Мария могла вскоре произвести на свет еще одного сына — наследника и мстителя за отца.

Таким образом, необходимо было убрать Василия II из Москвы и навсегда лишить его возможности претендовать на великокняжеский престол, но при этом сохранить ему жизнь. Единственный способ решения этой политической головоломки был подсказан Шемяке самим Василием. В бытность великим князем он стал использовать для расправы со своими врагами жестокую византийскую казнь — ослепление.

В ночь с 16 на 17 февраля 1446 года Василий II был ослеплен в московском доме Дмитрия Шемяки. Великого князя вместе с супругой отправили в Углич, а его мать, княгиню Софью, — в Чухлому. Сыновей же Василия, Ивана и Юрия, воспитатели скрыли в монастыре и ночью уехали с ними к князю Ивану Ряпо-ловскому, в село Боярово, недалеко от Юрьева. Иван Ряполовский с двумя братьями, Семеном и Дмитрием, вооружился, собрал людей и повез младенцев в укрепленный и безопасный Муром.

Сам Шемяка торжественно взошел на московский великокняжеский престол.

Разобравшись с главными врагами, Дмитрий Шемяка занялся и малолетними сыновьями своего соперника. Старший из них, Иван, имел всего шесть лет от роду Однако он мог стать своего рода знаменем для всех врагов галицкого семейства.

Шемяка решил обратиться за помощью к рязанскому епископу Ионе. Ему было предложено отправиться в Муром, который входил в состав рязанской епархии, и забрать оттуда сыновей Василия II. Шемяка клялся отправить детей к родителям, а самого

низложенного великого князя отпустить на удел. За успешное выполнение этого деликатного поручения он посулил владыке скорое восхождение на митрополичью кафедру.

Прибыв в Муром, Иона вступил в переговоры с окружавшими княжичей боярами, убеждая их согласиться на предложение Шемяки. В итоге бояре предложили Ионе своеобразный компромисс. Он должен был торжественно, в городском соборе принять княжеских детей «под свою епитрахиль», то есть гарантировать им безопасность и свое покровительство. После этого они все вместе отправятся в Переяславль-Залесский, где находился тогда Дмитрий Шемяка.

Приняв все условия, Иона повез княжичей Ивана и Юрия ко двору Шемяки. В пятницу 6 мая 1446 года они прибыли в Переяславль. Два дня Галичанин праздновал успех и угощал прибывших из Мурома духовных лиц и бояр Ему было от чего веселиться Теперь вся семья Василия II находилась в его руках Сторонники Василия — кто добровольно, кто под страхом темницы — присягнули на верность новому великому князю.

На третий день он велел отправить детей в сопровождении владыки к отцу в Углич. Ни о каком самостоятельном уделе для Василия Темного или его сыновей речи уже не велось Разговоры за плотно прикрытыми дверями шли совсем о другом. По сообщению Львовской летописи, князь Дмитрий склонялся все же к мысли о расправе не только с Василием, но и с его сыновьями. Однако этот замысел натолкнулся на резкое сопротивление епископа Ионы и потому не был осуществлен…

Спустя несколько дней Иона вернулся из Углича, доставив детей к родителям. На сей раз Галичанин сдержал слово Архиерею ведено было отправиться в Москву и взять на себя управление всей Русской митрополией Посох святителя Петра после пятнадцатилетнего перерыва обрел, наконец, нового владельца.

«Не имея ни совести, ни правил чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка в краткое время своего владычества усилил привязанность москвитян к Василию и, в самых гражданских делах попирая ногами справедливость, древние уставы, здравый смысл, оставил навеки память своих беззаконий в народной пословице о суде Шемякине, доныне употребительной», — писал Н.М. Карамзин.

О деятельности Дмитрия Шемяки в качестве московского князя в 1446-1447 годах известно очень мало. Сообщается, что он отправил своих «поклон-щиков» на Волхов и вскоре был признан новгородцами великим князем Владимирским.

А между тем среди московских вельмож неуклонно крепли настроения в пользу Василия, после ослепления получившего прозвище Темного. Бояре то целыми партиями бежали в Литву к изгнаннику Василию Ярославичу Серпуховскому, то начинали сплетать заговоры с целью похитить великокняжеское семейство из Углича. А в самом Кремле Шемяку открыто попрекал обманом нареченный митрополит Иона, настойчиво требовавший отпустить Слепого на удел. О том же просили и другие иерархи, созванные для совета в Москву летом 1446 года.

В сентябре 1446 года Шемяка отправился в Углич и там в присутствии всего двора и архиереев торжественно примирился с двоюродным братом. Церемония была приурочена к одному из двенадцати важнейших церковных праздников— Воздвижению Креста Господня (14 сентября) Диалог победителя и побежденного получился довольно странный. Князь Василий публично покаялся в «беззакониях многих», поблагодарил Шемяку за доброту: «…достоин есмь был главъныа казни, но ты, государь мой, показал еси на мне милосердие, не погубил еси мене с безаконии моими, но да покаюся зол моих».

• Итог угличского примирения состоял в том, что Василий II получил наконец свободу. В качестве удела Дмитрий Шемяка дал ему далекую Вологду — древнее новгородское владение, перешедшее в конце XIV века под власть московских князей. Это решение оказалось для Шемяки роковым Василию II после изнурительной борьбы удалось вернуть себе трон 17 февраля 1447 года он вновь вступил под гулкие своды Успенского собора Московского Кремля. Эти минуты торжества делили с Василием и его подраставшие сыновья — 7-летний Иван и 6-летний Юрий. А в обшитой соболем колыбели улыбался каким-то своим младенческим мыслям полугодовалый Андрей.

Отношения Василия II с Дмитрием Шемякой были определены в договоре, заключенном летом 1447 года Шемяка признавал соперника «старшим братом» и клялся не затевать против

него какого-либо зла Тем же летом, 11 июня, была составлена «перемирная грамота» между Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским, с одной стороны, и Василием Серпуховским и Михаилом Верейским — с другой. Князья заявляли о прекращении войны.

Шемяка, так и не возвратив награбленное в Москве, продолжал строить тайные и явные козни Наконец терпение Василия кончилось, и он повел ополчение на решительную борьбу с Шемякой, который с трудом сумел пробраться в Новгород, где и умер в 1453 году (будучи, согласно преданию, отравлен).

ЗАГОВОР ПАЦЦИ ПРОТИВ МЕДИЧИ

Флоренция, 1478 год

Причиной заговора, вошедшего в историю под названием Заговор Пацци, послужила экономическая война. Банк Пацци во Флоренции хотел устранить банкиров Медичи от ведения дел папства и воспользовался конфликтом между папой и Лоренцо де Медичи, известным как Лоренцо Великолепный. План заключался в том, чтобы вместо Лоренцо правителем Флоренции стал представитель дома Пацци. ,

В чем же причина разногласий между Медичи и новым папой Сикстом IV? У папы римского имелись свои человеческие слабости — он очень любил своих родственников и для своего то ли племянника, то ли даже незаконного сына хотел создать небольшое светское владение в центре Италии, но натолкнулся на сопротивление Лоренцо, справедливо опасающегося, что это нарушит итальянское равновесие в пользу Рима.

Поскольку Медичи противодействуют папе, им нужно найти замену, решает понтифик. Приближенные папы уговаривали его принять еще более решительные меры, чтобы раз и навсегда разделаться с Медичи. Первый шаг Рима — отнять у Медичи право распоряжаться папской казной. Ее новые управляющие были выбраны таким образом, чтобы удар для Медичи был как можно более ощутим. Сикст IV передает эту привилегию флорентийскому роду Пацци, еще более древнему, чем Медичи, и не менее богатому, давно рвущемуся ко власти. Пацци всегда были конкурентами Медичи, но с недавних пор вообще стали их заклятыми врагами.

Но опасаясь чрезмерного возвышения конкурентов, правитель Флоренции Лоренцо принял новый закон, значительно урезавший финансовые возможности Пацци Теперь спровоцировать Пацци на мятеж против Медичи для папы не стоило большого труда.

Время для перемены власти во Флоренции было весьма подходящим — Лоренцо еще очень молод и неопытен, финансовые проблемы подтачивают его силы, дом Медичи уязвим как никогда Для того чтобы контролировать ситуацию во Флоренции, папа, несмотря на протесты Лоренцо, назначил своего племянника кардиналом города Имола, что неподалеку от Флоренции. Затем понтифик еще более сузил кольцо — опять же вопреки воле Великолепного он сделал своего ставленника Франческо Сальвиати архиепископом Пизы Более того, он отозвал монопольное право Медичи на торговлю квасцами. Это была уже открытая война дому Медичи. Папа потихоньку сближается с королем Неаполя.

Оставалось только поставить у власти во Флоренции представителей клана Пацци. Однако законными методами власть в «Божественной» Пацци заполучить не удалось, и тогда они решились убить тиранов Флоренции. Так в 1477 году составился подстрекаемый Римом заговор с целью убийства Лоренцо Великолепного и его младшего брата Джулиано.

Франческо Пацци отправился в Рим и долго совещался с князем ди Форли, сыном Сикста IV. Тот одобрил замыслы заговорщиков и заверил, что папа поддержит их. Тогда Пацци открыто заявил, что уже принято решение убить Медичи, поскольку это единственное средство дать свободу Республике.

В заговоре также участвовали крупный флорентийский банкир Бер-нардо Барончелли и флорентийский прелат Франческо Сальвиати, которому Медичи так и не дали спокойно наслаждаться властью. Мстительный прелат, не раздумывая, вступил в заговор и привлек в него графа ди Монтесекко, командующего военного корпуса. Последний отличался не только храбростью, но и осторожностью. Монтесекко сразу понял всю трудность задуманного дела: в Италии царил мир, и поднимать ополчение и открыто двигаться с войском на Флоренцию было

очень рискованно. К тому же, говорил граф Монтесекко, кто знает, удастся ли заговорщикам сразу убить обоих Медичи, и если не удастся, не приведет ли это к провалу предприятия, ведь известна слепая любовь народа к Медичи; к тому же у них много влиятельных сторонников.

Монтесекко под видом исполнения возложенных на него обязанностей почти каждый день видел Медичи и часто совершал путешествия из Флоренции в Рим и обратно. Он постоянно информировал князя ди Форли о развитии событий, добивался у папы необходимых средств и снаряжений. Со своей стороны, и папа был верен своим обещаниям и обязательствам и повелел, чтобы все его войска были переведены в Романью, а затем в Тоскану под предлогом осады замка Монтон, захваченного некоторое время назад у церкви одним из местных тиранов. Также папа отдал тайный приказ своим командирам повиноваться архиепископу пизанскому и Франческо Пацци.

Для осуществления замысла Его Святейшество обязался послать во Флоренцию кардинала Джироламо Риарио, племянника князя Форлийского, полагая, что его появление непременно потребует проведения соответствующих торжественных церемоний с участием братьев. Кроме того, в его свите под видом слуг должны были ехать многие заговорщики и солдаты папской гвардии.

Медичи не могли пренебречь приличиями и решили устроить кардиналу пышный прием. После нескольких дней пути Риарио остановился на отдых в четырех милях от Флоренции в замке Монтегю, загородной вилле семейства Пацци, где глава семьи Джакопо, сопровождаемый всем своим семейством, принял его с почестями и распростертыми объятиями. Здесь же собрались все заговорщики, полагая, что и Медичи прибудут из города, чтобы лично встретить кардинала, но Джулиано явился один и уехал за два часа до прибытия брата.

Отужинав с кардиналом, Лоренцо пригласил Его Высокопреосвященство и всю семью Пацци к себе на виллу. Заговорщики посчитали, что оба брата повезут кардинала во Фьезоле, и приготовились именно там осуществить свой замысел. Но Джулиано Медичи опять там не оказалось.

На следующий день после пиршества во Фьезоле заговорщики собрались во Флоренции во дворце Джакопо де Пацци и решили, что в ближайшее воскресенье кардинал организует торжественную мессу в кафедральном соборе, после чего будет дан торжественный обед в честь семейств Медичи и Пацци. Все расписали до мелочей, даже места за столом — Лоренцо Медичи надлежало сидеть между графом Монтесекко и Джакопо де Пацци, Джулиано — между Франческо и его помощником Бандини. После убийства братьев все основные должности во Флоренции должны были занять представители рода Пацци.

В ночь с 25 на 26 апреля 1478 года, с субботы на воскресенье, кардинал Риа-рио отдал приказ готовиться к мессе, на которую пригласил Медичи и многих других знатных флорентийцев.

В кафедральном соборе Санта Мария дель Фиоре собралась толпа народа, чтобы полюбоваться торжественной церемонией. Заговорщики вошли в собор, где им сообщили, что Джулиано сразу после мессы покинет собрание. Это известие совершенно расстраивало планы заговорщиков. Они тут же собрались на совет, и Франческо предложил убить братьев Медичи в церкви.

Однако с этим не согласились Джакопо Пацци и Монтесекко, почувствовавшие, что не смогут напасть на коленопреклоненных людей. Их не убедили даже обещания архиепископа о полном отпущении грехов папой. Тогда заговорщики обратились к священникам Стефано де Багноне и Антонио ди Вольтерре (Маффеи), которые не испытывали угрызений совести от того, что кровопролитие произойдет в их церкви.

Что касается Франческо, то он никому не хотел уступать чести расправиться со своим противником и оставил при себе Бандини в качестве помощника. Решили действовать в самом начале мессы, когда зазвонит колокол и священник произнесет: «Domine, non sum dignus». Именно в этот момент, при втором ударе колокола кафедрального собора Медичи должны были умереть.

Но покушение едва не сорвалось: заговорщики с ужасом увидели, что кардинала Риарио сопровождает один лишь Лоренцо. Франческо и Бандини бросились на поиски второго Медичи. Им удалось найти Джулиано и уговорить его присутствовать на мессе.

Вошедшего в собор Джулиано «дружески» обнял Франческо Пацци — на самом деле проверял, есть ли у того кинжал Убедившись, что он безоружен, Бандини и несколько людей Пацци по сигналу Барончелли повалили его на пол и нанесли 19 ударов кинжалом. Франческо бил с такой яростью, что невольно ранил самого себя в ногу. Верный друг Джулиано флорентийский дворянин Лоренцо Нови, очень привязанный к семейству Медичи, схватился за меч, горя страстным желанием отомстить за друга, но Бандини повернулся к нему, отбил удар и с одного выпада сам поразил несчастного, мертвым павшего к его ногам.

Остальные заговорщики были не столь решительны. Антонио ди Вольтер-ра, пораженный мыслью о предстоящем ему святотатстве, вместо того, чтобы ударить кинжалом Лоренцо Медичи, лишь взмахнул им перед лицом своей жертвы. Священник Стефано начал кричать: «Предатель! Предатель!» В результате Лоренцо быстро повернулся и получил лишь легкие ранения в шею и плечо. Медичи выхватил меч и, отбивая удары, сам начал теснить противников. Сторонники его дома помогли ему отступить в ризницу Нападавшие ломились в двери, но не смогли их выломать.

Тем временем в храме началась резня. Толпа бросилась к выходу. Упавших топтали ногами, многие были задавлены.

Между тем Джакопо Пацци — глава семьи — вскочил на коня и поскакал по улицам, размахивая мечом и крича «Свобода и республика!» Когда же в городе узнали о смерти Джулиано, озлобленные флорентийцы стали в ответ кричать: «Ядра!», намекая на герб Медичи. Поняв, что горожане стоят на стороне Медичи, Джакопо скрылся в поместье.

Архиепископ Сальвиати, выполняя возложенную на него задачу, поспешил во дворец Синьории, чтобы объявить о взятии правительства под свой контроль. Однако во внутреннем дворе он был отделен от сопровождавших его солдат и взят под стражу. Толпы озлобленных людей собрались у дворца и зверски расправились с его охраной. Заговорщиков схватили и привели во дворец. Многих выбросили из окон или повесили.

Флоренция сотрясалась от гула и криков одобрения и похвал, возносимых в честь рода Медичи, на головы врагов семейства сыпались неисчислимые проклятия.

С триумфом Лоренцо был отнесен к себе во дворец, в то время как по улицам города волокли окровавленные трупы заговорщиков, насадив их головы на пики и мечи. Дома всех без исключения представителей рода Пацци были осаждены, взяты штурмом, разграблены и разрушены. Лоренцо безжалостно расправился с заговорщиками, да и просто с друзьями Пацци — их хватали и казнили без суда и следствия. В этот день во Флоренции погибло двести шестьдесят два человека. Трупы с перерезанным горлом плыли по окровавленным водам реки Арно.

Франческо Пацци под охраной солдат отвели во дворец Медичи. Подвергнув всем видам унижений и оскорблений, его повесили рядом с архиепископом пизанским, а впоследствии бросили тела на потеху толпе. Джакопо Пацци также подвергли пыткам, повесили и труп проволокли по улицам города.

Двух спрятавшихся священников быстро нашли, отрезали носы и уши, а потом повесили. Монтесекко, сообщившему о причастности папы Сикста IV, было позволено умереть от меча.

Бандини, бежавший в Турцию, не нашел там надежного убежища. Султан прогнал флорентийца из дворца. Послы Лоренцо, прибывшие специально за ним в Порту, схватили Бандини и сопроводили его на родину, заставив там заплатить за свое преступление.

Месть настигнет всех представителей клана Пацци, даже стоявших в стороне от заговора. В лучшем случае их ждала тюрьма или изгнание. И только кардинал Джироламо Риарио избежал смерти — благодаря вмешательству папы.

Но жестокость Лоренцо и его сторонников вернула Флоренции покой.

Лоренцо устроил пышные похороны погибшего брата Спустя несколько месяцев родился его посмертный незаконный сын, которого тоже назвали Джулиано. Он будет воспитываться в доме Лоренцо вместе с его сыновьями, как родной. Много лет спустя этот ребенок станет папой римским…

Если бы заговора Пацци не было, его следовало бы выдумать — настолько он способствовал триумфу Лоренцо. Отныне он — неоспоримый правитель Флоренции.

Триумф Медичи и поражение Пацци были восприняты папой римским как личное

оскорбление. Сикст IV был разгневан казнью архиепископа и тем, что другой вдохновитель заговора, его племянник, по-прежнему оставался в руках Лоренцо. Не сумев разделаться с Медичи с помощью наемных убийц, папа использовал инструмент из собственной компетенции. Он отлучил от церкви Лоренцо и всю правящую верхушку Флоренции.

Эдикт папы мог оказаться довольно эффективным, поскольку его поддерживал Фердинанд — неаполитанский король. Лоренцо сделал великолепный ход: один приехал в Неаполь и представился одному из самых жестоких правителей века. Его беспредельная храбрость, по-видимому, привела в замешательство тирана, который заключил с Флоренцией мирный договор. Папа, оказавшийся в изоляции, был вынужден признать реальное положение дел, а Лоренцо де Медичи остался в памяти потомков как самый выдающийся представитель всего семейства.

ПЕРЕВОРОТ РИЧАРДА ГЛОСТЕРА

Англия. 1483 год

Война Алой и Белой роз Так именуют растянувшуюся на три десятилетия междоусобицу между двумя ветвями королевского дома — Ланкастерами и Йорками — в борьбе за английский престол (1455—1485). Английские бароны, для которых после окончания Столетней войны исчезла возможность при помощи грабежа во Франции приумножать свои доходы, активно включились в эту борьбу. Победившая сторона овладевала поместьями побежденных, приобщалась благодаря близости к короне к обогащению за счет налогов и других поборов с населения.

Престол несколько раз переходил из рук в руки, что всякий раз сопровождалось убийствами побежденных «изменников». Сегодняшний победитель мог уже завтра оказаться в Тауэре и сложить голову на плахе.

Началось все с того, что герцог Ричард Йоркский, потомок третьего сына Эдуарда III, сумел добиться объявления его наследником престола. Первоначально успех был на стороне Йорков. Генрих VI попал в плен к Ричарду, который стал протектором королевства. Однако вскоре Генрих был освобожден, и власть от имени короля захватила его жена Маргарита. Потом самый влиятельный сторонник Йорков — Ричард Невил, граф Уорик, нанес поражение Ланкастерам. Генрих был опять захвачен в плен, но уже в конце того же года чаша весов снова склонилась в пользу Ланкастеров Герцог Йоркский потерпел поражение и был казнен. Генрих VI был освобожден из Тауэра и занял трон, но ненадолго Во главе йоркистов стали старший сын герцога Ричарда Эдуард и его братья — Джордж, впоследствии герцог Кларенский, и Ричард, позднее ставший герцогом Глостерским. Наибольшую поддержку Йоркская партия получила от могущественной семьи Невилов. Новая армия йоркистов в марте 1461 года разгромила войско Ланкастеров. Генрих VI и Маргарита бежали в Шотландию, а победитель был коронован под именем Эдуарда IV. Через несколько лет Генрих был еще раз захвачен в плен и водворен в Тауэр.

Борьба между Ланкастерами и Йорками сопровождалась при Эдуарде резкими столкновениями внутри победившей Йоркской партии. Граф Уорик выступал против брака короля с Елизаветой Грей (урожденной Вуд-вил), вдовой одного из погибших дворян ланкастерской партии. Уорик, заключив союз с братом короля герцогом Кларенским, занял столицу. Эдуард спасся бегством, а победители стали править от имени слабоумного Генриха VI.

В апреле 1471 года Эдуарду удалось снова занять престол. Уорик был убит в сражении. Кларенс, еще до этого снова изменивший — на этот раз Уорику, помирился с братом, но Эдуард не доверял ему и вскоре приказал бросить в Тауэр. Высадившиеся вслед за этим в Англии жена Генриха VI Маргарита Анжуйская и ее сын Эдуард собрали своих сторонников, но в битве при Тьюкесбери были разгромлены армией Эдуарда IV. Захваченный в плен принц Эдуард был казнен, а королева Маргарита заключена в Тауэр Ее муж Генрих, освобожденный было из темницы Уориком, снова стал узником мрачной тюрьмы-крепости и был там убит по приказу Эдуарда IV.

Претендентом на престол от ланкастерской партии стал бежавший после битвы при Тьюкесбери во Францию Генрих Тюдор. Он был внуком Оуэна Тюдора, тайно женившегося на вдове Генриха V. Мать Генриха Тюдора была отдаленным потомком Джона Гонта, основателя Ланкастерского дома, и его любовницы Катерины Суинфорд. Эти подробности показывают, сколь зыбкими были династические права Генриха Тюдора на престол. В течение пятнадцати лет он вел полную опасностей жизнь изгнанника.

После смерти Эдуарда IV престол унаследовал его двенадцатилетний сын Эдуард V. Тут же произошел государственный переворот Его инициатором был дядя нового монарха, Ричард, герцог Глостерский. 26 июня 1483 года Ричард узурпировал власть и захватил трон Англии.

Ричард Йоркский, герцог Глостер, младший брат короля Эдуарда IV (1460—1483), родился в октябре 1452 года, накануне «войны Роз» В ходе развернувшихся политических коллизий он оставался верен Эдуарду. Даже в критические для династии дни, когда большая часть знати, включая герцога Кларенса (брата Ричарда), перешла на сторону ланкастерцев, Ричард сохранял верность королю, разделив вместе с ним тяготы и трудности вынужденного изгнания. В решающих битвах при Тьюкесбери и Барнете 1471 года, где были разгромлены основные силы ланкастерцев, юный герцог сражался с большим мужеством и полководческим искусством.

Преданность Глостера, воплощенная в его девизе «Верность — превыше всего», была по достоинству оценена королем, он получил руку самой богатой невесты Англии Анны Невил и был назначен наместником северных графств. Именно там, в самом неспокойном краю королевства, считавшемся традиционной опорой ланкастерцев, проявились незаурядные качества Глостера как талантливого военачальника и администратора. За время наместничества он не только усмирил север страны, но и превратил его в главную опору Йорков.

Как же повел себя Глостер после смерти короля в феврале 1483 года? Согласно завещанию Эдуарда IV, престол переходил к его старшему сыну, 12-летнему принцу Эдуарду, при регентстве Глостера. Однако королева Елизавета Вудвил и ее многочисленные родственники попытались совершить переворот. Захватив Тауэр и королевскую казну и не известив Глостера о смерти брата, они решили ускорить коронацию юного Эдуарда и провозгласить Елизавету регентшей. С этой целью в замок Лудлоу, где находился наследник, были отправлены с вооруженным отрядом в две тысячи человек лорды Риверс и Грей, то есть брат и сын Елизаветы.

Получив вскоре известие о смерти короля, Глостер, вместо того чтобы сразу двинуться в столицу, что было бы естественно для человека, намеревающегося захватить власть, отправился в Йорк, где привел к присяге юному Эдуарду V местную знать. Даже получив известие от Гастингса, лорда-камергера покойного короля, о событиях в Лондоне, Глостер не вызвал подкреплений, а отправился с небольшим отрядом в 600 человек навстречу наследнику престола. И только в Стратфорде, после свидания с герцогом Бекингемом, подтвердившим сведения о перевороте, Глостер прибег к решительным мерам: арестовал вождей заговора Риверса и Грея и вместе с Эдуардом V двинулся к Лондону.

Попытка переворота провалилась. Большинство знати, враждебно относившейся к Вудвилам, поддержало Глостера. Елизавета вместе с младшим сыном и пятью дочерьми укрылась в Вестминстерском аббатстве. 4 мая Глостер торжественно вступил в столицу, где был провозглашен лордом-протектором королевства. Горожане встретили это сообщение весьма благожелательно. Дальнейшие действия Глостера как регента свидетельствуют о его намерениях короновать своего племянника. Необходимые распоряжения о предстоящей коронации 22 июля были отданы сразу же по прибытии в Лондон. Наследник с подобающими почестями был препровожден в Тауэр, служивший тогда одновременно и королевской резиденцией Там он должен был находиться, в соответствии с традицией, вплоть до коронации.

Но 9 июля произошли события, изменившие ситуацию и породившие новый политический кризис. О том, что произошло, мы можем судить на основании официальных документов. Летописцы же хранят молчание по этому поводу. Как явствует из письма епископа Т. Лангтона, во время экстренного заседания королевского совета епископ Уэльса Р. Стилингтон сделал неожиданное заявление о том, что покойный король до брака с Елизаветой был тайно обручен с леди Элеонорой Тальбот. Это означало, что дети Елизаветы, включая

Эдуарда V, являются незаконнорожденными и, следовательно, не могут наследовать трон. На следующий день Глостер отправляет письма в Йорк с требованием «прислать войска для борьбы с королевой и ее сторонниками, намеревающимися убить меня и кузена Бекингема», а также «предать суду арестованных лордов Грея и Риверса в связи с вновь открывшимися обстоятельствами». Драматический эпизод в истории «июльского кризиса» произошел 13-го, во время очередного заседания королевского совета. Согласно скудной информации хронистов, «во время заседания были арестованы архиепископ Ротергэм, епископ Мортон, лорды Стэнли и Гастингс», причем последний тут же был обезглавлен во дворе Тауэра.

Судя по всему, открытие Стилингтона, означавшее для Вудвилов крах их надежд, побудило партию королевы на организацию нового заговора, в который был вовлечен через Джейн Шор, любовницу покойного Эдуарда IV, недалекий лорд Гастингс. Состоялась ли действительно помолвка Эдуарда IV с леди Элеонорой или же показания Стилинггона были фальшивкой, сочиненной кем-то из окружения Ричарда, не желавшим правления малолетнего короля, ибо это предвещало борьбу за власть различных группировок и, возможно, гражданскую войну? Большинство исследователей, учитывая любвеобильное сердце Эдуарда IV, склоняется к первой точке зрения. Брат Ричарда герцог Кларенс поплатился головой за попытку раскрыть какую-то «тайну» короля. В сложившейся обстановке открытие Стилинггона устраивало большую часть знати и горожан, желавших внутреннего мира. Неудивительно, что парламент, собравшийся 22 июля, на основании представленных ему доказательств о двоеженстве Эдуарда IV специальным актом отстранил от престола все его потомство как незаконнорожденное и постановил передать корону Ричарду Глостеру.

6 августа 1483 года в присутствии почти всей английской знати состоялась торжественная коронация Ричарда III и его жены Анны Невил. Как же проявил себя новый король? Его кратковременное правление было ознаменовано рядом реформ, многие из которых предвосхитили последующее законодательство Тюдоров. Даже противники Ричарда признавали, что он был хорошим законоведом, «много сделавшим для облегчения жизни людей».

Согласно «Большой хронике Лондона», последний раз принцев видели незадолго до коронации Ричарда, игравших на лужайке Тауэра. Дальнейшая их судьба окутана мраком, и никаких сведений о том, что с ними произошло, нет ни в одной из хроник современников Ричарда.

По одной из версий Ричард сразу после коронации в августе 1483 года послал к коменданту Тауэра Р. Бракенбури специального гонца с секретным письмом о тайной казни принцев. Однако комендант отказался исполнить приказ, и тогда Ричард поручил дело коменданту Тирелу, снабдив его королевским мандатом со всей полнотой власти в крепости на одни сутки. Получив ключи от Тауэра, Тирел и его сообщник-лакей наняли наемных убийц, которые ночью задушили принцев. Тела убитых захоронили под лестницей. Позднее их останки по приказу Ричарда перезахоронил неизвестный священник, который вскоре умер. К моменту появления «Исповеди» Тирела из всех участников предполагаемой трагедии оставались в живых двое: сам Тирел и лакей. Последний, подтвердив показания своего господина, был отпущен на свободу и даже вознагражден пожизненной пенсией при условии постоянного проживания во Франции. Впрочем, о судьбе принцев спорят до сих пор.

А война Алой и Белой роз завершилась августовским днем 1485 года на болотистом поле близ английского селения Босворт. В том сражении погиб последний представитель династии Плантагенетов король Ричард III, и на престол взошел основатель новой династии Генрих Тюдор.

ЗАГОВОР БИФОРТОВ — ВУДВИЛОВ

Англия. 1483 год

К 1483 году в династии Плантагенетов, правящей Англией, совершеннолетних представителей мужского пола было немного: герцог Бекингем, Генрих Тюдор и король Но у всех троих права на престол были не безупречны.

В конце лета 1483 года король Генрих Тюдор оказался в центре по меньшей мере двух заговоров против Ричарда III. Их участников сплотила неприязнь к королю, объяснявшаяся возмутительной дерзостью Ричарда: скорыми, незаконными казнями, жестокостью, которая была средством дворцового переворота и его последствием. Слухам о том, «что принцы в Тауэре убиты», верили.

Один заговор зрел в Брекнокском замке Генриха Стаффорда, герцога Бе-кингема. Во главе его стоял епископ Илийский — Мортон.

2 августа 1483 года герцог Бекингем простился с королем в Глостере. Ричард продолжил поход в центральные графства Англии, а Бекингем срслался на дела в его Брекнокшире. Может, уже тогда у него зародилась идея заговора Если так, то ее бережно взрастил епископ Мортон. Цель герцога историки Томас Мор и Полидор Вергилий видят в следующем. Переход трона к Генриху Тюдору и союз двух королевских семей — Ланкастеров и Йорков, то есть брак между Генрихом и принцессой Елизаветой. Им же принадлежит теперь уже общепринятая версия— летом 1483 года существовал до мелочей продуманный план передачи трона Генриху Тюдору. Только ли ради будущего монарха Тюдора он, герцог Бекингем. отрекся от короля (недавнего союзниика), который был щедр и явно благосклонен к нему? Отец Бекингема преданно служил Ланкастерам. Но утверждать наверняка, что летом 1483 года молодой герцог беззаветно сражался за корону для Генриха Тюдора, нельзя.

А вот заставить Бекингема пересмотреть свои первоначальные планы могло сообщение о том, что существует еще одна группа заговорщиков. И ее то цель сомнений не вызывает: вернуть на родину Генриха Тюдора, который свергнет Ричарда III и завоюет корону Англии.

Были причины участвовать в заговоре и у епископа Мортона. Видимо, он никогда не был сторонником Ричарда. По крайней мере, незадолго до его коронации епископ был взят под стражу по приказу Глостера. А о том, кто же был главным инициатором заговора, историки спорят до сих пор.

Сэр Томас Мор очень чтил епископа Мортона. В его доме писатель-историк жил в юности. В «Истории Ричарда III» он пишет о политическом и государственном авторитете священнослужителя. Именно он — так считает автор — повлиял на Бекингема и убедил его в необходимости восстания Итальянский историк Полидор Вергилий (он служил в Англии при Генрихе VII и Генрихе VIII) не имел личных привязанностей, ради которых мог бы что-то приукрасить или, наоборот, о чем-то умолчать. Его взгляд на события представляется более объективным. Вергилий считает, что первым о восстании и дворцовом перевороте заговорил как раз Бекингем. А подозрительный и напуганный епископ (тогда он был под арестом) сначала решил, что герцог кривит душой и предлагает сотрудничество с целью погубить опального священника. Но, продолжает Вергилий, осознав серьезность планов Бекингема, Мортон доверился ему, и их усилия объединились.

В начале августа сводный брат Маргарет Бифорт, Джон Уэлс, поднимает восстание во владениях Бифор-тов в Нортгемптоншире. Мятеж подавили. И Уэлс спасается бегством. Бежит он в Бретань к Генриху Тюдору.

Связь между группой Бекингема и «движением Тюдоров» скорее всего наладил епископ Мортон и его близкие Ему удавалось вызвать в Брекнок доверенного Маргарет Бифорт, матери Генриха Тюдора. Реджинальд Грэй последние двенадцать лет защищал интересы Генриха Тюдора. Его хорошо знал и Бекингем.

Реджинальд побывал в Брекноке и сообщил Маргарет о планах герцога Бекингема и епископа Мортона. Не исключено, что от него Бифорт впервые узнал о том, что формируется еще одна группа заговорщиков. Когда, Маргарет изменила первоначальные замыслы, не ясно. Но если раньше она мечтала только о возвращении сына и наследовании владений родителей и дедов, то теперь ее занимали иные мысли: Генрих должен стать королем Англии Бесспорно, свою, и немалую, роль сыграно исчезновение сыновей Эдуарда IV Именно поэтому к заговору Бифортов примкнула вдовствующая королева Елизавета Вудвил. Отныне Ричард III был ее кровным врагом.

Союзницу и утешительницу королева нашла в лице Маргарет Бифорт: теперь их связывало общее дело.

Началась активная переписка. Дамы обсуждали будущий брак их венценосных детей.

Оговаривалось и такое обстоятельство: в случае внезапной смерти принцессы Елизаветы невестой Генриха Тюдора станет младшая дочь Эдуарда — Сесил.

Елизавета Вудвил была польщена предложением Маргарет Бифорт. Надо сказать, время для него было выбрано более чем удачно. И ответ королевы, направленный в лондонский дом четвертого мужа Маргарет, Томаса Лорда Стэнли, можно было расценить как согласие. Елизавета обещает, что ее друзья и придворные Эдуарда IV одобрят их замысел и помогут его осуществить. Она понимала, что это прекрасная возможность отомстить Ричарду III. Вдохновленная такой союзницей, Маргарет Бифорт привлекает к заговору молодых придворных Эдуарда IV из Южной Англии: сэра Жиля Добени, Ричарда Гилдфорда, Томаса Реймни и Джона Чийна. Все они поклялись хранить в тайне замысел двух дам и сделать все, чтобы он стал реальностью.

Теперь было важно, чтобы Генриха Тюдора как можно скорее посвятили в подробности заговора. Маргарет Бифорт готовится послать в Бретань гонца Им должен стать Кристофер Эрсуик, молодой священник, который по рекомендации Льюиса Карлеона состоял в домашней челяди Маргарет. Собирались поступить так. Кристофер отправляется к Генриху, рассказывает ему о сговоре с королевой Елизаветой, о характере готовящегося дворцового переворота, в результате которого трон Англии будет принадлежать молодому Тюдору и Елизавете Йоркской. Генрих, конечно, знал, что в прошлом их имена часто связывали. Но предложение такой династийной значимости могло показаться неожиданным. Эрсуик еще не успел отправиться в путь, как Реджинальд Брэй привозит вести из Брекнока.

Отъезд Кристофера откладывают. Появляется новое действующее лицо — Хью Конвей, бывший слуга короля Эдуарда. Именно ему доверяет срочное и деликатное дело Маргарет Бифорт. Прослужив при дворе Йорков двадцать лет, он хорошо узнал королеву Елизавету. После кровавого переворота Ричарда III более надежного доверенного двух леди (Маргарет и Елизаветы) одновременно трудно себе представить.

Хью Конвей отправляется в Бретань с огромной суммой денег. Маргарет с трудом собрала ее, влезая в долги. Гонец должен убедить Генриха Тюдора срочно вернуться в Англию. Спланировали и его маршрут: он высадится в Уэльсе, где уже будут ждать войска герцога Бекингема. Чтобы избежать всякого рода случайностей, Маргарет решает подстраховаться. Вслед за Конвеем она отправляет еще двух гонцов, Ричарда Гилдфорда и Томаса Реймни. Они спешат к Генриху с теми же вестями, и все трое приезжают почти одновременно. Союз Стэнли — Бифортов и Вудвилов сработал точно; от разных людей молодой Тюдор узнает, что его 12-летнее изгнание подходит к концу. В Англии разработан реальный план его триумфального возвращения на родину.

24 сентября 1483 года герцог Бекингем тоже пишет Генриху Тюдору. Он подтверждает, что связан с заговором Бифортов — Вудвилов, хотя их интересы, возможно, и не совпадают. Историки XVI века дружно утверждают, что Бекингем признал право Генриха на трон и одобрил идею брака Тюдора с Елизаветой Йоркской, рассматривая и то и другое как возможность закончить, наконец, Войну Алой и Белой роз. Хотя в письме он лишь сообщает Генриху, что собирается выступить против узурпатора 18 октября и призывает Тюдора поддержать его. О том, кто должен взойти на престол вместо Ричарда, не сказано ни слова.

В пианы заговорщиков посвятили Франциска II. Его союзничество и помощь в организации и подготовке возвращения Тюдоров на родину были необходимы. Окрыленный неожиданными перспективами Генрих обещает щедро вознаградить герцога. Он даже готов отдать Бретани Ричмонд, который до конца XIV века считался ее территорией. Франциск в это время поддерживает дипломатические отношения с Ричардом III Тем не менее не отказывается помочь и Тюдору.

Предательство Бекингема было полной неожиданностью для Ричарда III: армия короля еще не готова подавить серьезное восстание. Летние волнения и беспорядки не воспринимались как сопротивление узурпации власти. Еще в сентябре Ричард пребывал в счастливом неведении. 23 сентября он освобождает от должности королевского канцлера племянника епископа Мортона и конфискует собственность епископа Вудвила в Солсбери.

Для двух семей, и без того враждебно настроенных, эта была последняя капля Но вскоре королю донесли, что готовится нечто серьезное и грозящее его власти. Ричард посылает за

Бекингемом. Тот сказывается больным и спешит в Лондон. Следует более суровый и категоричный приказ, но герцог уже открыто отказывается повиноваться и готовится к схватке.

Наконец, 11 октября Ричард узнает о замыслах Бекингема в подробностях и срочно начинает формировать силы сопротивления. Не исключено, что его насторожил преждевременный бунт в Кенте: 10 октября герцог Норфолк сообщил, что столицу атакуют кентские войска По плану заговора серия вооруженных восстаний должна была начаться 18 октября.

Ричард запретил причинять вред людям герцога — как гражданским, так и военным Политика такого расчетливого усмирения оказалась успешной У Бекингема дела шли не так успешно. Он собирал армию у себя в Брекноке и других поместьях Уэльса и столкнулся с непредвиденными трудностями его подданные неохотно брались за оружие против короля Йоркской династии. Но такие все же были, и не только в Уэльсе.

Но Ричард уже успел собрать сильную армию и был полон решимости отстоять власть и отомстить изменникам Герцог потерпел поражение. Бекингема арестовали и отправили в Шрусбери. По приказу короля он был казнен.

Среди союзников Бекингема назывались епископ Илийский и Солсберийс-кий, сэр Уильям и Джон Норис, епископ Кентерберийский… За поимку каждого из них было обещано щедрое вознаграждение. Словом, список приличный. В день казни Бекингема все они лишились поместий и собственности. Подобные прокламации были разосланы во все графства Англии. Как ни старался король Ричард, предотвратить массовый побег заговорщиков из страны не удалось. В сущности, ему повезло только с Бекингемом. В Солсбери герцога долго и страшно пытали. Во встрече с королем ему было отказано. Наконец, 2 ноября 1483 года «голубая кровь» потомка Эдуарда I пролилась на плахе. Казнь Бекингема решила судьбу Генриха Тюдора. Теперь законно оспаривать право на престол мог только он: сыну Бекингема было всего шесть лет.

Известие о казни герцога охладило пыл заговорщиков. Мятежи утихли. Вожди восстания искали, где бы укрыться. Многие поехали в Бретань к Тюдорам. Им не составило труда раздобыть судно и добраться до герцогства Франциска II.

Сам факт приезда такого количества верных и верящих ему англичан сделал свое дело: Генрих решает действовать. Ведь стоит только Франциску заключить мир с Ричардом (что вполне вероятно), положение станет и впрямь безнадежным, так как следующий шаг герцога Бретани легко предвидеть: он выдаст Тюдоров королю Англии. Генрих собирает всех, кто после разгрома восстания Бекингема покинул Англию, старается поднять их боевой дух и заставить проникнуться значимостью и серьезностью предстоящих действий. Встреча с Дорсетом назначена в Ренне. Обсуждение плана заняло несколько дней. На Святки 1483 года Тюдор и его соратники дали клятву верности друг другу в Реннском соборе. В торжественной обстановке Генрих обещает взять в жены Елизавету Йоркскую, как только взойдет на трон Англии. Теперь в верности Вудвилов можно не сомневаться.

Группа английской знати во главе с маркизом Дорсетом приносит присягу Генриху как законному королю Англии. Они дают клятву в предстоящей войне за корону страны отдать все — вплоть до жизни.

В августе 1485 года Генрих наконец вернется на родину, олицетворяя единство давно враждующих королевских семей — Ланкастеров и Йорков. Более того, он — единственный законный престолонаследник и той и другой династий.

ЗАГОВОР ФИЕСКИ ПРОТИВ РОДА ДОРИА

Италия, Генуя 4 января 1547 года

Одной из центральных фигур этой войны был адмирал Андреа Дориа представитель знатнейшего генуэзского рода, который верой и правдой служил сначала французскому трону, а после размолвки с Францском I — испанскому королю, под власть которого он отдал Геную.

Едва французы покинули город, по всем улицам и площадям уже громко зазвучало гордое имя Дориа Опытный политик не обманул ожиданий соотечественников Он вручил бразды

правления аристократии и заявил, что сам не примет ни одного решения без одобрения представителей всех генуэзских ро дов Генуэзцы, оценив его заслуги перед республикой, за свой счет возвели в честь него статую с такой надписью «Отцу отечества и восстановителю свободы» Однако мир в Генуе продлился недолго.

Необыкновенная слава и знатность, чрезмерная заносчивость представителей рода Дориа, в особенности Джаннеттино, племянника адмирала, впоследствии им усыновленного, их бьющая в глаза роскошь и богатство, не могли не вызвать зависти среди представителей менее знатных, но не менее достойных родов, и не подвигнуть их на организацию заговора.

Во главе его встал Джованни Лодовико (Джан Луиджи) Фиески граф ди Лаванья представитель одной из самых древних и знаменитых семей Генуи По свидетельствам современников, он был горяч, честолюбив, предприимчив отважен, страстно мечтал о славе Искреннее восхищение граждан республики вызывали такие качества молодого синьора как честность, обходительность незлобивость, открытость Он предупреждал желания любого из своих друзей и умел завоевать расположение народа и дружбу богатых.

Документы той эпохи донесли до нас такой пример В городе существовала крупная корпорация, в которую входили прядильщики шелка, рабочие ткацких мастерских, но постоянные войны Республики довели большую часть этих людей до крайней нищеты Граф Фиески по мере сил помогал ткачам и даже поселил в своем дворце самых нуждающихся Джованни Людовико снабжал их деньгами, едой и просил никому не говорить об этом, поскольку не нуждается как говорил он, в ином вознаграждении, кроме счастья помогать обездоленным ткачи готовы были поддержать своего благодетеля в любом деле Понимая это, граф Фиески в беседе с ними вспоминал былую свободу, сожалея о том, что гранды слишком заняты собственными делами и интересами.

Однако 22-летний Джованни Фиески не мог даже надеяться на какой-либо достойный пост в Республике, пока Дориа находились у власти Надо признать что мысли о перевороте внушали ему многие люди, надеявшиеся и для себя найти выгоду в гражданской войне, — в первую очередь французы, делавшие Фиески недвусмысленные предложения и обещавшие немалые деньги, во-вторых папа Павел III, ненавидевший Андреа Дориа за то, что тот активно помогал усилению влияния императора Карла V в Италии в ущерб римскому трону. Молодой генуэзец, проездом побывав в Риме, встречался и вел беседы с кардиналом Агостино Тривульцио (Кардинал Тривульцио был горячим защитником дела Франции и ее короля при римском дворе), который с большим искусством указал ему, каким образом можно возбудить ревность грандов и ненависть простого народа к Дориа в особенности против Джаннеттино Он с сочувствием и пониманием признал, сколь тяжело энергичному и отважному синьору жить в Республике, фактически заправляемой лишь кучкой алчных, властолюбивых и ничтожных олигархов, препятствующих возвышению любой незаурядной личности.

Кардинал пообещал Фиески помощь со стороны Франции, и тот с восторгом принял предложение, сделанное ему, а также деньги и шесть галер его величества французского короля, а также двести человек гарнизона в городке Мон-тобио, корпус легкой кавалерии и деньги для солдат.

На деньги, полученные от папы, были куплены четыре галеры, и для того, чтобы в нужный момент захватить порт Республики, Фиески привел в Геную одну из этих галер под предлогом подготовки ее к отплытию в Левант В то же самое время граф постарался ввести в город часть наемников из Пьяченцы Одни из них должны были проникнуть в город под видом солдат генуэзского гарнизона, другие как свободные кондотьеры, пришедшие наниматься на службу Многим пришлось выдавать себя за каторжников и даже гребцов галерного флота Таким образом, в самом скором времени под командованием Фиески в городе собралось не менее 10 тысяч человек, еще совершенно ничего не знавших об его истинных намерениях.

Теперь оставалось лишь назначить день и час выступления Была выбрана ночь с 3 на 4 января 1547 года Граф велел в глубокой тайне принести в свой дом оружие и постоянно наблюдать за районами города, подлежащих захвату в первую очередь Сам Фиески, чтобы не вызывать никаких подозрений, в эти дни часто наносил визиты, и среди прочих даже во дворец Дориа Вернувшись домой, он пригласил к себе на ужин тридцать дворян, повелев запереть двери и ворота своего дворца и впускать в него всех, но до самого начала выступления не

выпускать никого.

Заметив, что многие из приглашенных им в высшей степени удивлены присутствием в доме неизвестных людей и солдат, он предложил гостям перейти в один большой просторный зал и обратился к ним с речью «Нельзя упустить этот удобный момент, если мы хотим защитить нашу жизнь и свободу Среди здесь присутствующих нет ни одного, кто бы не знал об опасности, нависшей над Республикой Дориа восторжествуют над нашим терпением и скоро окончательно возведут свой трон на руинах Республики У нас нет больше времени втихомолку оплакивать наше несчастье, надо рискнуть всем, чтобы избежать тирании Поскольку зло сильно, и средства против него должны быть столь же сильны и решительны; и если страх попасть в постыдное рабство производит на вас хоть какое-нибудь впечатление, предупредите своими действиями и помешайте тем, кто готовит вам цепи.

Каждый из нас, хорошенько подумав о положении дел в Республике, найдет множество причин отомстить за себя, причин законных и славных, ибо наша личная неприязнь или ненависть к роду Дориа неразрывно связана с мечтой об общественном благе, и мы не можем отбросить наших интересов, не предавая при этом и интересов родины. От вас теперь зависит дать государству отдых и покой Я уже позаботился о том, чтобы облегчить вам путь к славе, обдумав и решив, как устранить препятствия, могущие на нем возникнуть; теперь очередь за вами, решайте, хотите ли вы следовать за мной.

Вижу, что всех вас привели в некоторое замешательство и изумление меры, мною принятые, даже испуг читается на ваших лицах, но оружие и решимость (в сочетании с осторожностью) необходимы всем нам для достижения общих целей Скажу больше, в таком деле должно нам употребить все, что в наших силах. Так что смятение ваше в конечном счете пойдет вам на пользу, обернувшись успехом и славой нашего великого дела.

Я могу доказать письмами, находящимися у меня в руках, что император обещал верховную власть над Генуей Андреа Дориа, что Джаннеттино три раза подсылал людей отравить меня, что он отдал тайный приказ1 перебить весь мой род, как только умрет его дядя, но известия об этих гнусных преступлениях уже не смогут в еще большей степени усилить вашу ненависть к этим чудовищам Кажется, я читаю в ваших глазах яростное желание совершить справедливую месть. Догадываюсь, что вы горите еще большим нетерпением, чем я, излить свое негодование, защитить свое состояние, покой и честь ваших семей. Идемте же, спасем репутацию Генуи, свободу родины, покажем сегодня всему миру, что есть еще и в этой Республике люди достойные и порядочные, сумею-щие с корнем вырвать тиранию».

Из всех собравшихся, с волнением слушавших эту речь, нашлось лишь двое, отказавшихся принять участие в заговоре.

Наконец, выйдя из своего дворца в сопровождении верных ему людей, граф Фиески отправил каждого на заранее намеченный пост.

Когда был дан сигнал (а им служил орудийный залп), заговорщики приступили к исполнению полученных приказаний.

Джаннеттино, разбуженный грохотом пушек и криками толпы, в сопровождении всего лишь одного пажа, несшего в руке факел, бежал к одним из городских ворот, но был схвачен заговорщиками и убит. Слуги Андреа Дориа, боясь за участь своего господина, помогли ему поскорее сесть на коня. Старому адмиралу посчастливилось выбраться из города и укрыться в замке Мазона в пятнадцати милях от Генуи.

Граф Фиески, расставив стражу в самых важных местах города, стремительно направился в порт. Но в тот момент, когда он поднимался на галеру, сходни под ним подломились, и граф упал в воду. В этом месте было неглубоко, но Фиески потянули ко дну тяжелые доспехи и оружие, он не смог быстро освободиться от них и утонул.

Мрак ночи, грохот и шум, раздававшиеся со всех сторон, не позволили восставшим сразу хватиться пропавшего предводителя. Так, ничего и не зная о его судьбе, они успешно овладели портом и галерами.

Заговорщики, численностью до двухсот человек, рассеялись по улицам, призывая народ к восстанию и крича— «Фиески и свобода! Фиески и свобода!»

Горожане были в ужасном смятении. Аристократы не спешили во дворец республики, ибо опасались, что их собственные дома и дворцы могут быть разграблены нежданно нагрянувшей

чернью. Посол его императорского величества Карла V хотел бежать, но был вынужден по совету близких ему генуэзских грандов направиться во дворец, где уже собрались некоторые отважные сенаторы. Самые храбрые из них даже сделали вылазку из дворца во главе отряда солдат, но, столкнувшись с заговорщиками, тотчас отступили. Тогда сенаторы решили прибегнуть к хитрости и послали нескольких депутатов из своего числа выяснить, что же стало причиной беспорядков.

Между тем, услышав о смерти графа Фиески, власти воспрянули духом. Были отданы приказы гвардии и народу защищать законное правительство. Пыл заговорщиков начал угасать, и многие даже покинули их ряды при первом же известии о трагической кончине графа. Восставшим обещали полное прощение, если они сложат оружие. Не приняв этого условия, Джироламо Фиески, брат Джованни Лодовико, удалился в Монтобио. Некоторые из главных заговорщиков перебрались во Францию.

Тело несчастного графа Фиески было найдено только четыре дня спустя и по приказу Андреа Дориа брошено в море. Сам адмирал, после того, как все успокоилось, вернулся во дворец На следующий день, выступая в правительстве, он горячо убеждал собрание сурово покарать виновных, настаивая на том, что безнаказанность в такого рода делах нанесет величайший вред Республике.

Акт о всеобщем прощении был отменен. Великолепный дворец графов Фиески сровняли с землей, а всех братьев графа и его ближайших сторонников приговорили к смерти. Менее виновные были наказаны изгнанием, а графу Джироламо Фиески было приказано сдаться, передав крепость Монтобио Республике, но тот и не думал подчиняться. Тогда крепость осадили, но ее сдали только после долгой и кровопролитной осады.

Джироламо, Веррина, Кальканья и Ассерето, ближайшие друзья и соратники Джованни Лодовико, были обезглавлены, а против Оттобуоно Фиески был издан декрет, запрещавший этому молодому синьору и всем потомкам его вплоть до пятого колена приближаться к городу Генуе. Оттобуоно бежал во Францию. Восемь лет спустя он был пленен испанцами и передан Андреа Дориа, который приказал казнить его. Так, по воле случая окончился неудачей великолепный по своей организации заговор.

ЗАГОВОР РИДОЛЬФИ

Англия, Испания. 1571 год

После гибели в начале 1567 года мужа Дарнлея Мария Стюарт отказалась от шотландского престола и бежала в Англию. Королева Елизавета приказала держать ее под арестом и организовала суд, чтобы формально снять с шотландской королевы обвинение в убийстве мужа. Во время первого процесса Марии Стюарт на ее сторону фактически перешел один из членов судившей ее комиссии — Томас Говард, герцог Норфолк. Вражда с главным министром Сесилом и фаворитом Елизаветы герцогом Лестером, несогласие с проводимым ими антииспанским курсом во внешней политике, а главное — такая заманчивая цель, как шотландская корона, побудили герцога Норфолка искать руки Марии Стюарт. Разгневанная Елизавета приказала обвинить Норфолка в государственной измене.

В 1569 году в северных графствах Англии вспыхнуло восстание. Народное недовольство, как это не раз случалось во времена Реформации, вылилось в движение под знаменем католицизма. Восставшим не удалось освободить Марию Стюарт, а герцог Норфолк, которого католические феодалы, возглавившие восстание, собирались сделать главнокомандующим повстанческой армией, предал своих сообщников и, явившись по приказу Елизаветы в Лондон, был посажен в Тауэр. Восстание было подавлено. Поскольку против Норфолка не было прямых улик, его выпустили из тюрьмы, но оставили под домашним арестом. Это не помешало вовлечению герцога в «заговор Ридольфи».

Флорентийский банкир Роберт Ридольфи, по имени которого назван заговор, выступал в качестве «тайного нунция» римского папы, агента короля Филиппа II и его наместника в Нидерландах герцога Альбы. Торговые и денежные операции ловкого флорентийца были лишь видимой частью его дел.

Итальянец поддерживал тесные связи с испанским послом доном Герау Дес-песом, с католическим епископом Лесли — послом Марии Стюарт при английском дворе. При тайном свидании с Ридольфи герцог Норфолк обещал в случае получения денежной субсидии поднять восстание и держаться до прибытия испанской армии из Нидерландов численностью шесть тысяч человек. Планы заговорщиков предусматривали убийство Елизаветы.

В конце марта 1571 года Ридольфи покинул Англию. Он утверждал, что ему удалось увезти с собой инструкции Марии Стюарт и герцога Норфолка и, что особенно важно, их письма к герцогу Альбе, к Филиппу II и римскому папе. В этих письмах содержалась просьба о вторжении в Англию и низложении Елизаветы.

Ридольфи не представил никаких собственноручных писем Марии Стюарт и герцога — итальянец передал по адресатам лишь переводы. Некоторые исследователи считают, что Ридольфи изменил текст письма, которое он повез от имени Норфолка к Альбе. Вот их аргументы. Послание составлено по-итальянски и не подписано Норфолком. Смелый и уверенный тон письма совершенно несовместим с осторожной и колеблющейся позицией герцога. Нельзя также предполагать, что он мог сделать географические ошибки, поместив Харидж в графстве Норфолк и Портсмут — в Сассексе. Однако это ошибки, в которые легко мог впасть иностранец. Возможно, что Ридольфи стремился как можно глубже втянуть Норфолка в заговор и таким путем не только побудить его отбросить сомнения, но и одновременно заставить испанские власти проявить большую активность.

Альба встретил Ридольфи прохладно. Испанский наместник воевал с мятежными Нидерландами и не собирался отвлекать часть своих войск для помощи противникам Елизаветы в Англии. Впрочем, герцог отнюдь не был против действий флорентийца. Он только писал в Рим и Мадрид о трудностях, с которыми встретятся заговорщики. Герцог Альба считал, что в случае удачи заговор станет наилучшим путем для «исправления зла», но добавлял, что вначале Филиппу II не следует подавать открытую помощь — ее надо приберечь на случай, «если королева английская умрет своей естественной или какой-либо другой смертью». А это вовсе не противоречило планам заговорщиков, ведь Норфолк обещал, что он будет удерживать свои позиции 40 дней до прибытия испанской помощи, и в намерение заговорщиков входило сразу же захватить в плен Елизавету.

Л. Ранке, известный немецкий историк прошлого века, в книге «Мария Стюарт и ее время» писал: «Если Норфолк ставил свое восстание в зависимость от высадки в Англии испанских войск, то Альба требовал вначале захвата Елизаветы, прежде чем его повелитель открыто объявит о своем вмешательстве».

Следует заметить, что Испания, бывшая в течение нескольких поколений союзницей Лондона против Франции, в эти годы превращалась в основного противника елизаветинской Англии. Понятно, насколько важно было для правительства Елизаветы представить в глазах французского двора Марию Стюарт сторонницей ориентации на Испанию. Это признавал и сам Ридольфи, подчеркивавший в беседах с единомышленниками необходимость держать свой план в тайне от французов.

В мае 1571 года Ридольфи прибыл из Брюсселя во французскую столицу по пути в Рим. К этому времени он уже направил в Англию Байи с письмами к Марии Стюарт и Норфолку.

Шарль Байи, находившийся на службе у Марии Стюарт, после прибытия королевы в Англию в 1568 года вошел в число помощников Джона Лесли, епископа Росского. Он выполнял роль секретаря, помогал в шифровке и дешифровке корреспонденции, но главным образом исполнял роль дипломатического курьера. Весной 1571 года Байи отправился из Лондона на родину, формально по собственному желанию, чтобы повидаться с родными, с которыми не виделся более двух лет.

По просьбе Ридольфи Байи зашифровал письма к «30» и «40» и должен был передать их коменданту французского города Кале де Гурдану, чтобы тот с первой же оказией переслал их епископу.

Но на этот раз счастье изменило курьеру. В Дувре при таможенном досмотре у него нашли изданное во Фландрии на английском языке сочинение епископа Лесли «Защита чести Марии, королевы Шотландской», в котором недвусмысленно выдвигались ее права на английский престол. Кроме того, у него изъяли зашифрованные документы и письма,

адресованные неким «30» и «40»… Разумеется, Байи был арестован.

Первой нитью к раскрытию заговора была конфискованная книга. В ней явно проглядывали расчеты посла Марии Стюарт на то, что плененная королева займет не только шотландский, но и английский престол.

Настойчивость, с которой епископ Лесли пытался добиться освобождения Байи, ссылаясь на принадлежность последнего к штату шотландского посольства, привела англичан к мысли, что Байи держит в своих руках ключ к тайне. А когда к Байи, заключенному в лондонскую тюрьму, попытались проникнуть люди испанского посла, а потом какой-то ирландский священник по поручению епископа Росского, эта уверенность еще более укрепилась.

Байи посоветовали добровольно открыть код шифра и тем самым завоевать доверие властей. Тот принял показавшийся ему блестящим план и на допросе раскрыл ключ к шифрованной корреспонденции. Однако он по-прежнему содержался в тюрьме и только через несколько лет его выслали на родину.

Байи выдал все, что знал, но знал он далеко не все. И прежде всего ему не было известно, кем являлись таинственные «30» и «40».

Неизвестно, сколько времени пришлось бы оставаться в неведении, если бы не счастливый случай. Мария Стюарт получила из Франции денежную субсидию в 600 фунтов стерлингов для борьбы против своих врагов в Шотландии. По ее просьбе эти деньги были переданы французским послом герцогу Норфолку, который обещал оказать содействие в их доставке по назначению.

Норфолк приказал своему личному доверенному секретарю Роберту Хик-форду переслать эти деньги в Шропшир управляющему северными поместьями герцога Лоуренсу Бэнистеру, чтобы тот их переправил в Шотландию. В самой пересылке денег еще нельзя было усмотреть государственную измену. Главное, однако, что к письму Бэнистеру была приложена зашифрованная корреспонденция. Хикфорд попросил направлявшегося в Шропшир купца, некоего Томаса Брауна из Шрюсбери, доставить Бэнистеру небольшой мешок с серебряными монетами. Тот охотно согласился.

По дороге у Брауна возникли подозрения: слишком тяжелым оказался переданный ему мешок. Купец сломал печать на мешке и обнаружил в нем золото на большую сумму и шифрованные письма. Браун не мог не знать, что герцога лишь недавно выпустили из Тауэра, где держали по подозрению в государственной измене. Нетрудно было догадаться, что означала тайная пересылка золота вместе с шифрованными посланиями. Купец отправился к главному министру.

Хикфорд был немедленно арестован, но клялся, что не знает секрета шифра. Зато другой приближенный герцога выдал существование тайника в спальне Норфолка Посланные туда представители Тайного совета обнаружили письмо, в котором излагались планы Ридольфи. После этого Хикфорд, поняв бессмысленность дальнейшего запирательства, открыл ключ к шифру письма, которое было послано в мешке с золотом. Теперь уже было несложно разгадать, кто скрывался под числами 30 и 40 в корреспонденции, привезенной Байи из Фландрии.

Той же ночью герцог Норфолк был арестован и отправлен в Тауэр, где сначала пытался все отрицать, но потом, почувствовав, что полной покорностью, может быть, удастся спасти жизнь, начал давать показания. Одновременно, правда, он попытался переслать на волю приказ сжечь его шифрованную переписку. Письмо было перехвачено. Слуги Норфолка под пыткой выдали место, где хранилась эта переписка с шотландской королевой.

Арестованный епископ Лесли, спасая себя, выдал все, что знал, и даже многое сверх того. Епископ сообщил об участии Марии Стюарт и герцога Норфолка в подавленном католическом восстании, о планах нового восстания — теперь в Восточной Англии, о намерениях захватить Елизавету. Более того, Лесли объявил, что Мария Стюарт принимала прямое участие в убийстве своего мужа Дарнлея. Но и это еще было не все. По уверению Лесли, ему было доподлинно известно (хотя этого не знал никто другой), что шотландская королева отравила своего первого мужа Франциска II и пыталась таким же путем избавиться от Босвела. Затем Лесли, как духовное лицо, написал ей длинное письмо, где наряду с отеческими увещеваниями содержался совет уповать на милость королевы Англии. А чтобы этот документ не оказался единственным, Лесли составил и льстивую проповедь в честь Елизаветы.

«Заговор Ридольфи» закончился казнью Норфолка. Дон Герау Деспес покинул Англию. А епископ Лесли после освобождения из Тауэра отправился во Францию.

Процесс над Норфолком велся с явным пристрастием, с нарушением законных норм. Суд над Норфолком состоялся 16 января. Казнь была назначена на 8 февраля 1572 года, но в последний момент перенесена по указанию королевы на 28 февраля, а потом еще раз— на 12 апреля. Елизавета явно колебалась и, быть может, была готова ограничиться приговором к пожизненному тюремному заключению. Но к этому времени был раскрыт новый заговор, на этот раз ставящий целью освобождение Норфолка. 2 июля 1572 года герцог взошел на эшафот. В предсмертной речи он отрицал свое согласие на мятеж и на вторжение испанцев, отвергал католическую веру…

ЗАГОВОР БАБИНГТОНА ПРОТИВ ЕЛИЗАВЕТЫ I

Англия. 1587 год

В январе 1585 года узница английской королевы Елизаветы Мария Стюарт была переведена в мрачный замок Татбери в Стаффордшире, а ее стражем стал суровый пуританин сэр Эмиас Паулет, одно время бывший английским послом во Франции. В Татбери за шотландской королевой еще сохраняли ранее предоставленное право переписки с французским послом, разумеется под строгим контролем ее тюремщика В марте 1585 года Мария получила по этому официальному каналу письмо из Парижа от Томаса Моргана, который был посажен французскими властями по требованию Англии в Бастилию за организацию заговоров против королевы Елизаветы. Морган предостерегал Марию в отношении Паулета — его давно знали в Париже в качестве разведчика.

Зимой замок Татбери был вовсе не пригодным для жилья. Эмиас подыскал два дома — один для Марии Стюарт и ее слуг, другой — для него самого и подчиненной ему стражи. Один из домов принадлежал дворянину сэру Джону Джифорду, арестованному за приверженность католицизму. У хозяина был сын Джилберт, обучавшийся во Франции и находившийся в дружеских отношениях со святыми отцами из «Общества Иисуса».

В иезуитской семинарии в Реймсе он подружился со своим соотечественником Джоном Сейведжем, открыто говорившим о намерении убить королеву Елизавету. Еще одно знакомство — Томас Морган, участник шпионских предприятий иезуитов. Он рассчитывал превратить Джифорда — как до него других эмигрантов — в орудие своих планов. При свидании с Морганом Джи-форд выразил полную готовность содействовать планам сторонников Марии Стюарт.

15 октября 1585 года Морган написал ей длинное письмо, где сообщал о намерении прибегнуть к помощи Джифорда и что тот взялся устроить верного человека слугой к сэру Эмиасу Паулету либо, еще лучше, лично завоевать доверие старого тюремщика. Для этого можно было использовать дядю Джилберта Джифорда — Роберта, тоже католика, который знавал сэра Эмиа-са в бытность того послом в Париже. Письмо это Джифорд взял у Моргана в Бастилии. Молодой англичанин получил также письмо от католического архиепископа Глазго, формально являвшегося послом Марии Стюарт во Франции. В декабре 1585 года он отправился в Англию.

Джифорда, видимо, арестовали уже таможенные власти, конфисковали письма и отправили его самого под стражей к шефу английской разведки Уолсинге-му. Начиная с декабря 1585 года Джифорд стал работать на английскую разведку. А для наблюдения за ним и для профессиональной выучки его поселили у Томаса Фелиппеса, специалиста по дешифровке писем и подделке документов. После недолгого инструктажа Джифорд приступил к действиям. Он наладил связи со многими католическими домами в Лондоне Захаживал он и во французское посольство, куда приходили для него письма на имя Николаса Корнелиуса Вскоре Джифорд отправился на родину, в Стаффордшир. В попутчики себе он взял Томаса Фелиппеса.

К этому времени, в последние дни 1585 года, Паулет перевел пленную королеву в замок Чартли, более приспособленный для содержания пленницы. Чар-тли был расположен неподалеку от поместий дворян-католиков, и у узницы снова возникли надежды.

Фелиппес и Джифорд точно согласовали свои действия. Кроме того, Фелип-пес подробно обо всем договорился с Эмиасом Паулетом. Тюремщик подсказал и человека, который должен был стать исполнителем тонко рассчитанной интриги. Это был пивовар из городка Бартон-на-Тренте, снабжавший своим товаром обитателей замка Чартли. Бочка, полная пива, — лучшего средства для пересылки тайной корреспонденции нельзя было и придумать. В служебной переписке английских агентов пивовар значился как «честный человек».

К пивовару сначало явился Джилберт Джифорд и, представившись сторонником Марии Стюарт, договорился о пересылке в пивных бочках писем к ней и от нее. После этого «честного человека» посетил Фелиппес, сообщивший, что, как ему стало известно, существует заговор о доставке в замок Чартли и из него секретных писем в пивных бочонках. Он просил пивовара на короткий срок передавать письма сэру Эмиасу Паулету, который будет снимать с них копии, после чего их можно будет передавать курьерам шотландской королевы.

12 января 1586 года Джифорд явился снова во французское посольство. К этому времени посол Шатнеф, вначале целиком разделявший подозрения в отношении Джифорда, решил его проверить и передал студенту письмо к Марии Стюарт вполне невинного содержания. Но и такое письмо было важным козырем в руках агента Уолсингема. Начало делу было положено, и Джифорд мог снова двинуться в Стаффордшир Каким-то неизвестным образом — вероятно, через шпиона среди приближенных Марии Стюарт — ее уведомили о тайне пивных бочонков, и секретная почта начала работать. Вечером 16 января Мария Стюарт получила письма от Томаса Моргана, рекомендовавшего ей Джифорда, и от французского посла Она обсудила их со своими верными секретарями — французом Но, еще на родине приобретшим немалый опыт в разведывательных делах, и шотландцем Джилбертом Кэрлом.

Между тем Шатнеф начал передавать через Джифорда всю секретную корреспонденцию, поступавшую на имя Марии Стюарт из-за границы Теперь вся переписка шотландской королевы проходила через руки английской разведки.

Связь работала безупречно в оба конца, и Джифорд мог позволить себе вернуться в Париж. Важно ведь было не только наладить связь, но и обеспечить, чтобы из Парижа к Марии поступали советы, вполне отвечавшие планам Уолсингема. К этому времени о заговоре был подробно информирован Филипп II, рекомендовавший убить Уолсингема и главных советников Елизаветы.

Приехав в Париж, Джифорд заявил, что было бы чрезвычайно опасно повторять попытки похищения Марии Стюарт Эмиас Паулет получил строгую инструкцию при малейшей угрозе такого рода предать смерти свою пленницу. Единственный выход — убийство Елизаветы, после чего Мария без особой оппозиции в стране будет возведена на трон.

Теперь Джифорду оставалось возвратиться в Лондон и найти подходящих людей, к чьим услугам могла бы обратиться Мария Стюарт для исполнения замысла, который ей подскажут из Парижа Для этой цели Джифорд присмотрел подходящего человека — совсем молодого и богатого католика из Дербишира Энтони Бабингтона, который выказывал пылкую преданность царственной узнице.

Бабингтон юношей служил пажом графа Шрюсбери, который долгое время выполнял роль тюремщика пленной шотландской королевы, содержавшейся тогда в Шеффилдском замке. Позднее, во время заграничного путешествия, Бабингтон познакомился в Париже с католическими эмигрантами, в том числе с Томасом Морганом Бабингтон вернулся в Англию приверженцем Марии Стюарт. Он обосновался в Лондоне и, по обычаю многих представителей дворянской молодежи, поступил в одну из лондонских коллегий адвокатов.

Бабингтон с готовностью согласился участвовать в заговоре, чтобы освободить Марию Стюарт, но вначале отверг мысль об убийстве Елизаветы, так как сомневался, соответствовало ли это учению католической церкви. Джифорду пришлось еще раз съездить во Францию и привезти с собой католического священника Бал-ларда, который должен был рассеять сомнения Бабингтона. Вскоре появился давний знакомец Джифорда авантюрист Джон Сейведж, вызвавшийся убить Елизавету Бабингтон, теперь уже активно включившийся в заговор, разъяснил своим новым друзьям, что для верности нужно, чтобы покушение совершили сразу несколько человек. Остановились на шестерых. Одновременно нашлись люди, готовые участвовать в похищении Марии Стюарт.

12 июля «честный человек» доставил письмо Бабингтона с планами убийства Елизаветы и освобождения Марии Стюарт. Ее секретарь сообщил, что письмо получено и ответ будет послан через три дня. 17 июля Мария Стюарт ответила Бабингтону. Если верить тексту письма, представленного на процессе, она одобряла все планы заговорщиков — и способствование иностранной интервенции, и католическое восстание, и убийство Елизаветы. Хотя последнее — вряд ли.

31 июля 1586 года Джифорд в очередной раз отбыл в Париж. Он оставил у французского посла половину листа бумаги и просил Шатнефа передавать письма шотландской королевы своим сторонникам за границей только в руки человека, который сможет предъявить другую половину того же листа. Эту другую половину Джифорд передал Уолсингему и мог после этого покинуть английские берега.

Уолсингем имел возможность наблюдать за всеми действиями Бабингтона с помощью своего шпиона Бернарда Мауди, который к тому же подстрекал заговорщиков к активности. В июне 1586 года Мауди даже совершил по поручению Уолсингема вместе с Баллардом поездку по Англии с целью определить, на какие силы могут рассчитывать заговорщики в каждом графстве, и представить об этом отчет испанскому послу в Париже дону Мендосе. Разумеется, не меньший интерес представляли эти сведения для английского правительства. Правда, в августе Бабингтон разузнал, что Мауди — шпион Уолсингема, но было уже поздно… Бабингтон и его сообщники были арестованы. Одновременно был произведен обыск у Марии Стюарт, захвачены секретные бумаги, взяты под стражу ее секретари. Мария была переведена в другую тюрьму, где находилась в строжайшем заключении. Разумеется, показания заговорщиков о том, что их подтолкнул к государственной измене Джилберт Джифорд, были тщательно скрыты английской полицией.

13 сентября Бабингтон и шесть его помощников предстали перед специально назначенной судебной комиссией. Через два дня за ними последовали остальные заговорщики. Все подсудимые признали себя виновными, поэтому не было нужды представлять доказательства относительно организации заговора.

Многочасовая казнь первых шестерых заговорщиков приобрела настолько чудовищный характер, что сдали нервы даже у много повидавшей в те годы лондонской толпы Поэтому остальных семерых на другой день повесили и лишь потом четвертовали и проделали все остальные процедуры, уготованные государственным изменникам. Настала очередь и Марии Стюарт.

Хотя «заговор Бабингтона» создал предлог для юридического убийства Марии Стюарт, Елизавета только после долгих колебаний решила предать пленницу суду. Причин для нерешительности у Елизаветы было немало. Прежде всего, приходилось судить супругу покойного французского короля, законную королеву шотландскую. Английская королева отрицала даже правомерность лишения Марии Стюарт шотландского престола. К тому же узница не являлась английской подданной. Она ведь сама добровольно явилась в Англию просить защиты и покровительства у Елизаветы.

Более того, свидетелей обвинения спешно казнили как участников «заговора Бабингтона». Суду были переданы лишь исторгнутые у них под пыткой показания, а письма самой Марии Стюарт — единственное документальное доказательство — были представлены только в копиях. Не было закона, на основании которого можно было судить Марию, поэтому срочно приняли соответствующий парламентский акт Был создан специальный трибунал для разбора намерения и попыток покушения «вышеупомянутой Марии» против английской королевы и для вынесения приговора. 11 октября 1586 года члены суда прибыли в замок Фотерингей, где содержалась Мария Стюарт, и передали ей письмо английской королевы. В нем указывалось, что Мария, отдавшись под покровительство Елизаветы, тем самым стала подвластной законам английского государства и должна на суде дать ответ на предъявленные обвинения.

Судебный трибунал, которому было поручено вынести приговор шотландской королеве, состоял из 48 человек, включая многих высших сановников, многочисленных представителей знати и нетитулованного дворянства. Главным пунктом обвинения было участие в заговоре. Мария Стюарт настаивала, что ничего не знала о заговоре и заговорщиках.

Суду были представлены признания заговорщиков, два их письма к Марии Стюарт и два

ответных письма королевы. Особое значение имело второе письмо, посланное после того, как ей стали известны планы заговорщиков.

Мария Стюарт отрицала подлинность писем и требовала, чтобы были вызваны в суд ее секретари, подтвердившие под пыткой, что эти письма были написаны шотландской королевой. Конечно, ее требование было отвергнуто.

25 октября в Звездной палате Вестминстера было объявлено, что суд нашел Марию Стюарт виновной в совершении вменяемых ей преступлений. Через несколько дней парламент рекомендовал приговорить обвиняемую к смертной казни. Дело было теперь за Елизаветой.

8 февраля 1587 года, через 20 лет без одного дня после убийства Дарнлея, Мария Стюарт была обезглавлена.

УБИЙСТВО ГЕНРИХА III

Франция. 1589 год

…В августе 1572 года, после десятилетия кровопролитных гражданских войн, во Франции наконец появилась надежда на мир. Его было решено скрепить женитьбой одного из руководителей протестантского лагеря короля Наваррс-кого Генриха Бурбона на сестре французского короля Карла IX Маргарите Валуа (знаменитой «королеве Марго»). На торжества в Париж прибыли сотни дворян-гугенотов. Эта попытка примирения закончилась кровавой Варфоломеевской ночью. При приказу короля и его матери Екатерины Медичи три тысячи гугенотов были убиты на рассвете 24 августа, Дня Святого Варфоломея Кровавые побоища перекинулись и на другие французские города. Генрих Наваррский спас себе жизнь тем, что перешел в католичество (как только опасность миновала, он вновь стал протестантом).

Варфоломеевская ночь не оказалась смертельным ударом для гугенотов Гражданские войны продолжались с прежним ожесточением Наследовавший Карлу IX его брат Генрих III в целом продолжал политику своего предшественника. Он то воевал с гугенотами, то мирился с ними, чтобы воспрепятствовать полному господству организации, созданной католиками, Католической лиги и ее главы герцога Генриха Гиза.

Генрих III отлично знал, что Генрих Гиз выжидает лишь удобного случая, чтобы овладеть престолом. В конечном счете конфликт между Генрихом III и Католической лигой принял открытый характер. Король вынужден был покинуть Париж, где всем заправляла Католическая лига. Генрих в очередной раз примирился с вождем гугенотов Генрихом Наваррским. Началась «война трех Генрихов». Королевское войско осадило непокорную столицу. Генрих III потребовал, чтобы герцог Гиз прибыл к нему для объяснений, а когда тот счел для себя выгодным явиться для переговоров, приказал королевским телохранителям заколоть его кинжалами.

После убийства Гиза война между Генрихом III и Католической лигой продолжалась. Во главе Лиги встали младший брат Гиза герцог Майеннский и его сестра герцогиня Монпансье, которые решили любой ценой разделаться с ненавистным королем, последним представителем династии Валуа. Его смерть открыла бы Гизам дорогу к трону.

Итак, в начале весны 1589 года Франция, по которой прокатилась волна мятежей от Марселя до Кале, оказалась разделенной на три части: одна в руках протестантов, другая в руках Лиги, а третья (состоявшая только из Тура, Блуа и Божанеи) на стороне короля…

И тут Генрих III понял, что ему необходимо объединиться с одним из своих противников, если он хочет удержать на своей голове корону.

Объединиться с Лигой? Об этом не могло быть и речи, потому что они требовали его немедленного свержения. И тогда он обратил свой взор на протестантов, которым, по крайней мере, хватало деликатности дождаться его смерти, чтобы потом возвести на престол Генриха Наваррского. И 3 мая оба Генриха заключили перемирие в Плессиле-Тур.

Через полтора месяца после того, преодолев множество козней и ловушек, они осадили столицу. Их командный пост был установлен на высотах Сен-Клу, в весьма благоустроенном доме Гонди, откуда открывался весь Париж.

Вскоре им сообщили, «что в городе стали возникать волнения, оттого что перепуганные

жители требуют открыть ворота раньше, чем их всех перестреляют»…

Союзники решили подождать, пока Париж сдастся.

Однако проходили дни, но никаких новостей не поступало, потому что участники Лиги отказывались выполнить требование впавшего в панику народа.

27 июля Генрих III, начинавший уже нервничать, послал одного дворянина из своей свиты к Монпансье сказать ей, что ему хорошо известно, что именно она поддерживает недовольство парижан и подстрекает их к мятежу, но что если ему когда-нибудь удастся войти в город, то он прикажет сжечь ее заживо. На что, без малейшего удивления, был дан ответ: «Гореть должны содомиты вроде него, а вовсе не она, и к тому же он может быть уверен, она сделает все возможное, чтобы помешать ему войти в город».

Она вскоре сделала даже больше, чем обещала…

Орудием осуществления замысла Гизов был избран доминиканский монах, 22-летний Жак Клеман. Это был резкий, решительный и вместе с тем туповатый малый, целиком находившийся во власти самых нелепых суеверий. Приор монастыря на улице святого Якова убедил Клемана в том, что ему предопределено совершить великий подвиг для блага церкви. Монаху даже внушили, что он обладает чудесной силой делать себя невидимым для чужих глаз.

Когда королевская армия подошла к Парижу, Клеман сам заявил своим духовным начальникам, что стремится совершить великое дело. Осторожно, не спрашивая о существе дела, приор постарался укрепить брата Клемана в его решимости. Ходили слухи, что для «верности» ему дали какое-то наркотическое средство.

Монпасье знала о его существовании, потому что монах довольно часто предавался с женщинами из квартала Эколь занятиям весьма предосудительным для монаха и потому что над ним потешался весь Париж.

Она отправилась повидаться с ним, надев для этого сильно декольтированное платье, не оставлявшее ни малейших сомнений относительно прелестей, которыми обладала его хозяйка. Бедняга был просто ослеплен и невероятно возбудился. Аристократка постаралась убедить Клемана ни в коем случае не оставлять своего похвального намерения. В ход были пущены все средства обольщения, обещание кардинальской шапки и вечного блаженства на небесах. Кроме того, добавляла герцогиня, она прикажет арестовать в качестве заложников большое число сторонников Генриха III, так что никто не осмелится в королевской ставке и пальцем тронуть Жака. Вскоре монах узнал, что герцогиня сдержала свое слово — были взяты под стражу 300 лиц, обвиненных в равнодушии к делу Католической лиги и в скрытом сочувствии партии короля.

Клеман поспешил к приору и попросил разрешения перебраться в монастырь в Сен-Клу, где находилась королевская штаб-квартира. Приор, ни о чем не расспрашивая Клемана, достал ему пропуск на выезд из Парижа и передал несколько писем (одно — настоящее, остальные — подложные) от арестованных в Париже сторонников Генриха III.

Заговорщик отправился к королю под видом секретного гонца от противников Лиги. Придворные поверили его рассказу и на следующий день устроили ему аудиенцию у Генриха, которому посланец обещал открыть важную государственную тайну. Клеман передал королю письмо, а затем вонзил нож в его живот.

«Проклятый монах, он убил меня!» — в ужасе закричал Генрих. Клеман даже не пытался бежать, твердо надеясь на чудо. Вскоре на громкие стоны умирающего прибежали офицеры охраны и буквально изрешетили своими шпагами влюбленного в м-ль де Монпансье монаха… На следующий день, 2 августа 1589 года, Генрих III умер… Последний Валуа ушел со сцены, приведя своими пороками Францию на край пропасти. Он назвал Генриха Наваррско-го своим законным преемником.

Еще несколько лет продолжались гражданские войны, опустошавшие страну. В конце концов даже французское дворянство почувствовало необходимость мира, тем более что в стране начало полыхать пламя крестьянских восстаний. Генрих Наваррский в очередной раз переменил религию, бросив при этом знаменитую фразу: «Париж стоит обедни». Власть нового короля Генриха IV была довольно скоро признана во всей Франции.

ЗАГОВОР ЭССЕКСА

Англия. 1601 год

В конце своего правления английская королева Елизавета I обзавелась новым фаворитом Робертом Девере, графом Эссексом (приемным сыном Лестера, скончавшегося после победы над испанской Армадой в 1588 году). Елизавету одолевали недуги: ревматизм, язва желудка, мигрень. О молодом фаворите отзывались как лучшем для нее средстве от бессоницы. Правда, отношения своенравного, надменного и самолюбивого Эссекса с Елизаветой складывались непросто.

Враги не упускали случая, чтобы ослабить положение фаворита. Роберт Сесил еще в 1597 году обвинял Эссекса в намерении низложить Елизавету, сыграв роль Генриха Болинброка.

Сесил действовал гибко и хладнокровно. Эссекс был дерзок и несдержан. Дело доходило до публичных оскорблений из уст королевы по адресу графа на заседании совета и ответных выпадов со стороны Эссекса. Граф пользовался популярностью как герой войны против Испании, с чем вынуждена была считаться Елизавета.

Напряженность в отношениях Эссекса с двором резко возросла в связи с событиями в Ирландии, где в 1595 году вспыхнуло антианглийское восстание. Ситуация в Ирландии складывалась для англичан весьма критически. Восстание охватило почти всю страну. С благословения папы готовилось вторжение в Ирландию испанских войск в помощь восставшим. Правительство Елизаветы приступило к снаряжению армии для отправки в Ирландию. Во главе ее весной 1599 года и был поставлен Эссекс.

Последние недели перед отправкой в Ирландию были омрачены для Эссекса новыми разногласиями с Елизаветой. В качестве подчиненных ему военачальников он хотел видеть сэра Кристофера Блаунта и лорда Саутгемптона. Королева отклонила эти кандидатуры. Вынужденный подчиниться, Эссекс тем не менее взял в Ирландию и Блаунта и Саутгемптона в качестве личных советников.

В Ирландии Эссекс не добился успехов. Опасаясь столкновения с главными силами восставших, граф попытался вначале усмирить менее значительные группы. Однако эта тактика не оправдала себя. Напротив, в мелких стычках ирландцам удалось измотать армию Эссекса. Когда же графу доложили, что в Лондоне им недовольны, он воспринял это как свидетельство интриг Роберта Сесила и его сторонников. В разговорах со своими приближенными граф обсуждал возможность вернуться с армией в Лондон, чтобы, подавив оппозицию, стать фактическим правителем Англии.

Приказ королевы захватить Ольстер пришел в самый неблагоприятный момент, и в донесении в Лондон Эссекс не пытался приукрашивать обстановку: его войско понесло ощутимые потери, и без свежих сил успешное наступление было невозможно.

Заключив с восставшими шестинедельное перемирие, граф поспешил в Лондон. 28 сентября 1599 года, нарушая все придворные приличия, он ворвался в апартаменты королевы. Елизавета, сдерживая гнев, произнесла несколько благожелательных фраз, но уже вечером граф был отстранен от всех должностей, ему было предложено удалиться в лондонскую резиденцию Йорк-хаус. В течение года Эссекс находился под домашним арестом.

Елизавета долго не могла решить, как наказать строптивого фаворита. От узника Йорк-хауса она получала покаянные письма. Здоровье графа серьезно пошатнулось, Эссекс мог в любой день скончаться, в чем Елизавета удостоверилась, навестив фаворита, когда он метался в лихорадке.

Вместо Эссекса лорд-наместником Ирландии Елизавета определила его друга Маунтжоя. Тот отправился к месту назначения, предварительно договорившись с Эссексом возобновить начатую несколько лет назад переписку с шотландским королем. Целью переписки было убедить сына Марии Стюарт Якова, что партия Сесила настроена против плана возведения его на английский престол после смерти Елизаветы и что шотландский король, объединив свои силы с войсками Маунтжоя, должен двинуться на Лондон и заставить Елизавету вручить Эссексу бразды правления. Однако осторожный и недоверчивый Яков не спешил поддержать столь отчаянный проект.

Весной 1600 года Саутгемптон отправился в Ирландию с письмом от Эссекса, предлагавшего высадить армию Маунтжоя в Англии, даже если Яков предпочтет остаться в стороне. Но к этому времени изменились взгляды самого Маунтжоя. Добившись известных успехов, он, думая о своей военной карьере, решил отделить свою судьбу от участи бывшего друга и союзника. «Для удовлетворения личного честолюбия Эссекса, — заявил Маунтжой Саутгемптону, — я не намерен вступать в подобное предприятие».

В марте 1600 года Эссексу разрешили вернуться в свой лондонский дворец, хотя формально он оставался под домашним арестом В июне графа вызвали на заседание Звездной палаты, где его обвинили по нескольким пунктам. Разбирательство, состоявшееся в Йорк-хаусе 5 июня, длилось 11 часов Вердикт суда гласил: заключение в Тауэре, выплата огромного штрафа. Королева не утвердила приговор, а 26 августа Эссексу сообщили о монаршей милости. Граф был освобожден из-под домашнего ареста, но ему запрещалось появляться при дворе.

В октябре Эссекса лишили права сбора таможенных пошлин на сладкие вина — статьи дохода, которая позволяла ему содержать огромный штат пажей, слуг и приближенных. Прежде королева не раз ссужала своего фаворита солидными суммами На сей раз лицензия не была продлена под предлогом опустевшей казны. Эссекс был возмущен, о чем Сесил, осведомленный через своих шпионов, тотчас сообщил королеве.

Вокруг Эссекса группировались недовольные, честолюбцы, искатели приключений Эссекс считал, что Роберт Сесил и Уолтер Рэли составили заговор, чтобы убить его и сделать преемницей Елизаветы испанскую инфанту, дочь Филиппа И. Граф, вероятно, еще рассчитывал на поддержку Якова. Программа Эссекса включала возведение на трон Якова, изменение состава Тайного совета, реформу государственной англиканской церкви в пресвитерианском духе и вместе с тем известную терпимость в отношении католиков.

3 февраля заговорщики выработали план неожиданно захватить правительственное здание Уайт-холл, арестовать Сесила и Рэли, созвать парламент и публично осудить их. Королеве, по мысли сторонников Эссекса, пришлось бы признать победителей.

7 февраля Эссексу было передано королевское повеление немедленно прибыть на заседание Тайного совета. Граф отказался, сославшись на тяжелую болезнь.

На следующий день во дворец графа явились четверо высших сановников, посланных Тайным советом. Их встретила возбужденная толпа заговорщиков. Лорды заявили, что пришли выяснить, что здесь происходит. В ответ посыпались угрозы. Эссекс увел гостей в библиотеку и предложил им оставаться там до тех пор, пока он не проведет консультации с лондонским лорд-мэром и шерифами.

Заговорщики поняли, что пора выступать. Более 200 молодых дворян со своими слугами, вооруженных большей частью лишь шпагами, двинулись вдоль одной из центральных улиц — Стренда, а потом Флит-стрит в направлении Сити, рассчитывая найги там поддержку. «Нация предана! Корона капитулирует перед испанцами! Смерть изменнику Сесилу!» — выкрикивали они.

Расчет заговорщиков состоял в том, что к ним присоединятся тысячи жителей Сити — и затем состоится штурм Уайт-холла. Однако в воскресенье улицы были безлюдны. Даже шериф Смит, с которым связывались особые надежды, не принял сторону мятежников, его примеру последовал и лорд-мэр. Тем временем пришло известие, что лорд Берли, сводный брат Роберта Сесила, тут же, в Сити, объявил Эссекса изменником, что приближается лорд-адмирал Ноттингем с большим военным отрядом.

Эссекс и его друзья, потеряв надежду на поддержку жителей Сити, направились к Уайт-холлу. Но путь к правительственному зданию оказался закрыт отрядом офицера сэра Джона Ливсона. Тщетные попытки убедить Ливсона перейти на сторону Эссекса, вооруженные стычки, стоившие нескольких человеческих жизней, — и заговорщики, ряды которых заметно поредели, отступили, укрывшись в своем последнем убежище — Эссекс-хаусе. Там они узнали, что находившиеся в качестве заложников лорды — представители Тайного совета — освобождены.

Вскоре дворец Эссекса был окружен королевскими войсками. Возникла перестрелка. Наконец хозяин дворца в сопровождении нескольких друзей появился на крыше. Саутгемптон вступил в переговоры с осаждавшими, среди которых был его кузен Роберт Сидней, и

попытался убедить их, что Эссекс не имеет дурных намерений против королевы, он лишь защищает свою жизнь от врагов.

Эссекс согласился сложить оружие при условии, что он и его друзья будут признаны благородными пленниками, их будут судить честным судом, а во время пребывания в тюрьме разрешат беседовать с капелланами. Лорд-адмирал не возражал. Мятежный граф сдался королевским солдатам, предварительно уничтожив свои секретные бумаги, включая переписку с шотландским королем.

Всего же было арестовано свыше 100 человек. Власти в течение некоторого времени опасались выступлений в защиту Эссекса Через четыре дня после провала заговора приближенный Эссекса капитан Томас Ли составил план захвата королевы, чтобы вынудить ее подписать приказ об освобождении арестованных. Однако Ли был схвачен и спустя трое суток приговорен к смерти.

Суд над Эссексом и Саутгемптоном, по желанию королевы, настаивавшей на скорейшем разбирательстве дела, был назначен на 18 февраля. При этом решили не упоминать о связях Эссекса ни с шотландским королем, ни с Маунтжо-ем, услуги которого в Ирландии оказались столь ценными для правительства. Членами суда были выбраны лица, равные Эссексу по титулу. Граф не имел права отводить никого из состава суда, а приговор выносился простым большинством.

Действия Эссекса и его сообщников квалифицировались как государственная измена. В свидетелях не было недостатка. Среди них — лорд верховный судья Попем, задержанный в начале мятежа в доме Эссекса. Один из заговорщиков, сэр Фердинандо Горгес, еще ранее выдавший их секреты, подтвердил на суде мятежные намерения Эссекса Показания других арестованных выявили многое из его планов. Утверждение Эссекса, что признания были сделаны из страха перед пытками, не опровергало того, что в этих признаниях излагались действительные намерения заговорщиков.

Обвинение стремилось доказать наличие заранее подготовленного заговора. Эссекс же обвинял Рэли в покушении на его жизнь, уличал Сесила в намерении за взятки передать престол после смерти Елизаветы испанской инфанте. Сесил попросил у суда разрешения «очиститься от возведенного на него обвинения». Теперь Эссекс должен был назвать имя того, кто сообщил ему об измене Сесила. Этим человеком оказался дядя подсудимого сэр Уильям Ноллис. Увы, Ноллис дал показания в пользу министра. По его словам, Сесил лишь показал ему книгу, где говорилось о преимущественных правах инфанты на английский престол.

Министр Фрэнсис Бэкон для доказательства преступных намерений Эссекса сравнил его с афинским тираном Пизистратом и, главное, с герцогом Гизом, который поднял парижан против короля Генриха III. То была поистине по достоинству оцененная Елизаветой и Сесилом убийственная для Эссекса параллель, поскольку он уверял, будто собирался лишь свести счеты с личными врагами, иначе ему нетрудно было бы собрать большие силы. Напрасно обвиняемый ссылался на то, что сам Бэкон по его, Эссекса, просьбе и от его имени писал письма королеве. «Письма были совершенно невинного содержания», — возразил Бэкон.

После вынесения приговора — «квалифицированная» казнь — Эссекса вернули в Тауэр. Там он сделал полное признание перед членами Тайного совета, обвинив при этом приближенных, Маунтжоя, даже сестру, что они подстрекали его и превратили в неблагодарного изменника.

Другой руководитель заговора, Саутгемптон, держался мужественно и даже не последовал совету Эссекса полностью признаться и раскаяться. Ему был вынесен смертный приговор, который королева по предложению Сесила заменила пожизненным заключением в Тауэре. В глазах закона осужденный считался мертвым, документы упоминают о нем как о «покойном графе». Саутгемптон оставался в Тауэре до воцарения Якова, другие знатные заговорщики были выпущены из тюрьмы после уплаты огромных штрафов.

19 февраля был вынесен приговор в отношении Эссекса, на 25-е назначена казнь. 23 февраля Елизавета распорядилась об отсрочке казни, но уже на следующий день велела сроки не менять. Эссекса избавили от «квалифицированной» казни и разрешили ему сложить голову в Тауэре, а не на городской площади.

На эшафоте Эссекс снова повторял, что не собирался причинять вред королеве. Палач

отрубил ему голову «тремя ударами, уже первый из которых оказался смертельным, совершенно лишив сознания и движения», — сообщалось в докладе Сесилу.

После казни Эссекса Фрэнсис Бэкон получил в награду 1200 фунтов стерлингов. По поручению королевы он написал «Декларацию о преступлениях Эссекса». Прочитав ее, Елизавета сделала автору выговор: «Что это за „милорд“ на каждой странице?! Вы не в состоянии забыть былого почтения к преступнику? Вычеркните все это. Пусть будет просто „Эссекс“ или „бывший граф Эссекс“.

ЗАГОВОР БИРОНА ПРОТИВ ГЕНРИХА IV

Франция. 1602 год

Знаками негативной реакции на появление Генриха IV на престоле и на его политику были неоднократные попытки покушений на его жизнь. Первое относится к 1593 году. Тогда лидер Пьер Баррьер, руку которого направляли иезуиты, выбрал подходящий момент — коронация наваррца. Убежденный в богоугодности своих действий, он замышлял нанести свой удар у входа в храм Сен-Дени. В 1594 году Генрих был ранен Жаном Шателем: послушный ученик иезуитов целился в горло короля, но рассек ему губу и выбил зуб. Суд и казнь убийцы, наделав много шума, послужили основанием для изгнания иезуитов из Франции. 1595,1598,1599, 1600, 1601, 1605 годы также отмечены попытками расправы с королем. Покушавшиеся, как правило, были монахи — капуцины и якобиты, не без влияния иезуитов. Ими двигало стремление расправиться с протестантом, дерзнувшим завладеть престолом. Но совсем другое дело — великий заговор 1602 года, так называемый заговор Би-рона. Шарль Бирон был одним из старых товарищей Генриха IV по оружию, его отец, маршал Арман де Гон-то, барон де Бирон также верно служил Генриху IV. Именно узы личной дружбы придали этому заговору драматический характер.

Шарль де Гонто, барон де Бирон (1562—1602) отличился во многих сражениях. Король сначала присвоил ему звание главного адмирала Франции (1592), потом — маршала Франции (1594), наконец, в 1598 году сделал его герцогом и пэром. Бирон получил во время боев тридцать два ранения и пользовался огромным авторитетом среди солдат.

Генрих IV даже направил его чрезвычайным послом в Англию. Королева Елизавета оказала Бирону пышный прием. В беседах с ним она подчеркивала, что не намерена терпеть предательства своих подданных. Королева повела гостя в Тауэр, чтобы показать ему голову недавно казненного фаворита Эссекса. «Если бы я была на месте моего брата короля, в Париже было бы столько же отрубленных голов, сколько и в Лондоне».

Бирон не внял этому предупреждению. Воинская слава уже не удовлетворяли честолюбия маршала, а некоторая бестактность Генриха IV глубоко уязвляла его гордость. Так, король иронизировал над захудалостью рода Гонто и нелестно отзывался о покойном маршале Бироне. В свою очередь маршал хвастался своими подвигами: «Не будь меня, король имел бы только терновый венец».

Бирон мечтал о том, что Бургундия, наместником которой он являлся, превратится со временем в суверенное государство, ведь его провинция граничила с Савойей и испанским Франш-Конте.

В 1600 году Карл Эммануэль, герцог Савойский, завладевший маркизатом Салюс под прикрытием французских гражданских войск и обещавший вернуть его в соответствии с Вервенским мирным договором, впоследствии отказался это сделать и стал подстрекать маршала де Бирона поднять восстание. Герцог Савойский предложил ему руку своей дочери, так как знал, что честолюбец хочет жениться только на принцессе.

Генрих IV пресек эти происки. Два корпуса французской армии вошли в Брессу и Савойю, разрушили укрепления и заставили герцога Савойского подписать Лионский договор, по которому герцог сохранял маркизат Салюс, уступая Франции Бюге. Брессу, земли Шекса и Вальроме (вследствие чего граница Франции устанавливалась по реке Роне), уплачивал 300 тысяч ливров в качестве контрибуции и лишался своей артиллерии.

Савойская война если и не привела к мятежу, на который надеялся Карл-Эммануэль, то по

крайней мере дала Бирону дополнительные поводы для недовольства: король отказался дать ему в управление Брессу, а решающими операциями руководил Ледигьер. Вот тогда-то он и решился на предательство. Заговор против жизни короля возник, возможно, во время штурма форта Сент-Катрин. Во всяком случае, решения военного командования передавались врагу.

Генрих IV обо всем узнал. Он вызвал Бирона в Лион, где провел с ним беседу в францисканском монастыре. Бирон признался только в предложении Карла Эммануэля жениться на его дочери и в своем недовольстве из-за управления Брессой.

Так и не научившись карать изменников, будь то женщины или мужчины, Генрих ничего не стал предпринимать, чтобы обезвредить Бирона. А тот продолжал плести заговор.

Шарль де Гонто связался с Филиппом III, королем Испании. Его сообщником стал Карл де Валуа, граф д'Овернь, сын Карла IX и Марии Тудге и сводный брат Генриетты д'Антраг. У них были совершенно ясные планы: договоренность с королем Испании и герцогом Савойским предусматривала полное устранение королевской семьи, уничтожение юного дофина, будущего Людовика XIII, расчленение Франции с последующим присоединением ее земель к обоим заинтересованным государствам и учреждение выборной монархии, .подчиненной Филиппу III.

Маршалу было обещано, что если он женится на савойской принцессе, то получит в приданое 500 000 экю, а потом за ним признают верховную власть над Бургундией и Франш-Конте. Герцог Савойский хотел захватить Брессу, Прованс, Дофине и Лионе, король Испании — Лангедок и Бретань.

Бирон сформировал из отпущенных на отдых солдат воинские подразделения, обманным путем завлек гугенотов в свой лагерь и опрометчиво направил миланскому губернатору графу де Фуэнтесу письмо, в котором вызвался убить юного дофина Людовика.

В случае удачи заговора де Бирона и д'Оверня и полного исчезновения королевской семьи дальнейшее весьма легко предугадать. Вот как должны были бы развиваться события.

Генриетта д'Антраг была любовницей принца де Жуанвиля, младшего отпрыска Лотарингского дома, ветви Гизов Разумеется, ее бы назначили регентшей королевства, так как новому королю Генриху— незаконнорожденному сыну Генриха IV и Генриетты д'Антраг — не исполнилось еще и года. А Жуан-виль, вероятно, смог бы на ней жениться Тогда Лотарингский дом стал бы вести новую игру, и над будущим, а то и над жизнью незаконнорожденного королевского сына нависла бы серьезная угроза. И то, что не удалось сделать заговорщикам, действовавшим по приказу Генриха III, наверняка могло бы свершиться теперь: Лотарингский род наконец-то стал бы обладателем короны Франции.

Однако король был в курсе всех этих комбинаций, так как привлек на свою сторону человека из окружения маршала, некого Ла Нокля, который выдал содержание переговоров.

Не прошло и двух месяцев, как события внутри страны подтвердили подозрения о подрывной деятельности Бирона и его сообщников. Бунт в Лимузене, вспыхнувший из-за новых налогов, подозрительным образом начался на территории владений крупных феодалов, верность которых была сомнительной: герцога Бирона, графа Овернского и герцога Бульонского.

Несмотря на приближающиеся роды королевы Марии, Генрих выехал на место событий в Блуа, потом в Пуатье.

Генрих IV сделал все необходимое, чтобы предупредить гугенотское восстание и предотвратить вторжение неприятеля со стороны Пиренеев и со стороны Савойи.

Заговор был раскрыт, вероятно, не столько усилиями королевской разведки, сколько благодаря тому, что один из заговорщиков, Лаффен, счел за благо перейти на сторону Генриха IV. Лаффен учел нерешительный и ненадежный характер Бирона, его детскую веру в астрологию и черную магию; он знал, что этот не раз проявлявший мужество старый солдат часто терялся и совершал нелепые поступки, продиктованные глупостью, тщеславием и корыстолюбием. К тому же Лаффен отлично понимал, какова цена обещаний герцога Савойс-кого и особенно нового испанского короля Филиппа III. Поэтому-то служивший курьером для связи заговорщиков с Савойей Лаффен и решил тайно доносить королю о всех планах Бирона.

Нужны были доказательства, чтобы оправдать арест герцога, и Лаффен добыл их. Однажды вечером Бирон в присутствии Лаффена составил письмо с изложением целей

заговора. Лаффен заявил, что это слишком опасный документ, чтобы хранить его в оригинале. Королевский шпион сам предложил скопировать письмо и потом его уничтожить. Бирон согласился. Лаффен быстро снял копию и бросил оригинал в пылающий камин. Конечно, Бирону при этом не удалось заметить, что роковое письмо попало не в огонь, а в щель между задней стенкой печки и каменной стеной. Во время этой же встречи Лаффен попросил Бирона написать ему приказ сжечь все бумаги маршала. Вскоре оба документа были в руках короля. Кроме того, имелись письма Бирона к Лаффе-ну. Этого было достаточно.

Однако его по-прежнему волновала судьба Бирона. Сначала он отправлял маршалу в Бургундию любезные письма с уверениями в дружбе, потом, 14 марта, послал предупреждение: до него дошли слухи о предательстве, и хотя он им не верит, однако посылает президента Жаннена и мсье д'Эскора для выяснения обстоятельств дела.

В июне 1602 году Генрих вызвал Бирона к себе в Фонтенбло, чтобы добиться от него полного признания и простить. Маршал приехал утром 15 июня.

После обеда король и Бирон прогуливались по дворцовому залу. Остановившись перед своей статуей в одеждах триумфатора, Генрих спросил: «Как вы думаете, кузен, что бы сказал испанский король, если бы увидел меня в таком виде?» — «Сир, он бы вас не испугался1» Поймав сердитый взгляд короля, Бирон уточнил: «Я подразумеваю статую, а не вас, сир!» — «Пусть так, господин маршал», — кивнул Генрих.

На следующее утро заговорщик снова появился во дворце. Король рассказал ему о своих подозрениях и умолял признаться во всем, но Бирон продолжал упорствовать. Очередное проявление слабости Генриха IV было встречено им упреками и угрозами. Наконец, так ничего и не добившись, король распрощался с Бироном, бросив ему на прощание знаменитую фразу, которая недвусмысленно лишала его прежних титулов: «Прощайте, барон де Бирон.. »

Сам того не подозревая, маршал подписал себе смертный приговор. Тут же подошел капитан гвардии Витри и препроводил его в Бастилию. Одновременно был арестован граф Овернский, а герцогу Бульонскому удалось скрыться.

17 июня дело о государственной измене было передано на рассмотрение парламента. Эта новость вызвала сильные волнения по всей Франции, так как маршал, герой битв при Арке, Арси, Фонтен-Франсез, пользовался огромной популярностью в стране.

Доставленный в Парламент 27 июля, куда из солидарности с обвиняемым отказались явиться все пэры Франции, Бирон произнес длинную речь в свою защиту, заявляя, что не нанес никакого вреда и всю жизнь верно и доблестно служил королю. Однако государственная измена была доказана, и 29 июля его приговорили к смертной казни. Самые знатные вельможи бросились к королю, моля о пощаде, но тот отказал им. Единственный раз за все свое царствование он жаждал крови. Генрих хотел преподать своему окружению жестокий урок, как это сделала Елизавета, казнив Эссекса.

31 июля 1602 года во дворе Бастилии Бирону отрубили голову. Перед казнью он оказал палачу бешеное сопротивление. В конечном счете «палач нанес ему удар такой силы, что голова отлетела на середину двора», — сообщается в хронике.

Карл де Валуа, граф д'Овернь, а также Франсуа д'Антраг и его дочь Генриетта назывались как соучастники заговора. Вместо того чтобы поручить следователям, которые вели это дело, допросить их, Генрих IV ограничился самоличным допросом своей любовницы, которая без всякого труда доказала ему, что она и ее отец чисты. Король снял с них все обвинения. Парламенту осталось лишь подчиниться его воле. А после казни Бирона Генрих IV, дабы не доводить до слез свою любовницу, простил ее сводного брата, графа д'Оверня. Во всем признавшийся граф Овернский даже не предстал перед судом и вышел из Бастилии 2 октября.

ПОРОХОВОЙ ЗАГОВОР

Англия. 1605 год

«Пороховой заговор» — под таким названием вошла в историю Англии попытка католических дворян Роберта Кетсби, Томаса Перси, Гая Фокса, Томаса Винтера и других взорвать здание палаты лордов, когда там будет присутствовать король Яков I.

Многое говорит за то, что мысль избавиться от Якова I, нарушившего свои обещания католикам, возникла в голове аристократа Роберта Кетсби. За участие в мятеже Эссекса ему присудили огромный денежный штраф. Этот религиозный фанатик считал самого папу и иезуитов нерешительными в деле возвращения Англии в лоно католицизма и мечтал одним ударом достигнуть этой цели.

Другим видным организатором заговора стал 45-летний Томас Перси. Двоюродный брат графа Нортумберлендского, самого знатного из католических лордов, Перси занимал высокое общественное положение. Нарушение королем обещаний, данных католикам, он рассматривал как личное оскорбление, за которое в разговоре с друзьями грозился убить Якова.

Активное участие принимал в заговоре и Томас Винтер, происходивший из небогатой католической дворянской семьи из графства Вустер, родственник и друг Кетсби. Он получил отличное образование, говорил на французском, итальянском и испанском языках.

И, наконец, Гай Фокс. Этот уроженец Йоркшира в молодости служил во Фландрии в полку Уильяма Стенли, состоящего из католиков-эмигрантов из Англии, и дослужился до офицерского чина. Решительный и послушный указаниям священников, Фокс был идеальным исполнителем заговора.

В ноябре 1603 года Кетсби изложил Томасу Винтеру и Джону Райту, брату жены Томаса Перси, свой план «единым ударом без всякой иноземной помощи вновь внедрить католическую религию»: подорвать порохом здание парламента. «В этом месте, — заявил Кетсби, — они причинили нам все зло, и, быть может, Господь обрек это место служить для них карой».

После гибели Якова I, наследника престола Генриха и главных советников, заговорщики планировали захватить кого-либо из младших детей короля — принца Карла или принцессу Елизавету — и от их имени создать под видом регентства католическое правительство, которое покончит с шотландским засильем. Военную поддержку новому правительству должны были оказать ополчение католического джентри и переброшенный из Фландрии эмигрантский полк Стенли. Заговорщики надеялись сыграть на патриотических чувствах англичан, на непопулярности короля-шотландца и привезенных им с собой фаворитов.

Чтобы заручиться иностранной помощью, Винтер отправился во Фландрию, где в это время коннетабль Кастилии готовился отбыть в Лондон для заключения мирного договора между Англией и Испанией. Винтеру пообещали похлопотать за английских католиков перед королем Яковом. Не исключено, что во Фландрии посланник Кетсби встретился с Оуэном и иезуитами, которым изложил планы заговорщиков.

В апреле 1604 года Винтер вернулся из поездки вместе с Гаем Фоксом, который в Англии стал называться Джоном Джонсоном.

Вскоре заговорщики собрались в Лондоне. Они поклялись хранить тайну, после чего прослушали мессу, которую отслужил иезуит, отец Джерард, и приняли причастие. Затем Кетсби изложил подробно свой план. Он собрал сведения о домах, примыкающих к палате лордов, в которой должен был выступать король Яков I при открытии парламентской сессии.

Здание палаты было двухэтажным. Сама палата занимала верхний этаж, а первый этаж и подвал арендовал под склад угля купец Брайт. Таким образом, мощную пороховую мину заговорщики должны были подвести под этот склад угля. Для этого предстояло снять один из принадлежавших казне домов, которые примыкали к зданию палаты Наиболее удобно из них был расположен Винегр-хаус, арендованный Джоном Винниардом, входившим в личную охрану короля.

Ниже парламентских помещений, в полусотне метров протекала Темза. Для склада пороха планировалось использовать один из лондонских домов Кетс-би, находившийся на берегу реки, неподалеку от Винегр-хауса. Хранителем склада назначили Роберта Кея, сына англиканского священника.

Первым за дело взялся Перси, аристократ, так же, как и хозяин Винегр-хауса, служивший в королевской страже. Он успешно справился с поставленной задачей и взял дом в аренду.

Подвал Винегр-хауса от подвального помещения палаты лордов отделяла лишь толстая каменная стена. Кетсби, Винтер, Перси и Джон Райт взялись за подкоп. Но дело вскоре застопорилось: каменный фундамент не поддавался. На подмогу пришли Кей и Кристофер Райт, зять Джона Райта. В течение двух недель заговорщики делали подкоп, пока по ту сторону

стены не послышался подозрительный шум.

Отправленный на разведку Фокс выяснил, что подвал парламентского здания купец Брайт сдал в аренду некоему Скинеру, купцу с улицы Кинг-стрит. Перси удалось уговорить Скинера переуступить ему право аренды подвала под предлогом того, что к приезду жены ему необходимо закупить уголь для отопления.

Вскоре из Винегр-хауса и из дома на берегу реки в подвал палаты лордов были перевезены мешки с порохом, прикрытые сверху углем.

Тем временем правительство перенесло открытие очередной парламентской сессии с 7 февраля на 3 октября 1605 года. Фокс отправился во Фландрию, чтобы условиться о плане действий с Оуэном и полковником Стенли. Кетсби и Перси взялись за организацию католического выступления.

Приготовления требовали больших средств, которые покрывались в основном за счет Кетсби, поэтому приходилось посвящать в заговор новых людей. Объезжая поместья своих друзей, Кетсби завербовал Роберта Винтера, брата Томаса, и Джона Гранта. Остальным он не открывал всех своих планов, добиваясь лишь их согласия на участие в добровольческом кавалерийском полку католиков в две тысячи человек, которых Яков разрешил собрать на английской территории испанскому правителю Фландрии.

28 июля правительство в очередной раз перенесло открытие парламентской сессии — на этот раз на 5 ноября.

Заговорщики делали последние приготовления. Фокс и Винтер проверили, не отсырел ли порох, и пополнили его запасы. Кетсби продолжал закупку лошадей якобы для добровольческого полка. В то же время он вовлек в заговор Эверарда Дигби, которому было поручено возглавить католическое восстание в графстве Уорик, и Френсиса Трешама, кузена Кетсби и Винтера, являвшегося зятем католического лорда Монтигля.

«Пороховой заговор» был подготовлен. Фокс уже присоединил к мешкам с порохом длинный фитиль. За четверть часа, пока огонь доберется до мины, Фоксу предписывалось сесть в лодку и отплыть подальше от здания парламента. Затем он должен был добраться до Фландрии и передать Оуэну и Уильяму Стенли, что пора выступать.

Вечером 26 октября лорд Монтигл отправился ужинать в свой замок Хокстон. Он находился в родстве со многими заговорщиками, поддерживал дружеские отношения с Кетсби, Френсисом Трешамом, Томасом Винтером и другими. Лорд принимал участие в заговоре Эссекса, но после вступления на престол Якова I объявил о своем желании принять англиканство. Вслед за этим Монтиглю были возвращены его имения, он получил место в палате лордов.

В Хокстоне его гостем был примкнувший к заговору Томас Уорд, дворянин из свиты лорда Монтагю. Во время ужина в комнату вошел паж и передал письмо хозяину. Тот сломал печать и попросил Уорда прочесть письмо вслух. В этом анонимном письме Монтиглю советовали не присутствовать на заседании парламента, так как Бог и люди решили покарать нечестие «страшным ударом». Реакция Монтигля была неожиданной, он приказал седлать лошадей.

В 10 часов вечера лорд уже был у дверей Уайт-холла. Несмотря на поздний час здесь находились Роберт Сесил и четыре лорда-католика, члены Тайного совета, — Ноттингем, Нортгемптон, Вустер и Суффолк. Монтигл передал Сесилу таинственное письмо. После того как все ознакомились с его содержанием, было принято решение сохранить все в глубокой тайне и ничего не предпринимать до возвращения короля с охоты Монтигл, однако, не счел необходимым скрывать этого решения от Уорда.

Уорд сразу сообщил Винтеру о провале заговора. На рассвете Винтер, разыскав иезуита отца Олдкорна и Джона Райта, помчался с ними в Уайт-Уэбс. Но упрямый Кетсби не хотел верить, что заговор раскрыт. Быть может, заявил он, это результат интриги Френсиса Трешама, который только что получил богатое наследство и теперь захотел выйти из игры.

По поручению Кетсби, рано утром в среду Фокс направился в столицу и незаметно пробрался в подвал палаты лордов. Мина была на месте, о чем, вернувшись в Уайт-Уэбс, он доложил Кетсби.

Но кто послал роковое письмо Монтиглю? Кетсби по-прежнему подозревал Трешама. 1

ноября он встретился с Трешамом и прямо спросил его о письме Монтигю. Но тот с негодованием отверг обвинение и тут же посоветовал Кетсби немедленно бежать во Францию.

Однако глава заговора продолжал надеяться на чудо. Кетсби заявил, что останется в Лондоне до возвращения Томаса Перси из поездки по северным графствам.

3 ноября Уорд сообщил Винтеру, что король вернулся в город, прочел знаменитое письмо и распорядился тайно обыскать подвалы под зданием палаты лордов. У заговорщиков оставалась надежда, что обыск пройдет формально.

Вечером заговорщики вернулись в Лондон. Фокс спустился в подвал и нашел мину нетронутой. Да и в Уайт-холле не было заметно признаков тревоги. Решили действовать.

Утром Перси послал Фоксу часы Заговорщики разошлись по условленным местам. Кетсби направился в Уайт-Уэбс, Перси — к графу Нортумберлендскому.

Вскоре около здания палаты лордов появились лорд-камергер Суффолк и лорд Монтигл в сопровождении пажа. Они спустились в подвал. Лорд-камергер спросил у находившегося там Фокса, кто он такой и что это за груда угля. Фокс ответил, что он слуга Томаса Перси, которому принадлежит сваленный здесь уголь.

Вернувшись в кабинет к королю, где находились также Сесил и несколько других членов Тайного совета, Суффолк сообщил о подозрительно большом количестве угля, собранном для отопления дома, где Томас Перси редко бывал. Лорд-камергер также заметил, что, по мнению Монтигля, автором письма является Перси, с которым его связывает тесная дружба.

В свою очередь, Фокс сообщил Перси о неожиданном визите Суффолка. Ночью заговорщики продолжали вести наблюдение за правительственными зданиями. Все было спокойно. Ни Яков, ни Сесил, видимо, не знали, что их ожидает на следующий день.

Фокс отправился в подвал с часами и фонарем. Подготовив шнур, он вышел во двор и здесь его схватили люди во главе с мировым судьей Ниветом, посланным для нового осмотра подвала. Фокс сразу понял, что все пропало, и на вопрос Нивета, что он здесь делает, ответил: «Если бы вы меня схватили внутри, я взорвал бы вас, себя и все здание». По приказанию Нивета подвал еще раз обыскали. Бочки с порохом на этот раз нашли и обезвредили…

Заговорщики стали спешно покидать столицу еще до того, как узнали об аресте Фокса. План Кетсби предусматривал одновременное выступление в ряде графств на северо-востоке Англии. Но главных заговорщиков сумел догнать Роквуд и сообщить им о провале предприятия.

Когда Кетсби и Перси прибыли в замок своего сообщника Дигби, там уже собралась группа местных помещиков, собиравшихся принять участие в восстании. Но когда они узнали, что покушение на Якова I сорвалось, многие ретировалось. Кетсби и его друзья решили бежать в горы Уэльса и поднять на восстание местных католиков.

В Холбич-хаусе — доме Стефена Литлтона в графстве Стаффордшир заговорщики сделали короткий привал. Когда они пытались просушить подмоченный порох, раздался взрыв. Кетсби и его друзья были отброшены в сторону. Те, кому посчастливилось не пострадать от взрыва, среди них Дигби и Роберт Винтер, бежали. Остальные вскоре были окружены отрядом шерифа графства. Кетсби и Перси и еще несколько заговорщиков погибли. Томас Винтер, Роквуд, Морган, Грант сдались. В течение последующих недель были схвачены в разных местах участники «порохового заговора». Их ожидали казематы Тауэра, пытки и виселицы, воздвигнутые в Лондоне и других городах для примерной казни всех заговорщиков.

Судебный процесс, проходивший в Лондоне в начале 1606 года, надолго остался в народной памяти. И поныне ежегодно 5 ноября в Англии в воздух взлетают фейерверки и публично сжигают чучело Гая Фокса. А традиция требует, чтобы началу парламентской сессии предшествовала символическая сцена: пристав палаты лордов — «носитель черного жезла» — в сопровождении стражи из Тауэра, одетой в красочные средневековые мундиры, должен обойти подвалы Вестминстера, проверяя, не подложены ли в них бочонки с порохом…

ПЕРЕВОРОТ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО

Россия. 1606 год

Василий Иванович Шуйский был вторым в истории России избранным ца— ¦ рем (после Бориса Годунова). Его короткое правление (с 1606 по 1610 год) принесло немало бед не только самому Василию, но и всему государству.

Единодушно отрицательную характеристику давали Шуйскому известные историки. Н.М. Карамзин писал о нем: «Василий, льстивый царедворец Иоаннов, сперва явный неприятель, а после бессовестный угодник и все еще тайный зложелатель Борисов… возведен на трон более сонмом клевретов, нежели отечеством единодушным, вследствие измен, злодейств, буйности и разврата… мог быть только вторым Годуновым: лицемером, а не Героем добродетели… Без сомнения уступая Борису в великих дарованиях государственных, Шуйский славился однако ж разумом мужа думного и сведениями книжными, столь удивительными для тогдашних суеверов, что его считали волхвом…»

В.О. Ключевский представлял такой портрет Шуйского: «После царя-самозванца на престол вступил князь В.И. Шуйский, царь-заговорщик. Это был пожилой 54-летний боярин, небольшого роста, невзрачный, подслеповатый, человек неглупый, но более хитрый, чем умный, донельзя изолгавшийся и заин-триговавшийся, прошедший огонь и воду, видевший и плаху и не попробовавший ее только по милости самозванца, против которого он исподтишка действовал, большой охотник до наушников и сильно побаивавшийся колдунов».

Сам Василий Шуйский полагал, что имеет все права на царский престол. Действительно, Шуйские принадлежали к княжескому роду, родоначальником которого считался варяг Рюрик, но к нему же принадлежали и все остальные русские князья. Больше прав на престол давало родство с прославленным князем Александром Невским. Но некоторые исследователи сомневались в том, что суздальские князья (к ним относились и Шуйские) произошли от сына Александра Невского Андрея. Так это было или иначе, но в официальном родословии князей Шуйских родоначальником назван Андрей Александрович.

Во время царствования Федора Ивановича, как сообщают разрядные книги, Василий Шуйский получил боярство и стал главой Московского судного приказа. Вскоре боярином стал и его брат Александр, а в 1586 году и Дмитрий. Их родственнику И.П. Шуйскому был дан в кормление Псков, а В.Ф. Скопину-Шуйскому — Каргополь в качестве награды за оборону Пскова от польского короля Стефана Батория.

В 1598 году царем стал Борис Годунов. Вскоре в Речи Посполитой появился «царевич Дмитрий», который заявлял, что он — спасшийся от наемных убийц, подосланных Борисом Годуновым, сын царя Ивана Грозного.

В начале июня 1605 года подстрекаемая эмиссарами Лжедмитрия толпа москвичей бросилась в Кремль громить Годуновых, и Шуйский ничего не предпринял для их защиты. Более того, по сообщениям иностранцев, именно Василий был повинен в свержении Годуновых. Выступая перед народом, он подтвердил версию о «чудесном спасении царевича», вместо которого наемные убийцы по ошибке зарезали поповского сына. Слова Шуйского настолько поразили толпу, что в гневе все бросились к царскому дворцу и стали его громить. Царь Федор, сын Бориса Годунова, с матерью и сестрой были схвачены и под охраной отведены на старый боярский двор, где вскоре Федор и царица Мария были задушены…

Публично подтвердив истинность «царевича Дмитрия», князь Василий отправился в его ставку в Тулу, чтобы лично засвидетельствовать тому свою преданность. Лжедмитрий охотно принял знатного боярина, поскольку надеялся с его помощью укрепить свою власть. Однако около самозванца уже прочно обосновались П.Ф. Басманов, В.М. Мосальский, мнимые родственники Нагие, братья Бучинские… Среди любимцев оказался даже юный племянник Василия М.В. Скопин-Шуйский.

Под звон колоколов Лжедмитрий I торжественно въехал в столицу и сел на «прародительский престол». Однако вскоре выяснилось, что новый государь нисколько не похож на прежних: он не уважал обычаев предков, самовольно присвоил себе императорский титул, перекраивал двор по своему усмотрению, во все вмешивался, всех обличал в невежестве, покровительствовал католикам и лютеранам и даже задумал объединение религий.

Все это побудило честолюбивого и коварного Василия начать подготовку заговора с целью свержения Лжедмитрия. На свою сторону он привлек не только родственников, но и представителей посада, с которыми имел традиционно крепкие связи. Но расширение числа

заговорщиков привело к тому, что их замысел был раскрыт. Уже 20 июня 1605 года начались аресты и допросы под пытками. В.И. Шуйский как главный зачинщик крамолы был схвачен и приговорен боярским судом к смерти.

25 июня Василия вывели на Красную площадь, где уже была сооружена плаха. Ее окружало 8 тысяч вооруженных стрельцов во главе с П.Ф. Басмановым, который зачитал обвинительный приговор В последний момент смертная казнь была заменена Шуйскому ссылкой.

Но уже осенью 1605 года Шуйские снова были при дворе. Вошли они и в Совет светских лиц первого класса — так стали называться думные бояре. Однако князь Василий понимал, что при Лжедмитрий вряд ли его высокое положение прочно. Поэтому он вновь затеял заговор по свержению самозванца, привлекая только абсолютно надежных и проверенных людей. Одним из его наиболее доверенных лиц стал молодой окольничий и думный дворянин Михаил Игнатьевич Татищев Однажды заговорщики чуть было не выдали себя, когда на одном из пиров 20 апреля 1606 года рискнули покритиковать Лжедмитрия за употребление блюда из телятины, которая на Руси считалась нечистым мясом. На этот раз князь Василий отделался лишь испугом, Михаил же был выслан со двора.

Опасность нового разоблачения заставила князя Василия действовать быстро и решительно. Чашу терпения русских бояр переполнила свадьба самозванца и польской княжны Марины Мнишек, на которую прибыло множество знатных поляков, желавших занять при царе высокое место и потеснить родовое боярство. Свадебные пиры, непристойное поведение пьяных поляков, вызывавшее возмущение москвичей, и всеобщее недовольство тем, что русской царицей стала католичка, были сочтены заговорщиками самым подходящим временем для выступления.

Тайными сторонниками заговорщиков стали многие представители двора, которые совсем еще недавно посадили Лжедмитрия на трон. Однако расправиться с царем, охраняемым стрельцами и имевшим мощную поддержку поляков (свита Марины Мнишек насчитывала несколько тысяч человек), было весьма сложно. Поэтому князь Василий разработал хитроумный план. Ранним утром, когда двор пребывал в глубоком сне после многодневных свадебных пиров, следовало зазвонить в колокола по всему городу, якобы извещая о какой-то беде. Под предлогом сообщения о случившемся царю во дворец должны были проникнуть заговорщики, состоящие из видных бояр, и в суматохе убить самозванца. Разбуженным же москвичам следовало сказать, что убить царя вознамерились поляки, и тем самым натравить их на возможных помощников Лжедмитрия Только после физического устранения лжецаря следовало раскрыть правду всем участникам событий и убедить их в правомерности действий заговорщиков.

Несомненно, Василий Шуйский сильно рисковал, ведь в случае неудачи плахи ему уже было не миновать. Однако все произошло, как было задумано. Ранним утром 17 мая 1606 года по всему городу зазвонили колокола — православное духовенство горячо поддержало заговорщиков, поскольку давно было извещено о планах окатоличивания страны и не испытывало симпатий к царице-иноверке. Лжедмитрий спросонок никак не мог понять, что означал колокольный перезвон, поэтому позволил страже впустить бояр, которые должны были обо всем рассказать. Но увидев, что в руках вошедших засверкали сабли и длинные ножи, испугался и побежал. П.Ф. Басманов попытался было заслонить своего государя, но тут же пал от руки М И. Татищева. Самозванцу удалось выпрыгнуть из окна дворца, но при этом он сломал ногу. Поэтому заговорщики настигли его и тут же прикончили.

Тем временем в городе москвичи громили дворы ненавистных поляков. Многие из них были убиты. Только на следующий день бояре взяли власть в свои руки и с помощью стражи постепенно навели в городе порядок. Обеспечили безопасность Марине Мнишек и ее ближайшим родственникам, взяли под стражу наиболее ревностных сторонников Лжедмитрия, которых, впрочем, оказалось совсем немного: патриарх Игнатий, личные секретари лжецаря братья Бучинские, думный дьяк А. Власьев, ездивший в Польшу сватать Марину Мнишек, и ряд других. Основное же количество бояр, когда-то предавших царя Федора Борисовича и посадивших Лжедмитрия на трон, дружно сплотилось вокруг Василия Шуйского. Среди них оказался и В.М. Мосальский, и братья Голицыны, и мнимые родственники лжецаря Нагие и

Романовы. Все они были готовы служить новому царю. В благодарность тот был обязан гарантировать им сохранность всех пожалований Лжедмитрия.

После удачного осуществления первой части плана перед Шуйским встала самая главная задача — убедить русских людей в правомерности своих действий. Первой засвидетельствовать лживость Дмитрия должна была его мнимая мать Марфа Нагая. Заговорщики вывели ее из Вознесенского монастыря и, показав обезображенный труп «царя Дмитрия», заставили публично отречься от него.

Москвичам позволили разграбить дома богатых поляков из свиты Марины Мнишек и предаться на радостях многодневному пьянству. Это как нельзя лучше помогло им смириться с утратой «царя Дмитрия» и провозгласить новым народным героем Василия Ивановича Шуйского.

19 мая на соборной площади была созвана толпа москвичей, пришли также видные бояре и представители духовенства. Они должны были представлять собой избирательный земский собор. На самом деле, с боярами, членами двора, правительства и духовенством все было обговорено заранее. Они соглашались посадить Шуйского на трон при условии, что тот подпишет ограничительную запись, ставящую его в зависимость от Боярской думы и урезающую его собственные права как царя. Духовенству гарантировалась неприкосновенность богатств и земельных владений и были обещаны покровительство и поддержка. Кроме того, будущий царь не должен был нарушать сложившуюся при дворе иерархию и самовольно накладывать опалы.

После этого в спешном порядке по стране стали рассылаться различные грамоты с рассказом о происшедшем в столице, от имени бояр, Марфы Нагой, самого Василия. Все они убеждали население в том, что свергнутый и убитый царь был самозванцем, авантюристом и еретиком и планировал окончательно погубить православную Русь и ее народ.

Труп Лжедмитрия, до этого пролежавший три дня в обнаженном виде с карнавальной маской на лице и волынкой в руках на Красной площади, было решено захоронить за городом. Под крики толпы его протащили по многолюдным улицам и бросили в ров на съедение собакам, но потом присыпали землей. Однако тайные сторонники самозванца стали распространять слухи о том, что убитый был чародеем и способен воскреснуть вновь. Некоторые даже заявляли, что видели во рву какие-то странные огоньки. Тогда Василий повелел вновь выкопать труп и публично сжечь. Пепел же зарядили в пушку и выстрелили на Запад, откуда Лжедмитрий пришел. Этим актом новый царь хотел убедить всех сомневающихся в том, что со Лжедмитрием покончено раз и навсегда. Однако последующие события показали, что сделать это ему не удалось.

По стране поползли слухи о новом чудесном спасении «царя Дмитрия». Их усиленно распространяли те его сторонники, которые не принадлежали к высшей знати и не вошли в сговор с Шуйским. Даже в Москве некоторые поговаривали, что публично выставлявшийся труп не был «царем Дмитрием» и ему умышленно надели маску, чтобы никто не заметил сбритую черную бороду, которой никогда не было у лжецаря.

У современников вызывали сомнения не только обстоятельства воцарения Василия, но и его способность управлять государством и основать династию. Шуйский был стар по тогдашним меркам, неказист и не мог внушить подданным ни любви к себе, ни симпатий. Кроме того, он был хитер, коварен, скуп, поощрял доносчиков. К моменту своего восхождения на трон он не имел наследников, и даже не был женат (его первая жена Елена уже умерла). Возмущение современников вызвало и то, что Шуйский добровольно ограничил свою власть в пользу бояр, чего ни один русский монарх не делал.

Тревожные вести с окраин заставили Василия поскорее узаконить свое воцарение и стать не только избранным, но и венчанным монархом. Церемония была назначена на 1 июня. Эпитеты в адрес нового царя новгородский митрополит Исидор почерпнул из Чина венчания Бориса Годунова: «Богом возлюбленный, Богом избранный, Богом почтенный и Богом нареченный».

Затем Василий решил окончательно разоблачить самозванство «царя Дмитрия» тем, что показать народу останки истинного царевича. Для этого в Углич была отправлена представительная делегация во главе с митрополитом Филаретом и боярином П.Н.

Шереметевым. Там при вскрытии гробницы обнаружилось, что мощи Дмитрия не истлели, а напротив, хорошо сохранились, даже одежда и сапожки. Все это, по убеждению православного духовенства, свидетельствовало о святости последнего сына Ивана Грозного. Уже 3 июня в Москве гроб с нетленными мощами торжественно встретили царь Василий, все духовенство и горожане. Его установили для всеобщего обозрения в Архангельском соборе, где сразу же начались чудесные исцеления болящих. Это позволило церкви объявить царевича Дмитрия новым святым мучеником, написать его житие и разослать по церковным приходам для прочтения верующим.

Многое предпринимал Василий для укрепления своей власти, но все было напрасным. Жители северских городов расправились с царскими гонцами, а посланные с ними грамоты сожгли, не читая Василия же объявили бесчестным предателем, покусившимся на истинного царя. Не хотело признавать нового царя и все Поволжье до Астрахани.

Сторонники Лжедмитрия, бежавшие из Москвы, продолжали распространять слухи, что и на этот раз «царь Дмитрий» спасся и будет вести борьбу с узурпатором Василием Шуйским, незаконно лишившим его престола. Под знамена несуществующего самозванца вновь стала собираться большая армия. Во главе ее встал опытный военный, бывший боевой холоп Иван Болотников. Его поход начался в июле 1606 года из Путивля, а закончился — после многих боев — осенью 1607 года в Туле, где он вынужден был сдаться.

Однако с авантюрой Лжедмитриев покончено не было. Летом 1607 года в Стародубе появился новый «царь Дмитрий» — Лжедмитрий II. Вокруг этой загадочной фигуры быстро собралось большое войско, готовое идти на Москву. Его основу составили польско-литовские отряды, запорожские казаки, жители северских городов. В июне 1608 года он уже подошел к столице и расположился в Тушино, почему его и назвали Тушинским вором. В стране создалось двоевластие: одни города (на северо-востоке) сохранили верность царю Василию, другие (на юго-западе) — подчинялись самозванцу.

Царь искал помощи у шведского короля, врага польского короля Сигиз-мунда III Он отправил в Новгород своего племянника, молодого талантливого полководца М. Скопина-Шуйского. Тому удалось договориться со шведами и нанять большой отряд во главе с Я. Делагарди. Одержав ряд побед, их объединенное войско 12 марта 1610 года торжественно въехало в Москву, радостно приветствуемое жителями.

Но восторг от победы был недолгим. После одного из пиров в апреле полководец-освободитель внезапно умер. В это время польский король Сигизмунд, возмущенный помощью Швеции, вторгся в русские пределы. Состоявшаяся 24 июня при Клушино битва была безнадежно проиграна русскими войсками. Это окончательно решило участь царя Василия. 17 июля он был свергнут и пострижен в монахи. Потом с братьями его отправили в плен к польскому королю, где он и умер.

УБИЙСТВО ГЕНРИХА IV

Франция. 1610 год

На протяжении всего царствования Генриху IV приходилось бороться против многочисленных заговоров: то пытались свергнуть его и возвести на престол одного из его незаконнорожденных сыновей, то сдать неприятелю Марсель или Нарбонн. За всеми этими заговорами по-прежнему стояли Испания и орден иезуитов.

Еще 27 декабря 1595 года король принимал приближенных, поздравлявших его с победой над католической Лигой. Неожиданно к нему подбежал юноша и попытался ударить кинжалом в грудь. Генрих в этот момент наклонился, чтобы поднять с колен одного из придворных. Это спасло жизнь королю — удар пришелся в рот, и у Генриха оказался вышибленным зуб. Покушавшийся Жан Шатель действовал при подстрекательстве иезуитов — отца Гиньяра и отца Гере. Первый из них был отправлен на виселицу, а иезуиты в том же году бьши изгнаны из Франции. Но ненадолго. В 1603 году Генрих IV был вынужден разрешить им вернуться и даже демонстративно взял себе иезуитского духовника.

Однако судьбе было угодно продлить время испытаний Генрих IV до 1610 года и

заставить короля встретить смерть на своем посту. Как писал Сюл-ли: «Природа наградила государя всеми дарами, только не дала благополучной смерти».

14 мая 1610 года король отправился в открытой коляске на прогулку по Парижу. Оставалось всего пять дней до его отъезда на войну. Этот ставший легендой человек, в котором сочетались черты развеселого гуляки и мудрого государственного деятеля, теперь решил приступить к осуществлению главного дела своей жизни — ликвидации гегемонии в Европе испанских и австрийских Габсбургов, с трех сторон зажавших в клещи Францию. В день покушения Генрих IV отправился в Арсенал на встречу с сюринтендантом Сюлли.

…На узкой парижской улице, по которой ехала королевская карета, ей неожиданно преградили путь какие-то телеги. К экипажу подбежал рослый рыжий детина и трижды нанес королю удары кинжалом.

Король воскликнул: «Я ранен!»

Герцог де Монбазон, сидевший рядом и ничего не заметивший, спросил: «Что такое, сир?»

Королю хватило сил произнести: «Ничего, ничего…»

После этого кровь хлынула горлом и он упал замертво.

Пока карета мчала в Лувр тело короля, гвардейцы схватили убийцу и потащили в отель Гонди, чтобы подвергнуть там первому допросу. Однако им не удалось заставить его заговорить. Все, что они смогли, — это записать его имя: Франсуа Равальяк…

Вечером 14 мая 1610 года тело покойного приготовили к прощанию. Полтора месяца гроб с бальзамированным трупом стоял в Лувре. Похороны состоялись в королевской усыпальнице Сен-Дени 1 июля. Сердце короля, согласно его распоряжению, было передано для захоронения в капелле иезуитской коллегии Ла Флеш. Как и при жизни, Генрих IV не переставал удивлять современников своей оригинальностью.

По приказу жены Генриха флорен-тийки Марии Медичи, провозглашенной регентшей при малолетнем сыне Людовике XIII, убийца был вскоре предан суду. Он не отрицал своей вины, утверждал, что никто не подстрекал его к покушению на жизнь короля.

Установить личность преступника не составляло труда. Это был Жан Франсуа Равальяк, стряпчий из Ангулема, ярый католик, неудачно пытавшийся вступить в иезуитский орден и не скрывавший недовольства той терпимостью, которой стали пользоваться по приказу Генриха его бывшие единоверцы — гугеноты. Равальяк несколько раз стремился добиться приема у короля, чтобы предостеречь его против такого опасного курса, и, когда ему это не удалось, взялся за нож. Рукой монаха свершился приговор, вынесенный Генриху IV не только римско-католической церковью и папистами, но и силами в самой Франции, не признававшими новаций, увидевшими в действиях короля наступление на традиционные права знати. Политика компромиссов, стремление поставить государственные интересы выше конфессиональных обернулись для Бурбона смертью.

Убийца даже под пыткой продолжал твердить, что у него не было соучастников. Судьи парижского парламента терялись в догадках. Исповедник погибшего короля иезуит отец Коттон увещевал убийцу: «Сын мой, не обвиняй добрых людей». На эшафоте Равальяк, даже когда ему угрожали отказом в отпущении грехов, если он не назовет своих сообщников, повторял, что действовал в одиночку. Равальяк искренне был убежден, что от этих слов, сказанных им за минуту до начала варварской казни, зависело спасение его души. Но соответствовали ли они действительности?

В 1610 году судьи явно не имели особого желания докапываться до истины, а правительство Марии Медичи проявляло еще меньше склонности к проведению всестороннего расследования. Но уже тогда задавали вопрос: не приложили ли руку к устранению короля те, кому это было особенно выгодно? Через несколько лет выяснилось, что некая Жаклин д'Эскоман, служившая у маркизы де Верней, фаворитки Генриха, пыталась предупредить Генриха о готовившемся на него новом покушении. В его организации помимо маркизы де Верней, по утверждению д'Эскоман, участвовал также могущественный герцог д'Эпернон, мечтавший о первой роли в государстве.

Через несколько дней после казни Равальяка Жаклин д'Эскоман представила во Дворец правосудия странный манифест, в котором обвиняла маркизу де Верней как одну из участниц

заговора с целью убийства короля.

«Я поступила на службу к маркизе после того, как вышла на свободу, — писала она, — и здесь я заметила, что, помимо частых визитов короля, она принимала множество других посетителей, французов с виду, но не сердцем… На Рождество 1608 года маркиза стала посещать проповеди отца Гонтье, а однажды, войдя вместе со своей служанкой в церковь Сен-Жан-ан-Грев, она сразу направилась к скамье, на которой сидел герцог д'Эпернон, опустилась рядом с ним, и на протяжение всей службы они что-то обсуждали шепотом, так, чтобы их никто не услышал».

Опустившись на колени позади них, Жаклин быстро поняла, что речь шла об убийстве короля «Через несколько дней после этого случая, — продолжала рассказчица, — маркиза де Верней прислала ко мне из Маркусси Равальяка со следующей запиской: „Мадам д'Эскоман, направляю вам этого человека в сопровождении Этьена, лакея моего отца, и прошу о нем позаботиться“. Я приняла Равальяка, не интересуясь, кто он такой, накормила обедом и отправила ночевать в город к некоему Ларивьеру, доверенному человеку моей хозяйки. Однажды за завтраком я спросила у Равальяка, чем он так заинтересовал маркизу; он ответил, что причина кроется в его участии в делах герцога д'Эпернона; успокоившись, я пошла за бумагами, намереваясь попросить его внести ясность в одно дело Вернувшись, я увидела, что он исчез. Все эти странности меня удивили, и я решила войти в доверие к сообщникам, чтобы побольше узнать».

Д'Эскоман старалась сообщить обо всем этом королю через его супругу Марию Медичи, но та в последний момент уехала из Парижа в Фонтенбло. Отец Коттон, к которому хотела обратиться д'Эскоман, также отбыл в Фонтенбло, а другой иезуит посоветовал ей не вмешиваться не в свои дела.

Вскоре после этого разговора Жаклин обвинили в том, что она, не имея средств на содержание своего сына в приюте, пыталась подбросить малыша. Д'Эскоман была немедленно арестована, по закону ей угрожала смертная казнь. Но судьи оказались мягкосердечными: посадили ее надолго в тюрьму, а потом отправили в монастырь.

Фаворитка маркиза де Верней знала, что Шарлотта де Монморанси должна занять ее место и, может быть, стать женой короля. Разве этого недостаточно для возникновения мысли об убийстве? Свои причины желать устранения короля были и у Марии Медичи. Бурный роман Генриха с Шарлоттой, ставшей женой принца Конде, вызвал серьезные опасения флорентийки. Зная характер Генриха, она допускала, что он может пойти на развод с ней или приблизить принцессу Конде настолько, что она приобретет решающее влияние при дворе.

В случае смерти Генриха Мария Медичи становилась правительницей Франции до совершеннолетия ее сына Людовика XIII, которому тогда было всего 9 лет. Фактическая власть досталась бы супругам Кончини, которые имели огромное влияние на Марию Медичи (так оно и произошло впоследствии, хотя герцог д'Эпернон в первые дни после смерти Генриха IV также стремился прибрать к своим рукам бразды правления).

В январе 1611 года Жаклин д'Эскоман вышла из монастыря и попыталась опять вывести заговорщиков на чистую воду. Ее снова бросили в тюрьму и предали суду. Однако процесс над д'Эскоман принял нежелательное для властей направление Слуга Шарлотты дю Тилли (которая была близка к маркизе де Верней и находилась в придворном штате королевы) показал, что не раз встречал Равальяка у своей госпожи. Это подтверждало свидетельство д'Эскоман, также служившей некоторое время у дю Тилли, которой ее рекомендовала маркиза де Верней Судебное следствие прервали, «учитывая достоинство обвиняемых».

Складывается впечатление, что дело старались замять. Подавленный этим, председатель суда в конце концов был отстранен от должности, а на его место назначен друг королевы. После этого высший суд вынес свое решение: с Эпер-нона и маркизы снималось выдвинутое против них обвинение, а м-ль д'Эскоман была приговорена к вечному тюремному заключению. Ее продолжали держать за решеткой и после падения Марии Медичи (1617) — так опасались показаний этой «лжесвидетельницы».

Жаклин д'Эскоман утверждала, что заговорщики поддерживали связь с мадридским двором. Об этом же сообщает в своих мемуарах Пьер де Жарден, именовавшийся капитаном Лагардом. Они были написаны в Бастилии, куда Лагард был заключен в 1616 году. Он вышел

на свободу после окончания правления Марии Медичи. Лагард узнал о связях заговорщиков, находясь на юге Италии, откуда энергичный испанский вице-король граф Фуэнтос руководил тайной войной против Франции. Лагард, приехав в Париж, сумел предупредить Генриха о готовившемся покушении, но король не принял никаких мер предосторожности. В мемуарах Лагарда имеются не очень правдоподобные детали — вроде того, будто он видел Равальяка в Неаполе, куда тот привез якобы письма от герцога д'Эпернона.

Показания д'Эскоман были опубликованы при правлении Марии Медичи, когда она боролась с мятежом крупных вельмож и хотела обратить против них народный гнев. Характерно, что эти показания не компрометировали королеву-мать Мемуары Лагарда были написаны после падения Марии Медичи и явно имели целью очернить королеву и ее союзника герцога д'Эпернона. Таким образом, оба эти свидетельства могут внушать известные подозрения. Вполне возможно, что Генрих IV пал жертвой «испанского заговора», в котором участвовали какие-то другие люди. В пользу этого предположения говорят настойчивые слухи об убийстве французского короля, распространившиеся за рубежом еще за несколько дней до 14 мая, когда был убит король, а также то, что в государственных архивах Испании чья-то заботливая рука изъяла важные документы, относившиеся к периоду от конца апреля и до 1 июля 1610 года. Что французский король пал жертвой заговора, руководимого испанцами, впоследствии утверждали такие осведомленные лица, как герцог Сюл-ли, друг и первый министр Генриха IV, а также кардинал Ришелье.

ЛИССАБОНСКИЙ ЗАГОВОР

Португалия, Лиссабон. 1 декабря 1640 года

Из всей эпохи пребывания Португалии под властью испанских королей — так называемой «эпохи трех Филиппов» — наибольшее число трудностей выпало на долю последнего, Филиппа IV, наследовавшего трон в 1621 году. Именно во время его правления Португалия обрела независимость.

Захватив Португалию, испанцы стали рассматривать это королевство в качестве одной из своих провинций. Герцог Оливарес, первый министр мадридского двора отобрал у грандов Португалии их должности, удалил дворянство от дел.

В то же время ряд указов, ограничивающих при Оливаресе деятельность португальцев в колониях, тяжелые поражения Испании, понесенные в колониальных землях, а более всего налоговая политика Мадрида вызвали недовольство большинства населения страны. В период 1621-1640 годов резкое увеличение налогов задело интересы даже привилегированных слоев.

Маргарита Савойская, герцогиня Мантуанская, управляла Португалией в качестве вице-королевы, однако реальная власть находилась в руках Жоана де Вашконселуша, исполнявшего обязанности государственного секретаря при вице-королеве. Этот министр был португальцем, но обращался со своими соотечественниками с такой суровостью, на какую едва ли были способны даже испанцы. Он с завидным искусством обогащался за счет простого народа. Герцог Оливарес охотно предоставил Жоану де Вашконселушу заботу о сборе налогов в Португалии.

Тем временем в кругах образованных клириков, университетских преподавателей получили широкое признание так называемые «Акты кортесов в Ламегу» — фальсифицированный документ якобы XII века, устанавливавший права наследования португальского престола и правомерность выборов короля «народом», что содержало явный намек на незаконность присвоения португальского трона испанским королем.

Эти трактаты питались, разумеется, не только учеными изысканиями. Взоры португальских дворян все чаще обращались к герцогу Браганце — наиболее вероятному из соперников Филиппа, отпрыску боковой ветви португальского королевского дома. Он не занимался политикой. Однако народ Португалии, проклинавший тиранию Испании, хотел видеть у власти именно дом Браганцы. Королевской пышностью отличался прием герцога в 1635 году в Эворе.

Его приветствовали ректор университета и прелаты, в его честь отслужили в главном

соборе города торжественную мессу. Он посетил Университет, где на церемонию собрались все доктора и магистры со знаками отличия.

До конца октября 1638 года в Португалии то там, то тут было неспокойно. В 1639 году муниципалитет Лиссабона сообщал королю, что в столице растет число всяческих преступлений. В такой ситуации в головах нескольких человек из знати и приближенных к герцогу Браганце родился замысел заговора. Именно герцог должен был стать его центральной фигурой и получить престол. По некоторым сведениям, первые беседы о заговоре относятся к июню 1639 года, Составив план действий, заговорщики посвятили в него герцога. Однако тот счел, что время для таких дел еще не пришло. Заговор остался неосуществленным, но не был забыт.

Оливарес, достаточно хорошо осведомленный о том, что происходило в Лиссабоне, хотя и не знал о заговоре, не мог не чувствовать скрытой угрозы в настроениях португальцев. С 1639 года он и Филипп IV представляли себе, кто из Португальской знати наиболее опасен, и собирались переселить их в Кастилию, ближе ко двору.

В 1640 году вспыхнуло восстание в Каталонии с требованием автономии и отделения от Кастилии. Начались волнения в других местах в Кастилии и Португалки. Намереваясь одним ударом отсечь сразу две мятежные головы, в августе 1640 года Филипп IV повелел всей португальской знати и командорам орденов, без всяких исключений или извинений, сопровождать его в Арагон против восставшей Каталонии.

И само каталонское восстание, как напоминание о способе обретения свободы, и требование выехать в Каталонию, лишив тем самым возможности предпринять что-либо на родине, подтолкнули португальскую знать к действию. 12 октября заговорщики собрались у Антава Алмады, после чего один из них, Фуртаду, выехал в Эвору, чтобы выяснить позиции эворской знати, а затем в Вила-Висозу для доверительного разговора с герцогом. Оттуда он сообщил: Браганца согласен, пора действовать.

По плану заговорщиков, сразу после того как Лиссабон объявит о провозглашении герцога королем, все города Португалии должны перейти на его сторону. Эта задача была возложена на друзей Браганцы, которых он назначил губернаторами городов и крепостей.

Ночью 28 ноября заговорщики назначили дату переворота: 1 декабря. На их стороне теперь было около ста пятидесяти знатнейших идальго королевства, представителей самых влиятельных и знаменитых семей, около двухсот богатых горожан и ремесленников. Правда, кое-кто, испугавшись близившегося дела, отказался продолжать игру с огнем. Население Лиссабона, городские власти и крупные купцы и банкиры ничего не знали о готовящемся перевороте. Лишь уже после собрания 28 ноября заговорщики связались с несколькими представителями горожан. Те долго колебалась, но в конце концов согласились поддержать выступление знати. Правда, в течение самого переворота высшие городские слои сохраняли скорее дружественный нейтралитет, чем активно помогали дворянам.

Итак, утром 1 декабря 1840 года без четверти девять заговорщики встретились у дворца; четырьмя группами, с оружием в руках, они вошли во дворец, быстро справившись с охраной. Из защитников дворца один был убит и трое ранены.

Заговорщики между тем прошли во внутренние покои и предложили наместнице Маргарите отречься от должности. Понимая, что сопротивляться бесполезно, Маргарита вынуждена была уступить.

Ее помощника Жоана де Вашконселуша не пощадили. Вначале обыск в его апартаментах ничего не дал. И тут старуха-служанка, напуганная угрозами, показала место, где укрывался Вашконселуш. Дон Родриго де Саа, великий камергер, выстрелил в него из пистолета. Другие набросились на жертву со шпагами и, изрубив его, выбросили тело на мостовую со словами: «Тиран мертв! Да здравствует свобода и король Португалии дон Жоан!»

Маргарита отдала приказ кастильскому гарнизону крепости Сан-Жорже сдаться. Заговорщики, выйдя на балкон, а затем и на улицы Лиссабона, провозгласили Жоана де Браганцу королем Португалии Жоаном IV.

Возбужденные известием о перевороте и провозглашении нового короля, лиссабонцы высыпали на улицы. Заговорщики пытались удержать толпу от беспорядков и бесчинств. Архиепископ Лиссабона с распятием объезжал улицы города, призывая к порядку. Надо

признать, что это почти удалось. Были сожжены лишь несколько домов нелюбимого народом епископа Лейрин, братьев Мигела де Вашконселуша.

В тот же день были выбраны временные правители, которым надлежало осуществлять власть до прибытия короля, архиепископы Лиссабона и Браги, виконт Лоуренсу де Лима. Тут же отправили послов к Жоану де Браганца в Вила-Висозу.

Через три для Жоан въехал в Лиссабон в сопровождении нескольких всадников. С первых же часов новой жизни, еще до коронации, он был вынужден заботиться прежде всего о защите королевства. В Эвору, Элваш, Алгарве были посланы верные люди для организации обороны на случай нападения соседней Кастилии. Еще 2 декабря, до приезда в столицу, Жоан разослал во все города письма, сообщая о своем избрании и требуя составить списки оружия в городе и людей, способных держать его в руках, и объединить их в отряды для защиты города и границ.

Будущее показало, что эти меры оказались отнюдь не лишними.

15 декабря 1640 года в Лиссабоне состоялась пышная церемония коронации Жоана IV. Город единодушно приветствовал своего короля. Грамоты и письма, разосланные еще раньше по другим городам и местечкам, в течение 10 дней достигли самых отдаленных мест. Во многих городах известие о провозглашении короля и независимости страны вызвало бурное ликование. В Коимбре в епископском дворце был устроен праздник; то же происходило в университете. В Гимарайнше, куда весть пришла из Порту, муниципалитет хотел дождаться официального письма, но некий Мануэл Машаду де Миранда, обратившись к горожанам с речью, вызвал настоящую манифестацию. В Визеу же, получив королевскую грамоту 14 декабря вечером, через два дня устроили торжественное провозглашение и уже после этого праздновали до 23-го.

К концу декабря вся Португалия перешла на сторону Жоана. Переворот поддержали вице-губернаторы всех провинций, кроме Сеуты. В некоторых местах провозглашение независимости наталкивалось на сопротивление кастильских гарнизонов, но это было не так уж часто и скоро прекратилось. К январю 1641 года Португалия фактически обрела независимость.

Однако до сих пор все это можно было расценивать еще как бунт в одной из провинций короля Испании. Для оформления независимости и воцарения нового короля на португальском престоле необходима была санкция государственно-правового характера. Таким актом стал созыв всепортугальских кортесов после 20-летнего перерыва. Кортесы были созваны и заседали в Лиссабоне в январе 1641 года. В качество одного из главных документов они приняли и опубликовали Манифест Португалии, составленный секретарем Жоана IV, блестящим стилистом и политиком Паишем Вьегашем. Манифест не только провозгласил Португалию суверенным государством, но и, обосновывая право на суверенитет, обвинил папскую корону в том, что Португалия утратила свои заморские владения, была втянута в чуждые ей европейские войны и конфликты, обнищала под гнетом налогов и военных поборов. Испанские короли объявлялись узурпаторами, а испанское правление — тиранией. Как и всякий политический документ декларативного свойства, предназначенный для обнародования, а не для тайного использования, Манифест в стремлении оправдать действия португальцев и пресечь попытки восстановить унию не был и не мог быть объективным.

Тем не менее, обоснованно или нет, документ вобрал в себя большинство точек зрения, выражавших недовольство существующим положением Португалии, и это позволило ему стать подлинным Манифестом сторонников независимости. Вслед ему одно за другим стали появляться сочинения врагов и приверженцев самостоятельности Португалии, искавших обоснования своим доводам и в настоящем, и в прошлом страны.

На кортесах был утвержден порядок престолонаследия, который, по замыслу его создателей, должен был отныне гарантировать стране независимость: чужеземный государь не имел права занимать португальский престол; при отсутствии потомков мужского пола трон мог перейти к дочери короля; при этом заранее отвергались возможные притязания на трон ее супруга; в случае пресечения династии государь из чужеземного королевского дома не мог надеяться на обретение португальского трона иначе, как переехав в Португалию и ни в коей мере не претендуя на объединение корон.

Вновь став суверенным государством, Португалия постаралась как можно скорее восстановить отношения с Европой. В январе-феврале 1641 года Жоан IV отправил послов в Англию, Францию, Швецию, Нидерланды, к папе римскому и др. Во Франции послы

встречались и с королем, и с кардиналом Ришелье, давно проявлявшим интерес к португальским делам. В Англии согласие короля принять остановившихся в виду Лондона и просивших об аудиенции португальских послов вызвало негодование, протест и отъезд посла Испании. С Францией, Швецией и Нидерландами были заключены договоры не только о дружбе, но и военной помощи. Вопрос о военной помощи возник не случайно, ибо вплоть до 1668 года Испания отказывалась признать законность отделения Португалии и оружием пыталась восстановить прежнее положение. Но победа сторонников независимости была подтверждена и закреплена в оборонительных войнах, продолжавшихся более 20 лет.

Успех португальского переворота тем более удивителен, если учесть большое число участвовавших в нем людей самых различных интересов и характеров. Это было настоящее чудо конспирации.

ЗАГОВОР СЕН-МАРА ПРОТИВ РИШЕЛЬЕ

Франция. 1642 год

Аристократическая оппозиция кардиналу Ришелье продолжала существовать до самой его смерти. В 1642 году серьезной угрозой его власти стал королевский фаворит Анри Куаффье де Рузе, маркиз де Сен-Мар, которого он сам представил Людовику. В то время кардинал полагал, что красивый молодой человек, сын маршала Эффиа, сможет став фаворитом, удовлетворить духовные запросы короля, не представляя угрозы собственным позициям министра.

Сен-Мар в качестве доверенного лица короля сменил некую мадемуазель От-фор, так как Ришелье считал, что она интриговала против него Однако Сен-Мар обладал политическими амбициями, которые вышли на передний план, когда он окончательно вскружил голову королю В девятнадцать лет фаворит удостоился должности главного конюшего — отсюда и пошло прозвище «мсье Главный», по которому его узнавали при дворе.

Сен-Мар собирался жениться на княгине Марии де Гонзаг, опытной честолюбивой придворной кокетке, которая, однако, поставила ему условие, чтобы он получил титул герцога или коннетабля Франции Сен-Мар обратился за помощью к Ришелье «Не забывайте, — холодно заметил кардинал, — что вы лишь простой дворянин, возвышенный милостью короля, и мне непонятно, как вы имели дерзость рассчитывать на такой брак Если княгиня Мария действительно думает о таком замужестве, она еще более безумна, чем вы»

Не произнеся ни слова, Сен-Мар покинул Ришелье, дав клятву отомстить всемогущему правителю страны Первый его шаг закончился еще большим унижением Уступая настойчивой просьбе своего фаворита, Людовик XIII явился на заседание Государственного совета в сопровождении Сен-Мара Король заявил, что Сен-Мару следует познакомиться с правительственными делами и с этой целью он назначает его членом этого высокого учреждения На этот раз пришла очередь Ришелье промолчать Он все же устроил так, чтр на заседании обсуждались совсем маловажные дела Оставшись один на один с королем, Ришелье предупредил Людовика об опасности нахождения в Совете несдержанного и болтливого фаворита, который может с легкостью разгласить доверенные ему государственные секреты Король согласился с этими доводами и как всегда уступил Ришелье.

Хотя Людовик и был увлечен фаворитом, он видел его недостатки и время от времени пенял ему за расточительность и распутный образ жизни Отношения между королем и Сен-Маром прерывались бурными вспышками гнева Временами Ришелье приходилось вмешиваться, к немалому раздражению Сен-Мара, который пришел к мысли о том, что его влияние на короля лишь усилится, если кардинал уйдет в отставку Он умолял Людовика взять на себя ответственность за внешнюю политику Франции и внушал королю, что единственная причина затянувшейся, надоевшей всем войны с Габсбургами — упрямство Ришелье Теперь, после стольких одержанных побед, продолжал Сен-Мар, можно было бы предложить Мадриду и Вене мир на приемлемых условиях и тем самым положить конец страданиям народа Сен-Мар осторожно намекал, что Габсбурги тем охотнее пойдут на уступки, чем скорее будет устранен главный виновник войны — ненавистный всем Ришелье.

Мсье Главный уверял друзей, что однажды Людовик XIII, посетовав на упрямство и

неуступчивость своего министра, сказал «Хотел бы я, чтобы против него образовалась враждебная партия, такая, какая существовала в свое время против маршала д'Анкра» Сен-Мар принял эти слова короля как руководство к действию.

Фаворит мог рассчитывать на поддержку Гастона Орлеанского и его друзей Среди них был герцог де Бульонский, сеньор Седана, и Франсуа де Ту, сын знаменитого историка, носившего то же имя, который выполнял роль посредника.

Обсудив ситуацию, заговорщики пришли к выводу, что убить Ришелье — это полдела, важно изменить политический курс В декабре 1641 года заговорщики составили проект тайного договора с Испанией Франция обязывалась разорвать союзные отношения с Соединенными провинциями (Нидерландами), Швецией и германскими протестантами, а также вернуть Испании все захваченные у нее в ходе войны территории Испания, со своей стороны, обещала Гастону военную помощь, а также возвращение военных приобретений во Франции Таким образом, речь шла о восстановлении довоенного status quo с очевидными минусами для Франции, лишавшейся своих традиционных и новых союзников При таких условиях заговорщики уже не могли ограничиться смещением кардинала Гастон Орлеанский намеревался в случае удачи заговора занять престол, Сен-Мар — место Ришелье.

3 февраля 1642 года Людовик XIII в сопровождении Ришелье со всем двором отбыл из Фонтенбло в Лангедок В соответствии с планами летней кампании 1642 года решающим направлением было избрано пиренейское предполагалось овладеть провинцией Руссильон Король решил лично возглавить армию, которая должна была наступать на этом направлении Королева Анна Австрийская осталась в Париже, так же как и некоторые другие участники заговора, в том числе и принцесса де Гонзаг Герцог Бульонский по распоряжению короля отправился в Пьемонт на смену графу д'Аркуру, отозванному во Францию Гастон и Сен-Мар сопровождали Людовика XIII Трудно сказать, случайно или по воле министра-кардинала, но участники заговора оказались разобщенными.

Первым попытался дать отбой герцог Бульонский В беседе с Гастоном Орлеанским он откровенно выразил свои сомнения в способности Испании реально поддержать заговор «Хотим мы того или нет, монсеньор, но после поражения, нанесенного Австрийскому дому, испанцам не на что больше надеяться Граф де Гебриан утвердился на столь выгодных позициях, что их [испанцев] дела в Голландии будут обречены, если голландцы захотят хотя бы немного помочь королю» Испания была озабочена теперь исключительно спасением своих нидерландских провинций.

А Сен-Мар тем временем не оставлял попыток получить от короля формальное согласие на устранение кардинала Он даже признавался, что готов лично убить его, но только с санкции короля Фаворита поддержал капитан королевских мушкетеров де Тревиль, пользующийся полным доверием Людовика XIII Король был шокирован «Но, — писал Людовик канцлеру Сегье, — когда он зашел столь далеко и сказал мне, что пришло время избавиться от моего названного брата, и предложил себя для исполнения, я пришел в ужас и содрогнулся от его злокозненных мыслей»

Так и не добившись письменного согласия короля, Сен-Мар и его друзья решили действовать на свой страх и риск Убийство Ришелье по сигналу мсье Главного намечено было осуществить в Лионе, где король, кардинал и сопровождавшая их многочисленная свита должны были сделать остановку по пути к Руссильону.

17 февраля 1642 года королевский кортеж прибыл в Лион.

Сен-Мар сговорился с де Тревилем, руководившим охраной короля, разместить надежных людей в комнатах, прилегающих к кабинету, в котором ежедневно работали Людовик XIII и первый министр. По сигналу Сен-Мара заговорщики должны были ворваться в кабинет и заколоть кардинала прямо на глазах короля.

Воспользовавшись моментом, когда Людовик XIII остался один, Сен-Мар прошел к нему и вновь завел разговор об устранении кардинала. Их разговор становился все более оживленным. Сен-Мар забыл об осторожности.

Внезапно он остановился на полуслове, увидев широко раскрытые от ужаса глаза Людовика XIII Оглянувшись, Сен-Мар увидел за своей спиной кардинала. А за ним — капитана его гвардейцев де Бара. Страх и оцепенение охватили Сен-Мара. Наконец мсье Главный встал

со стула и удалился. Позднее он расскажет сообщникам, ожидавшим совсем рядом сигнала, что был во власти какого-то наваждения, парализовавшего сознание, энергию и волю.

Случай был упущен и больше уже никогда не представится ни Сен-Мару, ни кому-либо другому. После инцидента в Лионе кардинал повысил бдительность и уже нигде, включая королевские покои, не появлялся без надежной охраны.

13 марта 1642 года Людовик XIII и Ришелье прибыли в Нарбонн, откуда должны были руководить наступательными действиями французской армии на испанский Руссильон.

Воспользовавшись французским наступлением на Каталонию, Сен-Мар усилил нажим на Испанию.

Его тайный агент, виконт де Фонтрай был удостоен аудиенции у самого Филиппа IV, что должно было подчеркнуть значение, которое в Мадриде придают успеху заговора. После завершения всех формальностей Фонтрай отправился в обратный путь, увозя зашитый в камзоле экземпляр подписанного договора, ратифицированного Филиппом IV, и личное послание короля Испании Гастону Орлеанскому.

Однако даже разослать копии договора заговорщикам, находившимся в тот момент в разных местах, оказалось делом весьма нелегким. Повсюду сновали шпионы кардинала, Сен-Мар, например, подозревал аббата Ла Ривьера, доверенного советника Гастона Орлеанского. И не без основания —Ла Ривьер был агентом Ришелье. Пока искали способы пересылки договора, один экземпляр его очутился в руках кардинала!

Остается тайной, каким образом разведка Ришелье добыла текст договора с Испанией. Исследователи три столетия никак не придут к согласию по этому вопросу.

Некоторые историки даже полагают, что заговорщиков мог выдать сам глава испанского правительства, граф Оливарес, в обмен на определенные компенсации со стороны Ришелье.

Так или иначе, к 11 июня Ришелье располагал достаточным числом доказательств, чтобы действовать против заговорщиков Людовик XIII узнал о заговоре в Нарбонне днем позже. Порядком расстроенный этой новостью, он приказал арестовать Сен-Мара, де Ту и герцога Бульонского. Что касается Гастона Орлеанского, тому было обещано королевское прощение при условии, что он откроет все, что знает. К 7 июля он признал свое соучастие в заговоре, но всю вину за происшедшее возложил на Сен-Мара. Фонтрай успел бежать за границу.

Что же касается герцога Бульонского, то его спасла жена. Герцогиня довела до сведения Ришелье, что, если ее мужа казнят, она сдаст крепость Седан испанцам. Герцог был помилован.

Следствие по делу Сен-Мара шло своим ходом Главный обвиняемый отрицал намерение убить первого министра. Он настойчиво твердил, что никогда не пошел бы на это без приказа короля. Сен-Мар даже рассказал о своих частых беседах с Людовиком XIII на эту тему. Но, конечно, самое тяжелое обвинение — это тайный сговор с врагом, причем с врагом, находящимся в состоянии войны с Францией. За одно только это полагается смертная казнь.

Ришелье решил провести суд со всеми формальностями, предписанными законом. А это было совсем нелегким делом. Ведь разведка Ришелье добыла лишь копию секретного договора, заключенного заговорщиками с Испанией. Кто мог удостоверить аутентичность этого документа? Здесь Ришелье снова использовал предательство герцогов Орлеанского и Бульонского. Он потребовал и получил от них письменные заявления, подтверждающие соответствие копии оригиналу договора.

Но и это было еще не все. Министр ясно дал понять канцлеру Сегье, руководившему процессом, что ожидает вынесения смертного приговора не только Сен-Мару, но и его другу де Ту, которого считал более умным и, следовательно, более опасным врагом. Между тем не было никаких доказательств прямого участия де Ту в заговоре. Он, правда, ездил по поручению Сен-Мара к герцогу Бульонскому, но еще до того, как заговор окончательно созрел. Герцог Буль-онский показал, что его разговоры с де Ту касались лишь плана поездки Гастона Орлеанского в Седан. А брат короля даже засвидетельствовал, что де Ту не раз отговаривал Сен-Мара от организации заговора. Чтобы выполнить приказ кардинала, Сегье и его коллегам не оставалось ничего другого, как сослаться на закон 1477 года, предусматривавший казнь за недонесение о готовящейся государственной измене. Этот закон с тех пор ни разу не применялся, и даже в комиссии, составленной Ришелье, трудно было рассчитывать на то, чтобы собрать большинство голосов в пользу смертного приговора.

Тогда Ришелье предписал организовать провокацию. Сен-Мару было объявлено, что де Ту дает против него показания. А вот если бывший фаворит сам признается во всем, он избежит пытки и смертной казни. После этого Сен-Мар показал, что де Ту было известно об изменнических отношениях с Испанией. На очной ставке с Сен-Маром де Ту признал, что знал о договоре с Мадридом, но только после его заключения. Он добавил, что не говорил об этом в надежде спасти друга, ради которого готов пожертвовать жизнью. Комиссии ничего больше и не требовалось. Правда, несколько судей еще колебались. Если смертный приговор Сен-Мару был вынесен единодушно, то в отношении де Ту голоса разделились. Тогда Сегье, чтобы покончить с нерешительностью некоторых членов комиссии, заявил: «Подумайте, господа, об упреках, которые посыплются на вас, если вы осудите фаворита короля и избавите от наказания вашего собрата, так как он облачен в такую же мантию, как ваша» (де Ту был парламентским советником). Оба обвиняемых были присуждены к обезглавливанию и конфискации имущества. Де Ту был приговорен одиннадцатью судьями из тринадцати, двое отказались послать его на смерть.

В тот же день, 12 сентября 1642 года, они были доставлены в карете на Плас-де-Терра, где при огромном скоплении народа были обезглавлены. Они мужественно приняли смерть, вызвав откровенную симпатию многотысячной толпы, из которой раздавались враждебные кардиналу выкрики и угрозы. «Мсье Главный, — писал Ришелье, — встретил смерть с достоинством и неким притворным презрением к ней, он был высокомерен даже на эшафоте… Господин де Ту встретил смерть с куда меньшим спокойствием, продемонстрировав, однако, глубокую набожность и смирение».

По мнению некоторых современников, разделяемому и отдельными историками, протоколы суда были частично искажены по приказу Ришелье: кардиналу важно было уничтожить следы того, что сам Людовик XIII первое время поощрял интриги Сен-Мара против всемогущего министра. Это обвинение никогда не было доказано.

25 октября Ришелье направил королю письмо, в котором пытался преподать ему уроки, вытекающие из «дела Сен-Мара». Он буквально потребовал положить конец фаворитизму как явлению, представляющему серьезную опасность для государства Король, писал Ришелье, должен управлять, опираясь только на своих министров, полностью доверять им, добиваться исполнения всех принимаемых решений, «время от времени очищать двор от злонамеренных умов… в целях предотвращения зла, которое зачастую ведет к необратимым последствиям (как это было в случае с мсье Главным), когда пренебрегают этой опасностью».

Людовик XIII в течение девяти дней не отвечал своему министру, который 5 ноября направил ему новый «меморандум» с новыми, более откровенными упреками в связи с «делом Сен-Мара». Король по-прежнему молчал.

В течение недели государственный секретарь Савиньи ведет по поручению Ришелье безнадежные переговоры с Людовиком XIII. А здоровье кардинала тем временем ухудшалось с каждым днем.

Наконец король сдался и 20 ноября передал Савиньи письмо, адресованное первому министру. Подтвердив свое полное доверие к нему, Людовик XIII обещал удалить от двора мсье де Тревиля и еще трех человек, замешанных в заговоре Сен-Мара: Тилладе, Ла Салля и Эссара. Все они были отправлены в ссылку с сохранением, правда, пенсий и званий. Король заверил Ришелье, что будет продолжать войну до тех пор, пока не обеспечит Франции мир на выгодных условиях. Ни одно территориальное приобретение в ходе войны не будет возвращено противнику.

Через четырнадцать дней Ришелье умер…

СТРЕЛЕЦКИЙ БУНТ

Россия. 1682 год

27 апреля 1682 года в возрасте 20 лет умер царь Федор Алексеевич. Его преемником мог стать либо Иван, либо Петр. На престол общим согласием всех чинов Московского государства взошел десятилетний Петр, рожденный от второй супруги царя Алексея Михайловича, Натальи

Кирилловны Нарышкиной. Четырнадцатилетний Иван, сын царя от первой его супруги, из рода Милославских.

С воцарением Петра при дворе началось усиление Нарышкиных. Это не устраивало другую придворную партию — Милославских, во главе которых стояли царевна Софья и ее фаворит Иван Михайлович Милославс-кий. Обнаружилась и сила, которая могла бы им помочь — стрельцы.

Стрелецкие полки обеспечивали порядок, выполняли карательную службу. Два полка находились на особом режиме и пользовались особыми привилегиями — сопровождали царя в поездках в монастыри, участвовали во всякого рода церемониях. Стрельцы размещались семьями в стрелецких слободах Москвы. Служба была пожизненной, а получаемое от казны жалованье — скудным. Поэтому стрельцы, обремененные семьями, вынуждены были изыскивать дополнительные доходы. Менее обеспеченные промышляли ремеслом, состоятельные совершали торговые сделки.

Стрельцы решили воспользоваться вступлением на престол нового царя и 30 апреля 1682 года обратились к правительству с жалобой на полковника Семена Грибоедова, чинившего им «налоги и обиды и всякие тесноты».

Трон занимал десятилетний ребенок, за спиной которого находилась мать — женщина, по отзыву Б.И. Куракина, совершенно не искушенная в политике: «Сия принцесса доброго темпераменту, добродетельного, токмо не была ни прилежная и ни искусная в делах, и ума легкого». Наталья Кирилловна, не располагавшая опытными советниками и пребывавшая в растерянности, удовлетворила все требования стрельцов. Грибоедова не только отстранили от должности полковника, но и подвергли наказанию батогами; с него велено было взыскать, согласно росписи, поданной стрельцами, присвоенные им деньги и уплатить стрельцам за все выполненные ими работы; его вотчины подлежали конфискации.

Одна уступка повлекла за собой другие. В тот же день правительство вынуждено было удовлетворить требования стрельцов остальных 19 полков.

Стрельцы обнаружили, что они являются хозяевами положения. Неизвестно, кому в лагере Милославских пришла в голова мысль в борьбе с Нарышкиными опереться на стрельцов: то ли опытному интригану Ивану Михайловичу, то ли коварной и честолюбивой Софье Алексеевне, мечтавшей водрузить на свою голову царскую корону. Как бы то ни было, но Милославским и Софье удалось направить гнев стрельцов в угодное для себя русло. Впрочем, осуществлению их замыслов объективно помогла сама Наталья Кирилловна, совершившая в первые дни правления ряд существенных промахов.

По обычаю тех времен, родственники царицы получали пожалования чинами и вотчинами. 27 апреля пять братьев Натальи Кирилловны (Иван, Афанасий, Лев, Мартемьян, Федор) были пожалованы в спальники. Прошло всего пять дней, как было сказано новое пожалование, вызвавшее наибольшие пересуды: 22-летний спальник Иван Кириллович был объявлен боярином, минуя чины думного дворянина и окольничего. Заговорщики же умело использовали ошибки правительства, всячески возбуждая гнев у стрельцов. «Видите, как лезут Нарышкины в гору? Им теперь все нипочем».

Итак, Наталья Кирилловна подверглась натиску с двух сторон: стрельцов и притязавших на корону Милославских. Она не могла рассчитывать на мудрость новоиспеченных спальников и боярина Ивана Кирилловича: и братья, и отец Кирилл Полиевктович не отличались ни умом, ни проницательностью, ни политическим опытом. Единственная надежда Нарышкиных — Артамон Сергеевич Матвеев, воспитатель Натальи Кирилловны, устроивший ее брак с царем Алексеем Михайловичем.

Матвеев проявлял способности в делах не только матримониальных, но и государственных: в последние годы царствования царя Алексея Михайловича он был первым министром и фактическим руководителем правительства. Но после смерти царя был отправлен Милославскими в заточение в Пустозерск. Артамону Матвееву было возвращено боярство и отряжен чиновник, стольник Алмазов, пригласить его немедленно в Москву.

В Москве Матвеев появился только вечером 12 мая. В день приезда ему оказали еще одну милость — возвратили все конфискованные вотчины. Если Наталья Кирилловна с нетерпением ждала приезда Матвеева и практически бездействовала, то Милославские и Софья развили

бурную деятельность и, по образному выражению СМ. Соловьева, «кипятили заговор», по ночам в дом к Милославским приезжали представители стрелецких полков, а от покоев Софьи разъезжали по слободам ее эмиссары, не жалевшие ни вина, ни денег на подкуп стрельцов. Боярин Иван Михайлович Милославский нашел себе помощников — родственника Александра Ивановича Милославского, человека «злодейственного и самого грубияна», двух племянников, Ивана и Петра Андреевичей Толстых, «в уме зело острых и великого пронырства и мрачного зла исполненных», как описывает их молодой Матвеев, оставивший записки о событиях того времени. Из стрелецких начальников привлечены были подполковник Иван Цыклер, «кормовой иноземец», и Иван Озеров, из низшего новогородского дворянства. Между рядовыми стрельцами выбрали человек десять поверенных. Посредницей стала казачка Федора Семенова, которая переносила вести от царевны к Ивану Милославскому, от того — в стрелецкие слободы, из слобод — к Софье.

Прибытие в Москву Матвеева нисколько не укрепило позиций нарышкинской «партии». Возможно, Матвеев не оценил меры опасности, нависшей над Нарышкиными. Какие ответные меры замышлял Матвеев, неизвестно. Во всяком случае, до полудня 15 мая не было предпринято что-либо в отношении стрельцов. А в полдень уже было поздно — по зову набата, с развернутыми знаменами к Кремлю двигались вооруженные стрелецкие полки. Пока Матвеев докладывал об этом царице и размышлял, стоит ли закрывать кремлевские ворота и принимать меры для безопасности царской семьи, стрельцы с барабанным боем ворвались в Кремль.

Поводом для внезапного появления стрельцов в Кремле явились слухи о том, что Нарышкины «извели» царевича Ивана. Их распространяли активные сторонники Софьи и Милославских. Старший из Толстых разъезжал по стрелецким слободам и возмущал стрельцов слухами. Он грозил новыми несправедливостями и предсказывал перемены к худшему. Стрельцам внушалось, что их ждут казни, а потому настало время проявить силу.

Узнав о причине волнения стрельцов, царица Наталья вместе с патриархом и боярами вышла на Красное крыльцо с царевичами Иваном и Петром. Внизу бушевало разгневанное войско.

После того как обман обнаружился, среди стрельцов наступило минутное оцепенение, сменившееся новым взрывом их негодования. Несколько стрельцов взобрались по лестнице на крыльцо и стали расспрашивать Ивана, подлинный ли он царевич. Казалось бы, что, убедившись в добром здравии царевича, стрельцы должны были разойтись по домам. Но в том-то и дело, что вопрос о царевиче являлся всего лишь поводом для появления стрельцов в Кремле. Лица, руководившие стрельцами и направлявшие их недовольство против Нарышкиных, подбросили им список «изменников-бояр», подлежавших уничтожению.

Разгулу страстей помогли руководители Стрелецкого приказа отец и сын Долгорукие — бояре Юрий Алексеевич и Михаил Юрьевич. В тот самый момент, когда в толпе стрельцов раздались вопли о выдаче «изменников-бояр», Михаил Долгорукий обратился к ним с грубостью победителя: «Ступайте по домам, здесь вам делать нечего, полно буянить1 Все дело разберется без вас!»

Стрельцы пришли в бешенство. Некоторые из них взобрались на крыльцо, схватили Михаила Долгорукого и сбросили на копья своих товарищей, стоявших внизу. На копья полетели тела других бояр и «изменников», оказавшихся в списке. Среди них — бояре А.С. Матвеев и И М. Языков, стольник Федор Петрович Салтыков, убитый по ошибке вместо брата царицы Ивана Кирилловича другой ее брат, Афанасий Кириллович, думный дьяк Ларион Иванов и др. Стрельцы глумились над убитыми — волокли трупы по земле, выкрикивая: «Вот боярин Артамон Сергеевич, вот Долгорукий, вот думный едет, дайте дорогу!»

Не угомонились стрельцы и на следующий день. 16 мая они востребовали на расправу Ивана Кирилловича Нарышкина. Царевна Софья сказала мачехе: «Брату твоему не отбыть от стрельцов; не погибать же нам всем из-за него». Царица вынуждена была пожертвовать братом Того сначала отвели в застенок Константиновской башни, где подвергли пытке, добиваясь признания в измене. Несмотря на то что Иван Кириллович выдержал пытку, стрельцы вывели жертву на Красную площадь и изрубили на куски. Вслед за Иваном Кирилловичем был казнен царский доктор немец Даниил фон Гаден, обвиненный в отравлении царя Федора. От него тоже пытками добивались признания в злодеянии и не получили желаемых результатов.

Руководителям заговора хотелось, чтобы род Нарышкиных был полностью изведен, и они подсказали стрельцам предъявить царице Наталье Кирилловне новые требования. 18 мая в челобитной на имя Петра они пожелали, чтобы его дед, Кирилл Полиевктович, был пострижен в монахи, а еще через два дня новая «просьба», звучавшая как ультиматум, выслать из Москвы оставшихся в живых Нарышкиных «Просьбы» стрельцов тотчас удовлетворили: всех родственников разослали в дальние края — на Терек и Яик, в Пустозерск держали путь Мартемьян и Лев Кирилловичи.

В итоге майских событий Нарышкины были либо перебиты, либо сосланы. Милославские и Софья стремились теперь закрепить победу юридически. На сцене вновь появляются стрельцы. 23 мая в очередной челобитной они потребовали, чтобы страной управляли оба брата, а 26 мая — чтобы первым царем считался старший из них, Иван Алексеевич. Патриарх совершил в Успенском соборе торжественное молебствие о двух нареченных царях. Бояре и дьяки, державшие сторону Петра, присягнули поневоле второму царю, опасаясь возобновления страшных явлений 15 мая.

Еще через неделю стрельцы объявили через своего начальника, князя Хованского, чтобы царевна Софья Алексеевна взяла на себя управление государством по причине малолетства братьев. Она согласилась, и тотчас во все города полетели известительные грамоты с примером из римской истории, где по кончине императора Феодосия в малолетство сыновей его, Аркадия и Гонория, управляла империей их сестра Пульхерия.

Казалось, Софья достигла желанной цели. Между тем стрельцы вышли из-под влияния Софьи и Милославских. Хозяевами положения в столице стали стрельцы во главе с новым руководителем Стрелецкого приказа Иваном Андреевичем Хованским. Он так умело лавировал, потакая стрельцам и обнадеживая Софью, что летом 1682 года олицетворял власть в Москве.

20 августа 1682 года Софья покинула столицу, прихватив с собой обоих царевичей, и отправилась в сопровождении свиты в Коломенское. Столь решительная мера привела надворную пехоту в смятение, и в Коломенское направилась депутация, цель которой — убедить Софью и ее окружение в ложности слухов, «будто у них, у надворные пехоты, учинилось смятение и на бояр, и на ближних людей злой умысел».

Софья, пока еще не уверенная в своих силах, решила не обострять отношений со стрельцами и дала им уклончивый ответ. В указе, врученном представителям надворной пехоты, сказано: «…им, великим государям, про их умысел, также и про тайные по полку в полк пересылки неведомо», поход в Коломенское предпринят «по своему государскому изволению», аналогичные походы бывали и прежде. Софье надо было выиграть время для мобилизации сил, способных противостоять мятежным стрельцам. Такой силой было дворянское ополчение. От имени царей она и обратилась к дворянам с призывом срочно собираться у стен Троице-Сергиева монастыря.

Сама Софья добиралась к Троице кружным путем, через Звенигород, куда прибыла 6 сентября. В Савво-Сторожевском монастыре ей организовали торжественную встречу. Из Звенигорода царский кортеж повернул в сторону Троицы, с продолжительной остановкой в селе Воздвиженском, откуда Софья и решила нанести стрельцам сокрушительный удар. Ей удалось успешно осуществить коварный план.

Под предлогом торжественной встречи сына украинского гетмана Ивана Самойловича Софья от имени царей предложила боярским чинам, а также стольникам, стряпчим и дворянам московским прибыть в Воздвиженское к 18 сентября. «А которые бояре и окольничие и думные люди в отпуску, и им из деревень своих быть к ним, великим государям, в поход всем к тому же числу». Указ о явке в Воздвиженское получил и Иван Андреевич Хованский, причем подлинная цель вызова князя маскировалась возлагаемой на него обязанностью обеспечить явку бояр и прочих служилых людей, чтобы их «было немалолюдно». Эти грамоты рассылались 14 сентября, а спустя три дня боярину Михаилу Ивановичу Лыкову было велено возглавить отряд стрельцов, стряпчих, жильцов и прочих, чтобы «князя Ивана Хованского и сына ево князя Андрея взять в дороге. . и привезти в село Воздвиженское». Боярин Лыков в точности выполнил указ царей: И.А. Хованского изловили под селом Пушкином, а сына его — в собственной деревне.

Приглашением правящей верхушки в Воздвиженское Софья обезглавила стрелецкое движение, лишив его Хованского.

Как только Хованских доставили в Воздвиженское, тут же состоялся суд. В роли судей выступили наличные члены Боярской думы. Они без следствия приговорили отца и сына к смертной казни. Приговор был немедленно приведен в исполнение «в селе Воздвиженском на площади у большой Московской дороги».

Казнь Хованских не сняла напряженности в столице. Софья и оба царя все еще находились в опасности из-за одного просчета царевны — она оставила на свободе младшего сына князя Ивана Андреевича, тоже носившего имя Иван, и племянника князя Ивану Ивановичу удалось бежать в Москву, где он ночью пытался поднять стрельцов на новое выступление уверениями, «будто отец его, князь Иван, и брат его, князь Андрей, казнены напрасно и без розыску». Стрельцы были обеспокоены не столько казнью отца и сына Хованских, сколько слухом о боярах, которые идут к Москве избивать их, стрельцов. Поэтому агитация сына и племянника казненного И.А. Хованского на первых порах имела успех.

18 сентября в полки надворной пехоты был отправлен увещевательный указ, чтобы стрельцы не верили «прелестным и лукавым словам» родственников казненных и проявили благоразумие. Указ заверял стрельцов, что царского гнева на них нет и они могут «безо всякого сумнительства и опасения» положиться на царскую милость.

Убедившись в безопасности пребывания в столице, Софья решила вернуться в Москву. 2 ноября правивший Москвой боярин Головин получил указ о подготовке к торжественной встрече царей и Софьи.

Участники бунта получили сравнительно мягкие наказания: лишь немногие из них были казнены, значительная часть их оказалась на свободе. Софья и Милославские не были заинтересованы в раздувании дела — это принесло бы им сплошные неприятности, ибо только подтвердило бы их явную причастность к бунту. Софья и Милославские благоразумно решили остаться в тени. После усмирения стрелецкого бунта, наступило семилетнее правление Софьи.

ЗАГОВОР СОФЬИ АЛЕКСЕЕВНЫ ПРОТИВ ПЕТРА

Россия. 1689 год

Освоившись с положением правительницы и привыкнув к власти, Софья не собиралась до конца своих дней оставаться правительницей и исподволь готовила дворцовый переворот, с тем чтобы стать самодержицей. Но для этого надо было лишить Петра права на престол. Своему новому фавориту, Федору Шакловитому, она поручила выведать, как отнесутся стрельцы к ее воцарению. Первые шаги в этом направлении Софья и Шакловитый предприняли еще в 1687 году, когда Федор призвал к себе стрелецких начальников, внушавших ему доверие, и «казал им челобитную, чтоб ей, великой государыне благоверной царевне, венчаться царским венцом». Начальники дали уклончивый ответ: «Воля-де в том государская». Софье пришлось отказаться от немедленного выполнения замысла.

Прошло два года, и Софья решила возобновить свои домогательства на трон. Шакловитый велел стрельцам говорить, «будто князь Борис Алексеевич [Голицын] и Лев Кириллович [Нарышкин] с братьями хотят известь великую государыню благоверную царевну Софью Алексеевну». Да и сама Софья жаловалась стрельцам: «Житье-де наше становится коротко, царя-де Иоанна Алексеевича ставят ни во что, а меня-де называют там [в Преображенском] девкою, будто-де я и не дочь царя Алексея Михайловича». Своим главным противником заговорщики считали Б.А. Голицына.

За участие в предполагаемом бунте стрельцам было обещано вознаграждение. В 1689 году рядовые получали по одному-два рубля, командный состав — от пяти до десяти и даже до ста рублей. Более того, стрельцам было дозволено безнаказанно грабить дома убитых. «А как их побьют, — уговаривал стрельцов Шакловитый, — и кто что в домах их возьмет, и то все перед ними, также-де и сыску никакого не будет». Впрочем, сами стрельцы не намеревались довольствоваться ограблением убитых. Доверенное лицо Шакловитого Никита Гладкой говорил стрельцам: «…ныне-де терпите да ешьте в долг, даст-де Бог, будет ярмонка —

станем-де боярские дворы и торговых людей лавки грабить и сносить в дуван».

Ночью по улицам Москвы в сопровождении стрелецких капитанов ездил подьячий Матвей Шошин, нарядившийся в такой же белый атласный кафтан, какой носил Лев Кириллович Нарышкин. Шошин хватал стоявших на карауле стрельцов и велел зверски избивать их, поручив вопить одному из спутников: «Лев Кириллович! За что бить до смерти! Душа христианская». Сам ряженый приговаривал: «Бейте-де гораздо, не то-де им будет — заплачу-де им смерть братей своих». Потерпевших доставляли в Стрелецкий приказ, и они там на допросах, введенные в заблуждение маскарадом, показывали, что стали жертвами Льва Кирилловича. Таким способом Софья и ее сторонники пытались вызвать озлобление стрельцов против Нарышкиных. Сторонники Софьи прибегали и к запугиванию стрелецких командиров расправами, если у власти останутся Нарышкины. Шакловитый говорил пятидесятникам. «А мутит-де всем царица Наталья Кирилловна, а перевесть-де нас хотят тем: меня-де хотят высадить из приказу вон, и вас-де, которые ко мне в дом вхожи, разослать хотят всех по городам».

Шакловитый предложил верным стрельцам написать челобитную с просьбой, чтобы Софья венчалась на царство. Большинству стрелецких командиров предложение руководителя Стрелецкого приказа повторить события весны и лета 1682 года показалось рискованным. Они отклонили предложение под благовидным предлогом, что не умеют писать челобитные.

Привлечь стрелецких начальников к заговору не удалось: поговорив, они на том и разошлись, получив от Шакловитого щедрую мзду. Осуществление переворота пришлось на некоторое время отложить, хотя часть стрельцов была готова к решительным действиям.

8 июля 1689 года произошел первый публичный скандал. Во время крестного хода царевна Софья пошла со святой иконой вместе с двумя государями, что было неслыханным делом. Петр потребовал, чтобы царевна не выступала наравне с царями. Софья наотрез отказалась, Петр гневно покинул церемонию и уехал в Коломенское

Назревала решающая схватка в борьбе за власть, и произошла она по внешнеполитическому поводу. Петр отказался подписать манифест о наградах за злополучный второй крымский поход. С большим трудом, после многочисленных просьб, все же удалось уговорить его утвердить манифест. Но когда Голицын и его приближенные явились в Преображенское благодарить за награды, то Петр отказался принять их. Атмосфера накалилась до предела, Софья была вне себя от ярости и от вожделения овладеть всей самодержавной властью. Но для этого надо было устранить Петра. Как это сделать? Семь лет ее правления дали неутешительный итог. Авторитета и славы она не приобрела. Развязка наступила неожиданно.

В ночь с 7 на 8 августа 1689 года в Кремле поднялась тревога, стрельцы взялись за ружья, кто-то пустил слух, что потешные из Преображенского идут в Москву. На Лубянке собрали второй отряд в 300 человек Для чего их поставили под ружье, никто толком не знал. Но двое из тех, что предпочитали Петра, ночью помчались в Преображенское и, разбудив, предупредили царя.

Петр бросился в одной рубашке в ближайшую рощу. Ему принесли одежду и седло, и он всю ночь скакал в сопровождении нескольких человек в Троице-Сергиев монастырь, за толстыми стенами которого семь лет назад укрывалась Софья.

Изнуренный долгой скачкой, Петр прибыл в монастырь утром 8 августа, бросился к архимандриту и рассказал о случившемся, прося защиты. В тот же день в Троицу прибыли в полном боевом порядке преображенцы и семеновцы, а также верный Петру стрелецкий полк Сухарева. Приехала в монастырь и царица Наталья Кирилловна.

Троице-Сергиев монастырь был не только неприступной крепостью с высокими прочными стенами, восемью башнями, над которыми сверкали купола тринадцати церквей. Несколько раз крепость героически выдерживала осаду поляков. Но Троица для русских — еще и святое место, символ и оплот веры и национальной независимости. Уже одно то, что законный царь вынужден был искать убежище в Троице, усиливало негодование против узурпации власти Софьей. Истинным руководителем всей этой борьбы был не растерявшийся Петр, но князь Борис Алексеевич Голицын, двоюродный брат Софьиного фаворита.

В Кремле узнали о бегстве Петра только к концу дня 8 августа Ранним утром Софья в сопровождении отряда стрельцов пошла «на службу» в Казанский собор и только по

возвращении, после роспуска стрельцов по слободам, ей сообщили о случившемся в Преображенском.

Возникло два вооруженных лагеря: один находился в Кремле, где в распоряжении Софьи находились стрелецкие полки; другой — в Троице-Сергиевом монастыре с ничтожной вооруженной опорой. Дальнейшие события развивались так, что Софья постепенно утрачивала свой перевес, а Петр его приобретал.

9 августа от имени Петра старшему брату, Ивану, и правительнице Софье была направлена грамота, потребовавшая объяснений причин скопления стрельцов в Кремле 7—8 августа. Софье пришлось оправдываться: первоначально она, дескать, намеревалась отправиться в Донской монастырь, а затем передумала и посетила Казанский собор. Лучшим выходом из создавшейся ситуации Софья считала примирение со сводным братом И в этом направлении предприняла несколько шагов.

13 августа правительница направила к Троице боярина Ивана Борисовича Троекурова с поручением уговорить Петра вернуться в Москву. Троекуров вернулся ни с чем. Затем в монастыре появился «дядька» царя Ивана с таким же поручением, исходившим уже не от Софьи, а от царя. Боярин Петр Иванович Прозоровский тоже не добился успеха. Тогда царевна решила воспользоваться услугами Иоакима, но тот, симпатизируя Петру, остался при нем.

Наконец царевна решилась на последний шаг: 27 августа после молебна в Успенском соборе и посещения Воздвиженского и Чудова монастырей она сама в сопровождении бояр отправилась к Троице, но в пути получила от спальника Петра Ивана Даниловича Гагина предписание вернуться в Москву. Софья ослушалась и продолжала свой путь. В селе Воздвиженском, что в 10 верстах от Троице-Сергиева монастыря, к ней прибыл посланец Петра боярин Иван Борисович Троекуров с требованием вернуться в Москву и с угрозой, что в противном случае с нею будет поступлено «нечестно». Софье пришлось повиноваться 31 августа она возвратилась в столицу, заявив стрельцам. «Чуть меня не застрелили. В Воздвиженском прискакали на меня многие люди с самопалами и луками. Я насилу ушла и поспела к Москве в 5 часов».

Софья отчаянно боролась за власть. Она просит поддержки, жалуется на Петра, на Нарышкиных и на Бориса Голицына. Софья обвиняет их в злых умыслах против нее. Угрозы и обещания наград перемешаны в ее пылких речах с перечислением своих заслуг, в основном мнимых. Любопытно, что царевна больше всего напирает на успехи во внешней политике: «Всем вам ведомо, как я в эти семь лет правительствовала, учинила славный вечный мир с христианским соседним государством, а враги креста Христова от оружия моего в ужасе пребывают». Такими доводами Софья вряд ли могла воодушевить своих сторонников. Все помнили о позорном провале крымских походов.

Попытка царевны разжалобить стрельцов успеха не имела. Вместе с Шак-ловитым Софья не могла удержать в повиновении солдатские и стрелецкие полки. По вызову Петра в Троице-Сергиев монастырь прибывали один за другим командиры солдатских и стрелецких полков с подчиненными им солдатами и стрельцами. Там стрелецкие начальники сообщили царю о тайных совещаниях, созванных Шакловитым, о его попытке совершить дворцовый переворот. Последовало требование, настойчиво трижды повторенное, выдать Шакловитого.

4 сентября в Троицын монастырь прибыли все служилые иностранные офицеры во главе с генералом Гордоном. Перед этим, конечно, посоветовались с послами и резидентами. Это уже выглядело, как признание Европой царем Петра. 6 сентября стрельцы добились от Софьи выдачи Шакловитого и его сообщников Петру. На дыбе после первых ударов кнута заговорщик признался в замыслах убийства Петра и его сторонников; он выдал всех. Шакловитого и двух его самых близких сообщников осудили на смерть. Как сообщает СМ. Соловьев, Петр, не привыкший еще к жестоким нравам тех суровых времен, не соглашался на казнь, и только сам патриарх смог уговорить его. Когда же некие служилые люди потребовали подвергнуть Шакловитого перед казнью самой жестокой пытке, уже не нужной для дознания, то Петр наотрез отказал им.

Софья вскоре была отправлена под стражей в Новодевичий монастырь, а ее фаворит князь Василий Голицын — в ссылку. Иностранные дипломаты срочно послали в свои страны донесения, что в Москве отныне царствует Петр.

Выдача Шакловитого означала, что после продолжавшейся месяц борьбы Софья потерпела полное поражение. Петр и его сторонники вполне овладели положением. Стрельцы вышли встречать ехавшего в Москву царя, в знак покорности легли вдоль дороги на плахи с воткнутыми топорами и громко просили о помиловании.

Еще продолжался розыск над Шакловитым, а Петр, находясь в Троице, отправил брату Ивану письмо с предложением, более напоминавшим требование, отстранить Софью от власти. «Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас». Под «зазорным лицом» подразумевалась царевна Софья Алексеевна, которая не удостоена была полного имени и названа «С. А.». Далее Петр испрашивал разрешения, «не отсылаясь к тебе, государю, учинить по приказам правдивых судей, а не приличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре». Письмо подводило итоги придворной борьбы и свидетельствовало о торжестве группировки Нарышкиных. Объявленная «зазорным лицом», Софья в конце сентября 1689 года была заточена в Новодевичий монастырь, где провела 14 лет и умерла в 1704 году.

Другим следствием переворота следует считать фактическое отстранение от дел слабоумного брата Ивана. Хотя в письме Петр и выразил готовность почитать своего старшего брата «яко отца», но эти слова имели чисто декоративное значение — управление страной сторонники Петра взяли в свои руки. К царю Ивану «не отсылались» не только тогда, когда формировали новое правительство, но и в последующие годы. Он вплоть до своей смерти номинально исполнял царские обязанности, по традиции присутствовал на приемах посольств, участвовал в церковных церемониях, его имя упоминалось во всех официальных актах наряду с именем Петра.

Петр на всю жизнь запомнил этот суровый урок судьбы и лет через двадцать сказал П. А. Толстому. «Едва ли кто из государей сносил столько бед и напастей, как я. От сестры Софьи был гоним жестоко; она была хитра и зла».

ЯКОБИТСКИЙ ЗАГОВОР ПРОТИВ ВИЛЬГЕЛЬМА III

Англия. 1696 год

В 1688 году штатгальтер (правитель) Республики Соединенных Провинций (Северные Нидерланды) Вильгельм III Оранский осуществил успешную высадку на берегах Британии и стал английским королем. Свергнутый Яков II нашел убежище во французском местечке Сен-Жермен. Людовик XIV поддерживал Якова не столько из любви к нему, сколько из ненависти к Вильгельму III.

Был ли популярен новый король в Англии? Главной его политической опорой были виги, чьим интересам отвечали его мероприятия. Вильгельм совсем не был популярен среди аристократической землевладельческой верхушки и части крестьянства, особенно католического вероисповедания. Налоги, ряд неурожайных лет, большие расходы на армию, на чем наживались военные поставщики, создавали невысокое мнение о нем. *

Не прошло и нескольких месяцев после восшествия Вильгельма на трон, как молва стала с теплотой поминать Якова И. Поговаривали даже, что если бы бывший король обратился в англиканскую веру, его бы ждала триумфальная встреча в Лондоне.

В такой обстановке созрел в 1696 году якобитский заговор, ставивший целью свергнуть новое правительство путем организации покушения на Вильгельма III (тем более что умерла его жена королева Мария, дочь Якова И, и «узурпатора» можно было представлять иностранцем, не имеющим никакого права на английский престол).

В феврале 1696 года в Англию по поручению Якова II тайно прибыл его сын (от Арабеллы Черчилль) Джеймс Фитцджеймс, герцог Бервик, впоследствии получивший широкую известность как французский маршал «Для Бервика не существовало ни своей страны, ни нации, — утверждает историк Е. Черняк, — дворянский космополитизм и преданность католической церкви заменяли ему патриотическое чувство, родину, позволяли без всякого внутреннего надлома, без угрызений совести сражаться против своего отечества, служить планам фактического превращения его в вассала французского короля».

Для соблюдения тайны в Париже было объявлено, что Бервик отправился инспектировать ирландские полки французской армии. На деле он переодетым, на шхуне контрабандистов пересек пролив и высадился на английском побережье. Разведка Вильгельма сразу обнаружила прибытие Бервика Было издано правительственное заявление, обещавшее 1000 фунтов стерлингов за его поимку. Главной задачей Бервика было убедить лидеров якобитов начать восстание, без чего Людовик XIV не соглашался предпринять попытку высадки французских войск в Англии. Однако, как рассказывает Бервик в своих «Мемуарах», он натолкнулся на отказ Якобитские лидеры указывали, что, как только правительство обнаружит приготовления к вооруженному выступлению, оно немедленно пошлет флот блокировать французские гавани, это воспрепятствует отправке десанта и обречет восстание на неудачу.

Находясь в Лондоне, Бервик получил известие о подготовке якобитами покушения на Вильгельма и решил, чтобы не оказаться прямо замешанным в заговоре, немедля покинуть Англию. Добравшись до побережья, он расположился в таверне. Через два часа в комнату ворвалась группа вооруженных людей. Казалось, все было кончено, но Бервик узнал капитана шхуны контрабандистов, разыскивавшего своего пассажира. Вскоре корабль доставил Бервика в Кале. По дороге в Париж он видел заполненные солдатами гавани, готовилось вторжение в Англию.

Заговор, о котором узнал Бервик, был подготовлен другим посланцем Якова II — сэром Джорджем Беркли. Он имел при себе собственноручно написанную Яковом II инструкцию, предписывавшую совершить против Вильгельма III любые действия, которые Беркли сочтет правильными и осуществимыми. Одновременно якобитская разведка переправила поодиночке в Англию около 20 телохранителей Якова И, на решимость которых можно было положиться. Среди них был и бригадир Амброзии Роквуд — потомок одного из участников «порохового заговора». Еще 20 человек Беркли и его сообщники постарались завербовать на месте. План сводился к нападению на Вильгельма, когда он, возвращаясь с охоты в местечке Тернхем-грин, будет переплывать на лодке реку.

15 февраля 1696 года 40 вооруженных всадников поджидали возле Тернхем-грин короля и его небольшую свиту. Близ Дувра было все подготовлено, чтобы зажечь большой костер— условный сигнал, который был бы виден на французском берегу. Но король не появился. Разведка Вильгельма III узнала о заговоре, если верить официальной версии, благодаря добровольному покаянию одного из злоумышленников. Глава секретной службы Бентинк, граф Портленд, был предупрежден одним из заговорщиков, а потом к нему явился молодой католик Пендерграс, который тоже советовал отложить королевскую охоту. Пендерграс, однако, отказывался называть имена заговорщиков, несмотря на личное обещание Вильгельма, что эти сведения будут использованы только для предотвращения преступления. Но правительство знало уже достаточно. Заговор выдал и еще один его участник капитан Фишер Вечером в субботу, 18 февраля, многие заговорщики были арестованы в таверне «Блю посте», но Беркли успел скрыться Один из конспираторов, Портер, сразу же, спасая себя, вызвался стать свидетелем обвинения А Портер был как раз тем лицом, которого не хотел выдавать Пендерграс. Теперь у того тоже исчезли причины молчать. Руководители покушения были казнены.

Известие о раскрытии заговора вызвало большое возбуждение Парламент временно приостановил действие акта о неприкосновенности личности. В одном только Лондоне были арестованы 330 человек Было решено, что в случае кончины монарха парламент не будет считаться распущенным и должен обеспечить установленный после 1688 года порядок престолонаследия.

Однако заговор вызвал потрясения в правительственном лагере, на которые вряд ли первоначально рассчитывали в Сен-Жермене. Наряду с арестами участников покушения были произведены аресты среди оказывавших содействие заговорщикам. В их числе был и Томас Брюс, граф Эйлсбери. Якобиты пытались подкупить свидетелей двух ирландцев, являвшихся агентами секретной службы Портера. Тот принял 300 гиней, но не скрылся, как обещал, а вызвал стражу, арестовавшую агента, через которого он вел переговоры с якобитами, цирюльника Кленси.

В своих показаниях арестованные заговорщики назвали генерала Джона Фенвика. Тот

бежал и надеялся добраться до побережья, где его ждал французский корабль. Однако генерала случайно опознали при аресте двух контрабандистов. Но Фенвику снова удалось скрыться. Власти организовали настоящую облаву и наконец нашли его, спрятавшегося в какой-то лачуге. В Тауэре Фенвик чиркнул записку своей жене (это она пыталась устранить неугодных свидетелей против Эйлсбери) с просьбой подкупить присяжных. Одновременно генерал сообщил, что готов открыть все известное ему о заговорщиках. Он обвинил важнейших министров и сановников Мальборо, Рассела, Годолфина и Шрюсбери. Однако генерал не выдал никого из подлинных якобитов, а указал лишь на влиятельных политиков, дававших на всякий случай обещания Якову И. Фенвик, по-видимому, рассчитывал вызвать смятение в правительственных кругах, заставить Вильгельма III расправиться с лицами, влияние которых было крайне важно для упрочения его трона.

Проницательный Вильгельм сразу же понял смысл игры. Король понимал, что показания Фенвика нельзя было признавать истинными, чтобы не вызвать серьезных потрясений. И Вильгельм, находившийся в Голландии, отправил обратно присланные ему показания Фенвика, сообщив, что содержащиеся в них обвинения бессмыслица и они нисколько не могут поколебать его доверие к членам Тайного совета, ставшим жертвами таких обвинений. Все же разоблачения Фенвика вызвали большое возбуждение в парламенте, тем более что они касались не только тори, связи которых с якобитами были известны, но и вигов.

Палата общин вызвала Фенвика для дачи показаний. Якобит также предстал и перед королем. В обоих случаях Фенвик отказался представить какие-либо доказательства своих утверждений. Возможно, что он и не располагал ими, лишь повторяя слухи, ходившие среди якобитов. Своими обвинениями Фенвик не достиг цели и вместе с тем возбудил против себя ненависть влиятельных лиц. Однако для вынесения приговора Фенвику как виновному в измене требовались по закону показания не менее двух лиц. Вначале власти располагали двумя такими свидетелями, но якобитскому подполью удалось подкупить (или запугать) одного из них, и тот поспешно покинул страну Тогда палата общин прибегла к последнему оружию — приняла направленный против Фенвика акт об осуждении. После жарких прений акт был одобрен также палатой лордов и получил подпись Вильгельма III. Джон Фенвик был обезглавлен на Тауэр-хилл.

«Стоит отметить, — подчеркивает Е. Черняк, — что якобиты, с волнением наблюдавшие за парламентскими дебатами по делу Фенвика, не захотели или не имели возможности представить документы, подтверждавшие его слова. Но это еще далеко не значит, что таких документов не было в природе Интересно отметить, что Эйлсбери не подтвердил показания Фенвика После этого Эйлсбери еще некоторое время продержали в Тауэре, пока не утихли страсти, вызванные делом Фенвика, и выпустили на свободу».

ЗАГОВОР ПРОТИВ МЕНШИКОВА

Россия. 1727 год

Падение Александра Даниловича Меншикова открывает череду дворцовых переворотов в России XVIII века. Это был действительно чисто дворцовый переворот, в котором не пришлось участвовать даже гвардейцам.

Петр I в последние годы жизни весьма охладел к фавориту, и мало кто сомневался, что Меншикову грозит опала. Смерть государя не только спасла светлейшего от больших неприятностей, но и позволила ему вновь занять место первого человека у трона. Пришедшая благодаря его усилиям к власти Екатерина до конца своей жизни испытывала сильное влияние Меншикова.

Но Екатерина болела, и многим было ясно, что Меншиков может скоро лишиться высокого покровительства. При всем своем «полудержавном» могуществе со смертью Екатерины он оказывался перед весьма неприятным выбором. Если престол достанется одной из дочерей Петра I и Екатерины — Анне либо Елизавете, то при дворе неимоверно вырастет значение мужа принцессы Анны — герцога Голштинского В том же случае, если трон перейдет к юному Петру, внуку Петра I и сыну его казненного сына Алексея, Меншикову грозила месть

со стороны императора за участие князя в деле царевича Алексея. Так что Александру Даниловичу пришлось рисковать.

Меншиков решил женить великого князя Петра и свою старшую дочь пятнадцатилетнюю Машу. Согласие императрицы на этот брак было получено довольно быстро.

Дело в том, что вдова Петра Великого даже на пороге смерти думала больше об удовольствиях. Ей понравился молодой, изящный, красивый жених княжны Меншиковой — сын литовского гетмана граф Петр Сапега. Меншиков заметил, что императрица весьма благосклонно посматривает на Сапегу. Александр Данилович отправился к Екатерине, и они о чем-то долго говорили. Вернувшись домой, светлейший запретил Марии видеться с женихом, а сам Сапега был взят ко двору.

Светлейший, добиваясь брака своей дочери с будущим наследником престола, бросал на произвол судьбы тех, с кем он победил при воцарении Екатерины в 1725 году. Особенно обеспокоился граф Петр Андреевич Толстой. Начальник Тайной канцелярии почувствовал опасность' приход к власти Петра II означал бы для него конец карьеры, а возможно, и жизни.

Тревожились за свое будущее и генерал Иван Бутурлин, приведший ко дворцу гвардейцев в январскую ночь 1725 года, генерал-полицмейстер Петербурга Антон Девиер, обер-прокурор Сената Григорий Скорняков-Писарев. Они ясно видели, что, выдавая свою дочь за великого князя, светлейший их предает.

Толстой, герцог Голштинский, Анна Петровна и другие пытались убедить Екатерину отказать Меншикову и передать престол Елизавете. Но императрица была непреклонна, да и Александр Данилович действовал очень решительно Как-то в разговоре с французским посланником Ж.Ж. Кампредоном он заявил «Петр Андреевич Толстой во всех отношениях человек очень ловкий, во всяком случае, имея дело с ним, не мешает держать добрый камень в кармане, чтобы разбить ему зубы, если бы он вздумал кусаться».

Меншиков приказал именем Екатерины арестовать своего шурина Девиера, который позволил себе неблаговидные высказывания в адрес светлейшего Тотчас нарядили следственную комиссию из послушных Меншикову людей Девиера потащили в застенки, пытали, и он выдал своих «сообщников», среди которых фигурировал и Толстой Начальник Тайной канцелярии был арестован.

Допросы начались 26 апреля 1727 года, а уже 6 мая Меншиков доложил императрице об успешном раскрытии «заговора мятежников» И в тот же день — за несколько часов до смерти — Екатерина подписала подготовленный светлейшим указ о лишении «заговорщиков» чинов, званий, имущества, наказании их кнутом и ссылке в дальние края. Вслед за Антоном 'Девиером, сосланным в Сибирь, на поселение в деревню отправилась и его жена Анна Даниловна — младшая сестра Менши-кова Примечательно, что в комиссии, решавшей судьбу «заговорщиков», восседал один из лидеров родовитой оппозиции — князь Дмитрий Михайлович Голицын.

Меншиков торжествовал победу Но тогда, в мае 1727 года, он не знал, что пройдет всего лишь четыре месяца — и судьба Толстого станет и его судьбой: оба они умрут в одном году— в 1729-м, Толстой— в каземате Соловецкого монастыря, а Меншиков — в Березове, в глухой сибирской ссылке.

«Расправа с Толстым, Бутурлиным, Девиером и Скорняковым-Писаревым принадлежит едва ли не к самым значительным промахам Александра Даниловича, — замечает российский историк Н Павленко — На первый взгляд может показаться, что, отправив противников в ссылку, светлейший укрепил свое положение, ибо соперники сметены и он без помех мог осуществить мечту жизни В действительности Меншиков не укрепил, а ослабил свои позиции, так как ссылкой недавних союзников он создал вокруг себя вакуум — ему теперь не на кого было опереться, и он остался наедине с [вице-канцлером] Остерманом, состязаться с которым в умении плести интриги ему недоставало ни ловкости, ни характера»

Завещание Екатерины (в подлинности которого, впрочем, кое-кто высказывал сомнения) было оглашено на другой день после смерти императрицы — 7 мая Под окнами дворца опять стояли гвардейские полки Но демонстрировать силу не было необходимости — великого князя единодушно признали императором Петром II

Одиннадцатилетний император пожаловал будущего своего тестя званиями полного

адмирала, а позже и генералиссимуса 16 мая состоялось погребение императрицы, а 22-го числа все члены Верховного тайного совета, созданного еще в феврале 1726 года и фактически правившего Россией, без каких бы то ни было возражений согласились с волей покойной, касавшейся будущей женитьбы Петра II 24 мая архиепископ Феофан Прокопович совершил обручение юного царя и княжны Марии Александровны Меншиков, казалось, достиг всех своих целей, к тому же ему удалось избавиться от герцога Голштинского, по сути дела, выслав его с женой из России.

Н. П. Вильбоа, француз на русской службе, контр-адмирал, писал «Меншиков удалил от дел и от двора многих, не скрывавших отвращения своего от предложенной женитьбы царя и могших тому воспротивиться; иные даже сосланы были в Сибирь за выдуманные преступления Но или не знал Меншиков нерасположение к нему князей Долгоруких и графа Остермана, из робости и для выигрыша времени казавшихся оправдывавшими все его намерения, или не считал он их опасными, но только он не предпринимал ничего против них и не боялся их, повелевая ими как властитель, не знавший других законов, кроме своей воли Неприлично обращался он и с самым царем, который был еще весьма юн Меншиков стеснил его в самых невинных удовольствиях и не допускал иметь сношений с людьми, наиболее им любимыми прежде, когда он был еще великим князем Словом, Меншиков правил вполне Россиею»

Но 19 июня светлейший князь тяжело заболел, а когда через пять недель с трудом поправился, — все переменилось до неузнаваемости.

За это время Петр II оказался целиком и полностью под влиянием семейства Долгоруких, за спиной которых угадывалась фигура вице-канцлера Остермана Царь пропадал на бесконечных охотах со своим любимцем, девятнадцатилетним Иваном Долгоруким К своей невесте он никогда не был особенно расположен, а тут и вовсе остыл Против Меншикова его настроили так, что он и видеть не желал генералиссимуса .

Меншиков остался в одиночестве, был лишен сообщников, готовых привести в движение гвардию, именем императора действовал не он, а его противники. Петр II являлся всего лишь орудием интриги.

По-видимому, активные действия не входили в расчеты князя Иначе он ни за что бы не уехал из столицы, где только и можно было вести борьбу — расположить к себе гвардию, изолировать Долгоруких.

18 августа он вместе с семьей выехал в Ораниенбаум Правда, Петр тоже уехал — в Петергоф, конечно же, в сопровождении Ивана Долгорукого Меншиков попытался восстановить отношения с Петром и вместе с семьей нагрянул к нему в Петергоф, но встретил холодный прием.

Чем занимался Меншиков в Ораниенбауме с 19 августа по 5 сентября? Распорядок дня оставался прежним, и своим привычкам светлейший не изменял. Он принимал Феофана Прокоповича, несколько раз у него были члены Верховного тайного совета Федор Апраксин, Гавриил Головкин, Андрей Остерман и князь Дмитрий Голицын.

Кажется, главной заботой князя в эти дни было наблюдение за отделкой церкви и подготовкой к ее освящению В церковь он заглядывал много раз, видимо, гордился ее убранством, ибо накануне освящения показывал ее голш-тинскому министру Освящение церкви состоялось 3 сентября На празднование прибыли Апраксин, Головкин, Голицын, но среди гостей, увы, не было главного лица, ради которого были затеяны торжества, — Петра II Среди гостей не видно было и Остермана. Он приобрел расположение Петра и, выполняя обязанности воспитателя и часто находясь с ним в уединении, настраивал его против будущего тестя.

«Остерман, министр умный и просвещенный, — продолжает Вильбоа, — …выбрал время, когда царь был в Петергофе, куда увезли его под предлогом занятия охотою. Остерман, находя сие время удобным для исполнения своего плана, переговорил с сенаторами и гвардейскими офицерами, узнавая их наклонность. Видя в каждом отдельно расположение на все решиться, только бы избавиться от тирании Меншикова, он сообщил другим свой проект и отдельно каждого вразумил, что надобно делать. Начал он внушением князьям Долгоруким для увлечения их в предположенные уже им с сенаторами и гвардейскими офицерами меры, что если бы могли они воспрепятствовать супружеству царя с дочерью Меншикова, все

порадовались бы союзу его потом с княжною Долгорукою. Далее говорил он, что надлежало только убедить царя удалиться тайно от Меншикова и явиться Сенату, который Остерманом будет вполне собран в загородном доме канцлера графа Головкина в 2 лье от Петергофа. Молодой Долгорукий, ободренный отцом, взял на себя обязанность привезти царя. Он всегда спал в комнате е. в., и едва увидел он, что все заснули, то предложил царю одеться и выпрыгнуть в окошко, ибо комната была в нижнем этаже и невысоко от земли. Царь согласился и выскочил таким образом из комнаты так, что стража, охранявшая дверь, ничего не заметила. По садам перебежал царь с Долгоруким на дорогу, где ждали его офицеры и чиновники. С торжеством препроводили они его в Петербург…»

8 сентября к Меншикову прибыл курьер Верховного тайного совета с предписанием, не оставлявшим сомнения, что его карьере наступил конец, — ему было запрещено выезжать из дворца. Домашний арест был дополнен царским указом от 9 сентября, объявлявшим все распоряжения, исходившие от Меншикова, недействительными. Указ 9 сентября поставил последнюю точку в повествовании о жизни Меншикова как государственного деятеля.

Советник И. Лефорт сообщал: «Когда царь сюда [в Летний дворец] прибыл, он послал приказ гвардейским полкам не слушаться ничьих приказаний, как только его собственных, которые будут передаваться через гвардии майоров Юсупова и Салтыкова. Царь отправил курьера воротить Ягужинского, бича Меншикова. Царь сказал: „Меншиков, может быть, думает обходиться со мною как с моим отцом, но ему не придется давать мне пощечины“.

Вчера утром царь послал гвардии майора Салтыкова объявить Меншикову домашний арест. Меншиков упал в обморок, ему пустили кровь. Его супруга и сын отправились к царю просить помилования, она встала на колени, но царь остался на своем и, не произнеся ни слова, вышел вон. То же самое она делала у великой княжны Елизаветы и великой княжны Натальи Алексеевны, но они также удалились. Барон Остерман остался в выигрыше. Эта отличная дама, о которой все сожалеют, целых три четверти часа стояла на коленях перед бароном, и ее нельзя было поднять.

Когда царь велел перенести свою мебель в Летний дворец, Меншиков сделал то же самое и со своею, желая там поселиться. Тотчас же получен был приказ мебель отвезти обратно.

Чтобы погубить Остермана, Меншиков выговаривал ему, что это он наущает царя принять иностранную веру, за что он велел бы его колесовать. Нетрудно было оправдаться. Остерман отвечал, что за его поступки его нельзя колесовать, но он знает, кого следовало бы этому подвергнуть.

Салтыков не покидает более Меншикова. <…> Доступ ко двору закрыт для всего семейства и прислуги Меншикова. Он уже написал царю и просил позволения ехать в Украину…»

Остерман в эти дни развил бешеную активность — пришло время пожинать плоды своей интриги. В июле—августе он, как и его воспитанник, ни разу не посетил Верховный тайный совет. Теперь, начиная с 8 сентября, он — непременный участник всех его заседаний.

Энергия и бодрость духа вернулись к Меншикову лишь тогда, когда он понял, что дело его решено. Петербург не видел ни до, ни после, чтобы опальный вельможа отправлялся в ссылку с такой вызывающей торжественностью и пышностью. Собственная свита светлейшего чуть ли не в два раза превосходила караул. «Исполняй свою должность — я на все готов, — отвечал Меншиков офицеру, который явился к нему с указом царя. — Чем больше у меня отнимут, тем меньше останется мне забот. Скажи только тем, кто возьмет отнятое у меня, что я нахожу более достойными сожаления их, нежели себя».

Меншиков покорно последовал в ссылку — вначале в поместье Раненбург Воронежской губернии, а потом — в Сибирь, в Березов, где и умер.

ПЕРЕВОРОТ АННЫ ИОАННОВНЫ

Россия. 1730 год

Ночь с 18 на 19 января 1730 года для многих в Москве была бессонной. В императорской резиденции — Лефортовском дворце — умирал русский самодержец император Петр II

Алексеевич. За двенадцать дней до этого — 6 января — он сильно простудился, участвуя в празднике Водосвятия на льду Москвы-реки. Вскоре к простуде прибавилась оспа. Царь бредил, жар усиливался, и в ночь на 19 января четырнадцатилетний Петр II умер. Правнук царя Алексея Михайловича, внук Петра Великого, сын царевича Алексея был последним прямым потомком мужской ветви династии Романовых, восходящей к основателю и первому царю династии Михаилу Федоровичу.

Теперь всех волновал вопрос: кто придет к власти? Будут ли это потомки Петра I от брака с Екатериной I: его двадцатилетняя дочь Елизавета Петровна или двухлетний внук Карл Петер Ульрих — сын тогда уже покойной Анны Петровны и герцога Голш-тинского Карла Фридриха?

А может быть, на престоле окажется новая династия? Именно об этом страстно мечтали князья Долгорукие. Они тоже принадлежали к Рюриковичам, хотя и к их побочной ветви, и почти всегда были в тени. Лишь в короткое царствование Петра II они, благодаря фавору Ивана Долгорукого, выдвинулись на первые роли в государстве и достигли многого: богатства, власти, высших чинов. Особенно преуспел отец фаворита, князь Алексей Григорьевич. Он долго обхаживал юного царя, пока не добился его обручения со своей дочерью и сестрой Ивана, княжной Екатериной Алексеевной Долгорукой. Торжественная помолвка состоялась 30 ноября 1729 года Свадьба же была назначена на 19 января 1730 года. Но смертельная болезнь царя-жениха расстроила их планы. Нужно было что-то делать.

18 января в доме Алексея Григорьевича Долгорукого собрались его родственники на тайное совещание. После недолгих препирательств было составлено подложное завещание, которое решили огласить, как только Петр II навечно закроет глаза. Согласно этому завещанию, царь якобы передавал престол своей невесте, княжне Екатерине Алексеевне Долгорукой. Князь Иван Долгорукий даже расписался за царя на одном из экземпляров завещания.

Тотчас после смерти Петра II в Лефортовском дворце собрался Верховный тайный совет — высший правительственный орган. Кроме четырех верховни-ков: канцлера графа Гаврилы Ивановича Головкина, князя Дмитрия Михайловича Голицына, князей Алексея Григорьевича и Василия Лукича Долгоруких — на Совет были приглашены два фельдмаршала — князь Михаил Михайлович Голицын и князь Василий Владимирович Долгорукий, а также сибирский губернатор князь Михаил Владимирович Долгорукий. Итого, двое из семерых были из клана Голицыных и четверо — из клана Долгоруких.

Как только началось совещание, князь Алексей Долгорукий выложил на стол «завещание» Петра II. Но замысел этот, казавшийся Долгоруким таким тонким и умным, тотчас провалился. Несостоявшегося царского тестя не поддержали ни Голицыны, ни даже фельдмаршал Долгорукий, чье слово старого военачальника было очень весомо. Неминуемо назревавший скандал был прерван неожиданным образом. Слово взял самый авторитетный член Совета — Дмитрий Михайлович Голицын. Речь его была кратка и взвешенна. Отметая династические претензии Долгоруких, он сказал, что «нужно выбрать из прославленной семьи Романовых и никакой другой. Поскольку мужская линия этого дома полностью прервалась в лице Петра II, нам ничего не остается, как обратиться к женской линии и… выбрать одну из дочерей царя Ивана».

Иван V — старший брат и соправитель Петра Великого в 1682—1696 годах — оставил после себя трех дочерей. Екатерину, герцогиню Мекленбургскую, Анну, герцогиню Курляндскую, и Прасковью, царевну. Голицын предложил в императрицы среднюю — Анну. Неожиданное это предложение устроило всех присутствующих — и обиженных Долгоруких, и других сановников, которые боялись прихода к власти потомков Петра I и Екатерины I. Поэтому аргументы князя Дмитрия в пользу подобного выбора показались всем неотразимыми: «Анна вдова, но еще в брачном возрасте и в состоянии родить наследников и, самое главное, она рождена среди нас и от русской матери в старой хорошей семье, мы знаем доброту ее сердца и прочие ее прекрасные достоинства».

Верховники внимательно слушали князя Дмитрия— кандидатура вдовой герцогини Курляндской представлялась им всем идеальной. Анну никто не опасался, наоборот — все надеялись извлечь из ее воцарения немалую для себя пользу. «Виват наша императрица Анна Иоанновна!» — первым воскликнул фельдмаршал Долгорукий, и к нему присоединились другие. (Впоследствии обвиненный в оскорблении чести Ее величества, он был лишен Анной

всех чинов и званий и на долгие восемь лет заточен в крепость.)

Дождавшись тишины, князь Голицын сказал, что нужно «себе полегчить, воли себе прибавить», ограничив власть новой государыни в пользу Верховного тайного совета.

Предложение Голицына о выборе на престол такого заведомо слабого правителя, как Анна, при условии ограничения ее власти Советом, состоявшим в основном из «фамильных» — родовитых вельмож, устраивало и Голицыных, и Долгоруких. Это позволяло забыть вражду и соперничество, которые разделяли эти два клана в царствование Петра II.

Осторожный Василий Лукич Долгорукий, правда, засомневался. «Хоть и зачнем, да не удержим!» — «Право, удержим!» — уверенно отвечал Дмитрий Михайлович и предложил закрепить ограничение царской власти особыми условиями — «кондициями», которые должна была подписать новая государыня.

Но все оказалось не так просто. Верховники-аристократы, замыслившие захватить в свои руки судьбу государства, задели сословное самолюбие, во-первых, духовенства; во-вторых — шляхетства, немалочисленного дворянского служащего государству класса, на волю которого они почти не обращали внимания, надеясь заставить его повиноваться своей воле.

Таким образом, решив возвести на престол Анну Иоанновну, верховники хотя и созывали сенат, генералитет и прочих статских чинов до бригадира, но, объявив о желании пригласить на царство Анну Иоанновну, они не говорили о пунктах условий. Сверх того, они задели самолюбие одного из знатных государственных людей, Ягужинского, которого не сочли достойным быть приглашенным к составлению условий, и потому этот Ягужинский, раздраженный пренебрежением к себе, хотя сам прежде заявлял о необходимости ограничения самодержавной власти, стал действовать во вред замыслам верховников и тайно дал заранее знать курляндской герцогине, что на предложения, которые привезут ей от Верховного тайного совета, она должна смотреть, по отношению к вопросу об ограничении самодержавия, как на замысел немногочисленной, а следовательно — не сильной для ее особы партии. Подобно Ягужинско-му действовали и другие сторонники старого самодержавия и противники Верховного тайного совета, в числе которых выделялся А.И. Остерман.

Избранию Анны Иоанновны во многом помог датский посол Вестфален, который, находя воцарение других лиц на русском престоле неблагоприятным для видов Дании, не останавливался ни пред какими средствами для достижения цели: убеждения, шпионство, подкупы — все им было пущено в ход.

Но прежде чем один из членов Верховного тайного совета, князь Василий Лукич Долгорукий, успел прибыть в Митаву с пунктами условий, на которых приглашали курляндскую герцогиню сделаться русскою императрицею, она была уже предупреждена, что эти кондиции можно не соблюдать Она без возражения подписала обещание «все кондиции ей представленные без изъятия сохранять», обязываясь чрез то, во время своего управления государством, без согласия с Верховным тайным советом, не вести войн, не налагать податей и не делать расходов, не жаловать и не наказывать никого. «А буде чего по сему обещанию не исполню, — гласило ее согласие в конце, — и не додержу, то лишена буду короны российской».

Взяв на себя такие обязательства, она отправилась в Москву совсем с другими желаниями и надеждами.

Между тем в старой русской столице был прилив шляхетства, и служившего в армейских полках, и провинциального, как состоявшего на государственной службе, так и не служившего, они съехались в Москву на празднование бракосочетания императора Петра II с княжной Екатериною Долгорукой. Узнав о замыслах верховников-аристократов, шляхетство стало собираться в кружки, толковать о делах и роптать на верховников, некоторые были готовы употребить над верховниками насилие, другие предлагали противодействовать им законными путями.

Верховный тайный совет, отправив к Анне посольство с кондициями, скрывал их содержание от всех. И только после того как вернулся посланный с кондициями в Митаву князь Василий Лукич Долгорукий, созван был весь генералитет во всех чинах до бригадира, сенат, президенты коллегий и прочие статские важные чины, все вельможи, знать, по повесткам от Верховного тайного совета. На собрании было зачитано ответное письмо Анны Иоанновны, из

которого следовало, будто она подписала не навязанные ей извне пункты условий, а «пред вступлением на российский престол по здравом рассуждении изобрели мы за потребно для пользы российского государства и к удовольствова-нию верных наших подданных, дабы всяк мог ясно видеть горячесть и правое наше намерение, которое мы имеем к отечествию нашему и верным нашим подданным, а для того елико время нас допустило, написав, каким способом мы то правление вести хощем и подписав нашею рукою, послали в Верховный тайный совет» Письмо это было составлено самим же князем Василием Лукичом Долгоруким, вероятно, при участии князя Голицына, но все было обставлено таким образом, будто вновь избранная императрица приписывает весь план правления собственному почину.

Но все это оказалось напрасным. Тогда как верховники пытались уладить споры и сойтись с шляхетством, — не дремали противники ограничения самодержавия Остерман, притворившись больным, обложенный подушками, натертый мазями, по-видимому, сидел в своей комнате, уклоняясь от дел, а между тем руководил движениями как против верховников, так и против шляхетских проектов. Его план состоял в том, чтобы убедить шляхетство в необходимости обратиться к государыне с прошением уничтожить Верховный тайный совет, восстановить сенат в той силе, какую он имел при Петре Великом, и дозволить шляхетству подать свои соображения для дальнейших государственных преобразований.

Влияние хитрого Остермана и других лиц, благоприятствовавших самодержавию, привело к новым совещаниям между шляхетством за сутки до коронации новой русской государыни — 25-го февраля. На этих совещаниях было решено просить государыню уничтожить тайный совет, восстановить значение сената, уничтожить подписанные ею кондиции и начать царствовать самодержавно по обычаю предков.

25 февраля к императрице явилась делегация шляхетства с князем Черкасским во главе. Подана была императрице челобитная, в которой хотя и выражалась ей благодарность за подписание пунктов, представленных от Верховного тайного совета, однако ж притом сообщалось, что «в некоторых обстоятельствах тех пунктов, находятся сумнительства такие, что большая часть народа состоит в страхе предбудущего беспокойства», и поэтому они просили, «чтоб государыня дозволила собраться всему генералитету, офицерам и шляхетству по одному или по два из фамилий, рассмотреть и все обстоятельства, исследовать согласным мнением по большим голосам, форму правления государственного сочинить и вашему ко утверждению представить». Челобитная была подписана 87 лицами.

Государыня была удивлена: она ожидала провозглашения самодержавия, а ей вдруг подносят челобитную с просьбою обсудить кондиции и шляхетские проекты Князь Василий Лукич Долгорукий начал порицать князя Черкасского за присвоенное право законодателя; но последний напомнил ему, что государыня была вовлечена в обман, уверяемая, что кондиции, которые ей представили к подписи, составлены с согласия всех чинов государства, тогда как они были составлены без ведома и участия шляхетства.

Анна Иоанновна, естественно, колебалась и не знала, на что ей решиться, но ее сестра, находившаяся тогда с нею, Екатерина Иоанновна, герцогиня Меклен-бургская, поспешила подать ей чернильницу с пером и убеждала поскорее написать на поданной ей челобитной, быть по сему. С этим было отпущено шляхетство, и вместе с тем ему вменено в обязанность представить императрице в тот же день результат своих совещаний.

Едва закончился обед Анны с верховниками, как в аудиенц-залу вошла новая делегация шляхетства, предводимая на этот раз уже не Черкасским, а князем Никитой Трубецким. Анне была подана челобитная, составленная в дворцовых комнатах. Она была написана князем Антиохом Кантемиром, и сам автор теперь прочел ее во всеуслышание. В ней шляхетство, в знак благодарности за принятие первой челобитной, просило Анну Иоанновну «принять само-державство таково, каково ее славные и достохвальные предки имели, а присланные ей от Верховного тайного совета и подписанные ее рукою пункты уничтожить». В заключение они просили восстановить прежнее значение сената, дополнив число его членов до 21. «Всепокорнейшие рабы» изъявляли надежду, «что в благорассудном правлении государства в правосудии и в облегчении податей по природному ее величества благоутробию» они презрены не будут.

Императрица обратилась к верховникам за советом, принять ли ей «предлагаемое ее

народом». Верховникам ничего более не оставалось, как молча поклониться в знак согласия. Челобитную подписали 1660 человек, — а их, предложивших Анне Иоанновне кондиции, было только восемь.

Тогда Анна Иоанновна приказала принести подписанные ею в Митаве кондиции, и те пункты — вместе с собственноручным письмом, писанным из Ми-тавы к Верховному тайному совету, «ее величество при всем народе изволила, приняв, изодрать». Порвав «Кондиции» и упразднив Верховный тайный совет, Анна Иоанновна тем самым совершила государственный переворот.

В тот же день князь Дмитрий Михайлович Голицын в кругу своих друзей говорил: «Пир был готов, но гости были недостойны его Я знаю, что буду его жертвою. Так и быть, я пострадаю за отечество: я близок к концу моего жизненного поприща, но те, которые заставляют меня плакать, будут проливать слезы долее меня».

ЗАГОВОР МИНИХА ПРОТИВ РЕГЕНТА БИРОНА

Россия, Санкт-Петербург. 1740 год

17 октября 1740 года умерла российская императрица Анна Иоанновна. С ее смертью уходило в прошлое довольно мрачное десятилетие русской истории. Впоследствии оно получило название «бироновщина» по имени фактического правителя Эрнста Иоганна Бирона, герцога Курляндского и Семигальского. В отечественной истории с именем Бирона связывают засилье иностранцев в органах управления, необыкновенный разгул тайного сыска и преследований.

Из всех кандидатов наибольшие шансы стать русским царем имел родившийся 18 августа 1740 года принц Иван Антонович: все знали, что Анна Иоанновна хотела оставить наследником престола своего внучатого племянника. Однако, несмотря на тяжелое состояние, Анна отказывалась подписать срочно подготовленный А.И. Остерманом и другими кабинет-министрами манифест о престолонаследии. Два дня Бирон и его сторонники уговаривали суеверную царицу поставить под ним подпись. Лишь 7 октября манифест был подписан и обнародован.

Сразу после этого развернулась упорная борьба за место регента — ключевое в перспективе царствования ребенка-императора. Главным кандидатом в регенты был Бирон, уже давно стремившийся узаконить свою власть. Но важно заметить, что он хотел стать регентом как бы по желанию дворянства. Боявшиеся всесильного временщика высшие сановники в дни, когда царица могла еще поправиться, сами просили Бирона стать в случае ее смерти регентом, собирали подписи и ходили с депутацией к Анне Иоанновне. Лишь перед самой смертью, уступив просьбам Бирона и его сторонников, она подписала указ. Сразу после кончины Анны завещание было распечатано и оглашено генерал-прокурором Сената Н.Ю. Трубецким, а на следующее утро новому императору Ивану VI Антоновичу и регенту Э.И. Бирону присягнули войска и жители столицы.

Согласно завещанию, до семнадцатилетия Ивана Антоновича Бирон получал практически неограниченную власть во внутренних и внешних делах. Более того, в случае смерти императора и возведения на престол следующего по старшинству сына герцога Бра-уншвейгского регент мог продлить свое регентство.

Немало высших лиц в государстве были заинтересованы в сохранении власти у герцога. Казалось, Бирон мог опереться на своих людей везде: в армии, где заправлял его союзник фельдмаршал Миних, в государственном аппарате (в кабинете министров сидели Бестужев-Рюмин и Черкасский), в секретной полиции (Ушаков служил всегда тому, кто стоял у власти).

Однако Бирон не имел реальной опоры в дворянской среде, среди родственников Ивана VI Антоновича, а также в кругу высших чиновников и генералов. Став регентом, он не сумел погасить недовольство брауншвейгской фамилии, не смог объединиться с А.И. Остерманом, К. Левенвольде и другими влиятельными сановниками.

Если церемония присяги прошла спокойно, то несколько дней спустя платные шпионы и

добровольные соглядатаи донесли Бирону, что отец императора Антон Ульрих позволяет себе публично осуждать регента и сомневаться в подлинности акта об учреждении регентства. Доносы свидетельствовали, что в среде чиновничества и гвардии назревает заговор в пользу фактически отстраненных от правления родителей ребенка-императора, и в первую очередь в пользу принца Антона Ульриха.

Бирон действовал решительно и быстро: подозреваемые двадцать человек были арестованы, некоторых допрашивали и пытали. Антона Ульриха заставили написать прошение на имя собственного сына об отставке из армии и гвардии.

Казалось, с оппозицией было покончено. Но роковой удар временщику нанес тот, от кого он меньше всего ожидал — Бурхард Христоф Миних — активный участник возведения его в регенты, а затем и ближайший помощник. Фельдмаршал успел послужить чуть ли не в половине европейских армий, прежде чем оказался на русской службе. Сближение с Андреем Ивановичем Остерманом очень помогло ему выдвинуться при Анне Иоанновне.

Современники полагали, что, поддерживая притязания Бирона в дни болезни Анны Иоанновны, Миних рассчитывал в период его регентства получить чин генералиссимуса и занять ведущее место в управлении империей. Однако Бирон не давал свободы честолюбивому «столпу империи» (как Миних называл себя в мемуарах).

Трудно сказать, отказался бы Миних от принятого решения свергнуть Бирона в случае, если бы ему вовремя сообщили о желании регента заплатить за него все долги. Но в любом случае неожиданное решение фельдмаршала стать на сторону брауншвейгской фамилии, то есть Анны Леопольдовны и ее мужа, говорит прежде всего о том, что Миних хорошо понимал зыбкость положения нового регента.

8 ноября 1740 года Бирон долго беседовал с Минихом. Тот, как всегда, знакомил регента с материалами из разных государственных учреждений и «представлял, что все тихо, смирно и довольно», хотя именно этой ночью готовился к «воинскому предприятию», «походу» на спящего временщика. Впрочем, может быть, Бирон что-то и заподозрил. Позже на следствии он говорил, что Миниху не верил, ибо «нрав графа фельдмаршала известен, что имеет великую амбицию и при том десперат и весьма интересоват» (то есть человек отчаянный и заинтересованный). Признавался он и в том, что боялся гвардейцев…

В ночь на 7 ноября 1740 года Миних с отрядом лишь в 80 гвардейцев направился к Летнему дворцу, резиденции регента. Караулы, состоявшие тоже из гвардейцев, быстро перешли на сторону заговорщиков. После этого Миних приказал своему адъютанту подполковнику К.Г. Манштейну войти во дворец и арестовать Бирона, а при попытке сопротивления убить его.

Манштейн вошел во дворец и, минуя отдающих ему честь часовых и кланяющихся слуг, уверенно и спокойно зашагал по залам, будто бы со срочным донесением к регенту Но по дороге он заблудился, а спрашивать же у попадавшихся навстречу слуг, где спит герцог, опасался. Впрочем, предоставим слово самому Манштейну (он пишет о себе в третьем лице): «После минутного колебания он решил идти дальше по комнатам в надежде, что найдет наконец то, чего ищет Действительно, пройдя еще две комнаты, он очутился перед дверью, запертой на ключ, к счастью для него, она была двустворчатая и слуги забыли задвинуть верхние и нижние задвижки, таким образом, он мог открыть ее без особенного труда. Там он нашел большую кровать, на которой глубоким сном спали герцог и его супруга, не проснувшиеся даже при шуме растворившейся двери.

Манштейн, подойдя к кровати, отдернул занавесы и сказал, что имеет дело до регента, тогда оба внезапно проснулись и начали кричать изо всей мочи, не сомневаясь, что он явился к ним с недобрым известием. Манштейн очутился с той стороны, где лежала герцогиня, поэтому регент соскочил с кровати, очевидно, с намерением спрятаться под нею, но тот поспешно обежал кровать и бросился на него, сжав его как можно крепче обеими руками, [и держал] до тех пор, пока не явились гвардейцы. Герцог, встав наконец на ноги и желая освободиться от этих людей, сыпал удары кулаком вправо и влево; солдаты отвечали ему сильными ударами прикладов, снова повалили его на землю, вложили в рот платок, связали ему руки шарфом одного офицера и снесли его голого до гауптвахты, где его накрыли солдатской шинелью и положили в ожидавшую его тут карету фельдмаршала».

Манштейн, относившийся к Миниху не без иронии, отмечал, что фельдмаршал мог легко захватить Бирона в апартаментах Анны Леопольдовны, куда тот приходил без охраны, и не преодолевать многочисленные караулы, выставленные вокруг дворца, подвергая все предприятие ненужному риску. «Но, — пишет мемуарист, — фельдмаршал, любивший, чтобы все его предприятия совершались с некоторым блеском, избрал самые затруднительные средства».

Аресты, произведенные в ночь переворота, показывают, что число сторонников Бирона, на которых он мог опереться, оказалось ничтожно. Были арестованы младший брат Бирона Густав и кабинет-министр А.П. Бестужев-Рюмин. Кроме того, послали гвардейцев в Москву и Ригу, чтобы захватить старшего брата временщика Карла и зятя временщика генерала Бисмарка. Свержение Бирона застигло врасплох не только иностранных дипломатов, но и правящую верхушку России. Как сообщал английский посол Э. Финч, А.П. Бестужев-Рюмин при аресте недоумевал, «чем навлек на себя немилость регента», а А.М Черкасский явился утром как ни в чем не бывало в апартаменты Бирона на очередное заседание Кабинета министров. Все это, разумеется, облегчило переворот.

Тотчас после ареста Бирона войска были собраны к Зимнему дворцу и присягнули на верность «правительнице великой княгине Анне всея России» — таким стал титул Анны Леопольдовны — матери малолетнего императора.

Победители сразу же занялись перераспределением власти и огромных богатств Бирона На следующий день был обнародован манифест, в котором двухмесячный император Иван VI Антонович вместо свергнутого регента «назначил» правительницей с теми же полномочиями свою мать Анну Леопольдовну. Отец царя был объявлен «императорским высочеством соправителем», генералиссимусом вооруженных сил России. Б.Х. Миних был назначен первым министром, А.И. Остерман — генерал-адмиралом А.М. Черкасский стал канцлером, М.Г. Головкин — вице-канцлером. Рядовые участники переворота получили награды и повышения.

Став первым министром, Миних надеялся занять при Анне Леопольдовне место Бирона. Но сразу после переворота он опасно заболел, а когда в начале 1741 года взялся за дела, то почувствовал, что упустил время и что его обошли, оттеснили от власти. Остерман сумел вернуть себе иностранные дела, Черкасский и Головкин получили внутреннее управление, а у Миниха, как и во времена Бирона, осталось только военное ведомство, да и здесь он оказался в подчинении у генералиссимуса Антона Ульриха. Между принцем и Минихом начались стычки.

Бирона решено было со всем семейством сослать в Сибирь, в Пелым, навечно. Миних заботливо подготовил чертеж дома для своего поверженного врага и послал специального комиссара в Пелым для наблюдения за сибирской новостройкой. Правда, в Сибири Бироны пробыли недолго — новая правительница Елизавета Петровна приказала перевести их в Ярославль.

Исчезновение с политической сцены «нового Годунова» (так Бирон охарактеризован в манифесте 14 апреля 1741 года), нагонявшего страх на всех более десятка лет, развязало руки многим при дворе Оживилось брауншвейгское семейство, надеявшееся закрепиться у власти Если при Бироне осторожный Остерман избегал каких-либо явных демаршей, то теперь и он стал проявлять себя, выступив в роли постоянного советчика неопытной в делах правительницы. Как потом оказалось, главной целью его тонкой интриги было отстранение Миниха от власти и занятие первенствующих позиций при дворе.

Поведение Миниха настораживало брауншвейгцев. Как писал Э. Финч, наиболее близкий ко двору Анны Леопольдовны дипломат, правительница говорила, что «арест бывшего регента вызван скорее расчетами личного честолюбия графа Миниха, чем его привязанностью к ее высочеству»; что она «не в силах… более выносить заносчивого характера фельдмаршала» и ей «известно непомерное честолюбие фельдмаршала, крайняя невоздержанность его характера и его слишком предприимчивый дух, не позволяющий на него положиться».

3 марта 1741 года вконец раздосадованный Миних подал прошение об отставке — к этому приему шантажа незаменимый фельдмаршал прибегал не раз, и всегда с успехом. Но тут правительница, немного поколебавшись, вдруг просьбу удовлетворила.

Отстраненный от власти, Миних тем не менее по-прежнему бывал при дворе. Но для всех было очевидно, что его звезда как политического деятеля закатилась.

После падения Бирона и отставки Миниха власть прибрал к своим рукам Андрей Иванович Остерман.

Склонности Миниха к эффектным поступкам, о которых говорит его адъютант Манштейн, Россия обязана созданием, так сказать, образца военного дворцового переворота. При последующих насильственных переменах правления в России заговорщики сознательно или невольно следовали этому образцу. Менялось число участников авантюры, привносились какие-то особенности в ход событий, но схема, «составленная» Минихом, оказалась удивительно живучей.

Если верить материалам следствия, проводившегося уже при Елизавете, фельдмаршал объяснял солдатам, что в их воле ставить и низлагать императоров, что править будет тот, кого они сами укажут — будь то принцесса Елизавета или герцог Голштинский, ее племянник. Воспользовавшись популярным у гвардейцев именем дочери Петра, фельдмаршал повел их на переворот, нисколько не соответствовавший интересам Елизаветы. Но гвардейцы запомнили слова Миниха о своей власти менять династии, что они хорошо доказали спустя всего лишь год.

ПЕРЕВОРОТ ЕЛИЗАВЕТЫ I ПЕТРОВНЫ

Россия. 1741 год

Глухой ночью 25 ноября 1741 года цесаревна Елизавета Петровна совершила государственный переворот, арестовав младенца-императора Ивана VI Антоновича и его родителей — принца Антона Ульриха Брауншвейгского и Анну Леопольдовну. Переворот этот не был ни для кого неожиданностью — слухи о нем расходились по столице и стали достоянием правительства.

Елизавета, дочь Петра I и бывшей лифляндской крестьянки Марты Скав-ронской (после перехода в православие Екатерины Алексеевны), родилась 18 декабря 1709 года. Брачные отношения Петра I и Екатерины в момент рождения Елизаветы еще не были официально оформлены, что впоследствии повлияло на судьбу Елизаветы.

В августе 1721 года Петр I принял императорский титул, после чего Анна и Елизавета стали именоваться «цесаревнами». Этот титул отделял детей императора от других членов дома Романовых. Петр, сын казненного царевича Алексея, назывался великим князем, а племянница Анна Иоанновна царевной.

После неожиданной смерти Петра II в 1730 году Елизавета оказалась законной наследницей престола, поскольку ее сестра Анна отреклась за себя и своих потомков от прав на российскую корону. Однако Верховный тайный совет, признав Елизавету незаконнорожденной, отказал ей в правах на престол, решив «пригласить на царство» Анну Иоанновну.

После смерти этой правительницы в 1740 году трон наследовал ее двухмесячный внучатый племянник Иван Антонович. В результате заговора фельдмаршала Миниха реальная власть перешла к Анне Леопольдовне, племяннице Анны Ивановны и матери Ивана Антоновича. Новая правительница относилась к Елизавете с симпатией, но та вряд ли платила ей взаимностью. Вероятно, мысль о вступлении на престол уже не покидала цесаревну, которая, по замечанию английского посла, была уже в то время «очень популярна и сама по себе, и в качестве дочери Петра Первого, память которого становилась все дороже и дороже русскому народу».

Государственный переворот Елизаветы Петровны имел важную особенность: как никогда раньше, в нем было заметно участие иностранных держав.

Прибывший в Петербург в декабре 1739 года французский посол Иоахим Жан Тротти маркиз де ла-Шетарди имел секретную инструкцию, в которой ему предписывалось разыскивать тайных сторонников Елизаветы. В Версале надеялись путем переворота изменить внешнеполитическую ориентацию России, находившейся в союзе с враждебными Франции Англией и Австрией. Дипломат имел конкретное задание: разрушить русско-австрийский союз 1726 года. Добиться этого можно было лишь путем смены проавстрийского правительства Анны Леопольдовны.

Ту же цель ставил перед собой и шведский посланник Эрик Матиас Ноль-кен. В

Стокгольме, где были очень сильны реваншистские настроения, надеялись, что при ослаблении власти в России и при первом волнении в Петербурге можно добиться пересмотра Ниш-тадтского мира 1721 года и возвращения Швеции Восточной Прибалтики.

Нолькен и Шетарди начали искать те силы, которые были бы в состоянии свергнуть правительство Анны Леопольдовны. И вот осенью 1740 года Нолькен предложил Елизавете простой и ясный план: цесаревна подписывает обращение-обязательство к шведскому королю с просьбой помочь ей взойти на престол, король начинает войну против России, наступает на Петербург и тем самым облегчает переворот в пользу Елизаветы. Для исполнения плана он дает ей сто тысяч экю, а она обещает, в случае успеха предприятия, удовлетворить все территориальные претензии Швеции.

Цесаревна просила выдать ей деньги, в которых она очень нуждалась, Нолькен же настаивал на обратном варианте — сначала письменное обязательство, а потом деньги.

Блистательный и высокомерный, французский посланник маркиз де ла-Шетарди также вел долгие переговоры с цесаревной и ее доверенным лицом лейб-медиком Лестоком в надежде использовать внутреннюю борьбу в России на пользу Франции и ее союзнице Швеции. Он передал Елизавете скромную сумму в две тысячи дукатов. Сумма была незначительна, но все же несколько облегчила финансовые трудности цесаревны.

В тайных переговорах с иностранными дипломатами Елизавета соглашалась принять помощь Швеции, но все попытки Нолькена и Шетарди получить подписанный ею документ с гарантией территориальных уступок не увенчались успехом. П.И. Панин отмечал впоследствии, что «Елисавета не согласилась дать письменного обещания, отзываясь, что крайне опасно излагать на бумаге столь важную тайну, и настояла, дабы во всем положились на слово ее. Последствия показали, что Елисавета Петровна перехитрила лукавого француза и ослепила шведов».

В Стокгольме решили действовать, не дожидаясь от Нолькена подписанных цесаревной бумаг. В июле 1741 года Швеция начала войну против России в Финляндии, указав в качестве одной из ее причин «устранение царевны Елизаветы и герцога Голштинского (сына Анны Петровны) от русского престола и власть, которую иностранцы захватили над русской нацией» В планы шведской правящей верхушки входило отторжение Петербурга и завоевание северных земель России вплоть до Архангельска. Но этим планам не суждено было осуществиться: 23 августа 1741 года Швеция потерпела сокрушительное поражение под Вильманстрандом.

В период тяжелого для народа царствования Анны Иоанновны широкие слои русского общества утвердились во мнении, что все беды происходят от захвата власти «иноземцами». Но если сама императрица была русской, то полунемка Анна Леопольдовна со своим супругом принцем Антоном Ульри-хом Брауншвейгским являлись в глазах народа иностранцами, несправедливо правящими Россией от имени младенца-императора. Массовые симпатии оказались на стороне Елизаветы, «русской сердцем и по обычаям».

Центром движения в пользу дочери Петра I стали казармы гвардейского Преображенского полка. Немало потрудилась для завоевания симпатий гвардейцев и сама цесаревна Она часто проводила время в казармах «без этикета и церемоний», одаривала гвардейцев деньгами и крестила их детей. Солдаты не называли ее иначе, как «матушка».

В 1737 году правительство Анны Иоанновны казнило прапорщика Преображенского полка А. Барятинского за намерение поднять «человек с триста друзей» ради Елизаветы. В 1740 году гвардейцы, арестовывавшие Бирона, судя по признаниям Миниха, ожидали, что власть перейдет именно к Елизавете. Для них дочь Петра превратилась в символ национальной государственности, противопоставляемой засилью «немцев».

Гвардия настроилась на решительные действия. В июне 1741 года несколько гвардейцев встретили Елизавету в Летнем саду и сказали ей: «Матушка, мы все готовы и только Ждем твоих приказаний». В ответ они услышали: «Разойдитесь, ведите себя смирно: минута действовать еще не наступила. Я вас велю предупредить».

Нити заговора не распространялись в сердце высшего общества, и круг сторонников Елизаветы ограничивался в основном «кавалерами» ее двора. В подготовке переворота участвовали И.Г. Лесток, Разумовские, а также братья А.И. и П.И. Шуваловы и М.И. Воронцов. Руководителями заговора являлись Лесток и сама Елизавета.

Великую княгиню Анну Леопольдовну, а также ее министров неоднократно предупреждали о честолюбивых намерениях Елизаветы. Об этом доносили шпионы, писали дипломаты из разных стран Но больше всего первого министра А.И Остермана встревожило письмо, пришедшее из Силезии, из Бреслав-ля. Хорошо информированный агент сообщал, что заговор Елизаветы окончательно оформился и близок к осуществлению, необходимо немедленно арестовать лейб-медика цесаревны Лестока, в руках которого сосредоточены все нити заговора.

Анна Леопольдовна не послушалась тех, кто советовал задержать Лестока. На ближайшем куртаге при дворе 23 ноября 1741 года, прервав карточную игру, правительница встала из-за стола и пригласила тетушку в соседний покой. Держа в руках бреславское письмо, она попыталась приструнить Елизавету посемейному. Когда обе дамы вновь вышли к гостям, они были весьма взволнованы, что тотчас отметили присутствовавшие на куртаге дипломаты. Вскоре Елизавета уехала домой. Как писал в своих «Записках» генерал К.Г. Манштейн, «цесаревна прекрасно выдержала этот разговор, она уверяла великую княгиню, что никогда не имела в мыслях предпринять что-либо против нее или против ее сына, что она была слишком религиозна, чтобы нарушить данную ей присягу, и что все эти известия сообщены ее врагами, желавшими сделать ее несчастливой ..»

Вернувшись домой, Елизавета собрала своих сторонников на совещание, на котором было решено произвести переворот вечером следующего дня. Предусмотрительность этого шага подтвердилась, поскольку на другой день гвардейские полки получили приказ выступить из Петербурга на войну со шведами.

24 ноября 1741 года, в 23 часа, Елизавета получила сообщение, что гвардейцы готовы поддержать ее «революцию» Лесток послал двух наблюдателей к Остерману и Миниху разузнать, не забили ли там тревоги. Ничего подозрительного они не заметили. Сам Лесток отправился в Зимний дворец.

Вернувшись к Елизавете, Лесток нашел ее молящейся перед иконой Богоматери. Впоследствии было высказано предположение, что именно в эту минуту она дала обет отменить смертную казнь, в случае удачи опасного предприятия.

В соседней комнате собрались все ее приближенные Разумовские, Петр, Александр и Иван Шуваловы, Михаил Воронцов, принц Гессен-Гомбургский с женой и родные цесаревны: Василий Салтыков, дядя Анны Иоанновны, Скав-ронские, Ефимовские и Гендриковы.

Цесаревна надела кавалерийскую кирасу, села в сани и по темным и заснеженным улицам столицы поехала в казармы Преображенского полка. Там она обратилась к своим приверженцам: «Други мои! Как вы служили отцу моему, то при нынешнем случае и мне послужите верностью вашею!» Гвардейцы отвечали: «Матушка, мы готовы, мы их всех убьем». Елизавета возразила: «Если вы хотите поступать таким образом, то я не пойду с вами». Понимая, что ненависть ее сторонников обращена против иностранцев, она сразу же объявила, что «берет всех этих иноземцев под свое особое покровительство».

Гренадеры были давно подготовлены к «революции» Елизаветы. Предварительные разговоры, намеки доверенных цесаревны, деньги и обещания, которые они щедро раздавали, сделали свое дело наилучшим образом.

Выйдя из саней на Адмиралтейской площади, Елизавета в сопровождении трехсот солдат направилась к Зимнему дворцу Солдаты нервничали, спешили, цесаревна с трудом шла по снегу Вот тогда-то гренадеры подхватили ее на свои широкие плечи и внесли в Зимний дворец.

Все входы и выходы тут же были перекрыты, караул сразу же перешел на сторону мятежников. Гренадеры устремились в императорские апартаменты на втором этаже. Солдаты разбудили и арестовали Анну Леопольдовну и ее мужа Антона Ульриха Шетарди в своем донесении во Францию отмечал: «Найдя великую княгиню правительницу в постели и фрейлину Менгден, лежавшую около нее, принцесса [Елизавета] объявила первой об аресте. Великая княгиня тотчас подчинилась ее повелениям и стала заклинать ее не причинять насилия ни ей с семейством, ни фрейлине Менгден, которую она очень желала сохранить при себе Новая императрица обещала ей это» Миних, которого примерно в те же минуты невежливо разбудили и даже побили мятежники, писал, что, ворвавшись в спальню правительницы, Елизавета произнесла банальную фразу: «Сестрица, пора вставать!» Кроме этих версий есть и

другие. Авторы их считают, что, заняв дворец, Елизавета послала Лестока и Воронцова с солдатами на «штурм» спальни правительницы и сама при аресте племянницы не присутствовала.

Анна Леопольдовна с Антоном Ульрихом спустились из апартаментов на улицу, сели в приготовленные для них сани и позволили увезти себя из Зимнего дворца.

Не все прошло гладко при «аресте» годовалого императора Солдатам был дан строгий приказ не поднимать шума и взять ребенка только тогда, когда он проснется. Около часа они молча простояли у колыбели, пока мальчик не открыл глаза и не закричал от страха при виде гренадеров. Кроме того, в суматохе сборов в спальне уронили на пол четырехмесячную сестру императора, принцессу Екатерину. Как выяснилось впоследствии, от этого удара она оглохла.

Императора Ивана Антоновича принесли Елизавете, и она, взяв его на руки, якобы сказала— «Малютка, ты ни в чем не виноват!» Что делать с младенцем и его семьей, никто толком не знал. Так с ребенком на руках Елизавета поехала в свой дворец.

Вернувшись домой, она направила во все концы города гренадер, в первую очередь в места расположения войск, откуда они привезли новой государыне полковые знамена. За всеми вельможами послали курьеров с приказанием немедленно явиться во дворец.

К утру 25 ноября 1741 года были готовы форма присяги и манифест, в котором провозглашалось, что Елизавета I Петровна вступила на престол «по законному праву, по близости крови к самодержавным .. родителям». Над этими документами потрудились канцлер князь А.М. Черкасский, секретарь Бреверн и А П. Бестужев-Рюмин.

Вызванные и построенные у Зимнего дворца полки принесли присягу. Солдаты прикладывались сначала к Евангелию и кресту, потом подходили к праздничной чарке. Под приветственные крики «Виват», залпы салютов с бастионов Адмиралтейской и Петропавловской крепостей Елизавета торжественно и чинно проследовала в свою резиденцию.

28 ноября был издан второй манифест, в котором право дочери Петра I на российскую корону подкреплялось ссылкой на завещание Екатерины I Иван Антонович был объявлен незаконным государем, не имевшим «никакой уже ко всероссийскому престолу принадлежащей претензии, линии и права». Монеты с его изображением были изъяты из обращения, а множество листов с присягой на верность ему публично сожжены на площадях «при барабанном бое».

ПЕРЕВОРОТ ЕКАТЕРИНЫ II

Россия. 1762 год

Со смертью императрицы Елизаветы Петровны в декабре 1761 года пресеклась династия Романовых Престол перешел к Карлу-Петру-Ульриху, успевшему за короткое правление дать начало новой династии — Романовых-Голш-тейн-Готторпов С именем голштинского принца, внука Петра Великого и Карла XII, связывалось множество надежд и беспокойств. В 1745 году великого князя женили на троюродной сестре — шестнадцатилетней принцессе Софии Августе Фредерике из мелкого княжества Ангальт-Цербст. После принятия православия принцессе дали имя Екатерины Алексеевны.

Переход трона к Петру III прошел спокойно — без попыток Екатерины этому противодействовать. По-видимому, свою роль сыграла беременность великой княгини — в апреле 1762 года у нее родился сын от Григория Орлова— будущий граф Алексей Бобрин-ский.

Уже через полгода после воцарения Петра общество было настроено против него. Духовенство выражало недовольство секуляризацией церковных земель, в результате по стране распространились слухи о пренебрежении царя основами православия, о том, как Петр III, громко смеясь, ходит по церкви во время службы, да и вообще собирается ввести в России лютеранство. Гвардия не одобряла планов императора отправить ее на войну с Данией. Промышленники выступали против запрета на покупку крепостных к заводам. Чиновников беспокоила непредсказуемость Петра. Да и дворянство, поначалу вознамерившееся отблагодарить его за Манифест о вольности сооружением золотой статуи императора, быстро поняло, что ничего хорошего от Петра ждать не приходится.

Национальные чувства русских людей оскорбляло подчеркнутое благоговение императора перед прусским королем, недавним противником России, потерпевшим от русской армии сокрушительное поражение. Петр демонстративно ходил в прусском военном мундире, носил на груди прусский орден, а на руке— перстень с миниатюрным портретом Фридриха и гордился тем, что король сделал его генерал-майором прусской армии.

Екатерине Алексеевне приходилось нелегко. Французский посланник Бре-тейль писал. «Положение императрицы самое отчаянное, ей выказывают полнейшее презрение . Император удвоил внимание к девице Воронцовой. Он назначил ее гофмейстериною Она живет при дворе и пользуется чрезвычайным почетом…»

Привязанность Петра к Елизавете Романовне Воронцовой была сильной и глубокой. Именно в этом и заключалась опасность для Екатерины. Фаворитку поддерживал влиятельный при дворе клан Воронцовых во главе с ее дядей — канцлером Михаилом Илларионовичем. В письме барону Остену в июне 1762 года сама Екатерина писала, что Воронцовы замыслили заточить ее в монастырь и посадить на престол рядом с Петром свою родственницу.

Друзья Екатерины предлагали ей, используя всеобщую ненависть к Петру, свергнуть его, заточить в каземат, чтобы самой править как самодержице или как регентше при малолетнем императоре Павле I. Тот же Бретейль сообщал: «Я полагаю, что императрица, смелость и горячность коей мне известны, решится рано или поздно на крайние меры. У нее есть друзья, которые стараются успокоить ее, но они решатся для нее на все, ежели она того потребует».

Среди наиболее активных заговорщиков — гвардейские офицеры во главе с пятью братьями Орловыми, шеф Измайловского полка, президент Академии наук граф К. Разумовский; воспитатель великого князя Павла, опытный дипломат Н. Панин и его брат генерал П. Панин, их племянница княгиня Е. Дашкова, родная сестра фаворитки Петра III М. Воронцова, и ряд других.

У каждого из них были свои резоны способствовать перевороту. Так, Николай Панин рассчитывал, что Екатерина станет лишь регентшей до совершеннолетия его воспитанника Павла. Братья Орловы надеялись, что возведение на трон Екатерины возвысит их, а может быть, даже приведет к ее браку с Григорием. Юная и романтически настроенная Дашкова просто сочувствовала обиженной и униженной мужем императрице, а Разумовский, как утверждала впоследствии сама Екатерина, был в нее слегка влюблен.

Вокруг Петра III быстро сгущалась атмосфера заговора, что ощущал даже его ближайший друг король Фридрих, настоятельно рекомендовавший ему принять меры безопасности Но Петр отвечал королю: «Если б русские хотели сделать зло, то могли бы уже давно его сделать, видя, что я не принимаю никаких предосторожностей. Могу вас уверить, что, когда умеешь обходиться с ними, то можно быть покойным на их счет».

План братьев Орловых заключался в том, чтобы по испытанному образцу петербургских дворцовых революций захватить императора в его покоях, объявить его низложенным и тем самым ограничить событие пределами императорского дворца. Этот план не был исполнен, поскольку Петр III неожиданно покинул Петербург и отправился в летнюю резиденцию Ораниенбаум на Финском заливе, примерно в 40 километрах от города. Из-за этого выступление против императора было перенесено из стен дворца в гвардейские казармы и на улицы Петербурга.

Срок переворота невольно определил сам Петр III, отдав гвардии приказ готовиться к выступлению в поход против Дании. Кроме того, приходилось считаться с возможностью ареста Екатерины и заключения ее в монастырь.

12 июня император отправился в Ораниенбаум, оставив жену и сына в столице. 17 июня Екатерина также покинула Петербург и прибыла в Петергоф, поручив Павла заботам воспитателя Николая Панина. 19 июня императрица посетила мужа в Ораниенбауме, где присутствовала на театральном представлении, во время которого Петр играл на скрипке. Затем она вернулась в Петергоф.

В ночь на 28 июня Екатерина была разбужена Алексеем Орловым, братом ее любовника, сообщившим, что необходимо действовать немедленно, поскольку арестован один из заговорщиков, гвардейский офицер Петр Пассек. Орлов произнес исторические слова: «Пора вставать, все готово, чтобы провозгласить вас1»

Чуть раньше Федор Орлов сообщил Кириллу Разумовскому, что брат Алексей собирается ехать за Екатериной в Петергоф, чтобы доставить ее в Измайловский полк, где много расположенных к императрице офицеров. Разумовский как президент Академии наук тут же распорядился привести академическую типографию в полную готовность, чтобы начать печатать манифест о восшествии на престол императрицы Екатерины II. Поскольку Екатерина не хотела довольствоваться ролью регентши при своем сыне, в манифесте, опережая события, говорилось, что ее верноподданные уже принесли ей клятву верности как «императрице и самодержице всея Руси».

Из Петергофа Екатерина помчалась в Петербург с такой скоростью, что по дороге пришлось менять загнанных лошадей. В столице ее встретил Григорий Орлов и доставил прямо в казармы Измайловского гвардейского полка.

У слободы Измайловского полка коляску окружили гвардейцы, оглушительно крича здравицы «матушке». Тут же священник привел солдат и офицеров к присяге, и во главе с графом Разумовским измайловцы двинулись вслед за коляской к казармам Семеновского полка. Вскоре к ним присоединились пре-ображенцы.

При выезде на Невский проспект императрицу приветствовала в полном составе Конная гвардия с развернутым знаменем Народ встречал ее радостными криками: кабатчикам было велено отпускать выпивку бесплатно. Город был охвачен всеобщим ликованием, и лишь несколько офицеров остались верны присяге Петру III. Они были арестованы, но с благополучным завершением переворота освобождены и по большей части продолжили службу новой государыне.

В 9 часов утра Екатерина в сопровождении группы офицеров прибыла в переполненный Казанский собор. Высшее руководство последовало примеру полкового клира, и под звон колоколов церковь благословила вновь провозглашенную императрицу как самодержицу Екатерину II. Затем собравшиеся в Зимнем дворце высшие сановники империи, члены Сената и Святейшего синода, придворные чины и генералы принесли присягу императрице.

Уже к 10 часам утра церемония восшествия Екатерины на престол завершилась. Тотчас же весть о смене правления и приказ о возвращении были посланы вдогон трех полков, уже выступивших в поход на Данию. Гонцов отправили также в Кронштадт, Ливонию и Померанию, где находились значительные воинские соединения, к помощи которых мог попытаться прибегнуть Петр.

Весьма вероятно, что многие подданные Екатерины, принося ей присягу, считали, что ее супруга нет в живых. «Повсюду уже распускали слух, будто император накануне вечером упал с лошади и ударился грудью об острый камень, после чего в ту же секунду скончался», — сообщал советник датского посольства Шумахер.

В объявленном манифесте о нем не было ни слова. Екатерина лишь заявила в весьма туманной формулировке, что «Мы были вынуждены, в конце концов, прибегнуть к Господу и его справедливости и, исполняя общее и нелицемерное желание всех подданных, взойти на Наш верховный русский императорский трон».

А чем же занимался в это время Петр III? Утром император прибыл в Петергоф, где намечалось праздновать его именины. Но Екатерины там не оказалось. Петр вернулся в Ораниенбаум и стал одного за другим направлять вельмож в Петербург выяснить, что происходит. Посланцы уезжали и не возвращались. Узнав о перевороте, большинство из них сразу же принесло присягу Екатерине. Лишь во второй половине дня Петр III узнал о перевороте в Петербурге. В его свите находились канцлер Воронцов, вице-канцлер Голицын, фельдмаршал Миних, прусский посланник барон фон дер Гольц.

Когда принялись обсуждать ответные меры, один из советников предложил императору немедленно отправляться в Петербург, выступить перед войсками и перед народом и настаивать на своих неоспоримых правах. Однако Петр III не решился на этот рискованный шаг.

Император направил указ в Кронштадт, чтобы немедленно прислали в Петергоф три тысячи солдат; такой же указ получили и негвардейские полки, стоявшие в столице, — Астраханский и Ингерманландский. Им он приказал срочно маршировать в Ораниенбаум. В случае успеха замысла Петра и его окружения поход Екатерины с веселыми гвардейцами мог

бы закончиться не так триумфально.

Однако Петр упустил время, и когда он сел на галеру и подошел к кронштадтской гавани, вход в нее был уже перекрыт бонами, а караульный мичман Михаил Кожухов в ответ на приказ императора пропустить его в гавань прокричал, что теперь уже нет Петра III, а есть только Екатерина П. Это означало, что эмиссары Екатерины поспели в Кронштадт раньше, чем люди императора. Выход в открытое море также был перекрыт вооруженным кораблем.

После безуспешной попытки найти защиту в крепости Кронштадт Петр отказался даже от бегства через Лифляндию в Пруссию. В полуобморочном состоянии и, как передают, почти неспособный говорить, он возвратился в Ораниенбаум.

Между тем Екатерина во главе войск выступила из Петербурга, чтобы арестовать незадачливого супруга. С ней была значительная сила: три пехотных гвардейских полка, конногвардейцы, полк гусар и два полка инфантерии. Впрочем, опасаться серьезного сопротивления со стороны голштинцев не приходилось по причине их крайней малочисленности. «Была ясная летняя ночь, — писал один из первых биографов императрицы А. Г. Брикнер.»— Екатерина, верхом, в мужском платье, в мундире Преображенского полка, в шляпе, украшенной дубовыми ветвями, из-под которой распущены были длинные красивые волосы, выступила с войском из Петербурга, подле императрицы ехала княгиня Дашкова, также верхом и в мундире: зрелище странное, привлекательное, пленительное. Эта сцена напоминала забавы Екатерины во времена юношества, ее страсть к верховой езде, и в то же время здесь происходило чрезвычайно важное политическое действие: появление Екатерины в мужском костюме, среди такой обстановки, было решающим судьбу России торжеством над жалким противником, личность которого не имела значения, сан которого, однако, оставался опасным до совершенного устранения его».

Когда утром 29 июня войска подошли к Стрельне, Екатерина встретилась с вице-канцлером князем А.М. Голицыным. Он передал ей письмо от Петра III, в котором тот просил у жены прощения за обиды и обещал исправиться. Отвечать на него императрица не стала, а Голицын принес ей присягу и присоединился к свите.

В Петергофе посланник Петра передал императрице записку, в которой Петр обещал отказаться от престола в обмен на небольшую пенсию, голштинский трон и фрейлину Воронцову. В ответ Екатерина отправила своему супругу акт об отречении, который он должен был переписать и поставить свою подпись. Сановные фразы этого акта гласят: «За короткое время моего самодержавного правления я понял его тяжесть и груз, которые непосильны для меня .. Этим я торжественно объявляю без ненависти и без принуждения не только Российской империи, но и всему миру, что я отказываюсь от правления Российской империей до конца моих дней. Пока я жив, я не хочу править Российской империей ни как самодержец, ни в какой-либо иной форме и никогда и ни с чьей помощью не буду этого добиваться. В этом я искренне и без лицемерия клянусь перед Богом и всем миром».

К обеду Григорий Орлов привез из Ораниенбаума в Петергоф собственноручное отречение поверженного и униженного Петра III. Сам император был арестован и доставлен в поместье Ропша под надзор Алексея Орлова, капитана Петра Пассека и князя Федора Барятинского Предполагалось, что пленник поживет там несколько дней, пока ему не приготовят покои в Шлиссельбурге.

Таким образом, переворот свершился, бедная немецкая принцесса София Августа Фредерика по прозвищу Фике превратилась в Ее Императорское Величество самодержицу Всероссийскую Екатерину Вторую! Екатерина ощущала в себе способности и желание править, ей казалось, что она сумеет прославить и себя и страну. «Счастье не так слепо, как его себе представляют, — скажет она позднее в своих „Записках“. — Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, верных и точных, не замеченных толпою и предшествующих событию. А в особенности счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств, характера и личного поведения».

Полки вернулись в столицу. Воскресенье 30 июня стало днем всеобщего ликования и пьянства Народ, а особенно чувствовавшие себя героями дня солдаты-гвардейцы не удовлетворились бесплатно выдававшейся с государственных складов водкой и разграбили несколько частных водочных лавок. Два года спустя императрице пришлось выплатить

пострадавшим возмещение в размере 24 300 рублей.

Вскоре Екатерина II выпустила следующий манифест: «На седьмой день после того как Мы взошли на всероссийский престол, Мы получили известие, что бывший император Петр III… заболел тяжелыми коликами. Памятуя о Нашем христианском долге и о священных заповедях, которые предписывают Нам заботу о жизни ближних, Мы сразу же приказали послать ему все, что… необходимо для скорейшей врачебной помощи Но к Нашему величайшему горю и сердечной скорби вчера вечером Мы получили известие, что он по воле Высочайшего Господа усоп».

Современникам и в России, и за границей было тяжело поверить в правдивость этого рассказа Даже сын Екатерины, Павел считал, что она приказала убить его отца. После смерти императрицы он нашел в ее письменном столе сообщения Алексея Орлова, которые ее относительно оправдывают. Орлов писал 2 июля: «Матушка, милостивая государыня, здравствовать Вам мы все желаем несчетные годы. Мы теперь., благополучны Только наш очень занемог, и схватила его нечаянная колика, и я опасен, чтоб он сегодняшнюю ночь не умер, а больше опасаюсь, чтоб не ожил». И далее Орлов поясняет, в чем опасность выздоровления бывшего императора: «Первая опасность — для того, что он все вздор говорит, и нам это нисколько не весело. Другая опасность, что он действительно для нас всех опасен для того, что он иногда так отзывается, хотя в прежнее состояние быть».

Второе письмо Орлова датировано 6 июля. «Матушка, милосердная императрица1 Как мне объяснить, описать, что произошло. Ты не поверишь своему верному рабу, но я скажу правду, как перед Богом… Матушка! Я готов к смерти, но сам не знаю, как произошло несчастье. Матушка! Его больше нет в живых… Он заспорил за столом с князем Барятинским; мы не смогли их разнять, и вот его уже не стало… Имей милость ко мне и ради моего брата.. Я света белого не хочу видеть Мы рассердили Тебя и навеки погубили наши души».

Чтобы опровергнуть сразу же возникшее подозрение в отравлении, Екатерина приказала вскрыть тело Петра, но «не нашли ни малейшего следа отравления».

Можно предположить, что недавно взошедшая на трон путем государственного переворота императрица прямо не требовала убить своего свергнутого супруга. Но ее окружение знало, что она «считала необходимым устранение Петра» (Бильбасов) Так что это убийство было для нее очень кстати, даже если она осознавала, что мировое общественное мнение будет подозревать ее в убийстве супруга Екатерина прилагала большие усилия, чтобы очиститься от этих подозрений, разыгрывала из себя не только глубоко удрученную, но и великодушную, и обратилась к своим «верным подданным» с «материнским словом», чтобы они «без неприязни простились с его прахом и посылали Господу благоговейные молитвы о спасении его души». Как ни странно, она выставила тело для всеобщего обозрения, хотя согласно многочисленным совпадающим свидетельствам лицо мертвого было совершенно черным, а шея до самых ушей закрыта шелковым шарфом Публично было объявлено, что бывший император скончался «от геморроидальных колик»

В погребении убитого Екатерина не участвовала Для широкой публики это обосновывалось опасностью для ее здоровья. Панин по всей форме просил Сенат, чтобы он «в своей заботе о Ее величестве покорнейшим образом предложил ей» не участвовать в похоронах Сенат одобрил предложение Панина, а императрица его исполнила.

Петр III был погребен в церкви Александро-Невской лавры без надгробья и без надписи Никто из участников инцидента в Ропше не был наказан, наоборот, по прошествии некоторого времени Екатерина явила свое «кроткое милосердие» Братья Орловы получили графское звание Лейтенант Алексей Орлов был назначен секунд-майором Преображенского гвардейского полка в чине генерал-майора и получил от своей милостивой императрицы в подарок 800 душ.

Екатерина достигла всего, чего желала, она обошла законного наследника — своего сына Павла — и без всяких законных оснований заняла престол.

ПЕРЕВОРОТ ГУСТАВА III

Швеция. 19 августа 1772 года

В истории Швеции XVIII века вряд ли найдется более загадочная и интересная фигура, чем Густав III, — «просвещенный деспот», поклонник Вольтера и Дидро.

Чтобы лучше представить себе значение его правления для Швеции, обратимся к ее истории в XVIII столетии Как известно, первые два десятилетия века пришлись на очень тяжелую для шведов Северную войну, в результате которой страна утратила положение великой европейской державы, а корона — с гибелью в 1718 году самодержца Карла XII — свою прежнюю власть В Швеции больше чем на полвека установился полуреспубликанский режим, нареченный «эрой свобод» Реальная власть оказалась в руках риксдага (че-тырехсословного парламента, куда, помимо дворянства, духовенства и бюргерства, входило и свободное крестьянство), вернее, у формируемого им правительства.

Постепенно в парламенте появились политические «партии», между которыми в 1760-х годах развернулась острая борьба. Первая — «шляпы» (по названию дворянского головного убора) — представляла ориентированную на Францию воинственную часть дворянства и привилегированного бюргерства столицы Вторая — в основном обуржуазившихся аристократов, склонявшихся к союзу с Россией и настроенных миролюбиво (отсюда ее насмешливое прозвище «колпаки»), а также провинциальных бюргеров. Радикальное крыло этой партии выступало за отмену дворянских привилегий «Придворная партия» стояла за укрепление власти короны, за восстановление абсолютизма Мягкий по характеру шведский король Адольф Фредрик, в отличие от своей честолюбивой супруги Луизы Ульрики, сестры короля Пруссии Фридриха Великого, не слишком жаждал реально властвовать, чего нельзя сказать о его даровитом сыне Густаве.

Первенец, согласно законам Шведского королевства, он был провозглашен наследником престола Густав получил основательное по тем временам образование Его учителями были видные шведские государственные деятели Карл Густав Тессин, а затем Карл Фредрик Шеффер Историю и географию ему преподавал Улоф Далин, один из основоположников шведской историографии Принц так хорошо овладел французским языком, что говорил и писал на нем лучше, чем по-шведски.

Довольно рано кронпринц стал приобщаться к бурной политической жизни в Швеции, входя «по должности» в некоторые высшие органы управления страной Интриги и склоки партийных группировок, различного рода пасквили, наводнившие страну в результате почти неограниченной свободы слова, и особенно продажность чиновников государственного аппарата и депутатов риксдага (все знали, что «шляпы» находились на содержании Франции, а «колпаки» — Дании и России) — все это склоняло Густава к намерению укрепить власть короны.

В 1766 году высшие политические интересы Швеции заставили принца Густава вступить в брак с датской принцессой Софией Магдаленой, с которой он был помолвлен с четырехлетнего возраста Уже рано выяснилось, что этот брак в личном плане оказался неудачным.

Осенью 1770 года принц под именем графа Готландского в сопровождении своего самого младшего брата Адольфа Фредрика и Шеффера отправился в путешествие по Европе, собираясь посетить и «столицу мира» — Париж Здесь он познакомился с блестящим двором Людовика XV, много времени провел в беседах с философами и писателями.

Но вечером 1 марта 1771 года, когда кронпринц слушал оперу в ложе графини д'Эгмон, ему доставили спешное сообщение, что его отец король Адольф Фредрик внезапно скончался от удара Теперь визит Густава приобретал совершенно иной смысл Советники Людовика XV усиленно внушали ему мысль о необходимости государственного переворота и обещали помощь.

Кронпринц и сам мечтал о сильной королевской власти. На руку реставраторским планам играла также идеология просвещенного абсолютизма, в то время весьма популярная в верхах общества и позволявшая, в нужном случае, прикрыть авторитетом Вольтера антиконституционные действия. Одновременный развал «дворянской демократии» в Польше бросал сильную тень и на режим сословного парламентаризма в Швеции, тем более что в обоих случаях парламентский строй активно поддерживался извне Россией На страже шведской конституции стояли тогдашние союзники России Пруссия, Дания и Англия (возобновившая

дипломатические отношения со Швецией в 1764 году). Противников «режима свободы» окрыляла также начавшаяся в 1768 году большая русско-турецкая война, отвлекавшая от Балтики и Швеции внимание и силы великого соседа.

Смена царствующих особ влекла за собой созыв риксдага, собравшегося летом 1771 года. На первых порах король Густав III (и стоявший за ним французский посланник) ратовал лишь за примирение партий (так называемую композицию), за неизменность и своих прерогатив, и сословных привилегий; в этом его поддерживала дворянская элита. Однако водораздел на риксдаге вновь прошел между дворянством и податными сословиями Большинство дворян шло за «шляпами», большинство в трех податных сословиях — за «колпаками»; разночинцы требовали и добились пересмотра ограничения дворянских привилегий под видом новой редакции королевского обязательства (февраль 1772 года). Вслед за тем, в апреле 1772 года был обновлен состав риксрода, и канцлера «шляпу» (К Экеблада) вновь сменил «колпак» барон И. фон Дюбен.

Однако радикальное крыло этим не довольствовалось. В их клубах уже требовали двухпалатного парламента, дальнейшего ограничения власти короля, говорили о третьей, демократической партии.

Чем активнее выступали разночинцы, тем шире становился круг сторонников твердой, хотя и ограниченной королевской власти, гарантирующей незыблемость сословных привилегий и крупных состояний. В этих условиях юный король лавировал и втайне искал союзников, в первую очередь среди офицерства. Именно молодые военные составили ударную силу в том крыле партии «шляп» (так называемые фрондеры), которое не желало уступать «колпакам» — разночинцам.

Общее положение страны в 1772 году было тяжелым: катастрофический неурожай и голод среди беднейшей части населения, дороговизна, стесненное положение чиновников, офицеров, финансистов. Ощущалась усталость и апатия политического актива всех сословий, в особенности умеренного крыла обеих партий.

В мае 1772 года король принял план военного заговора, предложенный ему полковником-финляндцем Е. Спренгтпортеном, лидером фрондеров-«шляп». Ударной силой переворота должны были стать воинские части, в первую очередь гвардейские: экономией на военных расходах правительство «колпаков» восстановило против себя все офицерство. Деньги для переворота предоставляло французское правительство, которое делало ставку на восстановление абсолютной монархии в Щвеции.

19 августа 1772 года король Густав III, получив известие об успешном выступлении своих сторонников в Сконе (12 августа) и Финляндии (16 августа), поднял гарнизон столицы и арестовал членов государственного совета Созванный вслед за тем в королевском дворце риксдаг согласился на ликвидацию обеих партий и обновление состава риксрода, куда вошли и «шляпы» (большинство) и умеренные «колпаки». Новая форма правления была единодушно одобрена. Впрочем, на здание дворца, окруженное гвардией, были наставлены заряженные пушки. В последний момент успеху Густава III способствовали устрашающие известия о разделе Речи Посполитой ее соседями. Искусная пропаганда позволила представить переворот в глазах шведского и западноевропейского общественного мнения как антиаристократическую, антиолигархическую «революцию», чему поверил даже Вольтер. «Эра свобод» закончилась.

Однако Густав III не решился на немедленное и полное восстановление абсолютизма. Швеция номинально осталась конституционной монархией, но с сильной королевской властью. Согласно «форме правления» 1772 года король делил законодательную власть с риксдагом; в единоличную королевскую компетенцию, правда, входило текущее законодательство в экономической и административной областях. Большая часть выборных органов риксдага, начиная с секретного комитета, была упразднена. В случае разногласий между сословиями в риксдаге исход голосования решала воля короля; ему же принадлежало право созыва риксдага в угодные сроки.

Риксрод снова стал совещательным органом. Большинство вопросов текущей политики, в особенности внешней, король мог решать, не считаясь с государственным советом, который также созывался им по своему усмотрению. Только объявлять наступательную войну и выезжать за границу король не мог без согласия риксрода.

Риксдаг терял всякий контроль над деятельностью совета. За риксдагом были оставлены, однако, утверждение новых законов и налогов, контроль над Банком сословий и право вето в случае наступательной войны. Налоги, впрочем, риксдаг 1772 года вотировал на неопределенный срок. Все конституционные акты 1680—1772 годов были отменены,

Абсолютизм Густава III был, таким образом, прикрытым и неполным. Искусный оратор и демагог, король маскировал свои действия «просветительской» фразеологией и под шум нападок на «суверенитет» (самодержавие) и на «аристократию» — имелось в виду всесилье высших чиновников в «эру свобод» — фактически укрепил пошатнувшееся было положение дворянства.

Помещичьи крестьяне, принявшие было за чистую монету выпады Густава III против аристократии и повезшие королю жалобы на господ, были быстро призваны к порядку Наиболее крупные волнения крестьян на юге, в Сконе и Халланде, были подавлены силой. Покупка коронной земли крестьянами была вновь запрещена вместе с важным правом домашнего винокурения, однако покупка дворянской земли недворянами при Густаве III неуклонно продолжалась, и двери Рыцарского дома были отворены королем для десятков новоиспеченных дворян из числа его сторонников.

Неожиданный для иностранных послов переворот Густава III облегчался благоприятной для него международной обстановкой. Дания была ослаблена недавним свержением диктатора И.Ф. Струэнзе. Царское правительство — главный ревнитель шведских конституционных порядков — было поглощено только что происшедшим «разделом Польши» и мирными переговорами с Турцией. Правительство Екатерины II, однако, лишь временно примирилось со своей неудачей в Швеции: в 1773 году к новому русско-датскому союзному договору была приложена секретная статья о том, что обе державы обязуются при первом удобном случае силой восстановить в Швеции конституцию 1720 года. Главной внешней опорой Густава III оставалась Франция Король, со своей стороны, старался не раздражать соседей и в 70-х годах всячески подчеркивал свое миролюбие, главное внимание короля было поглощено внутренними проблемами страны.

В голове Густава III странным образом уживались идеи старших французских просветителей с крайним сословным чванством, за его столом приглашенные лица рассаживались по степени «голубизны» крови, он восстановил публичное одевание короля и прочие детали этикета Людовика XIV, уже казавшиеся смешными…

УБИЙСТВО ГУСТАВА III

Швеция. Март 1792 года

В годы правления Густава III был проведен целый ряд реформ в экономике и общественном устройстве Швеции. Именно тогда, при Густаве III, была установлена государственная монополия на производство и продажу спиртных напитков, существующая в Швеции до сих пор. Были запрещены пытки и смягчено уголовное законодательство. В это же время страна стала более веротерпимой.

«Густавианская эпоха» — блестящая пора в истории шведской культуры. В 1786 году Густавом III была основана знаменитая Шведская академия, та самая, которая в нашем столетии присуждает Нобелевские премии по литературе. Король покровительствовал писателям и поэтам. С детских лет Густав III был театралом, играл в любительских представлениях при дворе, а впоследствии писал пьесы и либретто для опер, ставил спектакли, набрасывал эскизы декораций и костюмов Созданный Густавом III в загородном дворце Дрот-тнингхолм летний театр действует до сих пор. В 1773 году в Стокгольме открылась Королевская опера, а в 1788-м— Королевский шведский драматический театр.

Однако политический режим в Швеции стал довольно жестким. Необычные для Европы того времени широкие гражданские свободы, в том числе и свобода печати, существовавшие в Швеции в 1760-х годах, были после переворота урезаны. Густав III создал и тайную полицию.

На первых порах, в 1770-е годы, Густаву еще удавалось преодолевать серьезные экономические трудности страны. Во многом этому содействовало введение новой денежной

системы, основанной на серебряном риксдалере. Однако в 1780-е годы, к концу которых король в значительной степени потерял доверие дворянства, временную поддержку оказывали лишь иностранные субсидии, главным образом французские.

В 1789 году при поддержке податных сословий Густав III силой заставил созванный в Стокгольме риксдаг принять новый конституционный документ, так называемый «Акт единения и безопасности», дававший королю почти неограниченную власть, опираясь на которую Густав III продолжал искать выход из сложного экономического положения. В 1791 году он обратился к Екатерине II с предложением организовать контрреволюционную интервенцию во Францию, интриговал в Польше, обдумывал планы захвата Норвегии. Заключенный в октябре 1791 года русско-шведский союзный договор ничего не говорил о походе против Франции, но субсидии Швеция все же получила.

Однако этих денег не хватало. Нужны были глубокие преобразования, чтобы преодолеть финансовый кризис, и именно для этого Густав пошел на созыв риксдага, который, во избежание возможных эксцессов, был проведен далеко от столицы, в провинциальном городе Евле Внешне даже казалось, что Густав III достиг наконец сплочения нации Но дальнейшие события показали обратное.

Вечером в пятницу 16 марта 1792 года к зданию Оперы беспрерывно подъезжали сани, откуда выпархивали коломбины и одалиски, ловко выпрыгивали халифы и флибустьеры. Вся молодежь Стокгольма стремилась попасть на бал-маскарад, где, в отличие от официальных балов, могли присутствовать и дворяне и разночинцы.

К одиннадцати часам приехал из драматического театра король. В одном из залов Оперы монарха ждал накрытый ужин, который он намеревался провести в небольшой компании своих фаворитов: гофшталмейстера Ханса Хенрика фон Эссена, нескольких молодых камер-юнкеров и офицеров. На сей раз отсутствовал один из самых близких Густаву III людей — Густав Мориц Армфельт, приглашенный на этот вечер к датскому послу.

Когда трапеза его величества подходила к концу, паж подал ему запечатанное письмо, где анонимно сообщалось, что на короля готовится покушение. На все заклинания отменить бал-маскарад, не спускаться в зал к танцующим или, по крайней мере, надеть панцирь под одежду и выйти в окружении стражи Густав III ответил отказом Он и раньше получал подобные предупреждения, но больше всего на свете не хотел показаться трусливым. Однажды он сказал: «Если я испугаюсь, то смогу ли править?» А потому, завершив ужин, король отправился выбирать себе маскарадный костюм.

Он набросил на плечи венецианский плащ из черной тафты, причем столь небрежно, что из-под него виднелся большой крест ордена Серафимов, имевшийся только у членов королевской фамилии, надел черную шляпу с белыми перьями, к которой была пришита белая маска из ткани, закрывавшая лицо, и в сопровождении Эссена и дежурного капитана спустился в зал.

Приближалась полночь Бал был в самом разгаре Народу собралось так много, что королю и его окружению приходилось протискиваться через толпу. Внезапно позади Густава III возникла фигура, одетая в маску и черное домино. Неизвестный выхватил пистолет и, присев, прицелился королю в спину А он в это время резко повернулся влево. Рука преступника дрогнула, раздался выстрел, и весь заряд попал королю чуть выше бедра. Он вскрикнул по-французски: «Я ранен» и судорожно схватил Эссена за плечо. Растерявшийся гофшталмей-стер помог монарху добраться до каменной скамейки у стены.

Как ни странно, паники не возникло. Музыка играла так громко, что далеко не все слышали выстрел, а некоторые приняли его за хлопушку. Тем не менее охране удалось быстро перекрыть все выходы.

Раненого короля перевезли во дворец, где его осмотрели лейб-медики, попытавшиеся извлечь пулю из раны. Оказалось, что заряд злоумышленника состоял еще и из дроби и даже ржавых обойных гвоздиков. По свидетельству очевидцев, во время переезда, зондирования раны и операции монарх держался достойно.

Сначала серьезных опасений ранение врачам не внушало. Целую неделю после покушения Густав III чувствовал себя относительно неплохо. Но в воскресенье 26 марта его состояние резко ухудшилось. К обострившимся болям в ране добавилась простуда — видимо, в

спальне было очень холодно. Короля терзал мучительный кашель. Агония началась в ночь на 28-е Кашель прекратился, началось сильное нагноение раны. Старый врач короля, осмотрев больного, в конце концов рекомендовал ему позвать брата и помириться с ним. Ведь по Стокгольму пошли слухи, что герцог Карл, не приехавший на тот злополучный бал, причастен к покушению. ,

Густав III понял, что ему предстоит. Он тут же вызвал к себе преданного статс-секретаря Элиса Шредерхейма и велел составить дополнение к основному завещанию: власть в Швеции должна до совершеннолетия наследного принца Густава Адольфа, которому шел тогда четырнадцатый год, перейти в руки не только герцога Карла, но и правительства опекунов, куда король вводил своих ближайших фаворитов — Таубе и Армфельта. Первого он назначал министром иностранных дел, а второго — генерал-губернатором Стокгольма. Фактически в их руки передавалась почти вся полнота власти. Через несколько часов король скончался.

Герцог Карл действовал быстро и решительно. На созванном вскоре заседании временного правительства верховный судья Вахтмейстер заявил, что дополнение к завещанию не имеет юридической силы, так как по законам Швеции его должны были скрепить два свидетеля, а на нем только подписи короля и статс-секретаря. Таким образом, власть в королевстве переходила к герцогу Карлу.

Как позже выяснилось, исполнителем убийства стал отставной гвардейский капитан Якоб Юхан Анкарстрем, жизнь которого сложилась весьма неудачно. А направлял руку убийцы генерал Пеклин, в «эру свобод» влиятельный деятель риксдага, а затем один из руководителей оппозиции. Заговорщики надеялись, что покушение послужит сигналом к восстанию, которое приведет к ограничению монархии и установлению более либерального режима.

Первым актом регента явилось распоряжение о суде над убийцами его брата. Преследования привели к большому количеству арестов. Но вскоре большинство захваченных было отпущено. Только Анкарстрем и некоторые из активных участников заговора предстали перед судом. Убийца приговорен был к смерти и казнен; остальные подверглись лишь незначительным наказаниям. Эта мягкость приписана была влиянию одного человека, который играл преобладающую роль в Швеции в течение последующих лет, а именно Рейтер-хольму. Последний был личным другом герцога Седерманландского. При Густаве III ему поручали лишь не особенно важные административные обязанности. Умный, тщеславный, увлеченный либеральными идеями, заимствованными у Руссо, он получил огромное влияние на ограниченный ум регента и в сущности являлся истинным правителем страны. Так как он был из числа ожесточенных врагов покойного короля, которому он не мог простить заключения в тюрьму своего брата во время переворота 1772 года, то он начал устранять от власти сторонников Густава III, которые с этого момента стали оппозиционной партией и искали поддержки за границей, особенно у России.

Вокруг этого события сложилось много легенд, одна из которых прямо связывала его с деятельностью французских якобинцев, — в ту пору открыто говорили о том, что они собираются уничтожать коронованных особ. При петербургском дворе, как вспоминал секретарь Екатерины II А.М. Грибовский, «распространился слух, что французские демагоги рассылали подобных себе злодеев для покушения на жизнь государей». Передавали, будто мэр Парижа Петион держал пари, что к 1 июня того же 1792 года Екатерины II уже не будет в живых. Однако никаких подтверждений причастности якобинцев к покушению на Густава III не было найдено ни тогда, ни после. Кроме того, герцог Карл и его окружение, придя к власти, постарались скрыть подлинные факты, из-за чего возникла версия о том, что покушение готовила небольшая группа аристократов. Лишь в 50-х годах нашего столетия шведский историк Андерс Ларссон, тщательно изучив ставшее доступным для исследователей многотомное уголовное дело об убийстве Густава III, сумел показать, сколь разветвленным и глубоким был заговор против короля.

ПЕРЕВОРОТ 9 ТЕРМИДОРА

Франция. 27 июля 1794 года

Весной и летом 1794 года у лидера якобинцев Робеспьера, установившего во Франции режим террора, положение было не из легких. Крестьяне были недовольны реквизицией продовольствия, рабочие — установленным максимумом заработной платы; собственники возмущались правительственной регламентацией, законами против скупщиков и спекулянтов.

Уже в апреле — мае 1794 года в Конвенте сложилась антиробеспьеристская оппозиция, ядром которой являлись рьяные террористы, чувствовавшие нависшую над ними угрозу, — Фуше и Каррье, и в особенности те из них, кто совершил должностные преступления, — Тальен, Баррас, Фрерон… Их ближайшее окружение составляли: грубый Бурдон от Уазы, беспощадный и предприимчивый Мерлен из Тионвиля, коварный Лежандр, крупный спекулянт Ровер, вероломный Лекуэнтр Эти люди не рисковали открыто выступать против Робеспьера, получившего прозвище «Неподкупный». Они действовали скрытно, убеждая в личных беседах депутатов, что Робеспьер стремится гильотинировать весь Конвент и установить свою «диктатуру». И этой клевете на Робеспьера верили все, чья репутация была в той или иной степени запятнана, а таких в Конвенте насчитывалось немало.

Раскол произошел и в правительственных комитетах. Против «триумвирата» Робеспьер — Сен-Жюст — Кутон, контролирующего Комитет общественного спасения, все чаще выступали деятели правого крыла Горы <*«Гора» — революционно-демократическая группировка в Конвенте, в отличие от «Равнины». Названы по их месту в зале Конвента. Первые занимали верхние скамьи, вторые — нижние.*> — Карно, Робер Ленде, Приер из Кот-д'Ор, могущественный финансист Конвента Кам-бон, и представители якобинской «левой» — Колло д'Эрбуа, Билло-Варен, Ва-дье, Амар. И те, и другие обвиняли Робеспьера в стремлении к «диктатуре». Вступив в спор вскоре после казни Дантона на одном из заседаний Комитета общественного спасения с Робеспьером и Сен-Жюстом, Карно бросил им в лицо: «Вы — смешные диктаторы». Билло-Варен также имел в виду Робеспьера, когда говорил 1 флореаля (20 апреля) в Конвенте: «Каждый народ, дорожащий своей свободой, должен остерегаться самих добродетелей тех людей, которые занимают высокие посты… Лукавый Перикл пользовался цветами, которыми украшал его народ, чтобы прикрыть цепи, которые он ковал афинянам».

В этой атмосфере ожесточения, подозрительности, страха, сложившейся тогда в Конвенте и в правительственных комитетах, был принят декрет Куто-на от 22 прериаля. Закон отличался крайней суровостью. За преступления, подлежащие ведению Революционного трибунала, назначалась только смертная казнь. Количество присяжных сокращалось, институт защитников упразднялся Отменялся предварительный допрос подсудимых. Суду предоставлялось право не вызывать свидетелей. Мерилом для вынесения приговора считалась « ..совесть судей, руководствующаяся любовью к отечеству».

Декретом от 5 апреля 1793 года было установлено, что членов Конвента можно предавать суду Революционного трибунала лишь по обвинительному акту самого Конвента. И этот порядок строго соблюдался. В законе 22 прериаля такой статьи не было, что больше всего обеспокоило антиробеспьеристскую оппозицию.

В Конвенте произошла ожесточенная перепалка. Депутат Рюан потребовал отсрочки принятия декрета, заявляя, что в противном случае он застрелится. Робеспьер выступал дважды и добился немедленного вотирования декрета. Однако на заседании 23 прериаля, на котором члены Комитета общественного спасения не присутствовали, Бурдон от Уазы все же настоял на принятии дополнительной статьи к декрету, подтверждавшей исключительное право Конвента предавать суду Революционного трибунала своих членов.

В этот же день, 23 прериаля, на заседании Комитета общественного спасения Билло-Варен обвинил Робеспьера в желании гильотинировать весь Конвент, а затем в запальчивости воскликнул: «Я знаю, кто ты? Ты — контрреволюционер!».

На заседании Конвента 24 прериаля Робеспьер и Кутон обвинили Бурдона от Уазы и его друзей в интригах, угрожающих отечеству, и добились отмены дополнительной статьи к декрету, принятой накануне Грозный декрет от 22 прериаля вошел в силу в той редакции, в какой он был предложен Кутоном.

С начала июля 1794 года Робеспьер перестал посещать заседания Комитета общественного спасения — из-за сильных разногласий с его большинством. Это лишь укрепило

позиции его противников. «Он дал нам время договориться о том, как свалить его», — заявил впоследствии Билло-Варен.

С принятием декрета от 22 прериаля началась самая неприглядная страница в истории якобинского терроризма. Число казней резко возросло, а сами они приняли совершенно хаотичный характер.

В конце концов и Робеспьер, который был главным идейным вдохновителем терроризма, понял, что те, кто должен был бояться террора, сумели использовать его в своих целях они злорадно потирали руки, наблюдая усиление террора, так как надеялись, что гнев его жертв и негодование народа вскоре обрушатся на самого Робеспьера. Неподкупный стал осуждать разгул террора, но было уже поздно. Терроризм незаметно из чрезвычайной меры перерос в повседневную практику, превратившись в инструмент расправы с неугодными лицами, способ грабежа, личного обогащения и всяческих злоупотреблений.

4—5 термидора (22—23 июля) на совместном заседании правительственных комитетов была предпринята последняя попытка примирения. Одному из организаторов побед революционной армии над интервентами, сторонника Робеспьера, Сен-Жюсту предложили сделать в Конвенте доклад об общем положении республики.

Предваряя доклад Сен-Жюста, Робеспьер выступил 8 термидора (26 июля) в Конвенте с большой речью, в которой бросил вызов всем своим врагам как справа, так и слева. Неподкупный утверждал, что против свободы создан заговор, что своей силой этот заговор обязан преступной коалиции, интригующей в самом Конвенте, что эта коалиция имеет сообщников в Комитете общей безопасности и во всех бюро этого комитета, где они господствуют… что в этот заговор входят и члены Комитета общественного спасения, что созданная таким образом коалиция стремится погубить патриотов и родину.

В заключение Робеспьер потребовал: «Наказать изменников, обновить все бюро Комитета общей безопасности, очистить этот комитет и подчинить его Комитету общественного спасения, очистить и самый Комитет общественного спасения, установить единство правительства под верховной властью Национального конвента . сокрушить все клики и воздвигнуть на их развалинах мощь справедливости и свободы».

Робеспьеру предложили назвать депутатов, которым он не доверял. Он отказался. То, что Робеспьер не назвал имена руководителей заговора, было его врагам как раз на руку. Расплывчатость угроз вождя якобинцев объединяла против него значительное количество депутатов, опасавшихся за свою жизнь, и способствовала созданию против него сильного большинства.

Впрочем, некоторые имена были все же названы Робеспьер резко обрушился на Камбона, заявляя, что его финансовая политика выгодна лишь богатым и имеет целью «разорить и привести в отчаяние бедных, умножить число недовольных». Столь же резко критиковался и Фуше как защитник «атеизма».

Авторитет Робеспьера был еще велик. Конвент встретил его речь громом аплодисментов. Заговорщики в первый момент растерялись. Лоран Лекуэнтр, который еще 24 мая, на интимном ужине, в присутствии девяти депутатов Конвента, призвал прикончить Робеспьера ударом кинжала, внес теперь льстивое предложение напечатать его речь. Но запротестовал Бурдон от Уазы, потребовавший передать эту речь на предварительное рассмотрение комитетов. На Бурдона резко обрушился Кутон, которому удалось добиться решения Конвента о том, что речь Робеспьера будет не только напечатана, но и разослана по коммунам республики. И тут поднялся Камбон, которому уже нечего было терять. «Пора сказать всю правду, — заявил он. — Один человек парализовал волю всего Национального конвента; это человек, который только что произнес здесь речь, — это Робеспьер». Камбон полностью отверг обвинения Неподкупного в адрес комитетов и заключил, что опасаться нужно властолюбивых замыслов его самого. Депутата поддержали Билло-Варен, Амар и многие другие. Принятое решение напечатать речь Робеспьера и разослать ее по коммунам было отменено.

Битву в Конвенте Робеспьер проиграл. Если Неподкупный хотел продолжить борьбу, он должен был теперь вынести ее за стены Конвента, обратиться к парижским секциям, к народу.

Вечером 8 термидора Робеспьер пришел в Якобинский клуб, где вновь зачитал свою речь. Ему горячо аплодировали. Колло д'Эрбуа и Билло-Варен, пытавшиеся возражать

Неподкупному, были изгнаны из зала. Однако никакого плана действий якобинцы не наметили. Робеспьер был печален. В конце своего выступления он сказал: «Эта речь, которую вы выслушали, — мое предсмертное завещание; сегодня я видел смерть — заговор злодеев так силен, что я не надеюсь ее избегнуть Я умру без сожаления; у вас останется память обо мне; она будет вам дорога, и вы ее сумеете защитить». После выступления Робеспьер вернулся домой и сразу лег спать.

А заговорщики тем временем занимались разработкой своего плана. Таль-ен, Баррас, Фуше, Бурдон от Уазы и другие до поздней ночи вели переговоры с депутатами Равнины, убеждая их голосовать завтра против Робеспьера. И Равнина пообещала им свою поддержку. Во всех деталях была разработана тактика обструкции, которой рассчитывали сорвать доклад Сен-Жюста. Приняли меры и на тот случай, если бы Робеспьер все же рискнул обратиться за поддержкой к Парижской коммуне. Еще ранее по распоряжению Карно из Парижа были выведены некоторые части артиллерии Национальной гвардии, которые не внушали заговорщикам доверия.

Вечером 8 термидора, когда Робеспьеру аплодировали в Якобинском клубе, решением Комитета общественного спасения было упразднено главное командование Национальной гвардии Парижа, доверенное Анрио. Отныне функции командующего должны были поочередно исполнять начальники легионов.

9 термидора (27 июля), ровно в полдень, на трибуну Конвента поднялся Сен-Жюст, чтобы сделать порученный ему правительственными комитетами доклад. В отличие от Робеспьера он собирался сделать шаг к примирению с Конвентом. Но ему не дали говорить. Тальен и Билло-Варен прервали его с первых же слов. Оба кричали, что Конвент не хочет больше терпеть «новых тиранов». Началась заранее намеченная обструкция. Раздавались возгласы:

«Да погибнут тираны!» Робеспьер пытался пройти к трибуне. Но его встретили криками: «Долой тирана!»

Председательствовавший в начале заседания Колло д'Эрбуа предоставил слово Тальену, который стал громить «нового Катилину», «новых Верресов». Робеспьер продолжал требовать слова. Он охрип от крика, закашлялся, и тогда Гарнье крикнул ему: «Тебя душит кровь Дантона!» «Значит, вы мстите мне за Дантона!» — ответил Робеспьер. — Последний раз, председатель убийц, я прошу у тебя слова!» — обратился он к Тюрио, сменившего Колло д'Эрбуа. Но выступить ему не дали.

Был принят декрет об аресте Анрио и председателя Революционного трибунала Дюма. Затем среди страшного шума депутат Луше потребовал голосовать обвинительный декрет и против Робеспьера Зал на минуту оцепенел, а затем разразился громкими аплодисментами.

Декрет об аресте Неподкупного прошел единогласно. Робеспьер-младший потребовал, чтобы и его арестовали вместе с братом «Я разделял его доблести, я хочу разделить и его судьбу», — сказал он. Аналогичное заявление сделал и Леба. Конвент декретировал и эти аресты, как и аресты Сен-Жюста и Кутона. «Республика погибла! Настало царство разбойников!» — воскликнул Робеспьер. Публика на трибунах толпами устремилась к выходу. Не было еще и двух часов дня.

Узнав о том, что произошло в Конвенте, робеспьеристское руководство Коммуны пыталось поднять парижские секции на защиту Неподкупного и других арестованных депутатов. Около трех часов дня мэр Парижа Флерио-Леско и национальный агент Коммуны Пейан предложили находившимся в ратуше членам Главного совета отправиться в свои секции и объявить тревогу. Анрио разослал шести начальникам легионов приказ немедленно выслать к ратуше по 400 человек с оружием в руках. Всем ротам канониров также было приказано прибыть на Гревскую площадь с орудиями.

Затем, в порыве безумной отваги, в сопровождении всего лишь нескольких конных жандармов, Анрио бросился спасать Робеспьера. Арестованных к этому времени перепроводили в здание, где располагался Комитет общественной безопасности. Расталкивая толпу, Анрио во главе своих жандармов прорвался к парадному подъезду Комитета. Он выбил дверь и тут же был повален, связан и отдан под охрану… сопровождавших его жандармов.

Комитет общественного спасения принял постановление, запрещавшее начальникам легионов выполнять приказы Анрио. Четыре начальника легионов сразу же перешли на сторону

Конвента. Функции командующего Национальной гвардией Парижа комитет возложил на начальника 1-го легиона Фоконье.

Но и сторонники Робеспьера не дремали. Около половины шестого вечера собрался Главный совет Коммуны. Единодушно было принято воззвание к населению Парижа, изобличавшее «изменников», которые «диктуют законы Конвенту» и преследуют Робеспьера. Воззвание заканчивалось призывом: «Восстань, народ, не дадим погибнуть завоеваниям 10 августа и 31 мая! Низвергнем в могилу всех изменников!»

Главный совет Коммуны предписал всем установленным властям Парижа немедленно явиться в ратушу и принести присягу на верность народу. Исполнять приказы объединенных Комитетов общественного спасения и общей безопасности запрещалось.

Однако население Парижа не поднялось на защиту Робеспьера. В богатых кварталах, например, откровенно радовались аресту «тирана» Резко активизировались «умеренные», наводнившие в ночь на 10 термидора собрания секций в западных кварталах и во многом определившие их решения. Из 48 секций только 16 послали к ратуше, на Гревскую площадь, отряды Национальной гвардии.

Несмотря на это военное превосходство было по-прежнему на стороне Коммуны. К семи часам вечера более трех тысяч вооруженных национальных гвардейцев собрались на Гревской площади. К десяти часам вечера в распоряжении Коммуны было 17 рот канониров из 30 рот, размещенных в столице, и 32 орудия. Конвент располагал в это время лишь одной ротой охраны. Однако руководители Коммуны никак не решались предпринять наступление на Конвент.

Около восьми часов вечера вице-председатель Революционного трибунала Кофиналь во главе сильной колонны, с пушками, совершил лихой налет на помещение Комитета общественной безопасности в Тюильри и освободил томившегося там Анрио. Конвент был в панике. Председательствовавший Колло д'Эрбуа обратился к депутатам: «Граждане, наступил момент умереть на нашем посту». Однако умирать на своем посту никто не желал На какой-то момент положение Конвента казалось совершенно безнадежным.

Передав Анрио часть своего отряда, Кофиналь поспешил в ратушу. Анрио же направился в Тюильри, намереваясь закрыть главный зал и выставить пикет. Но когда он узнал, что члены Конвента собрались и заседание продолжается, неожиданно приказал своим людям также повернуть к ратуше освобождать арестованных депутатов. Более удобного случая для взятия Конвента уже не представилось и представиться не могло.

Робеспьер был доставлен в полицейское управление, где просидел несколько часов, пока поздно вечером его не освободил Кофиналь и чуть ли не силой заставил пойти в ратушу. Туда прибыли освобожденные из тюрем Сен-Жюст, Леба, Робеспьер-младший и Кутон.

Если бы эти люди просто вышли на Гревскую площадь, стали бы во главе толпившихся там пехотинцев и канониров с их 32 пушками и пошли на Конвент, они, бесспорно, имели бы шансы на успех. Но Робеспьер не мог решиться на такой смелый и явно «незаконный» шаг. Созданный Коммуной Исполнительный комитет для руководства восстанием бездействовал. Робеспьера долго и безуспешно уговаривали подписать воззвание к армии.

Тем временем на улицах, прилегавших к ратуше, стали появляться в сопровождении факельщиков эмиссары Конвента. Переходя от перекрестка к перекрестку, они громко читали последний декрет Конвента:

«Национальный Конвент, заслушав доклады своих Комитетов, запрещает запирать городские ворота и созывать секции без соответствующего разрешения Правительственных Комитетов.

Он объявляет вне закона всех административных лиц, которые будут отдавать вооруженным силам приказы к выступлению против Национального Конвента или потворствовать неисполнению его декретов.

Он объявляет также вне закона лиц, которые, находясь под действием декрета об аресте, сопротивляются закону или уклоняются от его исполнения».

Улицы Парижа, недавно переполненные, быстро опустели. Запоздавшие стремились поскорее добраться до своих квартир. Толпы патриотов на подступах к Гревской площади заметно редели. Многие бросали оружие. Национальные гвардейцы, многие часы простоявшие

на Гревской площади, ждали приказаний от Робеспьера Но так и не дождались когда хлынул проливной дождь, они стали расходиться.

Но если Коммуна так и не решилась начать бой, то Конвент поздно вечером объявил вне закона Робеспьера и других освобожденных из тюрем депутатов, а также Коммуну Парижа. Командовать подавлением «мятежа» Коммуны было поручено Баррасу.

Вскоре последние защитники Коммуны покинули Гревскую площадь, а на площадь Карусель защищать Конвент шли все новые и новые части Национальной гвардии, причем не только из буржуазных, но и из плебейских по своему составу секций. После двух часов ночи на Гревскую площадь вступили две колонны национальных гвардейцев, верных Конвенту.

Особенно важная роль выпала на долю депутата Леонара Бурдона, который сумел убедить военный отряд секции Гравилье (значительная часть руководства этой секции, на территории которой проживал бедный люд, высказалась за Коммуну), что Робеспьер собирается уничтожить Республику и жениться на дочери казненного короля. «Доказательства» этого, разумеется, никогда не были представлены.

По дороге к зданию ратуши в колонну секции Гравилье влился отряд жандармов, принадлежавший к охране Тампля.

Жандармы проникли в ратушу благодаря предательству адъютанта командующего парижской национальной гвардией Иоганна Вильгельма Улрика, выдавшего им пароль.

А в это время Кутон продолжал уговаривать Робеспьера подписать воззвание к армии. «От чьего имени?» — упорствовал Робеспьер. «Конечно, от имени Конвента. Разве не мы составляем его? Остальные — шайка мятежников», — отвечал Кутон. «По моему мнению, — возразил Робеспьер, — следует написать: от имени французского народа». Он взялся за перо, но успел написать только две первые буквы своего имени, как в комнату ворвались жандармы.

Раздались выстрелы. Историки спорят, было ли ранение Робеспьера в челюсть результатом попытки самоубийства или выстрела, произведенного жандармом Меда, а может, еще кем-то из отряда. Если была попытка самоубийства, Робеспьер направил бы взятое в рот дуло не горизонтально, а вертикально. Существует маска, как будто бы снятая с Робеспьера. Она демонстрирует, что наряду со следом пули, выпущенной в подбородок, о которой говорил Меда, заметно и повреждение слева от нижней челюсти — результат выстрела, произведенного сзади…

Неподкупный упал, обливаясь кровью. Робеспьер-младший выбросился из окна и сломал себе ребра. Его унесли еле живого. Леба застрелился. Сен-Жюст и Дюма сдались без сопротивления. Анрио арестовали позднее во дворе ратуши. Схвачен был и раненный в голову Кутон.

Этой же ночью был разогнан Якобинский клуб, члены которого также не оказали сопротивления Правда, уже 11 термидора он возобновил свои заседания.

10 термидора (28 июля) была упразднена Коммуна Парижа. Фрерон предложил даже разрушить и смести с лица земли здание Парижской ратуши, с чем Конвент, однако, не согласился. В этот же день Робеспьера и других арестованных в Коммуне, всего 22 человека, препроводили в Революционный трибунал, где ограничились удостоверением их личности Вечером их гильотинировали.

11 термидора казнили еще 71 человека, главным образом членов Парижской коммуны.

Для современников падение Робеспьера явилось полной неожиданностью. Во многих местах Франции не хотели верить известиям о казни Робеспьера и даже пытались арестовывать тех, кто приносил эти известия. Крайнее изумление вызвали эти события и при европейских дворах, где после последних побед французских армий стали относиться к Робеспьеру с известным уважением.

Но затем, как это часто бывает, в Конвент хлынул поток адресов с выражением благодарности и поздравлениями по случаю избавления «от тирании Робеспьера». На могиле Неподкупного появилась эпитафия: «Прохожий, кто бы ты ни был, не печалься над моей судьбой. Ты был бы мертв, когда бы я был живой».

«ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА»

Франция. 1795 год

В 1795 году во Франции был установлен режим Директории. Поиск политического равновесия привел к созданию двухпалатного законодательного органа — Совета пятисот и Совета старейшин. Они сформировали новое правительство — Директорию (в составе пяти директоров), в ведении которой находились министерства.

Финансовые реформы Директории открыли поистине неограниченные возможности для дальнейшего обогащения тех, кто уже был богат. Впоследствии историки подсчитали, что за все национальные имущества, проданные в годы Великой французской революции, государство получило не более 10 процентов их реальной стоимости. Новая буржуазия учинила настоящий грабеж имущества бывшей церковной и дворянской знати.

Но если нувориши все больше обогащались, то положение беднейших слоев народа стало поистине отчаянным. Урожай 1795 года был плохим, и зерно почти не поставлялось на рынки. Вот в этой-то обстановке голода и нищеты, с которыми соседствовала кричащая роскошь нуворишей, и зародился знаменитый Заговор во имя равенства, или заговор Бабефа.

Гракх Бабеф, происходивший из семьи сборщика податей, еще до революции был знаком с коммунистическими теориями, сочувствовал им, но не считал их практически осуществимыми.

В первые годы революции Бабеф Гракх Бабеф был ревностным поборником «аграрного закона», требовал уравнительного передела земли. Однако уже в 1793— 1794 годах он стал склоняться к мысли о том, что для достижения фактического равенства недостаточно переделить землю, а надо сделать ее общим достоянием.

Начало Заговору во имя равенства было положено в 1795 году, в тюрьмах Арраса и Парижа, где томились бывшие «террористы». Именно здесь встретились Бабеф, Дарте, Буонарроти и многие другие участники заговора. Характерно, что важнейший программный документ движения «Манифест плебеев» Бабеф написал именно в Аррасской тюрьме. Манифест заканчивался призывами: «Народ! Пробудись, выйди из своего оцепенения. Пусть это произведение станет сигналом, станет молнией, которая оживит, возродит всех. Пусть народ узнает подлинную идею равенства. Пусть будут низвергнуты все эти старые варварские учреждения… Пусть будет нам видна цель общества, пусть будет видно общее благоденствие».

После декрета Конвента от 26 октября 1795 года о всеобщей амнистии Бабеф и его друзья вышли из тюрьмы и некоторое время вели вполне легальную деятельность. Они приняли участие в организации Клуба Пантеон и заняли в нем видное положение. Члены клуба собирались в зале старинного, заброшенного монастыря Святой Женевьевы, находившегося недалеко от Пантеона, а иногда — в подземелье этого монастыря. Со временем общество выросло до двух тысяч человек.

В ноябре 1795 года Бабеф возобновил издание газеты «Народный трибун», в которой открыто излагал свои коммунистические взгляды и призывал к новой революции. После публикации «Манифеста плебеев» в «Народном трибуне» было возбуждено судебное преследование Бабефа. Однако разбирательство окончилось его оправданием. Бабеф продолжил выпуск своей газеты.

В начале 1796 года в Париже начались стачки. Печатники, грузчики, литейщики, столяры, шляпочники бросили работу, требуя повышения заработной платы. Правительство арестовало вожаков, заменяя забастовщиков штрейкбрехерами из солдат. Все чаще полиция стала сообщать о намерении рабочих выступить против «шайки, которая изводит народ голодом вот уже 18 месяцев». Среди рабочих начали раздаваться призывы поголовно перерезать всех менял и ростовщиков, махинациям которых приписывалось обесценивание денег.

На заседаниях Клуба Пантеон политика Директории подвергалась все более резкой критике. В начале февраля 1796 года министр юстиции возбудил новое дело против редактора «Народного трибуна», но открыть местонахождение Бабефа не удалось. Тогда арестовали его жену, обвинив ее в укрывательстве мужа. Арестованную держали в тяжелейших условиях и после допроса предъявили обвинение в заговоре против правительства. Бабеф же в это время кочевал по квартирам своих друзей.

Один из ближайших друзей Бабефа прочитал на заседании Клуба Пантеон статью, в

которой критиковалась вся господствующая правительственная система. Директория объявлялась главной виновницей всех бедствий французской нации. Сами директора назывались тиранами, изменниками и узурпаторами. Чтение статьи закончилось аплодисментами. Директорию тот час же известили обо всем, и 7 вантоза IV года (26 февраля 1796 года) вышло предписание закрыть клуб. На другой день это предписание выполнил Бонапарт, который был тогда командующим Внутренней армией.

Бабувисты (сторонники Бабефа) тем временем сколотили повстанческую организацию, которая должна была подготовить свержение Директории Во главе этой организации стояла Тайная директория, своего рода повстанческий комитет, образованный 10 жерминаля IV года (30 марта 1796 года)

В заговоре участвовали робеспьеристы, такие, как Филипп Буонарроти, Шарль Жермен, Александр Дарте (один из виднейших деятелей якобинской диктатуры в департаменте Па-де-Кале), Феликс Лепелетье (брат убитого члена Конвента Мишеля Лепелетье), Антонель (бывший член Законодательного собрания, при якобинской диктатуре — член парижского Революционного трибунала), Сильвен Марешаль (известный атеист, активный деятель революции)

«Ничем не ограниченное равенство, максимальное счастье для всех, уверенность в его прочности — таковы были блага, которые Тайная директория общественного спасения хотела обеспечить французскому народу» — писал Филипп Буонарроти.

При подготовке к выступлению повстанческий комитет разделил Париж на 12 округов Во главе каждого из них был поставлен «тайный агент» из числа виднейших деятелей парижских секций В обязанности «агентов» входило следить за общественным мнением, организовывать собрания в округе, вербовать новых сторонников Ни один из «агентов» не знал состав Тайной директории Связь между ними и директорией осуществлял специальный «агент связи», каковым являлся Дидье.

Был создан также Военный комитет Одним из руководителей военной организации стал Жан Россиньоль, рабочий-ювелир, первый генерал-плебей, одно время стоявший во главе всех армий, действовавших в Вандее.

Бабувисты вербовали сторонников и в войсках, в частности, в Гренельском лагере расположенном в пригороде Парижа Им удалось также склонить на свою сторону Полицейский легион Бабувисты заключили соглашение и с бывшими депутатами Конвента из группы Амара, в которую входили Вадье, Ро-бер Ленде, герой Варена Друэ и некоторые другие из бывших депутатов Конвента, мечтавшие о восстановлении конституции 1793 года.

На заседаниях Тайной директории были обсуждены и приняты программные документы движения «Акт о восстании», «Проект экономического декрета», «Декрет об управлении» и другие, в которых излагались социальные и политические цели восстания.

В «Акте о восстании» давался план восстания, определенные экономические меры в случае успеха реквизиция пекарен, раздача хлеба, конфискация имущества контрреволюционеров, вселение бедноты в их дома, возвращение вещей из ломбардов Власть должна была перейти в руки нового собрания.

«Солнце светит для всех, а земля ничья, — говорилось в „Акте“, — идите же, друзья мои, опрокидывайте, свергайте это общество, которое не желает знать нас Берите повсюду то, что вам подойдет Излишек по праву принадлежит тому, у кого ничего нет1 И это не все, друзья и братья Если вашим благородным усилиям противопоставят конституционные барьеры, опрокидывайте и барьеры и конституции Безжалостно убивайте тиранов, патрициев, золотой миллион, всех безнравственных людей Вы — народ, настоящий народ, единственный народ, достойный пользоваться благами этого мира»

Незадолго до выступления Бабеф напечатал и выпустил в свет отдельной листовкой «Изложение доктрины Бабефа» В этом документе, который был широко распространен в городе, в простых, доступных выражениях автор выразил сущность своего учения.

1. Природа дала каждому человеку равное право на пользование всеми благами.

2. Цель каждого общества — защищать это равенство, на которое часто посягают сильные и злые люди, и увеличивать при содействии всех сумму общих наслаждений.

3. Природа наложила на каждого человека обязанности трудиться, никто не может

безнаказанно избавить себя от труда.

4. Труд и наслаждение должны быть общими.

5. Существует угнетение там, где один надрывается в работе и терпит во всем недостаток, в то время как другой утопает в изобилии, ничего не делая.

6. Никто не может, не совершая преступления, присвоить себе в исключительное пользование блага земли и промышленности.

7. В истинном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных.

8. Богатые, не желающие отказаться от излишка в пользу неимущих, враги народа.

9. Никто не имеет права посредством сосредоточения в своих руках всех материальных средств лишать других необходимого для их счастья просвещения просвещение должно быть общим.

10. Цель революции — уничтожить неравенство и восстановить общее счастье.

11. Революция еще не закончена, потому что богатые захватывают все блага и пользуются исключительной властью, в то время как бедные работают, как настоящие невольники, изнывают в нищете и ничего не значат в государстве.

12. Конституция 1793 года является истинным законом для французов, потому что народ торжественно утвердил ее.

Бабувисты подчеркивали свою вражду только к крупной собственности богатых и знатных и проявляли большую заботу о том, чтобы привлечь в движение мелких собственников.

Членом Коммуны мог стать каждый француз, в том числе и богач, если он предварительно откажется в ее пользу от всего принадлежащего ему имущества Право наследования отменялось Хозяйство Коммуны должно было вестись совместными силами ее членов Все они должны были трудиться Продукты труда членов Коммуны поступали в общественные магазины и распределялись поровну Деньги упразднялись.

Бабувисты требовали восстановления конституции 1793 года, но предполагали внести в нее изменения Политические права они намечали предоставить исключительно лицам, занятым полезным трудом.

Заговор во имя равенства потерпел неудачу Еще 30 апреля 1796 года власти распустили Полицейский легион, на который бабувисты возлагали особые надежды А 4 мая к президенту Исполнительной директории Карно явился предатель Жорж Гризель, в прошлом портной, дослужившийся в армии до чина капитана, и сообщил о существовании заговора, назвал его руководителей, дал их адреса.

Первую — неудачную — попытку арестовать заговорщиков полиция сделала вечером 19 флореаля (8 мая) Через два дня по доносу предателя полиция застала Бабефа и Буонарроти на нелегальной квартире Бабеф в это время редактировал «Народного трибуна», а Буонарроти переписывал начисто текст «Воззвания к французам», в котором были такие слова «Народ победил, тирания больше не существует, вы свободны!»

Вслед за ними были арестованы почти все другие участники заговора, в том числе и член Совета пятисот Друэ.

Арестованных заключили в тюрьму. Несмотря на то что правительство старалось скрыть местопребывание арестованных, в течение нескольких дней на улицах, примыкавших к тюрьме, толпился народ.

Через некоторое время Бабефа и его соратников перевозят в Тампль. Бабеф пишет письмо Исполнительной директории, в котором попытался убедить директоров в необходимости изменить правительственную политику. «Граждане, члены Директории, управляйте в народном духе, — призывал он. — Вы знаете, в какой мере имею я влияние на… патриотов; я использую это влияние, чтобы убедить их, что раз вы за народ, они должны быть с вами едины». Разумеется, это обращение Бабефа было наивно и окончилось ничем.

Как свидетельствовал Буонарроти, на допросах Бабеф не отрицал факта существования заговора. «Я убежден самым положительным образом, — говорил он на допросе, — что нынешние правители являются угнетателями, и я сделал бы все, что в моей власти, чтобы низвергнуть их».

9—10 сентября уцелевшие участники заговора пытались поднять войска в Гренельском

лагере, в пригороде Парижа, но потерпели неудачу. По делу Гре-нельского лагеря был арестован 131 человек. Военный суд приговорил 30 человек к расстрелу, но впоследствии Кассационный трибунал признал этот приговор незаконным. Аналогично были подавлены довольно многочисленные попытки выступлений в других городах.

Бабефа и его друзей судил специально учрежденный в Вандоме Верховный суд (поскольку среди обвиняемых находился член Совета пятисот Друэ). Всего к суду были привлечены 65 человек, но 18 из них удалось скрыться, в том числе Друэ, Роберу Ленде, Россиньолю. На скамье подсудимых оказались 47 человек. Обвиняемых перевезли в Вандом в железных клетках, их жены шли за ними пешком.

В октябре 1796 года начался суд, который продолжался около шести месяцев Вандом был заполнен войсками и полицией. Несколько батальонов расположились прямо около тюрьмы и суда.

Всем подсудимым было предъявлено обвинение в принадлежности к заговору, имевшему целью вооруженное восстание, ниспровержение Директории и восстановление конституции 1793 года. Однако из 47 подсудимых были признаны виновными лишь 9 человек Бабефа и Дарте приговорили к смертной казни, остальные семь, среди них и Буонарроти, — к ссылке.

Когда объявили приговор, Бабеф и Дарте попытались покончить с собой, ударив себя в грудь ножами, которые сделали из принесенной сыном Бабефа проволоки. Однако самоубийство не удалось — ножи, лишь ранив Бабефа и Дарте, сломались.

Приговоренных перевезли в тюрьму. Бабеф провел целый день в ужасных мучениях кусок железа застрял у самого сердца. Он еще успел написать своей семье письмо, заканчивающееся словами: «Прощайте же еще раз, мои горячо любимые, мои дорогие друзья. Прощайте навсегда. Я погружаюсь в сон честного человека».

27 мая 1797 года Бабефа и Дарте гильотинировали.

Идеи и дела Бабефа сохранил в памяти потомства Филиппе Буонарроти, опубликовавший в 1828 году в Брюсселе книгу «Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа»

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 18 БРЮМЕРА

Франция. 9—10 ноября 1799 года

16 октября 1799 года в Париж прибыл Бонапарт, который еще 23 августа с двумя фрегатами и 500 человек охраны (а также с лучшими генералами) уехал из Египта, оставив там на верную гибель свою армию.

Во Франции в ту пору не было генерала более популярного, чем Бонапарт. Подавляющему большинству французов он вовсе не представлялся полководцем, потерпевшим неудачу в Египте Напротив, он был в их глазах генералом, которому сопутствовала лишь победа и который к своей прежней славе «освободителя Италии» добавил новую славу «освободителя Египта». Теперь мало кто уже сомневался, что в кампании 1800 года будут одержаны не менее славные победы, чем во время итальянского похода в 1796—1797 годах. Националистический угар захлестнул страну, и именно волны этого угара вознесли Бонапарта к вершинам власти. Население, напуганное угрожающим положением Франции, видело в нем единственного спасителя и встречало его ликованием. Резюмируя впечатления тех дней, газета «Монитер» писала: «Все были как во хмелю. Победа, всегда сопутствовавшая Бонапарту, на этот раз его опередила, и он прибыл, чтобы нанести последний удар гибнущей коалиции».

Вся Франция говорила о предстоящем государственном перевороте. Основанием для этого являлось всеобщее недовольство. Государство было почти парализовано постоянными выборными кампаниями Каждый год переизбиралась треть состава Советов и один из пяти членов Директории. После выборов 1799 года значительно усилились роялисты, с одной стороны, и сторонники радикальной партии, Горы, — с другой.

30 прериаля VIII года (18 июля 1799 года) неоякобинское большинство принудило уйти в отставку трех Директоров, поставив на их место новых. Гойе, Мулена и Роже-Дюко. Оставшиеся Баррас и Сиейс опасались за свои кресла. Директория погрязла в интригах В результате Роже-Дюко принял сторону Сийеса, которому все больше потворствовал и Баррас.

В салонах нуворишей и в прессе все чаще критиковали конституцию III года и даже требовали ее пересмотра. Рупором этих общественных кругов явился Сийес, который преследовал вполне определенную цель, произвести пересмотр конституции III года, изменить структуру и состав правительства, обеспечив себе в нем первую роль.

«Если бы кто пожелал выразить в самых кратких словах положение вещей во Франции в середине 1799 года, тот мог бы остановиться на такой формуле, в имущих классах подавляющее большинство считало Директорию со своей точки зрения бесполезной и недееспособной, а многие — определенно вредной, для неимущей массы как в городе, так и в деревне Директория была представительницей режима богатых воров и спекулянтов, режима роскоши и довольства для казнокрадов и режима безысходного голода и угнетения для рабочих, батраков, для бедняка-потребителя, наконец, с точки зрения солдатского состава армии Директория была кучкой подозрительных людей, которые составляют армию без сапог и без хлеба и которые в несколько месяцев отдали неприятелю то, что десятком победоносных битв завоевал в свое время Бонапарт. Почва для диктатуры была готова», — пишет российский историк Е.В. Тарле.

В конституции III года предусматривалась возможность ее пересмотра. Но процедура была столь сложной и требовала столь длительного времени (до 9 лет!), что «законный» путь ее пересмотра отпадал. Оставался государственный переворот при участии армии, ее верхушки, популярного генерала, который должен был стать «шпагой» в руках «головы» (по выражению Сийеса).

Летом 1799 года принять участие в перевороте согласился честолюбивый Жубер, соратник Бонапарта по итальянскому походу 1796—1797 годов. Но Сийес решил, что этому генералу недостает популярности, и добился его назначения командующим Итальянской армией, чтобы он разбил Суворова и покрыл себя еще большей славой, чем Бонапарт. Однако в знаменитой битве при Нови Суворов разгромил Итальянскую армию, а сам Жубер погиб. Тогда Сийес начал переговоры с Макдональдом, Моро, но те колебались.

Тем временем обострилась обстановка внутри Франции. 14 октября вандей-ские мятежники захватили Мане, а затем Нант. Правда, их немедленно изгнали из этих городов, однако дерзкая вылазка произвела потрясающее впечатление на страну.

Для Сийеса Бонапарт казался счастливой находкой. «Вот нужный вам человек», — заметил Моро, узнав о возвращении Бонапарта. Было очевидно для всех, что именно Наполеон, чья популярность столь велика, а влияние на армию, известную своими якобинскими настроениями, столь сильно, может склонить войска пойти против парламента.

В высших кругах Бонапарт сразу почувствовал крепкую опору. Крупные финансисты и поставщики откровенно предлагали ему деньги. Банкир Калло принес генералу сразу 500 тысяч франков. Министр полиции Фуше быстро сообразил, на кого он должен ориентироваться, и поэтому полиция не мешала заговорщикам. Военный министр Бернадот не дал вовлечь себя в заговор, но остался пассивным наблюдателем. Напротив, командующий парижским гарнизоном Лефевр и многие другие высшие офицеры приняли в нем самое активное участие. В планы заговорщиков были посвящены председатель Совета старейшин Лемерсье и многие его члены. Свои услуги предложил Бонапарту Та-лейран, который до недавнего времени занимал пост министра иностранных дел Планам путча благоприятствовало и то обстоятельство, что председателем Совета пятисот стал Люсьен Бонапарт, младший брат Наполеона.

Сиейс, совершенно беспомощный в практической политике, серьезно полагал, что Наполеон будет следовать своим словам: «Вы голова, а я — руки для всего остального». На встрече Бонапарта с Сиейесом и Талейраном, который, не привлекая к себе особого внимания, держал в своих руках нити заговора, была определена программа действий. Серьезного сопротивления со стороны большинства Советов заговорщики не ожидали, но очень боялись того, как бы в ход событий не вмешались парижские предместья. Поэтому решающий акт всей операции — роспуск Советов — было намечено провести не в Париже, а в одной из загородных резиденций бывшей королевской семьи.

Рано утром 18 брюмера VIII года (9 ноября 1799 года) в парижском особняке Бонапарта собрались верные ему генералы и офицеры: Мюрат и Леклер, женатые на его сестрах, Бернадот, Макдональд, Бернонвилль и другие. Бонапарт заявил им, что настал день, когда необходимо

«спасать республику». Генералы и офицеры вполне ручались за свои подразделения. Во всех стратегически важных пунктах Парижа, у Тюильри, в других местах, под предлогом смотра были выставлены части парижского гарнизона. Командовали ими верные Бонапарту офицеры.

Необычно рано, в 7 часов утра, в Тюильри собрался Совет старейшин. От имени комиссии инспекторов зала депутатам сообщили о раскрытии в Париже «якобинского заговора», угрожающего республике. В обстановке шума и смятения был принят декрет о переводе Советов «в целях обеспечения их безопасности» из Парижа в Сен-Клу, где они должны собраться завтра, и о назначении генерала Бонапарта командующим войсками в Париже и его окрестностях. Протестовать не посмел никто.

Получив этот декрет, Бонапарт объявил собравшимся у него генералам и офицкрам, что принимает на себя верховное командование в Париже.

Он направился к Тюильри, где его приветствовали стянутые туда полки. В Совете старейшин Бонапарт произнес несколько не очень связных слов. Присутствующие, правда, запомнили фразу. «Мы хотим республику, основанную на свободе, на равенстве, на священных принципах народного представительства .. Мы ее будем иметь, я в этом клянусь».

Затем Бонапарт вышел на площадь, чтобы произвести смотр войскам. Еще по дороге, в саду Тюильри, секретарь Барраса Ботто сообщил ему, что этот могущественнейший когда-то член Директории ждет его в Люксембургском дворце. И тут Бонапарт, обращаясь не столько к Ботто, сколько к окружившей их толпе, произнес гневную обличительную речь по адресу Директории: «Что вы сделали с Францией, которую я вам оставил в таком блестящем положении? Я вам оставил мир, а нашел войну! Я вам оставил победы, а нашел поражения! Я вам оставил миллионы из Италии, а нашел нищету и хищнические законы! Что вы сделали со ста тысячами французов, которых я знал, моими товарищами по славе? Они мертвы!»

Бонапарт не пошел к Баррасу, а послал к нему Талейрана с предложением добровольно подписать прошение об отставке Таких политиков, как Баррас, — умных, смелых, тонких, пронырливых, да еще на столь высоком посту, — было не так много. Но с именем этого директора французы связывали беззастенчивое воровство, неприкрытое взятничество, темные аферы с поставщиками и спекулянтами. Бонапарт решил, что Баррас ему не союзник.

Утром о своей отставке заявили Сийес и Роже-Дюко, участники заговора. Поняв, что игра проиграна, Баррас подписал прошение об отставке, его усадили в карету и под эскортом драгун отправили в поместье Гробуа. Два других члена Директории — Гойе и Мулен — пытались сопротивляться перевороту, но были изолированы в Люксембургском дворце, фактически взяты под арест. К концу дня и они написали заявления об отставке.

Первый акт переворота прошел по плану Бонапарта. Директория перестала существовать. Командование войсками в Париже было в руках Бонапарта. Однако выдержать переворот в чисто «конституционных» рамках не удалось. Если Совет старейшин проявлял покорность, то в палате народных представителей, Совете пятисот, около 200 мест занимали якобинцы, члены распущенного Сийесом Союза друзей свободы и равенства. Среди них были такие, кто призывал истреблять тиранов гильотиной, а там, где нельзя, — «кинжалом Брута».

19 брюмера (10 ноября) в Сен-Клу, в дворцовых апартаментах, примерно в час дня собрались оба Совета. Ко дворцу было стянуто до 5 тысяч солдат. Бонапарт и его приближенные ждали в соседних залах, пока советы вотируют нужные декреты, поручающие генералу выработку новой конституции, а затем разойдутся. Но время шло, а нужное решение не принималось.

В четыре часа дня Бонапарт вошел в зал Совета старейшин. Депутаты потребовали от него объяснений: действительно ли существует заговор против республики и не являются ли вчерашние события нарушением конституции? Бонапарт ответил на это обвинение дерзостью: «Конституция! К лицу ли вам ссылаться на нее? Вы нарушили ее 18-го фрюктидора, нарушили ,22-го флореа-ля, нарушили 30-го прериаля. Конституция! Ею прикрывались все партии и все они нарушали ее. Она не может более служить вам средством спасения, потому что она уже никому не внушает уважения». Бонапарт вновь клялся в своей преданности республике, отвергал обвинение в желании установить «военное правительство» и заверял, что как только минуют опасности, заставившие возложить на него «чрезвычайные полномочия», он откажется от них. Он грозил также людям, «которые хотели бы вернуть нам Конвент, революционные

комитеты и эшафоты».

Затем Бонапарт, окруженный генералами и гренадерами, появился в Совете пятисот. Собрание, где преобладали якобинцы, негодовало. За сутки, прошедшие с начала так стремительно развернувшихся событий, депутаты Законодательного корпуса пришли в себя. Ораторы громогласно обвиняли Бонапарта в измене, угрожали объявить его вне закона. Депутаты окружили генерала, хватали за воротник, толкали Низкорослый, тогда еще худой, никогда не отличавшийся физической силой, нервный, подверженный каким-то похожим на эпилепсию припадкам, Бонапарт был полузадушен возбужденными депутатами. Председатель Люсьен Бонапарт тщетно пытался утихомирить собрание. Гренадеры окружили изрядно помятого генерала и вывели его из зала. Возмущенные депутаты возвратились на места и яростными криками требовали голосовать предложение, объявлявшее Бонапарта вне закона.

Если бы депутаты немедленно вотировали этот декрет, то, может быть, события этого дня сложились бы иначе. Но депутаты затеяли присягу в верности конституции III года с вызовом каждого на трибуну. На это ушло много времени, чем воспользовался Люсьен Бонапарт. Он бросился на площадь и обратился за помощью к солдатам, заявив, что их генерала хотят убить. «Что касается меня, — добавил Люсьен, — то клянусь, что поражу в самое сердце своего собственного брата, если он занесет руку на свободу французов!» Громким голосом Мюрат отдал приказ: «Вышвырните всю эту публику вон!»

Под барабанную дробь отряд гренадер с Мюратом и Леклерком во главе ворвался в оранжерею, где заседал Совет пятисот. По свидетельствам очевидцев, пока грохот барабанов быстро приближался к залу заседаний, среди депутатов раздавались голоса, предлагавшие сопротивляться и умереть ца месте. Но, когда гренадеры с ружьями наперевес вторглись в зал, депутаты з панике бежали. Вся сцена продолжалась не более пяти минут. Совет старейшин разгонять не пришлось. Его депутаты разбежались сами.

В тот же вечер Люсьен Бонапарт собрал в оранжерее большую часть членов Совета старейшин и не более 30 членов Совета пятисот, которые признали себя правомочным большинством Законодательного корпуса и приняли ряд декретов, юридически оформивших результаты государственного переворога Было объявлено, что Директория прекратила свое существование. Из Законодательного корпуса, заседания которого якобы были лишь «отсрочены» (в действительности он уже больше не собирался), исключались 62 депутата, обвиненные в «эксцессах». Исполнительная власть вручалась трем временным Консулам Французской республики — Сийесу, Роже-Дюко и Бонапарту. Советы были заменены двумя Законодательными комиссиями, по 25 членов в каждоИ; уполномоченными утверждать законы, представляемые консулами.

Франция была у ног Бонапарта. В два часа ночи три консула Принесли присягу в верности республике. Поздно ночью Бонапарт уехал из Сец-Клу.

Сиейсу приписывают фразу: «…я сделал 18 брюмера, но не 19-е». Действительно, переворот был подготовлен Сиейсом, а на следующий день Узурпирован Бонапартом. 18-го власть находилась в руках Сиейса, а Бонапарт был только нужной ему шпагой, а 19-го шпага вышла из повиновения: она сама стала властью.

После переворота Бонапарт действовал решительно. Попытка Сийеса> и*с пользуя новую конституцию* , присвоить генералу титул «почетного Избирателя» и сделать из него лишенный власти символ, провалилась. Вопреки замыслам Сийеса в течение недели была подготовлена другая конституция, составленная в соответствии с принципом Бонапарта: «Конституции должны быть короткими и неясными». Отныне во главе государства стояли три консула. Первый консул — а это был Бонапарт — получал фактически диктаторские полномочия. Как и оба соконсула, он избирался Сенатом на десять лет, оба соконсула выполняли лишь совещательную функцию. Только объявление войны и мира было компетенцией не Первого консула, а законодательного органа. Зато право законотворчества являлось прерогативой Первого консула и только он мог назначать министров, генералов и т.д.

Бонапарт был настолько уверен в своих позициях, что в январе 1800 года вынес конституцию на всенародное обсуждение. И победил с впечатляющим результатом — три миллиона «за» и лишь 1562 голоса «против». В прокламации, выпущенной 15 декабря 1799 года, Бонапарт заявлял, что «революция вернулась к своим исходным принципам. Она

завершилась».

Поскольку предлогом для переворота 18 брюмера послужила мнимая опасность со стороны якобинцев, то консульским постановлением от 20 брюмера объявлялись «вне закона» и подлежали высылке в Гвиану тридцать четыре бывших якобинца, в том числе Арен, Ф. Лепелетье, Дестрем, а девятнадцать других лиц предписывалось интернировать в Ла-Рошель. Однако это постановление уже через пять дней было отменено. Ограничились тем, что указанные лица были отданы под надзор полиции.

В Париже переворот 18 брюмера не встретил сопротивления. Парижские санкюлоты отнеслись с полным равнодушием к свержению непопулярного режима Протесты против событий 18—19 брюмера раздались лишь в некоторых департаментах, где еще сохранялись якобинские клубы. Но все призывы взяться за оружие не нашли отклика в народе.

Среди военных существовали определенные иллюзии в отношении Бонапарта. «Эта удивительная и благородная революция прошла без всяких потрясений… Общественное мнение на стороне свободы; повторяются лучшие дни французской революции… Мне казалось, что я снова переживаю 1789 год», — так комментировал события 18—19 брюмера генерал Лефевр.

Жюльен-младший также считал, что, свергнув Директорию, Бонапарт спас и революцию, и республику. Ему казалось, что у генерала нет теперь иной опоры, кроме республиканцев. «Бонапарта могут спасти только республиканцы, и только он может спасти их», — писал он.

Но с наибольшей радостью встретили переворот 18 брюмера те, кто лучше всех понимали его подлинный смысл: банкиры, заводчики, поставщики армий. Газета «Монитер» писала по этому поводу: «Совершившиеся изменения встречены с удовлетворением всеми… В особенности им аплодируют негоцианты; возрождается доверие; восстанавливается обращение; в казну поступает много денег». И эти надежды не были обмануты.

Государственный переворот 18—19 брюмера VIII года современники назвали «революцией 18 брюмера». Но это была не революция. Иллюзией оказались надежды тех, кто видел в Бонапарте защитника революции и республики. На смену режиму Директории пришла бонапартистская диктатура, главной опорой которой была верхушка армии.

ЗАГОВОР ПРОТИВ ПАВЛА I

Россия, Санкт-Петербург. 1801 год

Заговоры против Павла тлели все годы его правления. Он доводился внуком старшей дочери Петра Великого Анне и, соответственно, внучатым племянником императрице Елизавете Петровне. Судя по всему, Петр Федорович (будущий Петр III) вряд ли был отцом Павла. Сама Екатерина намекала на отцовство своего фаворита Сергея Салтыкова. Современники свидетельствовали и о портретном сходстве…

Сорок два года дожидался Павел власти. Отношения с матерью были, мягко говоря, сложными. Екатерина не допускала сына к государственным делам. Более того, в последние годы вынашивала идею передачи престола через голову Павла его сыну Александру.

Нрав «русского Гамлета», как поэтично называли Павла, был странен. Дождавшись престола, Павел начал с того, что Севастополь переименовал в Ахти-яр, запретил вальс и ношение бакенбардов и, выкорчевывая память о ненавистной матери, отнявшей трон у его отца, обрушил гнев на ее любимцев — и живых, и мертвых.

Павел получил прекрасное по тем временам образование, но увлекался, как и отец, прусскими военными порядками и личностью короля Фридриха Великого. Был ироничным, веселым светским львом, но временами впадал в приступы дичайшего раздражения, когда по пустяковому поводу кричал, топал ногами, мог с тростью наперевес погнаться за кем-то, кто вызвал его гнев. Эти резкие перепады настроения и породили множество легенд о самодурстве императора. Первый брак Павла был неудачен — великая княгиня Наталья Алексеевна изменила мужу с графом Разумовским. Она скончалась при родах и погребена в Александро-Невской лавре. Второй брак с вюртем-бергской принцессой Софией-Доротеей, ставшей по принятии православия Марией Федоровной, оказался вполне удачен и

«плодотворен» — у супругов родилось 10 детей, будущее династии было обеспечено.

За четыре года своего правления император предпринял целый ряд мер, действительно необходимых и нашедших свое развитие и в последующие царствования. Но проблема в том, что изменения предпринимались стремительно, столь же стремительно могли быть отменены, как из рога изобилия сыпались регламентации — в том числе и мелочные. Чего стоят знаменитые запреты на ношение круглых шляп (признак сочувствия якобинцам!), на употребление некоторых слов, например, «общество», вместо «клуб» велено было употреблять слово «собрание», «отечество» — «государство», «стража» — «караул» и т.д.

Современники объясняли цареубийство 11 марта 1801 года сословной политикой Павла I: нарушением статей «Жалованной грамоты» 1785 года, репрессиями против офицерского корпуса, политический нестабильностью в стране, ослаблением гарантий дворянских свобод и привилегий, разрывом дипломатических отношений с Англией, наконец, неспособностью монарха управлять империей. Правительство Павла I действительно формально нарушило статьи «Жалованной грамоты», запретив губернские собрания дворян и введя для них телесные наказания. Но последние применялись в исключительных случаях, только по обвинению в политических преступлениях и только после лишения дворянского звания.

Хотя наказанных телесно дворян насчитывалось не больше десятка, все эти случаи были известны и осуждались как в великосветских салонах, так и в гвардейских казармах. Молва связывала их исключительно с деспотизмом императора.

Неясным остается вопрос о масштабах тогдашних репрессий. Воспоминания современников полны свидетельств об отставках, арестах, экзекуциях, лишении дворянского достоинства, наконец, ссылках, в том числе и в Сибирь. Сведения о числе пострадавших противоречивы: более 2,5 тысячи офицеров — по данным Валишевского, более 700 человек — по Шильдеру; наиболее авторитетны подсчеты Эйдельмана: посажены в тюрьму, отправлены на каторгу и в ссылку около 300 дворян, не считая массы других, наказанных менее жестоко, общее же количество пострадавших превышает 1,5 тысячи человек. В Сибирь дворяне ссылались весьма редко, чаще — в имения, в провинцию, в армейский полк.

Первые «конспирации» против Павла относятся к 1797—1799 годам, и тогда уже в них был замешан наследник — великий князь Александр.

В 1800 году стал сплетаться заговор, в конце концов стоивший императору жизни. Главную роль в нем играли граф Никита Петрович Панин, адмирал Осип Михайлович де Рибас и граф Петр Алексеевич фон дер Пален.

Видимо, Панин был идейным вдохновителем заговора. В письме Марии Федоровне он признается в той видной роли, которую сыграл в событиях 11 марта, и указывает на мотивы своего участия в них, из которых главнейший — «ему не за что быть признательным». Именно Панин попытался привлечь к заговору Александра. Саксонский резидент в Петербурге К.-Ф. Розенцвейг, ссылаясь на устные свидетельства самого Панина, сообщал, что тот осенью 1800 года начал тайные переговоры с князем Александром о введении регентства по примеру Англии, где наследный принц, парламент и кабинет министров контролировали безумного короля Георга III. Уже после прихода к власти Александра I шведский посол в России Стедингк докладывал своему правительству: «Панин-ский проект революции против покойного императора был в известном смысле составлен с согласия ныне царствующего императора и отличался большой умеренностью. Он задавался целью отнять у Павла правительственную власть, оставив ему, однако, представительство верховной власти, как мы это видим в Дании». По сведениям Чарторыйского, наследник обсуждал даже детали такого плана: «Павел должен был бы по-прежнему жить в Михайловском дворце и пользоваться загородными царскими дворцами… Он [Александр] воображал, что в таком уединении Павел будет иметь все, что только может доставить ему удовольствие, и что он будет там доволен и счастлив».

Но Панин в ноябре 1800 года отправился в ссылку, Рибас в начале декабря внезапно умер. Кстати, ходили слухи, что адмирала отравили заговорщики, боявшиеся, что известный своим коварством основатель Одессы решит выдать их планы Павлу. Остался один петербургский военный губернатор Пален, и, надо отдать ему должное, он мастерски справился со своим делом. Столь разветвленного и блестяще организованного заговора, осуществившегося к тому же целиком по задуманному плану, Россия, кажется, еще не знала. Многие детали паленовского

предприятия до сих пор покрыты мраком.

Один из главных участников и свидетелей цареубийства генерал Левин-Ав-густ-Теофил фон Беннигсен утверждает. «Граф Панин и генерал де Рибас были первыми, составившими план этого переворота. Последний так и умер, не дождавшись осуществления этого замысла, но первый не терял надежды спасти государство. Он сообщил свои мысли военному губернатору, графу Палену. Они еще раз говорили об этом великому князю Александру и убеждали его согласиться на переворот, ибо революция, вызванная всеобщим недовольством, должна вспыхнуть не сегодня завтра, и уже тогда трудно будет предвидеть ее последствия».

Александр сперва отверг предложение, затем, поддавшись убеждениям, обещал обратить на него внимание и обсудить дело. (Его брат, великий князь Константин, оставался до последнего момента непосвященным.)

Пален взял на себя функции «технического» руководителя заговора Именно он разработал план, подобрал нужных людей. После удаления Панина он вел переговоры с Александром. Мотивы Палена — сохранить свое положение, что при непостоянном характере Павла I было мудрено. Что касается участия в заговоре английского посла лорда Уитворта, то оно выразилось в щедром финансировании этого предприятия. Многие видели у Палена золото в гинеях. В марте 1801 года, играя в карты, Пален поставил 200 тысяч рублей золотом. Для скромного курляндского дворянина, пусть и достигшего высот власти, это огромные деньги.

Среди других участников заговора — Беннигсен, братья Петр, Валериан и Николай Зубовы, генералы Талызин и Уваров, Яшвиль, Татаринов, Скарятин и многие другие. Общая численность заговорщиков достигала 60 человек, хотя о заговоре знало, конечно, большее число лиц. Интересно, что сановная аристократия (за редким исключением), как и рядовой состав гвардейских полков, не приняла участия в заговоре.

Тем временем Павел выписал из Германии 13-летнего принца Вюртембергс-кого Евгения, высказал намерение усыновить его и даже намекал на то, что именно в этом мальчике видит своего наследника.

Заговорщики, во главе с Паленом, развернули кампанию по удалению последних оставшихся верными Павлу приближенных, прежде всего Ростопчина. После отставки Ростопчина вице-канцлером вновь стал А.Б. Куракин, а Пален — членом коллегии иностранных дел, продолжая управлять Петербургом, почтовым ведомством и значительной частью армии. Путь для осуществления переворота был открыт.

Пален все чаще устрашает наследника опасной перспективой собственного будущего: дескать, все более явное безумие императора поставит перед Александром дилемму — либо престол, либо заточение и даже смерть В конце концов «удалось пошатнуть его сыновнюю привязанность и даже убедить его установить средства для достижения развязки, настоятельность которой он сам не мог не сознавать». Однако Александр потребовал у Палена предварительного клятвенного обещания, что не будет покушения на жизнь отца. «Я дал ему слово: я не был настолько лишен смысла, чтобы внутренно взять на себя обязательство исполнить вещь невозможную; но надо было успокоить щепетильность моего будущего государя, и я обнадежил его намерения, хотя был убежден, что она не исполнится Я прекрасно знал, что надо завершить революцию или уже совсем не затевать ее, и что если жизнь Павла не будет прекращена, то двери его темницы скоро откроются, произойдет страшнейшая реакция».

Павел I подозревал насчет тайных сношений Палена с Александром. Те и вправду уже обсуждали детали акции, причем наследник ручался за Семеновский полк под его командованием. Действительно, офицеры были «настроены очень решительно», но, будучи людьми молодыми и легкомысленными, нуждались в руководстве со стороны людей опытных и энергичных. Таковыми считали среди прочих братьев Зубовых и Беннигсена, находившихся тогда в опале и вне столицы.

По утверждению Палена, он сыграл на «романтическом характере» императора, убедив его великодушно простить всех опальных лиц. Трудно сказать, как обстояло дело в реальности, но 1 ноября 1800 года последовал указ, дозволявший «всем выбывшим из службы, или исключенным… вступить в оную». В результате Платон и Валериан Зубовы получили назначение на посты директоров 1-го и 2-го Кадетских корпусов, а Николай Зубов стал шефом Сумского гусарского полка.

Беннигсен приехал в Петербург «по своим делам», где уже находились или прибыли другие участники заговора, преимущественно из офицеров. Сроком исполнения сперва избрали Пасху — 24 марта 1801 года. Потом перенесли его на 15-е, а узнав о намерении Павла уволить Палена в отставку с заменой Аракчеевым, остановились на 11 марта.

По свидетельству Палена, он встретился с царем 7 марта, чтобы по обыкновению доложить о состоянии столицы. Тот был весьма озабочен, серьезен, запер дверь и, молча посмотрев на него минуты две, спросил внезапно, был ли тот здесь в 1762 году. После утвердительного ответа Павел поинтересовался, участвовал ли сановник в заговоре, лишившем его отца престола и жизни. Пален сказал, что тогда был очень молод и являлся свидетелем переворота, а не действующим лицом, и, в свою очередь, захотел узнать о причине расспросов. Царь ответил ссылкой на намерения повторить 1762 год. Пален якобы подтвердил такую догадку и даже сообщил о личном участии в заговоре, дабы узнать подлинные намерения причастных лиц. Затем добавил: «Но не беспокойтесь — вам нечего бояться: я держу в руках все нити заговора, и скоро все станет вам известно. Не старайтесь проводить сравнений между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Он был иностранец, а вы русский; он ненавидел русских, презирал их и удалял от себя, а вы любите их, уважаете и пользуетесь их любовью». Император согласился, но советовал,«не дремать».

«На этом наш разговор, — продолжает Пален, — и остановился, я тотчас написал про него великому князю, убеждая его завтра же нанести задуманный удар; он заставил меня отсрочить его до 11-го дня, когда дежурным будет 8-й батальон Семеновского полка, в котором он был уверен еще более, чем в других остальных. Я согласился на это с трудом и был не без тревоги в следующие два дня».

11 марта в 22 часа Павел принимает пажей 1 —го кадетского корпуса (начальник Платон Зубов). Сменяется караул, вызвавшие недовольство императора конногвардейцы (полк не задействован в заговоре, лоялен по отношению к Павлу) покидают замок. Царь отправляется в свою опочивальню. Некоторое время он молится пред иконой в прихожей. Затем лейб-медик Гриве дает Павлу какое-то лекарство. Двери закрываются. Император по потайной лестнице спускается к своей любовнице Гагариной. Покои княгини находились под его личными апартаментами, к ней вела особая лестница. У Гагариной он составил записку хворающему — очевидно, «дипломатически» — военному министру Х.А. Ливену: «Ваше нездоровье затягивается слишком долго, а так как дела не могут быть направляемы в зависимости от того, помогают ли вам мушки, или нет, то вам придется передать портфель военного министерства князю Гагарину». Это был подарок мужу любовницы. Однако бумага по назначению не дошла. То был последний документ, подписанный Павлом 1. Через час, к полуночи, он поднялся к себе…

А в это время заговорщики осуществляли последние приготовления. Участники собирались на разных квартирах и для храбрости пили шампанское. После одиннадцати возлияния продолжались в пристройке Зимнего дворца. Здесь были генералы Талызин, Депрерадович, Уваров, полковники Вяземский, За-польский, Арсеньев, Волконский, Мансуров и другие — всего несколько десятков человек. Сюда приходят Пален, Зубовы, Беннигсен. Первый провозглашает тост за здоровье нового императора — Александра, приводя в смущение некоторых офицеров. В поддержку этого выступает с речью Платон Зубов. Возникает и неизбежный вопрос, как поступить с Павлом. По ряду источников, Пален отвечает французской поговоркой: «Когда готовят омлет, разбивают яйца». Кое-кто просит более полного разъяснения, а полковник Бибиков даже якобы предлагает в качестве наилучшего варианта отделаться сразу от всех Романовых. Вскоре участники вооружаются пистолетами и формируют, согласно плану, две офицерские колонны, чтобы сомкнуться в Михайловском замке. Во главе первой Пален, вторая — под началом Зубовых и Беннигсена.

Докладывают, что батальоны Преображенского полка на подходе к Летнему саду, а батальоны Семеновского полка (его караулы несут охрану вокруг замка) находятся на Невском проспекте в районе Гостиного двора.

Главная задача возлагается на колонну Беннигсена, с ним Платон и Николай Зубовы. По рассказу Беннигсена, колонна беспрепятственно дошла до покоев императора, но их осталось 12 человек, ибо остальные заблудились по дороге. Перед дверью императорской прихожей

адъютант Преображенского полка Аргамаков сказал камердинеру, что ему срочно надо доложить о чем-то. Дверь открылась, и они ворвались. Камердинер спрятался, один из находившихся там гайдуков бросился на вошедших, но был остановлен ударом сабли по голове. Шум, конечно, разбудил Павла, и он еще мог бы спастись через потайную лестницу к Гагариной, но, слишком перепуганный, забился в один из углов маленьких ширм, загораживавших его кровать.

Мемуаристы по-разному описывают императора в его последние минуты. Он деморализован, едва может говорить; он сохраняет достоинство и даже встречает заговорщиков со шпагой в руке. Зубовы держатся в стороне, командует Беннигсен, замешательство, императору якобы предлагают отречься от престола в пользу сына, он отказывается, заминка, царь пытается объясниться с Платоном Зубовым (старший по чину). «Ты больше не император», — заявляет князь. Павел отвешивает ему затрещину. В этот момент Николай Зубов наносит императору удар золотой табакеркой в висок. Царь падает без чувств. Начинается свалка. Зубовы удаляются. Беннигсен со стороны наблюдает, как гвардейские офицеры бьют Павла. Чтобы прекратить отвратительную сцену и довершить дело, он предлагает воспользоваться шарфом. По одним данным, это был шарф штабс-капитана Скарятина, по другим — воспользовались шарфом самого императора.

Сам Беннингсен позже рассказывал Ланжерону: «Мы входим. Платон Зубов бежит к постели, не находит никого и восклицает по-французски: „Он убежал!“ Я следовал за Зубовым и увидел, где скрывается император. Как и все другие, я был в парадном мундире, в шарфе, в ленте через плечо, в шляпе на голове и со шпагой в руке. Я опустил ее и сказал по-французски: „Ваше величество, царствованию вашему конец: император Александр провозглашен. По его приказанию мы арестуем вас; вы должны отречься от престола. Не беспокойтесь за себя: вас не хотят лишать жизни; я здесь, чтобы охранять ее и защищать, покоритесь своей судьбе; но если вы окажете хотя малейшее сопротивление, я ни за что больше не отвечаю“. Император не ответил мне ни слова. Платон Зубов повторил ему по-русски то, что я сказал по-французски. Тогда он воскликнул: „Что же я вам сделал!“ Один из офицеров гвардии отвечал: „Вот уже четыре года, как вы нас мучаете…“

Беннигсен рассказывает, что в этот момент в прихожую ворвалась группа офицеров, сбившихся ранее с дороги. Поднятый ими шум напугал спутников Беннигсена, решивших, что это спешат на выручку царю другие гвардейцы, и они разбежались. С императором остался один Беннигсен и «удержал его, импонируя своим видом и своей шпагой». При встрече товарищей беглецы вернулись с ними в спальню Павла, в толчее опрокинули ширмы на лампу, стоявшую на полу, она потухла. Беннигсен вышел на минуту в другую комнату за свечой, и в «течение этого короткого времени прекратилось существование Павла».

Бурно отреагировала на происшедшее императрица Мария Федоровна, которая быстро оделась и потребовала допустить ее к телу супруга. Однако солдаты преградили ей путь, ведь медики спешно гримировали убитого.

Императрица продолжала требовать допустить ее к телу. Александр разрешил Беннигсену сделать это, если можно будет «обойтись без всякого шума», причем лично сопровождая ее Мария Федоровна взяла под руку Беннигсена и сперва пошла к великим княжнам и вместе с ними двинулась в царские покои Простившись с супругом, она все затягивала отъезд в Зимний и только с началом рассвета села в карету.

По решению руководителей заговора в ту же ночь подверглись аресту наиболее приближенные к Павлу I комендант Михайловского замка Котлубиц-кий, обер-гофмаршал Нарышкин, генерал-прокурор Обольянинов, командир Измайловского полка генерал-лейтенант Малютин, инспектор кавалерии генерал-лейтенант Кологривов.

Арест ожидал и фаворита — графа Кутайсова, для задержания коего был направлен наряд в дом его любовницы — актрисы Шевалье. Но граф на сей раз ушел от нее раньше обычного. Услышав шум в царских покоях, он по тайной лестнице поспешно выбежал из дворца без башмаков и чулок и так мчался по городу до дома своего друга С С Ланского, где и нашел временный приют На другой день возвратился в собственный дом, притворился больным и даже выпросил у Палена караул, опасаясь от «черни» каких-либо оскорблений.

Как же встретили в России переворот? В народе — безразлично, в дворянстве — с

ликованием. Известный публицист масон Н.И Греч по своим юношеским впечатлениям рисует следующее— «Изумления, радости, восторга, возбужденных этим, впрочем, бедственным, гнусным и постыдным происшествием, изобразить невозможно. . Справедливо сказал Карамзин в своей записке о состоянии России. „Кто был несчастнее Павла1 Слезы о кончине его лились только в его семействе“. Не только на словах, но и на письме, в печати, особенно в стихотворениях выражали радостные чувства освобождения от его тиранства».

Декабрист М А Фонвизин писал: «Порядочные люди в России, не одобряя средство, которым они избавились от тирании Павла, радовались его падению . В домах, на улицах люди плакали, обнимали друг друга, как в день Светлого Воскресения Этот восторг изъявило, однако, одно дворянство, прочие сословия приняли эту весть довольно равнодушно».

Рядовой лейб-эскадрона Саблукова, Григорий Иванов, на вопрос командира, присягнет ли он Александру после осмотра тела покойного монарха, ответил: «Точно так хотя лучше покойного ему не быть. . А, впрочем, все одно кто ни поп, тот и батька»

12 марта был обнародован манифест. «Судьбам Всевышняго угодно было прекратить жизнь любезного родителя нашего, Государя императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11-го на 12-е число сего месяца Мы, восприемля наследственно Императорский Всероссийский престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей августейшей бабки нашей, Государыни императрицы Екатерины Великия, коея память нам и всему отечеству вечно пребудет любезна, да по Ея премудрым намерениям шествуя, достигнем вознести Россию на верх славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным Нашим, которых чрез сие призываем запечатлеть верность их к Нам присягою пред лицем всевидящего Бога, прося Его, да подаст Нам Силы к снесению бремени, ныне на Нас лежащего» Подписано Александр.

ЗАГОВОР РОЯЛИСТОВ

Франция, Париж. 1804 год

Весной 1803 года началась война Франции и Англии. Вначале это была война льва с китом Ни одна из сторон не могла схватиться с противником в своей стихии Англичане господствовали на море Франция закрыла европейские порты для английских товаров, объявив неприятелю континентальную блокаду.

Наполеон сконцентрировал войска на побережье пролива Ла-Манш. Он мечтал нанести врагу удар прямо в сердце поразить Британию на ее островах. Все было подчинено этой задаче. В Булонском лагере строились новые корабли, транспортные суда, баржи Бонапарт предвкушал уже близкий триумф. «Мне нужны только три ночи тумана», — заявлял он.

Англичане пытались сколотить коалицию европейских держав, которая ударила бы армию Наполеона с востока. Переговоры велись, но дело продвигалось медленно.

И тут неожиданные перспективы открылись перед английским премьер-министром Уильямом Питтом Ему стало известно, что фанатический вождь шуанов и бретонских повстанцев, Жорж Кадудаль встречался в Лондоне с Карлом д'Артуа, братом претендента на королевский престол Людовика, графа Прованского Вскоре британская разведка выяснила, что именно затевают эти приютившиеся в Лондоне роялисты Убедившись в полном поражении вандей-ского мятежа и в невозможности низвергнуть Бонапарта открытым восстанием, они решили его убить.

Заговор созрел в Лондоне. Жорж Кадудаль и верные ему люди должны были внезапно напасть на Первого консула, когда он будет кататься верхом около загородного дворца в Мальмезоне, увезти его и убить.

Жорж Кадудаль в шуанском движении, в роялистской партии занимал особое положение Этот бретонский крестьянин, не получивший образования, был наделен от природы живым и острым умом, наблюдательностью, умением вести за собой людей. Фанатически преданный делу Бурбонов, он брал на себя самые сложные поручения и теперь без колебаний и без трепета шел убивать Бонапарта, в котором видел узурпатора, мешающего законному королю, Людовику

Бурбону, взойти на престол.

Темной августовской ночью 1803 года Жорж Кадудаль и его сообщники были высажены английским кораблем на берегу Нормандии и вскоре оказались в Париже У заговорщиков были люди, деньги, связи в столице, тайные адреса и явки, безопасные убежища Не было только человека, способного сразу после убийства Бонапарта взять власть в свои руки и организовать приглашение Бурбонов на прародительский престол. Подходящей кандидатурой на эту роль являлся генерал Моро. Один из талантливейших военачальников французской армии ненавидел Бонапарта со времени переворота 18 брюмера, в котором сам участвовать отказался. Посредником в сношениях между Моро и Кадудалем стал генерал Пишегрю, который бьш сослан после 18 фрюктидора в Гвиану и сумел бежать оттуда, а теперь, в 1803 году, проживал нелегально в Париже.

Пишегрю уверил англичан и роялистов, что Моро согласится им помочь. Но генерал отказался говорить с Кадудалем, а самому Пишегрю определенно заявил, что готов выступить против Бонапарта, но не желает служить Бурбонам.

Тем временем Бонапарт, просматривая сводки, присылаемые министерством юстиции, обратил внимание на непорядок: два арестованных еще в октябре шуана (их имена ни о чем не говорили) до сих пор — дело было в январе 1804 года— не были допрошены. Первый консул распорядился, чтобы ими занялась военная комиссия.

Расследование принесло потрясающие результаты. Один из допрашиваемых, некто Керел, сначала все отрицавший и приговоренный к смертной казни, 28 января дал новые показания. Он сообщил, что во Франции и даже в Париже с августа прошлого года действует террористическая группа шуанов во главе с Жоржем Кадудалем.

Кадудаль в Париже… Это значило— на Бонапарта опять ведут облаву, снова сторожат каждый его шаг; над ним снова занесены кинжалы убийц. Бонапарт немедленно, минуя министра юстиции Ренье, проглядевшего дело, поручил расследование Реалю, бывшему заместителю Шометта, прокурора Коммуны 1793 года.

Реаль не сумел разыскать Кадудаля, но арестовал его ближайшего помощника Буве де Лозье. 13 февраля Реаль сообщил Бонапарту, что Кадудаль и его люди были переброшены в Бивиль на английском судне; что Кадудаль, имея под своей командой пятьдесят готовых на все головорезов, ожидает возможности либо похитить Бонапарта на пути в Мальмезон, либо убить; что в Париже находится не только Кадудаль, но и Пишегрю, и что они ожидают прибытия одного из членов королевского дома, графа д'Артуа или Конде; что, наконец, Пишегрю встречался с Моро.

Три дня потрясенный Бонапарт обдумывал сообщенное Реаля.

15 февраля 1804 года генерал Моро был арестован у себя на квартире. На следующий день жители французской столицы узнали из газет, что раскрыт англо-роялистский заговор, угрожавший жизни Первого консула. Генерал Мюрат был назначен военным губернатором Парижа, а полиция перешла в подчинение Реалю.

Маркиз де Галло, находившийся в те дни в Париже, писал: «Общественное мнение потрясено, как если бы произошло землетрясение». Не только в Париже — во всей Европе сообщение о заговоре произвело сенсационное впечатление.

Однако никто не поверил в виновность Моро. Республиканский генерал пользовался огромной популярностью в стране. После 17-го ночью на улицах Парижа расклеивались плакаты: «Невинный Моро, друг народа, отец солдат — в оковах! Иностранец, корсиканец, стал узурпатором и тираном! Французы, судите!» Бонапарт был бессилен изменить общественные настроения. Симпатии к герою Гогенлиндена выражались почти демонстративно. Госпожа Моро принимала постоянно посетителей; их число возрастало.

Преследуемый убийцами, Бонапарт вынужден был оправдываться от обвинений в желании погубить невинного Моро. Реаль и Мюрат, казалось, перевернули Париж вверх дном, но заговорщиков не нашли. Некоторые полагали, что Бонапарту на сей раз не уйти от гибели. Первый консул поспешил напомнить, что он не из пугливых, и 19 февраля явился в Оперу.

Наконец ночью 27 февраля Пишегрю был выдан полиции одним из «верных друзей» за сто тысяч экю. Вскоре были арестованы братья князья Полиньяк и маркиз де Ривьер; они состояли адъютантами графа д'Артуа — брата короля. Общественные симпатии к Бонапарту

резко возросли: значит, все верно, заговор действительно существовал и нити его тянулись к главе дома Бурбонов.

Все обвиняемые, дававшие показания (Моро длительное время все отрицал), единодушно утверждали, что во Францию должен был прибыть кто-то из принцев — членов королевской семьи. Но прошел месяц, другой, а принц не появлялся… И вдруг выяснилось, что принц, член королевской семьи, находится совсем рядом, но не на западной границе, а вблизи восточной, в соседнем с Францией герцогстве Баденском. То был не граф д'Артуа, а Луи-Антуан де Бурбон Конде, герцог Энгиенский, один из младших отпрысков королевского дома. Самым же сенсационным было сообщение о том, что при герцоге Энги-енском находится или же приезжает к нему Дюмурье, печально знаменитый генерал, изменивший революционной Франции.

Вряд ли можно точно определить, кто первым передал Бонапарту эти известия. Но следует считать вполне установленным, что мысль об аресте и казни герцога Энгиенского была подана Первому консулу Талейраном. В ту пору Талейран еще считал для себя невозможным возвращение Бурбонов — он боялся отмщения. Позже он с тем же невозмутимым спокойствием решительно отрицал свою причастность к делу герцога Энгиенского. Сам же Бонапарт прямо говорил, что не думал о герцоге Энгиенском до тех пор, пока Талейран не подал ему мысли о его аресте и казни.

По сходным с Талейраном мотивам идею казни Конде-Бурбона поддерживал и Фуше. Для бывшего главы карательной миссии в Лионе, депутата Конвента, голосовавшего за эшафот для короля, возвращение Бурбонов представлялось катастрофой Фуше понимал, что казнь Антуана Бурбона породит много новых затруднений для Бонапарта (когда все будет кончено, он произнесет свою знаменитую фразу «Это хуже, чем преступление, это ошибка» — правда, некоторые историки приписывают эти слова Талейрану).

События же развивались так 8 марта Моро из тюрьмы послал Бонапарту письмо, в котором признавался, что до сих пор говорил неправду, все отрицая. Он виделся с Пишегрю по инициативе последнего; но отказался от участия в заговоре, не стал беседовать с Кадудалем, которого привел, не спросясь, Пишегрю. Но оставалось при всем том несомненным, что генерал Республики вступал в недозволенные переговоры с ее врагами. Для хода дела письмо мало что прибавляло нового, сообщаемые им факты уже были известны из показаний его адъютанта генерала Лажоне и других арестованных. Сторонникам оппозиции и самому себе Моро этим письмом, которое постарались сделать известным, нанес большой моральный урон.

9 марта, опознанный на перекрестке Одеона в кабриолете, после ожесточенной схватки был арестован Кадудаль. Убедившись, что дело проиграно, он спокойно и хладнокровно, стараясь взять на себя большую долю ответственности, подтвердил все предъявленные ему обвинения.

Каждый день приносил новые ужасающие подтверждения этого разветвленного заговора, проникшего, казалось, во все поры государственного организма. Наполеон был в состоянии почти постоянной ярости.

10 марта был созван узкий совет. По-видимому, Бонапарт уже принял решение — арестовать герцога Энгиенского, но хотел узнать мнение своих ближайших помощников На совете присутствовали три консула, высший судья (министр юстиции) Ренье, Талейран, Фуше, Мюрат.

Талейран, Фуше, разумеется, поддерживали идею ареста герцога Энгиенского. Камбасерес высказался против этой меры. «Так вы, оказывается, скупы на кровь Бурбонов», — бросил ему реплику Бонапарт. Камбасерес замолчал.

Бонапарта не смущало, что герцог жил в Бадене и никак не был связан с открывшимся заговором К этому времени Наполеон распоряжался в западной и южной Германии, как у себя дома А второе препятствие тоже значения не имело, так как он уже решил судить герцога военным судом.

Руководство операцией в Бадене было поручено Коленкуру, выбор для этой цели бывшего маркиза, перешедшего к Первому консулу на службу, свидетельствовал о том, как тщательно все продумал Бонапарт; он не только хотел приковать к себе Коленкура — первый акт подготавливаемой трагедии должен был выполнить представитель старой аристократии

Коленкур блистательно справился с операцией Его попытки позже оправдаться встречали резкие возражения.

Все прошло по разработанному плану В ночь с 14 на 15 марта герцог Энгиенский был захвачен вторгшимися на территорию Бадена французскими драгунами, сразу же обнаружилось, что Дюмурье нет и не было; при герцоге состоял некто Тюмери, его фамилию в немецком произношении французские агенты приняли или делали вид, что приняли, за Дюмурье. Герцога Энгиенского доставили в Венсеннский замок; его полная непричастность к заговору Пишегрю — Кадудаля была со всей очевидностью доказана Тем не менее 20 марта в девять часов вечера дело принца рассматривал военный суд под председательством полковника Юлена, одного из участников взятия Бастилии.

Военный суд обвинил герцога в том, что он получал деньги от Англии и воевал против Франции В три часа ночи без четверти пленник был приговорен к расстрелу. Председатель военного суда Юлен хотел от имени суда написать Наполеону ходатайство о смягчении приговора, но генерал Савари, специально посланный из Тюильрийского дворца, чтобы следить за процессом, вырвал у Юлена перо из рук и заявил: «Ваше дело кончено, остальное уже мое дело». Принц, все еще не веря, что дело принимает серьезный оборот, написал письмо Первому консулу; он просил свидания с ним Но это его не спасло. В три часа ночи герцог Энгиенский был выведен в Венсенский ров и расстрелян.

В последнем, за несколько дней перед смертью написанном документе — в завещании — Наполеон счел нужным снова вернуться к делу герцога Энгиенского. Он написал коротко: «Я велел арестовать и предать суду герцога Энгиенского; этого требовали интересы и безопасность французского народа».

21 марта появилось сообщение о казни принца. Расстрел 32-летнего герцога Энгиенского вызвал невероятный шум во всем мире. Взрыв негодования объяснялся прежде всего тем, что он был принцем королевского дома.

«Казнь герцога Энгиенского от начала до конца была политическим актом, — пишет известный историк А.З. Манфред. — Расстрелом члена королевской семьи Бонапарт объявил всему миру, что к прошлому нет возврата. В Венсеннском рву был еще раз расстрелян миф о божественной природе королевской власти, Бонапарт не побоялся взять на себя ту же ответственность, что и Конвент, доказать, что кровь Бурбонов не светлее и не чище обыкновенной человеческой крови.»

Императору пришлось пройти через процесс Кадудаля — Моро и их соучастников. Кадудаль держался на процессе агрессивно Моро судили отдельно, он был приговорен, вопреки ожиданиям императора, всего к двум годам заключения, и Бонапарт поспешил выслать побежденного, но остающегося опасным соперника за пределы Франции По ходатайству княгини Полиньяк Наполеон помиловал обоих князей Полиньяк и маркиза де Ривьера.

Более всего Бонапарту хотелось привлечь к себе Кадудаля, по существующей версии, через Реаля он предложил при условии, что тот попросит полное помилование, для начала полк под его команду Кадудаль ответил на эти предложения бранью. Через несколько дней он и двенадцать его сообщников были казнены на Гревской площади.

27 марта Сенат принял обращение к Бонапарту, за множеством пышных слов скрывалось пожелание сделать власть Бонапарта наследственной. Это не вносило еще полной ясности, и 3 флореаля (23 апреля) Кюре предложил провозгласить Бонапарта императором французов Этой инициативой Кюре обессмертил свое имя; его предложение дало повод для каламбура «Республика умерла — Кюре ее похоронил» 28 флореаля (18 мая 1804 года) постановлением Сената (так называемый сенатус-консулы XII года) «правительство Республики доверялось императору, который примет титул императора французов».

Через три дня после провозглашения империи генерала Пишегрю нашли мертвым в тюрьме. Он повесился на своем черном шелковом галстуке. Враги Бонапарта поспешили заявить о том, что Пишегрю был удавлен по приказу императора. Наполеон впоследствии презрительно опровергал их, говорил: «У меня был суд, который осудил бы Пишегрю, и взвод солдат, который расстрелял бы его. Я никогда не делаю бесполезных вещей»…

ЗАГОВОР ПРОТИВ КАРЛА IV

Испания. 1807—1808 годы

В 1784 году в королевской семье Карла IV и Марии-Луизы родился сын Фердинанд. Испанским двором правил тогда всемогущий фаворит Мануэль Годой. Он лично выбирал для Фердинанда воспитателей. Временщик ошибся один лишь раз, но это была тяжелая ошибка. Он приставил к Фердинанду каноника Хуана Эскоикиса. Каноник оказался человеком способным, смелым и предприимчивым. Крепко поразмыслив, взвесив все «за» и «против», он решил поставить свое будущее на карту инфанта.

Эскоикису нетрудно было разжечь в юноше острую ненависть к его тюремщику и к бессердечной матери. Каноник не утаил от инфанта и народных толков о пленении «беззащитного наследника трона». Испанцы, уверял он, ждут не дождутся часа, когда возмужавший принц Астурийский освободит их от ига презренного временщика.

Фердинанду исполнилось восемнадцать лет, когда его женили на дочери неаполитанского короля Марии-Антонии. Энергичная молодая женщина поставила себе целью покончить с унизительным положением мужа.

Фрондирующие против временщика придворные образовали маленький двор инфанта. Нетерпеливый Эскоикис толкал их на открытое возмущение. Но от глаз Годоя ничто не могло укрыться, и он вовремя принял надлежащие меры: Эскоикис был выслан в Толедо.

В декабре 1804 года под давлением Наполеона Испания объявила войну Англии. Через несколько недель произошел разгром французского флотау мыса Трафальгар с огромными потерями в живой силе и кораблях. Критики Годоя подняли голос, и его положение оказалось под большой угрозой.

Довольно неопределенные обещания Наполеона относительно личного будущего Годоя побудили фаворита к сближению с врагом и в октябре 1806 года к призыву к войне против французов. Но вскоре после этого одержанные императором победы убедили Годоя в том, что его собственная судьба неизбежно находилась в руках Наполеона. Он снова перешел на его сторону и попытался сблизиться с партией кронпринца Фердинанда. Ситуация при дворе была как никогда более удачной для этого.

В 1806 году, после четырех лет замужества, Мария-Антония внезапно скончалась. Через некоторое время после ее смерти покончил самоубийством придворный аптекарь. При дворе шептались, что принцесса отравлена.

Годой задумал женить овдовевшего Фердинанда на сестре своей жены, принцессы Марии-Тересы. Этот брак связал бы наследного принца по рукам и ногам.

Эскоикис, извещенный друзьями Фердинанда о коварном плане, в октябре 1807 года бежал из Толедо и переодетый пробрался в Мадрид.

Каноник добился тайного свидания с новым французским послом Бо-гарнэ и просил передать Наполеону о горячем желании принца Астурийско-го вступить в брак с одной из принцесс дома Бонапарта.

Эскоикису удалось проникнуть и к Фердинанду. Под его диктовку инфант просит «героя, посланного самим провидением, чтобы спасти Европу от анархии», отдать ему руку какой-либо из его родственниц.

Об этом послании стало известно при дворе Карла IV. Прежде чем император французов получил его, в Париж уже прибыл курьер с собственноручным письмом короля. Карл IV жаловался на нелояльные действия французского посла и предупреждал императора об интригах недостойного инфанта.

Можно себе представить, как обрадовался этим двум письмам корсиканец. Для его испанских планов семейные раздоры мадридских Бурбонов были бесценным кладом: династия сама давалась ему в руки.

Одновременно с поиском поддержки во Франции неутомимый Эскоикис замышлял и дворцовый переворот. В группу заговорщиков вошли богатейший герцог Инфантадо, которого Годой лишил всех придворных должностей, гранды Оргас, Севальос, Сан-Карлос.

При новом свидании с принцем Астурийским каноник уговаривал его пойти напролом: «Ваше высочество, время размышлять и колебаться прошло! Вы имеете сейчас за собой

большинство испанского народа. За вас и святая церковь. При дворе многие открыто выражают свое недовольство Годоем. Еще больше у него тайных врагов. Я уверен, что и французский император будет рад избавиться от него».

И Эскоикис изложил свой план. Он составил записку, в которой ярко изобразил беды Испании, порабощенной временщиком. Фердинанд войдет ночью в спальню отца, прочтет перед ним эту записку и потребует немедленного смещения Годоя. Если бы король остался глух к его доводам, принц должен впустить в спальню своих сообщников…

Фердинанд в ужасе отверг предложенный план. Эскоикис поспешил его успокоить: «Ваше высочество, ни один волос не упадет с головы августейшего монарха! Гранды Испании должны всего лишь принудить государя подписать отставку узурпатору».

«А если король не согласится… Ведь сразу все узнает дон Мануэль! — возразил Фердинанд.

Эскоикису пришла в голову новая мысль: «Следует подумать о будущем. Ваш августейший огец не так уж молод Господь может призвать его к себе… Принц Мира, будучи начальником гвардии, воспользуется преимуществом своего положения, чтобы объявить вас нуждающимся в опеке и назначить себя регентом королевства Нужны будут быстрые и решительные действия».

Каноник тут же подготовил приказ о назначении герцога Инфантадо начальником гвардии, Севальоса, Оргаса, Сан-Карлоса — на другие доверительные посты.

Он просит Фердинанда подписать. Принц колеблется, но все-таки пишет: «Я, король Фернандо». Даты на приказе нет: он будет помечен днем смерти Карла IV.

Несмотря на все предосторожности, принятые Эскоикисом и принцем, — секретные места свиданий, пароли, шифры — всеведущий Годой узнал о заговоре и поспешил сообщить о нем королю. Он представил Карлу все дело как подготовку к захвату короны и к убийству королевы.

Среди ночи у дворца выстроился отряд гвардии. При свете факелов, гремя оружием, гвардейцы вошли в крыло Эскориала, занимаемое наследным принцем. Во главе их сам король.

Карл потребовал у принца шпагу, объявил ему об аресте и приказал отвести его в комнату, обращенную во временную тюрьму.

В апартаментах принца собрались вызванные сюда министры. В их присутствии произвели обыск и нашли недатированный приказ: «Я, король Фернандо…» Лучшего доказательства подготовлявшегося переворота Карлу не надо.

В ту же ночь конца октября 1807 года Карл IV написал Наполеону: «Государь и брат! Как раз в это время, когда я занимался разработкой мероприятий для совместных с вами действий, я с ужасом узнал, что коварный дух интриги проник в лоно моей семьи .. Мой старший сын, наследный принц, задался чудовищной целью свергнуть меня с трона. Он дошел до того, что замыслил лишить жизни свою мать. Такое неслыханное преступление должно быть наказано со всей строгостью. Закон, объявивший его наследником престола, будет отменен. Я уверен, что вы придете мне на помощь своими соображениями и советами».

Уже назавтра после ареста сына Карл обнародовал декрет о лишении Фердинанда права наследования трона.

К инфанту явился один из министров, посланник Годоя: «Ваше высочество, если вам дорога жизнь, вы должны раскрыть королю все подробности заговора и выдать всех его участников».

Измученный бессонницей Фердинанд назвал имена всех причастных к затее, передал все разговоры с каноником и, сверх того, отдал не найденную при аресте записку Эскоикиса.

И, наконец, принц предстал перед дворцовым судом. Его допрашивали король, королева, Годой, министры, председатель Совета Кастилии.

Когда Фердинанда увели из зала суда в тюрьму, к нему пожаловал сам Принц Мира. Со слезами бросился Фердинанд к Годою и стал молить заступиться за него перед родителями. Годой обещал Фердинанду добиться для него полного прощения.

Не колеблясь больше, принц написал под диктовку нежданного благодетеля покаянное письмо к матери, униженно выпрашивал милости пасть к родительским ногам. По этому случаю Годой сочинил манифест короля к народу. Испанцам сообщалось о том, что голос

природы превозмог возмущенные чувства короля, что монарх внял мольбам дорогой супруги и простил заблудшего сына.

Население столицы с неописуемой тревогой следило за всеми подробностями происходивших при дворе событий. Оно стояло безраздельно на стороне Фердинанда. В народном воображении принц был единственным честным и мужественным человеком в выродившейся, погрязшей в мерзости и разврате династии.

Тем временем Наполеон уже решил, что Бурбонская династия на Пиренейском полуострове будет заменена принцами из семьи Бонапарта.

Осенью 1807 года Бонапарт передал Годою предложение направить во Францию особо доверенное лицо для ведения совершенно секретных переговоров — втайне даже, от испанского посла. Уже 22 октября в Фонтенбло под Парижем был подписан договор между Францией и Испанией о разделе Португалии. К подписанному договору присовокуплялось небольшое, с виду чисто техническое приложение. В нем оговорено было право Франции свободно вводить войска на территорию Испании для содействия осуществлению принятых сторонами решений.

Наполеон заранее сосредоточил несколько дивизий у Пиренеев. Сразу же после подписания Карлом IV соглашения он двинул свои силы через испанскую границу.

Французские войска занимали испанские провинции без единого выстрела, без какого-либо проявления недовольства со стороны населения. Сторонники Фердинанда устами сотен тысяч церковников заверяли народ в дружественных намерениях французов и предвещали близкое провозглашение Фердинанда королем Испании.

Наполеон раскрывал свои карты постепенно. Он вскоре передает Карлу IV требование — уступить французам весь север Испании, до реки Эбро: «Вследствие опасного положения в Европе этого требуют жизненные интересы Франции». Неслыханное домогательство со стороны союзника! Но Карл и Годой выполняют его безропотно: не смеют протестовать.

Король, королева и фаворит чувствуют себя в эти дни как на готовой взорваться пороховой бочке. Бегство — единственное, что остается обанкротившимся королям.

Годой настаивает на том, чтобы королевская семья немедля направилась в Кадис, а оттуда морем в американские колонии Никто, кроме нескольких особо доверенных лиц, не должен знать об этом плане. Из осторожности не сообщали о нем до последней минуты и Фердинанду А пока фаворит перевез королевскую семью в Аранхуэс.

Но Кавальеро — тайный сторонник Фердинанда — предупредил партию инфанта о готовящемся бегстве. Немедленно священники и монахи всполошили окрестное население. В аллеях Аранхуэса расположились тысячи крестьян, вооруженных дрекольем. Они силой помешали отъезду своих государей: «Место испанских королей не в Мексике, а в Мадриде».

Приверженцы Фердинанда ошибочно полагали, что действия Наполеона были направлены только против Годоя. Они вновь составили заговор, высшей точкой которого стал Аранхуэсский мятеж. В ночь на 17 марта 1808 года толпа крестьян, солдат и дворцовых слуг взяла штурмом особняк Годоя. Уже давно шло брожение в войсках Гвардейские роты присоединились к толпе, манифестировавшей перед окнами инфанта.

Чтобы успокоить волнение, Карл IV уступил нажиму своих министров и придворных, причем действовал скорее из заботы о судьбе фаворита Годоя, чем думая о своей собственной безопасности. Около пяти часов утра он подписал указ, согласно которому принимал на себя командование армией и флотом, а Годой лишался должности генералиссимуса и адмирала.

Фаворит, завернувшись в ковер, спрятался в мансарде. Полтора суток пробыл он в таком жалком положении. Не выдержав, наконец, мучившей его жажды, он решился осторожно спуститься вниз по лестнице В протянутой руке был зажат кошелек, полный золота. Внизу стоял часовой.

«Все это — за глоток воды ..» — прохрипел поверженный диктатор.

Солдат швырнул кошелек наземь: «Сюда! Ко мне! Я держу колбасника!» Со всех сторон сбежались солдаты, крестьяне…» Крики о поимке Годоя достигли ушей Карла и Марии-Луизы. Они стали слезно молить Фердинанда заступиться за их любимца. За его спасение они предлагали сыну хорошую цену — корону Испании.

Фердинанд с несколькими гвардейцами бросился в гущу разъяренного народа: «Отдайте

его мне! Годой не убежит от суда! — и пнув его ногой, закончил: „Дарую тебе жизнь!“

Принца Мира заточили в маленькой каморке в подвале королевского дворца.

Карлу IV стало ясно, что при создавшемся положении ему остается лишь отказаться от власти. Карл подписал свое отречение в пользу «возлюбленного нашего сына Фернандо, принца Астурийского». Народ встретил отречение ликующими кликами.

Как из рога изобилия посыпались воззвания Фердинанда к испанцам, полные нежных чувств и щедрых посулов.

Все происходившее в Аранхуэсе использовал Наполеон. По его приказу армия Мюрата должна была возможно скорее достигнуть Мадрида и взять в свои руки все нити дворцовых интриг.

24 марта Фердинанд торжественно вступил в Мадрид. Это дало повод к шумным проявлениям народной радости. Мадридцы неистовствовали: расстилали свои плащи под ноги королевскому коню, лобызали колена «Желанного». Еще не умолкли на площадях Мадрида приветственные крики, когда Карл IV, поддавшись внушениям Мюрата, объявил свое отречение вынужденным. Трон, утверждал он, был насильственно захвачен Фердинандом.

Мюрат с первой же встречи показал Фердинанду, что не считает его законным королем Испании. Он отказал Фердинанду в почестях, обязательных в отношении любого члена королевского дома, — позволяет себе сидеть в его присутствии, при обращении к нему опускает королевский титул. Гранды возмущены. Не значит ли все это. что Мюрат поддерживает претензии его отца, требующего обратно «похищенный у него трон»?

Враждующие стороны стали засыпать Наполеона просьбами о вмешательстве. Но он неизменно отвечал, что не намерен вторгаться в домашние дела испанской династии, однако в ближайшее время рассчитывает посетить Мадрид и постарается уладить на месте спор между отцом и сыном.

Бонапарт и не помышлял о путешествии в Испанию Это была лишь новая импровизация все той же лисьей политики. Наполеон послал в испанскую столицу генерала Савари со специальной, весьма щекотливой миссией, обманным путем завлечь Фердинанда и всю королевскую семью на французскую территорию, в Байонну.

Для намерений Бонапарта было очень важно избежать открытого насилия. Он хотел довести авантюру до конца так, чтобы испанские Бурбоны сами, «добровольно» отказались от своих прав на трон. Император рассчитывал, что это поможет впоследствии установить добрые отношения между испанцами и тем правителем, которого он им даст.

8 конце концов Фердинанд приехал в Байонну, где ему объявили, что царствование династии Бурбонов в Испании прекращается На испанский трон вступит государь из фамилии Бонапарта. 6 мая 1808 года он подписал отречение от престола в пользу своего отца Карла IV. Вслед за тем и Карл IV, прибывший в Байонну, подписал документ, по которому уступал свои королевские права на Испанию Наполеону — «единственному государю, способному восстановить там порядок».

Наполеон любил показать себя при случае — великодушным и щедрым. Он подарил Фердинанду замок во французской Наварре и назначил ему поистине королевскую пенсию. Карлу, его супруге и Годою была предоставлена богатая резиденция в императорском замке в Компьене.

9 июля 1808 года старший брат Наполеона Жозеф в сопровождении членов нового правительства, окруженный блестящей толпой испанской знати, сверкающей мундирами и орденами, и высшим духовенством, с почетным эскортом из четырех полков, вступил в пределы своего нового королевства — «почти Франции».

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ШВЕЦИИ

Швеция. 1809 год

Переворот в марте 1809 года — главное внутриполитическое событие шведской истории за первую половину XIX века — был непосредственно вызван военной катастрофой в Финляндии. Во всех бедствиях, обрушившихся на Швецию в 1807—1808 годах, верхи общества

винили Густава IV. Король и в самом деле упорно отстаивал свою безнадежную внешнюю политику. Он самолично ввел непопулярный новый военный налог и в довершение всего оскорбил 120 гвардейских офицеров из «лучших» семей, разжаловав их в армейские офицеры за трусость на поле боя.

Вступив в третью, а затем в четвертую коалиции, Густав IV и после Тильзи-та остался непримиримым врагом Бонапарта, а между тем популярность Наполеона в имущих слоях шведского общества, особенно среди офицеров, росла по мере его побед. Королевское правительство проглядело растущую реальность войны со вторым, не менее грозным противником — Россией, и третьим противником Швеции оказалось Датско-Норвежское королевство. Война подвергла страну тяжкому напряжению сил, привела в ходе военных действий к потере Померании и Финляндии, вторжению русских войск в пределы собственно Швеции.

Финляндская кампания 1808 года обнаружила не только плохую подготовленность шведов к войне, но и низкий боевой дух части командного состава. Решения короля, направленные на продолжение борьбы, все менее ревностно, если не преднамеренно вяло, выполнялись недовольными чиновниками.

Зимой 1808—1809 годов оппозиционные группировки стали разрабатывать план заговора с целью свержения короля и примирения с Наполеоном, заступничество которого надеялись использовать для возврата Финляндии, а затем при поддержке Наполеона заключение мира с Россией и Данией на приемлемых для всех условиях.

Заговор имел два главных центра: один в Стокгольме, где вокруг офицера, инвалида войны барона Я. Седерстрема группировались молодые офицеры и отчасти чиновники, среди них — чиновник судебного ведомства Х. Ерта, демонстративно отказавшийся в 1800 году от дворянского звания; другой — в войсках, расквартированных в западно-шведской провинции Вермла, где заговорщиков позже возглавил служивший в Карлстаде, близ норвежского фронта, властный подполковник Г. Адлерспарре, ветеран русско-шведской войны 1788—1790 годов, побывавший в русском плену. Среди военных выделялся также генерал-адъютант К.Ю. Адлеркрейц, отличившийся в Финляндии.

Очаги заговора были связаны между собой. Первоначально было намечено на февраль уличное нападение на короля в столице, но оно было отложено в последний момент.

Первыми выступили заговорщики из западной армии. Начиная с 7 марта они стали стягивать свои воинские части в город Карлстад. Предварительно Адлерспарре заручился условным обещанием датского командующего в Норвегии принца Кристиана Августа Аугустенбургского не возобновлять боевые действия (военное перемирие уже было заключено раньше с согласия шведского короля). Часть оппозиционеров прочила этого, уже пожилого принца, в наследники шведского престола после свержения Густава IV, имея в виду соединение Норвегии и Швеции под флагом одной династии. Обращение к принцу Аугустенбургскому объяснялось также популярностью принца в Норвегии, которую шведские заговорщики надеялись впоследствии прибрать к рукам. В заранее составленном воззвании Адлерспарре объявлял своей целью заключение мира и созыв риксдага для решения вопроса о государственном устройстве страны.

Заговорщиков поддержали солдаты и жители не только Карлстада, но и на всем пути к столице, куда Адлерспарре со своим корпусом двинулся 9 марта. Король, узнав о мятеже и опасаясь заговора в столице, наметил на утро 13 марта 1809 года отъезд в Сконе, где воинскими частями командовал верный ему генерал Ю.К. Толль. Не дожидаясь этого отъезда, Адлеркрейц (находившийся в Стокгольме) с шестью офицерами ворвался в покои короля, обезоружил его и взял под стражу.

Переворот оказался бескровным — Адлеркрейц был уверен в сочувствии офицеров столичного гарнизона и бездействии военного губернатора Стокгольма фельдмаршала М. Клингспура. После неудачной попытки бежать Густав был отправлен в замок Грипсхольм, а 29 марта он отрекся от престола. Регентом и номинальным главой временного правительства согласился стать его престарелый дядя безвольный герцог Карл.

Вопреки желанию герцога и Адлеркрейца, Адлерспарре 22 марта вступил в Стокгольм с поддерживавшими его частями, отныне ставшими главной военной опорой нового режима.

Адлерспарре встречали как освободителя. Солдаты пошвыряли в канал белые нарукавные повязки — непременную часть шведской воинской формы со времени переворота 1772 года, когда их носили сторонники Густава III. Адлерспарре стал своего рода военным диктатором Стокгольма и ведущим членом временного правительства.

Большинство населения в столице встретило переворот с явным облегчением, но без особого восторга.

В первые дни переворот выглядел как смена правящих группировок, да и то лишь частичная. В составе временного правительства наряду с инициаторами переворота оказались бывшие сторонники свергнутого короля, такие, как канцлер Ф. Эренхейм, риксмаршал граф А. Ферсен, фельдмаршал М. Клин-гспур. Правительство поспешило отменить непопулярные военно-финансовые меры короля, созвало риксдаг на 1 мая и разослало своих представителей с мирными предложениями к воюющим державам. Как раз в середине марта передовые части генерала Багратиона высадились в 100 километрах от Стокгольма. В этот критический момент невольно важную услугу новому шведскому правительству оказал русский главнокомандующий генерал Кнорринг, отдавший приказ о выводе русских войск с собственно шведской территории.

Все еще весьма влиятельные и после свержения Густава IV придворные круги (так называемые густавианцы) добивались передачи престола малолетнему сыну арестованного короля, в чем нетрудно было убедить и представителя той же гольштейнской династии — бездетного герцога Карла. Однако офицеры западной армии во главе с Адлерспарре имели другую программу: уволить ближайших советников бывшего главы государства, пополнить правительство представителями всех сословий, немедленно низложить Густава IV и его потомков, провозгласить королем герцога Карла, а в наследники избрать датского или французского кандидата.

Адлерспарре, введенный в правительство, на первых порах держался диктатором и мог, если бы захотел, провести важные социально-политические преобразования. Но он бездействовал из нежелания (как он сам позднее признавался) внести раскол в правящий лагерь перед лицом грозной внешней опасности, а также из страха развязать народную революцию. Ближайшей целью его было укрепить центральную власть и сорвать реакционные династические планы густавианцев.

29 марта на совещании офицеров западной армии во главе с Адлерспарре решено было отложить избрание нового короля до созыва риксдага. Явные густавианцы, например канцлер Ф. Эренхейм, вышли из правительства.

В мае 1809 года, несмотря на угрожающее военное положение, в Стокгольме собрался сословный риксдаг. Среди депутатов, как и внутри нового правительства, сразу же обнаружились серьезные разногласия по вопросам престолонаследия, новой конституции и сословных привилегий. Единодушным было лишь низложение династии Голыитейн-Готторпов вскоре после открытия сессии. Риксдагу предстояло затем избрать короля и принять конституцию.

Регентское правительство добивалось от сословий в первую очередь решения вопроса о короле и лишь затем одобрения конституции. Правительственный проект конституции, так называемый хоконсоновский (по имени его составителя губернатора А. Хоконсона), предусматривал лишь малое ограничение королевской власти. Однако и хоконсоновский проект, и формула «сначала король, потом конституция» были отвергнуты не только бюргерским, но и дворянским сословиями риксдага. Регент и его советники уступили: восторжествовал принцип «сначала конституция, потом король».

Риксдаг избрал конституционный комитет из 15 представителей всех четырех сословий, но с решительным преобладанием дворян и под председательством барона Л.А. Маннергейма. Душой комитета стал его секретарь Х. Ерта, формально не вошедший в него, так как он не был депутатом риксдага. Комитет выполнил свою задачу за 14 дней. После того как риксдаг принял, а герцог Карл на следующий день, 6 июня, утвердил конституцию, он был избран королем под именем Карла XIII (1809—1818).

В июле 1809 года наследником был избран упомянутый ранее датский принц Кристиан Аугустенбургский. Бывшему королю после десятимесячного заключения было предложено

постоянно пребывать в Швейцарии, где он и прожил около тридцати лет под именем полковника Густавсона.

После заключения Фридрихсгамского мира (сентябрь 1809 года) внутреннее положение в Швеции оставалось крайне напряженным. Горечь поражения, финансовое расстройство, наплыв беженцев из Финляндии, борьба политических группировок мешали стабилизации нового режима. В 1810 году скоропостижно умер принц Аугустенбургский. В народе распространился слух о его отравлении аристократами, во время похорон в Стокгольме произошли уличные столкновения, причем толпой был убит реакционер граф А. Ферзен-млад-ший.

Неустойчивость положения заставляла победителей 1809 года спешить с подысканием нового кандидата на пост наследника. Правящие круги склонялись к избранию одного из датских принцев, что впоследствии сулило объединение скандинавских государств с фактическим преобладанием Швеции. Вместе с тем шведы хотели провести избрание с учетом пожеланий всесильного Наполеона. Однако отправленный с этой целью в Париж лейтенант К.О. Мернер, выполнив свое официальное поручение через шведскую миссию, по собственной инициативе и частным образом предложил вакантный пост кронпринца маршалу Ж. Б. Бернадоту.

Бернадот был известен как способный военный деятель и администратор с большим опытом. Привлекательность его кандидатуры в глазах шведов усиливалась его родством с Наполеоном. Кроме того, будучи французским командующим, а затем губернатором в Северной Германии, Бернадот приобрел популярность у шведского офицерства своим предупредительным отношением к пленным.

Наполеоновский маршал, он же князь Понтекорво, дал свое предварительное согласие, намекая, что его поддержит и сам Наполеон. Император, официально одобрив датского кандидата, действительно выказывал предпочтение Бернадоту. Против кандидатуры датского принца теперь возражал и сам король Дании. В конечном счете правительство Швеции, а за ним и специальный комитет избирательного риксдага пересмотрели свои решения.

21 августа 1810 года сын гасконского адвоката был избран наследным принцем под именем Карла Юхана и в октябре, приняв лютеранскую веру, прибыл в Швецию, где его усыновил уже крайне дряхлый Карл XIII. Принятый тем временем, после получения официального согласия Наполеона, закон о престолонаследии закрепил право на шведскую корону за мужскими членами дома Бернадотов.

ЗАГОВОР МАЛЕ

Франция, Париж. Октябрь 1812 года

Из всех врагов Наполеона, включая таких соперников и политических противников, как Моро, Массена, Ожеро или Бернадот, генерал Мале был самым давним и самым непримиримым. Он принадлежал к древнему дворянскому роду. Во время революции Мале стал убежденным якобинцем. В ходе итальянской кампании генерал показал себя инициативным и бесстрашным командиром. За боевые заслуги его произвели в дивизионные генералы. Однако Бонапарт, придя к власти и хорошо зная прошлое Мале, не утвердил его в этом звании, оставив бригадным генералом.

Ходили упорные слухи, что, будучи начальником дижонского военного лагеря, Мале, войдя в сговор с генералом Брюном, собирался арестовать Бонапарта во время инспектирования войск и не сделал этого только потому, что Первый консул в Дижон не поехал…

В 1804 году в Париже был раскрыт так называемый «заговор предположений». Возмутителю спокойствия Мале удавалось какое-то время скрываться от полиции, но затем оц угодил в тюрьме Ла Форс, откуда его перевели в клинику Дюбюиссона. Здесь «лечились» республиканцы, демократы и либералы, разошедшиеся во взглядах с режимом.

Пользуясь своей относительной свободой, Мале через свою жену Де-низ наладил с сообщниками переписку. Один из них, Демайо, сидевший в тюрьме Ла Форс, сообщил, что в той же тюрьме находятся люди, которые при осуществлении переворота могут оказаться

незаменимыми. Что же касается установления контактов с ними, то здесь бесценную помощь Мале оказала Софи Гюго — мать знаменитого писателя и любовница отставного бригадного генерала Виктора Лагори, находящегося в тюрьме Ла Форс за участие в заговоре Пишегрю — Кадудаля. В соседней камере сидели генерал Гидаль, пытавшийся поднять восстание в Марселе и ожидавший военного суда, и корсиканский патриот Бокеямпе, человек решительный и пылкий — его арестовали по ошибке, вместо однофамильца.

Поскольку Софи благодаря дружбе с Дениз знала в общих чертах о замыслах Мале и сочувствовала им всей душой, она заочно познакомила его с Гидалем, а Лагори генерал знал и раньше. К этой троице примкнул и Бокеямпе. Штаб восстания был создан.

Мале стал подыскивать надежных людей на воле. В этом ему помог аббат Лафон Имея обширные связи, он познакомил генерала с капралом Жаком Огюстом Рато, сыном бордоского священника, и 28-летним анжуйцем Андре Бутро, также выходцем из семьи священника. Еще одним участником заговора стал испанский монах Хозе Мария Каамано, пострадавший от произвола наполеоновских властей: заподозренный в шпионаже, он без суда и следствия просидел четыре года в тюрьме Ла Форс По поручению Лафона Каамано снял квартиру из трех маленьких комнат на улице Сен-Пьер.

22 октября, сразу после ужина, Мале и Лафон бежали из клиники. Рато и Бутро поджидали их в условленном месте. Через площадь Вогезов и улицу Сен-Жиль заговорщики благополучно добрались до глухого тупика Сен-Пьер.

На конспиративной квартире они занялись подделкой документов. Этим в основном занимался юрист Бутро. Лафон обновлял старые указы и воззвания. Мале составлял черновики, тщательно проверял переписанное и скреплял своей подписью. Наконец приготовления были закончены. Мале переоделся в генеральский мундир. Бутро получил трехцветную ленту комиссара, а Рато — мундир адъютанта.

Все, кроме Лафона, поднялись. Аббат, сославшись на боль в ноге, решил пока остаться У него были другие планы, этой же ночью он бежал из Парижа.

Мале в сопровождении своих спутников направился в центральную казарму. Командующий когортой Сулье был сильно простужен. Когда трое вошли в его комнату, он приподнялся на постели. «Генерал Ламот», — представился Мале. Это был экспромт. Мале вдруг сообразил, что на его мундире нашивки бригадного генерала, а он в качестве военного коменданта Парижа, которым сам себя назначил, должен быть генералом дивизии. И вот, чтобы в первый же момент не посеять подозрения, он избрал псевдоним, взяв имя реального лица. Выдержав паузу, Мале продолжил: «Император умер. Он убит 8 октября под Москвой…»

Затем был зачитан приказ военного коменданта Парижа. Сулье, получившему чин полковника, предписывалось незамедлительно вести вверенные ему войска на Гревскую площадь. Надлежало занять ратушу и вместе с префектом департамента Сены подготовить зал заседаний для временного правительства Под приказом стояла подпись дивизионного генерала Мале.

Заместитель больного Сулье, капитан Пикерель, приступил к выполнению приказа. Так, дождливой ночью 23 октября 1812 года началась одна из самых удивительных авантюр в мировой истории.

Пикерель собирал и выводил из казармы солдат, строя их в каре. Наконец Бутро при колеблющемся свете факела начал читать. «Постановление Сената от 22 октября 1812 года. Сенат, экстренно собравшийся, прослушал сообщение о смерти Наполеона, которая имела место под стенами Москвы 8 числа сего месяца…»

К концу чтения Бутро закашлялся. Мале пришел ему на помощь. Призвав к уничтожению всех, кто станет у них на пути, генерал мимоходом бросил намек на будущую республику: «Соединим же наши силы и дадим родине конституцию, которая принесет подлинное счастье французам!».

Мале приказал капитану Пикерелю послать двух вестовых, снабженных копиями соответствующих документов, в соседние казармы. Два других солдата в сопровождении Рато были отправлены на квартиру Каамано, чтобы забрать генеральские мундиры для Лагори и Гидаля. Пять рот из десятой когорты во главе с капитаном поступали в распоряжение Мале и Бутро, шестая же под командованием Сулье должна была утром идти прямо к ратуше.

Мале со своим отрядом отправился в тюрьму Ла Форс и освободил сообщников. Генерал Лагори, назначенный министром полиции, получил задание вместе с Гидалем и Бутро арестовать префекта Паскье, шефа тайной полиции Демаре, министра полиции Савари, герцога Ровиго Бутро надлежало занять место Паскье. Кроме того, Гидалю поручалось арестовать архиканцлера Кам-басереса, военного министра Кларка и графа Реаля — все трое проживали в одном округе — на улицах Юниверсите, Англе и Лилль. Бокеямпе должен был встретить у ратуши отряд с полковником Сулье, а затем занять должность префекта округа Сены вместо Фрошо, который вошел в состав правительства. Отдав распоряжения, Мале направился в главный штаб на Вандомской площади.

Вестовые, посланные утром из казарм десятой когорты, прекрасно справились с заданием. Прибыв на улицы Миниме и Куртиль, где находились казармы первого и второго батальонов, они передали начальству документы, дополнив их устными рассказами о действиях «генерала Ламота». В обеих казармах командиры подняли людей, совершенно не интересуясь достоверностью информации Если у кого и возникали сомнения, то ненадолго.

Роты поднимались и шли по приказу: одни — занимать казначейство и государственный банк, другие — охранять министерства, третьи —¦ закрывать заставы.

Исполнительный Сулье, получив от нового начальства чин полковника, старался вовсю. В седьмом часу утра, превозмогая болезнь, он поднялся с постели и во главе шестой роты отправился на Гревскую площадь. Прибыв в ратушу, он потребовал графа Фрошо, префекта округа Сены. Фрошо не оказалось — он имел обыкновение ночевать в своей загородной вилле. За ним послали.

Граф Фрошо пользовался полным доверием Наполеона; именно ему он был обязан своим положением, титулом и богатством. Однако известие о смерти императора не слишком взволновало Фрошо, поскольку одновременно с этим ему доложили, что он является членом нового правительства. Вдохновленный полковником Сулье, граф стал готовить главный зал ратуши к приему нового правительства…

Но если средние и нижние звенья механизма работали безотказно, то о верхнем эшелоне этого сказать было нельзя. Штаб Мале — сам он об этом узнал слишком поздно — оказался не на высоте.

Лагори и Гидаль справились с первой частью своей миссии вполне успешно, арестовав Савари, Паскье и Демаре, потом дело застопорилось. Гидаль решил сделать передышку и вместо того чтобы завершить доверенную ему операцию и обезвредить главных сановников империи — Камбасереса, Кларка и Реаля, он пошел подкрепиться спиртным и ему стало не до арестов.

Граф Реаль, член Государственного совета и один из шефов полиции, со времени первых заговоров эпохи Консульства числился в любимцах Наполеона. Легкомысленность Гидаля дорого обошлась заговорщикам. Реаль и военный министр Кларк успели бежать.

Не лучше обстояло и с Нагори. Заняв место Ровиго в министерстве полиции, он не знал, что делать Отправился в ратушу, но там своего шефа не обнаружил и вернулся обратно.

Примерно те же ощущения испытал и Бутро. В кресле Паскье молодой, неопытный юрист растерялся. Через какое-то время он решил бросить все и, выйдя на улицу, смешался с пестрой толпой, не задумываясь о дальнейшем.

Что же касается Бокеямпе, то он, плохо зная язык и слабо представляя, что происходит, с самого начала почувствовал себя не в своей тарелке. И тоже бежал.

Главный виновник всех этих событий не подозревал о невзгодах членов своего штаба. Мале побывал на улице Сент-Оноре в доме № 307 у двух членов организации, которые должны были в положенное время ударить в набатный колокол. Он также распорядился отправить депеши в Марсель, Тулон и Женеву. Теперь ему предстояло обезвредить военно-жандармский аппарат, как перед тем были обезврежены полицейские власти.

Ближайший визит к генералу Гюлену был крайне неприятен уже потому, что тот являлся военным комендантом Парижа. Опасения Мале подтвердились. Гюлен быстро раскрыл авантюру генерала, обозвав его самозванцем. В ответ Мале выхватил пистолет и выстрелил в лицо коменданту. Вместе с капитаном Стеновером, сделавшим вид, будто ничего не произошло, он покинул роскошные покои Гюлена.

История эта глубоко взволновала Мале. Вскоре к первой неприятности при-. бавилась вторая. Одним из тех, на поддержку кого он рассчитывал, причем рассчитывал безоговорочно, был его старый соратник опальный генерал Де-нуайе. Однако посланный к нему адъютант вернулся ни с чем: генерал отказался поддержать заговорщиков.

Мале стало ясно, что нельзя доверять другим то, что обязан сделать сам. Перед тем как заняться Гюленом, он, желая выиграть время, послал к полковнику Генерального штаба Дузе своего лейтенанта с тем, чтобы тот к приходу Мале ознакомил полковника с главными документами, которые обеспечили бы его поддержку. Раздумывая над этим обстоятельством по дороге в штаб, Мале понял, что допустил двойную оплошность. Во-первых, все его акции до сих пор действовали безотказно благодаря внезапности: своим сообщением и бумагами он ошеломлял собеседника. И даже в том единственном случае, когда ему не поверили, было время, чтобы обезвредить Гюлена. Тут же он давал незнакомому человеку возможность одуматься, прикинуть и внимательно рассмотреть фальшивые документы.

Полковник Дузе, едва полистав переданные ему документы, понял все. Его не прельстило назначение генералом бригады — назначение, которого он тщетно ждал многие годы, не подкупило его и обещание ста тысяч франков — он видел, что все бумаги подложные. И еще он увидел ненавистную революционную фразеологию, а для него, роялиста, автор подобных бумаг, давай он даже самые заманчивые обещания, был смертельным врагом.

В своем письме Мале, между прочим, давал наказ полковнику арестовать своего адъютанта Лаборда Дело в том, что Лаборд — Мале знал это точно — был тайным агентом сверхсекретной разведки Наполеона. Правильно решив, что Лаборд должен быть устранен в первую очередь, Мале, вместо того чтобы сделать это самому, дал поручение Дузе, о настроениях которого не имел ни малейшего понятия.

Поднимаясь с этими мыслями на второй этаж Генерального штаба, он вдруг оторопел: прямо на него шел Лаборд, тот самый Лаборд, который должен был находиться под арестом…

Мале подумал о провале. И тут генерал сделал новую ошибку. Оставив Рато и двух солдат в прихожей, он вместе с Лабордом вошел в кабинет Дузе в сопровождении одного капитана Стеновера, который остановился у самой двери. Таким образом, Мале оказался один против двух врагов, которым, разумеется, не составило труда арестовать его и пассивного Стеновера.

Руководитель заговора был устранен, но отдельные звенья пущенной им машины продолжали раскручиваться. Гонцы с радостным известием летели в Марсель и Женеву, подразделения солдат бодро двигались по улицам, офицеры выполняли распоряжения «нового правительства», граф Фрошо готовил для него апартаменты, а добрые парижане обращались друг к другу, как в девяносто третьем, «гражданин».

Лишь к вечеру правительству удалось успокоить столицу. Офицеры и солдаты, избегнувшие ареста, были разведены по казармам. Почти всех членов штаба заговорщиков арестовали в тот же день или день спустя.

На суде Мале всю вину принял на себя, всячески стараясь выгородить других. По его словам, те, кто действовал с ним, не знали истины, верили в смерть императора и были полны благих намерений.

Другие подсудимые пытались отрицать свою вину: они действительно ничего не знали и в силу воинской дисциплины подчинялись вышестоящему.

Судьба двадцати четырех сознательных и невольных соучастников Мале была решена заранее. Четырнадцать, в том числе глава заговора, Лагори, Ги-даль, Рато, Бокеампе, Сулье, Пикерель, Стеновер, были приговорены к смерти, остальные десять лишены должностей и званий и оставлены в тюрьме. В последний момент, по воле императрицы, полковник Рабб и капрал Рато были помилованы. Первый заслужил снисхождение благодаря семейным связям, второй — длинному языку: спасая жизнь, Рато показал себя первоклассным осведомителем, и полицейские власти надеялись использовать его в дальнейшем.

Двенадцать заговорщиков были расстреляны 29 сентября на Гренельском поле. Согласно преданию, Мале сам командовал расстрелом. Тела казненных, погруженные на три телеги, отвезли в Валь де Грае и бросили в общую яму. Печальный кортеж сопровождала женщина, одетая в черное, с густой вуалью на лице. Это была Софи Гюго, провожавшая в последний путь любимого человека. Дениз Мале не могла составить ей компанию: за несколько дней до этого

она была арестована и брошена в тюрьму...

ПРОНУНСИАМИЕНТО РИЭГО

Испания. 1820 год

Пронунсиамиенто (военный заговор) полковника Риэго, который 1 января 1820 года в Лас-Кабесас-де-Сан-Хуан вновь провозгласил Кадисскую конституцию, было лишь одним из многих в течение шестилетия (1814—1820). Хотя все эти попытки путчей провалились, в конечном счете каждая из них всегда стремилась к единой цели.

В середине 1817 года Рафаэль Риэго был отчислен от экспедиционной армии. Покинув Кадис, он в течение двух лет кочевал по гарнизонам Испании. И повсюду он вступал в подпольные революционные хунты.

В самом начале июля 1819 года Рафаэль снова оказался в Кадисе, в экспедиционной армии. Он застал своих старых товарищей по тайной военной хунте в состоянии крайнего возбуждения: они готовились уже через несколько дней начать восстание. Риэго сообщили, что главнокомандующий экспедиционной армией граф Лабисбаль и дивизионный генерал Сарсфильд примкнули к патриотам.

Риэго не был включен в состав революционной хунты, так как он еще не вступил в командную должность, и поэтому не мог быть полезен восстанию. Ранним утром 9 июля Риэго поспешил на Пальмовое поле, где выстроившиеся полки ждали прибытия генералов, Лабисбаль должен был приехать из Ка-диса, а Сарсфильд — из Хереса-де-ла-Фронтера. Было условлено, что они провозгласят перед войском конституцию 1812 года и объявят поход на Севилью и Мадрид.

Но генералы изменили данному слову. Лабисбаль приказал своим адъютантам отобрать у офицеров-заговорщиков шпаги. В тот же день он отправил главаря Кирогу в монастырь Сан-Агусто. В тюрьмы попали и остальные члены хунты — О'Дали, Арко-Агуэро, оба брата Сан-Мигель.

Формально непричастный к заговору, Риэго остался на свободе. Приняв командование Астурийским батальоном, он с головой ушел в подготовку нового пронунсиамиенто, намеченного в этот раз на 1 января 1820 года.

Риэго держал в своих руках все нити заговора: вербовал новых офицеров в революционную хунту, договаривался с вождями кадисской ложи Верховный капитул, вел переговоры с кадисскими купцами. Он старался получше узнать каждого из солдат своего батальона.

Кирога, сидя в тюрьме, все же находил пути, чтобы поддерживать связь с членами революционной хунты, давать распоряжения Риэго. Тот с большой готовностью признавал прежнего главу хунты руководителем нового заговора. Но всю тяжесть трудного и опасного предприятия Риэго нес на своих плечах.

Задуманный Риэго план был так же прост, как и смел. Главная квартира экспедиционной армии помещалась в глухом городке Аркос-де-ла-Фронтера, в восьми лигах от Кадиса. Там находился новый главнокомандующий граф Каль-дерон и его штаб.

Из-за эпидемии желтой лихорадки, вспыхнувшей в районе Кадиса, батальоны экспедиционной армии были расквартированы подальше один от другого, в небольших поселениях западной Андалузии. Риэго со своим батальоном стоял в шести лигах к северу от Аркоса, в Нас-Кабесасе-де-Сан-Хуан. Недалеко от Кабесаса, в Вильямартине, квартировал Севильский батальон, с которым Риэго установил тесную связь.

По мысли Риэго, оба батальона, Астурийский и Севильский, должны напасть на Аркос, захватить Кальдерона и его штаб. В это же время Кирога, освобожденный друзьями из тюрьмы, поднимет Испанский батальон в Алька-ле-де-Лос-Гасулес, лежащей к югу от Аркоса, и Королевский батальон в расположенной поблизости Медине-Сидония. С этими силами Кирога прорвется через мост Суасо на остров Леон и с налету захватит Кадис.

Таким образом, революционеры овладеют хорошо защищенным от нападения с суши островом и лежащим на нем богатым портовым городом.

Затем надо будет привлечь к движению и остальные части экспедиционной армии. А после этого, укрепившись на острове, восставшие предпримут наступательные операции против Севильи и Мадрида — главных оплотов тирании. Наступило утро 1 января 1820 года.

Риэго с группой близких ему офицеров вышел на площадь Лас-Кабесаса-де-Сан-Хуан. Часть солдат он направил на оцепление Кабесаса, дав им строгий наказ не выпускать из деревни ни души до следующего утра. Этим он сумел помешать распространению вестей о восстании и использовать преимущества внезапного нападения.

Офицеры-заговорщики вывели астурийцев и построили их на площади в шеренги. Ударили в церковный колокол. Тотчас сбежались все жители деревни. Краткая речь Риэго к местным жителям и солдатам была полна энергии: «Граждане Лас-Кабесаса-де-Сан-Хуан! С этой минуты испанский народ поднимается на борьбу за священные права, похищенные у него в 1814 году деспотическим королем, неблагодарным Фердинандом. Мы приложим все наши силы, чтобы сбросить с народа постыдные цепи! Вся нация вскоре направит своих представителей в кортесы, и они установят новые органы власти. До тех пор призываю повиноваться моим распоряжениям, ибо я— полномочный член революционной хунты. Я назначаю временными алькальдами Кабесаса сеньоров Беато и Сулуэта».

Слова Риэго ошеломили жителей поселка. Но когда прошло первое изумление, раздались громкие приветственные крики.

Отряд Риэго немедля выступил из Кабесаса. Через несколько дней мятежникам удалось захватить Аркос и увести с собой все командование экспедиционной армии. Первый удар завершился успехом. Риэго обезглавил армию и получил в свои руки некоторую силу.

Однако это только начало. По всей округе были разбросаны многочисленные гарнизоны — 20 тысяч солдат. К тому же из трех батальонов, которыми располагал теперь Риэго, он, в сущности, мог вполне положиться только на своих астурийцев.

Тем временем бежавший из монастырской тюрьмы Кирога поднял свой Испанский батальон, направился с ним к Медине, присоединил там к восстанию Королевский батальон и с этими силами пошел к мосту Суасо, рассчитывая под покровом ночи напасть врасплох на его охрану.

Из-за непрерывных дождей колонна смогла добраться до моста лишь к девяти часам утра 3 января. Передвижение восставших частей происходило, таким образом, на виду у всех. Только беспечность командования, не выставившего у моста сторожевого охранения, позволила Кироге свободно перейти на остров Леон.

От моста до Сан-Фернандо, расположенного в центре острова, восставшие батальоны прошли стремительным маршем и захватили город без боя, присоединив к себе его гарнизон.

Кироге следовало бы, не останавливаясь здесь, тотчас выступить к Кади-су — главной цели похода. Но он решил дать отдых измученным людям. Успехи у Суасо и Сан-Фернандо внушили ему оптимизм.

Приостановив свой марш, Кирога совершил тяжелую тактическую ошибку, Пока его батальоны набирались сил для предстоящей наутро операции, генерал Кампана, комендант Кадиса, направил к Кортадуре несколько сот солдат и всю ночь возводил укрепления.

Либералы Кадиса делали отчаянные усилия, чтобы поднять возмущение в гарнизоне города. Но Кампана призвал на помощь монахов и священников, на всех перекрестках выставил патрули. Этими мерами ему удалось совершенно парализовать врагов режима.

Утром Кирога сделал ряд попыток прорваться через Кортадуру. Но все эти атаки были отбиты.

Риэго оставался в полном неведении относительно действий Кироги Он начал тревожиться за судьбу всего дела. Разобщенность двух центров восстания была крайне опасна: она могла привести к поочередному их разгрому. Надо было немедля пойти на соединение с Кирогой.

Четыре батальона Риэго направились в сторону Хереса-де-ла-Фронтера, куда они вступили утром 5 января. Это был первый крупный город на пути восставших Население встретило революционные войска весьма сдержанно.

7 января отряд Риэго вошел в Сан-Фернандо.

Для обсуждения плана дальнейших действий вечером у Кироги собрались все

руководители восстания. Хунта решила издавать свой революционный \ орган — «Патриотическую газету», назначив редактором Алкала Галиано, пробравшегося в Сан-Фернандо из Кадиса. Хунта выдвинула Риэго командующим наличными силами революции, образовавшими первую дивизию будущей армии. Кирога был снова единодушно избран главнокомандующим Арко-Агуэ-ро стал начальником штаба и получил в помощники Эваристо Сан-Мигеля.

Члены хунты согласились на том, что ближайшей целью операций может быть только Кадис. Пока в тылу острова — главной базы восставших — будут оставаться силы генерала Кампаны, нельзя начинать никаких наступательных действий в глубь Андалузии.

Хунта отпечатала и распространила среди солдат и населения письмо к Фердинанду, в котором излагались причины, заставившие войска экспедиционной армии взяться за оружие. Повстанцы заявляли, что не прекратят борьбы, пока не добьются восстановления политического кодекса, которому нация принесла присягу семь лет тому назад. «Короли, — провозглашалось в письме, — принадлежат нации и пребывают королями до тех пор, пока народы хотят этого»

Восставшая армия надеется, что ее клич родит отзвук во всей Испании «Но если этим надеждам суждено остаться тщетными, то смерть за дело свободы будет желаннее, чем прозябание под игом тех, кто соблазнил сердце его величества и увлекает его на путь погибели».

Пока революционная хунта, выжидая присоединения к восстанию других частей экспедиционной армии, упускала драгоценные часы, для обороны Кадиса были переброшены морским путем новые воинские части. Кампана усеял Кортадуру жерлами пушек. Генерал Фрейре стал во главе полков экспедиционной армии, еще не вышедших из повиновения правительству. Хосе О'Доннель, капитан-генерал Альхесираса, двинул свои войска к Леону и обратился с воззванием к солдатам восставших батальонов, призывая их выдать мятежных офицеров, за что обещал прощение и щедрые награды.

Среди членов хунты начались разногласия Риэго требовал немедленных вылазок с острова на «твердую землю», а также ударов в сторону Кортадуры. Кирога предлагал ждать: он рассчитывал на скорое присоединение к патриотам новых частей.

Утро 9 января как будто оправдало надежды Кироги. Стало известно, что бригада артиллерии и Канарийский пехотный батальон движутся с востока к Леону на соединение с восставшими Кирога предложил Риэго предпринять диверсию на материк, чтобы отвлечь силы противника от канарийцев.

На рассвете следующего дня Риэго с отрядом в тысячу человек двинулся в направлении порта Пуэрто-де-Санта-Мария. Завидя наступающих патриотов, кавалерия О'Доннеля поспешно отошла, и Риэго без всякой помехи вошел в этот порт.

От Санта-Марии отряд направился дальше, к Медине-Сидония и Алькале-де-Лос-Гасулес, нигде не встречая сопротивления У Алькалы его настиг гонец от Кироги с вестью о том, что артиллеристы и канарийцы уже прибыли на остров Главнокомандующий требовал немедленного возвращения отряда на Леон.

Новые подкрепления оказались меньшими, чем восставшие того ожидали. Артиллерийская бригада состояла всего из сотни солдат и не имела орудий. Ее привел член хунты Лопес-Баньос. А батальон канарийцев растаял по пути: в нем осталось только 120 человек.

12 января Кирога снова созвал военную хунту. Положение на острове становилось все более трудным. Среди восставших солдат бродили агенты Кампаны и Фрейре, подбивали их на предательские террористические действия. Были пойманы несколько монахов, которые расклеивали на стенах домов Сан-Фернандо прокламации архиепископа Кадисского, призывавшего «восстать во имя господа на слуг антихриста» — вождей революции С минуты на минуту могло вспыхнуть возмущение среди солдат, согласованное с атакой абсолютистов на остров.

Прошло уже две недели с того дня, как Риэго поднял в Лас-Кабесасе-де-Сан-Хуан знамя восстания. Пронунсиамиенто в экспедиционной армии, руководимое либеральными офицерами, перестало расти. К середине января в рядах восставших насчитывалось всего около

пяти тысяч бойцов. Движение как бы застыло. И в этом крылась огромная опасность.

Все военные мероприятия патриотов против Кадиса терпели неудачу. Части генерала Фрейре полностью отрезали остров Леон от суши, а генерал Кампана крепко держал Кадис. Колонну Риэго — главную надежду восставших — абсолютисты загнали в далекие сьерры Казалось, революционная армия была обречена на неизбежную гибель. Из Севильи Фрейре слал в Мадрид многообещающие реляции и требовал подкреплений, заверяя короля Фердинанда в том, что он скоро подавит мятеж и захватит всех его зачинщиков.

Но подвижная колонна Риэго путала все карты. Фрейре не мог решиться начать генеральную атаку на остров Леон до тех пор, пока у него за спиной бродил отряд смелых бойцов-революционеров, связывавших его кавалерию, грозивших взбунтовать воинские гарнизоны в глубоком тылу.

Все внимание правительства и королевских генералов было приковано к тому, что происходило на юге Испании, в Андалузии. Они лихорадочно стягивали туда свои силы, оголяя остальные провинции. Это развязывало руки революционерам Галисии, Каталонии, Наварры, Валенсии.

Помощь герою Кабесаса становилась лозунгом назревавшего восстания на севере. Либералы теперь действовали здесь почти открыто, и их энергия возрастала по мере того, как положение восставших в Андалузии становилось все более безнадежным.

21 февраля, почти через два месяца после того, как отважным астурийцем был зажжен в Кабесасе костер свободы, искра его воспламенила Галисию.

В Ла-Корунье горсть смело действовавших патриотов арестовала капитан-генерала, провинциальных сановников и провозгласила конституцию 1812 года. Это послужило сигналом для революционеров Эль-Ферроля, восставших спустя два дня. Феррольцы завладели губернаторским замком, и весь городской люд присягнул на площади города Хартии Кадиса. За этими двумя городами последовал Виго.

Власти отступали везде почти без сопротивления. И лишь в клерикальном Сантьяго-де-Компостела граф Сан-Роман пытался преградить путь нараставшей революционной волне. Он собрал оставшиеся в Галисии войска и мобилизовал ополчение. Патриоты направили против него 500 необученных, плохо вооруженных рекрутов. Убоявшись, видимо, и этих слабых сил, граф не принял боя и отошел от Сантьяго на двадцать пять лиг к югу — к Оренсе. Революция овладела самым многолюдным и богатым городом Галисии.

Сан-Роман располагал внушительными силами — двумя регулярными полками пехоты, 10 гренадерскими ротами, несколькими эскадронами кавалерии. Он занял в Оренсе почти неприступную позицию.

Революционная хунта Галисии действовала стремительно. Ее воззвания, проникшие во все углы провинции и в самый вражеский стан, поднимали ремесленников и торговцев в городах, вербовали приверженцев делу революции среди офицерства и нижних чинов армии.

Опасаясь бунта в своих войсках при первом же боевом соприкосновении с патриотами, Сан-Роман вынужден был оставить Оренсе и уйти в Кастилию.

Вся Галисия — одна из самых богатых и обширных областей королевства — оказалась в руках сторонников конституции.

Пламя мятежа охватило Наварру, Арагон с Каталонией. В Барселоне и Сарагосе среди бела дня раздавались крики: «Да здравствует полковник Риэго! Смерть тиранам!»

Король уже стал сомневаться в верности мадридского гарнизона и даже гвардии. Он созвал тайное совещание командиров столичных полков. Доклады их были неутешительными. Королю прочли длинный список гвардейских офицеров, связанных с масонскими ложами.

Военному министру удалось стянуть в Ла-Манчу, к городу Оканье, несколько полков, офицерство которых не было заражено либеральными идеями. Эта армия еще могла спасти положение. Нужно только отдать ее в руки надежного, преданного режиму генерала. Остановив свой выбор на графе Лабисбале, Фердинанд рассчитывал, что недавняя измена этого генерала кадисской революционной хунте на Пальмовом Поле навеки связала его с самодержавием.

Облеченный чрезвычайными полномочиями, граф выехал 3 марта из Мадрида в Оканью. А через три дня в столицу пришла весть, что Лабисбаль провозгласил в Оканье конституцию 1812 года.

Во дворце царило смятение.

Мадрид жил неспокойной жизнью. Каждый день столица узнавала о новых восстаниях, новых победах революции.

6 марта на стенах домов столицы появились афиши, в которых правительство призывало мадридцев к спокойствию. Сообщалось, что король назначил диктаторскую хунту с инфантом доном Карлосом во главе, которой он поручал разработать неотложные государственные реформы. В тот же день появился и королевский декрет о немедленном созыве кортесов.

На следующий день король обратился к своим подданным с воззванием: «Чтобы избежать кривотолков относительно вчерашнего моего декрета о немедленном созыве кортесов и зная общую волю народа, я решил принести присягу конституции, обнародованной чрезвычайными кортесами в 1812 году».

После шести лет неограниченной тирании король вынужден был, наконец, отступить и согласиться на конституционную систему управления.

Но уже 9 марта агитаторы распространили в народе слух об отказе короля принести присягу. Ко дворцу потянулись вооруженные чем попало толпы. Тысячи людей настойчиво требовали; чтобы Фердинанд тут же, при всем народе, поклялся в верности конституционному режиму.

Фердинанд укрылся во внутренних дворцовых покоях. Толпа стала напирать на цепи гвардейцев, грозя ворваться во дворец. Подавив в себе ярость бессилия, король принял парламентеров. Толпа выбрала шесть человек для ведения переговоров.

Делегатов не допустили дальше дворцовой лестницы. Они потребовали от монарха немедленного восстановления аюнтамиенто — городского самоуправления, какое существовало до 1814 года. Король вынужден был согласиться на это.

Вновь избранное аюнтамиенто направилось в полном составе во дворец и приняло присягу Фердинанда на верность конституции 1812 года.

В тот же день Фердинанд VII, ставший отныне царствовать «волею народа», назначил Временную совещательную хунту, которая должна была управлять страной впредь до образования конституционного правительства.

В новом обращении к испанцам король выразил свое столь же безграничное, сколь и лицемерное удовольствие по поводу происшедшего: «Пойдемте же все с открытой душою — и я первый — по конституционному пути!»

ЗАГОВОР ДЕКАБРИСТОВ

Россия. 14 декабря 1825 года

Во времена царствования Александра I в России появилось несколько тайных обществ, участники которых после неудавшегося государственного переворота 14 декабря 1825 года были названы декабристами.

После преобразовательных намерений Александра I, продолжавшихся, с большими или меньшими колебаниями, до 1812 года, последовал решительный перелом в его мировоззрении. Император вступил на путь мистико-созерца-тельной религиозности, выразившейся в установлении Священного союза, последствия которого отразились неблагоприятно и на внутренней политике России. С этого времени во всех сферах государственного управления водворяется реакция.

После Тропауского конгресса 1820 года Александр окончательно расстается с прежними идеалами. Управление всецело переходит в руки Аракчеева, чей ограниченный ум не мог понять истинных нужд и потребностей России.

В 1824 году Александр I говорил О.П. Лубяновскому. «Славы для России довольно, больше не нужно; ошибется, кто больше пожелает. Но когда подумаю, как мало еще сделано внутри государства, то эта мысль ложится мне на сердце, как десятипудовая гиря От этого устают».

Война 1812 года отразилась совершенно иным образом на движении русской общественной мысли, вызвав необыкновенный подъем духа. Затем начались заграничные

походы, познакомившие русских с европейскими порядками и подготовившие их к новым политическим взглядам.

Прогрессивно настроенные офицеры из либеральных слоев дворянства, вернувшись домой из Европы после военных походов, увидели в своей стране насильственное введение военных поселений, подвиги Магницкого и Рунича по народному просвещению, полный расцвет крепостного права. Один из декабристов выразил в следующих словах тогдашние настроения передовых деятелей русского общества: «Мы были сыны 1812 года. Порывом вашего сердца было жертвовать всем, даже жизнью, во имя любви к отечеству. В наших чувствах не было эгоизма. Призываю в свидетели самого Бога».

В 1816 году образовалось тайное политическое общество Союз спасения или истинных и верных сынов отечества. Основателями его были. А.Н. и Н.М. Муравьевы, князь СП Трубецкой, князь И.А. Долгорукий, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, майор Лунин, полковник О.Н. Глинка, капитан Якушкин, адъютант Витгенштейна (главнокомандующего 2-й армией) Павел Пестель и другие.

Устав общества был составлен Пестелем в 1817 году. В нем говорится о его целях: подвизаться всеми силами на пользу общую, поддерживать все благие меры правительства и полезные частные предприятия, препятствовать всякому злу и для того обличать злоупотребления чиновников и бесчестные поступки частных лиц Сами члены общества обязывались вести себя и поступать во всех отношениях так, чтобы не заслужить ни малейшей укоризны.

Организационная структура Союза спасения весьма напоминала структуру масонских лож, которые в тот период актирно действовали в России. Многие декабристы (А. Муравьев, Трубецкой, Пестель, Волконский и другие) являлись их членами. Масонские рассуждения о свободе и братстве привлекали молодых, прогрессивно мыслящих представителей дворянской интеллигенции, стремившихся использовать членство в ложах для расширения круга своих единомышленников.

В состав Союза спасения входили не менее 30 человек. Всех их объединяло неприятие самодержавия и крепостничества. На собраниях членов общества обсуждались планы цареубийства — меры, способной обеспечить переход России к конституционной форме правления. Такие планы поддерживались не всеми. Некоторые члены Союза высказывались за мирную пропагандистскую деятельность с целью формирования благоприятного для намеченных ими перемен общественного мнения.

В 1818 году общество стало называться Союзом Благоденствия и объединяло уже около 200 человек, устав общества, так называемая «Зеленая книга», был переработан и сделался известным самому императору Александру, который давал его читать цесаревичу Константину Павловичу. Но государь не признал в этом обществе политического заговора.

В мае 1821 года император Александр, выслушав доклад командира гвардейского корпуса, генерал-адъютанта Васильчикова, сказал ему. «Любезный Ва-сильчиков! Вы, который служите мне с самого начала моего царствования, вы знаете, что я разделял и поощрял все эти мечты и эти заблуждения». И после долгого молчания Александр добавил— «Не мне подобает быть строгим». Записка генерал-адъютанта А.Х. Бенкендорфа, в которой содержались исчерпывающие сведения о тайных обществах с перечислением главнейших их деятелей, также осталась без последствий И все же некоторые меры принимались. В 1821 году было сделано распоряжение об устройстве военной полиции при гвардейском корпусе; 1 августа 1822 года последовало Высочайшее повеление о закрытии масонских лож и вообще тайных обществ, под какими бы наименованиями они не существовали, со всех служащих, военных и гражданских, была взята подписка о непринадлежности их к тайным обществам.

Все эти меры не остановили, однако, дальнейшее развитие тайных обществ; напротив, когда исчезла всякая надежда на реформы, среди членов обществ возникла мысль о необходимости насильственного изменения существующего порядка.

Среди членов возникли рассуждения об установлении республиканского образа правления, и в этом смысле разрабатывались проекты конституций. Главными деятелями общества были: в Петербурге — Никита Муравьев, в Тульчине под Полтавой — Пестель и Юшневский. Муравьев сочинил особый политический катехизис, который в подлиннике

сделался известным императору Александру, кроме того, он написал проект конституции. Пестель также занялся разработкой подобного проекта, названного им «Русской правдой». Задуманное переустройство России Пестель предполагал осуществить при содействии войск; смерть императора Александра, даже истребление всей царской семьи признаны были некоторыми членами необходимым для успешного исхода всего предприятия; по крайней мере, не подлежит сомнению, что между членами тайных обществ велись разговоры на эту тему. <

В начале 1821 года собрались в Москве депутаты от разных групп Союза Благоденствия (из Петербурга, из 2-й армии и несколько человек, живших в Москве), после нескольких совещаний делегаты пришли к решению закрыть союз. Оно было объявлено членам в Петербурге и в Тульчине (главной квартире 2-й армии), но на самом деле более ревностные члены только теснее сплотились, и в результате оказалась усиленная деятельность двух обществ, Северного и Южного, с новым оттенком: вопросы общественные уступают вопросам политическим. Московский съезд заложил основы для возникновения двух новых организаций — Северного и Южного обществ.

Южное общество образовалось в марте 1821 года. Оно возглавлялось директорией, в состав которой вошли П.И Пестель, А.П. Юшневский, Н.М. Муравьев. В 1823 году в качестве «программного документа был принят конституционный проект П.И. Пестеля „Русская правда“. Составленный в весьма радикальном духе, он предусматривал установление в России республики в форме унитарного государства, ликвидацию крепостного права с передачей половины земельных угодий в частную собственность крестьянам и переходом оставшейся половины в собственность общественную.

Осенью 1823 года в Петербурге возникло Северное общество. Его основателями были Н.М. Муравьев, Н.И. Тургенев, М.С. Лунин, СП. Трубецкой и другие. Программу для Северного общества разрабатывал Н.М. Муравьев. Его «Конституция», основанная, в отличие от «Русской правды», на принципе первоочередного обеспечения прав личности, предусматривала федеративное устройство России, установление конституционной монархии, ликвидацию крепостного права при сохранении за помещиками значительной доли земли.

Свои первые действия после свержения старой власти «южане» и «северяне» представляли по-разному П.И. Пестель был сторонником установления в стране диктатуры временного правительства, которое провело бы в жизнь положения «Русской правды».

Н.М. Муравьев и большинство «северян» высказывались за созыв Учредительного собрания, поскольку «Конституция» Н.М. Муравьева не была принята Северным обществом в качестве программы, так как с 1823 года, после вступления в общество К.Ф. Рылеева, усилились позиции республикански настроенного крыла.

Один из основоположников декабристского движения полковник СП. Трубецкой был твердо убежден: общественное устройство в России таково, что военная сила может не только захватить престол, но и в корне изменить образ правления, для этого достаточно согласия на участие в заговоре лишь нескольких полковых командиров.

Деятельная пропаганда Васильковской управы во 2-й армии вызвала к жизни еще одно новое общество: «Славянского союза» или «Соединенных славян»; оно получило окончательное образование в начале 1825 года. Между членами этого общества было много предприимчивых людей и противников правила, не спешить. Сергей Муравьев-Апостол называл их цепными бешеными собаками. До начала решительных действий оставалось еще войти в сношение с польскими тайными обществами. Переговоры с представителем польского патриотического союза, князем Яблоновским, велись лично Пестелем.

В то время как Южное общество готовилось к решительным действиям в 1826 году, замыслы его были открыты правительству. Еще до выезда Александра I в Таганрог, летом 1825 года, получены были Аракчеевым сведения о заговоре, посланные унтер-офицером 3-го Бугского уланского полка Шервудом (которому впоследствии император Николай даровал фамилию Шервуд-Верный). Он был вызван в Грузию и лично доложил Александру I все подробности заговора. Выслушав его, государь сказал графу Аракчееву: «Отпусти его к месту и дай ему все средства к открытию злоумышленников».

19 ноября 1825 года последовала внезапная кончина Александра I в Таганроге. В Петербурге известие о тяжелой болезни государя получили только 25 ноября, а о его смерти —

27 ноября.

Император Александр еще в 1819 году во время летних маневров сообщил Николаю об отречении Константина и о назначении его, Николая, наследником. Александр оповестил о своем решении лишь самых приближенных к нему лиц. Поскольку Завещание императора хранилось в тайне, в очередной раз возникла неопределенность в престолонаследии. Военный губернатор Петербурга граф М.А. Милорадович, заинтересованный в воцарении великого князя Константина, своего друга и боевого товарища, почувствовал возможность вмешаться в ход событий. Безусловного права на престол не имел ни один из претендентов. Общественное же правосознание оказалось на стороне естественного наследника Константина.

Членов тайного общества известие о смерти императора встревожило не меньше, чем двор и генералитет.

Планируемое восстание на юге должно было начаться с убийства императора и ареста его окружения Теперь же Александр умер вдалеке от расположения войск, контролируемых южными заговорщиками. Сами войска были рассредоточены по зимним квартирам. Константин Павлович, которого все, кроме очень узкого круга лиц, знали как наследника престола, находился в Варшаве — вне досягаемости для тайных обществ, и Южного, и Северного. Помешать присяге Константину они не могли.

Настоящий наследник, Николай Павлович, знавший о своей непопулярности и опасавшийся враждебных действий со стороны гвардии, немедленно присягнул старшему брату. К трем часам пополудни присяга Константину в Петербурге завершилась Для Милорадовича дело было сделано.

Между тем по городу поползли слухи о завещании императора Александра. Трубецкой и его товарищи прекрасно поняли, что возможное отречение Константина и неизбежная при этом переприсяга принципиально изменят ситуацию.

Чтобы избежать разномыслия, постоянно замедлявшего действия общества, Рылеев, князь Оболенский, Александр Бестужев и другие назначили князя Трубецкого диктатором План Трубецкого, составленный им совместно с Ба-тенковым, состоял в том, чтобы внушить гвардии сомнение в отречении цесаревича и вести первый отказавшийся от присяги полк к другому полку, увлекая постепенно за собою войска, а потом, собрав их вместе, объявить солдатам, будто бы есть завещание почившего императора — сократить срок службы высшим чинам, и что надобно требовать, чтобы завещание это было исполнено, но на одни слова не полагаться, а утвердиться крепко и не расходиться. Трубецкой был уверен, что полки на полки не пойдут, что в России не может установиться междоусобие и что сам государь не захочет кровопролития и согласится отказаться от самодержавной власти.

В канун декабря 1825 года различия во взглядах «южан» и «северян» отступали на второй план перед тем, что объединяло программы обоих тайных обществ, — решительной и не подлежащей сомнению установкой на вооруженное восстание. Смерть царствующего императора — естественная или насильственная — должна была, согласно планам заговорщиков стать сигналом к началу переворота.

Вечером 27 ноября состоялось первое программное совещание у Рылеева, где присутствовали главные участники будущего восстания. Решили действовать по ходу событий. Если популярный в гвардии Константин примет трон, — приостановить деятельность тайного общества и набирать силы. Если же Константин не примет трона, непременно воспользоваться удобной для восстания ситуацией. Теперь многое зависело не просто от ответа Константина, но и от формы этого ответа.

Константин привел Польшу к присяге Николаю и сообщил ему об этом. А Николай уже привел к присяге Константину гвардию и правительственные учреждения. Наступили смутные дни. Вожди общества знали, что ведутся какие-то переговоры между Николаем и Константином. Но чем все это кончится, трудно было предполагать определенно.

Николай понимал двусмысленность и рискованность положения. И если вступление его на престол после смерти Александра могло, по мнению генералов, вызвать гвардейский бунт, то как же увеличилась опасность после присяги Константину, которую теперь приходилось отменить.

Николай хотел, чтобы Константин признал себя императором, издал манифест об

отречении и провозгласил его, Николая, наследником. А цесаревич, осаждаемый просьбами принять престол, пребывал в состоянии злом и раздраженном.

10 декабря Трубецкой привез к Рылееву, на квартире которого собирались заговорщики, точные сведения об отречении Константина и скорой переприсяге.

12 декабря Трубецкой привез туда же план восстания. Для того, чтобы устранить старое правительство и провозгласить новое, Трубецкой считал необходимым захватить Зимний дворец и Сенат. Боевой план диктатора включал два основных направления— первый — захват дворца ударной группировкой и арест Николая с семьей, второй — сосредоточение всех остальных сил у Сената и последующие удары в нужных направлениях — по крепости, по арсеналу.

Вечером 13 декабря на Государственном совете были оглашены документы, подтверждающие отречение Константина, и манифест о восшествии на престол Николая. До этого Николай вызвал к себе командующего Гвардейским корпусом Воинова, уведомил его о предстоящей назавтра присяге, повелел собрать утром всех полковых командиров и генералов гвардии.

В это же время члены тайного общества вновь собрались у Рылеева. Трубецкой хотел еще раз проверить готовность офицеров и реальность вывода войск. Первыми должны были выйти Гвардейский экипаж и, возможно, из-майловцы — ударная группа. После их выхода и успеха другие подготовленные части, безусловно, последовали бы их примеру. На исходе 13 декабря тайное общество располагало внушительными и преимущественно надежными силами. Дело было за четкостью исполнения приказаний лидера.

Для Николая было важно вернуть в столицу великого князя Михаила Павловича, который организовывал связь между Петербургом и Варшавой: будущему императору требовался живой свидетель отречения Константина.

14 декабря Николай встал около шести часов. Ближе к семи явился командующий Гвардейским корпусом генерал Воинов Поговорив с ним, Николай вышел в залу, где собраны были вчерашним приказом гвардейские генералы и полковые командиры. Два первых донесения о присяге Конной гвардии и пре-ображенцев — несколько приободрили Николая К тому же Милорадович снова заверил его, что в городе спокойно.

В десятом часу Трубецкой узнал, что из-за отказа Якубовича и Булатова следовать согласованному накануне плану задуманная им стройная боевая операция становится похожей на хаотический мятеж. С этого момента он считал восстание обреченным. Диктатор так и не появился в тот день на Сенатской площади.

Восстание началось совсем не так, как планировалось. Первая восставшая часть вышла не к дворцу, чтобы одним внезапным ударом нейтрализовать власть, а к Сенату, оповестив тем самым противника о мятеже и дав ему возможность собрать силы. Московцы должны были идти к Сенату после броска Гвардейского экипажа на дворец или одновременно с ним. А они выступили первыми.

Задуманная Трубецким четкая боевая операция закончилась не развернувшись. Вместо нее разворачивалась революционная импровизация. В криках и барабанном громе восставшие московцы стремительно прошли по Гороховой, заставляя встречных — офицеров и статских — кричать: «Ура, Константин!» Практическое руководство целиком сосредоточилось в руках Рылеева и Пущина, которые верили, что выход первых рот взорвет ситуацию и послужит запалом для общего движения гвардии.

Первым известил императора о начале тревожных происшествий генерал Сухозанет, явившийся во дворец из казарм конной артиллерии.

Около половины двенадцатого император Николай, распорядившись караулом, оказался на Дворцовой площади перед толпой взволнованного и любопытствующего народа. Вскоре вышел и построился батальон преображенцев, который возглавил сам император Николай.

Через несколько минут, около двенадцати часов дня, должно было произойти фронтальное столкновение самодержавия с дворянским авангардом, взявшимся за оружие.

Милорадович, вскочив на лошадь, помчался на Сенатскую площадь усмирять бунт. Он слыл прекрасным оратором и на этот раз говорил с солдатами превосходно. Однако прицельный выстрел декабриста Каховского оборвал его речь. Тут же фас каре, обращенный к

Исаакиевскому собору, дал нестройный залп.

Николай между тем продвигался с преображенцами вдоль Адмиралтейского бульвара в сторону Сенатской площади. На середине бульвара их застали выстрелы, а вскоре прибежал флигель-адъютант Голицын, известивший Николая о ранении Милорадовича. Сенатская площадь была рядом. Пройдя еще немного, император и преображенцы увидели стрелковую цепь восставших и услышали крики: «Ура, Константин!» Было около половины первого.

Подоспела верная императору Конная гвардия. Николай приказал Орлову выстроить эскадроны спиной к Адмиралтейству. Одна рота преображенцев с полковником Бибиковым была выдвинута на набережную и перекрыла подход к Исаакиевскому мосту. Другая часть батальона осталась на углу бульвара и площади — при императоре.

Противники еще не хотели кровопролития Император надеялся, что восставшие части вернутся в казармы. Декабристы же пытались перетянуть на свою сторону конногвардейцев.

Наконец около половины второго по приказу Николая конногвардейцы атакуют мятежников с двух направлений — от Адмиралтейства и от Сената. И получают достойный отпор. Николай еще несколько раз посылал кавалерию в атаку, но всякий раз без всякого успеха. Офицеры-декабристы приказывали солдатам не стрелять во всадников, а целиться в лошадей. Они не хотели обострять обстановку, но были готовы к любому повороту событий.

К двум часам подошли остальные императорские полки и окружение завершилось. Измайловский полк, в котором были волнения, Николай поставил в тыл преображенцев и конногвардейцев, лишив тем самым ненадежных измай-ловцев прямого контакта с мятежниками. Семеновский полк встал по другую сторону площади, у конногвардейского манежа. Князь Михаил Павлович привел те роты московцев, которые ему удалось уговорить.

После половины третьего наступила фаза «стоячего восстания». В ситуации, когда был сорван план Трубецкого, восставшие могли только защищаться и вести переговоры, надеясь, что их твердость вынудит правительство пойти на уступки. Только в том и был смысл, чтобы выстоять. Продержаться до темноты. Дать возможность полкам созреть для отказа от принятой присяги.

Пережив неудачу конных атак, убедившись, что никакое окружение не помешает мятежникам пробиваться на площадь, Николай посылал парламентеров. Князь Михаил Павлович и митрополит Серафим попытались призвать мятежников к повиновению. Никаких иных действий на площади император не предпринимал. Полки стояли против полков.

Николай ждал, хотя время работало против него. Три тысячи солдат стояли на площади. Двенадцать тысяч вокруг площади. Императорские войска были охвачены поредевшей, но еще многочисленной возбужденной толпой. Темнота могла способствовать нападениям на полки с тыла.

Государь приказал подвести орудия против мятежников. Начальник гвардейской конной артиллерии генерал-майор И. О. Сухозанет, как он сам вспоминал, «взял четыре легких орудия с поручиком Бакуниным и, сделав левое плечо вперед у самого угла бульвара, поставил лицо в лицо против колонны мятежников, сняв с передков». После того как очередная попытка уговорить мятежников не увенчалась успехом, Николай скомандовал: «Пальба орудиями по порядку!» На этом месте всего было сделано четыре выстрела картечью, один за одним, прямо в колонны.

Мятежники ответили огнем в воздух. Но затем некоторые из них дрогнули и побежали, а после третьего выстрела на месте уже никого не осталось, кроме раненых и убитых, но таковых было немного.

Восстание в Петербурге было разгромлено. Вечером 14 декабря настало время арестов. Молодой император лично производил допросы мятежников.

На юге дело также не обошлось без вооруженного мятежа. Шесть рот Черниговского полка освободили арестованного Сергея Муравьева-Апостола, который выступил с ними в Белую Церковь; но 3 января 1826 года, настигнутые отрядом гусар с конной артиллерией, мятежники сложили оружие. Раненый Муравьев был арестован. Указом 17 декабря 1825 года учреждена была комиссия для изысканий о злоумышленных обществах, под председательством военного министра Татищева.

30 мая 1826 года следственная коммиссия представила императору Николаю

всеподданнейший доклад, составленный Д.Н. Блудовым. Манифестом 1 июня 1826 года был учрежден верховный уголовный суд из трех государственных сословий: государственного совета, сената и синода, с присоединением к ним нескольких особ из высших воинских и гражданских чиновников. Суду были преданы: из Северного общества— 61 человек, южного общества — 37 человек, соединенных славян — 23 человека. Суд установил одиннадцать разрядов, выделив особо пять человек, и приговорил на смертную казнь — пятерых четвертованием, 31 — отсечением головы, 17— к политической смерти, 16— к ссылке вечно в каторжную работу, 5 — к ссылке в каторжную работу на 10 лет, 15 — к ссылке в каторжную работу на 6 лет, 15 — к ссылке на поселение, 3-х к лишению чинов, дворянства и к ссылке в Сибирь, 1 — к лишению чинов и дворянства и написанию в солдаты до выслуги, 8 — к лишению чинов, с написанием в солдаты с выслугой.

Император Николай, указом 10 июля 1826 года, смягчил приговор суда почти по всем разрядам; только пять преступников, поставленных вне разрядов, были вновь переданы окончательному постановлению о них суда. Это были Пестель, Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский. Суд, вместо мучительной смертной казни четвертованием, приговорил их повесить, сообразуясь с Высокомонаршим милосердием.

13 июля 1826 года близ крепостного вала, против небольшой и ветхой церкви св. Троицы, на берегу Невы, была сооружена виселица на пятерых.

Пестель был крайним с правой, Каховский — с левой стороны. Каждому обмотали шею веревкою; палач сошел с помоста, и в ту же минуту помост рухнул вниз. Пестель и Каховский повисли, но трое сорвались. Помост немедленно поправили и взвели на него упавших. Рылеев с горечью произнес: «Итак, скажут, что мне ничего не удавалось, даже и умереть!» Другие уверяют, будто он, кроме того, воскликнул: «Проклятая земля, где не умеют ни составить заговора, ни судить, ни вешать!» Слова эти приписываются также Сергею Муравьеву-Апостолу…

В Варшаве следственный комитет для открытия тайных обществ начал действовать 7(19) февраля 1826 года и представил свое донесение цесаревичу Константину Павловичу 22 декабря 1826 года (3 января 1827 года). Затем уже начался суд, на основании конституционной хартии Царства Польского, который отнесся к подсудимым с большим снисхождением. 26 августа 1856 года, в день своего коронования, император Александр II помиловал всех причастных к событиям 14 декабря; милость его распространилась и на все потомство осужденных — и живых, и умерших.

ПОРОХОВОЙ ЗАГОВОР

Франция. 1834 год

Пожалуй, ни один монарх не был мишенью такого большого числа покушений, как француз Луи-Филипп, узурпировавший власть после июльской революции 1830 года.

28 июля 1835 года утром из ворот Тюильри выехала пестрая кавалькада всадников. Впереди на белом коне— король, рядом с ним три его сына принц Жуанвиль, герцог Орлеанский, герцог Немурский. За ними многочисленная свита маршалов Предстояло произвести смотр Национальной гвардии, построившейся вдоль улиц, а затем принять парад войск на Вандомской площади. Ведь отмечалась очередная годовщина «трех славных дней», кЪторые привели Луи-Филиппа к власти. Но революция сама напомнила о себе совершенно неожиданным образом. Когда кортеж достиг бульвара Тампль, раздался грохот ружейного залпа, как будто дружно стреляли солдаты целого взвода.

Король оказался невредим, хотя его лошадь получила пулю. На месте были убиты 18 человек и 22 ранено. После невообразимой паники выяснилось, что сработала «адская машина», сооруженная в одном из домов на пути движения процессии. А там нашли укрепленные в общей раме десятки ружей, которые при помощи не слишком сложного приспособления выстрелили одновременно.

Полиция очень быстро арестовала организатора покушения корсиканца Фиес-ки и его двух помощников — Морейя и Пепена, которые были членами «Общества прав человека» Их

судили и в январе 1836 года приговорили к смерти.

До самого последнего момента власти стремились, естественно, узнать от них как можно больше. Не стоит ли за ними какая-либо организация, о которой им ничего не известно7 Один из приговоренных, Пепен, пытаясь получить помилование накануне казни, рассказал, что существует тайное, очень опасное общество, в котором он состоял, имеющее целью свержение орлеанского режима. Он сообщил также, что заранее рассказал о предстоящем покушении в день парада 28 июля некоторым деятелям революционного движения. Пепен назвал имена Рекюре, Флорко, Кавеньяка и Огюста Бланки. Но те решительно протестовали, утверждая, что это выдумка.

В действительности тайное общество существовало, и Бланки был его руководителем Но основной принцип этого общества — секретность — требовал от Бланки скрывать его существование Сложнее обстояло дело с причастностью Бланки к заговору Фиески. Чтобы разобраться во всем этом, надо вернуться к событиям 1834 года.

Весной 1834 года республиканские силы Франции потерпели поражение Бланки решил, что отныне всякие легальные способы борьбы исключены, ибо режим Луи-Филиппа окончательно растоптал небольшие демократические завоевания июльской революции, и поэтому против него надо бороться другими методами. Ведь законы, принятые в начале 1834 года, запрещали любое открытое объединение или союз Идея создания подпольной организации занимала умы многих революционеров. Было два исторических прецедента, заговор Бабефа и движение карбонариев. Оно и послужило образцом для множества тайных союзов Самым крупным и серьезным среди них явилось «Общество семей», возникшее летом 1834 тощ. Непосредственным инициатором оказался некий Адо-Дезаж.

Основные принципы организации «Общества семей» — секретность и централизация, безоговорочное подчинение всех членов общества верховному тайному комитету. В него входили революционные представители, каждый из которых командовал группой начальников кварталов. Эти последние, в свою очередь, имели под своим руководством по три-четыре секции, а каждая секция объединяла пять или шесть «семей», то есть групп заговорщиков. Каждая инстанция в этой многоступенчатой иерархии не знала ничего о вышестоящих или параллельных органах. Верховный комитет действовал секретно и анонимно. Не велось никаких протоколов его заседаний, вообще избегали любых письменных документов Каждый член общества знал только своего непосредственного начальника; главные руководители оставались ему неизвестны Таким образом, делалось все для сохранения тайны.

«Общество семей», возникнув летом 1834 года, существовало более года, оставаясь неизвестным для властей, а число его участников росло. Правда, его численность оказалась меньше численности «Общества прав человека». Ведь строгая конспирация требовала особой осторожности при приеме новых членов. К тому же в отличие от движения карбонариев оно распространяло свою сеть не на всю Францию, а только на Париж. Однако, несмотря на жесткие правила приема и суровые обязательства, которые брал на себя каждый вступающий, общество вовлекло в свои ряды более 1200 человек.

Все держалось на временном согласии главных руководителей общества, оказавшихся очень разными людьми Среди них — студент-медик Эжен Ламьесан. Гораздо большую роль наряду с Бланки играл Арман Барбес Он был креолом, родившимся на Гваделупе на пять лег позже Бланки Затем Арман жил на юге Франции, где владел богатым поместьем, унаследованным от отца. В отличие от Бланки он не был поклонником социальной республики Барбес увлекался идеями Великой французской революции, верил в Бога, считал необходимым сохранение в будущем частной собственности. Арман с его романтической, экспансивной натурой казался антиподом сдержанного, замкнутого Огюста Бланки. Но Барбес привлекал Бланки своей страстью к действию. А это было, по его мнению, главной задачей «Общества семей». Не случайно одним из условий приема, разработанных Бланки, служило обязательство доставить и передать в его фонд максимально большее количество пороха. Каждый должен был также иметь личный запас не менее двух фунтов. Поскольку приобрести готовый порох не удалось, решили наладить его производство.

Наняли маленький двухэтажный дом на тихой улочке Лурсин, в районе больниц и монастырей. Здесь была устроена мастерская по изготовлению пороха. Бланки ежедневно

ходил сюда и следил за работой. Мартин Бернар по вечерам являлся за готовой продукцией и переносил ее на улицу Дофин, где делали пули и патроны. Дело шло быстро, ибо работали и по ночам.

Но вокруг смелого предприятия уже сжималось полицейское кольцо. Смутные, неопределенные сведения об «Обществе семей» стали поступать давно, еще с 1834 года. Но решающий толчок слежке дали последние показания сообщника Фиески — Теодора Пепена, казненного в феврале 1836 года. Полиции удалось внедрить в ряды общества студента-фармацевта Лукаса, наемного шпиона, который и доставил сведения о пороховой мастерской. Власти узнали также от других осведомителей о подозрительном, необычном шуме, который слышен по ночам из дома № 113 по улице Лурсин. 10 марта дом был окружен. Арестовали занятых изготовлением пороха нескольких студентов и рабочего-столяра Адриена Робера. Было известно, что это он сделал по заказу Фиески деревянную раму для его «адской машины». В доме на улице Лурсин обнаружили 150 фунтов готового пороха, еще больше сырья для его производства, сушильные аппараты, разные инструменты, учебник для военных инженеров. Мало того, полиция нашла некоторые документы «Общества семей», в частности, большой список условных псевдонимов членов общества. Правило Бланки — не иметь никаких письменных документов — оказалось нарушенным, и это имело самые плачевные последствия.

12 марта полиция явилась к Бланки, в его квартиру на улице Фоссе-Сен-Жак. Но его уже предупредили, и он успел скрыться. 13 марта постучали в квартиру Барбеса. Открыл сам хозяин, но впустить гостей не захотел. Завязалась рукопашная схватка, в которой нескольким представителям закона только ценой отчаянных усилий удалось скрутить руки этому силачу. Войдя в квартиру, полицейские увидели лежащего в постели Бланки. Он также, по примеру Барбеса, оказал яростное сопротивление, хотя далеко не с таким эффектом. Полиция немедленно начала обыск. Бланки с ужасом увидел в руках у агентов список членов общества. Тогда он, обнаружив невероятное проворство, вырвал у них из рук документ и проглотил его. Но все же многие важные бумаги были захвачены, в том числе и правила приема в «Общество семей». Всего в эти дни полиция арестовала 43 человека. Правда, некоторых освободили под залог, как Барбеса. Но Бланки был оставлен в тюрьме.

В августе 1836 года заговорщики предстали перед судом. Естественно, они оправдывались, утверждая, что порох на улице Лурсин изготовлялся для продажи. Но, увы, они не смогли назвать ни одного покупателя… Прокурор же, используя показания Пепена, пытался связать Бланки с заговором Фиески. Ведь казненный дал противоречивые показания. Сначала он признал, что встречался с Бланки и рассказал ему все о покушении на Луи-Филиппа. Но затем стал говорить, что лично Бланки не видел. Прокурор задается вопросом, мог ли член «Общества семей» Пепен не предупредить руководителя общества о деле, которое резко изменило бы всю политическую ситуацию в стране? Но Бланки продолжал отрицать знакомство с Пепеном. Кроме того, у него было алиби в отношении обвинения в причастности к покушению на Луи-Филиппа: «Самое неотразимое свидетельство состоит в том, что няня с моим сыном находилась на бульваре Тампль. Как же я мог послать моего сына на верную смерть?» Однако он умалчивал, что няне было строго приказано находиться с ребенком в кафе и ни в коем случае не выходить из него.

Почти все историки, писавшие о Бланки, сходятся на том, что он действительно ничего не знал о покушении Фиески и не имел к нему отношения, что противоположная версия сфабрикована полицией. Однако его новейший биограф академик Ален Деко думает иначе: «Бланки не только знал, что готовится покушение на Луи-Филиппа… но верил, что оно может быть успешным» При этом он опирается на документ, захваченный полицией в квартире Барбеса в момент ареста Бланки. Это текст призыва к восстанию, написанный Барбесом под диктовку Бланки. В нем содержится такая фраза: «Граждане, тиран больше не существует; народная ненависть поразила его, уничтожим теперь тиранию…»

Бланки приговорили к самому суровому наказанию по сравнению с тем, что получили большинство подсудимых. Если Барбеса, например, осудили на год тюрьмы и штраф в тысячу франков, то Бланки приговорили к двум годам заключения и к уплате штрафа.

ПЕРЕВОРОТ НАПОЛЕОНА III

Франция. 2 декабря 1851 года

В 1848 году во Франции была установлена республика. На президентских выборах 10 декабря триумфальную победу одержал Луи Наполеон, значительно опередивший главного соперника Кавеньяка Новый президент родился в семье голландского короля Луи, младшего брата Наполеона Бонапарта, и падчерицы императора Гортензии. Со временем Шарль Луи Наполеон подвинулся на место главы дома Бонапартов.

Он был энергичным человеком. В конце октября 1836 года Луи Наполеон попытался поднять в Страсбурге артиллерийский полк и повести его на Париж, чтобы захватить власть по примеру Наполеона в 1815 году. Предприятие потерпело крах. Французское правительство отправило незадачливого мятежника в Северную Америку.

В начале августа 1840 года Луи Наполеон предпринял вторую попытку государственного переворота — и вновь потерпел поражение На этот раз власти были строги. Луи Наполеон получил пожизненное заключение за государственную измену. Наказание он отбывал в крепости Ам, восточнее Амьена, и пользовался там особым расположением. В 1845 году во время ремонтных работ ему удалось бежать в Англию…

Став президентом Франции, Луи Наполеон, чтобы укрепить свои позиции, назначает на ответственные посты своих людей. Избранный на четыре года и получавший на представительские расходы 2,56 млн золотых франков, он мечтал добиться продления своих полномочий и дополнительной ежегодной субсидии в 1,8 млн франков. Однако депутат Национального собрания, лидер орлеанистов Тьер был категоричен: «Ни единого су! Ни одного лишнего дня!»

В 1851 году политическое положение во Франции характеризовалось раздробленностью основных политических группировок и вследствие этого застоем в Национальном собрании. Заслуга в подъеме экономики приписывалась прежде всего Луи Наполеону, который во время своих многочисленных поездок по стране заявлял, что он добьется еще больших успехов, если ему предоставят политическую свободу и продлят срок его президентства. С этой целью Луи Наполеон пытался даже пересмотреть конституцию. Однако Национальное собрание отклонило предложенную им поправку к конституции, позволявшую Луи Наполеону в 1852 году вновь баллотироваться на президентских выборах (по конституции 1848 года президент избирался только на один срок). Поправка от 12 июля получила подавляющее большинство (446 голосов против 278), но не набрала необходимые 543 голоса.

И все-таки общество было на стороне президента. Луи Наполеон не без основания рассчитывал, что большинство нации спокойно встретит роспуск Национального собрания, и его противники-республиканцы останутся в меньшинстве. Зимой 1851 года президент с узким кругом сообщников начал готовить государственный переворот.

В «Литературных воспоминаниях» Максим Дю Кан отмечает: «Расстановка политических сил была такова, что ни одна партия не имела возможности свалить этого молчаливого и внешне апатичного человека, которым овладела навязчивая идея. К осуществлению этой идеи он шел с упорством маньяка. Он проводил время в одиночестве, молчаливый и непроницаемый, позволяя досужим ораторам выступать, журналистам писать, народным представителям дискутировать, уволенным генералам проклинать его, лидерам парламентских группировок высказывать в его адрес угрозы. Противники считали его идиотом и тем успокаивали себя. Запершись в Елисейском дворце, покручивая свой длинный ус, непрерывно дымя сигарами и задумчиво прогуливаясь под сенью вековых деревьев, он продолжал вынашивать свой замысел».

Луи Наполеон обстоятельно готовился к государственному перевороту, расставляя на ключевые посты в правительстве и в армии верных ему людей. Его правой рукой являлся Огюстен де Морни, сводный брат Наполеона, сделавший карьеру во время Июльской монархии как депутат и финансист. Переворот решили осуществить во время очередной сессии Национального собрания, чтобы держать депутатов под контролем в столице. Правда, срок выступления несколько раз переносился, пока окончательно не остановились на 2 декабря, годовщине коронации Наполеона I и его победы под Аустерлицем.

Накануне решающего дня Луи Наполеон маскировки ради решил устроить грандиозный прием в Елисейском дворце.

Вечером 1 декабря во всех гостиных президентского дворца танцевали. Принц переходил от одной группы к другой, ведя светские беседы. Затем он незаметно покинул гостей и прошел к себе в кабинет, где его уже ждали сообщники Мокар и Персиньи. Президент протянул им объемистую папку, подписанную «Рубикон», и сказал: «Все здесь, в этой папке, господа. Передайте тексты воззваний в государственную типографию. Листовки должны быть расклеены по городу до наступления рассвета. Вас, господин Мокар, я попрошу вот этот циркуляр переписать начисто и этой же ночью ознакомить с ним всех министров. Слава Богу, здесь, во дворце, никто ни о чем не подозревает…»

После этого Луи Наполеон вернулся к гостям. Перекинувшись шуткой с принцессой Матильдой и доктором Вероном, он подошел к полковнику Виера, начальнику штаба Национальной гвардии. Принц шепнул ему: «Этой ночью вы должны лечь спать в штабе… Только этой ночью».

Луи Наполеон вернулся в кабинет. Де Морни, де Мопа, де Сент-Арно и де Бевиль внимательно слушали президента, когда тот быстро перечислял их обязанности в новом правительстве… Де Морни назначался министром иностранных дел, а пока брал на себя руководство переворотом. В это время около 50 тысяч президентских войск уже окружали Париж. Стратегически важные пункты, а также национальная типография, где печатались листовки, были заняты надежными полицейскими силами.

К полуночи, когда гости покинули дворец, все уже было готово: воззвание к народу, обращение к армии, декрет о роспуске Национального собрания и постановление, объявляющее Париж на осадном положении. Конституция 1848 года теряла силу.

Кроме того, было подписано шестьдесят приказов на арест военных и политических деятелей, известных своими антибонапартистскими взглядами. Ночью Пале-Бурбон был занят 42-м полком, а полиция приступила к арестам противников диктатуры. Генералы Кавеньяк, Бедо, Лефло, Шангарнье и еще десять депутатов находились уже в тюрьме Маза, когда комиссар Юбо-стар-ший явился на площадь Сен-Жорж и арестовал Тьера.

На рассвете парижан разбудили звуки горнов, цокот лошадиных копыт, грохот перекатываемых ящиков с боеприпасами. Перепуганные горожане повыскакивали из своих жилищ и увидели на стенах домов, на деревьях и на фонарных столбах листовки, объявляющие о государственном перевороте. День был зимний и холодный, и желающих спасать скверно устроенную Республику оказалось немного.

К девяти часам появилось сообщение, что в предместьях столицы собираются отряды горожан и что левые депутаты осуждают государственный переворот. В половине одиннадцатого Луи Наполеон, облаченный в парадный генеральский мундир, совершил верхом небольшой круг по Парижу. Впереди него ехал отряд всадников с пистолетами в руках, а самого принца-президента сопровождали король Жером, принц Мюрат, маршал Экзельман, полковник Флери и еще несколько верных друзей.

В полдень принц-диктатор вернулся в Елисейский дворец. Все прошло прекрасно. Правда, некоторые выкрикивали: «Да здравствует Республика!», но в большинстве своем народ отнесся к перевороту спокойно. На площади Согласия генерал Котт крикнул: «Да здравствует император!», и жандармы Национальной гвардии подхватили: «На Тюильри!»…

После полудня громадная толпа людей, настроенных «идти стенка на стенку, штык на штык», как записал в своем дневнике граф Аппони, заполнила Елисейские поля, набережные, площадь Карусель, площадь перед городской ратушей, улицу Риволи, бульвары, а двести тысяч солдат окружили столицу. Сорок депутатов, противников государственного переворота, сумели проникнуть в Пале-Бурбон. Они объявили, что президент Республики лишается своих полномочий. Но де Морни, которому сразу сообщили об этом собрании, отдал приказ удалить всех из дворца В три часа дня депутаты были вынуждены покинуть зал.

Вскоре пролилась первая кровь. Флери, во главе отряда всадников объезжавший бульвары, был ранен выстрелом из пистолета. В пять часов его привезли в Елисейский дворец. В другом месте группа студентов-республиканцев устроила стычку с вооруженным отрядом муниципальной гвардии. В результате стычки двое погибло и несколько человек было ранено…

К полуночи депутаты, собиравшиеся группами в разных местах, чтобы попытаться создать комитет сопротивления, объединились вокруг Виктора Гюго. Они решили поднять мятеж в предместье Сент-Антуан. Виктор Гюго призывал единомышленников: «Чего мы ждем? Ничего! Что мы можем сделать? Все!»

В ночь с 3 на 4 декабря в Сент-Антуан начали сооружать баррикады. Кое-где имели место стычки, слышались ружейные и пистолетные выстрелы. И все-таки народ Парижа, ослепленный именем Наполеона, отказался следовать за организаторами восстания. 4 декабря солдаты без всякого труда разогнали недовольных, причем было пролито много напрасной и невинной крови.

В провинции у Наполеона тоже нашлось немало противников. В 32 департаментах пришлось ввести осадное положение. В общей сложности власти арестовали 26 642 человека, из которых около 3 тысяч было брошено в тюрьмы и около 10 тысяч выслано из Франции. Многие оппозиционеры отправились в эмиграцию, среди них знаменитый писатель Виктор Гюго, который впоследствии резко выступал против «Наполеона Малого». Тьер, заключенный на некоторое время в форт Ам, отправился в Германию.

Но в большинстве своем французы отнеслись к разгону Национального собрания спокойно.

14 и 21 декабря по распоряжению Луи Наполеона состоялся плебисцит: 7 миллионов французов проголосовали «за» президента и только 700 тысяч — «против». Принца избрали президентом Республики на десять лет с возможностью неограниченных перевыборов. Но фактически, в скрытой форме, была реставрирована Империя.

Конституция давала Наполеону много новых исключительных прав: он назначал министров и государственных советников, являлся верховным главнокомандующим и мог сам объявлять своего преемника. Место Национального собрания занял Законодательный корпус, который был, по сути, лишен всех прав: депутаты не обладали законодательной инициативой и имели очень ограниченное влияние на формирование бюджета. Законодательное собрание не могло быть даже открытой трибуной, так как дебаты не публиковались в прессе Гораздо большее участие в управлении страной принимал Сенат, но члены его прямо или косвенно назначались президентом. На одном из первых своих заседаний сенаторы назначили главе государства ежегодное содержание в 12 миллионов франков, — известие, очень утешительное для многочисленных кредиторов Луи Наполеона.

Режим, установившийся после переворота 2 декабря, стал первым шагом на пути к монархии. В течение всего 1S52 года шла усиленная агитация за восстановление империи. В конце года на всенародном референдуме 7,8 миллиона французов проголосовали за империю, 253 тысячи против, около 2 миллионов воздержались. 2 декабря 1852 года для главы государства было восстановлено императорское достоинство, и бывший президент принял имя Наполеон III.

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ ЦЫСИ

Китай. 1861 год

В 1850 году скончался богдохан Мяньнин, правивший Китаем почти тридцать лет. Среди его многочисленного потомства выделялся средний сын Исинь — великий князь Гун. Европейцы именовали его «принц Гун». Умный, серьезный, энергичный и решительный государственный деятель, он вызывал к себе уважение. Старший сын Ичжу был ленив и нелюбопытен. Не мог сравниться с Гуном и третий, младший сын Мяньнина — князь Чунь (Ихуань).

Однако умирающий Мяньнин назвал своим наследником не Гуна, а недалекого Ичжу. Воцарившись на «драконовом троне», Ичжу передал реальную власть в стране своим фаворитам. С начала 1850-х годов из них сложилась сильная правящая группировка. В нее входили великие князья Цзайюань (князь И), Дуаньхуа (князь Чэн) и сводный брат последнего Сушунь. К этому триумвирату примыкал целый ряд маньчжурских сановников — членов Военного совета. Сначала эту группировку возглавлял племянник императора Цзайюань.

Однако скоро лидерство в ней перешло к энергичному Сушуню, и с 1858 года он вершил все дела во дворце.

С середины 50-х годов возрастает влияние императорской фаворитки Орхидеи (Ланьэр). Орхидея стала любимой наложницей Ичжу и благодаря уму и ловкости приобрела большое влияние на него Когда одна из дворцовых служанок, красавица китаянка Чу Ин оказалась беременной от императора, Орхидея забрала ее в свои покои и объявила о своей беременности. Чу Ин родила весной 1856 года мальчика и тут же была умерщвлена. Орхидее удалось убедить всех, что это ее сын. Мальчика нарекли Цзайчунь (Насаждающий Чистоту).

После рождения сына Орхидея стала «императорской драгоценной наложницей», что открывало дорогу к титулу «императрица-мать», а после смерти Ичжу — к титулу «вдовствующая императрица».

Богдохан возложил дела правления на свою жену, Цыань, приказав ей «заслушивать доклады о государственных делах из-за опушенных занавесок». Не пригодная к миссии правительницы Цыань часто обращалась к помощи Орхидеи. Ичжу привлек на помощь женщинам двух князей — Гуна и Чуня.

Между Сушунем и фавориткой началась яростная закулисная борьба за влияние на все более слабевшего богдохана. С обеих сторон в ход пошли интриги, доносы, подсиживания и прочие неблаговидные приемы.

В 1856 году Англия начала вторую «опиумную» войну против Китая, а в следующем году к англичанам присоединились французы. 22 сентября 1860 года император, императрица Цыань, князья, наложницы богдохана, евнухи, придворные и гвардия вынуждены были оставить Пекин, к которому подступали неприятельские войска, и переехать в Мулань — летнюю императорскую резиденцию в Жэхэ. Вместе с Сыном Неба уехала Орхидея с Цзайчунем.

В январе 1861 года состояние монарха резко ухудшилось. Единственным законным наследником Ичжу являлся шестилетний Цзайчунь. В случае его воцарения Орхидея получала титул вдовствующей императрицы и становилась регентшей при малолетнем монархе. Последнее означало, что вплоть до совершеннолетия (т.е. 18 лет) Цзайчуня Орхидея обретет верховную власть. Для правящего триумвирата это было чревато потерей власти, а для Сушуня — смертной казнью. Поэтому группировка Сушуня решает заменить регентство вдовствующей императрицы всевластием Регентского совета.

Между Сушунем и умирающим богдыханом состоялся секретный разговор о необходимости устранить Орхидею. Кроме того, Ичжу передал императрице Цыань секретный указ, который давал ей право в любой момент отправить фаворитку на плаху. Документ Цыань оказался заверенным Великой печатью, т.е. получил силу закона.

Вскоре, чувствуя приближение смерти, император вызвал й своему ложу Сушуня, Цзайюаня, Дуаньхуа и еще пятерых высших сановников и огласил им свою предсмертную волю. Все они назначались членами Регентского совета и должны были в согласии друг с другом управлять государством после его отбытия «в мир теней». Из этих восьми регентов ведущую роль играли Сушунь и два великих князя — Цзайюань и Дуаньхуа, а также князь Цзиншоу (Минжуй). Править Цинской империей эти сановники должны были до совершеннолетия нового императора, коим официально объявлялся Цзайчунь.

Во втором указе Ичжу запрещал Орхидее вмешиваться в дела правления и контролировать действия малолетнего богдохана. Содержание этих документов свидетельствовало о том, что они написаны рукой Сушуня, оказавшегося проворнее своих соперников.

По одной из версий, Ичжу подписал еще один императорский эдикт. В нем регенты реализовали свою заветную мечту — устранить физически слишком опасную наложницу. В третьем указе Орхидее предписывалось подтвердить свою «беззаветную преданность» богдыхану и после его смерти последовать за ним в «мир теней».

Если бы на все эти указы была поставлена Великая императорская печать, то они обрели бы силу закона. Но именно эта главная регалия Цинской империи и исчезла из спальни больного монарха — ею завладела Орхидея, которая знала лишь о документе Сушуня. Не имея возможности «заверить» указы, новые правители спрятали бумаги под подушкой умирающего

богдыхана. Извлечение их оттуда после смерти властелина должно было придать вес… Все это видел и слышал преданный Орхидее евнух Ли Ляньин.

Ичжу скончался 22 августа 1861 года. Началось царствование нового императора Цзайчуня. Императрица Цыань и Орхидея не только имели право, но и были обязаны по обычаю проститься без свидетелей с умершим богдыханом — первая как его жена, вторая как мать нового владыки Китая. Возможно, Орхидея именно тогда и похитила указы из-под подушки покойного и сожгла их. Вероятно, она не стала уничтожать эдикт о воцарении «своего сына», а скорее всего ликвидировала второй и третий (если тот существовал) указы. Уничтожение первого документа сразу поставило бы ее вне закона.

Обнаружив отсутствие второго и третьего указов, триумвират забеспокоился. Сушуня назначили главным регентом. Однако изданный на сей счет от имени нового богдыхана указ не имел особой силы, так как не был скреплен Великой императорской печатью.

Через сутки после смерти богдыхана Орхидея добилась для себя титула вдовствующей императрицы. Для себя она выбрала «августейшее» имя Цыси (Милосердная и Ниспосылающая Счастье). Кроме титула вдовствующей императрицы Цыси получила и титул императрица-мать. Формально первенство принадлежало «старшей» императрице Цыань, которая сохранила титул императрица.

Восточного дворца, а «младшая» Цыси стала императрицей Западного дворца. Цыси решила добиваться установления совместного с Цыань регентства. Тем самым она пошла на нарушение посмертной воли Ичжу, отдавшего власть до совершеннолетия Цзайчуня Регентскому совету.

Переход власти к женщинам противоречил конфуцианской политической традиции. Цыси надо было хоть как-то обосновать свои претензии. 1 августа авторитетный ученый Ли Цымину составил перечень исторических прецедентов морального и мудрого правления императриц, начиная с глубокой древности. Список содержал восемь имен правительниц. После этого цензор Дун Юань-чунь «почтительно попросил» Цыань и Цыси стать регентшами и взять на себя «тяготы правления». После подачи Лун Юаньчунем своего доклада молодому императору Цзайчуню в летнем дворне в Мулани разгорелись жаркие баталии. Триумвират выступил противником господства женщин. Сторонники Сушуня возмущались нарушением посмертной воли покойного Сына Неба, а также традиций и морали. Цыси пришлось на время отступить.

Потерпев поражение в закулисной схватке за власть, Цыси тем не менее захватила в свои руки один из важнейших в тот момент постов. Командующим императорской гвардией в Жэхэ был назначен Жунлу, дальний родственник Цыси.

Находившийся в Пекине великий князь Гун опасался единовластия Сушуня. Господство Регентского совета означало конец его политической карьеры. В этой ситуации Гун становился союзником Цыань и Цыси. Князь начал борьбу за свое регентство при малолетнем монархе и двух «незрелых» императрицах.

Больным для регентов оставался вопрос о возвращении в Пекин — в его Запретный город. Фактически речь шла о сроках переноса массивного гроба с телом Ичжу из Мулани в Палату Небесной Чистоты в зимнем столичном дворце. Одной из главных задач триумвирата в эти три месяца (с августа по ноябрь) стало недопущение каких-либо связей между двумя женщинами и князьями.

Цыси и Цыань оказались прочно изолированными от Пекина. Женщинам удалось переправить письмо Гуну, в котором они просили князя прибыть в Мулань и договориться о совместных действиях против триумвирата. Преодолев чинимые Сушунем препятствия, Гун и Чунь наладили контакт с затворницами. Заговорщики решили до последней минуты вести себя спокойно, дабы «не распугать змей», а решающий удар нанести неожиданно. Следуя решению, Гун вскоре вернулся в Пекин, чем успокоил оживившиеся подозрения со стороны триумвирата.

Императрицы и их союзники делали вид, что признали свое поражение, и предлагали победителям почетную мировую. Делалось все необходимое, дабы усыпить бдительность Регентского совета. От регентов тщательно скрывали, что 17—18 сентября против них высказался влиятельнейший маньчжурский военачальник Шэнбао Данное известие, попав в Мулань, могло сорвать план переворота.

По возвращении в столицу Гун стянул к Пекину верные ему войска маньчжурского

военачальника Шэнбао. Чтобы усыпить бдительность триумвирата, обе императрицы и Гун добились для своих врагов разного рода наград — новых постов, почетных поручений и т.д. Сушунь был назначен главой Верховного суда Малисы. Дуаньхуа стал помощником главы Ведомства налогов.

23 сентября 1861 года противники триумвирата добились издания императорского указа о переносе тела покойного Сына Неба в Запретный город. Сушуню было поручено охранять семью нового богдохана, а главное, гроб Ичжу. Тем самым первый министр оказался прочно прикован к похоронной процессии, потеряв свободу маневра и передвижения.

26 октября траурная прогрессия выступила из Мулани. Огромный гроб с телом Ичжу сопровождали малолетний Цзайчунь, Цыань, Цыси, Сушунь, Лу-аньхуа, Цзайюань и другие члены Регентского совета, а также и князь Чунь. Цыси делала вид, что послушно едет в «обозе Сушуня». Но в этот раз ее положение было прочным. Теперь она была императрицей, ее сопровождали гвардейцы Жунлу, опытные шпионы — евнухи Ань Лэхай и Ли Ляньин, а также князь Чунь. В ее руках находились не только Великая императорская печать, но и богдохан-ребенок.

Существует версия, что триумвират планировал убийство Цыси. Это должно было произойти ночью на одном из горных перевалов, через который проходил маршрут траурной процессии. Об этом, однако, стало известно, и Жунлу со своими гвардейцами сорвал операцию.

Затем наступил черед заговорщиков, планировавших обезвредить своих врагов мирными средствами. Чтобы получить возможность заговорщикам установить контроль над положением в Пекине, следовало изолировать Сушуня от остальных регентов. По древнему обычаю, если император умирал вдали от места ритуального отпевания, молитв и жертвоприношений, его сын и жены обязаны были ехать вперед, чтобы подготовить все обряды и церемонии, а затем встречать гроб Сына Неба при въезде на территорию дворца. Был издан императорский указ, предписывавший первому министру сопровождать гроб с телом Ичжу, а всем остальным срочно ехать в столицу для подготовки всех траурных церемоний в храмах и дворцах. Сушунь не противился такому решению, ибо оно соответствовало обычаям и правилам династии Цин. В свою очередь, Сушунь, видимо, рассчитывал, что Дуаньхуа, Цзайюань и остальные регенты возьмут власть в столице в свои руки и блокируют наиболее опасного противника в лице Гуна. Только такого рода соображениями можно объяснить согласие Сушуня остаться во главе траурной процессии.

Развязка наступила 1 ноября, когда императорский кортеж прибыл в Пекин. Здесь он оказался, по сути, окруженным воинскими частями, преданными Гуну. Видя это, Цзайюань пытался протестовать, но Гун оборвал его. По прибытии императорского кортежа в Запретный город все собрались в одной из тронных зал. И здесь неожиданно для сторонников Сушуня вперед выступил Гун и зачитал заверенный Великой печатью императорский указ о лишении регентов всех постов и взятии под стражу. Стоя на коленях, Дуаньхуа, Цзайюань и остальные регенты смиренно выслушали эдикт. По одной из версий, во время ареста они от страха и досады переругались между собой, перекладывая вину один на другого.

Арест двух князей и остальных членов Регентского совета осуществила дворцовая гвардия под началом Жунлу. Затем здесь же были оглашены еще два императорских эдикта. Один из них подтверждал воцарение Цзайчуня, другой закреплял за Цыань и Цыси титул вдовствующих императриц. Богдохан получил девиз царствования — Тунчжи, т.е. Совместное правление. Последний означал, что до совершеннолетия Цзайчуня будут совместно править Цыань и Цыси. Чуть позже Гун получил титул князь-регент.

Оставалось покончить с Сушунем. За ним ночью направили Чуня с отрядом кавалерии, которые застали траурную процессию на отдыхе в Баньбидяне. Когда Чунь со своими людьми вошел в помещение, где устроился на ночлег Сушунь, всесильный временщик якобы предавался любовным утехам с двумя наложницами. Такое занятие рядом с гробом Сына Неба считалось вопиющим нарушением морали и установлений династии… Чунь доставил гроб с телом Ичжу и арестованного Сушуня в Запретный город. Переворот 1861 года завершился. С Регентским советом было покончено. Его заменило регентство трех лиц — двух вдовствующих императриц и великого князя-регента.

Расправа с поверженным триумвиратом не заставила себя ждать. Цзайюа-ня и Дуаньхуа

приговорили к отсечению головы. Однако по просьбе Чуня им в качестве особой милости было «даровано самоубийство». В одном из дворцовых помещений в присутствии своих родственников князья повесились на шелковых шнурках. Сушуня приговорили к позорной казни на рыночной площади. 8 ноября его доставили в открытой повозке на обычное место казней — на Западный рынок во Внешнем городе Пекина.

Уже на эшафоте Сушунь начал обличать Цыси. Тогда палач стал бить осужденного железным прутом. Толпа закидывала осужденного камнями. Он должен был встретить эту пытку, стоя на коленях. Сушунь отказался от этого унижения и встретил град камней стоя, продолжая обличать Цыси. Лишь новые удары железным прутом заставили его преклонить колени. Палач отрубил временщику обе руки, а затем и голову. Отрубленную голову первого министра поместили в клетку и выставили на всеобщее обозрение. Огромные богатства Сушуня отошли казне. Победители расправились с остальными членами Регентского совета — одних отправили в тюрьму, других — в ссылку.

Укрепив свою личную власть, Цыси в 1865 году покончила с регентством Гуна и отодвинула его на второй план. Опасного для себя сторонника Гуна — военачальника Шэнбао она осудила на самоубийство. Император Цзайчунь умер в 1875 году от сифилиса. В 1881 году Цыси отравила свою сорегентшу Цыань. Зато Чунь стал великим князем, обладателем множества постов, должностей. Тем не менее всю последующую жизнь он панически боялся Цыси. Этим страхом он был доведен до нервного заболевания, что и послужило причиной его смерти в 1890 году в возрасте 47 лет. По той же причине скончалась и его жена — сестра Цыси. Сама же Цыси 43 года единолично правила Китаем…

УБИЙСТВО ПРЕЗИДЕНТА ЛИНКОЛЬНА

США, Вашингтон. 14 апреля 1864 года

Убийца Линкольна Джон Уилкс Бут родился в семье известного актера. Следуя примеру отца и старшего брата, Джон в 1856 году поступил актером в труппу театра в Балтиморе Он выступал в трагических ролях. В годы Гражданской войны Джон уже был знаменитостью. Он примкнул к южанам, хотя его старшие братья были сторонниками Севера, и стал сотрудником разведки Конфедерации.

В течение всей осени 1864 года актер вел деятельную подготовку к похищению Линкольна, которое, по мнению Бута, нанесло бы смертельный удар северянам. Джон предусматривал разные варианты похищения Линкольна — на улице, при поездке или прогулке, а также в театре… Ход военных событий требовал быстрых действий — Конфедерация доживала последние недели, и Бут отказался от прежнего плана и решил убить Линкольна.

В конце Гражданской войны положение Линкольна было достаточно сложным и противоречивым. Ему доверяли широкие массы американцев, однако число политических врагов Линкольна не только не уменьшалось, но, напротив, все возрастало. Конечно, его ненавидели южные плантаторы и сочувствовавшие им «медноголовые» («медянки») в северных штатах — сторонники полюбовного соглашения с мятежными рабовладельческими штатами Политика Линкольна вызывала недовольство и некоторых радикалов — левого крыла его собственной, республиканской партии.

11 апреля, когда официально отмечалась победа армии Гранта над войсками Ли, восторженная толпа подошла к Белому дому. В речи, обращенной к собравшимся, Линкольн говорил о том, что после окончания войны негры должны получить право голоса. Бут и его сообщник Пейн, стоявшие в толпе, пришли в ярость, услышав слова президента. Актер предложил Пейну тут же застрелить из револьвера Линкольна, но тот отказался — шансы на удачу были невелики.

14 апреля актер посетил театр Форда, где тщательно осмотрел правительственную ложу, затем просверлил дырку в двери; замок в ней не действовал. Он заранее отогнул деревянную планку для того, чтобы задвинуть ее в ручку второй двери, ведущей в коридор. Через него надо было пройти, чтобы попасть в правительственную ложу. Теперь Бут мог рассчитывать, что

никого не будет в коридоре, когда, всматриваясь через просверленную дырку, он станет дожидаться удобного мгновенья.

Штаб-квартира заговорщиков помещалась на улице Эйч в меблированных комнатах вдовы Саррет. Эта меланхолическая сорокапятилетняя дама с тяжелыми чертами лица была не только хозяйкой гостиницы, но и содержательницей явочной квартиры для агентов Юга. Ее сын Джон когда-то собирался стать богословом, но переменил профессию во время войны и стал шпионом. Здесь не раз появлялись помощники Бута — Геролд, бродяга, живший ночной жизнью; Арнолд, бывший солдат южной армии; Пейн, верзила богатырского сложения, дезертировавший солдат-мятежник; ирландец Майкл О'Лафлин, продавец из продовольственного магазина; Спейнджлер, рабочий сцены в театре Форда; Этцеродт, лодочник с реки Потомак, и другие.

14 апреля 1865 года в вашингтонском театре Форда должен был состояться парадный спектакль с участием знаменитых актеров Лоры Кин и Гарри Хоука в присутствии президента, его жены и гостей. Афиша оповещала, что пойдет веселая комедия «Наш американский кузен».

Театр Форда помещался в небольшом и довольно угрюмом здании на одной из боковых улиц Вашингтона.

Дождавшись начала второго акта, Бут вошел в правительственную ложу. По весьма странному стечению обстоятельств в охране президента находился некий Паркер. Задолго до начала второго акта он отправился пьянствовать в соседнюю пивную. В театре не было ни караула, ни агентов разведки, ни полиции. Линкольна никто не охранял.

Бут выстрелил в затылок Линкольна. Звук выстрела маленького медного пистолета был слабо слышен в зале, тем более что в этот момент грянул взрыв смеха. Присутствовавшие сообразили, что в президента стреляли, только увидев облачко белого дыма.

В этот момент на весь театр прозвучал крик миссис Линкольн: «Он застрелил президента!»

В шуме представления майор Рэтбоун, находившийся в ложе, первый расслышал звук выстрела. За спиной у него раздался хриплый выкрик: «Смерть тиранам!» — это был девиз мятежного штата Виргиния. Рэтбоун попытался схватить Бута, но тот вырвался, нанес офицеру кинжалом глубокую рану в руку. Убийце удалось спрыгнуть вниз, на сцену. При падении он повредил ногу — но в лихорадке бегства не заметил этого. Майор Д. Стюарт, вашингтонский адвокат, первым сообразивший, что происходит, бросился за Бутом с криком «Стой!». Однако дверь со сцены, в которую скрылся Бут, оказалась закрытой… Бут знал все закоулки театра Форда, как свой родной дом. Он выбежал в переулок позади здания, вскочил на лошадь и вместе с Геролдом помчался к мосту через речку Анакостия…

В зале началось невероятное смятение, раздались отчаянные крики, женщины падали в обморок. Несколько человек попытались через сцену вскарабкаться в правительственную ложу, чтобы оказать помощь президенту, другие ринулись преследовать убийцу В зал ворвались солдаты президентской охраны со штыками наперевес. Они очистили зрительский зал от публики. А тем временем в президентской ложе врачи, сразу определив смертельный характер ранения, дали согласие перенести находящегося без сознания Линкольна через улицу в гостиницу Петерсона — до Белого дома было слишком далеко. На улице кавалерия с трудом оттеснила возбужденную толпу, расчищая проход, через который пронесли умирающего Линкольна…

«Национальная исполнительная полиция» — контрразведка, возглавлявшаяся Лафайетом Бейкером, который подчинялся военному министру Стентону, и другие органы, ответственные за охрану президента, ничего не сделали для предотвращения покушения Ведь достаточно было присутствия нескольких детективов или полицейских, чтобы надежно преградить путь Буту.

…А тем временем Бут и Геролд дожидались своих сообщников — очевидно, Этцеродта, который должен был убить Джонсона, и Пейна, совершившего покушение на Сьюарда. Однако Этцеродт не рискнул выполнить возложенное на него поручение.

К 18 апреля были уже арестованы Мэри Саррет, Майкл О'Лафлин, Сэмуэл Арнолд, Пейн, Этцеродт….

Правда, Бут и Геролд находились еще на свободе. Получив приют и медицинскую помощь в доме доктора Мадда, Бут продолжал свое бегство. Несколько дней он скрывался на ферме

полковника С. Кокса. С помощью встреченных по дороге офицеров южной армии, которые были недавно выпущены из плена, убийца и его подручный нашли убежище на ферме Гаррета, ярого сторонника Юга.

Убийство Линкольна вызвало смятение в правительственных сферах. Джонсон — второе после президента лицо в государстве — самоустранился от руководства действиями властей в ночь с 14 на 15 апреля. Следующий по рангу — государственный секретарь Сьюард лежал тяжело (как полагали, смертельно) раненный Пейном. Фактическим главой исполнительной власти в эти часы и дни оказался военный министр Стентон.

Начальнику контрразведки Лафайету и его людям в конце концов посчастливилось напасть на след Бута. Актер и Геролд были настигнуты в ночь с 25 на 26 апреля на ферме Гаррета. Сарай, запертый на висячий замок, где скрывались Бут и Геролд, был окружен отрядом солдат под командованием лейтенанта Эдварда Догерти и разведчиками, возглавляемыми подполковником Эверто-ном Конджером и лейтенантом Лютером Бейкером, двоюродным братом шефа секретной службы Бут отказался сдаться, но Геролд поспешил выбраться из амбара и был немедленно схвачен преследователями. Актер все еще продолжал упорствовать, и сарай подожгли. Неожиданно раздался выстрел, и Бут был смертельно ранен. Солдаты взломали дверь и вынесли его из горящего строения.

Джон Уилкис Бут застрелил Авраама Линкольна 14 апреля 1865 года, и в ту же секунду появились вопросы, действовал ли Бут по собственной инициативе или за его спиной стоял заговор? Был ли он одиночкой или инструментом в чьих-то могущественных руках?

Линкольн в качестве президента был одновременно главнокомандующим вооруженными силами и фактически руководил ведением войны. Поэтому его убийство было сочтено преступлением, входившим в компетенцию военного суда. Новый президент Эндрю Джонсон назначил членами военного трибунала девять заслуженных офицеров. В качестве прокурора выступал генерал Джозеф Холт, главный судья в армии (руководитель юридического отдела военного министра).

9 мая 1865 года в старом здании "тюрьмы Арсенала в Вашингтоне начал свою работу военный трибунал. Только что закончилась победой северян четырехлетняя кровопролитная Гражданская война.

Среди подозреваемых — главарь рабовладельческой Конфедерации Джеф-ферсон Девис, арестованный 9 мая в штате Джорджия, его сподручные, а также руководители разведки южан, находившиеся в Канаде и организовывавшие на протяжении всей войны шпионаж и диверсии на территории северных штатов.

Перед трибуналом предстали восемь человек, обвиняемых в том, что в сообществе с Джефферсоном Девисом, Джоном Уилксом, Бутом и рядом других лиц (южных разведчиков в Канаде) они были причастны к убийству Авраама Линкольна, к покушению на государственного секретаря Уильяма Сьюарда и к планам покушения на вице-президента Эндрю Джонсона, командующего армией Соединенных Штатов генерала Улиса Гранта.

Наиболее ясной была виновность 20-летнего солдата южной армии Льюиса Пейна (настоящее его имя было Льюис Торнтон Пауэлл). Именно этот уроженец Флориды проник в дом Сьюарда, нанес ему ножом страшную рану, лишь по случайности не ставшую смертельной, выстрелил в сына Сьюарда, которого спасла лишь осечка пистолета, наконец, тяжело изувечил других обитателей дома.

Второй обвиняемый — аптекарский ученик Дэвид Геролд — утверждал, что его не было в Вашингтоне, когда прозвучал роковой выстрел в театре Форда. Однако Геролд не мог отрицать, что присоединился по дороге к Буту, бежавшему из Вашингтона, сопровождал его до фермы, где убийца был настигнут солдатами. По утверждению Геролда, Бут обещал отпустить его, когда к ним присоединятся 35 других заговорщиков из Вашингтона. Правда, он назвал только одно имя — некоего Эда Хенсона, который входил в летучий отряд южан полковника Мосби, еще продолжавшего партизанскую войну в нескольких десятках миль от Вашингтона.

Третий подсудимый — шпион и контрабандист Джордж Эндрю Этцеродт — еще на предварительном следствии признал свою причастность к заговору, участники которого намеревались похитить Линкольна (план убийства возник позже). Этцеродт не отрицал, что 14 апреля встречался с Пейном и Бутом, причем последний приказал ему убить вице-президента

Джонсона. Обвинение доказало, что Этцеродт снял номер в отеле Кирквуд, где проживал Джонсон. В номере находился потайной склад оружия. Было доказано, что Этцеродт интересовался тем, какое помещение занимал вице-президент. Однако Этцеродта обвиняли прежде всего не в попытке убийства Джонсона, а в соучастии в убийстве Авраама Линкольна. Интересно, что, по признанию Этцеродта, сделанному после ареста, главой группы заговорщиков наряду с Бутом был шпион южан Джон Саррет, скрывшийся за границу.

Четвертая обвиняемая — мать Джона Мэри Саррет. Степень ее участия в заговоре вызывала противоречивые суждения. Несомненно, что пансионат, который она содержала, был местом встречи заговорщиков.

Остальные четверо обвиняемых явно играли лишь второстепенную и сугубо подсобную роль в заговоре. Самюэл Блэнд Арнолд участвовал в заговоре, ставившем целью похищение Линкольна, но отказался одобрить план убийства, правда, не окончательно, а впредь до более удобного (по его мнению) времени, которое скоро должно наступить. Доктор Самоэл Мадд обвинялся в том, что он участвовал в заговоре и был хорошо знаком с главными заговорщиками. Из противоречивых показаний свидетелей обвинения и защиты явствует с очевидностью лишь то, что Мадд оказал медицинскую помощь— Буту, бежавшему после убийства Линкольна из столицы.

Ирландец Майкл О'Лафлин, бывший солдат Конфедерации, несомненно был знаком с Бутом. О'Лафлин утверждал, что видел утром 14 апреля Бута, стремясь получить с того долг. Однако было доказано, что ирландец прибыл в Вашингтон, вызванный телеграммой Бута. Убийца, вероятно, использовал О'Лафлина для выполнения каких-то заданий, но каких именно — осталось неизвестным. Обвинение же О'Лафлина в намерении в ночь с 13 на 14 апреля убить генерала Улиса Гранта осталось недоказанным.

И наконец, последний из восьми подсудимых — Эдвард Спейнджлер. Рабочий сцены в театре Форда, он с охотой принимал на себя роль слуги Бута. Спейнджлер в числе других служащих сцены убирал ложу президента, и подозревали, что именно стараниями Спейнджлера замок в ложе президента оказался сломанным. ,

Итак, восемь обвиняемых. Все они, за одним-двумя исключениями, в той или иной мере были связаны с южной разведкой, а часть из них — активные ее агенты.

Обвинение попыталось доказать причастность правительства и разведки разгромленной Конфедерации к заговору. Свидетелем обвинения выступил Ричард Монтгомери, разведчик, действовавший в Канаде. Монтгомери был агентом северян, проникшим (под именем Джеймса Томпсона) в секретную службу южан. Он заявил, что агент южан Джейкоб Томпсон летом 1864 года и в январе 1865 года при встречах с ним в Монреале говорил, что имеет людей, готовых устранить Линкольна, Стентона, Гранта и других лидеров Севера. Сам Томпсон одобрял этот план и лишь дожидался санкции Ричмонда на его осуществление. По словам Монтгомери, он неоднократно встречал в Канаде Пейна. Бут во второй половине 1864 года дважды ездил в Монреаль и совещался с лидерами Конфедерации. Монтгомери, однако, заметил, что ему неизвестно, одобрил ли Джефферсон Девис планы Джейкоба Томпсона, хотя думает, что такое одобрение было получено.

Вторым важным свидетелем обвинения был Генри фон Штейнекер. По словам свидетеля, в 1863 году он пробрался на Юг и вступил в полк известного генерала Джексона Летом 1863 года, когда полк находился в Виргинии, в лагере появился Бут, обсуждавший с Джексоном и с офицером его штаба планы убийства Линкольна. Другие свидетели приводили менее важные данные.

30 июня 1865 года военный трибунал вынес приговор. Все подсудимые были признаны виновными Спейнджлера приговорили к шести годам тюрьмы, О'Лафлина, Мадда, Арнолда — к пожизненному заключению, Пейн, Этцеродт, Геролд и Саррет были присуждены к смерти через повешение. Попытки добиться смягчения участи Мэри Саррет окончились неудачей (позднее президент Эндрю Джонсон уверял, что ему не доложили о ходатайствах о помиловании).

7 июля 1865 года во дворе федеральной тюрьмы Этцеродт, Геролд, Пейн и Саррет были казнены… А четверо других подсудимых были переведены в тюрьму, находящуюся на Драй Тортугас — выжженном солнцем островке в 100 милях от побережья Флориды. Форт

Джефферсона, куда поместили заключенных, был окружен широким рвом, заполненным водой.

Через полгода после окончания процесса над заговорщиками юридическая комиссия палаты представителей американского конгресса занялась рассмотрением доказательств, имевшихся против Джефферсона Девиса (а также против одного из руководителей южной разведки Клемента Клея).

Радикальное большинство юридической комиссии палаты представителей объявило Джефферсона Девиса причастным к заговору, приведшему к убийству Линкольна. Однако обвинение против Девиса было сильно скомпрометировано разоблачением лживости показаний свидетелей, выставленных прокуратурой. А между тем нет никаких оснований сомневаться в виновности Джефферсона Девиса. Он отвечал за деятельность южной разведки. А Бут и другие заговорщики были ее агентами и действовали по ее указаниям.

Можно назвать ряд других лиц, действия которых, по крайней мере, подозрительны и их степень участия в заговоре, вероятно, не меньшая, чем у тех, кто был отдан под суд военного трибунала. Прежде всего это Джон Саррет, один из главных заговорщиков, который тем не менее был оправдан. Во время своего бегства из Вашингтона Бут останавливался у знакомых ему людей — полковника С. Кокса, Т. Джонса и других, дававших пристанище убийце, перевозивших его через Потомак. Однако их не предали суду. Трое офицеров армии конфедератов: капитан Джетт, лейтенант Раглас и лейтенант Бейнбридж помогли Буту укрыться на ферме Гаррета. Более того, заметив приближение отряда, посланного для поимки Бута, Бейнбридж и Раглас поскакали на ферму, чтобы предупредить убийцу об опасности. Если бы Бут послушался их совета, ему, вероятно, удалось бы снова скрыться от погони. Все трое офицеров были арестованы, доставлены в Вашингтон, но никого из них не привлекли к ответственности, а Джетту даже дали возможность выступить в качестве свидетеля обвинения.

Были и другие люди, которых по логике вещей должны были привлечь к ответственности за помощь, оказанную Буту.

До сих пор не ясна роль, которую во всей этой истории сыграл тогдашний вице-президент. За семь часов до убийства Бут вошел в отель «Вашингтон», где находился офис вице-президента Эндрю Джонсона. Узнав, что ни вице-президента, ни его секретаря нет на месте, Бут оставил следующую записку: «Не хотелось бы вас беспокоить. Вы дома? Дж. У. Бут». Личный секретарь Эндрю Джонсона заявил под присягой, что обнаружил записку в тот же день вечером. Следовательно, вполне можно предположить, что Бут и Джонсон были знакомы друг с другом.

Очень многие полагали, что Джонсон имел отношение к заговору. Был образован специальный «Комитет по расследованию убийства президента Авраама Линкольна», в задачу которого входило установить, был ли Джонсон при-частен к гибели президента или нет. Комитет не нашел в действиях Джонсона ничего, что могло бы вызвать подозрения, однако в течение многих лет его считали прямо или косвенно, но вовлеченным в заговор против Линкольна. И действительно, очень странно, что за несколько часов до убийства президента убийца ищет встречи с вице-президентом…

ЗАГОВОР ПРОТИВ СУЛТАНА АБДУЛ-АЗИЗА

Турция. 1876—1878 годы

Положение Османской империи в 1875 году оказалось на редкость тяжелым. Весной многие районы северной и центральной части Малой Азии пережили голод. Правительство не предпринимало никаких мер для облегчения положения населения. Гнет сборщиков налогов, ростовщиков, правительственных чиновников в таких условиях стал особенно невыносимым.

В критической обстановке на пост министра юстиции был приглашен опытный Мидхат-паша. В свое время султан Абдул-Азиз назначил этого незаурядного провинциального администратора великим везиром. Но Мидхат-паша достаточно скоро проявил себя как слишком сильный и независимый человек и в условиях многочисленных и сложных интриг вокруг своей личности продержался на этом посту всего-навсего три месяца. ,

Мидхат-паша с энтузиазмом встретил свое новое назначение, которое, по его мнению,

позволяло активно вмешиваться в политику страны. Однако вскоре министр юстиции подал в отставку. Он написал султану, что считает ненормальным положение, при котором не существует никакого закона, регулирующего управление государством.

Многие друзья и единомышленники Мидхата сочли этот его поступок ошибочным. Ответ был разным. Одним он говорил, указывая на Золотой Рог: «Посмотрите туда, мне кажется, что я уже вижу фрегат, готовый отвезти меня в изгнание. Именно под таким впечатлением я преподнес Его Величеству записку, которая Вас удивляет». Другим, которые говорили, что его отставка похожа на дезертирство, он заявлял: «Возможно, но следует показать Европе, что не все турки — презренные куртизанки». Итак, Мидхат-паша еще раз убедился в невозможности изменить что-либо в положении государства при султане Абдул-Азизе. И именно с этого момента он перешел к оппозиционной деятельности. В доме Мидхата собираются единомышленники, мечтающие о введении в стране конституции.

Желая заручиться поддержкой Англии в вопросе о реформе государственного управления Османской империи, Мидхат-паша начал переговоры с английским послом в Стамбуле Генри Эллиотом.

Султан и его окружение знали об Абдул-Хамид II оппозиционных настроениях Мидхата и его связях с «новыми османами», требовавшими введения в стране конституции. Поэтому сразу же после его ухода с поста министра юстиции великий везир Махмуд Недим-паша предложил султанше-матери, имевшей большое влияние на своего сына, Абдул-Азиза, удалить Мидхата из столицы. Великий везир мотивировал свое предложение тем, что Мидхат-паша призывает студентов медресе к беспорядкам, а также ведет кампанию по смещению с поста шейхуль-ислама Хасана Фехми-эфенди. В результате Мидхат-паша на короткое время был выслан из Стамбула.

Однако движение против султана Абдул-Азиза и политики великого везира Махмуда Недим-паши росло день ото дня. Его возглавляли наряду с Мидхат-пашой те представители правящей элиты, которые видели необходимость в реформах, что было совершенно невозможно при царствующем султане. Движение «новых османов» нашло отклик прежде всего в среде мелких чиновников и ремесленников.

Внешнеполитическая обстановка подогревала настроение недовольства в стране. 31 января 1876 года министр иностранных дел Австро-Венгрии Андра-ши предложил Порте свой проект реформ. 13 февраля турецкое правительство выразило принципиальное согласие провести эти реформы. Событие получило отклик в «Манифесте мусульманских патриотов», распространенном среди населения Стамбула. В нем утверждалось, что проект реформ Андраши составлен без учета истинного положения мусульман и христиан в Османской империи, которые притесняются равным образом. Это притеснение можно устранить только с помощью создания палаты депутатов из представителей всех народов страны, независимо от их национальности или вероисповедания. Авторы манифеста критиковали финансовую политику правительства и предлагали европейским странам оказать поддержку представителям «энергичной и умеренной» партии, возглавляемой Мидхат-пашой. Эта партия, заявлялось в Манифесте, с помощью хорошего управления создаст новую Турцию, которая сможет представить блестящие возможности для применения в ней иностранных капиталов.

Составителями манифеста называли Мидхат-пашу, Халиля Шериф-пашу и Одиян-эфенди. Действительно, многие из идей манифеста получили отражение в популярной работе Мидхат-паши «Турция. Ее прошлое, ее будущее».

Недовольство султаном созрело во всех слоях населения столицы, включая армию, к апрелю 1876 года. Султана обвиняли в том, что он, составив личное состояние, оценивающееся в 15 миллионов лир, ничего не потратил на народные нужды и не интересуется государственными делами. Именно в это время начались открытые демонстрации протеста.

10 мая 1876 года в Стамбуле около шести тысяч софтов (студентов, изучающих теологию) оставили занятия в медресе трех главных мечетей Стамбула, чтобы собраться на массовую демонстрацию перед зданием Блистательной Порты. Предполагалось, что они были организованы и профинансированы Мидхатом.

По требованию софтов султан заменил великого везира и шейхуль-ислама (главного муфтия) — на пост шейхуль-ислама был назначен Хайруллах-эфен-ди, а место великого везира

занял Мехмед Рюштю-паша. Мидхат вернулся в правительство в качестве председателя Государственного совета.

Мидхат-паша открыто заявил о себе как о лидере конституционного движения. Стремясь к превращению Османской империи в конституционную монархию, он стремился заручиться поддержкой недовольных чиновников и армейской элиты, но более всего рассчитывал на многочисленную армию стамбульских софтов Чтобы привлечь их на свою сторону, Мидхат-паша утверждал, что видел во сне Пророка, который просил его позаботиться о спасении страны Он также ссылался на исторические примеры, обращаясь к истории мусульманских государств В это время лидер движения «новых османов» уже не скрывал своих взглядов, выражая их при любом удобном случае и в любой аудитории.

После того как Мидхат-паша окончательно убедился, что провозгласить конституцию при Абдул-Азизе будет невозможно, началась непосредственная подготовка дворцового переворота В заговор вошли военный министр Хю-сейн Авди-паша и начальник стамбульского гарнизона Редиф-паша Решение о свержении Абдул-Азиза было принято не сразу Вначале Мидхат-паша хотел принудить султана согласиться на введение конституции и только в случае неудачи пойти на замену монарха, ибо, как полагал руководитель заговора, в любом случае было бы нетрудно заменить Абдул-Азиза более «разумным» султаном, к примеру, принцем Мурадом.

В подготовке дворцового переворота участвовали многие высшие армейские чины, с помощью которых тайно собиралось оружие Когда в декабре 1875 года сгорел дом Хюсеина Авди, в столице распространился слух, что там был обнаружен большой склад оружия.

Заговорщики заручились поддержкой нового шейхуль-ислама, давшего разрешение на смещение великого султана Затем, перед рассветом, 30 мая 1876 года, дворец Долмабахче был окружен двумя батальонами со стороны суши и военными кораблями со стороны Босфора Мидхат-паша и его коллеги-министры встретились в военном министерстве, где шейхуль-ислам зачитал фетву о смещении султана на основании «умственного расстройства, уклонения от решения политических вопросов, использования доходов государства на личные цели и поведение в целом опасное для государства и общества» Министры принесли клятву верности его племяннику и наследнику Мураду V, который был заранее вызван из своих апартаментов.

На рассвете залп 101 орудия военных кораблей возвестил о смене султанов Абдул-Азиз не оказал никакого сопротивления, написав письмо об отречении и согласившись на заключение в старом дворце за Босфором Население Стамбула с энтузиазмом приветствовало этот бескровный государственный переворот, а один из министров назвал его «благоприятным событием», по своей значимости равным уничтожению янычар Мурад, прекрасно образованный и с острым интересом воспринимавший как западную, так и восточную культуры, к несчастью, страдал привязанностью к алкоголю Он стал подвержен умственным расстройствам и отреагировал со страхом и трепетом на неожиданное восшествие на трон Еще большее потрясение нервная система Мурада испытала несколькими днями спустя, когда Абдул-Азиз находясь в крайне возбужденном состоянии, покончил жизнь самоубийством он вскрыл артерию Положение осложнялось убийством, произошедшим прямо во время заседания кабинета министров Были убиты военный министр и министр иностранных дел Это убийство было совершено взбешенным армейским офицером из черкесов, отомстившим за насильственную смерть, как он считал, Абдул-Азиза.

Мурад, которому еще только предстояло быть опоясанным мечом Османа, стал неспособен появиться на публике или заниматься официальными делами.

Он подвергся медицинскому обследованию, в котором участвовали как турецкие, так и иностранные врачи, и диагнозом стало острое нервное расстройство, излечимое только с течением времени Ввиду остроты политического кризиса, как в стране, так и за рубежом, министры султана сочли себя обязанными, хотя и с некоторыми колебаниями, поставить вопрос о смещении в пользу более активного и дееспособного суверена Следующим по наследственной линии был младший брат Мурада Абдул-Хамид, человек еще неизвестных достоинств, который, подобно многим своим предшественникам, содержался в фактической изоляции.

Мидхат был делегирован своими министрами, чтобы навестить Абдул-Ха-мида и выяснить, не согласится ли тот действовать в качестве регента вплоть до выздоровления

Мурада — ситуация, которой в истории османов не было прецедентов.

Мидхат посетил его с проектом новой конституции, составленной в начале этого года под наблюдением комитета, в работе которого приняли участие ряд государственных деятелей и представителей улемы по образцам бельгийской и прусской конституций девятнадцатого столетия, Абдул-Хамид поклялся оставаться верным трем условиям он обнародует конституцию, он будет править только через ответственных советников, он вновь назначит на эти посты дворцовых секретарей своего брата.

Абдул-Хамид II был провозглашен султаном Мурада перевели во дворец, расположенный вверх по Босфору, где он, находясь в неволе, дожил до начала XX века.

Конституция Османской империи была наконец обнародована в декабре 1876 года новым султаном, который до этого назначил Мидхата своим великим везиром Заключительный документ не полностью совпадал с тем, к чему стремился Мидхат Султан всесторонне изучил исходный вариант, подчеркивая необходимость строгого соблюдения священного закона, защищая свои собственные привилегии, избегая некоторых положений, низводя до неопределенных общих мест конкретные определения Мидхата и в завершение не проявив намерения положительно отнестись к быстрому утверждению конституционного правительства Эти отступления породили в будущем довольно большие проблемы.

Тем не менее принятие и обнародование султаном конституции выглядело достойной кульминацией столетия, основным содержанием которого были реформы Звенящим от волнения голосом Мидхат-паша, благодаря султана, провозгласил наступление «новой эры устойчивого процветания»

Абдул-Хамид никогда не сочувствовал конституционным взглядам, однако, стремясь получить власть, пошел на сделку Он воспользовался конституцией на константинопольской конференции в качестве фасада, за которым можно было предупредить и предотвратить разделение власти Как только конференция закончилась, султан тут же уволил Мидхат-пашу, вдохновителя разработки и составления конституции Мидхат-паша был немедленно препровожден на яхту султана и отправлен в изгнание в Италию По иронии судьбы, это действие было совершено в рамках самой конституции, в соответствии с включенной в последнюю минуту статьей, на которой настоял султан, направленной против сильной оппозиции, уполномочивая его «изгонять с территории империи тех лиц, которые в результате получения достоверной информации, собранной органами полиции, признаны в качестве опасных для безопасности государства».

Мидхат-паша провел в изгнании более полутора лет. Осенью 1878 года ему было предложено вернуться на родину. Возможно, это было связано с тем, что в Стамбуле имели место две попытки дворцового переворота.

20 мая 1878 года группа заговорщиков во главе с Али Суави попыталась освободить султана Мурада. Как сообщает один источник, следственная комиссия установила, что Али Суави намеревался учредить при больном Мураде регентство и регентом назначить Мидхат-пашу. По другим источникам, цель заговорщиков состояла в том, чтобы вновь сделать Мидхат-пашу великим ве-зиром. А вскоре был раскрыт заговор Клеанти Скальери, ставившего также своей целью возвращение престола низложенному султану Мураду.

Еще в апреле 1878 года, незадолго до попытки дворцового переворота, организованного Али Суави, Абдул-Хамид поставил своей целью расправиться с людьми, участвовавшими в свержении Абдул-Азиза, и лишить Мурада всякой возможности вновь занять престол. Он издал указ о проведении расследования, в задачу которого входило выяснение имен военных и степень их участия в свержении Абдул-Азиза. В течение года султану было представлено три списка лиц, участвовавших в свержении, с указанием занимаемых ими постов. Именно к этому периоду следует отнести, по-видимому, появление у Абдул-Хамида плана проведения судебного процесса над лицами, участвовавшими в свержении Абдул-Азиза, в числе которых едва ли не первое место отводилось Мидхат-паше.

В то время, когда возвращенный на родину Мидхат-паша приступил к исполнению обязанностей губернатора Сирии, Абдул-Хамид занимался расследованием вопроса о том, кому было поручено нести охрану дворца Ферийе, где содержался низложенный Абдул-Азиз.

Некоторые из приближенных Абдул-Хамида, особенно чутко улавливающие его

настроения, составили докладную записку на имя султана с целью убедить его в том, что Абдул-Азиз, по всей вероятности, был убит. И во дворце началось расследование, в результате которого в убийстве Абдул-Азиза обвинили четырех человек, назначенных в свое время для его охраны: Пехливана Мустафу, Хаджи Мехмеда, Джезаирли Мустафу и Фахри-бея, остававшегося секретарем Абдул-Азиза и после его свержения. Из тех же, кто играл видную роль в дворцовом перевороте 30 мая 1876 года, многих обвинили в соучастии в убийстве. Среди последних были Мехмед Рюштю-паша, Мидхат-паша, Дамад Нури-паша, Дамад Махмуд-паша и бывший шейхуль-ислам Хайруллах-эфен-ди Одновременно во дворце шло составление версии убийства, согласно которой приказ об убийстве был отдан султаном Мурадом и его матерью через доверенное лицо — Сейид-бея Дамаду Махмуд-паше и Дамаду Нури-паше, в свою очередь якобы отдавших соответствующие распоряжения Пехливану Мустафе, Хаджи Мехмеду и Джезаирли Мустафе. Согласно этой версии, о плане убийства был извещен и Фахри-бей, который провел во дворец Ферийе названных лиц. Утверждалось, что именно эти лица и совершили убийство, вскрыв ножом вены на руках Абдул-Азиза.

Первое, что обращает на себя внимание в этой версии, — имена высокопоставленных обвиняемых, принимавших участие в свержении Абдул-Азиза. Это наводит на мысль, что одной из главных целей готовившейся судебной расправы было стремление Абдул-Хамида обезопасить себя от возможности новых дворцовых заговоров и окончательно укрепить свою власть. Тот факт, что в число обвиняемых вошел и Мидхат-паша, свидетельствует о том, что важное место в замыслах Абдул-Хамида отводилось задаче устранения политического лидера конституционного движения.

Версия убийства была составлена на основании показаний слуг Абдул-Азиза. Один из них, Рейхан-ага, после нескольких предварительных допросов дал показания, которых от него, по всей вероятности, добивались. Согласно этим показаниям, он и еще двое слуг видели, как совершалось убийство. Вместе с тем другой слуга Абдул-Азиза, находившийся при нем едва ли не до последнего мгновения, настаивал на версии самоубийства, отрицая, что кто-либо входил в комнату низложенного султана. Тем не менее весной 1881 года было решено приступить к официальным допросам обвиняемых.

Судебный процесс над убийцами Абдул-Азиза начался 27 июня 1881 года в специально для этой цели сооруженном павильоне, в саду дворца, резиденции султана Абдул-Хамида В министерстве юстиции были напечатаны специальные пригласительные билеты, в которых указывалось имя и род занятий приглашенного. В особой инструкции коменданту дворца указывалось на необходимость строгого контроля над приглашенными в суд и на принятие надлежащих мер в целях предотвращения возможных беспорядков около здания суда.

Суд вынес приговор. Пехливан Мустафа, Джезаирли Мустафа, Хаджи Мех-мед и Фахри-бей были признаны виновными в преднамеренном убийстве, а Мидхат-паша получил смертный приговор как соучастник убийства. Но благодаря вмешательству общественности смертный приговор Мидхат-паше заменили на пожизненное заключение в одной из арабских крепостей, где он был убит в 1884 году.

УБИЙСТВО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

Россия. 1 марта 1881 года

В августе 1879 года в России появилась тайная организация «Народная воля». В ее руководство — Исполнительный комитет — вошли профессиональные революционеры. Основатели «Народной воли» требовали от властей созыва Учредительного собрания, проведения широких демократических преобразований. Они поставили задачу «обуздать правительственный произвол», положить предел его «вмешательству в народную жизнь и создать такой государственный строй, при котором деятельность в народе не была бы наполнением бездонных бочек Данаид». Террор рассматривался как одно из средств политической борьбы 26 августа Исполнительный комитет вынес смертный приговор царю.

В истории России Александр II остался противоречивой фигурой. С одной стороны, он

известен как Александр-Освободитель, давший вольную крестьянам. Спаситель балканских славян от турецкого ига. Инициатор Великих реформ — земской, судебной, военной… С другой стороны — гонитель не только студентов-социалистов, участников «хождения в народ», но и весьма умеренных либералов.

Боевые группы «Народной воли» стали разъезжаться в назначенные города. Царя готовились атаковать в Одессе, Александровске (город между Курском и Белгородом) и Москве.

Ближе всех к успеху была московская группа. Народовольцы — Михайлов, Перовская, Гартман, Исаев, Баранников, Ширяев и другие — провели из купленного неподалеку от железной дороги дома 40-метровый подземный ход. Поздно вечером 19 ноября мина сработала под проходившим поездом. В результате взрыва перевернулся багажный вагон, еще восемь сошли с рельсов. Никто не пострадал. Тем более что это был поезд со свитой, а царский состав шел следом.

Покушение 19 ноября взбудоражило общество. Даже официальная печать отмечала искусную и тщательную инженерную подготовку подкопа. В распространенных после теракта листовках «Народной воли» Александр II объявляется «олицетворением деспотизма лицемерного, трусливо-кровожадного и всерастлевающего». Исполнительный комитет требовал передачи власти всенародному Учредительному собранию. «А до тех пор — борьба! Борьба непримиримая!»

Зимой 1879/1880 годов, когда шла подготовка к 25-летию царствования Александра II, обстановка в стране была неспокойной. Великие князья просили государя переселиться в Гатчину, но Александр отказался.

20 сентября 1879 года на работу в Зимний дворец устроился столяр Батыш-ков. В действительности под этим именем скрывался Степан Халтурин, сын вятского крестьянина, один из создателей «Северного союза русских рабочих», примкнувший затем к «Народной воле». Он считал, что царь должен погибнуть от руки рабочего — представителя народа.

Его с напарником комната находилась в подвальном помещении дворца. Прямо над ней располагалось караульное помещение, еще выше, на втором этаже — покои государя. Личным имуществом Халтурина-Батышкова являлся громадный сундук в углу подвала — по сей день непонятно, почему в него так ни разу и не удосужилась заглянуть царская полиция.

Террорист приносил динамит во дворец небольшими пачками. Когда взрывчатого вещества накопилось около 3 пудов, Халтурин совершил покушение на царя. 5 февраля он взорвал мину под столовой, где должна была находиться царская семья. В Зимнем погасли огни, забегала перепуганная охрана. Увы, Александр II не вышел в обычное время в столовую, так как встречал гостя — принца Гессенского. В результате теракта девятнадцать солдат погибли и еще сорок восемь получили ранения Халтурину удалось скрыться.

Покушение 5 февраля сделало «Народную волю» всемирно известной. Взрыв в царском дворце казался совершенно невероятным событием. По предложению наследника была учреждена Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Главой комиссии царь назначил харьковского генерал-губернатора Лорис-Меликова, подчинившего себе не только полицейские, но и гражданские власти.

К участникам революционного движения применялись беспощадные репрессии. Только за распространение листовок в марте были казнены унтер-офицер Лозинский и студент Розовский. Еще раньше такая же печальная участь постигла Млодецкого, покушавшегося на Лорис-Меликова.

Весной и летом 1880 года Исполнительный комитет пытался организовать еще два покушения на Александра II (в Одессе и Петербурге), но оба не состоялись. Надо отметить, что Желябов и Михайлов выступали за продолжение организационной и пропагандистской работы. Цареубийство же виделось им средством разбудить общество, привести народ в движение, вынудить правительство пойти на уступки.

Авторитет «Народной воли» к осени 1880 года стал чрезвычайно высок. У нее была масса добровольных и самоотверженных помощников, молодежь готова была участвовать в самых опасных ее мероприятиях, во всех слоях общества велись денежные сборы для нужд партии.

Даже либералы участвовали в этой акции: они полагали, что деятельность народовольцев вынудит «освободителя» согласиться на какие-то послабления, и начинали всерьез поговаривать о проекте столь желанной конституции.

В октябре 1880 года завершился судебный процесс над 16 народовольцами, которых выдал предатель Гольденберг. Казнь одного из основателей организации А. Квятковского и рабочего-революционера А. Преснякова потрясла народовольцев. В изданной 6 ноября прокламации Исполнительный комитет призвал русскую интеллигенцию повести народ к победе под лозунгом «Смерть тиранам». Месть царю народовольцы считали теперь не только долгом. «Честь партии требует, чтобы он был убит», — говорил о предстоящем покушении Желябов.

На этот раз решили ликвидировать царя во что бы то ни стало, применив, если нужно, сразу несколько способов нападения. Наблюдательный отряд из молодежи следил за выездами царя. Техники Кибальчич, Исаев, Грачевский и другие готовили динамит, гремучий студень, оболочки для метательных бомб.

Еще в конце 1880 года была снята лавка в полуподвальном этаже дома на углу Невского проспекта и Малой Садовой. По этим улицам проезжал Александр II по пути в манеж. Под видом торговцев сыром здесь поселились по подложным паспортам народовольцы Богданович и Якимова. Новые хозяева вызвали подозрение соседних лавочников, а затем и полиции, тем не менее революционеры начали вести подкоп под Малую Садовую.

Казалось, предусмотрели все. Если бы царь при взрыве мины не пострадал, то начинали действовать метателыцики бомб. В случае неудачи последних Желябов собирался броситься на царя с кинжалом. Но уже к концу февраля над Исполнительным комитетом нависла угроза разгрома. Предательство Окладс-кого, помилованного после процесса 16-ти, привело к провалу двух конспиративных квартир и к целой цепи арестов. Тяжелые последствия имел случайный арест Александра Михайлова в ноябре 1880 года. Требовательный и неумолимый в проведении организационных принципов и конспирации, он являлся своеобразным шефом безопасности «Народной воли». Михайлов знал едва ли не всех шпиков и полицейских чиновников. Именно ему удалось внедрить в III отделение агента Клеточникова.

После ареста Михайлова правила конспирации соблюдались с непростительной небрежностью, что привело к новым провалам. Вслед за арестами Ко-лодкевича и Баранникова настал черед Клеточникова. Изумлению жандармов не было предела, когда они обнаружили, что исполнительный и тихий чиновник являлся тайным агентом революционеров.

Правительство, знавшее о подготовке нового покушения, принимало контрмеры. 27 февраля полиция получила неожиданный подарок Вместе с приехавшим в Петербург руководителем одесских кружков Тригони в номере его гостиницы был схвачен с оружием в руках Желябов, которого уже больше года тщетно искали по всей России жандармы.

Андрей Желябов, сын дворового крестьянина Таврической губернии, исключенный с третьего курса Новороссийского университета за участие в беспорядках, в 1880 году стал фактически главой Исполнительного комитета и в качестве члена распорядительной комиссии руководил всеми террористическими акциями. Несомненно, если бы народовольцам удался политический переворот, то революционное правительство возглавил бы Желябов.

Лорис-Меликов, за две недели до того предупреждавший царя о надвигающейся опасности, утром 28 февраля с триумфом доложил Александру II об аресте главного заговорщика. Царь ободрился и решил на следующий день поехать в Михайловский манеж.

28 февраля в сырную лавку на Малой Садовой нагрянула «санитарная комиссия» во главе с инженерным генералом Мравинским. При поверхностном осмотре следов подкопа комиссия не обнаружила, а производить обыск, не имея на то особого разрешения, генерал не решился (за что потом и был предан военному суду).

Вечером на квартире Веры Фигнер спешно собрались члены Исполнительного комитета. Арест Желябова явился тяжким ударом для народовольцев. Тем не менее они решили идти до конца, даже если царь не поедет по Малой Садовой.

Всю ночь снаряжались бомбы, в сырной лавке устанавливалась мина, которую должен был взорвать Михаил Фроленко. Руководство метальщиками взяла на себя Перовская. Дочь петербургского губернатора, она в 16 лет сбежала из дома, поступила на женские курсы, а затем

увлеклась революционными идеями.

В день покушения, 1 марта, она проявила самообладание и находчивость Когда выяснилось, что царь не поехал по Малой Садовой, Перовская обошла метальщиков и назначила им новые места на набережной Екатерининского канала, по которому должен был возвращаться Александр II

Наконец свершилось то, к чему так долго стремились народовольцы. В третьем часу дня в центре города раздались один за другим два взрыва. Первая бомба, брошенная Николаем Рысаковым под ноги лошадям, лишь повредила царскую карету. Погибли двое казаков из царского конвоя и проходивший мимо мальчик.

Когда Александр II выбрался из кареты, вторую бомбу бросил Игнатий Гриневицкий. Царь и метальщик при этом взрыве получили смертельные ранения Александра, окровавленного, с раздробленными взрывом ногами, довезли до дворца Срочно вызванные врачи государя спасти не могли 1 марта 1881 года, в четыре часа дня, над Зимним дворцом поднялся черный флаг.

Гриневицкий умер в страшных мучениях, до конца сохранив самообладание За несколько минут до смерти он пришел в себя «Как ваше имя?» — спросил его следователь. «Не знаю», — был ответ. Имя революционера удалось выяснить только во время процесса по делу 1 марта.

Гриневицкий родился в обедневшей шляхетской семье в Гродненской губернии. Лучший ученик Белостокской реальной гимназии, он мечтал посвятить себя науке. В 1875 году Игнатий поступает в Технологический институт в Петербурге, но вскоре становится революционером. Поздней осенью 1880 года Гриневицкий вошел в «наблюдательный отряд» Перовской.

За несколько дней до смерти Гриневицкий написал завещание, в котором предугадал свою судьбу. «Александр II должен умереть. Дни его сочтены. Мне или другому придется нанести страшный последний удар, который гулко раздастся по всей России и эхом откликнется в отдаленнейших уголках ее. Это покажет недалекое будущее. Он умрет, а вместе с ним умрем и мы, его враги, его убийцы. Мне не придется участвовать в последней борьбе Судьба обрекла меня на раннюю гибель, и я не увижу победы, не буду жить ни одного дня, ни часа в светлое время торжества, но считаю, что своей смертью сделаю все, что должен был сделать, и большего от меня никто, никто на свете требовать не может. Дело революционной партии — зажечь скопившийся уже горючий материал, бросить искру в порох и затем принять все меры к тому, чтобы возникшее движение кончилось победой, а не повальным избиением лучших людей страны…»

Утром 1 марта Гриневицкий по указанию Перовской занял самое ответственное место на Манежной площади, но, когда царь изменил маршрут, на Екатерининском канале он оказался вторым…

В течение нескольких недель Санкт-Петербург находился на военном положении Повсюду стояли городовые, солдаты, сновали шпионы. Ожидали народных волнений, и многие революционеры верили, что «Народная воля» «начинает приобретать репутацию силы, способной противостоять силам правительства». Особенно опасались выступлений рабочих — Рысаков предательски сообщил о целой организации в их среде. Казачьи заставы отрезали рабочие окраины от центра.

У народовольцев хватило сил составить обращение Исполнительного комитета к русскому народу и к европейскому обществу, опубликовать и распространить «Письмо Исполнительного комитета к Александру III». В письме содержались требования амнистии всем политическим заключенным, созыва представителей от всего русского народа, а для обеспечения их выборов — свободы печати, слова, избирательных программ.

На фабриках и заводах рабочие-народовольцы ждали призыва к забастовкам и демонстрациям или даже к открытой борьбе, к восстанию Но никто из руководителей не являлся. Полученная на третий день прокламация «Народной воли» не содержала конкретных призывов к действиям По существу Исполнительный комитет в своей террористической борьбе оставался узким, строго замкнутым заговорщическим кружком Сразу же после 1 марта были схвачены Гельфман, Тимофей Михайлов, Перовская, Кибальчич, Исаев, Суханов, а затем Якимова, Лебедева, Ланганс После 1 марта друзья советовали Перовской бежать за границу, но она предпочла остаться в Петербурге.

Желябов решил, что в интересах партии должен лично участвовать в судебном процессе, пропагандируя идеи «Народной воли» Он написал прокурору судебной палаты заявление, в котором потребовал «приобщения себя к делу 1-го марта» и выразил готовность дать уличающие его показания Эта необычная просьба была удовлетворена.

Суд над первомартовцами проходил 26—29 марта под председательством сенатора Фукса и под надзором министра юстиции Набокова и приближенных нового царя Александра III.

В начале заседания было зачитано постановление сената об отклонении поданного накануне заявления Желябова о неподсудности дела особому присутствию сената и о передаче дела суду присяжных. Желябов, Перовская, Кибальчич, Гельфман, Михайлов и Рысаков — обвинялись в принадлежности к тайному сообществу, имеющему целью насильственное ниспровержение существующего государственного и общественного строя и участии в цареубийстве 1 марта.

29 марта суд вынес приговор: смертная казнь всем подсудимым. Беременной Гельфман казнь была заменена ссылкой на каторжные работы, однако вскоре после родов она умерла.

Только два человека решились просить Александра III пощадить и простить убийц отца во имя евангельских заветов. Писатель Лев Толстой и философ Владимир Соловьев. Но царь оставил приговор в силе.

Утром 3 апреля из ворот дома предварительного заключения на Шпалерной выехали две высокие черные платформы. Желябов и раскаявшийся Рысаков на первой, Михайлов, Перовская и Кибальчич на второй. На груди у каждого висела доска с надписью: «Цареубийца». Все они были повешены…

УБИЙСТВО ЭРЦГЕРЦОГА ФЕРДИНАНДА

Сербия. 1914 год

Рано утром 28 июня 1914 года, после окончания военных маневров в Боснии, престолонаследник эрцгерцог Франц Фердинанд прибыл в Сараево. Выбор дня приезда могли принять за вызов: это был день Святого Вида, когда сербы отмечали годовщину битвы на Косовом поле. Там в 1389 году турки разбили сербскую армию, и страна на многие века попала под турецкое иго. Но там же турецкий султан Мурад I был убит сербским воином Милошем Обили-чем, ставшим национальным героем.

Шесть террористов организации «Млада Босна» во главе с Данилом Или-чем и Гаврилой Принципом, вооруженные револьверами и бомбами, подготовили покушение: они расположились вдоль пути следования эрцгерцога во дворец. Бомба, брошенная Неделько Чабриновичем, не повредила Фердинанда, но Гаврила Принцип дождался возвращения эрцгерцога из дворца и около 11 часов утра сразил его и его жену Софью Гогенберг выстрелами в упор.

Австрийский император Франц Иосиф, как видно по дневникам его дочери Мари Валери, «перенес это потрясение без особого страдания». «Для меня, — ¦говорил он, — одной заботой стало меньше». В Вене не было траурного настроения, в Пратере играла музыка.

Однако ровно через месяц Австро-Венгрия объявила войну Сербии, обвинив ее в организации этого покушения. Еще через несколько дней началась Первая мировая война, в которую вступили Германия, Россия, Англия, Франция, почти вся Европа, затем Япония и Китай, в 1917 году — США.

Видный итальянский историк Луиджи Альбертини писал: «Сербский террорист стрелял не только в грудь австрийского принца, он метил в самое сердце Европы». Это, конечно, сильное преувеличение: мировая война возникла из-за более глубинных причин. Тем не менее выстрел Гаврилы Принципа сыграл зловещую роль. Не случайно о сараевском заговоре написано более четырех тысяч сочинений и интерес к этому трагическому событию не ослабевает до сих пор.

В обширнейшей литературе о покушении в Сараеве четко выделяются три версии о подготовке заговора.

Первая. Сын убитого эрцгерцога Максимилиан Гогенберг в интервью газете «Пари суар

диманш» от 16 июня 1936 года выдвинул гипотезу о том, что его отца ликвидировала германская секретная служба: наследник венского престола мешал осуществлению великодержавных планов Вильгельма П. Эта версия давно опровергнута в литературе, хотя и имеет под собой известное основание: Франц Фердинанд был убит при полном попустительстве охраны.

Вторая версия. Австрийская и германская пропаганда настаивала на участии в убийстве эрцгерцога сербской тайной офицерской организации «Объединение или смерть», известной также под названием «Черная рука». При этом сербское правительство и русский генеральный штаб будто бы покровительствовали этому заговору. Эта версия получила широкое распространение.

Одним из основных источников в исследовании сараевского убийства стали документы судебного процесса над «Черной рукой», состоявшегося в Салониках в марте — июне 1917 года. Организуя суд, сербское правительство преследовало три цели: разгромить оппозицию в лице тайного, но могущественного офицерского союза, оздоровить обстановку в армии и заодно возложить ответственность за сараевское убийство на «Черную руку», чтобы открыть себе путь к мирным переговорам с Австро-Венгрией, которые намечались в 1917 году.

Судебный процесс велся с грубыми нарушениями законности, при закрытых дверях, подсудимые не имели защитников, военным трибуналом широко использовались лжесвидетели. После суда правительство опубликовало сборник «Тайная заговорщическая организация», включив в него только материалы обвинения, что придало изданию односторонний характер.

Главный документ судебного разбирательства — рапорт руководителя «Черной руки» полковника Димитрия Димитриевича по прозвищу Апис («священный бык») верховному командующему сербской армией принцу-регенту Александру — по распоряжению последнего был изъят из этого сборника и стал известен только в тридцатые годы. Испрашивая помилования, Димитриевич опротестовал все необоснованные обвинения военного трибунала в государственной измене и в непосредственной организации сараевского заговора. Подсудимый категорически отклонил и версию о том, что в сараевском убийстве был замешан военный агент (атташе) полковник В.А. Артамонов. Сам Артамонов доказал свое полное алиби. Во время покушения в Сараеве его вообще не было в Сербии, так как он два месяца находился на излечении в Швейцарии.

Важную роль в опровержении материалов салоникского процесса сыграли свидетельства современников, в частности очевидца судебного дела революционера Мустафы Голубича и одного из функционеров «Черной руки» Чедоми-ра Поповича Последний вспоминал, что Димитриевич, узнав о заговоре, хотел предотвратить его. «Полковник Апис» опасался, что убийство Франца Фердинанда может быть использовано правящими кругами дунайской империи как предлог к нападению на Сербию, предотвратить события ему, однако, не удалось.

Окончательную точку во всей этой истории поставил новый судебный процесс над «Черной рукой», состоявшийся в Югославии в 1953 году. Он кассировал приговор салоникского военного трибунала (Димитриевич и многие его соратники были расстреляны) и полностью снял все обвинения с названной организации.

Наконец, третья концепция исходит из того, что сараевское покушение — дело рук национальной революционной организации «Млада Босна» («Молодая Босния»), ответная акция террористов на насильственное присоединение в 1908 году к Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины. В настоящее время именно этой версии придерживаются многие исследователи.

Тайное общество боснийской молодежи «Млада Босна» было создано в 1910 году, вскоре после аннексии Боснии и Герцеговины— бывших турецких провинций, в которых проживало сербское население, не захотевшее мириться с чужеземным гнетом. Французская газета «Аксьон» писала: «Покоряя огнем и мечом Боснию и Герцеговину, граф Эренталь [министр иностранных дел Австро-Венгрии], прежде чем сойти в могилу, вложил оружие в руки террористов и подготовил убийство военного шефа Австрийской империи. Покушение 1914 года — только трагический рефлекс удара 1908 года. Когда угнетен целый народ, нужно ожидать народного взрыва». Член «Млады Босны» Гаврила Принцип показал на суде: «Главным мотивом, который руководил мною, было стремление отомстить за сербский народ».

В организацию «Млада Босна» помимо сербов входили хорваты и мусульмане. Она была создана по примеру «Молодой Италии» и носила заговорщический характер.

В Сараеве излюбленным местом для встречи членов организации было городское кладбище: здесь они собирались по ночам у могилы молодого террориста Богдана Жераича, погибшего в 1910 году, во время покушения на австрийского наместника в Боснии М. Варешанина Гаврила Принцип заявил впоследствии, что его решение посвятить свою жизнь борьбе созрело именно в этот период «еще будучи в Сараеве, я решил совершить покушение. Я часто приходил на могилу Жераича, просиживал там целую ночь и думал о наших делах, о тяжелом положении нашего народа и тогда принял решение».

Принцип был впечатлительным молодым человеком, ощущавшим на себе влияние русских народовольцев-террористов, а также идеолога движения — герцеговинского поэта Владимира Гачиновича, который призывал к индивидуальному террору против высших государственных сановников Австро-Венгрии.

Из газет стало известно, что эрцгерцог Франц Фердинанд намерен отправиться 28 июня 1914 года на военные маневры австро-венгерских войск в Боснию, а затем посетить Сараево. Этим и решили воспользоваться члены организации, чтобы осуществить свой замысел.

Покушение было тщательно подготовлено и застало охрану австрийского эрцгерцога врасплох. Между тем эрцгерцогу Фердинанду было чего опасаться.

Визит эрцгерцога не был такой уж невинной прогулкой, как это представило его окружение. Серьезной провокацией были сами военные маневры, проводившиеся на границе с Сербией Кроме того, большую тревогу в Сараеве вызывали планы эрцгерцога посадить на престол в Боснии одного из своих сыновей.

Превращение Австрийской монархии в Австро-Венгерскую лишь на время и частично ослабило остроту межнациональных конфликтов в государстве. Трения с Венгрией не прекратились, и именно они заставили Франца Фердинанда обратиться к идее триализма, то есть к предоставлению автономии и южным славянам. На этой почве эрцгерцог хотел найти общий язык с Николаем II и попытаться восстановить союз трех императоров Он говорил: «Я никогда не поведу войну против России. Я пожертвую всем, чтобы этого избежать, потому что война между Австрией и Россией закончилась бы или свержением Романовых, или свержением Габсбургов, или, может быть, свержением обеих династий». И далее: «Война с Россией означала бы наш конец. Если мы предпримем что-нибудь против Сербии, Россия встанет на ее сторону, и тогда мы должны будем воевать с русскими. Австрийский и русский император не должны сталкивать друг друга с престола и открывать путь революции».

Фердинанд прямо указывал и тех, кому выгодна такая война, предупреждая рвавшегося в бой начальника генерального штаба Конрада фон Гетцен-дорфа. «Войны с Россией надо избегать, потому что Франция к ней подстрекает, особенно французские масоны и антимонархисты, которые стремятся вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов с их тронов».

Осуществляя покушение, члены организации «Млада Босна» не думали, что оно приведет к войне. Однако австрийская пропаганда намеренно раздувала инцидент, использовав это событие в агрессивных целях. После вручения Сербии 19 июля 1914 года австро-венгерского ультиматума война стала неизбежна.

Те, кто непосредственно шел на риск, понесли кару. По сараевскому процессу были осуждены 16 человек, из них троих, в том числе Илича, казнили. Принцип, Чабринович и Грабеж получили по 20 лет, поскольку к моменту преступления им еще не было двадцати, и по австрийскому закону смертная казнь к ним не могла быть применена Никто из них не дожил до освобождения.

При загадочных обстоятельствах окончил свои дни Владимир Гачинович. В августе 1917 года он внезапно заболел. Швейцарские врачи дважды делали ему операцию, подозревая то одно, то другое, и каждый раз ничего не обнаруживали. 11 августа Гачинович умер Некоторые считают, что он был отравлен своими бывшими соратниками, которые хотели отомстить ему за репрессии, обрушенные на них австро-венгерскими властями. Остается невыясненной до конца и версия о том, что Гачинович в последний момент будто бы послал в Сараево письмо заговорщикам с предложением отказаться от покушения на Франца Фердинанда, которое,

однако, не было принято фанатиком Принципом. Судьба самого Принципа трагична он был брошен в тюрьму в Терезиенштадте, где и умер в страшных мучениях 28 апреля 1918 года. Труп Принципа был тайно захоронен в тюремном дворе, и только в 1920 году его останки перезахоронены в братской могиле вместе с другими умершими участниками заговора на сараевском кладбище

ЗАГОВОР ПРОТИВ РАСПУТИНА

Россия, Петроград. 16 (29) — 17 (30) декабря 1916 года

В последние годы Российской империи имя могущественного временщика Григория Ефимовича Распутина было широко известно в России Факты из его жизни перемежались с домыслами и слухами, а истинные и мнимые «деяния старца» постоянно давали пищу разговорам в аристократических салонах, в среде офицерства, на собраниях общественных деятелей, в трактирах и чайных. Однако почти все сходились на том, что этому «малограмотному мужику» с темным прошлым удалось завоевать невиданное влияние в царской семье и оказывать воздействие на курс государственной политики.

Обладая сильной волей, определенным даром воздействия и гипнотического внушения, ему удалось добиться огромного влияния на императрицу Александру Федоровну, уверовавшую в «святую силу» этого человека, способного, по ее мнению, уберечь династию и жизнь единственного и горячо любимого сына Алексея. Цесаревич с рождения страдал неизлечимой болезнью — гемофилией (несворачиваемостью крови), и Распутину несколько раз при помощи гипнотического воздействия удавалось помочь ему при губительных кровотечениях.

Первоначально «старец» выступал лишь утешителем царской семьи, но по мере роста влияния оно стало выходить за пределы семейного круга В обществе любое перемещение на высших правительственных постах воспринималось как результат интриг Распутина и его окружения.

Распутин, как предполагали многие, был платным немецким шпионом. Однако за все годы, начиная с 1916 года, не было никаких подтверждений ни с немецкой, ни с русской стороны, что так было на самом деле Напротив, это казалось маловероятным. Ни один иностранец не мог предложить ему власти большей, чем он уже обладал; кроме того, он не любил иностранцев, особенно англичан и немцев Более правдоподобно, что немецкие агенты могли использовать Распутина для получения информации, которой он располагал. В этом смысле Керенский считает, что «было бы необъяснимо, если бы германский Генеральный штаб не использовал его [Распутина]». Он ненавидел войну и не сторонился людей, которые выступали против нее. Его свита всегда была полна разными людьми, многие — сомнительной репутации, и в этот круг легко могли проникнуть несколько лишних лиц. Распутин был столь шумлив и хвастлив, что любой агент должен был просто сидеть и внимательно слушать.

Поддержка Александрой Распутина, казалось, подтверждала худшее. Большинство людей считало доказанным существование между ними интимной связи. В гостиных высшего общества, на заседаниях земских управ, профсоюзных митингах и в окопах открыто называли императрицу любовницей Распутина» За глаза ее всюду называли «немкой».

Повседневную жизнь «пророка-утешителя» постоянно сопровождали кутежи и разгул.

Все это беспокоило и возмущало многих Крупные сановники, аристократы, другие приближенные ко двору люди неоднократно предпринимали попытки побудить царя удалить от трона Распутина. Подобные обращения вызывали лишь раздражение у «помазанника божьего» и ничего не меняли.

Борьба с Распутиным превращалась в борьбу за самосохранение тех, кто относился к высшим слоям общества. Однако на насильственные меры никто не отваживался.

Роль «ниспровергателя тлетворного влияния» суждено было сыграть человеку, далекому от всякой политики, не занимавшему никаких государственных постов. Князь Феликс Феликсович Юсупов в свои 29 лет являлся единственным наследником огромнейшего состояния в России. Эстет, англоман, высокообразованный человек (окончил Оксфордский

университет), молодой князь в феврале 1914 года стал мужем племянницы Николая II — Ирины Александровны Романовой. Его мать, княгиня З.Н. Юсупова, умная, обаятельная и честная женщина, относилась к числу открытых противников Распутина. По этой причине императрица удалила ее из круга близких знакомых, несмотря на то что приятельствовали они много лет.

Во время войны Юсупов не был призван на военную службу. Оставаясь в Петрограде, он снискал громкую славу прожигателя жизни.

План физического уничтожения «отвратительного мужика» сложился у Юсупова далеко не сразу, хотя познакомились они в доме у одной из самых преданных почитательниц старца М.Е. Головиной еще в 1909 году. Феликс позднее вспоминал, что уже при первой встрече он ощутил одновременно отвращение и оцепенение при виде этой одиозной личности.

Время решений наступило в 1916-м. Пытаясь установить подлинный характер Распутина и степень его влияния, Юсупов довольно часто начинает встречаться с ним, стремясь внушить временщику доброе к нему расположение. Феликс стал желанным гостем Распутина в квартире на Гороховой, которая по распоряжению царицы тщательно охранялась полицейскими чинами, и проникнуть туда нежелательному лицу было практически невозможно. Завоевав расположение Распутина и довольно близко наблюдая за его жизнью, князь пришел к заключению, что старец «обладает сверхъестественной силой», которую «можно встретить лишь раз в сотни лет»

К осени 1916 года в петроградском обществе смешались чувства глубокого отвращения к Распутину и беззаботного безразличия к войне Юсупов со своим близким знакомым князем Дмитрием Павловичем (двоюродный брат Николая II) разрабатывает план: пригласить Распутина в гости, отравить его, а затем вывезти за город и утопить в реке. Местом проведения акции выбирается дворец Юсуповых на набережной Мойки.

Великие князья, генералы и депутаты Думы — все сходились в одном: Распутин должен быть устранен. 19 ноября (2 декабря) резкую антираспутинскую речь в Государственной думе произнес В.М. Пуришкевич. В свои 50 лет, этот человек искрящегося ума, остроумный сочинитель блестящих политических эпиграмм, представлял собой оратора такой силы, что когда он шел к трибуне, вся Дума, не исключая его врагов, сияла улыбками в предвкушении его речи. В политике Пуришкевич являлся крайне правым и самым пылким монархистом Думы.

Два часа перед депутатами Думы гремели обвинения Пуришкевича, обличавшего «темные силы», подрывающие монархию. «Требуется всего лишь рекомендация Распутина, чтобы возвести самого захудалого гражданина на высокий пост», — кричал он. Затем в потрясающем завершении речи, которое подняло его аудиторию на ноги и вызвало неистовую овацию, он бросил вызов министрам, сидевшим перед ним. «Если вы по-настоящему лояльны, если слава России, ее могущественное будущее, которое тесно связано со светлым именем царя, означает что-нибудь для вас, тогда вы опора, вы министры. Поезжайте в Ставку и бросьтесь в ноги царю. Имейте мужество сказать ему, что массы грозят своим возмущением. Угрожает революция, и темный мужик не должен долее править Россией».

Речь Пуришкевича произвела столь сильное впечатление на Феликса, что он решает привлечь его к заговору. Бессарабский помещик и рьяный монархист с радостью согласился, воскликнув: «Это моя давнишняя мечта!» К концу ноября окончательно сложился кружок заговорщиков. В него вошли, кроме Юсупова и Пуришкевича, поручик-фронтовик, лечившийся в Петрограде, Сухотин, армейский доктор Лазоверт и молодой друг Юсупова великий князь Дмитрий Павлович. 26-летний Дмитрий был сыном последнего здравствующего дяди Николая II, великого князя Павла. Дмитрий слыл любимцем императрицы, которая часто смеялась над его шутками и рассказами. Тем не менее она испытывала беспокойство за его судьбу, «Дмитрий не работает и постоянно пьет, — жаловалась она Николаю во время войны, — прикажи Дмитрию вернуться в полк, город и женщины яд для него».

Ряд полезных советов дал Маклаков, знаток уголовного права и будущий русский посол в Париже. Он считал, например, что «убийство нужно сделать без шума и оставить против себя как можно меньше улик, убить лучше всего ударом; можно будет потом привезти труп в парк, переехать автомобилем и симулировать несчастье» и т.д.

Импульсивный и болтливый Пуришкевич за несколько дней до намеченного срока убийства, вопреки договоренности о соблюдении строжайшей тайны, рассказал нескольким

думским журналистам о времени и месте покушения на Распутина. Заговорщиков спасло лишь то, что к Пуришкевичу журналисты давно относились с иронией. Однако слухи плодились, и министр внутренних дел А.Д. Протопопов (ставленник Распутина) предупредил временщика о возможности покушения на его жизнь.

В декабре пятеро заговорщиков постоянно встречались, обсуждая детали организации западни, убийства и устранения трупа. Дата была определена великим князем Дмитрием, ввиду его постоянной занятости, 16 (29) декабря — это был его первый свободный вечер.

Распутин начал вести себя осторожно. Он по возможности избегал выходить из дома днем. Однажды после долгой прогулки по Неве старец пришел домой и заявил, что река скоро будет полна крови великих князей. В свою последнюю встречу с царем он отказался дать Николаю обычное благословение, сказав вместо этого: «На этот раз ты благослови меня, а не я тебя».

Для того чтобы заманить Распутина к себе во дворец, Феликсу пришлось прибегнуть к неотразимому аргументу его жена красавица Ирина ищет встречи с ним. «Распутину давно хотелось познакомиться с моей женой, — писал Юсупов. — И, думая, что она в Петербурге, а родители мои в Крыму, он сказал, что с удовольствием приедет. Жены моей в Петербурге еще не было — она находилась в Крыму, с моими родителями, но мне казалось, что Распутин охотнее согласится ко мне приехать, если он этого знать не будет». Ссылаясь на общеизвестную неприязнь родни, князь просил Распутина сохранить этот визит в тайне, на что тот сразу же согласился.

Для приема долгожданного посетителя во дворце была подготовлена подвальная комната. Юсупов так описал место действия «Комната была полутемная, мрачная, с гранитным полом, со стенами, облицованными серым камнем, и с низким сводчатым потолком. Резные, обтянутые потемневшей кожей стулья, шкафчики черного дерева, с массой тайников и ящиков, массивные дубовые кресла с высокими спинками и кое-где небольшие столики, покрытые цветными тканями, а на них кубки из слоновой кости… Шкаф с инкрустациями, внутри которого был сделан целый лабиринт из зеркал и бронзовых колонок. На этом шкафу стояло старинное распятие из хрусталя и серебра итальянской работы 16 века… На полу лежал большой персидский ковер, а в углу, где стоял шкаф с лабиринтом и распятием, шкура огромного белого медведя…

Посредине комнаты поставили стол, за которым должен был пить свой последний чай Григорий Распутин . На столе стоял самовар и много разных печений и сластей, до которых Распутин был большой охотник. На одном из шкафов приготовлен был поднос с винами и рюмками… топился большой гранитный камин, дрова в нем трещали, разбрызгивая искры на каменные плиты… Из шкафа с лабиринтом я вынул стоявшую там коробку с ядом, а со стола взял тарелку с пирожными, их было шесть— три шоколадных и три миндальных… Доктор Лазоверт, надев резиновые перчатки, взял палочки цианистого калия, растолок их и, подняв отделяющийся верхний слой шоколадных пирожных, всыпал в каждое из них порядочную дозу яда… во много раз сильнее той, которая необходима для смертельного исхода».

Феликс в автомобиле, за рулем которого сидел доктор Лазоверт, исполнявший роль шофера, отбыл на Гороховую, а остальные заговорщики поднялись этажом выше, включили граммофон и стали изображать гуляющую компанию.

После полуночи Феликс со своим спутником прибыл ко дворцу. На вопрос, кто же веселится здесь, хозяин ответил: «У жены гости, они скоро уйдут, а пока пойдемте в столовую выпьем чаю».

Оказавшись в подвале один на один со своей жертвой, Юсупов предложил Распутину отравленных пирожных Распутин отказался. Затем, передумав, жадно съел два из них. Юсупов наблюдал, ожидая увидеть его корчащимся в агонии, но ничего не происходило. Затем Распутин попросил мадеры, которая также была отравлена. Он выпил залпом два бокала, но все было безрезультатно. При виде всего этого «меня охватило какое-то странное оцепенение, голова закружилась, я ничего не замечал перед собой», — писал Юсупов. Распутин выпил несколько стаканов чая и, пока прихлебывал его, попросил Юсупова спеть для него под гитару. Исполняя песню за песней, пораженный убийца пел, а довольный «покойник» сидел, кивая головой и улыбаясь. Сбившись в кучу наверху лестницы, едва дыша, Пуришкевич, Дмитрий и

другие слышали только дрожащие звуки юсуповского пения и неразличимые отголоски разговора. Много лет Юсупова мучил вопрос: почему на этого человека не действовали те большие дозы смертельного яда, которые с едой и питьем принял Распутин? По одной из версий, доктор Лазоверт, соучастник покушения, вместо яда положил Распутину безвредный порошок.

Улучив минуту, Юсупов поднялся к соучастникам покушения. Услышав, что яд на старца не действует, они запаниковали Наконец опытный Пуришкевич заявил, что Распутину нельзя дать уйти полумертвым. Переборов себя, Юсупов вызвался добровольно вернуться в подвал и завершить убийство Держа браунинг Дмитрия за спиной, он вернулся и застал Распутина сидящим. Старец предложил поехать к цыганам. «Мыслями с Богом, а телом-то с людьми», — сказал он, многозначительно подмигивая. Тут Юсупов подвел Распутина к зеркальному шкафу и показал богато украшенное распятие. Старец поглазел на распятие и заявил, что ему больше нравится шкаф. «Григорий Ефимович, — сказал Юсупов, — вы бы лучше на распятие посмотрели*! помолились бы перед ним».

Распутин пристально посмотрел на князя, затем вновь взглянул на распятие. В этот момент Юсупов выстрелил. Пуля вошла в спину. С пронзительным криком Распутин повалился навзничь на белую медвежью шкуру.

После выстрела в комнату ворвались друзья-заговорщики. Осмотрев рану, сделали заключение, что «пуля прошла навылет в области сердца», и констатировали, что он мертв. Радость была велика. Заперев дверь, все поднялись наверх, где шумно и весело стали праздновать победу и обсуждать план ликвидации трупа.

Через некоторое время Юсупов решил вернуться к своей жертве. Князь остановился около убитого и стал на него смотреть. Вдруг лицо Распутина дернулось; и левый глаз дрожа открылся. Через несколько секунд правый глаз также открылся. «Оба глаза Распутина, какие-то зеленые, змеиные, с выражением дьявольской силы впились в меня», — вспоминал Юсупов. Неожиданно Распутин, с пеной у рта, вскочил на ноги, схватил убийцу за горло и сорвал погон с его плеча. В ужасе Юсупов вырвался и побежал по лестнице наверх. За ним, карабкаясь на четвереньках и рыча от ярости, полз Распутин.

Пуришкевич, стоя наверху, услышал «дикий, нечеловеческий крик». Это был Юсупов: «Пуришкевич1 Стреляйте, стреляйте1 Он жив! Он удирает!» Пуришкевич выбежал на лестницу и почти столкнулся с обезумевшим Юсуповым.

Пуришкевич стремительно бросился во двор. Ему удалось подстрелить Распутина около юсуповского дворца. У распростертого временщика вновь появился Юсупов и в истерике ударил окровавленного человека резиновой дубинкой. Когда наконец тело затихло на окровавленном снегу, его завернули в синюю штору, обмотали веревкой и отвезли к Неве, где Пуришкевич и Лазоверт опустили его в прорубь. Через три дня, когда труп был найден, оказалось, что его легкие полны воды, Григорий Распутин, отравленный ядом, простреленный пулями, утонул.

Только царь имел право арестовать великого князя, но Александра распорядилась, чтобы и Дмитрий, и Феликс были взяты под домашний арест. Через день, когда ей позвонил Феликс, прося разрешения увидеться с ней, она отказала, заявив, чтобы он изложил свою просьбу в письме. Когда письмо пришло, в нем содержалось отрицание всякого участия в убийстве, о котором ходят слухи. Великий князь Павел, потрясенный слухами об участии своего сына, пришел к Дмитрию с иконой и портретом матери. Он потребовал, чтобы его сын поклялся на этих двух реликвиях, что он не убивал Распутина. «Я клянусь», — сказал Дмитрий торжественно.

В Петрограде, где каждый знал детали и смаковал подробности распутинс-кого скандала, подтверждение, что «скота» убили, вызвало приступ бурной радости. Народ целовался на улицах и приветствовал Юсупова, Пуришкевича и великого князя Дмитрия как героев В Казанском соборе давились, чтобы зажечь свечу перед иконой святого Дмитрия. В дальних губерниях крестьяне, знавшие только, что такой же, как они, мужик стал могущественным при царском дворе, смотрели на убийство по-другому. «Для мужиков Распутин стал мучеником, — сообщал один старый граф, только что вернувшийся из своего имения на Волге. — Он был человеком из народа; он заставлял царя слушать голос народа; он защищал народ от дворян. За

это дворяне и убили его. Вот что говорят».

Для Николая самым серьезным ударом стал тот факт, что убийство совершили члены царской семьи. Великому князю Дмитрию было приказано немедленно покинуть Петроград и отбыть в действующую армию — в войска генерала Баратова, находившиеся в Персии и Месопотамии (это спасло ему жизнь, оградив его от разразившейся революции). Юсупов был сослан в одно из своих имений в центральной России; год спустя он покинул родину с княгиней Ириной, взяв с собой из всего своего огромного состояния только на миллион долларов драгоценностей и две картины Рембрандта. Пуришкевич был освобожден. Участие в убийстве высоко подняло его престиж.

Распутин был похоронен в углу императорского парка. С ним простилась и царская семья. Императрица несла несколько белых цветов; она была очень бледной. Внутрь гроба императрица положила на грудь Распутину икону, подписанную ею самой, мужем, сыном и дочерьми, и письмо: «Мой дорогой мученик, дай мне твое благословение, чтобы оно следовало со мной всегда на печальном и мрачном пути, по которому мне еще предстоит последовать. И помни нас с высоты своих святых молитв. Александра».

ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ БОЛЬШЕВИКОВ

Россия. 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 года

В феврале 1917 года в России произошла революция. Царь был вынужден отречься от престола, власть перешла в руки Временного правительства, которое последовательно выступало за войну до победного конца.

С открытием Всероссийского съезда Советов в июне 1917 года стало ясно, что лидер большевиков В.И. Ленин выжидает момент для молниеносного захвата власти. Из 833 делегатов лишь 105 были представителями его партии. Когда Ленин приветствовал советы подобно конвенту времен французской революции 1792 года и потребовал забрать всю полноту власти из рук Временного правительства, ему возразил Церетели, один из министров-меньшевиков: «Нет такой политической партии, которая была бы способна, действуя самостоятельно, покончить с хаосом и взять в свои руки власть». «Нет, — раздалась знаменитая реплика Ленина, — такая партия есть! Наша партия каждую минуту готова взять власть целиком». Собрание отреагировало на это высказывание смехом, глава правительства Керенский в ответ предостерег от сравнений с 1792 годом и от насильственных методов.

Церетели потребовал разоружить «заговорщиков». Действительно, Ленин вынашивал следующий план: во время съезда, при поддержке массовых демонстраций, свергнуть посредством путча Временное правительство и захватить власть именем Советов. Когда же по отношению к большевикам не последовало никаких мер, слабость правительства стала очевидной.

Вторая попытка захватить власть была предпринята большевиками в начале июля 1917 года. Под их руководством состоялась демонстрация рабочих и солдат по направлению к Таврическому дворцу, в котором располагались Советы. Всю ночь раздавались призывы к свержению Временного правительства и захвату власти. Произошли кровавые столкновения. Времейное правительство ввело в город войска и восстановило порядок. Бюро большевистской партии и редакция «Правды» были заняты, Троцкий и Каменев арестованы.

Ленин вначале скрывался у петроградского рабочего Аллилуева. Затем вместе с Зиновьевым он нескольких недель провел на берегу Финского залива. Ночлегом служила копна сена. Наконец ему удалось перебраться в финский город Гельсингфорс (Хельсинки).

К этому периоду относится его работа «Уроки революции», в которой он подвел итоги последних по времени выступлений большевиков. Ленин отказался от всяких надежд на мирное развитие событий и взял курс на вооруженное восстание. Партии, составляющие в советах большинство, он обвинил в содействии контрреволюционным силам. Теперь лозунг гласил не «Вся власть Советам!», а «За диктатуру пролетариата!». В качестве авангарда пролетариата выступала партия большевиков. Ее задача состояла в том, чтобы ускорить новый революционный кризис и воспользоваться им.

На заседании ЦК партии 15 сентября 1917 года обсуждалось письмо Ленина «Большевики должны взять власть». В письме недвусмысленно подчеркивалось: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки».

В конце сентября Ленин перебрался из Гельсингфорса в окрестности Выборга. Отсюда он направлял в Центральный комитет партии пространные послания, в которых критиковал позицию Каменева и Зиновьева, предостерегавших от вооруженного восстания. Соратники Ленина опасались, что после прихода к власти у большевиков не окажется специалистов для обеспечения работы государственной машины, однако их сомнения он отвергал. Его работа «Удержат ли большевики государственную власть?», написанная в октябре, уже самим своим заголовком выражает глубокую убежденность в победе.

В Петрограде все нити заговора находились в руках Льва Троцкого. Именно ему принадлежала идея совместить начало революции с открытием съезда Советов.

Окончательное решение о восстании было принято 10 (23) октября на заседании Центрального комитета партии большевиков, на которое прибыл из Выборга Ленин.

Ленин говорил около часа. Он не столько анализировал реально сложившееся положение, сколько старался переубедить членов Центрального Комитета. Действительно, едва ли можно было серьезно говорить, как это делал Ленин, о планах Временного правительства отвести войска к пригородам Петрограда, тем более о возможной сдаче столицы России немцам. А поводом для такого утверждения стало заявление А.Ф. Керенского: «Враг уже стучится в ворота Риги, и, если разложение армии помешает нам защитить и сохранить за собой Рижский залив, дорога на Петроград будет открыта». Спустя несколько дней Рига пала, и появилась возможность обвинить Корнилова и Керенского в заговоре против революции. Скорее всего, Ленин сам не верил в то, что Корнилов и Керенский хотят пропустить немцев. Но он знал, что любая мера, выданная за способ помешать захвату Петрограда немцами, найдет понимание и полную поддержку.

Ленин говорил таким образом, что необходимость в быстрых и решительных действиях представлялась бесспорной.

На этом заседании было создано Политбюро в составе Ленина, Троцкого, Зиновьева, Сталина, Сокольникова, Каменева и Бубнова для руководства делами партии до восстания. Правда, в таком составе оно ни разу не собиралось.

Ленин взял карандаш и приготовился писать резолюцию, но подходящей бумаги не нашлось, поэтому он подобрал найденную кем-то ученическую тетрадку и записал в ней слова, которым было предназначено изменить ход истории:

«ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К° сдать Питер немцам), так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, — все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), — все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т д)»

Написав и подписав этот документ, представляющий собой на деле руководство по осуществлению революции в России, Ленин торопливо ушел, чтобы успеть вернуться на квартиру еще под покровом темноты. Но тут он вспомнил, что точная дата восстания не определена «В какой день?» — спросил кто-то, и Ленин, уходя, ответил через плечо: возможно, 28 октября»

По поводу ответа Ленина на этот важнейший вопрос единого мнения нет. Что бы ни говорил Ленин после 10(23) октября, действительные ленинские высказывания на этот счет

окутаны неизвестностью. Но, пожалуй, нет оснований сомневаться, что на заседании ЦК партии 10(23) октября Ленин не назначил конкретного дня восстания.

Очень часто упускают из вида, что Каменев и Зиновьев были далеко не единственными большевиками, которые возражали против начала вооруженного восстания во второй половине октября. «Мало того, что проголосовавшие за восстание склонялись большей частью к его отсрочке на определенное время, — писал Троцкий, — открытые противники восстания — Зиновьев и Каменев, были не одиноки даже в Центральном Комитете Рыков и Ногин, не присутствовавшие на заседании ЦК 10 октября, полностью разделяли их точку зрения. К тому же склонялся Милютин». По свидетельству самого Ленина, в высших эшелонах партии наблюдаются колебания, своего рода неприятие борьбы за власть.

Но Каменеву и Зиновьеву этого было мало. Каменев передал изложение своей и зиновьевской точки зрения в газету Горького «Новая жизнь» с сопроводительным письмом. В нем сообщалось: «Не только Зиновьев и я, но и многие трезвомыслящие товарищи считают, что взятие на себя инициативы вооруженного восстания в настоящий момент, при данной расстановке сил, независимо от съезда Советов и за несколько дней до его начала было бы недопустимым шагом, губительным для пролетариата и революции. Поставить все на карту восстания было бы актом отчаяния. Наша партия слишком сильна. Перед ней слишком большое будущее, чтобы она могла пойти на такой шаг».

После акции Каменева и Зиновьева у Временного правительства уже не осталось каких-либо сомнений, что готовят настоящую революцию. Правда, и до этого Керенский и его правительство, судя по всему, отчетливо представляли себе характер приближающихся событий Керенский недвусмысленно говорил об этом в беседах с дипломатами Антанты. «Мне нужно только, чтобы они начали действовать, — заявил он как-то английскому послу Джорджу Бьюке-нену, — тогда я смогу их раздавить». Выражая аналогичные взгляды, посол США Дэвид Фрэнсис сообщал: «Начинаю думать, что не предпримут никаких демонстраций, если это так, жаль, ибо будет упущен благоприятный момент преподать им надлежащий урок».

Пока Керенский в частных беседах говорил о своей уверенности в прочности позиций правительства, его противники вели практическую подготовку к восстанию. 12(25) октября был создан Военно-революционный комитет во главе с Троцким, он состоял из 48 большевиков, 4 левых эсеров и 4 анархистов.

Последние сомнения Керенского относительно того, что ждет его и возглавляемое им правительство, рассеялись после появления обращения Военно-революционного комитета к населению Петрограда. В нем говорилось, что в целях защиты революции и ее завоеваний от контрреволюционных сил ВРК назначает комиссаров в воинские части в столице и ее окрестностях и что все отдаваемые и получаемые в воинских частях и стратегических пунктах распоряжения подлежат исполнению только по утверждению их комиссарами.

Временным правительством были приняты решения об отключении телефонов Смольного и о преследовании членов ВРК в судебном порядке. Во все районные части гарнизона были направлены телефонограммы о случившемся: «Ночью враги народа перешли в наступление, Военно-революционный комитет организует отпор заговорщикам».

Центральный Комитет принял решение о начале восстания 25 октября (7 ноября) в два часа утра.

Несомненно, Ленин делал все, что было в его силах в те непосредственно предшествовавшие перевороту дни, чтобы исключить всякую возможность каких-либо заминок в последнюю минуту. Член РСДРП с 1903 года В. Антонов— Овсеенко так описывает свою встречу с Лениным на квартире в рабочем Выборгском районе, куда Ленин пришел переодетым и в гриме: «Мы увидели невысокого седоватого старика в пенсне, которое он носил очень ловко, чуть ли не с изяществом, его можно было принять за музыканта, школьного учителя или букиниста. Он снял парик — мы сразу узнали его по обыкновению искрящиеся юмором глаза. „Есть новости7“ — спросил он доверительно, а потом поинтересовался, есть ли возможность привести флот в Петроград. Кто-то возразил, что в этом случае фронт окажется беззащитным с моря. Ленин немедленно ответил: „Послушайте, моряки должны понимать, что революции грозит большая опасность в Петрограде, чем на Балтике“…

Ленин сгорал от нетерпения оказаться в гуще событий. Он не мог больше оставаться в

конспиративной квартире и решил идти в Смольный.

Ленин благополучно добрался туда незадолго до полуночи и первым делом нашел Троцкого, будучи еще в гриме, в котором шел по Петрограду. Троцкий впоследствии писал: «Голова у него была замотана платком, как будто у него болели зубы, на нем были огромные очки и грязная кепка. Вообще он был похож на чучело. Но у Дана глаз острый — увидев нас, он посмотрел с одной стороны, с другой, потом легонько толкнул Скобелева локтем, мигнул и увел его в сторону. Владимир Ильич тоже подтолкнул меня локтем и сказал: „Узнали нас, мерзавцы“. В два часа ночи Троцкий вынул часы, посмотрел на них и сказал: „Началось!“ На это Ленин, по словам Троцкого, ответил: „Были в бегах, теперь берем верховную власть1“ — и перекрестился… Тем временем все шло, как было запланировано Военно-революционным комитетом; или почти в соответствии с планами. Крейсер „Аврора“ стал на якорь у Николаевского моста… \

В ночь с 25 на 26 октября правительство Керенского капитулировало. «Объяснять пассивную политику Керенского перед переворотом одними его личными свойствами — значит скользить по поверхности, — писал Троцкий. — Керенский был не один. В составе правительства были люди, вроде Пальчинского, не лишенные энергии. Вожди Исполнительного комитета хорошо знали, что победа большевиков означает их политическую смерть. Все они, однако, порознь и вместе, оказались парализованы, пребывали, подобно Керенскому, в каком-то тягостном полусне, когда, несмотря на нависшую над головой опасность, человек оказывается бессилен поднять руку для собственного спасения».

Если большевики не призывали на этот раз ко всеобщей стачке, то не потому, что не имели к тому возможности, а потому, что не встречали надобности. Военно-революционный комитет уже до переворота чувствовал себя хозяином положения: знал каждую часть в гарнизоне, ее настроение, внутренние группировки; получал ежедневно донесения. Военно-революционный комитет занимал по отношению к войскам положение правительственного штаба, а не штаба заговорщиков.

Правда, дело не обошлось все же без боев: Зимний дворец пришлось брать штурмом. Но именно тот факт, что сопротивление правительства свелось к защите дворца, ясно определяет место 25 октября в ходе борьбы. Зимний оказался последним редутом режима, политически разбитого в течение восьми месяцев существования и окончательно разоруженного в последние две недели.

Овладеть Зимним в ночь на 25-е или утром этого дня было бы несравненно легче, чем во вторую половину суток. Дворец, как и соседнее здание Штаба, охранялся обычными нарядами юнкеров: внезапность нападения могла бы почти наверняка обеспечить успех. Утром Керенский беспрепятственно выехал в автомобиле: одно это свидетельствует, что серьезной разведки в отношении Зимнего вообще не велось.

В Военно-революционном комитете переоценивали военные ресурсы правительства, в частности охрану Зимнего. Если непосредственные руководители осады даже и знали внутренние силы дворца, то они могли опасаться, что по первой же тревоге прибудут подкрепления: юнкера, казаки, ударники.

Разнобой при взятии дворца объясняется до некоторой степени и личными свойствами главных руководителей. Подвойский, Антонов-Овсеенко, Чуднов-ский, чувствуя свою слабость в вопросах разведки, связи, маневрирования, испытывали потребность навалиться на Зимний дворец таким превосходством сил, которое снимало бы самый вопрос о практическом руководстве.

При неопытности командиров, перебоях связи, неумелости красногвардейских отрядов, вялости регулярных частей сложная операция развертывалась с чрезмерной медлительностью. В те самые часы, когда красные отряды постепенно уплотняли кольцо и накапливали за собой резервы, к Зимнему проникали роты юнкеров, казачьи сотни, георгиевские кавалеры, женский батальон. Кулак сопротивления формировался одновременно с кольцом нападения. Между тем дерзкий налет ночью или смелый приступ днем вряд ли стоили бы больших жертв, чем затяжная операция. Моральный эффект артиллерии «Авроры» можно было, во всяком случае, проверить на 12 и даже на 24 часа раньше: крейсер в полной готовности стоял на Неве. Но руководители операции надеялись, что вопрос разрешится без боя, посылали парламентеров,

ставили ультиматумы и не соблюдали сроков. Своевременно проверить артиллерию в Петропавловской крепости не догадались именно потому, что рассчитывали обойтись без ее помощи.

Неподготовленность военного руководства еще более явно обнаружилась в Москве, где соотношение сил считалось настолько благоприятным, что Ленин настойчиво рекомендовал даже начать с Москвы: «…победа обеспечена, и воевать некому». На самом деле именно в Москве восстание приняло характер затяжных боев, длившихся с перерывами восемь дней. «В этой жаркой работе, — пишет Муралов, один из главных руководителей московского восстания, — мы не всегда и не во всем были тверды и решительны. Имея подавляющее численное превосходство раз в десять, мы затянули бои на целую неделю… вследствие малого умения управлять боевыми массами, недисциплинированности последних и полного незнания тактики уличного боя как со стороны начальников, так и со стороны солдат».

В течение ряда месяцев еще новая революционная власть будет проявлять крайнюю неумелость во всех тех случаях, когда необходимо прибегнуть к оружию.

И все же военные авторитеты правительственного лагеря давали в Петрограде весьма лестную оценку военному руководству переворота. «Восставшие поддерживают порядок и дисциплину, — сообщало по проводу военное министерство в Ставку сейчас же после падения Зимнего, — случаев разгрома или погромов не было совсем, наоборот, патрули восставших задерживали шатающихся солдат… План восстания был, несомненно, заранее разработан и проводился неуклонно и стройно»…

«Правильно понять Октябрьский переворот можно лишь в том случае, если не ограничивать поле своего зрения его заключительным звеном, — продолжает Троцкий. — В конце февраля шахматная партия восстания разыгрывалась с первого хода до последнего, то есть до сдачи противника; в конце октября основная партия оставалась уже позади, и в день восстания приходилось разрешать довольно узкую задачу: мат в два хода. Период переворота необходимо поэтому считать с 9 октября, когда открылся конфликт по поводу гарнизона, или 12-го, когда было постановлено создать Военно-революционный комитет. Обволакивающий маневр тянулся свыше двух недель. Наиболее решительная его часть длилась пять-шесть дней, с момента возникновения Военно-революционного комитета. В течение всего этого периода действовали непосредственно сотни тысяч солдат и рабочих, оборонительно по форме, наступательно по существу. Заключительный этап, когда восставшие окончательно отбросили условности двоевластия, с его сомнительной легальностью и оборонительной фразеологией, занял ровно сутки: с двух часов ночи на 25-е до двух часов ночи на 26-е. В течение этого срока Военно-революционный комитет открыто применял оружие для овладения городом и захвата правительства в плен: в операциях участвовало в общем столько сил, сколько их нужно было для разрешения ограниченной задачи, во всяком случае вряд ли более 25—30 тысяч».

Уже утром 26 октября (8 ноября) стало ясно, что, несмотря на обилие политических противников, Ленину, человеку без практического военного опыта и обладавшему в этой области теоретическими знаниями, едва ли заходящими далее знаний Парижской коммуны, удалось осуществить революцию с такими малыми военными потерями, каких не знала ни одна революция в истории. Неоценимую помощь в этом оказал ему Троцкий, который позже заметил: «Если бы ни Ленина, ни меня не было в то время в Петербурге, не было бы и Октябрьской революции. У меня нет ни малейших сомнений в том, что руководство большевистской партии не дало бы ей произойти! Если бы Ленина не было в Петербурге, сомневаюсь, что мне удалось бы преодолеть сопротивление некоторых лидеров большевиков».

Восторженно встреченный собравшимися, Ленин выступил на съезде Советов 26 октября (8 ноября). Были приняты подготовленные Лениным декреты о мире, о земле. Рабоче-крестьянское правительство получило название Совет Народных Комиссаров. Его первым главой стал Ленин.

Успех революции в Петрограде тем более замечателен, что был достигнут несмотря на то, что дело велось так, чтобы ограничить потери до минимума.

Английский историк Кратвелл, чья книга «История великой войны» стала классической, дал убедительное объяснение успехов Ленина: «Его удивительная способность сосредоточиваться не была направлена только на идеализацию марксистского материализма, он

искал и находил любые подходящие средства для достижения конкретной поставленной практической цели. Ленин — уникальное, единственное в своем роде явление среди революционеров. Он отличается от всех других тем, что удивительно сочетает в себе черты фанатика и генштабиста. Большевизм часто сравнивают с новой воинствующей религией. Если это так, то Ленина можно сравнить с некоторыми основателями религиозных течений, например, с Магометом или скорее даже с Лойолой. Ему удавалось одерживать верх благодаря глубоким знаниям, методичности и обезоруживающей логике, то есть качествам, редко встречающимся среди русских».

С 25 октября во главе России стал Ленин, самая большая фигура русской политической истории. Его окружал штаб сотрудников, которые, даже по признанию злейших врагов, знали, чего хотели, и умели бороться за свои цели.

ЗАГОВОР ЭСЕРОВ ПРОТИВ МИРБАХА

Россия. 6 июля 1918 года

Накануне V Всероссийского съезда Советов руководство партии левых эсеров приняло решение об убийстве немецкого посла графа Вильгельма Мирба-ха. Этим терактом они хотели сорвать заключенный большевиками Брестский договор. Выборы на съезд дали ощутимое преимущество большевикам, и у левых эсеров не было шансов изменить политику советского правительства демократическим путем.

Главным исполнителем теракта был выбран Яков Блюмкин, его помощником — левый эсер Николай Андреев, фотограф ВЧК.

С мая 1918 года Блюмкин состоял на службе в ВЧК, где ему было поручено организовать отделение по борьбе с международным шпионажем. В беседе с руководством левых эсеров он выдвинул два условия: террористический акт не должен создать опасности для жизни представителя РСФСР в Германии А.А. Иоффе и ЦК дает гарантию, что ставит своей задачей только убийство посла. Его заверили, что жизни Иоффе ничего не угрожает, а расправа над Мирбахом преследует лишь одну цель — побудить большевиков отказаться от союза с германским империализмом.

Решение о ликвидации Мирбаха держалось в глубокой тайне. О нем не знали не только бывшие левые коммунисты, в том числе Бухарин и Дзержинский, но и даже близкие к большевикам члены ЦК ПЛСР. Так, В.А. Александровичу стало известно о готовящемся террористическом акте лишь за три часа до его осуществления.

Правда, примерно за три недели до рокового дня заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан сообщал Дзержинскому, что посольство Германии располагает сведениями о существовании в Москве организации, готовящей покушение на жизнь немецких дипломатов. В распоряжении ВЧК оказался список адресов, по которым бывают заговорщики и где можно обнаружить листовки с призывом к борьбе против германского империализма и советской власти. ВЧК произвела обыски и аресты по указанным адресам, но ничего подозрительного не обнаружила.

В конце июня Карахан передал в ВЧК новый материал о заговоре, полученный из посольства. Чекисты задержали англичанина Ф.М. Уайбера, учителя английского языка. В одной из его книг обнаружили шесть шифрованных листков. Ознакомившись с их содержанием (у германского посольства имелся ключ к расшифровке), Дзержинский пришел к выводу, что кто-то пытается шантажировать и ВЧК, и посольство, а Уайбер может быть жертвой этого шантажа. Он встретился с первым советником посольства доктором Карлом Рицлером и военным атташе лейтенантом Леонгартом Мюллером и попросил представителей Германии устроить ему встречу с осведомителями, передавшими информацию о заговоре. Рицлер не доверял Дзержинскому, зная его отрицательное отношение к Брестскому миру, и не хотел раскрывать ему свою агентуру. Однако в конце беседы уступил, поставив условие, что встреча с осведомителями произойдет не в ВЧК, а в посольстве Германии.

Беседа председателя ВЧК с германским агентом, кинематографистом В.И. Гин-чем, не внесла ясности в вопрос о заговоре. Гинч сообщил, что связан с организацией «Союз спасения»,

построенной по принципу пятерок, когда один человек знает не более четырех других. Заговорщики кем-то хорошо финансируются. Они имеют в своем распоряжении семь типографий. Сам Гинч состоит в одной из пятерок.

Рассказ Гинча еще больше убедил Дзержинского в том, что кто-то пытается направить ВЧК по ложному следу. Вместе с тем он хорошо понимал, что имеются реальные силы — монархисты и агенты Англии и Франции, которые заинтересованы в теракте против представителей Германии, чтобы сорвать Брестский мир, спровоцировать военное наступление немецких войск. Именно в этой среде, полагал Дзержинский, надо искать истинных заговорщиков.

Между тем подготовка к убийству Мирбаха шла полным ходом. Используя служебное положение, Яков Блюмкин занимался сбором информации о германском посольстве. Ему удается отыскать среди военнопленных австрийской армии родственника германского посла Роберта Мирбаха. Изощренные способы допроса и психологического воздействия позволили Блюмкину взять с него подписку о сотрудничестве с ВЧК. Одновременно он вербует еще несколько работников посольства. В результате в его руках оказался план помещений и постов внутренней охраны посольства.

Ранним утром 6 июля 1918 года Блюмкин пришел в ВЧК, взял бланк удостоверения и напечатал: «Всероссийская чрезвычайная комиссия уполномочивает ее члена Якова Блюмкина и представителя Революционного трибунала Николая Андреева войти в переговоры с Господином Германским Послом в Российской Республике по поводу дела, имеющего непосредственное отношение к Господину Послу». Блюмкин расписался за секретаря ВЧК Ксенофонтова, а один из членов ЦК ПЛСР подделал подпись Дзержинского. Вскоре пришел В. Александрович, который поставил на мандате печать.

В гараже Блюмкину по распоряжению Александровича предоставили «паккард» с открытым верхом. Яков заехал в гостиницу, переоделся и отправился в 1-й Дом Советов (гостиница «Националы)), где в квартире П.П. Прошьяна, члена ЦК ПЛСР, его уже ждал Николай Андреев. Террористы получили по бомбе и револьверу.

Четвертым участником покушения стал матрос из отряда ВЧК, вооруженный бомбой. В случае гибели шофера, он должен был сесть за руль.

В 14 часов 15 минут «паккард» остановился у особняка германского посольства в Денежном переулке. Выйдя из машины, Блюмкин приказал шоферу не глушить мотор.

Граф Мирбах, боясь покушений, избегал приема посетителей Однако, узнав, что прибыли официальные представители советской власти, он спустился в гостиную. Гости и хозяева расположились за круглым массивным мраморным столом — с одной стороны Блюмкин, напротив него — Мирбах, сотрудники посольства Карл Рицлер и Леонгарт Мюллер. Андреев встал у дверей.

Яков разложил на столе бумаги и принялся объяснять послу, что ВЧК арестовала его родственника, офицера австрийской армии, по обвинению в шпионаже. Он предъявил графу протоколы допроса Роберта Мирбаха и бумаги, полученные из датского консульства.

Вильгельм Мирбах заявил, что с этим родственником он никогда не встречался и ему безразлична его судьба. А Рицлер добавил, обращаясь к графу: «Ваше сиятельство, я полагаю, что следует прекратить этот разговор, а Чрезвычайной комиссии дать письменный ответ через Народный комиссариат иностранных дел».

В этот момент в разговор вмешался Андреев: «Видимо, господину графу интересно знать, какие меры будут приняты с нашей стороны?» И Блюмкин тут же повторил вопрос: «Да, господин посол, вы желаете это знать?» И, не дожидаясь ответа, он выхватил револьвер и несколько раз выстрелил в немцев. Рицлер и Мюллер упали на пол, граф побежал в соседний зал. Андреев догнал Мирбаха и кинул ему под ноги бомбу, но она не взорвалась. Тогда террорист сильным ударом свалил графа и отскочил в сторону. В этот момент Блюмкин поднял бомбу и бросил ее в Мирбаха. Раздался громкий взрыв. Яков отлетел на несколько шагов. На полу около полуметровой выбоины остался лежать раненный в голову Мирбах.

Оставив на столе шляпы, револьвер, портсигар, документы и портфель с запасной головой бомбой, террористы бросились к разбитому окну. Андреев через несколько секунд уже был в автомобиле. Блюмкин же приземлился неудачно. К тому же, когда он перелезал через железную

ограду, из посольства открыли огонь, Пуля угодила Якову в ногу. Он с трудом забрался в «паккард».

Через несколько минут террористы были уже во дворе особняка Морозова в Трехсвятительском переулке. Здесь размещался штаб отряда ВЧК, которым командовал левый эсер Д.И. Попов. Блюмкину изменили внешность: остригли, сбрили бороду, переодели в красноармейскую форму. Затем перевезли в лазарет, на другой стороне переулка.

Не прошло и получаса после взрыва в Денежном переулке, как управляющему делами Совнаркома Бонч-Бруевичу позвонил Чичерин и сообщил о покушении на Мирбаха.

Бонч-Бруевич немедленно передал это сообщение Председателю Совнаркома В.И. Ленину. Узнав о случившемся, Ленин распорядился усилить охрану германского посольства. Затем связался с Л.Д. Троцким, Я.М. Свердловым, Ф.Э. Дзержинским и другими руководителями государства и поставил их в известность о террористическом акте. Во все районные комитеты РКП(б), районные Советы была отправлена телефонограмма, в которой сообщалось о том, что в немецком посольстве взрывом бомбы тяжело ранен Мирбах. «Это явное дело монархистов или тех провокаторов, которые хотят втянуть Россию в войну в интересах англо-французских капиталистов, подкупивших и чехословаков. Мобилизовать все силы, поднять на ноги все немедленно для поимки преступников. Задерживать все автомобили и держать до тройной проверки. Предсовнаркома В. Ульянов (Ленин)».

Вскоре поступили сведения о том, что Мирбах скончался и что его убийство осуществлено левыми эсерами. Ленин приказал задержать в Большом театре депутатов съезда Советов от этой партии. В пятом часу он вместе с Председателем ВЦИК Свердловым поехал в германское посольство, чтобы выразить негодование по поводу акта политической провокации и соболезнование. Там уже находился Дзержинский, который выехал в посольство вместе с Л.М. Караха-ном сразу же после телефонного разговора с Лениным. На месте преступления работали следователи и комиссары, а также бойцы из отряда ВЧК.

Дзержинский, взяв с собой Беленького и Трепалова, поехал в штаб отряда Попова. Но Блюмкина он там не нашел. Более того, Дзержинский и сопровождавшие его чекисты были обезоружены и арестованы. На улицах начались аресты большевиков, занимавших важные должности в советском и военном аппаратах.

Вечером левые эсеры овладели зданием ВЧК. Они задержали и привели в штаб Попова М.Я. Лациса, только что объявленного исполняющим обязанности председателя ВЧК. Ночью отряд эсеров захватил почтамт и телеграф. В разные города полетели воззвания, сообщавшие о переходе власти к левоэсе-ровской партии. ЦК ПЛСР направил эмиссаров в Покровские казармы. Агитаторы призывали красноармейцев поддержать намерение левых эсеров сорвать Брестский договор, заставить большевиков выступить против германского империализма.

Но уже к утру 7 июля большевикам удалось освободить телеграф и почтамт, захватить Покровские казармы. Начался артиллерийский обстрел штаба Попова. В полдень левые эсеры прекратили сопротивление и бежали из города по Владимирскому шоссе. Почти все они затем сдались властям.

Убийство Мирбаха поставило Советскую Россию на грань войны с Германией. Германское правительство в ультимативной форме потребовало от русских властей согласия на ввод в Москву немецкого воинского подразделения для охраны посольства. Возникла реальная угроза суверенитету молодого Советского государства. Правительству Ленина с большим трудом удалось предотвратить новую германскую интервенцию.

Теракт левых эсеров вызвал бурю негодований в стране. В опубликованном 7 июля правительственном сообщении об убийстве Мирбаха террористы были названы негодяями и агентами англо-французского империализма. В газетах появились статьи, которые разоблачали провокаторский характер действия Блюмкина, а его самого клеймили как «двойника Азефа», пробравшегося в ВЧК.

Иначе относились к убийству Мирбаха противники большевиков. Они надеялись, что конфликт с Германией приведет к падению советской власти. В их глазах Блюмкин выглядел патриотом, совершившим самоотверженный поступок ради спасения страны. Так же отнеслась к нему и часть интеллигенции, расценившая Брестский мир как предательство национальных интересов России.

27 ноября 1918 года состоялось заседание ревтрибунала при ВЦИК по делу о контрреволюционном заговоре левых эсеров. Суд определил руководителям и участникам мятежа различные меры наказания. Блюмкин и Андреев заочно были приговорены к трем годам тюрьмы с применением принудительных работ. ,

В середине апреля 1919 года Яков Блюмкин добровольно явился в Киевскую губчека. О явке террориста сообщили в Харьков. Вскоре оттуда приехал М.Я. Лацис, руководивший теперь Всеукраинской ЧК. Блюмкин охотно давал показания.

Вскоре его отправили в Москву, где ВЦИК образовал Особую следственную комиссию. Яков рассказал о причинах своей добровольной явки. Он, в частности, заметил: «…С июля месяца произошли события, совершенно изменившие все недавние политические комбинации и постройки. Грянула германская революция — она разгромила оковы Бреста, и отношение Советской власти к нам, взрывавшим Брест, должно было утратить все свое актуальное содержание. А когда в Венгрии государство попало в руки рабочих и крестьян, резко обозначилась перспектива мировой революции, которой, и только которой, была посвящена голова Мирбаха.

…Я, отдавший себя социальной революции, лихорадочно служивший ей в пору ее мирового наступательного движения, вынужден был оставаться в стороне, в подполье. Такое состояние для меня не могло не явиться глубоко ненормальным, принимая во внимание мое горячее желание реально работать на пользу Революции…»

Допросив Блюмкина, Особая следственная комиссия представила Президиуму ВЦИК доклад по его делу. 16 мая 1919 года Президиум ВЦИК, учитывая добровольную явку Блюмкина и данное им подробное объяснение обстоятельств убийства германскою посла, амнистировал его.

ПОКУШЕНИЕ НА УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА)

Россия. 30 августа 1918 года

30 августа 1918 года было совершено покушение на председателя Совета Народных Комиссаров, вождя большевиков Владимира Ильича Ульянова (Ленина). Через несколько дней в газете появилось краткое сообщение о расстреле Фанни Ройдман (Каплан).

В роковой день, как обычно по пятницам, в Москве проводились митинги. В.И. Ленин после выступления на Хлебной бирже, ближе к вечеру, приехал на завод Михельсона и быстро направился в Гранатный корпус, где собралось несколько сот солдат, заводчан и жителей Замоскворечья.

Не успел шофер Гиль развернуть машину, как к нему подошли какие-то женщины и одна из Них спросила:

— Кажется, товарищ Ленин приехал?

— Не знаю, — сухо ответил Гиль. Женщина рассмеялась:

— Как же так? Шофер и не знаете, кого привезли? Гиль нахмурился, но ответил сдержанно:

— Какой-то оратор.

После выступления почти у самой машины Ленина остановила кастелянша Петропавловской больницы Попова и пожаловалась на несправедливость работников заградительных отрядов на железных дорогах:

— Почему они отбирают хлеб, который люди везут из деревни от родственников? Ведь издан декрет, чтобы не отбирали.

— Заградотрядчики иногда поступают неправильно, — согласился Ленин. — Но эти явления — временные. Снабжение Москвы хлебом скоро улучшится.

Разговор Владимира Ильича с кастеляншей Поповой и еще с одной женщиной продолжался одну-две минуты. И когда он, сделав последний шаг к машине, взялся за ручку двери, раздался первый выстрел…

Гиль устремился было за стрелком, но спохватился: Владимир Ильич — один! Шофер вернулся к машине. Ленин лежал на земле. Гиль наклонился над ним и услышал: «Поймали его

или нет?».

Владимир Ильич думал, что в него стрелял мужчина.

Но до сих пор остаются неясными многие обстоятельства этого преступления. Оказывается, даже время покушения никогда не было точно определено. Более того, расхождение во времени достигает нескольких часов!

Опубликованное в «Правде» обращение Моссовета утверждало, что покушение произошло в 7 часов 30 минут вечера. Существенную поправку в определении времени покушения вносит шофер Ленина С. Гиль, человек весьма пунктуальный и один из немногих достоверных свидетелей. В своих показаниях, данных 30 августа, он заявил: «Я приехал с Лениным около 10 часов вечера на завод Михельсона».

Речь Ленина на митинге, по мнению Гиля, длилась около часа. Иными словами, покушение могло быть совершено не раньше 10 часов, а скорее, около 11 часов вечера, когда окончательно стемнело и наступила ночь. Если это так, то, имея сильный дефект зрения, Каплан физически была не способна совершить покушение с той точностью, с какой оно было осуществлено.

После окончания митинга Ленин вышел во двор завода, продолжая беседу со слушателями и отвечая на их вопросы. По воспоминаниям Бонч-Бруевича, со ссылкой на шофера Гиля, последний сидел за рулем и смотрел, полуобернувшись, на подходившего Ленина. Услышав выстрел, он моментально повернул голову и увидел женщину с левой стороны машины у переднего крыла, целившуюся в спину Ленина. Затем раздались еще два выстрела, и Ленин упал.

Эта картина легла в основу всех исторических работ и была воспроизведена в классической сцене покушения в кинофильме «Ленин в 1918 году»: женщина-брюнетка с еврейской внешностью целится из револьвера в спину вождя русской революции. Что же было в действительности? На допросе Гиль показал: «Я увидел… протянувшуюся из-за нескольких человек женскую руку с браунингом». И все!

Возможно, террорист мог быть опознан человеком, задержавшим впоследствии Каплан? Это предположение опровергается показаниями комиссара С. Ба-тулина, который через некоторое время после покушения задержал Ф. Каплан. В момент выхода Ленина с завода Батулин находился от него на расстоянии 10—15 шагов. Позднее он поправился, указав, что был еще дальше— в 15— 20 шагах. Батулин показал: «Человека, стрелявшего в тов. Ленина, я не видел».

Между тем события после выстрелов развивались следующим образом. Толпа начала разбегаться. Гиль бросился в ту сторону, откуда стреляли.

«…Стрелявшая женщина бросила мне под ноги револьвер и скрылась в толпе», — показывает Гиль, уверенный, что стреляла именно женщина, так как он видел женскую руку. Других подробностей он не сообщает.

Любопытна судьба брошенного оружия. «При мне, — утверждает Гиль, — револьвера этого никто не поднял. Только по дороге один из двух человек, сопровождавших раненого Ленина, объяснил Гилю: „Я подтолкнул его ногой под автомобиль“.

В это время очевидец покушения С. Батулин закричал, не растерявшись: «Держи, лови!» Позднее, в письменных показаниях, присланных на Лубянку 5 сентября 1918 года, Батулин напишет, что кричал: «Держите убийцу тов. Ленина!» С этим криком он и выбежал с заводского двора на Серпуховскую улицу. По ней группами и в одиночку бежали в различных направлениях перепуганные выстрелами и общей сумятицей люди. Батулин поясняет, что своими криками он хотел остановить тех людей, которые видели, как Каплан стреляла в Ленина, и привлечь их к погоне за преступником. Судя по всему, никто не внял крикам Батулина и не выразил желания помочь ему в розысках убийцы. Пробежав от завода до трамвайной остановки на Серпуховской улице, С. Батулин остановился, так как ничего подозрительного не увидел. Только потом он заметил позади себя около дерева женщину с портфелем и зонтиком в руках, своим странным видом остановившую его внимание. Не остается ничего другого, как предположить, что Фанни Каплан — а это была она — вообще никуда не бежала. Она просто стояла все время на одном месте, на Серпуховской улице, на достаточно далеком расстоянии от заводского двора, где раздались выстрелы. Это и была та

странность, так поразившая Батулина. «Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и затравленного», — заключает он.

Комиссар Батулин задает ей простой вопрос: кто она и зачем сюда попала? «На мой вопрос, — говорит Батулин, — она ответила: „ЭТО сделала не я“.

Странный ответ возбудил подозрительность Батулина. Он обыскал ее карманы и, взяв портфель и зонтик, предложил следовать за собой.

«В дороге, — продолжает Батулин, — я ее спросил, чуя в ней лицо, покушавшееся на тов Ленина: „Зачем вы стреляли в тов. Ленина?“, на что она ответила: „А зачем вам это нужно знать?“ — что меня окончательно убедило в покушении этой женщины на тов. Ленина».

А вокруг задержанной начали уже накаляться страсти ошеломленной покушением толпы. Кто-то крикнул, что стреляла именно она. И тогда толпа пришла в неистовство. «Убить! Растерзать на куски!» — кричали разъяренные рабочие. В этой обстановке массового психоза толпы, находившейся на грани линчевания, на повторный вопрос Батулина: «Вы стреляли в тов. Ленина?» — задержанная неожиданно ответила утвердительно.

Столь несомненное в глазах толпы подтверждение виновности вызвало, по-видимому, такой приступ бешенства, что потребовалось создать цепь из вооруженных людей, чтобы предотвратить самосуд и сдержать бушевавшую массу, требовавшую смерти преступницы.

Каплан привели в военный комиссариат Замоскворецкого района, где она и была впервые допрошена.

Каплан допрашивали председатель Московского ревтрибунала А.М. Дьяконов, нарком юстиции Д.И. Курский, чекист Я.Х. Петере. Сотрудник ВЧК И.А. Фридман позднее вспоминал, что на одном из допросов присутствовал Свердлов. По делу были привлечены (арестованы и доставлены в ВЧК для допроса) 14 человек. Все были оправданы и освобождены. В следственном деле 17 свидетельских показаний, но ни одно категорически не утверждает, кто все-таки стрелял. Хотя все свидетели заявляли, что стреляла женщина.

Личность задержанной Батулиным женщины была установлена сразу. Протокол первого допроса начинался словами: «Я, Фаня Ефимовна Каплан…» До 16 лет она жила под фамилией Ройдман, а с 1906 года стала носить фамилию Каплан. На каторгу Фанни попала совсем молодой девушкой. Ее взгляды сильно изменились в тюрьме, главным образом под влиянием известных деятелей партии социалистов-революционеров, с которыми она вместе сидела, прежде всего Марии Спиридоновой. «В тюрьме мои взгляды оформились, — писала Каплан, — я сделалась из анархистки социалисткой-революционеркой».

Позднее она уточнила, что в эсеровской партии она скорее разделяет взгляды Виктора Чернова. Это было единственным, хотя и достаточно шатким основанием для объявления Каплан принадлежащей к партии правых эсеров.

На допросах Каплан, не сдерживая себя, говорила, что считает Ленина предателем революции. Дальнейшее его существование подрывает веру в социализм. «Чем дольше он живет, — убежденно заявила она, — он удаляет идею социализма на десятки лет».

Весной 1918 года Каплан предложила свои услуги в деле покушения на Ленина находившемуся тогда в Москве Нилу Фомину, бывшему члену Учредительного собрания, расстрелянному впоследствии колчаковцами. Это предложение Фомин довел до сведения члена ЦК партии эсеров В. Зензинова, а тот передал об этом в ЦК Признавая возможным вести вооруженную борьбу с большевиками, партия эсеров отрицательно относилась к террористическим актам против большевистских вождей. Предложение Н. Фомина и Каплан было отвергнуто.

Каплан осталась одна. Летом 1918 года некто Рудзиевский ввел ее в маленькую группу весьма пестрого состава и неопределенной идеологии, куда входили: старый каторжанин эсер Пелевин, не склонный к террористической деятельности, и двадцатилетняя девушка по имени Маруся. Дело обстояло именно таким образом, хотя впоследствии предпринимались попытки представить Каплан в роли создателя террористической организации.

Эта версия прочно вошла в обиход с легкой руки руководителя действительной боевой организации эсеров Г. Семенова (Васильева). В начале 1922 года Семенов и его боевая подруга Коноплева выступили с сенсационными разоблачениями. В конце февраля 1922 года в Берлине Семенов опубликовал брошюру о военной и боевой работе эсеров в 1917—1918 годах.

Однако доказать существование террористической организации во главе с Каплан, самостоятельно готовившей покушение на Ленина летом 1918 года, Семенову не удалось.

Семенов утверждал, что он случайно узнал о существовании «группы Каплан» и принял лишь ее одну в свой отряд по рекомендации эсера Дашевского.

Созданная Семеновым с помощью ЧК версия подготовки покушения и роли в нем Каплан сводилась к следующему. Для удобства слежки за Лениным город был разделен на четыре части, в каждой из которых по пятницам, когда происходили митинги, дежурил ответственный исполнитель. Исполнителями выбрали Каплан, Коноплеву, Усова и Козлова. На все митинги рассылались дежурные разведчики с задачей сообщать исполнителю о прибытии Ленина на митинг. Исполнитель должен был явиться на митинг и совершить покушение.

Задача заключалась в устранении со сцены рабочих-боевиков, у которых при встрече с Лениным немедленно пробуждалась совесть. Первым такому идеологическому искусу подвергся будто бы Усов. Он, по его словам, встретил Ленина на митинге в одну из пятниц, но выстрелить в него не смог. «Вырвать Бога у полуторатысячной рабочей массы я не решился», — покаялся Усов, после чего он и был исключен из числа исполнителей.

Вступив в отряд на последних этапах подготовки покушения, незнакомая с методами террора Фанни Каплан использовалась только для организации слежки. Коноплева, например, брала ее с собой, чтобы обучить выбору места, удобного для нападения на автомобиль Троцкого.

Поведение Фанни Каплан выстраивается теперь в логическую цепь последовательных действий. Митинг на заводе Михельсона начался поздно. «Приехала я на митинг часов в восемь», — сообщила Каплан на следствии. Ленин еще не приехал, и надо было выяснить, будет он выступать или нет. За этим занятием ее, по-видимому, и заметил до открытия митинга председатель завкома Иванов. (Он давал показания 2 сентября, в отсутствие Каплан, и назвал ее, по готовой версии, «той женщиной, которая потом стреляла в т Ленина».)

Каплан стояла у стола, где продается литература, и рассматривала книги. «Я лично не видел, чтобы она с кем-либо говорила или чтобы к ней кто-либо подходил», — заключает Иванов.

К Фанни Каплан действительно никто не подходил. Получив необходимые сведения, она сама ушла до начала митинга и передала сообщение о приезде Ленина на завод районному исполнителю, дежурившему в условленном месте на Серпуховской улице. Сама же осталась ждать результата покушения там, где ее потом и обнаружил комиссар Батулин.

Если 30 августа 1918 года Фанни Каплан выполняла функцию дежурного разведчика и на месте покушения отсутствовала, кто же стрелял в Ленина?

Степан Гиль видел женскую руку с браунингом. Если исключить Каплан, то женщиной с браунингом могла быть, скорее всего, Лидия Коноплева. Других женщин в числе исполнителей покушения в отряде Семенова не было.

Натура решительная и независимая, Лидия Коноплева обладала солидным опытом в делах конспирации и террора. Создав вместе с Семеновым боевой отряд, она первая по своей инициативе предложила весной 1918 года организовать покушение на Ленина. Коноплева взяла на себя роль исполнителя террористического акта и вместе с эсером-боевиком Ефимовым в марте 1918 года выехала в Москву. Других кандидатов на роль убийцы найти не могли. «Одни были забракованы как неподходящие, другие, как Семенов, отказались», — пишет Коноплева в своих показаниях.

Летом 1918 года Лидия Коноплева готовила восстание на судах Балтийского флота, участвовала в нескольких вооруженных экспроприациях, занималась переброской на Волгу и в Архангельск тех, кто хотел драться против большевиков на фронте.

В конце июля 1918 года Коноплева перебирается в Москву и присоединяется к отряду Семенова. Вступившую в августе в отряд Фанни Каплан она взяла под свою опеку, жила с ней на одной квартире и обучала методам слежки.

В отряде не было единодушия в выборе объекта покушения. Многие считали необходимым в первую очередь совершить покушение на Троцкого, придавая этому акту большее значение (в военном отношении). Покушение на Ленина планировалось во вторую очередь и расценивалось, скорее, как акт политический.

На первом общем совещании отряда большинство стояло за покушение на Троцкого, в этом же смысле высказывалась и Фанни Каплан. Сама Коноплева по-прежнему стояла за покушение на Ленина.

Не будем гадать, какие причины заставили Фанни Каплан взять на себя ответственность за покушение на Ленина. В революционной среде подобные поступки не являлись редкостью. Душевное расстройство Каплан остается фактом, признаваемым как современниками, так и историками. Каплан была расстреляна 3 сентября 1918 года в 4 часа дня. События 30 августа 1918 года послужили началом и оправданием красного террора. В эти дни расстреливали в одиночку и по спискам, по приговорам и по подозрению, ожидавших суда и задержанных в случайных облавах.

КАППОВСКИЙ ПУТЧ

Германия. 1920 год

В июне 1919 года командующий берлинским гарнизоном Лютвиц в беседе с военным министром Германии Носке откровенно заявил, что после согласия правительства Эберта подписать Версальский договор офицерский корпус потерял доверие к этому правительству и даже к нему — военному министру. Офицерский корпус, подчеркнул Лютвиц, считает, что нынешнее правительство необходимо заменить правительством «твердой руки» с диктаторскими полномочиями.

26 июля 1919 года Лютвиц собрал в Берлине офицеров высшего ранга; явились генералы Гофман, Хейдук, Овен, Хюльзен, Леттов-Форбек, Меркер, Липпе, Штокгаузен, Гаммерштейн, полковник Рейнгард и другие. Лютвиц изложил политическую ситуацию и поставил вопрос о том, что военные должны в ближайшее время захватить власть. «Правительство своей слабостью приведет страну к гибели, — говорил он. — Долг офицерства — взять на себя руководство нацией».

Офицерский корпус решил предъявить правительству программу, которая состояла из следующих требований: отказ от выдачи виновников войны и от сокращения армии, недопущение представителей НСДПГ в состав правительства, проведение необходимых мероприятий по обеспечению армии, восстановление в ней прежней воинской дисциплины и сохранение старых офицерских кадров.

На рубеже 1919 и 1920 годов подготовка путча вступила в решающую фазу. У майора Пабста состоялось несколько совещаний будущих руководителей переворота — Каппа, Лютвица, полковника Бауэра. Одним из главных закулисных руководителей путча был генерал Людендорф. Заговорщики устанавливали связь с видными чиновниками государственного аппарата, особенно в военном министерстве и полиции.

Прусский юнкер Вольфганг Капп получил известность в годы Первой мировой войны, когда он обвинил рейхсканцлера Бетман-Гольвега, сомневавшегося в эффективности неограниченной подводной войны, в антипатриотизме.

В «Клубе национального объединения», который стал по сути штабом заговорщиков, Капп занимал доминирующее положение. Он руководил составлением политических документов, предназначенных для публикации после начала контрреволюционного путча. К Каппу сходились все нити подпольной подготовки переворота.

Организаторы деятельно подбирали кандидатуры будущих министров. Эберту хотели предложить остаться на посту президента. В состав будущего «делового правительства» решили включить несколько социал-демократов.

Одновременно проходила чистка командного состава рейхсвера от офицеров, ненадежных с точки зрения заговорщиков. Так, Лютвиц сместил с поста своего начальника штаба Штокгаузена.

В январе 1920 года уже обсуждались сроки и план осуществления переворота.

Подготовка к путчу шла также в провинции. 14 января 1920 года генерал фон дер Гольц в директивном послании активному заговорщику капитану Бертхольду писал, что главное условие успеха переворота — это сохранение подпольных военных организаций и

разъяснительная работа среди населения. Особенное внимание должно быть обращено на юношеские и спортивные организации. Если вы все это выполните, писал генерал, «то нам легко будет наставить на путь истинный население».

Очень активно готовились к путчу в северо-восточных районах страны, где были сосредоточены сравнительно крупные силы рейхсвера и добровольческих корпусов. В этих районах также размещалась 40-тысячная армия фон дер Гольца, выведенная из Прибалтики в декабре 1919 года. Под видом сельскохозяйственных рабочих солдаты были распределены по крупным имениям Восточной Пруссии.

9 марта 1920 года Лютвиц попросил аудиенцию у президента. Утром 10 марта Эберт принял генерала в присутствии Носке и нескольких других военных. Во время беседы Лютвиц вручил президенту политические требования заговорщиков, среди них: немедленный роспуск Национального собрания и выборы рейхстага; выборы президента всеобщим голосованием; назначение на министерские порты «министров-специалистов»», отказ от сокращения армии и флота; отказ от выдачи виновников войны.

После этого Эберт и Носке поняли всю опасность положения. 11 марта был отдан приказ об аресте главарей готовящегося переворота: Каппа, Лютвица, Пабста, полковника Бауэра и Шницлера. Однако, как замечает Носке, полицейский аппарат перестал функционировать. Начальник первого отдела берлинской полиции Фробозе и начальник полиции безопасности Лойе предупредили главных заговорщиков, и те скрылись.

Носке отправил адмирала Тротта и генерала фон Овена проверить слухи о готовящемся походе морской бригады Эрхардта на Берлин. Но прежде чем выполнить поручение министра, генералы сообщили о цели своей миссии Эр-хардту. Вернувшись, эмиссары доложили министру, что в лагере «все спокойно, все мирно спят». Это же заявил адъютант военного министра майор фон Гильза вечером 12 марта на пресс-конференции. «Идите и вы, господа, спать», — обращаясь к журналистам, сказал в заключение представитель военного министерства.

Между тем капитан Эрхардт привел свою бригаду в полную боевую готовность и объявил о походе на Берлин для свержения правительства Эберта. Узнав о начавшемся перевороте, Носке в ночь на 13 марта собрал совещание офицеров генерального штаба и поставил вопрос об оказании вооруженного сопротивления заговорщикам. Одни за другим участники совещания высказались против этого. Генерал Сект мотивировал свой отказ тем, что «одна часть рейхсвера не может стрелять в другую». Носке ответил, что тогда он мобилизует полицию. «К сожалению, — ответил с улыбкой Сект, — полиция тоже примкнула к восставшим». По словам Рабенау, Носке воскликнул: «Мне остается теперь лишь покончить с собой, вы все меня покинули».

Носке посоветовал Эберту созвать экстренное заседание правительства На нем было решено «во избежание кровопролития» покинуть Берлин. Правительство направилось в Дрезден искать защиты у генерала Меркера. В это время генерал уже имел приказ Каппа и Лютвица арестовать Бауэра и его министров. Но он это не сделал Капп ошибался, писал позже Меркер, полагая, что, как и пятьдесят лет назад, центр политической и экономической жизни находится в Восточной Пруссии, он не заметил, что этот центр переместился на промышленный запад. Капп считал, что если он захватит Берлин, то станет хозяином Германии Это была роковая ошибка Вот почему Сект, Меркер и Ваттер заняли по отношению к путчу выжидательную позицию.

В шесть часов утра 13 марта 1920 года морская бригада Эрхардта была введена в Берлин и расположилась лагерем у Бранденбургских ворот. Кроме того, в Берлин вошли дивизии генералов Шюльзена и Овена и ряд других добровольческих корпусов. Части рейхсвера, стоявшие вокруг Берлина, также находились на стороне путчистов.

В семь часов утра в расположение войск прибыли главари путча во главе с Каппом и Лютвицем. Капитан Эрхардт отдал им рапорт. «Мы вас благополучно доставили к Бранденбургским воротам, теперь покажите, господин тайный советник, что вы умеете навести порядок в государстве», — сказал он, обращаясь к Каппу. К этому времени уже стало известно о бегстве правительства Эберта — Бауэра из Берлина.

Генерал Лютвиц распорядился занять все государственные учреждения.

Черно-бело-красный флаг взвился над рейхстагом. Бригада Эрхардта прошла торжественным маршем по главным улицам Берлина. На шлемах у солдат добровольческих корпусов под знаком свастики было мелом написано: «За Каппа, кайзера и право».

Утром 13 марта из фешенебельных кварталов города к центру Берлина устремилась хорошо одетая публика. Появилось много молодежи, студентов. Все они приветствовали путчистов. Но то был далеко не весь Берлин, и прежде всего — не рабочий Берлин. Правительственный квартал оцепили проволочными заграждениями, повсюду расставили сторожевые посты и пулеметы. Путчисты сформировали новое правительство. Капп получил портфель рейхсканцлера и премьер-министра Пруссии, генерал Лютвиц — военного министра, фон Ягов — министра внутренних дел…

На улицах был расклеен указ нового правительства. В нем говорилось о свержении старых властей и об образовании нового правительства. Прусский ландтаг был объявлен распущенным. В тот же день генерал Лютвиц издал приказ, в котором говорилось, что всю власть в Берлине и в провинции Бранден-бург он взял в свои руки, что указ прежнего правительства от 13 января (имелось в виду введение осадного положения) остается в силе. Одной из первых акций путчистов было запрещение выхода всех газет, которые выступают против нового правительства. Капп также угрожал смертной казнью организаторам забастовок и пикетчикам.

Ближайшие советники Каппа и Лютвица — «теоретики» Шницлер, Гра-бовский и другие считали, что новое правительство не сумеет управлять страной лишь одними приказами об осадном положении, о смертной казни за забастовки и угрозами других репрессий. Надо, говорили они, опубликовать политическую и экономическую программу.

13 марта 1920 года появился «манифест» нового правительства. В этом документе Капп и Лютвиц провозглашали себя спасителями Германии от «катастрофы» и «окончательного разрушения правопорядка». Путчисты утверждали, что правительство Эберта было не в состоянии предохранить Германию от «большевистской опасности» с Востока. Новое правительство обещало «спасти» немецкий народ и от «рабства интернационального крупного капитала».

Развивая идеи «манифеста», правительство Каппа опубликовало 14 марта 1920 года экономическую и социальную программу. Оно обещало ввести льготную финансовую и налоговую систему, погашение внутренних государственных займов. Говорилось также об отмене принудительного регулирования цен, о предоставлении всем хозяйственной самостоятельности, раздавались обещания улучшить жизнь средних слоев населения и чиновничества.

14 марта Капп заявил, что правительство вполне сознает возможность оппозиции со стороны большинства рабочих. Однако оно «намерено в корне подавить выступления рабочих и лишить их приобретенных недавно прав, если они вздумают прибегнуть к силе».

Деятельность правительства Каппа не нашла благоприятного отзыва даже со стороны самых активных его сторонников. «Министр внутренних дел» путчистов фон Ягов говорил на судебном процессе, что 13 марта, когда по улицам Берлина маршировала бригада Эрхардта, Капп и другие казались людьми с крепкими нервами, но когда положение осложнилось, картина резко изменилась. Полковник Бауэр дрожал так, что не мог выговорить ни одного слова. Майор Пабст был совсем подавлен. «Идейный вождь» капповской авантюры генерал Людендорф дал правительству Каппа столь же резкий отзыв: «Едва ли я в своей жизни видел более жалкое и более позорное зрелище, чем заседание правительства, где обо всем говорили и ничего не решали».

В кругах чиновничества авторитет «правительства» путчистов был ничтожен. Об этом свидетельствует, например, неудачная попытка Каппа и Лютвица получить деньги из государственного банка. Директор банка Гавенштейн под разными предлогами отказался выдавать им крупные суммы.

На следующий день после переворота определились позиции местных властей по отношению к «правительству» Каппа и Лютвица. Обер-президент Восточной Пруссии социал-демократ Винниг 14 марта вместе с генералом фон Эс-торфом отправил Каппу телеграмму о признании его правительства. Основываясь на заявлениях Каппа, что он будет содействовать восстановлению хозяйства, Винниг и Эсторф обязались проводить в жизнь

программу путчистов.

Сторонником Каппа объявил себя и генерал Леттов-Форбек в Шверине. В Бреславле добровольческие корпуса Левенфельда и Аулука также перешли на сторону путчистов Власти промышленного запада Германии были склонны поддержать правительство Эберта — Бауэра. Да и Бавария, на которую кап-повцы возлагали большие надежды, обманула их ожидания.

Из политических партий полностью поддержали Каппа и Лютвица Немецкая национальная и Немецкая народная партии.

Но противников оказалось значительно больше. Утром 13 марта 1920 года за подписью руководителей социал-демократической партии и министров социал-демократов было опубликовано воззвание с призывом к всеобщей забастовке. Вслед за этим последовало воззвание лидеров реформистских профсоюзов к рабочим и служащим Германии.

Вся Германия была охвачена забастовочной борьбой. «Это самое крупное забастовочное движение, которое до сих пор видел мир, — писал О. Фолькман, — все работы прекращены. Не ходит ни один поезд, ни один трамвай, большинство магазинов закрыто. Много чиновников покинули свои учреждения. Господствует, очевидно, непреклонная воля скорее погибнуть, чем подчиниться правительству Каппа».

В рабочих районах и предместьях Берлина происходили вооруженные столкновения рабочих отрядов с контрреволюционными войсками и частями самообороны. Не обошлось без жертв.

Правительство Каппа — Лютвица просуществовало только пять дней, капитулировав 17 марта 1920 года. В своем заявлении по этому поводу Капп писал: «После того, как правительство Бауэра решило выполнить важнейшие политические требовании, которые послужили причиной образования 13 марта 1920 года правительства Каппа, рейхсканцлер Капп считает свою миссию выполненной и подает в отставку».

В полдень 18 марта бригада Эрхардта покидала Берлин. Ее командир выступил перед солдатами с речью, в которой убеждал их не сдавать оружия и не отказываться от поставленной цели. «Я остаюсь вашим политическим вождем, и я позабочусь о вас», — сказал Эрхардт солдатам.

Находившийся в Берлине вице-канцлер коалиционного правительства Шифер обратился к населению с воззванием, в котором говорилрсь: «Восстание подавлено. Конституционный порядок восстановлен. Правительство республики вновь обладает всей полнотой власти, принятой от народа».

Поразительно, но даже Капп и Лютвиц не были арестованы. С них взяли «честное слово», что они явятся в суд по первому же вызову; преступники воспользовались милостивым отношением к ним и сбежали за границу. Так же поступили и другие руководители контрреволюционного путча.

21 мая 1920 года военное министерство сделало сообщение о ходе следствия и о результатах судебного преследования капповцев. Из этого документа явствовало, что было возбуждено судебное следствие против 852 офицеров; из них 412 были амнистированы как «попутчики» или «случайные участники», 109 офицеров признаны невиновными. Некоторое количество военных — участников путча поплатились своими командными должностями и были уволены из рейхсвера. В их числе оказались те из офицеров, которые проявили особую непримиримость к республиканскому строю (генералы Леттов-Форбек, фон Ледебур, адмирал фон Трота, контр-адмирал фон Леветцов, полковник Вагенгейм и некоторые другие).

В конечном итоге лишь три активных участника капповского путча вынуждены были сесть на скамью подсудимых. Этот процесс состоялся только в декабре 1921 года, почти через два года после событий. Судили бывших министров правительства Каппа — Лютвица — фон Ягова, Вагенгейма и Шилле. Однако лишь фон Ягов был осужден на пять лет тюремного заключения, остальные были оправданы Ягов находился в крепости Гольнов недолго; он провел это время в приятных прогулках и на охоте. Вскоре и он был амнистирован. Капп вернулся в Германию в 1922 году и вскоре умер в тюрьме.

ПЕРЕВОРОТ ЗХУТА

Иран. 21 февраля 1921 года

Политическое положение в Иране к концу 1920 года было очень сложным. В Гиляне, Азербайджане, Хорасане и других провинциях продолжалась борьба против английского империализма и шахского правительства.

Несмотря на отставку в конце лета 1920 года кабинета Восуга од-Доуле и формирование «либерального» правительства Мошира од-Доуле, недоверие к правящим кругам Ирана среди народа не уменьшалось. Поэтому кабинету Мошира од-Доуле также пришлось уйти в отставку, и осенью 1920 года было создано правительство Сепахдара, на которое возлагалась задача покончить с народными волнениями в стране. Но и правительство Сепахдара не смогло предпринять в этом отношении никаких действенных мер.

Для создания сильного правительства, способного быстро «навести порядок» в стране, с конца 1920 года в Иране велась подготовка государственного переворота. По свидетельству Х. Макки, автора «Двадцатилетней истории Ирана», в начале 1921 года к перевороту готовились: 1) группировка Сардара Асада Бахтияри — одного из крупнейших феодалов Ирана, пользовавшегося большим влиянием среди бахтиарских племен. В конце 1920 года, как указывает Макки, в Исфагане состоялся съезд ханов племен, рассмотревший вопрос о возможностях организации похода на Тегеран и осуществления государственного переворота. Лишь разногласия между ханами помешали этой группировке немедленно приступить к активным действиям; 2) группировка Салара Джен-га — крупного феодала, под командованием которого находилось значительное число вооруженных бахтиарских отрядов; 3) группировка Сеид Зия эд-Дина и Носрета од-Доуле, которая хотела произвести переворот, опираясь на британских союзников. Оба ее лидера были ярыми англофилами, причем Нос-рет од-Доуле, выехав в Европу еще в 1919 году, долгое время пробыл в Англии и, «еще будучи в Лондоне, выработал план и помчался в Тегеран, чтобы осуществить переворот».

Последнее обстоятельство подтверждает Эсфендияри, работавший тогда в иранском посольстве в Лондоне: «За несколько месяцев до переворота, во время пребывания в Лондоне покойного Фируза-мирзы (Носрета од-Доуле) там происходили переговоры и была достигнута договоренность о том, что он составит и возглавит кабинет».

В то же время и тегеранские придворные круги не оставались пассивными: «Мы имеем сведения, — пишет Малек ош-Шоара Бахар в „Краткой истории политических партий Ирана“, — что во время встречи шаха со своим отцом в Стамбуле там разрабатывался план переворота при помощи казачьей бригады… Именно с этой целью шах не хотел распылять казачьи войска и даже препятствовал тому, чтобы они объединились с жандармерией под единым командованием».

Кандидатом на пост будущего главы правительства англичане выдвинули Сеид Зия эд-Дина, который в качестве редактора тегеранской газеты «Раад» находился в тесном контакте с британской миссией.

Его путь к государственной власти начался лишь в 1919 году. Тогда он стал активным участником созданной Восугом од-Доуле, главой правительства Ирана, тайной организации под названием «Комитет черной руки», ведшей методами террора борьбу с противниками англо-иранского соглашения. В конце 1919 года Сеид Зия эд-Дин был назначен руководителем иранской дипломатической миссии, направленной в Баку для ведения переговоров о заключении союза с муса-ватистским правительством Азербайджана. Цель союза состояла в создании ирано-азербайджанской конфедерации под протекторатом Англии.

После падения кабинета Восуга од-Доуле летом 1920 года Сеид Зия эд-Дин отошел от дел, но с приходом к власти в ноябре 1920 года кабинета Сепахдара вновь стал близок к правительственным кругам. Уже тогда возникла идея о введении его в состав кабинета Сепахдара. Можно предположить, что именно Сеид Зия эд-Дин был одним из неназванных по имени лиц, обращавшихся в октябре 1920 года к премьер-министру с предложением создать иранские военные формирования численностью в 15 тысяч человек под руководством британских офицеров. Тогда же он активно занялся вербовкой союзников в предстоявшей борьбе за власть, используя в этих целях созданный им в столице филиал «Железного комитета», который превратился в главный инструмент подготовки и осуществления

государственного переворота, а его члены впоследствии стали близкими помощниками Сеид Зия эд-Дина во время нахождения его у власти.

Сеид Зия эд-Дин активизировался в январе — феврале 1921 года — в период, когда британская миссия в Тегеране была особенно озабочена поисками «сильного, реакционного премьер-министра». Англичане в это время уже не надеялись, что Сепахдар окажется в состоянии сформировать правительство, «приемлемое и для шаха, и для правительства его величества». А все другие кандидаты — Мустоуфи оль-Мемалек и даже принц Фируз, соглашались возглавить правительство только в том случае, если Англия согласится на пересмотр условий англо-иранского соглашения 1919 года. Кабинет Сепахдара лишь номинально заполнял вакуум государственной власти, и было ясно, что его дни сочтены. В это время на политической сцене в Тегеране и появился Сеид Зия эд-Дин.

Поддержка группировки Сеид Зия эд-Дина англичанами выражалась не только в материальной помощи, но и прямом давлении, которое они оказывали на правительство Сепахдара. В начале января Шахиншахский банк сообщил, что вскоре будет приостановлен обмен иранской валюты. В то же время он начал искусственно понижать курс иранских бумажных денег. «Приближающаяся эвакуация английских войск, — отмечала газета „Тайме“, — которая совпадает с решением имперского банка перевести деньги за границу, вызвала панику среди персов». Наконец, в боевую готовность были приведены и британские вооруженные силы, находившиеся на территории Ирана.

Осуществление переворота возлагалось на казачью дивизию, основные силы которой находились в то время в Казвине. Участие армии в перевороте должно было придать ему «национальную» окраску, и в этом смысле расчет заговорщиков всецело оправдался. Кандидатура командира дивизии была утверждена англичанами. На этот пост претендовали иранские генералы Галан, Амир, Мо-сег и полковник Реза-хан. Когда двое первых отказались, командиром дивизии был назначен последний.

Остановив свой выбор на командире Тебризского отряда казачьей дивизии Реза-хане, представители британского военного командования и разведки считали, что он больше других подходил для этой роли. Огромное честолюбие и сила характера выделяли его из среды офицеров дивизии, и эти качества были немаловажны для обеспечения успеха задуманного предприятия. Те, кто выбирал, не могли не оценить и другую черту характера Реза-хана — его склонность к интриге и способность предать всякого ради достижения своих честолюбивых замыслов. Англичанам было хорошо известно, что в феврале 1918 года Реза-хан был среди иранских офицеров главным сообщником полковника Старосельского в организации мятежа, направленного против командира казачьей дивизии полковника Клерже. В результате их действий Клерже был отстранен от командования дивизией и его место занял Старосельский, а Реза-хан получил внеочередное повышение по службе.

Реза-хан не возник бы как политическая фигура, если бы он не был выбран на роль военного руководителя заговора. Реза-хан по своим политическим убеждениям не был ярко выраженным националистом, так как никогда не находился в связях с представителями национальных сил или известными националистическими деятелями Ирана. Единственная политическая организация, в которой он, как утверждается в некоторых публикациях, состоял или сотрудничал, был «Железный комитет» Сеид Зия эд-Дина. Больше оснований предположить наличие у Реза-хана определенной неприязни к иностранным офицерам, которым он должен был подчиняться. Это может быть объяснено не столько национализмом, сколько огромным честолюбием Реза-хана и его стремлением к власти, к личной диктатуре.

Для обеспечения успеха заговора через английское посольство была достигнута договоренность с жандармерией и другими вооруженными отрядами, находившимися в Тегеране. Таким образом, возможность более или менее серьезного сопротивления была устранена. Накануне захвата Тегерана, когда стало известно о приближении к столице казачьей дивизии, жандармским частям, направленным ей навстречу, были выданы винтовки без патронов. Между тем жандармские части могли без труда разбить уставших казаков.

16 февраля 1921 года Казвинский отряд казачьей дивизии получил приказ выступить на Тегеран. В то же время британские войска, стоявшие под Казви-ном, были переброшены поближе к Тегерану, к местечку Кередж. Реза-хан заручился поддержкой генерала Айронсайда,

командующего английскими войсками в Иране, полковника Исмейса и других английских офицеров на случай каких-либо осложнений.

20 февраля по Тегерану стали распространяться слухи, что к столице с неизвестными целями приближаются казачьи части. Накануне правительство получило телеграфное донесение из местечка Енги-Эмам, что оттуда по направлению к Тегерану 7 февраля прошел казачий отряд под командованием Реза-хана. На телеграфные запросы правительства, посланные от имени шаха, был получен ответ, что казаки едут в столицу получить причитающееся им жалованье и Повидаться с родными. Затем всякая связь вообще была прервана.

19—20 февраля правительство беспрерывно заседало, намечая меры проти-водействия заговорщикам, но дальше разговоров дело не пошло. После того как отряд казаков, двинутый по приказанию Сепахдара навстречу Казвинскому отряду, перешел на сторону Реза-хана, правительство фактически потеряло власть.

21 февраля 1921 года (3 хута 1299 года) войска заговорщиков остановились Недалеко от Тегерана. Хотя они были уверены, что серьезного сопротивления им оказано не будет, тем не менее в течение нескольких часов они не решались вступить в город.

Поздно вечером 21 февраля Сепахдар сделал последнюю попытку спасти Положение, послав к заговорщикам делегацию. «Когда стало известно, что ка-Зачьи силы двинутся на Тегеран, — писал корреспондент „Тайме“, — Моайед °Ль-Мольк, представлявший шаха, и Адиб ос-Салтане от имени Сепахдара вместе с членами английской миссии и военным атташе выехали навстречу казакам в Мехрабад, последнюю стоянку перед Тегераном. В ходе переговоров Реза-хан заявил о решимости захватить столицу и создать военное правительство, спо-собное защитить город после вывода британских войск. Он объявил себя противником большевиков и сторонником англичан».

Около полуночи казаки вошли в столицу. Как и ожидалось, они не встретили никакого сопротивления. Исключением был один из полицейских участков, гАе завязалась непродолжительная перестрелка (да и то, очевидно, по какому-то недоразумению). К утру 22 февраля весь город оказался занят казаками.

Члены кабинета разбежались еще накануне вечером, а сам Сепахдар нашел Убежище в английском посольстве. Шахский двор пребывал в сильном волне-НИи, так как в столице распространялись самые невероятные слухи о решительности и «революционности» Сеид Зия эд-Дина. В городе было введено военное Положение. Телеграфная и телефонная связь внутри Тегерана и с провинциями °Казалась прерванной. В то же время полными хозяевами столицы стали каза-КИ, которые ограбили много лавок тегеранского базара и частных домов, хотя сам Реза-хан утверждал, что ничего подобного не было. В первые дни после Переворота жизнь в столице казалась замершей.

22 февраля в шахский дворец явился представитель Сеид Зия эд-Дина Багир-хан. Он уверил шаха в благих намерениях заговорщиков, в их «любви к шаху и патриотизме». После этого шах поручил Сеид Зия эд-Дину формирование Нового правительства. По особому указу шаха Реза-хану присвоили титул главнокомандующего «Сардар Сепах»; кроме того, он был официально назначен командиром казачьей дивизии.

В ночь на 23 февраля в Тегеране начались аресты крупных феодалов, политических деятелей, бывших министров и даже приближенных шахского двора В первую очередь были арестованы все лица, высказывавшиеся против соглашения 1919 года, затем многие студенты медресе, чиновники и редакторы газет, критиковавшие кабинет или мероприятия Сеид Зия эд-Дина.

26 февраля Сеид Зия эд-Дин опубликовал программу своего правительства. В ней отмечалось тяжелое положение Ирана и указывалось, что к этому привели страну знать и вельможи. Сеид Зия эд-Дин писал: «Нужно, чтобы цена труда и страданий рабочих и крестьян была признана и период их мучений кончился Для достижения этой цели первым необходимым шагом является раздел пустошей и государственных земель между крестьянами, установление справедливости в отношениях между помещиком и крестьянином, чтобы его жизнь была обеспеченной». Касаясь вопроса о народном образовании, Сеид Зия эд-Дин писал: «Необходимо, чтобы были основаны школы… и дети всех слоев населения, в том числе и

крестьян, могли бы пользоваться благами образования». В разделе, посвященном внешней политике, говорилось об отмене соглашения 1919 года, о равноправии в отношениях с иностранными государствами. Призывая создать крепкую армию для осуществления всех этих мероприятий, он заявлял: «…и даже, если родной брат будет препятствием на пути спасения страны, я не пощажу его».

1 марта 1921 года Сеид Зия эд-Дин представил шаху сформированное им правительство. Постепенно министерства, закрытые после переворота, начали заниматься своим обычным делом; со 2 марта стали работать телеграф и телефон; открылся базар. Военное положение, однако, продолжало сохраняться. Конституционные и религиозные законы были отменены, национальный меджлис распущен… Особое внимание правительство уделяло полиции. Для предупреждения нового заговора и из страха перед народом были запрещены демонстрации, всякие собрания, хождение ночью по улицам и т.д. Все это предусматривалось особым приказом Реза-хана. Став сардар сепахом, Реза-хан сначала постарался укрепить свое положение, а затем занять пост командующего всеми вооруженными силами страны.

Правление «черного кабинета» Сеид Зия эд-Дина, продержавшегося у власти всего 93 дня, знаменует собой один из самых мрачных периодов новейшей истории Ирана. Долгое время после падения правительства Сеид Зия эд-Дина правящие круги Ирана кстати и некстати поминали его имя, чтобы обелить себя и свалить на бывшего премьера ответственность за тяжелое положение страны. О Реза-хане же — одном из главных исполнителей переворота 3 хута, который приобрел большую силу, — эти депутаты писали: «Иранское командование казачьей дивизии, не ведая истины и по ошибке… помогло исполнению замыслов Сеида… Уважаемый Сардар [Реза-хан], иранец, понял, что его верность и храбрость были использованы злоумышленно иностранцами и неким вором и предателем родины».

Реза-хан ежегодно отмечал дату переворота как национальный праздник. По свидетельству Бахара, однажды Реза-хан обратился к журналистам, требуя, чтобы только его считали главным организатором переворота 1921 года. Сеид Зия эд-Дин очень короткое время пробыл в Иране после вывода из страны британских войск. Тотчас после вынужденной отставки он, опасаясь расплаты за свою антинациональную политику, бежал под защиту английских штыков в Багдад. Потом этот деятель долго жил под сенью британской власти в Палестине и вновь появился в Иране лишь в годы Второй мировой войны, что тоже совпало с пребыванием в стране частей английской армии.

ПЕРЕВОРОТ МУССОЛИНИ

Италия. 1922 год

К концу 1920 года фашизму удалось заручиться широкой политической поддержкой. На выборах в мае 1921 года, выступая в антисоциалистическом союзе вместе с Джолитти, чего либералы так и не смогли простить престарелому премьеру, фашисты провели в палату депутатов тридцать пять человек (или 7 процентов от общего количества депутатов). И это был уже важный шаг к будущей диктатуре Муссолини.

24 октября 1922 года Бенито Муссолини заявит: «Либо нас добровольно допустят к управлению, либо мы захватим власть, совершив поход на Рим». Но пока, в 1921 году, это был секрет, хотя все было нацелено на этот марш. Муссолини считал, что еще только Джолитти мог бы воспрепятствовать броску фашистов, используя свой авторитет в армии и на флоте. Но восьмидесятилетний политик оказался тяжел на подъем и не просчитал всей глубины опасности и возможности катастрофы в будущем.

В непредсказуемой и хаотической итальянской жизни Муссолини начал собирать вокруг себя группу преданных революционеров, готовых захватить власть от имени рабочих, независимо от того, поддерживали их рабочие или нет. И именно он возглавит их. Он видел, что перед войной влияние социалистов упало, и покинул партию, так как понимал, что она не в состоянии привести его к власти; но его мог привести к власти фашизм, а власть, как всегда, возбуждала его. «Я обуян этой дикой страстью, — признавался он многие годы спустя. — Она поглощает все мое существо. Я хочу наложить отпечаток на эпоху своей волей, как лев своими

когтями! Вот такой отпечаток!»

Цель всегда оправдывает средства. Например, фашистская политика «сквад-ризма» (сквадра — фашистский боевой отряд) явилась преднамеренной попыткой вызвать брожение и разочарование. Выдавая себя за патриотически настроенных противников большевиков, «сквадристам» удалось спровоцировать и усилить анархию, что заставило народ согласиться с навязанным ему авторитарным режимом.

Подавляющая часть фашистского руководства ощущала необходимость придать движению какую-то законченную форму и провозгласить создание партии. Выступая на учредительном съезде, Муссолини изложил ее экономическую программу. Мы против социализма, без обиняков заявил он, но и против слабости буржуазного государства, неспособного управлять производством. В экономике — мы либералы и, придя к власти, вернем в частные руки железные дороги, почту, телеграф, телефон и некоторые отрасли промышленности. «Классовая борьба — это сказка, — продолжал Муссолини, — потому что человечество нельзя разделять. Пролетариат и буржуазия как таковые не существуют, будучи звеньями одной и той же формации».

Тогда же Муссолини предлагают занять пост генсека. Он демонстративно отказывается от этого поста — жест, типичный для Муссолини. В среде каме-ратов (так обращались друг к другу фашисты) его все чаще называли дуче, а дуче должен быть выше партийной текучки. И хотя формально Муссолини стал лишь членом руководства партии, на деле он обладал всей полнотой власти, и его авторитет в ПНФ был непререкаем.

После выборов в мае 1921 года Муссолини в тридцать семь лет стал общенациональной фигурой, лидером политической партии, численность и влияние которой возрастали из месяца в месяц. То, что он продолжал оставаться в руководстве движения, было самым удивительным проявлением его политического дарования, так как фашисты, несмотря на их милитаристские тенденции и прокламированное единство, фактически представляли собой весьма разнородную группу. Муссолини постоянно приходилось уточнять предыдущие декларации, изменять курс, который ранее объявлялся неизменным, даже противоречить самому себе в попытках контролировать самых нетерпеливых «сквадристов», одновременно подавая себя в выступлениях и статьях, публиковавшихся в его газете, как пламенного революционера из Романьи.

Чтобы укрепить опору фашистов, он ссылался, в частности, на огромную роль, которую савойская династия играла и будет играть в истории страны, хотя незадолго до этого он часто говорил о «республиканских тенденциях фашизма». В стремлении добиться поддержки Джолитти на включение фашистских кандидатов в его список, он был готов поддержать Рапалльский договор, который не удовлетворил притязаний Италии на Далмацию. Желая заручиться поддержкой промышленников и производителей, финансовая помощь которых была ему крайне необходима, он заявил в одном из своих резких выступлений в палате депутатов, что следовало бы покончить «с дальнейшими попытками захвата предприятий», хотя подобные акции он поддерживал всего за полтора года до этого.

И тем не менее в августе 1921 года он сделал большой шаг в противоположном направлении, подписав акт примирения с социалистами и заявив, что «смехотворно говорить о том, что итальянский рабочий класс движется к большевизму»; он пообещал защищать данный пакт. «Если фашизм не пойдет за мной в сотрудничестве с социалистами, — добавил он, — тогда никто не заставит меня идти за фашизмом».

Но спустя три месяца, когда стало ясно, что фашизм не готов идти за ним, а фашистские союзы не пожелали прислушаться к его предостережению о том, что власть ускользает у них из рук и необходимо закрепить успехи фашистов с помощью парламентского компромисса, пакт был отвергнут. И все это время, постоянно подчеркивая на совещаниях фашистов, что необходим и неизбежен государственный переворот, который покончит с парламентом и либеральным государством, Муссолини столь же настойчиво сдерживал своих более нетерпеливых коллег Итало Бальбо, Дино Гранди и Роберто Фа-риначчи от практического осуществления этих идей. В отличие от них он не был столь уверен в том, что фашизм достаточно силен и можно наверняка рассчитывать на успех, и активнее, чем они, стремился к тому, чтобы фашисты достигли власти при одобрении народа. «Беда Муссолини заключается в

том, — заявил один из его радикальных сообщников, — что он желает всеобщего благословения и меняет свою позицию по десять раз в день, чтобы получить его».

В августе 1922 года после многих месяцев колебаний и сомнений Муссолини счел, что настало его время На тот месяц к возмущению отчаявшейся общественности была назначена всеобщая забастовка. Муссолини заявил, что если забастовку не предотвратит правительство, это сделают фашисты Ему вновь представилась возможность прибегнуть к насилию во имя закона и порядка. В Анконе, Легорне и Генуе «сквадристы» атаковали принадлежавшие социалистической партии здания и сожгли их дотла. В Милане они вывели из строя типографское оборудование «Аванти!»

Спустя два месяца на партийном съезде в Неаполе Муссолини, находясь под явным впечатлением решимости 40 000 фашистов, говорил и угрожал больше обычного. «Мы имеем в виду, — заявил он, — влить в либеральное государство, выполнившее свои функции… все силы нового поколения, проявившиеся в результате войны и победы… Либо правительство будет предоставлено в наше распоряжение, либо мы получим его, пройдя маршем на Рим».

«Рим! Рим!» — закричали клакеры. «Рим! Рим!» — вторили им тысячи голосов.

На съезде был избран руководящий орган, а также принят план восстания, состоявший из пяти пунктов. Некоторые иерархи считали, что технически фашистские кадры еще не вполне готовы. Однако Муссолини, веривший в свою интуицию, сказал: «Революционный акт похода на Рим должен быть совершен сейчас или никогда. Время созрело, правительство прогнило».

Поход на Рим уже обсуждался Муссолини и четырьмя ведущими фашистами, которых позднее стали называть «квадрумвирами». Это были Итало Баль-бо, 26-летний лидер «сквадристов»; генерал Эмилио де Боно, в прошлом — командир IX корпуса итальянской армии; Чезаре Мария де Векки, депутат от партии фашистов; Микеле Бьянки, генеральный секретарь партии. Бальбо позднее высказал мнение, что именно он с Бьянки выступил с идеей похода на Рим, а Муссолини занял столь осторожную позицию, что пришлось сказать ему, что марш на Рим состоится, хочет он этого или нет. Версия Муссолини расходится с приведенной, но нет сомнения, что независимо от того, были его колебания искренними или нет, они, несомненно, позволили ему поддерживать контакт со всеми своими противниками, каждый из которых до последнего момента надеялся на то, что даже в такое время он предпочтет сотрудничество с ними вместо того, чтобы возглавлять переворот.

Руководство фашистскими отрядами приняло решение провести 27 октября всеобщую мобилизацию фашистов, а 28 октября атаковать главные центры страны. Три колонны сквадристов должны были войти в Рим, предъявить ультиматум правительству и овладеть основными министерствами. В случае провала операции предполагалось провозгласить создание фашистского правительства в Центральной Италии и готовить новый «поход на Рим».

Жена Муссолини Ракеле записывала. «27 октября 1922 года. Какой день! Вечером внезапно появился Бенито „Быстро соберись, и Эдда тоже, мы идем в театр“. Я была поражена Я знаю, что он любит театр, но мне показалось странным, что в такой критический момент он может посвятить столько времени развлечениям. Он весело насвистывал, застегивал воротничок. Вот мы уселись все трое в ложе театра Манцони. Он говорил мне: „Смотри в оба, замечай все, но не раскрывай рта“. Я отметила, что многие бинокли нацелены на него.

Он шепчет: «Новость об объявленной мобилизации фашистов уже распространилась. Будем вести себя как ни в чем не бывало». Но это трудно. Уже стучат в дверь ложи, и Бенито должен открывать К счастью, в зале темно, и он может, не привлекая внимания, подняться, отдать приказания и возвратиться на свое место, делая вид, что внимательно смотрит спектакль. Во втором акте он внезапно встал, прошептав мне на ухо. «Все готово». Он взял меня за руку, и мы ушли из театра почти бегом. Дома он несколько раз поговорил по телефону. Один раз разговор был очень напряженный он говорил с группой фашистов, которые настойчиво просили разрешить захватить штаб-квартиру «Кор-рьере делла сера», занявшей враждебную позицию по отношению к фашистскому движению, Бенито отказал в категорической форме Как только он вышел, раздался новый телефонный звонок, и вновь речь шла о намерении взорвать редакцию газеты. Я повторила запрещение…»

Правительство объявило о желании ввести военное положение, однако король, опасавшийся, что это приведет к гражданской войне, и почти уже готовый смириться с

фашистским правительством, отказался подписать декрет и тем самым лишил кабинет власти. В условиях отчаянного положения, сложившегося в связи с приближением фашистских колонн к столице, отдельным лидерам фашистской партии было предложено занять места в новом коалиционном правительстве правых под руководством Антонио Саландры. Гранди и де Векки советовали Муссолини принять это предложение. Однако он отказался. Он рассчитывал теперь на всю полноту власти и не был склонен к компромиссу; хотя его и преследовал страх, что, возможно, он зашел слишком далеко.

Муссолини по-прежнему находился в Милане. Его офис был окружен армейскими частями и полицией, и он продолжал выглядывать из окна и постоянно осведомляться о новостях по телефону. Бенито делал огромные усилия, чтобы казаться спокойным и уравновешенным, однако его возбуждение походило на истерию. Когда танковый дивизион двинулся по улицам в направлении «Пополо д'Италия», он выбежал из здания с винтовкой в руках, выкрикивая что-то несвязное, и чуть было не был подстрелен своим же сторонником, который был возбужден еще более него. Фактически маршу фашистов не было оказано никакого сопротивления Армия и полиция были готовы оставаться в стороне и не вмешиваться в ход событий.

Утром 29 октября 1922 года из Рима раздался телефонный звонок: его вызывали к королю на консультацию. «Подтвердите приглашение письменно», — коротко сказал он. Самообладание возвращалось к нему. Вскоре пришла телеграмма: «Очень срочно. Прочитать немедленно. Муссолини — Милан. Его Величество Король просит Вас незамедлительно прибыть в Рим, так как он желает предложить Вам взять на себя ответственность сформировать Кабинет. С уважением. Генерал Читтадини».

В тот же вечер Муссолини выехал в Рим поездом. Видимо, для того, чтобы его черная рубашка казалась более респектабельной, к радости одного журналиста он надел еще котелок и гетры. Когда Муссолини представился королю, то извинился за свое необычное одеяние. «Извините меня, пожалуйста, за внешний вид, — сказал он и тщеславно добавил: — Я прямо с поля боя».

Дуче был столь беспредельно самоуверен, что, став во главе правительства и не имея ни малейшего опыта управления, с лихостью принялся плодить многочисленные декреты и распоряжения. Эта деятельность носила сугубо эмпирический характер, но ее направленность была очевидна. Муссолини стремился сосредоточить в своих руках всю полноту власти, в первую очередь — исполнительной.

Вторым институтом, укрепившим личную власть Муссолини, стала фашистская милиция, существование которой было узаконено декретом короля. Отныне боевики оказались «на службе у отечества». Они присягали на верность королю, но действовать должны были «по приказам главы правительства». Тем самым дуче получил в свои руки мощное террористическое орудие подавления инакомыслия и оппозиции.

«ПИВНОЙ» ПУТЧ

Германия, Бавария. 8—9 ноября 1923 года

Весна 1923 года была отмечена в Германии тяжелыми кризисными явлениями. Уже в январе в Рур, важнейший промышленный район Германии, вошли французские войска. Обесценение денег достигло фантастических цифр. Людей охватывали апатия, отчаяние. Все чаще возникали забастовки, голодные и антивоенные демонстрации.

30 апреля лидер Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) Гитлер созывает митинг и заявляет, что нацисты готовы навести порядок в стране. Несмотря на запреты баварского правительства, вскоре нацистское войско собралось в предместье Мюнхена Обервизенфельде. Там были не только мюнхенцы, но и члены военизированных союзов, съехавшиеся из разных мест. Однако все они стояли в полном бездействии, хотя имели и винтовки и легкие пулеметы. Гитлер в солдатской каске и с Железным крестом на груди метался по полю, ожидая условного знака от Рема. С ним вместе были командиры военизированных отрядов Вебер, Грегор Штрассер, лейтенант Рос-сбах, Крибель и многие

другие. Но Рем знака так и не подал, его в это время распекал генерал Лоссов. Несмотря на советы Крибеля и Штрассера, Гитлер не решился сдвинуться с места, боясь регулярных частей рейхсвера.

Обескураженный баварский лидер нацистов исчез с политического горизонта на все лето. Появился он только осенью, когда власть в Баварии фактически сосредоточилась в руках триумвирата: Карра, командующего баварскими войсками генерала Лоссова и полковника Зайссера, полицай-президента. Триумвират на первых порах был враждебно настроен к центральному правительству в Берлине.

В этой ситуации Гитлер и его сообщники вновь и вновь пытались прощупать, не согласятся ли генерал Лоссов, действующий из-за кулис Карр, полковник Зайссер и такие могущественные персоны, как рурский промышленник Стиннес, лидер «пангерманцев» Класс, командующий рейхсвером генерал фон Сект, в случае провозглашенного правыми организациями «похода на Берлин» предоставить нацистам за их услуги по усмирению народных волнений положенную долю власти. Но ясного ответа они не получили.

В начале сентября, всего через три недели после падения правительства Куно, возникшее в январе 1923 года организационное сотрудничество баварских правых союзов, включая и НСДАП, оформилось в «Германский боевой союз». Политическим лидером этого союза стал Гитлер, военным руководителем подполковник в отставке Герман Крибель.

Гитлер и его ближайшие сообщники, которые уже неоднократно вселяли в своих унтер-фюреров надежду на предстоящий путч против Веймарской республики, снова попытались использовать затруднительное положение общегерманского правительства для государственного переворота. Они наметили на 27 сентября 1923 года проведение в Мюнхене 14 крупных митингов, на которых, по информации властей, намеревались подать сигнал к «нанесению удара». Однако правительство земли упредило его, запретив эти сборища, а также назначив Карра генеральным комиссаром Баварии и передав ему исполнительную власть чрезвычайного характера.

Монархист Карр втайне, видимо, тоже мечтал свергнуть берлинских политиков и восстановить в Баварии монархию, то есть дом Вительсбахов, после чего и вовсе отделиться от Германии. Не случайно его заместитель Ауфзесс призвал 20 октября к «походу на Берлин» и подверг оскорблениям президента Эберта, по профессии шорника. Спустя четыре дня генерал Лоссов, который тоже принадлежал к числу ближайших доверенных Карра, заявил о необходимости вступления в Берлин и установления «национальной диктатуры».

Однако Карр и его приспешники ориентировались на совместные действия с генералом Сектом, который располагал внушительными средствами власти. 3 ноября Карр послал другого своего доверенного, начальника баварской полиции полковника Зайссера, в Берлин, поручив ему изложить командующему рейхсвером свой план установления «независимой от парламента, свободной национальной диктатуры», которая должна своими «решительными мерами» выступить «против социалистической нечисти». Сект по этому поводу заметил: «Это моя цель… Различие в темпе, а не в цели».

Твердо намереваясь подчинить все оппозиционные военизированные формирования командованию Лоссова и тем самым обеспечить себе в совместной с Сектом акции максимум самостоятельности, Карр 6 ноября созвал совещание представителей так называемых отечественных объединений для непосредственной подготовки решающего удара по Берлину. От «Германского боевого союза» в совещании участвовал только его военный руководитель Крибель. Политического руководителя этого союза Гитлера даже не пригласили.

Разумеется, Гитлер и его ближайшие сообщники были этим крайне обозлены. Они ни в коем случае не желали дать оттеснить себя теперь, когда для них на карту было поставлено решительно все. По настоянию Гитлера Людендорф во второй половине дня 8 ноября предстал перед триумвиратом Карр — Лос-сов — Зайссер и потребовал включить «Германский боевой союз» в работу по политическому планированию заговора. Когда же это требование было отклонено, Гитлеру не осталось ничего иного, как ошеломляющим маневром заставить «взбунтовавшееся начальство» признать участие фашистов в задуманном государственном перевороте.

Подходящий случай представился в тот же самый вечер во время «митинга отечественных

сил» в пивном зале «Бюргербройкеллер». На нем Карр, заранее оправдывая запланированную антиреспубликанскую акцию, выступал в связи с 5-й годовщиной Ноябрьской революции перед министрами, чиновниками, военными и коммерсантами с докладом «От народа к нации».

Около 21 часа в дверях огромного зала возникла свалка, раздались громкие выкрики, с опрокинутых столов со звоном покатились по полу пивные кружки. Не успел Карр собрать свои бумаги, как в зал ворвалось несколько десятков человек в коричневой форме; на рукавах повязки со свастикой, на головах стальные каски. Сопровождаемый двумя охранниками, Гитлер устремился вперед. Добежав до сцены, он вскочил на стул и потребовал тишины. Гул голосов не смолк, и он приказал одному из телохранителей выстрелить в потолок. Выстрел заставил всех замолчать. Было слышно, как с потолка посыпалась штукатурка.

В воцарившейся тишине Гитлер прокричал, что «национальная революция» началась и зал оцеплен штурмовиками с тяжелым оружием. Потом он произнес несколько фраз о «величии момента». Сохранявший видимость спокойствия Карр и его свита удалились вместе с Гитлером в соседнюю комнату.

Лишь только дверь за ними закрылась, в зале раздался сдержанный смех, послышались возгласы: «Комедия!», «Театр!» Тогда штурмовики вывели из зала премьер-министра Баварии Книллинга и еще двух-трех видных лиц. Командовавший погромщиками Геринг, стоя на трибуне, еще раз выстрелил в потолок. Шум стал стихать. Тогда Геринг, как сообщает очевидец, «громким голосом, весьма жестко и энергично» заявил: удар направлен не против господина генерального комиссара, не против рейхсвера, а против «марксистско-еврейского правительства» в Берлине.

После замешательства, во время которого Гитлер, то и дело выбегая из соседнего помещения, еще пару раз выстрелил из своего браунинга в воздух, было провозглашено, что три «сильных человека» Баварии Карр, Лоссов и Зайссер вступили в союз с нацистским фюрером и во главе с ним и вместе с генералом Людендорфом создали «национальное правительство» Германии. Новые министры, прежде всего объявленный «регентом» Баварии Карр, произнесли короткие, но воодушевившие присутствовавших речи и заверили «рейхсканцлера» Гитлера в своей верности. Свежеиспеченный «имперский военный министр» Лоссов произнес здравицу в честь появившегося в последнюю минуту «главнокомандующего» Людендорфа: «Желание вашего превосходительства для меня закон! Я соберу армию на борьбу!» Сам Гитлер говорил о «марше на Берлин» Он заявил, что «ноябрьские преступники» во главе с президентом Эбертом будут переданы суду «национального трибунала» и через три часа после вынесения приговора расстреляны.

На этом программа «национальной революции» на данный вечер закончилась. Гитлер поспешил удалиться, чтобы проинспектировать некоторые опорные пункты. Людендорф остался на сцене пивного зала как символ «национального мятежа». Непрерывно звучали восторженные тосты и выкрики «Хайль Гитлер!». Тем временем Карр, Лоссов и Зайссер почти незаметно исчезли и отправились в расположенную поблизости казарму 19-го пехотного полка, чтобы обсудить возникшую ситуацию.

На следующее утро население Мюнхена узнало из газет, что Бавария освободилась от «ига берлинских евреев» и «глава правительства» Гитлер вскоре наведет порядок в германской столице. Когда же люди вышли на улицу поглядеть, как осуществляется «национальная революция», они увидели повсюду плакаты: Карр, Лоссов и Зайссер доводили до всеобщего сведения, что данное ими в «Бюргербройкеллере» Гитлеру слово вырвано у них силой и, следовательно, ничего не значит, они отмежевываются от Гитлера и Людендорфа.

Оказывается, во время ночного совещания триумвират пришел к выводу, что гитлеровский путч никаких шансов на успех не имеет. Когда к тому же из Берлина поступило сообщение, что Эберт ввиду мюнхенских событий наделил исполнительной властью (до сих пор принадлежавшей министру рейхсвера) не кого иного, как именно Секта, Карру и его партнерам стало ясно: из этой нацистской авантюры надо вылезать как можно скорее. Узнав об этом, Гитлер пришел в такую дикую ярость, что не смог преодолеть ее в течение целого десятилетия: «рассчитываясь» 30 июня 1934 года с Ремом, он приказал убить также Кара и Лоссова.

Гитлер попытался превратить намеченный на первую половину дня 9 ноября

триумфальный марш по Мюнхену в демонстрацию протеста против трех «старых господ», которых он таким образом еще надеялся заставить встать под его знамя. Но Карр и его сообщники должны были принять серьезные меры. Регулярные части и полицейских мобилизовали на разгон беспорядков. Одним словом, подготовились к отпору нацистам.

Но Гитлер, к которому отовсюду стекались его молодчики, не мог дать обратный ход. Пришлось в 11 часов утра после долгих проволочек двинуться во главе колонны к центру города.

Когда колонна нацистов с Гитлером, Людендорфом (он был твердо уверен, что в него стрелять не будут!), Крибелем, Герингом и другими известными фашистами, шагавшими в первой шеренге, свернула с аристократической Рези-денцштрассе и приблизилась к Галерее полководцев, путь ей преградила полицейская цепь. Незадолго до того нацистам удалось прорвать такое же заграждение на мосту через реку Изар, и поэтому они пренебрегли предупреждением остановиться и разойтись.

Полицейские были в явном меньшинстве, историки потом подсчитали, что пропорция была поразительной — 1 к 30! Колонна остановилась. И вдруг раздался выстрел. До сих пор неизвестно, кто выстрелил первым. После этого минуты две продолжалась перестрелка Упал Шейбнер-Рихтер — он был убит. За ним — Гитлер, который повредил при падении руку. Всего со стороны полиции оказалось убитыми четыре человека, а со стороны нацистов 16 человек. И тут же все кончилось, заговорщики разбежались. Гитлера увез некий Вальтер Шульц, тогдашний врач нацистов, в поместье Ханфштенглей. Только Людендорф продолжал шагать вперед. Его арестовали на площади Одеонплац. Часа два спустя сдался Рем, который захватил казармы рейхсвера со своими штурмовиками.

Путч нацистов провалился Ликвидация нескольких еще продолжавших действовать гнезд штурмовиков вечером 9 ноября, во время которой схватили и Рема, прошла без всякого труда. Но фиаско Гитлера уменьшило и шансы Кар-ра на установление своей диктатуры.

В дальнейшем же многие политики ретроспективно оценивали путч как событие, послужившее нацистам саморекламой и позволявшее им выдавать себя за «героев» Так, руководитель «Стального шлема» Теодор Дюстерберг писал в 1929 году, что пивной путч «на самом деле нисколько не повредил Гитлеру».

Судебный процесс по делу Гитлера начался 26 февраля 1924 года и закончился 1 апреля.

«Обвиняемые, — писал публицист Эрнст Юлиус Гумбель об этом процессе, — стали руководителями судопроизводства. Они сами определяют, когда выдворить публику из зала. Через своих доверенных лиц они организовали выдачу входных билетов, чтобы их рассчитанная на привлечение избирателей пропаганда получила нужный резонанс. Гитлер энергично подвергает свидетелей допросу, и публика награждает его громкими аплодисментами. Насколько уверенными чувствуют себя обвиняемые, видно из слов Крибеля: „Я заслужил свои лавры заговорщика против государства еще во время капповского путча“. А Пенер даже издевательски заявил: „Если совершенное мною вы называете государственной изменой, то этим делом я занимаюсь уже пять лет“. . Гитлер и его друзья с полным правом утверждали, что они лишь продолжали начатое Карром и Лоссовом . Так обвиняемые сделались обвинителями. Официальный же обвинитель стал их защитником».

Гитлер стремился использовать процесс для саморекламы. В своем последнем слове глава нацистов не ограничился изложением фашистской программы «безудержной политики силы» и «разгрома марксизма», а поставил вопрос, кто же призван осуществить эту программу? Гитлер заявил, что только он один устремился на штурм республики. «Того, кто рожден быть диктатором, — выкрикнул он, указывая на себя, — того не отбросить назад, он не даст отбросить себя, он пробьется вперед!»

Суд приговорил Гитлера и двух его сообщников к пяти годам крепости с зачетом того времени, которое они уже просидели в тюрьме. Людендорфа и других участников кровавых событий вообще оправдали.

В крепости Ландсберг-на-Лехе Гитлеру предоставили апартаменты, где он поочередно принимал «для доклада» своих подручных. Хотя продолжительность посещений официально ограничивалась шестью часами в неделю, ему молчаливо позволяли принимать посетителей по шесть часов в день. Гитлер отсидел до и после суда в общей сложности 13 месяцев (по

приговору за «государственную измену» всего девять месяцев1).

Вначале денщиком и одновременно секретарем Гитлера был Маурициус, но потом его сменил Рудольф Гесс, который добровольно (!) вернулся в Германию (после путча он бежал в Австрию) и добровольно же сел в тюрьму, дабы помогать своему фюреру.

Так крепость превратилась для Гитлера в подобие клуба. Со своими приближенными он обсуждал тактические вопросы восстановления запрещенной партии и отрядов штурмовиков, развертывания нацистской пропаганды, применения новых методов запугивания и насилия На этих беседах присутствовал и директор тюрьмы, симпатизировавший нацистам.

Находясь в заключении, Гитлер продиктовал большинство разделов книги «Майн кампф» («Моя борьба»), ставшей своеобразной библией германского фашизма.

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ ПРИМО ДЕ РИВЕРЫ

Испания. 1923 год

В марте 1923 года в Испании состоялись выборы в кортесы. Победу одержали либерально-монархические группы. Над военной кастой и королем нависла угроза разоблачения виновников военной катастрофы в Марокко. Народ Испании требовал разобраться в причинах поражения под Аннуалом и наказать виновных. Становилось ясно, что час правосудия приближается. Список виновных пополнялся все новыми лицами, близкими к королю и министрам. Военные хунты и генералы приходили в бешенство.

Единственный выход из создавшегося положения возглавляемая королем партия видела в совершении государственного переворота для установления в стране режима военной диктатуры.

Начиная с весны 1923 года всем было ясно, что военные готовились к захвату власти весьма деятельно, бесцеремонно и почти открыто. Тем не менее, как пишет министр последнего монархического правительства граф Романонес: «Ни малейшим образом мы [министры] не приняли всерьез деятельность, которую проводили военные для того, чтобы разгромить нас».

К осени план переворота окончательно созрел. Определился и его руководитель. Им стал генерал-лейтенант Мигель Примо де Ривера, являвшийся в то время капитан-генералом Каталонии. Он был выразителем интересов и стремлений военной касты, хотя и не пользовался среди офицеров популярностью из-за быстрого продвижения по службе.

Мигель Примо де Ривера-и-Орба-неха, маркиз Эстелья, родился в дворянской семье в Херес-де-ла-Фронтера (провинция Кадис). Благодаря связям его дяди Фернандо Примо де Риверы — Альфонс XIII одного из участников реставрации Бурбонов в 1875 году, — он быстро продвинулся по служебной лестнице. Примо де Ривера принимал участие в военных действиях в Марокко, на Кубе во время испано-американской войны, на Филиппинах. До назначения капитан-генералом Каталонии он занимал посты военного губернатора Кадиса и капитан-генерала Мадрида.

Габриэль Маура, хорошо знавший диктатора, писал— «Его достоинствами были личная отвага и неустрашимость перед опасностями, постоянная энергия, распорядительность, дар командования, прямота в обращении, щедрое благородство и своеобразная андалузийская привлекательность».

Примо де Ривера был ярым монархистом. Его кандидатура оказалась подходящей еще и потому, что он приобрел некоторую популярность как сторонник весьма распространенного тогда среди испанского народа убеждения в необходимости оставить Марокко.

Примо де Ривера стремился и раньше занять высокий пост в испанском государстве. Он, в частности, мечтал о месте военного министра. Незадолго до падения последнего консервативного правительства весной 1923 года Примо де Ривера обратился с письмом к одному из лидеров либералов (в то время либералы готовились взять власть в свои руки) — Альбе, в котором писал, что он был бы весьма польщен получить портфель военного министра в новом кабинете.

4 сентября 1923 года король через генерала Кавальканти предложил Мигелю Примо де Ривере возглавить переворот. Согласившись на предложение короля, генерал развил бурную

деятельность. Под предлогом стабилизации политического положения в Каталонии он явился в Мадрид и потребовал от правительства либералов свободы действий в Каталонии. Получив отказ, он направил военному министру генералу Айспуро письмо, содержавшее резкие нападки на правительство. Письмо рассматривалось на заседании кабинета. Министр иностранных дел Альба предложил снять Примо де Риверу с поста капитан-генерала Каталонии.

Примо де Ривера чувствовал себя независимым от правительства. Пользуясь неограниченной свободой, генерал вел переговоры с начальниками мадридского гарнизона и людьми, близкими ко двору. Речь шла о последних приготовлениях к перевороту.

По прибытии в Барселону 9 сентября Примо де Ривера собрал генералов и начальников гарнизонов Каталонии и познакомил их с планом переворота. Его предложения были всеми одобрены. Примо де Ривера встретился также с представителями каталонских националистов и пообещал им предоставить Каталонии автономию и изменить таможенные тарифы.

12 сентября Примо де Ривера сообщил генералам и начальникам корпусов, что переворот должен произойти в ночь на 13 сентября.

В ночь на 13 сентября две роты казарм Алкантара и Вергара заняли здания телеграфа и телефона. Вся Каталония была объявлена на осадном положении. В два часа ночи Примо де Ривера собрал журналистов и передал им для обязательного опубликования в печати распоряжение о введении в стране военного положения, а также воззвание к испанскому народу.

В этом воззвании говорилось, что отныне будут управлять страной военные и гражданские лица, «представляющие мораль и доктрину армии», и что будет проведена «чистка страны от профессиональных политиков и заняты центры коммунистической и революционной пропаганды, а подозрительные элементы будут задерживаться».

К мятежному генералу присоединился военный гарнизон Сарагосы во главе с Санхурхо. Остальные гарнизоны страны заняли выжидательную позицию. Гарнизон Валенсии принял сторону правительства. Таким образом, фактически военный переворот охватил лишь Каталонию и Арагон В других районах Испании войска и офицерство ждали дальнейших событий. Нет сомнения, что большинство генералов и начальников гарнизонов сочувствовали перевороту, но вместе с тем они опасались ответных мер со стороны правительства. Ход переворота был далеко не блестящим. «Если нам навяжут бой, — говорил Примо де Ривера генералу Очоа, — мы пропали».

Таким образом, энергичная деятельность правительства Гарсиа Прието и короля могла полностью парализовать военный переворот. Но если правительство фактически с самого начала капитулировало, то Альфонс XIII встретил известие о военном перевороте с радостью и облегчением.

13 сентября в 4 часа утра Гарсиа Прието созвал совет министров, который принял решение рекомендовать королю снять Примо де Риверу с поста капитан-генерала Каталонии. Это решение осталось без последствий, так как Альфонса XIII в городе не было. Каких-либо других мер правительство не приняло. Отсутствие инициативы и авторитета у министров способствовало присоединению гарнизонов к Примо де Ривере одного за другим. Верным правительству остался лишь гарнизон Валенсии.

Альфонс XIII прибыл в Мадрид утром 14 сентября. Глава правительства передал ему на подпись решение об отставке Примо де Риверы. Однако король отказался подписать решение, и правительство в полном составе подало в отставку. Таким образом, либералы-монархисты фактически сами отказались от власти. Государственный переворот был осуществлен без малейшего сопротивления со стороны правительства, хотя Гарсиа Прието и заявил журналистам, что военные захватят власть в стране, только перешагнув через его труп.

Между тем Примо де Ривера торжественно готовился к вступлению в столицу. В Мадрид диктатор прибыл 15 сентября и сразу отправился в королевский дворец. Монарх и генерал встретились как старые друзья. «Дай бог тебе удачи, — сказал ему Альфонс, — я вручаю тебе власть».

Король Испании, несомненно, сыграл важную роль в организации и проведении государственного переворота.

Альфонс XIII частично сумел превратить армию в придворную преторианскую силу.

Высшие военные должности, повышения и награды зависели от «милости» монарха. Для того чтобы придать большее значение роли короля в вооруженных силах, 15 января 1914 года был подписан декрет, в котором указывалось, что король может постоянно и непосредственно вмешиваться во все, что относится к войскам, что он может назначать на посты и повышать в должности офицеров.

Альфонс XIII рассчитывал, что переворот, помимо всего прочего, поможет ему осуществить давнюю мечту — «стать единственным хозяином» Испании. Однако уже на первых порах после прихода к власти Примо де Риверы монарху пришлось убедиться, что диктатор не позволит ему вмешиваться в дела государства так, как он того желал бы.

Как только правительство Гарсии Прието подало в отставку, король поручил Примо де Ривере сформировать новый кабинет 15 сентября была создана так называемая временная военная директория из числа генералов, служивших в Мадриде. Немедленно было объявлено во всей Испании военное положение.

В состав военной директории вошли: Гомес Хордана (от генерального штаба), Эрмоса (от артиллерии), Руис дель Порталь (от кавалерии), Маяндиа (от корпуса инженеров), Валье Эспиноса (от корпуса военных юристов), Наварро, барон де Каса-Давалильос, Родригес Педре и Муслера (от пехоты). Вице-президентом директории стал маркиз Магас (представитель военно-морского флота). Пост секретаря директории занял полковник Ноувилас, глава хунты пехоты, один из наиболее рьяных сторонников Примо де Риверы. Генералы, входившие в директорию, отчитывались только перед главой правительства, им они назначались и смещались.

15 сентября 1923 года Примо де Ривера приказал прекратить рассмотрение дела об ответственности за разгром в Марокко.

Кортесы (сенат и конгресс) были распущены. Но так как статья 32 конституции 1876 года давала право распущенным кортесам в течение трехмесячного срока собраться на заседание, то председатель сената граф Романонес и председатель конгресса Мелькиадес Альварес посетили короля и напомнили ему о постановлениях этой статьи. Кортесы так и не созвались, а оба председателя лишились своих постов.

Гражданские губернаторы были заменены военными. Были отстранены от исполнения своих обязанностей мэры всех испанских городов, муниципальные советы распущены и заменены административными комиссиями.

В стране повсеместно вводилась цензура на печать, и газеты печатали лишь официозный материал, зачастую посылавшийся диктатором. Через пять дней после государственного переворота, 18 сентября, Примо де Ривера опубликовал декрет, согласно которому в испанском государстве разрешалось только монархическое знамя: знамена всех национальностей Испании были запрещены. Тем же декретом распускалась Каталонская манкомунидада. Декрет запрещал пользоваться языками национальных меньшинств.

Поскольку диктатура не располагала политической партией, которая представляла бы «идеалы нового режима», Примо де Ривера занялся организацией этой партии сверху. В речи, произнесенной им 14 апреля 1924 года в Барселоне, он объявил о создании так называемого Патриотического союза — партии, которая, по его словам, должна служить «идеалам порядка и справедливости» и претендовать «на объединение людей со здравыми идеями, из числа которых можно было бы избрать кандидатов для всеобщих выборов и которым правительство могло бы оказать решительную поддержку».

Во вновь созданную партию вступили наиболее ревностные сторонники диктатуры (главным образом банкиры, промышленники, землевладельцы, духовенство), политиканы, которых всегда достаточно при такого рода политических переменах, представители мелкой буржуазии и почти все испанские ка-сики (исключение составили лишь те, кто играл до государственного переворота активную роль в испанской политической жизни). Новая партия создала свои организации во всех городах и во многих селах Испании. Ее организаторами на местах были губернаторы, епископы и «элементы порядка» в городе и правительственные делегаты, духовенство и касики — в деревне.

Созданная Примо де Риверой политическая партия хотя и была многочисленной, но представляла собой искусственный и, как показало время, нежизненный конгломерат.

Государственный переворот Примо де Риверы вызвал многочисленные отклики в Европе
Событиям в Испании отводилось видное место в иностранной печати, особенно во французской
Однако информация, опубликованная во французской печати о событиях в Испании, была весьма сумбурной. Достаточно сказать, что во французских газетах был опубликован портрет и биография не диктатора, а его дяди — покойного генерал-капитана Фернандо Примо де Риверы…

ЗАГОВОР СЕРЖАНТОВ

Куба. 1933—1934 годы

12 августа 1933 года кубинцы ликовали: пала восьмилетняя диктатура «президента тысячи убийств» Херардо Мачадо. Режим «антильского Муссолини», как именовал себя диктатор, рухнул в разгар всеобщей забастовки.

Занявший в марте 1933 года пост президента США Ф.Д. Рузвельт, провозгласивший политику «доброго соседа», направил послом в Гавану своего личного друга С. Уэллеса с миссией «конституционно» убрать Мачадо. Не сумев добиться поставленной цели, Уэллес организовал в Гаване военный путч. В результате временным президентом Кубы стал его протеже К.М. де Сеспедес.

К концу августа новый режим де Сеспедеса оказался перед лицом очередного взрыва. К выступлению готовился Университетский студенческий директорат, сыгравший видную роль в борьбе с Мачадо. Лозунг «Куба для кубинцев!» разделяли в стране многие. Солдаты отказались стрелять в забастовщиков. В воинских частях распространился слух о будущих правилах, затрудняющих продвижение в чинах для сержантов, снижающих жалованье и предусматривающих массовое увольнение рядовых. Это усилило недовольство. Им воспользовалась группа честолюбивых сержантов.

Ведущую роль в готовившемся перевороте играл Батиста. Будущий кубинский диктатор Рубен Фульхенсио Батиста-и-Салдивар родился 16 января 1901 года в местечке Вегитас, муниципии Банес, на севере кубинской провинции Ориенте. По происхождению мулат, выходец из бедной крестьянской семьи. В середине 20-х годов Батиста служил в сельской гвардии. Овладев стенографией, он стал помощником генерального инспектора армии, был произведен в капралы, затем в сержанты и с 1928 года служил стенографом военного суда в форте Ла Кабанья.

Вместе с Пабло Родригесом Батиста возглавлял конспиративную организацию «Военный союз Колумбии» (по названию военного городка в Гаване). Союз, в который входили амбициозные сержанты, сыграл важную роль в отстранении от власти Мочадо.

Возглавивший после этого правительство Мануэль де Сеспедес также мало устраивал сержантов. Батиста установил контакт с лидерами директората и другими недовольными. В ночь на 5 сентября на собрании сержантов и капралов в солдатском клубе военного городка Колумбия Батиста и другие ораторы подвергли критике американское вмешательство в дела страны и правительство де Сеспедеса. Для его низвержения была образована Революционная хунта, принявшая решение добиться формирования такого правительства, которое сумело бы противостоять американскому влиянию. К этому времени Кубу можно было де-факто называть полуколонией США.

Сентябрьский переворот прошел успешно. Ночью 5 сентября мятежники заменили охрану президентского дворца и правительственных зданий, арестовали часть офицеров, других сместили с занимаемых ими постов, третьи сами перешли на сторону сержантов. Потом радио оповестило остров о победе «подлинной, свободной от иностранного влияния, основанной на принципах патриотизма революции». Была образована Правительственная исполнительная комиссия из пяти человек во главе с профессором университета Р. Грау Сан-Мартином.

Сержанты захватили власть и в провинции. О том, какими побуждениями при этом руководствовались некоторые из них, свидетельствует такой факт: Батиста отправил одному из заговорщиков в провинциальном городе телеграмму: «Действуй немедленно, ты произведен в капитаны. Подтверди получение», на что бывший сержант ответил: «Твоя телеграмма опоздала.

Я уже произвел себя в полковники». Сразу же хунта отвергла слухи о том, что она как-то связана с «коммунистами». У зданий иностранных банков и посольств была выставлена охрана. Батиста лично посетил посла США, чтобы заверить его, что будут приняты все меры для обеспечения порядка.

Для Уэллеса восстание оказалось настолько неожиданным, что привело его в панику. Он послал в Вашингтон 5 сентября 11 телеграмм. Новое правительство, сообщал он в одной из них, состоит из крайних радикалов", «чьи теории являются открыто коммунистическими», а некий «сержант по имени Батиста назначен начальником Генерального штаба»; было бы «предосудительным даже обсуждать вопрос об официальном признании Соединенными Штатами этого режима». Уэллес потребовал отправки на Кубу эсминцев и крейсера с морскими пехотинцами, чтобы вернуть де Сеспедеса к власти.

К острову были направлены 30 кораблей США, в том числе два крейсера и линкор. Это вызвало на Кубе бурю возмущения, и Рузвельт предпочел сделать ставку на внутренние силы, дав указание Уэллесу действовать чужими руками. Хотя сообщения газет о хунте становились все более успокаивающими и было объявлено о назначении временным президентом профессора Гаванского университета Р. Грау Сан-Мартина, который обещал уважать все «иностранные интересы» на острове, Уэллес продолжал в своих донесениях характеризовать новое правительство как крайне радикальное. Поэтому Вашингтон отказывал ему в официальном признании и оказывал на него непрекращавшийся нажим.

В это время забастовочная волна охватила почти все сахарные заводы. Произошли вооруженные столкновения с сельской гвардией и войсками, появились народные советы. Это напугало Временное революционное правительство, правое крыло которого стало ассоциироваться с Батистой, а левое — с министром внутренних дел 27-летним Антонио Гитерасом. Именно под влиянием последнего были провозглашены декреты о 8-часовом рабочем дне и 44-часовой рабочей неделе, признании профсоюзов и заключении коллективных договоров, образовании министерства труда, повышении зарплаты, помощи безработным, отмене продиктованной Вашингтоном конституции 1901 года, были распущены прежние партии, конфискована собственность сторонников Мачадо и созданы трибуналы для суда над ними.

Одновременно правительство пыталось поставить рабочее движение под свой контроль. Уже в конце сентября войска начали разгонять митинги, вытеснять рабочих с занятых ими предприятий и возвращать их прежним владельцам.

Один за другим вспыхивали офицерские мятежи. Силу армии, сумевшей подавить заговоры, использовал в своих интересах Батиста, ставший полковником и начальником Генерального штаба. Он поддерживал правительство Грау, пока оно укрепляло его собственные позиции, а позднее стал в ущерб ему укреплять свою собственную власть.

Батиста завязал тайные контакты с Уэллесом, потом с лидерами проамериканских партий и дал понять послу США, что намерен «твердой рукой навести порядок на всех американских сахарных плантациях, где еще происходят рабочие волнения, арестовать и удалить оттуда всех коммунистических лидеров и при помощи войск восстановить порядок всюду, где необходимо».

Однако часть вооруженных сил и полиция еще не были под его контролем. Поэтому открыто выступить против Временного революционного правительства Батиста не рисковал, предпочитая выиграть время. Вашингтон решил сделать ставку на раскол в правительстве Грау и на замыслы Батисты. В декабре Уэллес покинул Кубу, где его сменил Дж. Кэффери в качестве личного представителя Рузвельта. Кэффери сразу же развернул в Гаване кипучую деятельность.

Гитерас отказался принять неофициальный визит нового посла США в Гаване, дав понять дипломату, что рассматривает его попытку проникнуть в военное министерство, минуя официальные каналы, как провокацию.

Зато с американским послом охотно и часто встречался полковник Батиста, против чего Гитерас открыто протестовал на заседании кабинета, требуя заменить Батисту известным своими патриотическими взглядами Родригесом. В ответ на это Батиста заключил Родригеса в тюрьму. Гитерас направился туда, освободил заключенного и вместе с ним выступил перед народом на площади в центре Гаваны.

Честолюбивый полковник отдал приказ стрелять в собравшихся. 14 января 1934 года Батиста под угрозой ареста заставил Грау Сан-Мартина уйти в отставку. Войска заняли все полицейские посты, правительственные учреждения, радиостанции. Революционная хунта распалась.

18 января Карлос Менуэта-и-Монтефур, лидер партии «Националистический союз», владелец газеты и сахарозаводчик, принял присягу в качестве временного президента. 23 января новое правительство было официально признано Вашингтоном, а спустя три дня Кэффери назначили послом на Кубе.

Главной фигурой в новом правительстве почти сразу же оказался Батиста. 29 мая между США и Кубой был подписан новый Постоянный договор, сохранявший военно-морскую базу США в Гуантанамо, но смягчивший формы американского диктата.

На состоявшихся в июле 1940 года выборах Батиста одержал победу, а 10 октября принес присягу в качестве президента. В тот же день вступила в силу принятая 1 июля 1940 года наиболее прогрессивная в то время во всем Западном полушарии конституция Кубы.

«НОЧЬ ДЛИННЫХ НОЖЕЙ»

Германия. 30 июня 1934 года

Кровавая резня 30 июня 1934 года, когда Гитлер уничтожил верхушку штурмовых отрядов — СА, была заключительным этапом борьбы за власть внутри нацистских рядов. СА — самая массовая организация гитлеровцев, стремилась установить свою диктатуру с помощью «второй революции». При этом ее главарь Рем использовал «левые» лозунги: «Долой финансовый капитал», «Долой владельцев крупных универсальных магазинов» и т.д.

И это в тот момент, когда Гитлер «легально» пришел к власти и с бешеной скоростью, не давая никому опомниться, стал демонтировать государственную машину Веймарской республики, уничтожая все демократические институты. В новых условиях Гитлеру впервые понадобилась стабильность, он провозгласил, что революция закончена.

Именно в 1934 году на авансцене событий появился Генрих Гиммлер, «человек в пенсне», который до этого вместе с Гейдрихом подвизался в Баварии. (Там он руководил отрядами СС, созданными Гитлером в противовес штурмовикам.)

Весной того года Геринг назначил Гиммлера «инспектором» гестапо. Из Баварии Гиммлер забрал с собой Гейдриха. Перед ними была поставлена совершенно конкретная задача — провести «чистку». В мае они, видимо, составили списки людей, которых надо было спешно убрать. Списки не коммунистов и не социал-демократов, не евреев или непокорных священнослужителей, а бывших сообщников и меценатов, которые помогли прийти к власти Гитлеру, но которые мешали ему установить абсолютную диктатуру — имели чересчур много почитателей, сами претендовали на власть или слишком много знали.

Но как с ними расправиться? Сам Гитлер и его непосредственное окружение — Геринг, Геббельс, наверно, долго ломали себе голову над этим вопросом. Да, открытый процесс исключался. Кроме всего прочего, всемогущий Рем и его соратники по СА Эрнст, Хейнес и многие другие, включая «оппозиционера» Грегора Штрассера, были популистами чистой воды. Уж они сумели бы защитить себя на суде.

Стало быть, надо было их «ликвидировать» мгновенно, без каких-либо попыток закамуфлировать эту акцию с помощью «законных» оснований. Сценарий был разработан раз и навсегда — гитлеровцы якобы всего лишь «защищались»! В данном случае «защищались» от заговора Рема и его сообщников. Неважно, что никаких улик, показывавших, что готовился заговор, никогда не приводилось.

16 мая Гитлер сговорился с Фричем — командующим сухопутными силами и с другими высшими офицерами, которые ненавидели Рема. 25 июня Фрич объявил боевую тревогу в рейхсвере. 28 июня, то есть за два дня до «ночи длинных ножей», до резни, состоялась встреча Гитлера с Круппом и Тиссеном в Эссене. Армию предупредили, монополистов тоже — для тех и других главное было удалить «левых» экстремистов, а в качестве таковых выступали Рем и Грегор Штрассер.

Расправа шла под знаком предотвращения путча. Это был кровавый террор, порождавший всеобщий страх, растление. Террор с намерением покончить с любым брожением, оппозиционными настроениями по отношению к политике Гитлера — ив руководстве государством, и в самой партии.

Блиц-резня разыгралась 30 июня 1934 года. «Черную работу» взяли на себя части СС, формально подчинявшиеся тогда Рему. Ночью вооруженные люди врывались в дома и брали политиков прямо в постелях. А потом расстреливали их в камерах, зачитав обвинительное заключение. Генерал Шлейхер, бывший рейхсканцлер, и его жена были убиты в своем доме в Бабельсберге, под Потсдамом. Это была месть за то, что своим предложением Штрассеру стать вице-канцлером он пытался расколоть нацистскую партию. Прикончили также адъютанта Шлейхера генерала фон Бредова. Убит был Рем и сотни фюреров СА и штурмовиков, в том числе три обергруппенфюрера СА — Хейнес, Крауссер и Шнейдхубер, глава берлинских штурмовиков Карл Эрнст и многие другие. Был схвачен и убит Грегор Штрассер, соперник Гитлера по партии. Уничтожены были и те бывшие члены баварского правительства, кто в 1923-м помешал Гитлеру осуществить путч.

Неясно, как провел эту ночь и дни д-р Геббельс, соучастник тайно задуманного Гитлером, скрытно подготовленного, внезапно обрушенного беспощадного террора. Что же касается Гитлера, то известно, что, прибегнув со всем коварством к провокационной маскировке, он не так давно написал очень дружеское письмо Рему, а теперь для отвода глаз покинул Мюнхен. Оказался сначала в Эссене, затем метнулся в Годесберг, куда и был вызван им Геббельс, и ночью, как только началось, ринулся назад в Мюнхен и сам участвовал в нападении на не ведающих ни о чем, спавших его сподвижников, таких как Рем, стоявший у самого корня возникновения НСДАП.

Необыкновенную активность как до событий, так и во время них развил Герман Геринг. (После 30 июня Геринг получил поздравительную телеграмму от Гинденбурга за подавление «заговора».) Сначала он собирал фальшивые «коричневые листки» — дескать, Рем готовит заговор против фюрера, хочет его убить. Потом по приказу Гитлера руководил расстрелами в Северной Германии, в том числе в Берлине и Потсдаме.

30 июня 1934 года пострадало сравнительно немного людей — несколько сот, может быть, тысяча с небольшим. Но был создан некий прецедент — расправа внесудебными методами, так сказать, на глазах у ошеломленной публики.

Гитлер объявил резню походом за «порядочность» и «моральную чистоту». 30 июня Отдел печати национал-социалистской партии опубликовал следующее сообщение:

«Уже в течение многих месяцев отдельные элементы пытались вогнать клин и создать противоречия между штурмовыми отрядами и государством. Подозрения о том, что эти попытки являлись делом небольшой клики с особыми установками, все более и более подтверждались. Начальник штаба штурмовых отрядов Рем, который пользовался редким доверием Гитлера, не только не выступил против этих явлений, но, несомненно, поощрял их. Известная несчастная склонность [гомосексуализм] Рема постепенно привела к тому невозможному положению, что у самого Гитлера создавались самые тяжелые внутренние конфликты с его совестью».

«Рем без ведома Гитлера, — указывается далее в сообщении, — установил связь с генералом Шлейхером. При этом использовал других руководителей штурмовых отрядов, а также одну известную в Берлине своей неблаговидностью личность (вероятно, Штрассер. — Прим. авт.), к которой Гитлер относился резко отрицательно. Ввиду того, что эти переговоры (Рема со Шлейхером. — Прим. авт.) в конце концов — разумеется, тоже без ведома Гитлера — привели к связям с одной заграничной державой и, вероятно, с ее правительством, то, с точки зрения национал-социалистской партии, как с точки зрения государства, необходимо было вмешательство.

Планомерно спровоцированные инциденты привели к тому, что сегодня ночью, в 2 часа, после осмотра лагерей трудовой повинности в Вестфалии, Гитлер вылетел на самолете из Бонна в Мюнхен, чтобы немедленно сместить и арестовать наиболее тяжело провинившихся лиц. Гитлер лично, в сопровождении нескольких человек, направился в Виезее, где проводили отпуск Рем и группа близких ему лиц, чтобы там в зародыше подавить всякие попытки

сопротивления. Проведенные аресты выявили настолько печальные с моральной точки зрения картины, что всякий намек на жалость должен был исчезнуть. Некоторые из этих руководителей штурмовых отрядов взяли с собой мальчиков, с которыми они сожительствовали. Одного застали в самой омерзительной ситуации и тут же арестовали его.

Гитлер отдал приказ о безжалостном уничтожении этого гнойника. В будущем он не хочет терпеть того, чтобы миллионы приличных людей страдали и были скомпрометированы отдельными лицами с болезненными отклонениями Гитлер дал приказ прусскому премьеру Герингу провести в Берлине подобные же меры, в частности, ликвидировать там реакционных союзников этого «политического заговора».

В 12 часов дня Гитлер произнес перед собравшимися в Мюнхене высшими руководителями штурмовых отрядов речь, в которой подчеркнул евою непоколебимую связь со штурмовыми отрядами Он заявил, однако, что он в то же время отныне будет безжалостно истреблять и уничтожать недисциплинированных и непослушных субъектов, а также асоциальные элементы или людей с патологическими отклонениями. Гитлер подчеркнул, что он в течение многих лет защищал начальника штаба штурмовых отрядов Рема от самых тяжелых нападок, но что развитие событий последнего времени заставляет его поставить интересы национал-социалистской партии и государства выше всяких личных чувств Он особенно подчеркнул, что в зачатке будет «душить и уничтожать всякие попытки пропагандировать в нелепых кружках честолюбивых натур новый переворот».

Главное обвинение — «аморальность» Рема. И это при том, что Гитлер незадолго до июня 1934 года неоднократно заявлял в ответ на упреки в аморальности верхушки СА, что штурмовые отряды — не «институт благородных девиц», а боевая организация «настоящих мужчин»…

Разгромленные СА лишились престижа и прежнего своего назначения, их функции стали второстепенными, вроде несения охраны концлагерей. Теперь на сцену выходят СС, возглавляемые Гиммлером. До этого времени они осуществляли охрану Гитлера, входили в состав СА и были подчинены Рему. Теперь СС стали не только самостоятельными, но быстро наращивали мощные террористические функции. В этом же 1934 году была создана тайная государственная полиция — гестапо. 30 июня положило начало нацистскому террору при молчаливом одобрении и Гинденбурга, и генералов.

Мир содрогнулся, узнав о «ночи длинных ножей». Людей убивали без суда и следствия, убивали по тайному сговору, как в Варфоломеевскую ночь. Но история показала, что политики очень часто не делают выводов и не извлекают уроков из кровавых событий После 30 июня иностранные послы демократических держав с удовольствием проводили время с Герингом. Среди них: посол Великобритании Фипс (Фипса намного превзошел его преемник Гендерсон, просто-таки восхищавшийся «железным Германом»), посол Франции Франсуа-Понсэ, посол Польши Липский (этот особенно подружился с Герингом).

После смерти Гинденбурга 2 августа 1934 года Геринг сразу же привел всех офицеров и солдат военно-воздушных сил к присяге не… Германии, а лично фюреру нацистов. Итак, отныне в рейхе был один бог.

ЗАГОВОР ПРОТИВ КАНЦЛЕРА ДОЛЬФУСА

Австрия. 1934 год

В июле 1934 года австрийские нацисты подняли антиправительственный путч. Целью путчистов явилась замена правительства Дольфуса, ориентировавшегося на фашистскую Италию, прогерманским правительством, которое должно было объявить о присоединении Австрии к Германии.

Среди главных организаторов путча — руководитель нацистской солдатской группы Фридолин Гласе, руководитель главного отдела НСДАП в Австрии д-р Густав Вехтер и начальник штаба НСДАП в Австрии д-р Рудольф Вейден-хаммер.

Осенью 1932 года по приказу австрийского партийного руководства был создан в армии «Немецкий солдатский союз». Руководителем стал Гласе, его ближайшими помощниками —

Франц Хольцвебер, Отто Планетта и Ганс До-мес. В июне 1933 года военный министр Вогуэн издал приказ о преследовании нацистов в армии. Около 80 членов НСДАП, в том числе Гласе, Хольцвебер, Планетта и Домес, были уволены из войск. Эти солдаты и были собраны Глас-сом, составив войсковое подразделение из 6 рот, получившее название «Мили-терштандарте». Весной 1934 года это подразделение было включено как «Штан-дарте-89» в общий союз СС.

Подразделения Гласса, учитывая их военную силу, неизменно включались в путчистские планы, вынашиваемые различными нацистскими кругами Австрии. Было естественно, что Гласе сам, уверенный в боеспособности своих людей, принимал всерьез возможность осуществления путча.

25 июня 1934 года в Цюрихе состоялось совещание, в котором приняли участие Гласе, Вейденхаммер, Вехтер и Габихт.

Гласе доложил свой план. Было предусмотрено арестовать во время заседания кабинет министров и президента и заставить последнего сформировать новое правительство. Одновременно намечалось занять здание радиостанции. Отдельные операции предполагалось осуществить следующим образом: отборная группа около 150 солдат «СС Штандарте-89» займет во время заседания кабинета министров городскую комендатуру и оставит там гарнизон в 30 человек, переодетых в солдатскую форму. В это же время через ворота с противоположной стороны здания городской комендатуры во двор должны въехать грузовики с обмундированием и оружием. Другие эсэсовцы, облачившись в брюки и сапоги военного образца, а в остальном одетые в цивильное платье, должны последовать за переодетыми в военную форму в городскую комендатуру, переодеться там и получить оружие. Специальной группе под руководством Планетты поручалось арестовать офицера гарнизонной инспекции. Было известно, что только он один является хранителем запечатанного конверта с паролем для поднятия венского гарнизона по тревоге. Старший лейтенант Зин-цингер, комендант города по австрийской армии в Вене, должен был передать все дальнейшие приказы по армии. Группа из переодетых в военную форму людей должна была направиться на грузовиках к резиденции бундесканцлера и занять помещение.

Далее предусматривалось с помощью двух других групп осуществить почти одновременно захват здания «Равага» и центрального телефонного узла. Радиостанция должна передать следующее сообщение: «Правительство Доль-фуса ушло в отставку. Посланнику д-ру Ринтелену поручено формирование нового правительства». И только после передачи этого сообщения вводились в действие все остальные силы нацистов в стране.

Габихт поручил Глассу немедленно возвратиться в Вену для того, чтобы подготовить выступление, поддерживать тесную связь с Вейденхаммером, Мюнхеном и Веной по поводу дальнейших поставок оружия и вести переговоры с высшими офицерами австрийской армии и командиром алармабгейлунг, майором полиции д-ром Готцманом. Дата восстания еще не была определена, но план уже близился к своему осуществлению.

11 июля 1934 года Вейденхаммер отбыл из Вены в Рим, в австрийское посольство, для переговоров о плане восстания с Ринтеленом. Последний должен был стать преемником Дольфуса, ибо христиаиско-социальное прошлое и дипломатическая служба создали ему известную репутацию как в стране, так и за границей. А это обстоятельство позволило бы провести намеченную операцию в стране, не встретив особых затруднений со стороны буржуазных кругов, и в то же время создать атмосферу доверия к новому правительству за границей.

В это время Гласе занимался осуществлением полученных им в Цюрихе заданий. Он провел обсуждение плана д-ром Готцманом, руководителем полицейских-нацистов, инспектором уголовной полиции Роттером, с входившим в состав этой группы и прикрепленным к канцелярии бундесканцлера чиновником уголовной полиции Камба, директором полиции Штейнхойзелем, с двумя начальниками штаба австрийской армии.

Утром 24 июля операция началась. Грузовики с оружием и обмундированием двинулись в путь. По тревоге были подняты сотни эсэсовцев и членов НСДАП.

Около полудня министр финансов д-р Бурст сообщил Ринтелену, накануне прибывшему в Вену, что заседание кабинета министров состоится в 16 часов. Но позже выяснилось, что заседание не состоится и переносится на 11 часов утра следующего дня. Выступление

пришлось остановить.

Вечером 24 июля в отеле «Родаун» состоялась встреча Вейденхаммера, Вех-тера и Гласса. До этого Вейденхаммер имел беседу с Ринтеленом. Последний высказался против повторения выступления… Вехтер и Гласе настаивали на проведении восстания на следующий день, утверждая, что 24 июля полностью подтвердило правильную линию его подготовки, и можно полагать, что на следующий день все будет в должном порядке.

На следующее утро в 6.30 Гласе продолжил переговоры со своими офицерами. Местом сбора по предложению Хольцвебера был назначен спортивный зал немецкого гимнастического союза на Зибенштернгассе Городскую комендатуру намечено было захватить лишь после того, как будет взята резиденция бундесканцлера. Эта операция поручалась Планетте с отрядом в 40 человек, переодетых в военную форму. Приказ о выступлении был вручен командам в 8 часов утра.

В 12 часов 45 минут колонна грузовиков двинулась к месту назначения. На этом подготовительный этап операции был завершен.

Прибыв на место, к резиденции бундесканцлера, команда, которой было поручено занять это здание, встретилась с иной обстановкой. Кабинет министров не заседал. В результате измены Дольфус был предупрежден о появлении грузовиков с нацистами. Предателем оказался инспектор 16-го отделения полиции в Вене Иоганн Доблер.

В 11 часов 54 минуты «особый комиссар для защиты государства от врагов» Фей доложил Дольфусу, что ожидается покушение. Глава кабинета дал указание министрам покинуть здание. С Дольфусом остались статс-секретарь безопасности Карвинский, статс-секретарь по военным делам генерал-майор Ценер и Фей. В сопровождении этих лиц Дольфус направился в свой рабочий кабинет.

В 12 часов 50 минут во двор въехали машины с путчистами. Полицейские спокойно дали проехать машинам, полагая, как они заявили позднее, что это было подкрепление, высланное для охраны бундесканцлера.

Не встретив особого сопротивления, нацисты заняли здание резиденции бундесканцлера. Хольцвебер взял под арест командира почетной стражи Бабка, другие нацисты — командира караула, пришедшего на смену, а также обе караульные команды. Был задержан и комиссар полиции, которого дирекция полиции направила для наблюдения за зданием. Арестованные в нижнем этаже лица были собраны во дворе и взяты под стражу.

Для занятия верхних этажей национал-социалисты выделили несколько • групп Арест кабинета министров поручался группе Хольцвебера. Планетта ! вел другую группу к первому этажу. Он и встретил Дольфуса, убегавшего в сопровождении швейцара Гедвичека В результате стычки Дольфус был смертельно ранен.

Захват здания продолжался примерно 20 минут и с военной точки зрения был проведен блестяще. 65 вооруженных солдат и полицейских были захвачены врасплох, без особого сопротивления с их стороны.

Наконец Хольцвебер заметил, что, кроме Дольфуса и Фея, в доме не осталось ни одного министра. А так как ему было поручено при захвате резиденции бундесканцлера возглавлять группу, которая имела задание произвести во время заседания арест кабинета министров, то он не знал, что же ему теперь предпринять. Позднее Хольцвебер показал: «Оставив несколько человек в комнате с арестованными, я отправился на поиски руководителя операции. Но его не оказалось, и я понял, что дело идет не совсем так, как было условлено. Тут же, как и было договорено раньше, я позвонил в кафе Эйлес, пытаясь позвать к телефону некоего Кунце. Но его тоже там не оказалось».

Под «руководителем операции» он подразумевал Гласса. «Кунце» — псевдоним районного инспектора уголовной полиции Роттера.

Как установлено свидетельскими показаниями, Гласе был арестован возле резиденции бундесканцлера и отправлен в казарму хеймвера, а позднее передан полиции.

Груженный оружием и боеприпасами грузовик в результате допущенной оплошности, не выясненной до сих пор, остался на Зибенштернгассе и был конфискован уголовной полицией.

Внимание внешнего мира было привлечено к путчу вначале тем, что в 13 часов 2 минуты по радиостанции Раваг было передано следующее сообщение: «Правительство Дольфуса ушло

в отставку Управление принял на себя д-р Ринтелен». Ганс Домес, возглавлявший группу, занявшую радиостанцию, вынудил диктора передать это сообщение.

Сообщение Равага об отставке правительства должно было послужить паролем для поднятия по тревоге СА и всех национал-социалистов в Австрии. Но в ближайшие часы ни СА, ни другие партийные группы не включились в операции, проводившиеся в резиденции бундесканцлера и на радиостанции.

О действиях руководителей, находившихся вне резиденции, Вейденхаммер показывал: «Задача Вехтера состояла в том, чтобы вслед за проникновением в резиденцию бундесканцлера наших людей направиться туда и вместе с Глассом приступить к переговорам с министрами… Я же поспешил в отель „Империал“ к Ринтелену, чтобы договориться с ним о его действиях на ближайшее время. В случае удачного исхода операции мы намеревались отдать из резиденции бундесканцлера все необходимые распоряжения » В начале второго часа Ринтелен вдруг получил поздравление по телефону в связи с назначением его бундесканцлером.

Вскоре после телефонного разговора с Ринтеленом Вейденхаммер заметил на улице непривычное скопление полицейских и, почувствовав что-то неладное, попросил Ринтелена не выходить на улицу Сам же он поспешно направился к зданию радиостанции, чтобы лично убедиться в том, что там произошло. После того как Вейденхаммер покинул Ринтелена, тот позвонил генеральному директору «Равага» Оскару Чею и заявил ему, что, очевидно, передали неправильное сообщение и что он требует немедленного разъяснения.

Подойдя к радиостанции, Вейденхаммер не был допущен в здание полицейским патрулем. Он сразу же понял, что операция Домеса прошла не совсем удачно. Тогда он решил выяснить положение в резиденции бундесканцлера и поспешил туда. По дороге в Шауфлер-гассе он встретил Вехтера и члена национал-социалистской партии Павло. Вместе они попытались проникнуть в здание резиденции бундесканцлера, но несмотря на то, что они называли пароль «89», пройти им не удалось.

Кабинет министров принял решение не допускать каких-либо переговоров с Ринтеленом и предъявить ультиматум мятежникам.

Возглавивший правительство Шушниг позвонил Ринтелену в отель «Империал» и попросил его зайти в министерство обороны. Затем он послал главного редактора газеты «Рейхспост» Фундера на машине в отель «Империал» за Ринтеленом, а по прибытии Ринтелена в министерство обороны запер его в одной из комнат.

После того как войска, полиция и поднятые по тревоге союзы обороны, направленные к резиденции бундесканцлера, были приведены в состояние полной готовности, министр Нейштедтер-Штюрмер и генерал Ценер направились для ведения переговоров с восставшими о выдаче арестованных и освобождении здания.

Во второй половине 25 июля 1934 года правительство Шушнига, несмотря на то что ему уже было известно о смерти Дольфуса, заверило окруженных в здании национал-социалистов, что им будет предоставлена свобода передвижения к границе с Германией.

Наконец к зданию резиденции бундесканцлера подъехали полицейские машины. Национал-социалистам было сказано, что они будут отправлены на этих машинах, дабы не привлекать к себе внимания. Они сдали оружие, сели в машины, в надежде, что их повезут к государственной границе, а родные вскоре последуют за ними в Германию. Но путь полицейских машин лежал не к границе, а в так называемые Марокканские казармы.

Шушниг признал, что ответственность за нарушение обещания лежит на нем. В отчете о событиях 25 июля 1934 года он говорит: «Я распорядился, чтобы восставшие провели ночь в Вене, и по предложению господина вице-президента Скубля они были направлены в Марокканские казармы».

Вечером 25 июля 1934 года венская полиция не знала, кто же произвел смертельный для Дольфуса выстрел. Вице-президент полиции Скубль приказал в 21 час всем имеющимся в распоряжении чиновникам обычной и уголовной полиции направиться в Марокканские казармы для допроса находившихся там под арестом примерно 150 национал-социалистов. На следующий день удалось установить, что стрелял в Дольфуса Планетта. Его тут же отправили в тюрьму.

30 июля 1934 года правительством был принят следующий закон, по которому лица,

причастные в связи с восстанием 25 июля «к действиям, подлежащим наказанию», должны были «содержаться в определенном месте, без ущерба судебному преследованию». По закону они должны были, находясь там, «выполнять всю без исключения тяжелую принудительную работу». При обсуждении этого закона министр юстиции Бергер-Вальденегг констатировал, что в Каринтии «задержано» уже 1100, в Верхней Австрии— 1300 и в Шти-рии — 1200 человек. Вступив во владение наследством Дольфуса, Шушниг начал с широкого преследования национал-социалистов.

Первым процессом военного суда было дело Хольцвебера и Планетты. Если внешне это и имело видимость законного процесса, в действительности же являлось лишь фарсом. Не были соблюдены самые элементарные уголовно-процессуальные принципы. Оба были приговорены к смерти за государственную измену, а Планетта, кроме того, и за убийство.

Из национал-социалистов, арестованных в резиденции бундесканцлера, в последующие дни были казнены чиновники полиции Иосиф Хакль, Франц Лееб, Людвиг Майтцен, Эрих Кольраб и один из солдат австрийской армии, принимавший участие в операции в Вене, Эрнст Фельке. Казнены были также Ганс Домес — как один из руководителей операции «Раваг», и пять национал-социалистов — участников июльских событий.

ЗАГОВОР «ТЕВТОНСКИЙ МЕЧ»

Франция, Марсель. 9 октября 1934 года

В 1934 году внешнеполитическая деятельность министра иностранных дел Франции Луи Барту привлекала всеобщее внимание. Союзники Франции —страны Малой Антанты, несмотря на колебания Югославии, все же разделили его мнение о необходимости создания системы коллективной безопасности в Европе. Барту придавал огромное политическое значение итало-французскому сближению, которое, несомненно, оказало бы серьезнейшее влияние на расстановку сил на Европейском континенте.

В гитлеровской Германии забеспокоились. Реализация выдвинутого Барту проекта Средиземноморской Антанты могла создать непреодолимую преграду для аншлюса, укрепить позиции Чехословакии, став одновременно ступенью к созданию «Восточного пакта».

Германская дипломатия прекрасно понимала, что главным препятствием на пути франко-итальянского соглашения и укрепления независимости Австрии было напряженное состояние итало-югославских отношений. Официальный визит югославского короля Александра I Карагеоргиевича во Францию открыл перед Гитлером подходящую возможность для террористического акта. Дело заключалось в том, что Александр I был одним из основных «объектов» террористической деятельности хорватской националистической организации, члены которой называли себя усташами (повстанцами). Лидеры усташей имели давние связи с правящими фашистскими кругами Венгрии, Италии и Германии, пользовались их поддержкой.

Визит югославского короля во Францию был заранее «широко разрекламирован прессой». Недели, предшествовавшие визиту, были тревожными. По Парижу ползли зловещие слухи о возможном покушении на Александра I. Один из сотрудников Барту без обиняков заявил министру иностранных дел, что он «предпочел бы, чтобы король поехал куда угодно, только не в Марсель». Парижская печать за несколько часов до прибытия монарха, следовавшего на эсминце «Дубровник» в порт Марселя, сообщила о намерении хорватских террористов устранить Александра I Карагеоргиевича.

Генерал А. Димитриевич, югославский министр двора, утром 9 октября, приехав в Марсель, был поражен действиями местной полиции. Принятые ею охранные меры свелись к тому, что по обеим сторонам улиц были расставлены полицейские с интервалом в 10 шагов друг от друга. Причем они стояли спиной к толпе на тротуарах и фактически не могли наблюдать за собравшимися. Югославская охрана короля не допускалась на французский берег. Предложение британского Скотленд-Ярда взять на себя обеспечение королевской безопасности было отклонено. Тем не менее марсельский префект Совер заверил своего югославского коллегу, что ничего серьезного не случится.

Ритуал встречи югославского короля был прост, но торжествен. Александр I не случайно

должен был вступить на французскую землю в Марселе. Отсюда, из марсельского порта, в начале Первой мировой войны французские войска отправлялись на помощь Сербии. Здесь, в Марселе, стоял памятник французским солдатам и офицерам, погибшим на Балканах и на Салоникском фронте. К подножию этого памятника югославский король в присутствии Барту и генерала Жоржа, занимавшего в годы Первой мировой войны пост начальника штаба Салоникского фронта, должен был возложить венок, открыв свой государственный визит напоминанием о франко-сербском боевом союзе, о совместном вкладе в победу Антанты.

Непосредственно из марсельского порта маршрут высокого гостя лежал по одной из центральных городских улиц — улице Ла Канебьер — к площади Биржи, где находилось здание местного муниципалитета В этом здании, над которым были подняты французский и югославский национальные флаги, должна была состояться первая беседа Барту и Александра I На франко-югославские переговоры французский министр возлагал большие надежды.

9 октября 1934 года около двух часов дня «Дубровник», встреченный эскортом французских миноносцев, вошел в марсельскую гавань Прогремел артиллерийский салют. Югославский король, одетый в адмиральскую форму, сошел на берег Старой гавани Марселя, где его встречали Барту, военно-морской министр Пьетри, генерал Жорж и сопровождавшие их чиновники французского дипломатического и военного ведомств. Генерал Жорж и Александр I обменялись речами, подчеркнув незыблемость уз, связывающих оба государства — Французскую Республику и Королевство Югославию После этой вступительной торжественной церемонии король и Барту направились к ожидавшей их машине. При виде поданного автомобиля наблюдавший за церемонией посадки Димитриевич оторопел, небронированный лимузин с большими окнами и широкими подножками во всю длину кабины, от переднего до заднего крыла, не давал никакой защиты в случае попытки покушения на сидящих в нем людей, а, наоборот, был чрезвычайно удобен для террориста! В довершение всего задняя часть кабины была с откидным верхом, сдвинутым сейчас назад.

Барту не мог не заметить отсутствия запланированного эскорта мотоциклистов. Он видел, что охрана короля преступно слаба. Король, как вспоминали очевидцы, нервничал, испуганно глядя на толпу, собравшуюся на тротуарах улицы Ла Канебьер, по которой машина, двигаясь с ничтожной скоростью — 4 км/ч — вместо положенной в этих случаях скорости 20 км/ч, направилась к площади Биржи. В непосредственной близости к королевской машине, где рядом с Александром I сидел Барту, гарцевали только два конных охранника.

Кортеж уже достиг площади Биржи Время — 16 часов 20 минут. Но что это? Из толпы около биржи выскочил человек. Полковник Пиоле, немного опередивший машину, пытается повернуть лошадь, но она становится на дыбы. Человек проскочил мимо нее и прыгнул на подножку автомобиля. У него в руках револьвер. Перед ним — король Александр. Первые две пули — в грудь королю, тот сразу же сползает по сиденью автомобиля, обливаясь кровью. Следующая пуля попадает в руку Луи Барту. Выстрелы перепугали шофера Фуассака — он остановил машину и быстро выскочил из нее. Первым попытался остановить террориста сидевший впереди Александра генерал Жорж, но четыре пули валят его на дно машины. Со стороны мостовой на террориста бросился полицейский Гали, но и он падает на землю, подкошенный пулей . На все это уходит буквально несколько секунд, ровно столько, сколько потребовалось полковнику Пиоле, чтобы развернуть лошадь и выхватить саблю . Он дважды бьет ею террориста по голове. Окровавленный, тот падает на мостовую, получив еще две пули от полицейских, открывших беспорядочную стрельбу В толпе жертвы. Полицейские пули убили двух зрителей, несколько человек ранено.

После первого оцепенения наступил страшный беспорядок Казалось, что все потеряли голову и перестали отдавать отчет в своих действиях… Набежавшая толпа топчет террориста.

Еще в машине Александр потерял сознание. Его перенесли в префектуру, украшенную флагами и гирляндами. Проходит несколько минут, и флаги приспускают.

В обстановке всеобщего замешательства первая помощь, оказанная Барту, явилась для него роковой Повязка, сделанная кем-то с целью остановить кровотечение, была наложена поверх пиджака ниже раны Она не только не остановила кровотечение, но и значительно усилила его Пришедшая санитарная машина забрала Барту и лежавшего в беспамятстве террориста в ближайшую больницу По дороге Барту от большой потери крови лишился

сознания. В больнице ему немедленно сделали операцию. Врачи уже надеялись на благоприятный исход, как вдруг сердечная деятельность их 72-летнего пациента резко ослабла. Барту умер, не приходя в сознание.

Тяжело раненный генерал Жорж был доставлен в военный госпиталь Пять месяцев потребовалось ему, чтобы восстановить свои силы.

Убийца, доставленный в больницу, был в тяжелом состоянии. При нем был найден чехословацкий паспорт на имя Петра Келемена, револьверы системы «Маузер» и «Вальтер», бомба. На руке была татуировка — знак ВМРО — македонской террористической организации. Не приходя в сознание, он умер около восьми часов вечера того же дня в той же больнице, что и Барту, унеся с собой многие тайны.

Личность убийцы удалось установить быстро. Из многочисленных взращенных ВМРО профессиональных убийц и террористов это была одна из наиболее зловещих фигур. Настоящее имя убийцы — Величко Георгиев — было известно в основном его непосредственным начальникам и полиции. Другие знали его в разное время под разными именами, среди которых самым распространенным было Владо Черноземский, а также «Владо-шофер» — кличка, отражавшая его профессию Он не пил алкогольных напитков и не курил. Готовый пойти на любое дело, он являлся безжалостным и хладнокровным убийцей.

Убийство короля Александра и Барту внесло новый элемент в международную обстановку. Оно до крайности обострило отношения Югославии с Италией и Венгрией, Франции с Италией, а также охладило отношения между Францией и Югославией. Переговоры о франко-итальянском сближении остановились, а дальнейшие их перспективы выглядели мрачно… Главное препятствие — югославо-итальянские противоречия — разрослось до крайних пределов Не могло, следовательно, быть и речи, по крайней мере на ближайший период, о создании Дунайского пакта и гарантии на его основе австрийской независимости. Со смертью Барту приостановились и переговоры о создании Восточного пакта с участием Советского Союза. В лице Барту идея франко-советского сотрудничества лишалась своего самого горячего поборника во Франции.

Марсельское убийство вызвало бурю в Югославии Югославская пресса развернула шумную кампанию против Италии и Венгрии, обвиняя их в убийстве короля Александра и Барту руками усташей. То, что именно они явились непосредственными убийцами, воспринималось в Югославии с самого начала как аксиома, не требующая доказательств.

Иную позицию заняли французская пресса и правительство. Французские газеты высказывали мнение, что убийство Луи Барту и короля Александра не должно сказываться на отношениях между Францией и Италией, а политика, направленная на сближение двух стран, должна быть продолжена. Итальянская пресса, сдержанно комментируя события, взяла примирительный тон в отношении Франции и Югославии.

Сразу же после покушения в Марселе специальные уполномоченные французской и югославской полиции были посланы в Италию, Венгрию, Австрию, Германию и Швейцарию с целью проследить на месте и собрать факты о деятельности усташей о подготовке марсельского покушения и т.п.

Организация усташей возникла в Югославии после государственного переворота 6 января 1929 года. Не видя иного выхода из политического кризиса, король Александр объявил о прекращении действия конституции, о роспуске парламента и переходе всей власти в его руки. Все политические партии были запрещены.

Политическим идеалом 46-летнего Александра была абсолютистская монархия наподобие русского самодержавия. На всю жизнь в нем глубоко засела неприязнь к парламентарным формам правления и склонность к авторитарному централизму. Он не терпел никакой критики и отнюдь не был склонен к компромиссам Не терпел он также и политических деятелей с независимыми взглядами, окружая себя людьми, готовыми слепо выполнять его волю и указания.

Первые же действия монархо-фашистского режима показали его велико-сербский характер. Особым законом Государство сербов, хорватов и словенцев, как оно официально называлось с момента его создания до 1929 года, было переименовано в Королевство Югославию.

Сразу после государственного переворота была создана «Повстанческая хорватская революционная организация» с целью полного отделения Хорватии от Югославии и образования «Независимого хорватского государства». Усташа (повстанец) — стало сокращенным названием этой организации. Под именем усташей ее члены и стали впоследствии известны мировой общественности. Руководитель же ее — Анте Павелич — присвоил себе «титул» вождя повстанцев и неограниченное право руководить деятельностью всей организации и распоряжаться судьбой и жизнью ее членов. Понимая, что внутри страны усташская организация не может быть создана, Павелич вскоре после этого уехал за границу.

Его взоры обратились в первую очередь на ВМРО — «Внутреннюю македонскую революционную организацию», которая уже давно вела террористическую деятельность против Югославии.

В середине апреля 1929 года Анте Павелич вместе с одним из ближайших своих помощников, Августом Перчецем, прибыл в Софию по приглашению лидера ВМРО Ивана (Ванчо) Михайлова. В ходе переговоров было решено, что ВМРО окажет содействие усташам. Но самое главное, Михайлов пообещал помочь усташам установить важные связи, прежде всего с итальянской разведкой.

Из Софии Павелич поехал в Рим, где нашел финансовую помощь и полную поддержку со стороны фашистской Италии. Непосредственным его патроном стал глава итальянской разведки Эрколи Конти. Павелич был принят Муссолини и сумел произвести на него благоприятное впечатление своей ненавистью к Югославии. Здесь, на территории Италии, он расширил усташскую организацию. Ее конечная цель — развал Югославии — совпадала с задачами, которые ставила перед собой в это время фашистская Италия в своей внешней политике.

24 сентября 1934 года в венгерский город Надьканижу, в дом №23 на улице Миклоша Хорти, где проживали усташи, находившиеся ранее в лагере Ника-Пуста, прибыл один из усташских лидеров — Мийо Бзик. Он привез распоряжение А. Павелича выделить трех человек для выполнения важного поручения. Бросили жребий, который пал на М. Краля, И. Райича и З. Поспишила.

28 сентября трое выбранных усташей, Георгиев и возглавлявший группу Е. Кватерник собрались в Цюрихе, после чего сразу выехали в Лозанну.

Вечером 29 сентября террористы на пароходе переплыли Женевское озеро и высадились на французском берегу Чтобы не привлекать внимания, Кватерник разделил группу на две части Сам он сошел на берег вместе с Кралем и Поспишилом в Топоне, а Райич и Георгиев — в Эвиане, и на разных станциях они сели в один и тот же поезд, отходивший в восемь часов вечера на Париж. Здесь, в поезде, Кватерник выдал сообщникам новые чехословацкие паспорта взамен старых, которые он отобрал. Теперь Краль стал называться Гуссеком, Поспишил — Новаком, Райич — Бенешем, а Георгиев — Суком (этим именем его и стали называть усташи).

В Париже Кватерник действовал не только как опекун четырех террористов, но и как связной между ними и еще одним лицом, которое действовало как непосредственный руководитель всей операции Попытки французской и югославской полиции раскрыть его настоящее имя или место, откуда он прибыл в Париж, оказались тщетными. Его личность так и осталась загадкой до настоящего времени. В гостинице этот заговорщик предъявил чехословацкий паспорт на имя Яна Вудрачека. Террористам же он был известен как Петр.

8 октября подготовка покушения перешла в решающую фазу. В этот день Петр, Кватерник, Георгиев и Краль отправились в Марсель, чтобы внимательно изучить маршрут, по которому должен был проехать на следующий день король Александр, и установить место покушения. Только здесь террористы получили точное задание совершить покушение: Георгиеву было непосредственно поручено убить короля, а Краль получил задание бросить бомбы в толпу, чтобы вызвать замешательство и дать Георгиеву возможность скрыться.

Вечером 8 октября Кватерник пришел в комнату к Георгиеву и Кралю, чтобы отдать последние распоряжения. Он сказал, что задание получено и завтра они должны выполнить его. В тот же вечер Кватерник отбыл в Швейцарию.

9 октября Георгиев и Краль выехали в Марсель, имея при себе по два револьвера — один системы «Маузер» и один «Вальтер» — с соответствующим количеством патронов и по бомбе.

В Марселе террористы нашли улицу Ля Канебьер и около двух часов дня смешались с толпой, собравшейся против биржи для встречи короля Александра.

В 4 часа 20 минут 9 октября 1934 года раздались роковые выстрелы, оборвавшие жизнь короля Александра и Луи Барту, а также самого Георгиева.

Во Франции устроили поголовную проверку иностранцев, особенно восточноевропейских национальностей. В половине третьего ночи с Юна 11 октября Поспишил и Райич, не принимавшие непосредственного участия в покушении, были арестованы в номере гостиницы. 15 октября сдался Краль, не знавший ни местных условий, ни языка.

Франция официально обратилась к Италии с просьбой арестовать Павелича и Кватерника и выдать их французским властям. Но Италия категорически отказалась выдать усташских преступников. Правда, итальянские власти арестовали 17 октября 1934 года и Павелича, и Кватерника, но этот жест напоминал скорее хорошо разыгранную сцену и служил в гораздо большей мере безопасности самих преступников, нисколько не способствуя выяснению обстоятельств покушения.

Вечером 12 февраля 1936 года суд в Экс-ан-Провансе вынес приговор Кралю, Поспишилу и Райичу. Найдя их виновными в добровольном и предумышленном соучастии в убийстве короля Александра и Луи Барту и в попытке убийства генерала Жоржа и полицейского Гали при отягчающих обстоятельствах, суд приговорил всех троих к пожизненным каторжным работам и возмещению судебных издержек Затем, после короткого совещания, суд приговорил всех троих заочно к смертной казни и возмещению судебных издержек.

Но это еще не конец истории. 23 мая 1957 года газета «Нойес Дойчланд» опубликовала статью, в которой раскрывалась роль в этом преступлении немецкого помощника военного атташе в Париже Ганса Шпейделя Из документов того времени были опубликованы два: письмо Германа Геринга Шпейде-лю, которому поручалось организовать задуманную провокацию, и ответ Шпейделя о завершении подготовки марсельского покушения. Оба документа являлись подлинниками с печатями и личными подписями их отправителей.

Что явствует из этих документов? Террористический акт против Барту был подготовлен с личной санкции Гитлера при активном участии Геринга и аппарата германского посольства в Париже. Операция получила кодовое название «Тевтонский меч». Для непосредственного исполнения задуманного убийства были привлечены участники македонской террористической организации, в частности 37-летний опытный профессиональный террорист В. Георгиев, именовавшийся в секретной переписке Шпейделя с Герингом как «Вла-до-шофер».

Гитлер решил, что ему представляется уникальный случай устранить Барту. 1 сентября из Берлина в германское посольство в Париже на имя помощника военного атташе капитана Шпейделя была направлена подписанная Герингом инструкция по реализации операции «Тевтонский меч». 3 октября Шпей-дель информировал Берлин: «…в соответствии с Вашими указаниями подготовка операции „Тевтонский меч“ уже завершена. Я подробно обсудил с господином Ванчо Михайловым все имеющиеся возможности. Мы решили провести операцию в Марселе: там встретятся оба интересующие нас лица. „Владо-шофер“ подготовлен». К этому времени ему был детально известен план церемонии встречи югославского монарха в Марселе и передвижения его по французской территории. Было известно даже то, что «предусмотренный ранее эскорт мотоциклистов будет отменен».

Российский историк В.К. Волков отметил, что гитлеровцы осуществили свой замысел «руками македонских террористов, прикрыв покушение усташским плащом».

ЗАГОВОР ПРОТИВ ПРАВИТЕЛЬСТВА НАРОДНОГО ФРОНТА

Испания. 1936 год

В 1935 году политическая обстановка в Испании была сложной Всеобщее недовольство вынудило подать в отставку реакционное правительство, в котором заправлял Хиль Роблес. 20 октября 1935 года лидер оппозиции Асанья на 200-тысячном митинге произнес знаменитую фразу. «Вы должны выбрать между демократией со всеми ее недостатками, заблуждениями или ошибками и тиранией со всем ее ужасом». В начале января 1936 года президент распустил

кортесы и назначил выборы на 16 февраля. Вскоре левые партии подписали «Избирательный пакт», вошедший в историю как «Пакт о Народном фронте».

В то время генерал Франко, чье имя за пределами Испании было мало кому известно, — занимал должность начальника генерального штаба. До того, как его узнали в Европе и мире, оставалось шесть месяцев.

Франсиско Паулино Арменегильдо Теодуло Франко Баамонде родился 4 декабря 1892 года в Эль Ферроле. В 1910 году он окончил Пехотную академию в Толедо.

Во время войны против Марокко Франко завоевал репутацию способного и мужественного офицера. Это обеспечило взлет его карьеры. Он был главнокомандующим Иностранным легионом. В 1928 году военный диктатор При-мо де Ривера назначил его на высокий пост начальника Главной военной академии в Сарагосе. Генерал Франко прослужил на этой должности до 1931 года, когда республиканцы, свергнувшие монархию, обвинили его в монархических симпатиях и отправили служить на Балеарские острова. Находясь там, Франко остался в стороне от многочисленных заговоров, которые организовывались против республиканского правительства. Этим он добился лояльного отношения к себе со стороны властей.

В 1934 году генерал Франко жестоко подавил восстание шахтеров в Астурии, заслужив уважение консерваторов правого крыла республиканцев и ненависть со стороны левых. Когда консерваторы пришли к власти, Франко назначили начальником генерального штаба испанской армии.

Франко был весьма озабочен предстоящими выборами. По свидетельству Барросо, испанского военного атташе во Франции, с которым Франко вместе возвращался на континент, он говорил, что надеется, что Народный фронт не победит, но не исключал и эту возможность. «Если случится худшее — наш долг вмешаться», — заявил он. И если Барросо услышит, что Франко — в Африке, это будет сигнал к действиям. Свидетелей разговора не было: во время переправы через Ла-Манш штормило и на палубе были только двое — Франко и Барросо. Но последующие события подтверждают достоверность слов военного атташе.

После того как на выборах 16 февраля Народный фронт одержал победу, еще до окончательного подсчета голосов, начальник генерального штаба Франко попытался убедить военного министра Молеро объявить военное положение. Молеро отослал Франко к главе правительства Портеле Вальядаресу. Как вспоминал позднее Франко, Портела был очень любезен с ним, но тем не менее устоял, заявив, что «противопоставить штыки воле нации равносильно самоуправству».

Спустя более 20 лет, в ноябре 1957 года, Франко прочел в журнале «Рей-но» статью генерала Хорхе Вигона о событиях 1936 года. По мнению Вигона, «главной фигурой в подготовке Движения (т.е. заговора и мятежа) был бывший командующий группой войск в Северной Африке генерал Эмилио Мола, а Франко — маленький его спутник». Генералиссимус был возмущен: «Как мог Вигон это написать, не будучи хорошо осведомлен о ситуации». И рассказал о совещании в доме биржевого дельца Дельгадо 8 марта 1936 года, где собрались в основном бывшие «африканцы». Незадолго до этого Франко, бывший командующий военно-воздушными силами генерал М. Го дед и генерал Мола получили приказ главы нового правительства, пришедшего к власти, покинуть Мадрид. Новое назначение Франко, теперь уже бывшего начальника генерального штаба, — Канарские острова. Полковник Варела, представлявший находившегося в изгнании генерала Х. Санхурхо, предложил немедля совершить переворот.

Мола и Франко отказались: время упущено, надо ждать более благоприятной ситуации, когда в стране воцарится анархия и выход армии на улицы будет оправдан. По словам Франко, ему предложили быть руководителем движения, но он отказался, предложив кандидатуру генерала Санхурхо.

То, как впоследствии развивались события, дает основание с доверием отнестись к словам Франко. Это не означает, однако, преуменьшения роли Молы, бывшего командующего группой войск в Северной Африке, души и мозга заговора, «Директора», как он подписывал свои секретные циркуляры. Конспираторы сохранили в тайне свои приготовления к мятежу. Но самым осторожным среди них был Франсиско Франко. Проницательный И. Прието, лидер

испанских социалистов и министр многих кабинетов Республики, во время дополнительных выборов в кортесы в выступлении в Куэнке уже 2 мая 1936 года назвал Франко «ферментом сокрушения»: «Генерал Франко благодаря своей молодости, своим дружеским связям в армии, своему личному престижу представляется в данный момент тем человеком, который может возглавить движение такого рода».

23 июня Франко направил письмо главе правительства Касеросу Кироте: «Лгут те, кто изображает армию враждебной республике. Вас вводят в заблуждение те, кто, преследуя свои темные цели, разглагольствуют о мнимых заговорах» Письмо генерала мало кого успокоило: приближение грозы ощущалось многими.

Мола, взявший в начале мая с согласия Санхурхо все нити заговора в свои руки, установил прочные связи как с Испанским военным союзом, куда входили офицеры чином не ниже полковника, так и с карлистами — наиболее архаичными во всем потоке испанских правых, ставившими целью восстановление монархии во главе с представителями той ветви Бурбонов, которая безуспешно добивалась трона еще с 1830-х годов Карлисты, имевшие опору прежде всего в Наварре, были весьма активны и представляли собой реальную силу — их военизированные отряды, называемые «рекете», насчитывали в то время 9 тысяч человек.

9 июля стороны пришли к компромиссному решению, союз военных и кар-листов не будет на первых порах связан с флагом — монархическим или республиканским.

Что касается фаланги — испанской разновидности фашизма, получившей организационное оформление в 1933 году, то поначалу Мола контакта с ней не искал, так как полагал, что руководить мятежом должны только военные. Тем не менее «вождь» фаланги Хосе Антонио Примо де Ривера (сын покойного диктатора), находившийся в тюрьме в Аликанте по обвинению в незаконном хранении оружия, весьма энергично атаковал Молу, предлагая услуги своей военизированной милиции. 14 июля Примо де Ривера предупредил генерала: если военные не начнут действовать через 72 часа, фаланга сама начнет мятеж. Заговор вступил в заключительную стадию.

12 июля был убит лейтенант Х. Кастильо, добровольно исполнявший обязанности инструктора антифашистской милиции. Его убийцы были агентами Испанского военного союза. В ответ на другой день был убит Кальво Сотело, лидер правого «Национального блока». 17 июля рано утром агент Молы направил из Байонны шифрованные телеграммы. По одной из версий, текст их гласил: «17 в 17. Директор». Это был сигнал к мятежу.

Мятеж вспыхнул 17-го пополудни в Марокко, 18-го он охватил гарнизоны всей страны. Как заметил испанский политолог и историк Х. Тусель, крайне правые восприняли результаты выборов 18 февраля 1936 года, принесшие победу Народному фронту, как свидетельство того, что «демократическая система передала страну в руки революции, и поэтому необходимо без промедления начать работу по подрыву ее».

Начало мятежа оказалось для правительства неожиданностью и дезорганизовало его работу. Капитан У. Орад де ла Торре вспоминает: «В военном министерстве не было ничего, что стояло бы на месте. Все было в хаосе. Касерес Кирога, премьер-министр и военный министр, был в состоянии коллапса, неспособен принимать решения».

Постепенно мятеж не только перерос в гражданскую войну, но в тревожной атмосфере предвоенной Европы произошла интернационализация конфликта, причем по воле его участников. Первый шаг был сделан главой республиканского правительства, направившим телеграмму с призывом о помощи премьер-министру Франции Л. Блюму. Второй, более результативный шаг был сделан Франко.

Генерал прилетел в Марокко 19 июля. Но флот остался верным Республике, а значит, восставшие части были лишены возможности переправиться в Испанию. Просьба о закупке десяти транспортных самолетов у частных фирм, переданная от имени Франко министерству иностранных дел Германии, успеха не имела. «Известие о том, что мы поставляем оружие мятежникам… будет иметь чрезвычайно серьезные последствия», — ответил начальник политического департамента германского министерства иностранных дел Г. Дикгоф.

Франко нашел другие пути 23 июля письмо Франко Гитлеру было вручено шефу заграничных организаций нацистской партии Боле, тот передал его Гес-су. 25 июля его получил Гитлер в Байрейте, где проходил традиционный вагне-ровский фестиваль. Гитлеру

понадобилось не более двух часов, чтобы принять решение о помощи Франко. Для этого 26 июля был создан «штаб В», формально особый отдел военного министерства, но под строгим контролем Геринга. Между 28 июля и 1 августа в Тетуане (Марокко) приземлились 20 транспортных самолетов «Юнкерс-52», а транспортное немецкое судно «Усамо» находилось в то время в пути к Кадису. 27 июля Муссолини дал согласие на передачу Франко 12 бомбардировщиков «Савойя-81». 6 августа Франко прибыл в Севилью, и в тот же день произошла его первая встреча с подполковником германского генерального штаба Верлимонтом.

К началу августа африканская армия мятежников на германских самолетах и под прикрытием германских кораблей была переброшена на Пиренейский полуостров, 6 августа юго-западная группировка мятежников под командованием Франко начала марш на Мадрид. Одновременно северная группировка под командованием Молы двинулась на Касерес, где планировалось соединение обеих армий. Началась «большая война».

Франко, ощущая себя хозяином положения, решил, что настал его час. 12 сентября на заседании «Хунты национальной обороны», созданной в конце июля группой мятежных генералов во главе с Молой, он добился поста главнокомандующего, а затем и звания генералиссимуса.

29 сентября, преодолев сопротивление Молы, Франко получил мандат не только на верховную военную власть, но и на гражданскую: «Звание генералиссимуса влечет за собой во время войны и функцию главы правительства». Но и этого Франко оказалось мало: 1 октября в своем первом декрете Франко назвал себя «главой государства». В тот день, выступая по радио в новом качестве, генерал пообещал слушателям: «Мы будем править для народа… Ни один испанский очаг не погаснет, ни один рабочий не будет нуждаться в хлебе, ибо те, кто имеют слишком много, должны будут лишиться части своих богатств в пользу обездоленных… Если понадобится, мы осуществим социальную справедливость твердой рукой»

К этому времени на территории Испании уже шли кровопролитные бои. Необстрелянные отряды народной милиции не смогли стать непреодолимым препятствием на пути франкистов, или «националистов», как они себя называли. 3 сентября отряды ближайшего сподвижника Франко полковника Ягуэ вступили в Талаверу. 6 ноября Франко был уже у стен Мадрида. Мадрид и Республика казались обреченными. Чаша весов клонилась в сторону мятежников. Но Мадрид выстоял.

Испания была поделена на две части, одну контролировало республиканское правительство, другую — испанские националисты.

Сражение под Гвадалахарой в марте 1937 года, в котором был практически разгромлен итальянский экспедиционный корпус, стало последней попыткой франкистов овладеть Мадридом с северо-востока. Анализ причин неудач под Мадридом побудил Франко изменить саму концепцию войны.

Как отметит много лет спустя генерал И.Н. Нестеренко, главный военный советник Генерального военного комиссариата республиканской армии, в эволюции стратегии Франко можно различить три этапа. Первый — когда операции планировались как колониальные карательные экспедиции. Второй — когда после провала этих операций началась позиционная война на подступах к Мадриду. И, наконец, третий, когда перешли к маневренной войне, которая закончилась весной 1938 года прорывом в направлении Винареса.

Военные победы способствовали укреплению «националистической Испании» на дипломатической арене. По сведениям министерства иностранных дел в Бургосе, резиденции «национального» правительства Франко, в течение 1937—1938 годов, т.е. до окончания войны, оно было признано де-юре девятью странами, среди них — Германией, Италией, Ватиканом, Японией, Португалией, Венгрией. Признавших де-факто было еще больше — 16, среди них — Англия (неофициальный представитель Р. Ходжсон), Югославия, Греция, Швеция, Голландия, Норвегия, Дания, Финляндия, Польша, Чехословакия, Эстония.

Посол Германии генерал Фаупель не скрывал, что хотел бы видеть националистическую Испанию «политически унифицированной». По его мнению, правительству Франко явно не хватало ярко выраженной идеологической ориентации, Фаупель неоднократно встречался с М. Эдильей, фактически возглавившим фалангу после расстрела республиканцами ее «вождя»

Хосе Антонио При-мо де Риверы. Он убеждал Эдилью не противиться созданию единой государственной партии фашистского типа, куда вошли бы все противники Народного фронта. Но Эдилья не хотел делить власть в фаланге с кем бы то ни было. 11 апреля 1937 года Фаупель встретился с Франко, чтобы обсудить кандидатуры претендентов на пост «национального вождя», которого должна была выбрать фаланга 18 апреля. В ответ Франко заявил о намерении слить фалангу с монархистскими группами и лично возглавить эту партию. Армия была всесильна в мятежной зоне, и Фаупель вынужденно согласился, чтобы «национальным вождем» фаланги был провозглашен Франко.

Вооруженные силы националистов окончательно разгромили верные правительству войска и отряды многочисленных добровольцев-интернационалистов, воевавших на стороне республиканцев. 28 марта 1939 года, с падением Мадрида, гражданская война закончилась. Франко стал диктатором Испании.

ЗАГОВОР ТУХАЧЕВСКОГО

СССР. 1937 год

6 июня 1937 года в советских газетах появились выдержки из выступления главы столичных коммунистов Никиты Сергеевича Хрущева на московской областной партконференции. Он с возмущением сообщил, что, хотя в горком «были избраны проверенные, преданные делу партии большевики… в состав ГК попал также троцкистский предатель, изменник Родины, враг народа Гамарник. Этот факт еще раз говорит о том, что враг подло маскируется».

Слушатели были потрясены: Ян Борисович Гамарник не только носил высокое звание армейского комиссара 1-го ранга и занимал пост начальника Политуправления Красной армии, но и был членом ЦК партии. Впрочем, к тому моменту его уже не было в живых. 31 мая, при появлении в его квартире сотрудников НКВД, Гамарник застрелился.

11 июня в газетах появилось сообщение в рубрике «В прокуратуре СССР» о деле «арестованных органами НКВД в разное время Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова, и Путны», обвиненных «в нарушении воинского долга (присяги), измене Родине, измене народам СССР, измене РККА». Утверждалось, что «следственными материалами установлено участие обвиняемых, а также покончившего самоубийством Я.Б. Гамарника, в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным кругам сведения о состоянии Красной Армии, пытались подготовить на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов. Все обвиняемые в предъявленных им обвинениях признали себя виновными полностью». Рассмотрение дела было объявлено на закрытом заседании Специального судебного присутствия Военной Коллегии Верховного суда СССР в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года. Этот закон, принятый сразу после убийства Кирова, предусматривал ускоренное рассмотрение обвинений в терроризме и контрреволюции, без участия защиты и без права обжалования приговоров и прошения о помиловании, которые приводились в исполнение немедленно. Весь судебный процесс Тухачевского и его товарищей занял один день, 11 июня. Расстреляли их в ночь на 12-е и утром того же дня приговор обнародовали в газетах.

В начале 1920-х годов имя Тухачевского было популярно не только среди бойцов и командиров Красной армии, но и среди оказавшихся в эмиграции офицеров и политиков белого лагеря.

В разведсводке обосновавшейся на Балканах Русской армии барона П.Н. Врангеля от 15 февраля 1922 года утверждалось: «Единственная среда в России, которая могла бы взять на себя активную роль в деле свержения Советской власти, это — командный состав Красной Армии, т.е. бывшие русские офицеры. Они представляют из себя касту, спаянную дисциплиной и общностью интересов; война и жизнь воспитали в них волю…» И тут же называется тот, с кем эмиграция связывает определенные надежды: «Лица, близко знавшие Тухачевского,

указывают, что он человек выдающихся способностей и с большим административным и военным талантом. Но он не лишен некоторого честолюбия и, сознавая свою силу и авторитет, мнит себя русским Наполеоном. Даже, говорят, он во всем старается подражать Наполеону и постоянно читает его жизнеописание и историю. В дружеской беседе Тухачевский, когда его укоряли в коммунизме, не раз говорил: „Разве Наполеон не был якобинцем?..“ Молодому офицерству, типа Тухачевского и других, примерно до 40-летнего возраста, занимающему командные должности, не чужда мысль о единой военной диктатуре».

Еще в 1924 году на оперативный учет ОГПУ были взяты как «неблагонадежные» такие известные военачальники и военные теоретики из «бывших», как С. Каменев, И. Вацетис, М. Тухачевский, М. Бонч-Бруевич, А. Свечин, А. Снесарев… Первое донесение не из-за границы, а с территории СССР о бонапартизме Тухачевского поступило от агента-осведомителя Овсянникова в декабре 1925 года. Там говорилось: «В настоящее время среди кадрового офицерства и генералитета наиболее выявилось 2 течения: монархическое… и бонапартистское, концентрация которого происходит вокруг М.Н. Тухачевского». Овсянников назвал ряд бывших царских офицеров, будто бы составлявших «кружок Тухачевского». Некоторых из этих офицеров ОГПУ завербовало, но ничего компрометирующего Михаила Николаевича они не сообщили.

Занимая высшие должности в РККА, Тухачевский играл далеко не последнюю роль в военном сотрудничестве СССР и Германии. В 1932 году он посетил маневры рейхсвера и несколько германских военных заводов, постоянно контактировал с приезжавшими в Москву немецкими генералами и офицерами. Однако у последних, несмотря на всю присущую Михаилу Николаевичу дипломатичность, осталось стойкое впечатление, что к Германии Тухачевский относится враждебно и видит в ней главного потенциального противника.

Пока военное сотрудничество с рейхсвером продолжалось, ОГПУ держало под сукном материалы о якобы преступных связях Тухачевского с германским Генштабом.

Сменивший Дзержинского В.Р. Менжинский решил прощупать Тухачевского с другой стороны. В 1930 году в числе примерно 5 тысяч бывших царских офицеров арестовали хорошо знавших Тухачевского преподавателей военной академии Н.Е. Какурина и И.А. Троицкого. 26 августа 1930 года чекисты добились от Какурина компрометирующих показаний на Тухачевского. Бывший полковник императорской армии сообщил: «В Москве временами собирались у Тухачевского, временами у Гая, временами у цыганки. В Ленинграде собирались у Тухачевского. Лидером всех этих собраний являлся Тухачевский, участники: я, Колесинский, Эйстрейхер, Егоров, Гай, Никонов, Чусов, Ветлин, Кау-фельдт. В момент и после XVI съезда было уточнено решение сидеть и выжидать, организуясь в кадрах в течение времени наивысшего напряжения борьбы между правыми и ЦК. Но тогда же Тухачевский выдвинул вопрос о политической акции, как цели развязывания правого уклона и перехода на новую высшую ступень, каковая мыслилась как военная диктатура, приходящая к власти через правый уклон. В дни 7—8 июля у Тухачевского последовали встречи и беседы вышеупомянутых лиц и сделаны были последние решающие установки, т.е. ждать, организуясь». Троицкий в своих показаниях также говорил о симпатиях Тухачевского к правому уклону.

Какурин поведал, как вербовал Тухачевский новых заговорщиков и сколь популярен он в армии, так что в случае чего может и на Кремль полки двинуть. Правда, ничего конкретного подследственный об антиправительственной деятельности Тухачевского, за пределами разговоров, придумать так и не смог.

10 сентября 1930 года Менжинский направил протоколы допросов Какурина и Троицкого Сталину. Иосиф Виссарионович принял решение: Тухачевского пока не трогать.

Тем временем из Какурина 5 октября выбили новые показания. Окончательно сломленный краском заявил: «Михаил Николаевич говорил, что… можно рассчитывать на дальнейшее обострение внутрипартийной борьбы. Я не исключаю возможности, сказал он, в качестве одной из перспектив, что в пылу и ожесточении этой борьбы страсти, и политические и личные, разгораются настолько, что будут забыты и перейдены все рамки и границы Возможна и такая перспектива, что рука фанатика для развязывания правого уклона не остановится и перед покушением на жизнь самого тов. Сталина… У Михаила Николаевича, возможно, есть какие-то связи с Углановым и, возможно, с целым рядом других партийных или околопартийных лиц,

которые рассматривают Тухачевского как возможного военного вождя на случай борьбы с анархией и агрессией Сейчас, когда я имел время глубоко продумать все случившееся, я не исключу и того, что, говоря в качестве прогноза о фанатике, стреляющем в Сталина, Тухачевский просто вуалировал ту перспективу, над которой он сам размышлял в действительности».

Михаилу Николаевичу была дана очная ставка с Какуриным и Троицким. Позднее, уже после ареста Тухачевского, Сталин, выступая на заседании Военного Совета 2 июня 1937 года, вспоминал: «Мы обратились к тт. Дубовому, Якиру и Гамарнику. Правильно ли, что надо арестовать Тухачевского как врага. Все трое сказали нет, это должно быть какое-нибудь недоразумение, неправильно… Мы очную ставку сделали и решили это дело зачеркнуть. Теперь оказывается, что двое военных, показавших на Тухачевского, показывали правильно…»

Материал на Тухачевского, равно как и на других руководителей Красной армии, продолжали копить. Только во второй половине 1936 года Сталин посчитал, что пришла пора браться за Тухачевского и его единомышленников. Современные историки в качестве непосредственного повода указывают на ссору во время банкета после парада 1 мая 1936 года. Тогда Ворошилов, Буденный и Тухачевский заспорили о делах давних: кто же был виновником поражения под Варшавой, а затем очень скоро перешли на современность. Тухачевский обвинил бывших руководителей Конармии, что они на ответственные посты расставляют лично преданных им командиров-конармейцев, создают собственную группировку в Красной армии. Ворошилов раздраженно бросил: «А вокруг вас разве не группируются?»

Ворошилов рассказал в начале июня 1937 года на расширенном заседании Военного Совета, целиком посвященном «контрреволюционному заговору в РККА»: «Потом на второй день Тухачевский отказался от всего сказанного… тов. Сталин тогда же сказал, что надо перестать препираться частным образом, нужно устроить заседание Политбюро и на этом заседании подробно разобрать, в чем дело. И вот на этом заседании мы разбирали все эти вопросы и опять-таки пришли к прежнему результату». Тут подал реплику Сталин «Он отказался от своих обвинений». «Да, — повторил Ворошилов, — отказался, хотя группа Якира и Уборевича на заседании вела себя в отношении меня довольно агрессивно. Уборевич еще молчал, а Гамарник и Якир вели себя в отношении меня очень скверно».

Таким образом, Тухачевский сам ускорил свой конец. Позднее, на следствии и суде, он и другие заговорщики признались, что хотели добиться смещения Ворошилова с поста наркома обороны. В преемники ему прочили Тухачевского, хотя на следствии Примаков говорил о Якире в качестве кандидата в наркомы, поскольку тот якобы был близок с Троцким. Так что скандал на первомайском банкете разразился неспроста. Уборевич на суде подтвердил: «Мы шли в правительство ставить вопрос о Ворошилове, нападать на Ворошилова, по существу уговорились с Гамарником, который сказал, что он крепко выступит против Ворошилова». Из единомышленников Тухачевского только начальник Политуправления РККА Гамарник и командующий Киевским военным округом Якир были полноправными членами ЦК. Поэтому вполне объяснимо, что именно Гамарнику, второму лицу в военной иерархии, руководителю всех армейских политработников, доверили главную роль в критике Ворошилова на Политбюро.

Намерение сместить Ворошилова Специальное судебное присутствие расценило ни больше ни меньше как умысел на теракт. Хотя еще на следствии Примаков показал, что вел со своими друзьями разговоры, «носящие характер троцкистской клеветы на Ворошилова, но никаких террористических разговоров не было. Были разговоры о том, что ЦК сам увидит непригодность Ворошилова…»

Сталин был уверен, что Тухачевский, Гамарник и прочие интриги против Ворошилова будут продолжать и при удобном случае вновь поставят на Политбюро вопрос о его отставке. Такого Сталин допустить не мог. Разгоревшаяся война в Испании, вероятно, побудила Сталина начать подготовку к устранению со сцены Тухачевского и его команды. Однако сам этот процесс растянулся почти на год. В августе 36-го арестовали Примакова и Путну. Тухачевский еще не ощущал опасности.

10 мая Политбюро приняло предложение Ворошилова освободить Тухачевского от обязанностей первого заместителя наркома обороны и назначить командующим Приволжским

военным округом. Тем же постановлением Якир переводился с Киевского округа на Ленинградский и тем самым терял место в Политбюро Компартии Украины.

13 мая Тухачевский добился приема у Сталина. О чем они говорили, точно неизвестно. Но кое-какие сведения, как маршалу объяснили причины его опалы, имеются. Старому другу Кулябко маршал объяснил, что «причиной его перевода в Куйбышев, как об этом сообщили в ЦК партии, является то обстоятельство, что его знакомая Кузьмина и бывший порученец оказались шпионами и арестованы». Так же и Лидия Норд рассказывает, что поводом для смещения ее зятя послужили его связи с женщинами.

В 20-х числах апреля были получены показания от арестованных бывшего начальника Особого отдела НКВД Гая и бывшего заместителя наркома внутренних дел Прокофьева о сговоре Тухачевского, Уборевича, Корка, Шапошникова и других военачальников с Ягодой. Однако арестованный бывший нарком внутренних дел этого пока не подтверждал. На допросе 26 апреля 1937 года он настаивал: «Личных связей в буквальном смысле слова среди военных у меня не было. Были официальные знакомства. Никого из них я вербовать не пытался». Сговорчивее оказался один из подчиненных Ягоды, бывший заместитель начальника одного из отделов НКВД Волович. На следующий день он показал, что Тухачевский был участником заговора правых и должен был обеспечить поддержку заговорщиков армией.

В Куйбышев Тухачевский прибыл 14 мая. Сам Михаил Николаевич еще не понимал своей обреченности. Какая-то смутная надежда, что со временем всё образуется и он вернется в Москву на прежнюю должность, все же теплилась.

Тухачевский был арестован 22 мая, а 25—26-го числа путем опроса членов и кандидатов в члены ЦК было вынесено постановление об исключении его из партии. Гамарник в это время болел, находился дома и в голосовании по поводу данного и последующих постановлений участия не принимал. 28 мая сразу по приезде в Москву был арестован Якир, а на следующий день в Вязьме та же участь постигла не успевшего доехать до столицы Уборевича. В период с 30 мая по 1 июня ЦК путем опроса исключил обоих из партии и вывел их соответственно из полноправных членов и кандидатов в члены Центрального Комитета. И тогда же, 30 мая, Политбюро приняло решение: «Отстранить тт. Гамарника и Аронштама от работы в Наркомате Обороны и исключить из состава Военного Совета, как работников, находившихся в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре». На другой день Гамарник застрелился.

Ключевым событием стал арест заместителя командующего Московского военного округа Фельдмана. Борис Миронович сломался сразу — столь глубоко потряс его сам арест.

20 мая Ежов направил Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу протокол допроса Фельдмана, произведенного накануне. В сопроводительной записке нарком подчеркивал. «Фельдман показал, что он является участником военно-троцкистского заговора и был завербован Тухачевским М.Н. в начале 1932 года. Названные Фельдманом участники заговора: начальник штаба Закавказского военного округа Савицкий, заместитель командующего Приволжского ВО Кутяков, бывший начальник школы ВЦИК Егоров, начальник инженерной академии Смолин, бывший помощник начальника инженерного управления Максимов и бывший заместитель начальника автобронетанкового управления Ольшанский — арестованы. Прошу обсудить вопрос об аресте остальных участников заговора, названных Фельдманом». Именно эти показания послужили формальным основанием для решения об аресте Тухачевского.

На самых первых допросах, протоколы которых или не составлялись вовсе, или не сохранились, Тухачевский отказывался признать свою вину. Это явствует из его собственноручных показаний, датированных 1 июня 1937 года: «Настойчиво и неоднократно пытался я отрицать как свое участие в заговоре, так и отдельные факты моей антисоветской деятельности».

26 мая Тухачевский заявил. «Мне были даны очные ставки с Примаковым, Путной и Фельдманом, которые обвиняют меня как руководителя антисоветского военно-троцкистского заговора. Прошу представить мне еще пару показаний других участников этого заговора, которые также обвиняют меня. Обязуюсь дать чистосердечные показания». И в тот же день написал. «Признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и то, что я был во

главе его… Основание заговора относится к 1932 году».

Когда с 1 по 4 июня проходило заседание Военного Совета, посвященное «военно-фашистскому заговору», присутствовавшие с одобрением слушали Ворошилова и Сталина, зачитывавших наиболее яркие признания, и все 42 выступивших военачальника клеймили тех, с кем еще вчера вместе служили.

Сталин утверждал, что «военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами», возглавлялся Троцким, Рыковым, Бухариным, Рудзутаком, Караханом и Ягодой, а в военном отношении руководителями были Тухачевский, Якир, Уборе-вич, Корк, Эйдеман и Гамарник. Иосиф Виссарионович убеждал высокое собрание, что все перечисленные враги народа, кроме Рыкова, Бухарина и Гамарника, были немецкими шпионами, а некоторые вдобавок — и японскими. Сталин между тем остановился на преступлениях Тухачевского: «Он оперативный план наш — оперативный план, наше святая святых, передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион…» Так же и остальные обвиняемые были причислены к германским агентам на том только основании, что встречались с офицерами рейхсвера.

Тухачевского в день начала работы Военного Совета, 1 июня, принудили дать показания, как он вместе с Якиром, Уборевичем и другими готовил поражение Красной армии в войне с Германией. Там были совершенно фантастические подробности. Например, маршал писал «Я считал, что если подготовить подрыв ж. д. мостов на Березине и Днепре, в тылу Белорусского фронта, в тот момент, когда немцы начнут обходить фланг Белорусского фронта, то задача поражения будет выполнена еще более решительно Уборевич и Аппога получили задание иметь на время войны в своих железнодорожных частях диверсионные группы подрывников».

Своими показаниями маршал хотел предупредить Сталина и Ворошилова о возможном сценарии советско-германской войны. Тухачевский, как вредительство представляет задержку в выполнении именно тех планов, за осуществление которых он всегда>ратовал, настаивая и на увеличении числа дивизий, и на создании танковых и артиллерийских резервов. Вместе с тем в показаниях Тухачевского по-прежнему присутствует тезис о германо-польском союзе в будущей войне против СССР

В «Плане поражения» подчеркивалось: «…В стратегическом отношении пути борьбы за Украину для Германии те же, что и для борьбы за Белоруссию, т.е. связано это с использованием польской территории В экономическом отношении Украина имеет для Гитлера исключительное значение. Она решает и металлургическую, и хлебную проблемы. Германский капитал пробивается к Черному морю. Даже одно только овладение Правобережной Украиной — и то дало бы Германии и хлеб, и железную руду. Таким образом, Украина является той вожделенной территорией, которая снится Гитлеру германской колонией».

Тухачевский на редкость точно определил основные направления наступления вермахта в 1941-м и основные стратегические цели немцев на каждом из них. Других подследственных также допрашивали насчет планов организации поражения Красной армии в будущей войне с Германией При этом то, что диктовали следователи, зачастую полностью противоречило реальным оперативным планам, что выявилось на очных ставках. Так, весьма активно сотрудничавший со следствием Корк 26 мая 1937 года показал: «Встал вопрос о том, как практически возможно применение меня — Корка в осуществлении пораженческих планов военной организации [разговор будто бы происходил в 1935 году, когда Август Иванович командовал войсками Московского военного округа]… Но тут, помню, вмешался Уборевич и, обращаясь ко мне, сказал: „Будешь у меня на правом фланге Западного фронта. Задачу тебе надо поставить— наступать вдоль Западной Двины на Ригу. Следовательно, со стороны Вильно ты получишь удар в левый фланг и в тыл, что и приведет к срыву всей твоей операции“. На очной ставке Уборевич всё это категорически опроверг: „Корк говорит совершенную неправду. Я пока хочу заметить одну только его фальшь. Он говорит, что я ему говорил, что он будет командовать армией на правом фланге, что эта армия пойдет на Ригу и будет разбита. Можно просмотреть оперативный план 1935 года Белорусского округа, там вы не найдете положения, чтобы хотя одна армия правого фланга шла на Ригу“. В 1962 году в оперативном управлении Генштаба провели проверку этого плана и выяснили, что истина была на стороне Уборевича, а

не Корка.

Не последнюю роль в деле Тухачевского сыграли германские спецслужбы В декабре 1936 года Рейнгард Гейдрих, шеф службы безопасности (СД), предложил фюреру попытаться обезглавить Красную армию, дискредитировав ее верхушку. А главной мишенью избрать Тухачевского, к словам которого прислушивались англичане и французы. Германию он считает врагом номер один, по его инициативе Советы провели недавно военную игру, отрабатывая методы отражения возможного нападения немцев Маршал слишком хорошо знает слабые стороны немецкой армии, знаком лично со многими высшими чинами вермахта. Он опасен. Политические процессы, так кстати начавшиеся в Москве в августе, дают надежду, что при должной подготовке интрига сработает. Фюреру идея понравилась.

Вернувшись в свою штаб-квартиру, Гейдрих тут же вызвал Альфреда На-уйокса, отвечавшего в СД за фабрикацию фальшивых документов «Науйокс, — сказал Гейдрих, — вверяю вам тайну чрезвычайной важности. Есть личное поручение фюрера. Подделка должна быть безукоризненной».

В чем заключалась суть замысла? Необходимо подготовить письмо за подписью Тухачевского, которое должно доказать наличие тайных контактов маршала и его сторонников, советских военачальников, с группой немецких генералов — противников нацизма, попавших в поле зрения гестапб И те и другие якобы стремятся к захвату власти в своих странах. Досье с фотокопиями таких документов, будто бы похищенных из архивов СД, должно попасть к русским и убедить их в том, что группа советских полководцев во главе с Тухачевским замышляет военный переворот, вступила в сговор с генералами рейха, рассчитывая на их поддержку. Всю эту операцию надлежало провести в строжайшей тайне, даже от высших чинов Германии.

Фальшивка удалась. И все-таки немецкие «документы» не стали «уликой» в «деле Тухачевского». Сталин приберег ее как последний козырь в уничтожении Тухачевского, в случае, если маршал нарушит ход следствия. Но Тухачевский не принимал всерьез обвинения, надеясь, что его ум и опыт окажутся для Сталина ценнее накануне войны с Германией, чем очередная чистка. И он ошибся С июня месяца 1937-го репрессии приобрели массовый характер. Был опустошен наркомат обороны, военные академии, центральный аппарат вооруженных сил. Шли чистки в округах…

УБИЙСТВО ТРОЦКОГО

Мексика. 1940 год

В операции по физическому уничтожению видного политика Льва Троцкого, которая тщательно и кропотливо готовилась по меньшей мере за три года до ее осуществления, участвовала большая группа тщательно отобранных людей, среди которых было немало испанцев, чему имелось свое объяснение.

Троцкий с начала 1937 года жил в Мексике. Для акции против него требовались люди, хорошо говорившие по-испански, появление которых не вызвало бы подозрений у полиции. Для этой роли хорошо подходили испанские республиканцы, которые с конца 1938 года стали прибывать в Мексику в эмиграцию, так как война в Испании шла к концу. Многими испанскими коммунистами троцкисты и их руководитель воспринимались тогда как враг худший, чем даже фашисты, — они были в их глазах предателями святого и правого дела.

Испанская троцкисткая партия, входившая в IV Интернационал, вместе с анархистами подняла восстание в глубоком тылу республиканской армии в Барселоне. Как раз в то время части испанской республиканской армии, в том числе и те, которыми командовали мексиканцы, вели напряженные бои с противником на фронтах. Троцкистский путч обошелся республиканцам в пять тысяч убитых лишь в одной Барселоне, а для подавления мятежа туда было переброшено свыше 30 тысяч бойцов. А вскоре иностранцам было приказано покинуть Испанию…

Свой дом в Мексике Троцкий превратил в настоящую крепость Каждый выезд из дома представлял чрезвычайную сложность, Троцкий вынужден был прятаться чуть ли не на дно

машины, чтобы прохожие не видели его и не смогли узнать.

Окружение Троцкого давно заметило, что вокруг дома все чаще стали появляться незнакомые люди. Одно время у одного из соседних домов возник настоящий наблюдательный пункт. Какие-то люди вроде что-то копали, но вскоре стало ясно, что это имитация деятельности, потому что каждая новая смена не столько работала, сколько разглядывала дом Троцкого, кто входит, кто выходит, когда и т.д. Сомнений не было, это сотрудники НКВД, вынужденные после поражения покинуть Испанию.

Охрана и секретари все чаще замечали людей, машины, которые медленно проходили или проезжали мимо дома Троцкого, внимательно разглядывая особняк. По просьбе политика власти Мехико усилили полицейскую охрану особняка. К этому времени относится и письмо, полученное Троцким от неизвестного о заговоре против него. Под наблюдением секретных агентов находились многие близкие сторонники Троцкого.

24 мая 1940 года на Троцкого было совершено очередное покушение Более двух десятков человек в полицейской и армейской форме и с оружием (был даже пулемет) внезапно подъехали и мгновенно разоружили охрану. Роберт Шелдон Харт, стоявший у ворот, по требованию «майора» тут же открыл ворота. Ворвавшиеся люди обезоружили и внутреннюю охрану, открыв при этом яростную стрельбу по окнам и дверям кабинета и спальни Троцкого. Пулемет работал длинными очередями прямо в окно спальни Казалось невероятным, что чета Троцких осталась жива. Дело в том, что небольшое «мертвое» пространство, образовавшееся в углу, ниже окна, спасло супругов. А многочисленные пули рикошетом попадали в прикрывавшую их кровать. Судьба вновь была к ним благосклонна. Прибывшая утром тайная полиция во главе с ее шефом Леонардо Санчесом Саласаром с удивлением констатировала: по спальне выпущено более 200 пуль, но обитатели дома не пострадали.

Это обстоятельство вскоре дало основание выдвинуть в печати версию. Троцкий организовал покушение, чтобы таким образом скомпрометировать Сталина в глазах мировой общественности. Тем более что журналистам стали известны слова чудом уцелевшего Троцкого, сказанные им в то утро Саласару: «Нападение совершил Иосиф Сталин с помощью ГПУ… Именно — Сталин».

8 июня 1940 года Л.Д. Троцкий написал статью «Ошибка» Сталина»: «Непосвященным может показаться непонятным, почему клика Сталина выслала меня сперва за границу, а затем пытается за границей убить меня. Не проще ли было бы подвергнуть меня расстрелу в Москве, как многих друзей?

Объяснение таково. В 1928 году, когда я был исключен из партии и выслан в Центральную Азию, не только о расстреле, но и об аресте невозможно было еще говорить: поколение, с которым я прошел через Октябрьскую революцию и гражданскую войну, было еще живо. Политбюро чувствовало себя под осадой со всех сторон. Из Центральной Азии я имел возможность поддерживать непрерывную связь с оппозицией. В этих условиях Сталин, после колебаний в течение года, решил применить высылку за границу как меньшее зло. Его доводы были: изолированный от СССР, лишенный аппарата и материальных средств Троцкий будет бессилен что-либо предпринять. Сталин рассчитывал, сверх того, что когда ему удастся окончательно очернить меня в глазах страны, он сможет без труда добиться от дружественного турецкого правительства моего возвращения в Москву для расправы. События показали, однако, что можно участвовать в политической жизни, не имея ни аппарата, ни материальных средств. <. .> Как мне сообщали, Сталин несколько раз признавал, что моя высылка за границу была «величайшей ошибкой». Чтобы поправить ошибку, не оставалось ничего другого, кроме террористического акта…»

Ответственность за покушение взял на себя знаменитый художник-монументалист Давид Альфаро Сикейрос. Когда он узнал о неудаче, то в сердцах воскликнул: «Все впустую!» Сикейрос вспоминал, что ему не пришло в голову, что такой человек, как Троцкий, будет прятаться под кроватью. Сикейрос просидел год в тюрьме, а потом был выслан из страны. Спустя годы он говорил, «Мое участие в нападении на дом Троцкого 24 мая 1940 года является преступлением».

«Все мы, участники войны в Испании, добивавшиеся ликвидации штаб-квартиры Троцкого в Мексике, — писал Сикейрос, — понимали, что наши действия в любом случае

будут считаться противозаконными. И мы решили разделиться на несколько групп, чтобы ни одна группа не знала о составе других. Руководитель группы должен был знать только членов своей группы, каждая из групп имела определенное конкретное задание. Наша главная цель, или глобальная задача всей операции, состояла в следующем: захватить по возможности все документы, но любой ценой избежать кровопролития. Мы считали, что смерть Троцкого или кого-либо из его сообщников не только не остановит развития троцкизма как международного движения, антисоветский и антикоммунистический характер которого уже ясно определился, но будет иметь обратный эффект».

После того как суматоха в крепости улеглась, стало ясно: Троцкий обречен. Приказ Сталина об уничтожении Троцкого удалось выполнить группе под руководством полковника Н. Эйтингтона, ранее возглавлявшего особую часть НКВД в Испании (под псевдонимом Котов). Его любовницей была красавица, испанская коммунистка Каридад Меркадер, сын которой, майор республиканской армии Хайме Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес, и привел в исполнение сталинский приказ.

Биография Рамона типична для детей его круга, — учеба в лицее, армия. В 1935 году, находясь в Испании, он участвовал в молодежном движении. Был арестован, но вскоре освобожден пришедшим к власти правительством Народного фронта. После освобождения Меркадер под именем бельгийца Жака Мор-нара перебрался во Францию Летом 1938 года в Париже Меркадер познакомился с гражданкой США, русской по происхождению, Сильвией Ангеловой-Масловой, ярой троцкисткой. Она увлеклась им и вскоре представила Меркаде-ра родной сестре, секретарю Троцкого, курсировавшей между Парижем и Мехико. На сестру огромное впечатление произвели внешность молодого человека и его безукоризненные манеры.

В феврале 1939 года Сильвия вернулась в США. Через три-четыре месяца туда же приехал Меркадер, объясняя свой приезд интересами коммерции. Но теперь он был уже канадцем Фрэнком Джексоном. Эту метаморфозу он объяснил подруге необходимостью избежать призыва на военную службу. Вскоре Меркадер перебрался в Мексику и вызвал туда Сильвию. В начале 1940 года Ангелова-Маслова устроилась работать у Троцкого в качестве секретаря. Поскольку Сильвия жила в номере гостиницы «Монтехо» вместе с Рамоном, он вскоре стал подвозить ее на работу на своем элегантном «бьюике».

Впервые Меркадер переступил порог дома Троцкого примерно в конце апреля 1940 года, когда отвез друзей политика Маргариту и Альфреда Росмеров в город по какому-то важному делу. Он помог занести саквояж Маргариты в их комнату и тут же вернулся к машине. 28 мая накануне отъезда супругов Росмеров Меркадер был приглашен к обеду в дом Троцкого. Его представили как «друга Сильвии», который отвезет супругов Росмеров на своей машине в порт. По просьбе Росмеров и по распоряжению Троцкого Меркадера ввел в столовую начальник охраны дома Гарольд Робине.

Под различными предлогами Меркадер стал появляться в доме политика. Согласно записям секретарей Троцкого в журнале посещения виллы, он побывал там 12 раз. Подсчитано и общее количество времени, которое он провел на вилле: 4 часа 12 минут.

За 12 дней до покушения Меркадер снова общался с Троцким. Причем рекордное время за все визиты — около часа. К тому же впервые — наедине. Несмотря на жару в руках у него был плащ. Формальным поводом для визита послужила просьба к Троцкому отредактировать статью, в которой критиковались американские троцкисты М. Шахтман и Дж. Бернхейм за отступничество от «движения».

В кабинете хозяина виллы Меркадер устроился позади Троцкого, читавшего его статью. Это особенно не понравилось Троцкому; о чем он в тот же вечер сказал жене. Вообще вся эта затея со статьей и посещением весьма насторожила Троцкого. Но никаких мер предосторожности принято не было…

20 августа Меркадер снова пришел к Троцкому. Гость был снова с плащом на руке и в шляпе.

Троцкий провел его в свой кабинет. Из показаний Меркадера на суде: «Я положил свой плащ на стол таким образом, чтобы иметь возможность вынуть оттуда ледоруб, который находился в кармане Я решил не упускать замечательный случай, который представился мне. В тот момент, когда Троцкий начал читать статью, послужившую мне предлогом, я вытащил

ледоруб из моего плаща, сжал его в руке и, закрыв глаза, нанес им страшный удар по голове…

Троцкий издал такой крик, который я никогда не забуду в жизни. Это было очень долгое «А-а-а», бесконечно долгое, и мне кажется, что этот крик до сих пор пронзает мой мозг. Троцкий порывисто вскочил, бросился на меня и укусил мне руку. Посмотрите: еще можно увидеть следы его зубов. Я его оттолкнул, он упал на пол. Затем поднялся и, спотыкаясь, выбежал из комнаты…»

Из книги Седовой «Так это было»: «…Едва истекло 3—4 минуты, я услышала ужасный, потрясающий крик… Не отдавая себе отчета, чей это крик, я бросилась на него… стоял Лев Давидович… с окровавленным лицом и ярко выделяющейся голубизной глаз без очков и опущенными руками…»

В доме началась суматоха. Охранники во главе с Робинсом схватили Мерка-дера и стали его избивать. Наконец окровавленный убийца закричал: «Я должен был это сделать! Они держат мою мать! Я был вынужден! Убейте сразу или прекратите бить!»

После покушения Троцкий прожил в больнице 26 часов. Врачи старались сделать все возможное и невозможное для его спасения, хотя было ясно, что удар поразил жизненно важные центры мозга. Через два часа после покушения Троцкий впал в кому. *

Похороны Троцкого вылились в гигантскую антисталинскую манифестацию. Вскоре после похорон на совещании руководителей американской секции IV Интернационала решили поставить на могиле Троцкого обелиск.

Через три с половиной месяца Наталья Ивановна Седова написала генералу Ласаро Карденасу, президенту Республики: «…Вы продлили жизнь Льва Троцкого на 43 месяца. В моем сердце останется благодарность Вам за эти 43 месяца…»

Заговорщикам удалось всем, кроме Меркадера, скрыться. Машина с работающим двигателем, стоявшая поодаль от дома Троцкого, как только началась беготня возле ворот и заревела сигнализация, сорвалась с места и скрылась за ближайшим поворотом. Эйтингтон, мать Меркадера, Каридад, и еще несколько обеспечивающих операцию лиц в тот же день разными способами выбрались из Мехико. Эйтингтон и Каридад переждали время поисков в Калифорнии. Они ждали распоряжения из Москвы. Уже через сутки из сообщений радио они узнали, что удар достиг цели. Эйтингтон боялся, что импульсивная Каридад, потерявшая сына, может сорваться и наделать глупостей. Через месяц Москва по своим специальным каналам сообщила: благодарим за выполнение задания, через оставшихся в Мехико установите состояние «пациента» и выясните, чем ему можно помочь. После решения этой вспомогательной задачи им разрешалось вернуться. В мае 1941 года, за месяц до начала войны, Эйтингтон и Каридад вернулись в Москву через Китай. В 1941 году перед началом \ войны Калинин вручил ей орден Ленина. В 1944 году она уехала во Францию. | Умерла в Париже в восемьдесят два года под портретом Сталина. Эйтингтону было присвоено звание генерала, а в 1953 году он попал в сталинские лагеря.

За долгие годы следствия и суда Меркадер утверждал, что сообщников у него не было… Прибывшие на место преступления агенты секретной полиции во главе с генералом Санчесом Саласаром обнаружили в кармане плаща Меркадера несколько страниц машинописного текста. Под ними стояли подпись убийцы и дата 20.08.1940. В материалах следствия этот текст фигурировал под названием «письмо Джексона-Морнара».

В нем подробно изложены мотивы убийства. Они сводились к трем положениям: разочарование в Троцком как «великом пролетарском революционере»; протест Меркадера против попыток Троцкого завербовать его для отправки в СССР для совершения террористических и диверсионных актов; возражения Троцкого против женитьбы Меркадера на Ангеловой.

Этот набор мотивов убийства в разных сочетаниях, с разными вариациями деталей затем повторялся Меркадером в ходе следствия, состоявшегося через три года в Мехико суда, а также опубликованной во время судебного разбирательства в его статье «Почему я убил Троцкого».

Мексиканский суд приговорил Меркадера к 20 годам тюрьмы — высшей мере наказания по мексиканским законам. Первые полтора года пребывания в тюрьме его часто били, пытаясь дознаться, кем он был в действительности. Пять лет его держали в одиночной камере без окон.

Отсидев весь срок, Меркадер в 1960 году вышел из тюрьмы. С женой, Ракель Мендоса,

индианкой, на которой он женился в тюрьме, оказался на Кубе. Выехал в Прагу, потом в Советский Союз. В 1961 году ему присвоили звание Героя Советского Союза. Работал он в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Был одним из авторов истории Испанской коммунистической партии. Последние годы жизни Меркадер провел на Кубе. Умер он в 1978 году, по его желанию прах захоронен в Москве, на Кунцевском кладбище. В 1987 году на могиле появилась гранитная плита, на которой золотыми буквами выгравировано: «Лопес Рамон Иванович, Герой Советского Союза».

ЗАГОВОР ПРОТИВ ГИТЛЕРА

Германия. 1944 год

20 июля 1944 года произошло событие, взбудоражившее весь мир. Вечером того дня берлинское радио передало специальное сообщение из ставки Гитлера. Группа офицеров, говорилось в нем, пыталась убить фюрера. Перечислялись пострадавшие от взрыва лица из ближайшего окружения Гитлера. В ночь на 21 июля по радио выступили Гитлер, Дениц и Геринг. Они призывали немецкий народ и вооруженные силы сохранять спокойствие и верность фюреру.

Мировая пресса была переполнена сенсационными слухами о столкновениях, арестах и расстрелах в Германии. Лишь 27 июля в Берлине были официально объявлены фамилии некоторых участников заговора — генерал от инфантерии Ольбрихт, генерал-полковник Бек и генерал-полковник Гепнер. Еще раньше в прессу проникло имя полковника генерального штаба Штауфенберга, совершившего покушение на Гитлера.

Согласно сообщениям, поступавшим из Германии, заговор носил чисто военный характер. Однако объявление о награде в миллион марок тому, кто поможет разыскать бывшего имперского комиссара по надзору над ценами Герделера, указывало на участие в заговоре и гражданских лиц.

За несколько лет до падения Гитлера в Германии существовало несколько групп оппозиции. Можно выделить три из них. Первую составляли члены берлинского «Миттвохгезельшафт» — аристократического клуба, куда имели доступ лишь сливки фашистского общества (Герделер, Попитц, Хассель, Иессен и др.). Группа Герделера имела единомышленников почти в каждом имперском гражданском ведомстве и в армии.

Вторая группа — кружок Крайзау, получивший свое название от поместья «Крайзау», где собирался узкий круг политических единомышленников. Кружок состоял из сравнительно молодых аристократов. Его глава— владелец Крайзау — граф Гельмут Мольтке, был экспертом по международному праву в генеральном штабе и одновременно агентом военной разведки. Второй лидер кружка — Петер Йорк фон Вартенбург служил в восточном отделе Военно-экономического управления. Среди членов кружка Крайзау находились Гофа-кер и Шверин — адъютанты командующих немецкими войсками во Франции и Западной Европе Штюльпнагеля и Вицлебена, прислушивавшихся к мнению этого кружка. Они были связаны с Клюге, Роммелем, штабами армейских групп на Востоке и оккупационных войск в Европе, полицей-президиумом Берлина, гестапо.

Третья группа оппозиции — высшие офицеры гитлеровской армии, недовольные политической и военной стратегией Гитлера и разжалованиями. Ведущими членами военной части оппозиции были Бек, Ольбрихт, Тресков, Ка-нарис и Остер. Генерал-полковник Людвиг Бек являлся одним изсоздателей и руководителей «черного рейхсвера». После прихода фашистов к власти Бек был одним из тех рейхсверовских генералов, на которых Гитлер всего больше полагался в деле восстановления германской военной машины. Следом за Беком шли начальник управления общих дел главного командования сухопутных войск генерал Ольбрихт, начальник штаба армейской группы «Центр» на Восточном фронте генерал Тресков, начальник германской военной разведки и контрразведки адмирал Канарис и его начальник штаба генерал Остер. Благодаря личным связям, Бек имел своих людей почти во всех звеньях армейского аппарата.

Сложившаяся против Гитлера верхушечная оппозиция добивалась замены своего

руководителя в силу того, что он перестал отвечать интересам правящей страной финансовой и земельной олигархии, оказавшись не в силах не только обеспечить победу германской военной машины над врагом, но и гарантировать стране благополучный выход из войны.

Разгром южного крыла гитлеровского Восточного фронта зимой 1942— 1943 годов и приближающееся к концу уничтожение окруженных под Сталинградом фашистских войск подстегивали заговорщиков спешить с переворотом. Однако провал первых попыток свергнуть Гитлера сильно поколебал их веру в быстрый успех. Они убедились в необходимости более тщательной подготовки переворота.

Военные приготовления к устранению Гитлера основывались на использовании плана, имевшего кодовое название «Валькирия». В своем окончательном виде он предусматривал, что в случае внутренних беспорядков армия резерва — а она насчитывала около 2,5 миллиона человек — будет поднята по боевой тревоге и сформирует боеспособные группы войск. Эти группы, возглавляемые командующими военными округами, должны будут обеспечить безопасность важных объектов, военных, транспортных и хозяйственных сооружений, центров и линий связи и т.п., а затем, действуя согласно дальнейшим указаниям, уничтожать появляющегося противника. Все командования военных округов располагали этим планом, который подлежал введению в силу по условному сигналу «Валькирия». Дать этот сигнал от имени Гитлера имел право только один человек — командующий армией резерва генерал-полковник Фромм. В случае отказа Фромма принять участие в государственном перевороте сигнал «Валькирия» был готов дать командующим округами генерал Ольбрихт.

Ольбрихт, Штауфенберг и — до октября 1943 года — Тресков совместно разработали ряд дополнительных приказов, чтобы приведение войск в боевую готовность по сигналу «Валькирия» использовать для государственного переворота с целью свержения нацистской диктатуры.

После убийства Гитлера и подъема по боевой тревоге войск в Берлине и его окрестностях намечалось дать командующим округами и командующим группами армий и армиями первый основной приказ. Он начинался словами: «Фюрер Адольф Гитлер убит. Бессовестная группа окопавшихся в тылу партийных главарей пытается использовать эту ситуацию, чтобы нанести удар в спину отчаянно сражающимся на фронте войскам и в своекорыстных целях захватить власть». Заговорщики первоначально считали необходимым такое заявление, ибо полагали, что авторитет Гитлера в вермахте еще настолько велик, что сказать сразу же полную правду нельзя. Это можно будет сделать только после того, как власть окажется в руках вермахта.

По вопросу об устранении Гитлера взгляды были различны. Герделер долгое время отвергал покушение. Штауфенберг, Ольбрихт, Тресков и другие рассматривали покушение на Гитлера как единственно возможный толчок к перевороту.

Тем временем гестапо все ближе подбиралось к заговорщикам. В кружок Зольфа был внедрен агент Рекцее, и в январе 1944 года подверглись аресту многие члены этого кружка, в том числе Гельмут фон Мольтке. 4 июля 1944 года были схвачены Райхвайн, Зефков и Якоб, 5 июля — Лебер, 17 июля был отдан приказ об аресте Герделера, но его предупредили, и он скрылся. Так гестапо проникло во внутренний круг заговора.

11 июля, стремясь спасти от гибели арестованных друзей, Штауфенберг попытался осуществить покушение на Гитлера по собственной инициативе.

Чрезвычайно подозрительный, Гитлер допускал к себе лишь немногих лиц. При выезде его из ставки или из какой-либо другой резиденции по всему пути следования объявлялась воздушная тревога. Ставка была окружена тремя кордонами охраны. Для прохождения через каждый из них требовались специальные пропуски.

Штауфенберг решил использовать свое служебное положение. Как начальник штаба армии резерва, включавшей все внутренние войска Германии и формировавшей пополнения для фронта, он обязан был периодически докладывать Гитлеру о положении в области подготовки и обучения резервов. Штауфенберг пользовался полным доверием фашистского руководства. Молодой офицер, потерявший в африканском походе глаз, левую руку, два пальца правой руки и все же оставшийся на военной службе, казался воплощением фанатической преданности «национал-социалистической империи».

Первую половину июля Гитлер провел в своей резиденции в Оберзальцбер-ге близ

Берхтесгадена, на юге Германии На 11 июля было назначено совещание. Явившись на доклад, Штауфенберг в большом служебном портфеле вместе с бумагами принес мину, намереваясь взорвать ее возле Гитлера. Среди присутствующих не было Гиммлера, которого Штауфенберг также хотел убить. Поэтому он решил отложить покушение.

После 11 июля Гитлер возвратился в свою ставку близ Растенбурга, в Восточной Пруссии. 15 июля в ней состоялось новое совещание, на которое был вызван Штауфенберг, Однако на этот раз среди присутствующих не оказалось не только Гиммлера, но и самого Гитлера.

Следующее совещание в ставке по обсуждению общего военного положения было назначено на 20 июля.

В четверг 20 июля 1944 года Штауфенберг, обер-лейтенант фон Хефтен, генерал-майор Штифф прибыли на самолете в Растенбург. В портфелях находились две бомбы с бесшумными химическими взрывателями. Одну положил в свой портфель Штауфенберг, другую взял Хефтен.

На служебной машине Штауфенберг и его спутники отправились в ставку фюрера. Здесь Штауфенберг доложил о своем прибытии коменданту. После завтрака с его адъютантом ротмистром фон Меллендорфом Штауфенберг направился к генералу Фельгибелю, начальнику связи вермахта, посвященному в заговор. Затем Штауфенбергу пришлось еще решить один служебный вопрос с генералом Буле, представителем Главного командования сухопутных войск (ОКХ) при Верховном главнокомандовании вермахта (ОКБ).

Около 12 часов Штауфенберг вместе с Буле явился к начальнику штаба ОКВ генерал-фельдмаршалу Кейтелю, чтобы еще раз обсудить с ним предстоящий доклад. Хефтен остался в приемной в том же помещении. Кейтель сообщил, что совещание, первоначально назначенное на 13 часов, переносится на 12 часов 30 минут ввиду визита Муссолини. Кейтель сказал, что обсуждение обстановки состоится в предназначенном для этой цели картографическом бараке с деревянными стенами, усиленными бетонной обшивкой.

Когда до 12 часов 30 минут осталось совсем немного, Кейтель вместе со своим адъютантом фон Фрейендом, Буле и Штауфенбергом вышел из кабинета, чтобы направиться в картографический барак, расположенный минутах в трех ходьбы. Но тут Штауфенберг сказал, что хочет сначала немного освежиться и переменить сорочку. В прихожей его ожидал Хефтен. Фон Фрейенд указал им свою спальню, куда Хефтен вошел вместе со Штауфенбергом, так как должен был помочь однорукому полковнику. Им необходимо было остаться наедине, чтобы щипцами вдавить взрыватель бомбы, спрятанной в портфеле Взрыв должен был произойти 15 минут спустя. Тем временем Кейтель уже прошел довольно далеко вперед.

Пока оба заговорщика находились в комнате Фрейенда, Фельгибель соединился по телефону с бункером ОКВ и попросил передать Штауфенбергу, чтобы тот еще раз позвонил ему. Фон Фрейенд тут же послал оберфельдфебеля Фогеля сообщить об этом полковнику. Позже Фогель рассказывал, что видел, как Штауфенберг и Хефтен что-то прятали в портфель, а на койке лежала куча бумаги. Очевидно, он помешал им уложить в портфель Штауфенберга обе бомбы. Хефтен засунул сверток со второй бомбой в свой портфель, а затем, покинув Штауфенберга, быстро вышел, чтобы позаботиться об автомашине.

По пути в картографический барак Штауфенберг несколько раз отказывался от предложения своих спутников понести его портфель Вместе с уже проявлявшим нетерпение Кейтелем полковник несколько позднее 12 часов 30 минут вошел в картографический барак. Перед тем как войти, он громко, так, чтобы его услышал Кейтель, крикнул фельдфебелю-телефонисту, что ожидает срочного звонка из Берлина В момент появления Штауфенберга на совещании генерал Хойзингер как раз докладывал о положении на Восточном фронте. Кейтель на минуту прервал его, чтобы представить Штауфенберга Гитлеру, который приветствовал полковника рукопожатием Затем Хойзингер продолжал свой доклад.

Помещение для оперативных совещаний находилось в конце барака и имело площадь примерно 5 на 10 метров. Его почти полностью занимал огромный стол с картами, вокруг которого после прихода Штауфенберга и Кейтеля собралось 25 человек. Напротив двери имелось три окна — из-за жары они были открыты настежь. Гитлер стоял у середины стола, лицом к окнам и спиной к двери. Стол представлял собой тяжелую дубовую плиту, положенную на две массивные тумбы. Штауфенберг поставил портфель с бомбой у той тумбы,

которая находилась в непосредственной близости от Гитлера. Вскоре он доложил Кейтелю, что ему необходимо переговорить по телефону, вышел из помещения и направился прямо к генералу Фельгибелю, где его уже ожидал на автомашине Вернер фон Хефтен.

Тем временем Хойзингер продолжал доклад. Его заместитель, полковник Брандт, желая подойти поближе к карте, задел ногой помешавший ему портфель Штауфенберга и переставил его по другую сторону тумбы, подальше от Гитлера. Поскольку Штауфенберг должен был докладывать сразу же после Хойзингера, но все еще не вернулся, Буле вышел из помещения, чтобы позвать его. Однако телефонист сказал ему, что полковник исчез. Удивленный Буле вернулся в помещение.

В 12 часов 42 минуты — Хойзингер как раз произносил заключительные слова — бомба взорвалась. Штауфенберг, Хефтен и Фельгибель увидели пламя взрыва и были твердо убеждены в том, что Гитлер убит. Взрыв был такой силы, словно разорвался 150-миллиметровый снаряд, заявил позже Штауфенберг в Берлине.

Взрыв в помещении для совещаний произвел большое разрушение: стол разлетелся на куски, потолок частично рухнул, оконные стекла были выбиты, рамы вырваны. Одного из присутствовавших взрывной волной выбросило в окно. И все-таки генерал Фельгибель, который должен был по телефону сообщить на Бендлерштрассе об удаче покушения, к ужасу своему, увидел: покрытый гарью, в обгорелом и изодранном в клочья мундире, опираясь на Кейтеля и ковыляя, Гитлер выходит из дымящегося барака! Кейтель довел Гитлера до своего бункера и приказал немедленно вызвать врачей Гитлер получил ожоги правой ноги, у него обгорели волосы, лопнули барабанные перепонки, правая рука была частично парализована, но в целом травмы оказались легкими. В момент взрыва между ним и миной оказались массивная тумба и тяжелая крышка стола, и это смягчило удар.

Из числа участников совещания один — стенографист Бергер — был убит на месте; трое других — полковник Брандт, генерал Кортен, начальник штаба оперативного руководства ВВС, генерал-лейтенант Шмундт, шеф-адъютант вермахта при Гитлере и начальник управления личного состава сухопутных войск — вскоре скончались от полученных травм. Генерал Боденшац, офицер связи главнокомандующего ВВС при ставке фюрера, и полковник Боргман, адъютант Гитлера, получили тяжелые ранения Все остальные отделались легкими ранениями или же не пострадали.

Ознакомление с расположением лиц, находившихся в помещении, показывает, что убиты или тяжело ранены оказались почти исключительно те, кто стоял справа от подставки стола Совершенно ясно: в результате того, что полковник Брандт переставил портфель с бомбой к правой стороне тумбы, направление взрыва в значительной мере изменилось. Только так можно объяснить, почему Гитлер, который к тому же в момент взрыва столь сильно наклонился над столом, что почти лежал на нем (он был близорук), остался в живых. Оправившись от шока, Гитлер и его окружение стали готовиться к намеченному на послеобеденное время визиту Муссолини в ставку Верховного главнокомандования.

Увидев Гитлера живым, Фельгибель от условленного звонка в Берлин отказался. Ведь он должен был сообщить, состоялось ли покушение или нет. Но такая ситуация, что после произведенного покушения Гитлер уцелеет, предусмотрена не была. Нерешительность Фельгибеля подкрепил Штифф, принявший решение, что ввиду этого государственный переворот начинать не следует и теперь надо лишь позаботиться о безопасности — своей собственной и других заговорщиков.

В 13 часов Штауфенберг достиг аэродрома. По дороге Хефтен демонтировал запасную бомбу и выбросил ее. В 13 часов 15 минут самолет поднялся в воздух и взял обратный курс на Берлин. В течение почти трех часов Штауфенберг был обречен бездействовать, и эти три часа оказались роковыми для предпринятого им дела. Что же произошло за эти три часа в Берлине — центре заговора?

Бек, Вицлебен и другие военные руководители заговора вместе со своими гражданскими советниками утром 20 июля собрались на Бендлерштрассе у генерала Ольбрихта в управлении общих дел главного командования сухопутных войск.

С 13.00 ожидали условного телефонного звонка из Растенбурга.

В 14.00 было получено известие, что из ставки будет передано важное сообщение. Через

полчаса Штауфенберг с берлинского аэропорта Рангсдорф по телефону доложил, что акция проведена успешно.

Ольбрихт бросился к Фромму Сообщив о смерти Гитлера, он потребовал от него объявления боевой тревоги по всем частям армии резерва. Фромм связался по прямому проводу со ставкой. Кейтель объяснил ему, что Гитлер только ранен, и потребовал разыскать и арестовать Штауфенберга. После разговора со ставкой Фромм отказался поддержать заговорщиков и был ими арестован. Главнокомандующим армией резерва Вицлебен назначил Гепнера. Последний отчаянно трусил и не приступил к исполнению обязанностей, пока не выпросил. . письменного приказа о своем назначении.

Только после этого 50 телетайпов и 800 телефонных линий штаба армии резерва заработали, рассылая приказы приступить к выполнению «операции Валькирия» и заранее подготовленные дополнительные указания.

В 16.00 части берлинского гарнизона, как и предусматривалось, приступили к занятию главных правительственных зданий столицы. Однако войск было слишком мало, а части армии резерва, вызванные в Берлин, к 17.00 лишь приближались к окраинам огромного города Среди командиров частей, стягивавшихся в Берлин, почти никто не был посвящен в планы заговора.

Без войск заговорщики были бессильны.

Через полчаса после покушения в «Волчьем логове» появился извещенный о происшедшем Гиммлер, который находился в своей ставке на озере Мауэрзее, и сразу же принялся за расследование. Геббельс, который в это время был в Берлине, получил после 13 часов телефонное сообщение, что произошло покушение, но Гитлер жив. Затем всякая связь между Растенбургом и внешним миром на два часа прекратилась. Гитлер приказал установить запрет на передачу любой информации из ставки. Это обстоятельство могло бы даже сыграть на руку заговорщикам, поскольку Фельгибель и без того имел задание не допустить никакой связи со ставкой.

В 16 часов в ставку фюрера прибыл специальный поезд с Муссолини. Его встречали Геринг, Риббентроп, Дениц и другие нацистские главари. Гитлер хвастался, что спасен волей самого провидения, которое тем самым явно предназначило его для решения еще более великих задач. Остальные усердствовали в проявлениях верноподданнических чувств. Около 18 часов Гитлер проводил своего гостя на железнодорожную станцию.

После отмены запрета на информацию и после отправки из Берлина первых приказов «Валькирия» в ставку стали поступать телефонные запросы командиров различных рангов. Постепенно здесь все определеннее складывалось впечатление, что развернулась гораздо более крупная, чем предполагали поначалу, акция. Около 17 часов Гитлер назначил рейхсфюрера СС Гиммлера вместо Фромма командующим армией резерва и приказал ему немедленно вылететь в Берлин. В 17 часов 30 минут Гитлер имел телефонный разговор с Геббельсом и поручил ему подготовить чрезвычайное сообщение для радио, что покушение имело место, но сорвалось.

Вскоре сообщение о том, что Гитлер только ранен, было подтверждено. В 18 часов 30 минут по радио было передано официальное сообщение о покушении. В нем указывалось, что Гитлер получил лишь легкие ожоги и контузию.

Эта весть усилила нерешительность среди командиров войск заговорщиков и в свою очередь замедлила осуществление приказов «Валькирия».

Первоочередной задачей заговорщиков после покушения считался захват центральной правительственной радиостанции «Дейчланд зендер» для провозглашения нового правительства. Войск для этого не было. Командиры частей, получившие приказы заговорщиков, колебались. Кейтель из ставки рассылал контрприказы, отменявшие распоряжения Гепнера. Так, в Вене в соответствии с приказом «Валькирия» были арестованы руководители СС. Через короткое время их освободили по приказу ставки. То же произошло в Париже. Узнав, что Гитлер жив, Клюге в панике категорически отказался сотрудничать с заговорщиками и издал приказ о сохранении верности фюреру. В ночь на 21 июля арестованные ранее в Париже эсэсовские и гестаповские главари были выпущены на свободу и приступили к арестам членов заговора.

Главной надеждой заговорщиков в Берлине являлся танковый батальон дивизии «Гросдейчланд». Его командир майор Ремер не был участником заговора Получив приказ

занять помещение имперской канцелярии и арестовать многих видных генералов, Ремер усомнился в правомерности подобных действий и обратился к Геббельсу. Тот уже имел ясное представление о происходящем. Располагая прямым проводом со ставкой, Геббельс связал Ремера с Гитлером. Фюрер, голос которого Ремер легко узнал, приказал ему немедленно занять штаб армии резерва и расстреливать каждого, кто покажется ему подозрительным Ремер бросился выполнять приказ. Встречая на шоссе направляющиеся к центру города войска, он поворачивал их назад, ссылаясь на «личный приказ фюрера». На других дорогах метался генерал Гудериан, останавливая, подобно Ремеру, войска, двигавшиеся по вызову заговорщиков Одним из первых он повернул назад танковый батальон майора Вольфа, шедший штурмовать главный штаб войск СС. Возвратившись в Крампниц, где он был расквартирован, этот батальон подвергся жестокому обстрелу со стороны частей СС. Подобные инциденты происходили и в других местах.

Уже вечером 20 июля войска, на которые рассчитывали мятежники, шли не помогать им, а подавлять заговор. К 21.00 нацисты восстановили свой контроль над Берлином.

Но главная причина провала переворота заключалась не только в неразберихе с отдачей приказов и замедленном темпе военной операции. Руководители восстания в Берлине, как показывают все свидетельства, не имели достаточно надежных боевых групп для решения неотложных задач первого часа.

Заговорщики желали захватить власть с помощью военных, отдающих команды по телеграфу и телефону. Воззвания и призывы по радио были подготовлены, но обратиться с ними к народу руководители переворота хотели только после того, как власть уже будет крепко находиться в руках вермахта.

Преобладающее большинство генералов и офицеров службы генерального штаба столь крепко связали себя с нацистской системой, что не были способны даже на формальное осуществление военных приказов, если знали или чувствовали, что приказы эти могли оказаться направленными против системы.

Подлинные зачатки настоящих действий имелись только в Вене и Париже.

Когда около 21 часа по радио было сообщено, что вскоре выступит Гитлер (что еще больше увеличило смятение в лагере заговорщиков), войска уже собирались оставить центр города. В 21 час 30 минут последние танки покинули внутреннюю часть Берлина. Подходившие части были частично еще раньше остановлены поднятыми по тревоге эсэсовцами.

В 22 часа 30 минут Ольбрихту пришлось призвать находившихся на Бенд-лерштрассе офицеров самим взять на себя охрану здания.

Тем временем в Берлине собрались нацистские главари: у Геббельса — Гиммлер и Кальтенбруннер, в здании Службы безопасности (СД) — Шелленберг и Скорцени.

Пока на Бендлерштрассе группа офицеров собирала силы для контрудара, заговор пережил свою последнюю вспышку. Около 22 часов 40 минут для охраны здания прибыла рота оружейно-технического училища сухопутных войск. Но против нее были брошены подразделения охранного батальона. Роте училища пришлось сложить оружие.

В самом здании в это время разыгрывался последний акт драмы. Около 22 часов 45 минут начальник штаба Штюльпнагеля полковник Линстов получил в Париже от Штауфенберга телефонное известие: все пропало. В 22 часа 50 минут группа офицеров и унтер-офицеров во главе с подполковниками Хер-бером, фон Хайде, Придуном и Кубаном и майором Флисбахом, вооружившись по дороге, ворвалась в кабинет Ольбрихта В этот момент здесь находились в числе других Ольбрихт, Петер Йорк фон Вартенбург, Ойген Герстенмей-ер и Бертольд Штауфенберг Полковника Штауфенберга и Хефтена обстреляли в коридоре, Штауфенберг был ранен. Затем в течение десяти минут в коридоре и прилегающих помещениях слышались крики, выстрелы, шум рукопашной схватки. Бек, Гепнер, братья Штауфенберг, Ольбрихт, Мерц, Хефтен и другие заговорщики были схвачены; немногим, в том числе майору авиации Георги — зятю Ольбрихта, а также Кляйсту, Фриче и Людвигу фон Гаммерш-тейну, во всеобщей неразберихе удалось скрыться.

Бек попросил оставить ему пистолет для «личных целей» В ответ Фромм поторопил генерала поскорее привести свое намерение в исполнение. Приставив пистолет к виску, Бек выстрелил, но выстрел оказался несмертельным, а сам он рухнул в кресло. Немного погодя Бек

слабым голосом попросил дать ему другой пистолет. Ему дали, но и второй выстрел не убил его. Тогда один фельдфебель «из сострадания» прикончил потерявшего сознание генерала.

Фромм объявил, что созвал военно-полевой суд, который приговорил к смертной казни четырех офицеров: полковника Мерца Квирнгейма, генерала Ольбрихта, полковника Штауфенберга и Хефтена.

Затем Фромм предложил Гепнеру покончить жизнь самоубийством. Но Гепнер ответил, что не знает за собой столь тяжкой вины, и дал увести себя в военную тюрьму Моабит.

Четверых приговоренных к смертной казни около полуночи вывели во двор на расстрел. Хефтен поддерживал ослабевшего от ранения Штауфенберга. Место казни освещалось фарами военного грузовика. Граф Клаус Шенк фон Штауфенберг погиб с возгласом: «Да здравствует священная Германия!» Пули оборвали жизнь Штауфенберга накануне его 37-летия.

В 0 часов 21 минуту генерал Фромм приказал отправить телеграмму всем командным инстанциям, получившим ранее приказы заговорщиков. В ней он объявлял эти приказы потерявшими силу и сообщал, что попытка путча подавлена.

Решение Фромма немедленно казнить главных заговорщиков явно объяснялось его желанием побыстрее избавиться от неприятных свидетелей. Прибывшие тем временем эсэсовские фюреры Скорцени и Кальтенбруннер приказали немедленно доставить закованных в цепи арестантов на Принц-Альбрехт-штрассе, где тотчас же начались допросы. Фромм, не имевший больше командной власти, поскольку командующим армией резерва теперь был назначен Гиммлер, отправился к Геббельсу. Но еще в ту же ночь Фромма подвергли «почетному аресту».

Около часа ночи радио передало речь Гитлера, о которой было объявлено еще четырьмя часами ранее. Магнитофонную запись речи пришлось сначала доставить из Растенбурга в Кенигсберг. Гитлер заявил: «Мизерная кучка тщеславных, бессовестных и вместе с тем преступных, глупых офицеров сколотила заговор, чтобы убрать меня, а вместе со мною уничтожить и штаб оперативного руководства вооруженных сил. Бомба, подложенная полковником графом фон Штауфенбергом, разорвалась в двух метрах справа от меня… Сам я остался совершенно невредим, если не считать совсем мелких ссадин, ушибов или ожогов. Я воспринимаю это как подтверждение воли провидения, повелевающего мне и впредь стремиться к осуществлению цели моей жизни, как я делал это по сию пору…» За дикой бранью по адресу заговорщиков последовало заявление, что они «теперь будут беспощадно истреблены». Затем Гитлер вновь благодарил «провидение» и обещал: «Я и впредь должен, а потому и буду возглавлять мой народ».

Для расследования событий и розыска остальных участников Гиммлер сразу же создал при гестапо Особую комиссию по делу 20 июля, аппарат которой состоял из 400 чиновников, подразделенных на 11 отделов. Эта особая комиссия работала вплоть до самого конца Гитлера. Общее число арестованных равнялось примерно 7000 человек. Среди жертв нацистского террора после 20 июля 1944 года насчитывалось 20 генералов, в том числе один генерал-фельдмаршал.

Некоторым из заговорщиков удалось скрыться, и их разыскивали: например, Карла Герделера (вознаграждение — миллион марок), Фрица Лйндемана (500 тысяч марок). Большинство же заговорщиков попали в руки гестапо сразу. Немедленно после 20 июля были введены усиленные меры по блокированию границ.

После провала попытки государственного переворота некоторые участники заговора покончили самоубийством, чтобы избежать ожидавших их пыток гестапо.

От хорошо известного в Германии и за ее пределами фельдмаршала Эрвина фон Роммеля нацисты избавились особым образом. 14 октября 1944 года ему по приказу Гитлера было предоставлено самому сделать выбор: либо покончить самоубийством, либо предстать перед судом. В случае самоубийства ему будут устроены торжественные похороны, а семью пощадят и не будут преследовать. Попрощавшись с женой и сыном, Роммель принял яд, переданный ему посланцем Гитлера. <

Многие из арестованных подверглись жестоким истязаниям. Гестаповцы добивались нужных показаний, избивая подследственных, вгоняя им иголки под ногти и при помощи других изощренных пыток.

Большинство обвиняемых были приговорены к смерти и казнены. Многие без всякого приговора убиты в каторжных тюрьмах и концлагерях. Последние казни продолжались еще в апреле 1945 года. Если первое время о приведении приговора в исполнение сообщалось, то впоследствии это делать перестали.

Для смертного приговора достаточно было даже того, чтобы обвиняемый всего лишь знал о существовании заговора. Так был казнен полковник Майхс-нер, хотя он и отказался осуществить покушение на Гитлера. Даже генерал Фромм, в значительной мере способствовавший провалу путча, тоже был казнен за трусость.

Из друзей и ближайших соратников Штауфенберга в живых не остался ни один.

ЗАГОВОР ПРОТИВ МУССОЛИНИ

Италия. 1943 год

23 января 1943 года части британской армии оккупировали Триполи — последнее колониальное владение итальянского королевства. Потери итальянцев на всех фронтах были огромными, и многие на Апеннинах видели спасение королевства в разрыве союза с Германией. Немцы, однако, считали, что ось Берлин — Рим — Токио незыблема, пока у власти остается Муссолини. Они явно не представляли, насколько сильны в Италии опозиционные настроения.

Уже в ноябре 1942 года, когда генерал Монтгомери в Северной Африке у Эль-Аламейна сокрушил итальянскую армию, почва для заговора вполне созрела. Вначале дело ограничивалось намеками и предложениями, тайными переговорами и встречами, в которых участвовали представители двора и офицеры генерального штаба. По мере разрастания заговора в него оказался втянуты и сам король, а также министр королевского двора герцог Пьетро д'Акваро-не, принцесса Мария и ее супруг — наследник престола Умберто.

Правда, были генералы (среди них — Витторио Амброзио), считавшие, что и король должен уйти, ибо его личность «тоже отождествлялась с фашизмом».

В то время как маршал Бадольо и Амброзио вместе с другими генералами — Кастельяно и Карбони обсуждали эти планы и взвешивали свои шансы на успех, несколько фашистских министров Муссолини также готовили заговор, направленный на свержение дуче. Наиболее влиятельными и заметными фигурами среди них были министр образования Джузеппе Боттаи и граф Дино Гранди, министр юстиции, холеный, амбициозный, импозантный интеллектуал с изысканными манерами. 3 июня Гранди приватно беседовал с королем, недвусмысленно предлагая ему избавиться от Муссолини.

Виктор Эммануил дал понять, что может воспользоваться лишь конституционными средствами, то есть решением Большого фашистского совета, дающим ему право на смещение главы кабинета. Гранди остался очень доволен разговором, решив, что новым премьер-министром станет он сам. Однако у короля были иные планы. Последний плел свою интригу.

Буффарини-Гвиди, помощник министра внутренних дел, через бывшую любовницу дуче Анджелу Курти предупредил Муссолини о заговорах, которые плели вокруг дуче Гранди и Боттаи. По секрету он сообщил, что в поведении министра иностранных дел графа Чиано и Фариначчи тоже появились признаки нелояльности.

Муссолини не очень встревожился. Дуче не верил в серьезность намерений своих приспешников. «Стоит мне свистнуть, — уверенно заявлял он, — и они мне мигом зааплодируют».

Через несколько дней после получения письма от Анджелы Курти он устроил очередную кадровую перестановку. Граф Гранди был смещен с поста министра юстиции, однако ему позволили сохранить за собой место председателя палаты депутатов. Боттаи лишился поста министра образования, однако за ним осталось его место в Большом фашистском совете. Граф Чиано и его заместитель Бастиа-нини покинули министерство иностранных дел. Чиано получил место посла при Святом престоле.

Прошла зима, наступила весна 1943 года. Заговоры — антироялистские, антифашистские, антигерманские — множились и разрастались. В действительности было очень трудно

определить, как писал приехавший в Рим из посольства в Будапеште Анфузо, «кто в каком заговоре состоит», однако было очевидно, что все они преследовали одну цель — свержение дуче.

16 июля несколько крупных партийных чиновников встретились в Риме с дуче и настояли на необходимости созыва Большого фашистского совета. Поначалу Муссолини отверг эту идею, но затем согласился провести Совет в субботу 24 июля.

В полдень 21 июля Дино Гранди встретился с президентом Итальянской Академии Федерцони. Гранди познакомил его с проектом резолюции, которую он намеревался представить на рассмотрение Большого фашистского совета. В документе говорилось о необходимости передать всю полноту власти королю. Иными словами, Муссолини должен был отказаться от власти.

Федерцони одобрил резолюцию. Обрадованный Гранди затем посетил Бот-таи, Бастианини и Альбини, трех влиятельнейших членов Большого фашистского совета. Все они согласились поддержать на заседании его резолюцию.

К удивлению Гранди, секретарь партии Карло Скорца также склонялся к тому, чтобы одобрить его предложение. Однако Скорца показал копию резолюции Муссолини. Дуче, быстро прочитав документ, не выказал особой тревоги, заметив при этом, что решение это «неприемлемо и достойно презрения».

Получив поддержку влиятельных политиков, Гранди попросил о встрече с дуче, так как, по его словам, не хотел «сойти за заговорщика» и надеялся склонить его к отставке. 22 июля в пять часов вечера Гранди появился в Палаццо Венеция. Он зачитал свою резолюцию и затем привел аргументы в ее пользу. Муссолини не прерывал его, продолжая наблюдать за визитером с выражением надменного презрения. Когда же речь была окончена, он сказал: «Оставьте меня. Мы увидимся на Большом совете».

Реакция Муссолини насторожила Гранди. Он решил уступить Боттаи, предложившему вовлечь в заговор Чиано. Хотя Гранди в общем и не доверял Чиа-но, он был вынужден признать, что его поддержка привлечет многих колеблющихся, которые отдадут свои голоса в пользу этой резолюции.

Гранди не сомневался, что в случае его ареста большинство заговорщиков тут же переметнутся на сторону Муссолини. «В глубине души, — говорил он, — единственный человек, которому я абсолютно доверял, был Федерцони».

За несколько дней до решающих событий благосклонная фортуна предоставила Муссолини последний шанс изменить ситуацию. 18 июля германский посол Маккензен передал дуче срочное приглашение на встречу с Гитлером в Фельтре. Эта встреча не входила в планы заговорщиков и вызвала среди них некоторое замешательство. Ведь стоило Муссолини хотя бы намекнуть Гитлеру на необходимость вмешательства, как фюрер принял бы экстренные меры.

По дороге в Фельтре сопровождавший дуче генерал Амброзио предпринял последнюю попытку изменить ситуацию— он настоятельно убеждал Муссолини поставить Гитлера перед фактом выхода Италии из войны в течение 15 дней. Но дуче не понял внутреннего смысла этого демарша и не осмелился перечить Гитлеру. Фюрер по обыкновению много говорил, кричал, срываясь на истерику, требовал дополнительных усилий, мобилизаций и завинчивания гаек. Под шквалом сыпавшихся на него обвинений дуче угрюмо молчал. Он мысленно радовался тому, что отказался от услуг переводчика: уж очень не хотелось ему иметь лишнего свидетеля своего унижения. Наконец фюрер замолк и даже пообещал немного помочь материалами и военной техникой. На том диктаторы и расстались.

Муссолини стоял на аэродроме с поднятой в фашистском приветствии рукой до тех пор, пока самолет Гитлера не скрылся из виду, а затем повернулся к своей свите и с победным видом заявил, что фюрер обещал предоставить Италии все необходимое для продолжения войны.

Во время переговоров в Фельтре произошло еще одно событие, побудившее заговорщиков к решительным действиям, — союзническая авиация впервые бомбила Рим. За три часа на город было совершено четыре массированных налета, но ни один самолет противника не был сбит. Около 1400 римлян погибло, 6 тысяч были ранены, многие здания превратились в руины.

На следующий же день король Виктор Эммануил поручил генералам Амброзио, Карбони

и Кастеллано принять меры по устранению Муссолини. Монарх спросил маршала Бадольо, готов ли он заменить Муссолини на посту главы правительства, и тот согласился, предложив нефашистскую администрацию, возглавляемую социалистом Бономи и бывшим премьер-министром Орландо. На случай сопротивления чернорубашечников Амброзио начал стягивать к Риму верные монархии войска, а бывший начальник полиции Сениз отрабатывал детали ареста диктатора.

Утром 24 июля Скорца информировал дуче о заговоре генералов и о решении короля назначить новым премьер-министром маршала Бадольо.

Муссолини механически твердил, что ему следует опасаться только американских танков, а вечером состоится лишь обычная встреча и беседа товарищей.

Обладая тонким политическим чутьем, дуче понимал, что тучи над ним сгущаются. 24 июня, выступая на Большом фашистском совете, он пытался в завуалированной форме даже угрожать заговорщикам, но скрытые угрозы остались риторикой, а утверждения, будто союзники непременно разрушат итальянскую промышленность, звучали неубедительно. Дуче говорил, что в лице Германии итальянцы нашли искреннего и постоянного союзника. Это была самая важная и самая неудачная речь великого диктатора.

Решающим было выступление Гранди.

«Я собираюсь повторить здесь, перед Большим советом, то, что я говорил дуче позавчера, — начал он. — Предлагаю следующую повестку дня». И Гранди зачитал свою резолюцию. «Вы навязали Италии диктатуру, — говорил он, — которая исторически аморальна. На протяжении долгих лет Вы держали в своих руках три ведущих министерства. И чего вы добились? Вы уничтожили дух вооруженных сил. На протяжении долгих лет Вы душили нас вот этими похоронными одеждами. На протяжении долгих лет, выбирая одного из нескольких кандидатов на важнейшие посты, Вы неизменно выбирали худшего».

Гранди говорил больше часа. Муссолини сидел и в абсолютной тишине слушал эту речь, которую он позднее называл «яростной филиппикой — речью человека, который наконец дал выход долго сдерживаемой обиде».

Затем выступил Чиано. Он обратился к истории провалившегося итало-германского альянса. Никто не сомневался, что он поддержит резолюцию Гранди. Следующий оратор, Фариначчи, попытался защитить немцев. Он предложил Совету собственную резолюцию, в которой провозглашалась солидарность фашистской Италии с национал-социалистской Германией, а главе правительства предлагалось обратиться к королю с просьбой принять командование над всеми вооруженными силами, чтобы «таким образом продемонстрировать всему миру, что все население ведет борьбу за спасение и честь Италии, объединившись под его руководством».

После полуночи, когда заседание продолжалось уже более семи часов, Муссолини предложил Скорце перенести заседание на завтра. Он сказал, что неважно себя чувствует и не может переутомлять себя.

«Раньше, — возразил жестко Гранди, — Вы держали нас здесь до пяти утра, обсуждая всякие мелочи и пустяки. Мы не уйдем отсюда, пока не будет обсуждена моя резолюция и по ней не будет проведено голосование». Он согласился на десятиминутный перерыв.

Около четверти третьего Муссолини резко прервал дискуссию. «Споры были долгими и всех утомили. На рассмотрение вынесены три предложения. Гранди был первым, поэтому его проект я выношу на голосование.. »

На заседании присутствовало двадцать восемь членов Совета При голосовании из них воздержался лишь один — граф Суардо. Скорца, Полверелли, Буффарини-Гвиди и Гальбиати голосовали «против», их поддержали еще три человека Фариначчи голосовал за свою резолюцию. Девятнадцать голосов было отдано за предложение Гранди.

Муссолини быстро собрал свои бумаги и встал. В дверях он обернулся и спокойно, но с горечью в голосе, произнес: «Вы спровоцировали кризис режима».

Описание событий утра этого дня, составленное Анфузо, свидетельствует, сколь плохо заговорщики знали о планах двора и как мало они доверяли друг другу. В Монтечиторио, по словам Анфузо, «Гранди с Чиано уединились в углу и повели беседу». Вскоре они стали спорить. «Было ясно, что Гранди многое утаил от Чиано».

Немного позже Анфузо убедился, что и Чиано не знал об истинных намерениях короля. «Все готово, вот увидите, — доверительно сказал он. — Кандидатуры министров уже согласованы. Пирелли будет министром иностранных дел. Полагаю, что Витетти будет заместителем секретаря, генерал Карбони — министром пропаганды. Я на какое-то время останусь в стороне, а там посмотрим. Что касается Вас, то я не хочу говорить лишнего. Вы известный германофил. Но я поговорю с друзьями».

Гранди сообщил о результатах заседания Большого фашистского совета министру двора Аквароне, предложив, чтобы король назначил главой правительства маршала Кавилья, известного военного и антифашиста, и немедленно отправил в Мадрид для переговоров с союзниками о мире представительную делегацию. Когда Аквароне сказал, что король решил назначить главой правительства маршала Бадольо, Гранди потерял дар речи.

В шесть часов утра Аквароне разбудил короля, чтобы тот просмотрел доклад Гранди о голосовании в Совете. Через час он позвал генерала Амброзио и вместе с ним отправился к Бадольо.

Муссолини по-прежнему чувствовал себя абсолютно уверенно. Он отвергал предложения своих соратников немедленно арестовать заговорщиков. Правда, около 15 часов он подумал о предложении генерала Гальбиати ввести в Рим механизированные подразделения чернорубашечников, стоявшие в Браччано. Но было слишком поздно. За несколько часов до того дивизион «Гранатьери» получил от генерала Кастельяно приказ прибыть в Рим. В то время как приказ Гальбиати, предназначенный чернорубашечникам, был перехвачен.

25 июля было воскресенье, король находился в своей загородной вилле. Отправляясь туда, Муссолини не знал, что фактически уже лишен власти. Дворцовые участники заговора всячески ускоряли развитие событий. Муссолини отправился на виллу в 5 часов пополудни.

Виктор Эммануил объявил дуче о том, что главой правительства назначен маршал Бадольо. Он не пожелал вступать с Муссолини в разговоры по существу, но «своим королевским словом» гарантировал безопасность бывшего диктатора.

Едва Муссолини вышел из здания, как к нему приблизились два офицера, пригласили следовать за ними и заявили, что король велел им «охранять» бывшего дуче Они посадили его в санитарную машину и увезли. Муссолини, растерявшийся и оглушенный, не оказывал никакого сопротивления.

В 22 часа 45 минут 25 июля по радио было передано два обращения к народу — короля и маршала Бадольо. И сразу толпы римлян вышли на улицу. Люди срывали портреты дуче и фашистские эмблемы, требуя немедленного прекращения войны.

26 июля правительство Бадольо издало декрет об отмене Большого фашистского совета и Особого трибунала и о роспуске всех фашистских организаций.

Гитлер, узнав об аресте Муссолини, приказал немецким войскам, находившимся на территории Италии, немедленно захватить «изменников» и восстановить власть дуче. Несколько позже по его приказу немецкие парашютисты выкрали Муссолини из места его заключения в Гран-Сакко (в горах Абруццо). Это произошло 12 сентября 1943 тода. Муссолини привезли в Вену, его сопровождал полковник Скорцени, осуществивший операцию.

Встреча Гитлера и Муссолини произошла 14 сентября в резиденции фюрера и была воистину мелодраматической. Геббельс оставил подробнейшее ее описание. Муссолини почти ничего не знал о положении в Италии. И совершенно не желал вернуться к власти.

А в Италии происходило следующее. 3 сентября в Кассибиле (провинция Сиракуза на Сицилии) представители правительства Бадольо и высадившихся на Сицилии англо-американских войск подписали соглашение, вежливо названное «перемирием», а фактически означавшее полную капитуляцию Италии.

Соглашение оставалось секретным до 8 сентября. В тот день Бадольо и Эйзенхауэр обнародовали текст, а 9-го король со всей семьей и Бадольо со всем правительством и весь генералитет постыдно бежали из Рима. В течение нескольких дней Германия оккупировала почти всю территорию Италии от Альп на Севере до Неаполя на Юге. Начиная с 8 сентября 1943 года страна оказалась разделенной на две части. 11 сентября немцы объявили, что вся территория Италии, включая Рим, является военной зоной, находящейся под немецким военным контролем.

15 сентября 1943 года новое итальянское официальное агентство печати объявило по радио. «Сегодня Бенито Муссолини возобновил верховное руководство фашизмом в Италии»

На западном берегу озера Гарда расположен небольшой городок Сало. Там, на одной из вилл и поселился с семьей некогда всесильный диктатор. Поскольку «монархия изменила», была создана «республика Сало». Немцы следили буквально за каждым шагом дуче. Муссолини фактически стал уже не союзником, а вассалом.

Муссолини жаждал расправиться с заговорщиками. Однако из девятнадцати обвиняемых лишь шесть человек предстали перед судом, остальные, включая Гранди, выехавшего в Испанию вскоре после ареста Муссолини, скрывались за границей или сумели надежно спрятаться в Италии. В качестве подсудимых перед трибуналом предстали де Боно, Чианетти, Маринелли, Готтарди, Паре-чи и Чиано.

Суд начался в девять часов утра в воскресенье 8 января 1944 года в зале Кастельвеккио в Вероне. Приговор суда был известен заранее — смертная казнь. И только Чианетти получил 30 лет тюрьмы. Он не смог сдержать слез, прошептав: «Спасибо, спасибо».

В апреле 1945 года дуче перевел свое правительство в Милан. 26 апреля Муссолини бежал из Милана, но уже 27 апреля попал в руки партизан 52-й гари-бальдийской бригады и на следующий день был ими расстрелян.

УБИЙСТВО МАХАТМЫ ГАНДИ

Индия. 30 января 1948 года

Его называли Отцом нации и Махатмой, что означает Большой Дух. Имя его было Мохандас Карамчанд Ганди, и он, безусловно, был одной из самых ярких личностей в национально-освободительной борьбе индийского народа.

15 августа 1947 года была провозглашена государственная независимость Индии. Англичане, уйдя из Индии, оставили после себя незавидное наследство: субконтинент, разделенный на индуистскую Индию и мусульманский Пакистан.

Религиозная война продолжалась. Мусульмане убивали индусов, а те в свою очередь уничтожали целые мусульманские деревни. Жители городских кварталов сводили старые счеты, миллионы эмигрантов двинулись в путь по стране без всяких средств, без пищи, без цели и надежд. Религиозные фанатики нападали на обессиленных людей и убивали их в пути.

12 января 1948 года радио на 14 индийских языках передало экстренное сообщение, что на следующий день Ганди начнет 17-ю в его жизни голодовку протеста. Она будет продолжаться до тех пор, пока в Дели не восстановится религиозный мир, а правительство Индии не удовлетворит претензии Пакистана о предоставлении ему 550 миллионов рупий, полагавшихся при разделе. Голодовка была последним оружием Ганди.

Махатма Ганди перестал принимать пищу 12 января и до воскресенья 18 января не брал в рот ничего, кроме нескольких глотков чистой воды. Состояние его здоровья день ото дня ухудшалось. В Индии начали раздаваться голоса за прекращение братоубийственной войны. Ганди назвал свои условия прекращения голодовки: он выпьет первый стакан апельсинового сока, когда будет обеспечено мирное сосуществование индусов и мусульман. Эти условия он провозгласил утром на митинге, в котором приняло участие несколько сотен тысяч человек.

А в полдень представители обеих сторон в присутствии Ганди подписали перемирие. Махатма выпил первый глоток апельсинового сока. В тот же вечер он заявил, что перемирие в Дели следует распространить на всю Индию и Пакистан.

В пятницу 30 января около четырех часов пополудни в резиденцию, где жил Ганди, прибыл его бывший ближайший соратник, а теперь самый ярый противник — министр внутренних дел и заместитель премьер-министра индийского правительства Сардар Пател. Как всегда, Ганди встретил его на террасе, затем они вошли в дом, где беседовали больше часа.

Каждый день около пяти часов вечера в саду собирались приверженцы Ганди, а также просто любопытные. Это было нечто среднее между богослужением и митингом. Поскольку индийское радио регулярно вело с этих собраний трансляции, Махатма Ганди использовал их для пропаганды своих взглядов.

30 января 1948 года в саду ждало около тысячи индусов. Ганди шел медленно, часто останавливаясь и отвечая на приветствие толпы. Собравшиеся с почтением расступались пред ним, давая пройти. Среди индусов, облаченных в белые одежды, выделялся один человек в рубашке цвета хаки. Пробравшись к самому Ганди, он грубо оттолкнул внучку Ману и быстро нагнулся, якобы желая, по старому обычаю, в знак уважения и смирения стереть пыль с сандалий Махатмы. Несколько мгновений он стоял перед старцем на коленях, потом быстрым движением вытащил из кармана пистолет и выстрелил в упор. Две пули попали в область сердца, одна — в живот. «О, Рама!» — успел вскрикнуть Ганди и упал.

Это произошло 30 января 1948 года в 17 часов 17 минут. Террорист пытался покончить жизнь самоубийством. Он уже поднял было пистолет к виску, но в этот момент к нему бросились люди. Еще немного, и они расправились бы с ним. Но вовремя вмешался телохранитель Ганди. Он спас убийцу от разгневанной толпы для того, чтобы приговор ему вынесло правосудие. Махатма Ганди умер. Убийцу доставили в полицию. Кто же организовал покушение на духовного лидера нации? Индия была разделена на мусульманскую и индуистскую части. Ганди добился лишь частичного примирения индусов и мусульман. Дело в том, что экстремисты были в принципе против сотрудничества с мусульманами. «Хин-ду Махасабха», политическая организация с отрядами террористов «Раштра дал» и «Вештрия сваям севак», решила продолжать борьбу. Однако в Дели ей противостоял авторитет Махатмы Ганди. Поэтому и был организован заговор, возглавляемый лидером «Хинду Махасабха», бомбейским миллионером Винайяком Саваркаром.

Саваркар объявил Ганди «коварным врагом» индусов, а абсолютизируемую гандизмом идею ненасилия назвал безнравственной. На имя Ганди ежедневно поступали протесты от ортодоксальных индусов. «Одни из них считают меня изменником. Другие полагают, что я усвоил свои нынешние убеждения против неприкасаемости и тому подобное от христианства и ислама», — вспоминал Ганди.

Саваркар решил устранить неугодного философа, который пользовался такой популярностью у индийского народа. Бомбейский миллионер в октябре 1947 года создал из своих верных людей террористическую группу. Это были образованные брахманы. Натхурам Годсе был шеф-редактором крайне правой газеты «Хинду раштра», Нарайян Апте являлся директором этого же издания.

Годсе исполнилось 37 лет, он происходил из ортодоксальной брахманской семьи, имел неполное школьное образование. В коммерции он потерпел фиаско. Дальнейшую его судьбу определила встреча с Саваркаром, в котором он нашел своего гуру (учителя) В 1938 году примкнул к «Хинду Махасабха», в том же году подвергся аресту за антимусульманскую агитацию на территории княжества Хайдарабад. После выхода из тюрьмы был назначен секретарем партийной ячейки в Пуне, затем редактором упомянутой газеты. Годсе был религиозен, выделялся решительным характером, в год раздела Индии вынашивал планы устранения лидера Мусульманской лиги М.А. Джинны и членов правительства Пакистана.

34-летний Апте также был выходцем из брахманской семьи, но отличался эпикурейским нравом. Он окончил Бомбейский университет, работал учителем в американской миссионерской школе, в 1939 году присоединился к «Хинду Махасабха», в годы войны служил в ВВС, где получил офицерское звание, но вскоре демобилизовался. Летом 1944 года газета поместила заметку о том, что в Пуне журналист Апте руководит демонстрацией индусской молодежи под ан-тигандийскими лозунгами.

Дагамбар Бахдге выполнял в организации функции поставщика оружия. Именно его попросил Апте достать для убийцы оружие. По этой же причине в ряды заговорщиков был приглашен и брат Натхурама Годсе Гопал, заведующий столовой военного склада боеприпасов. Другие члены группы: хозяин гостиницы Вишну Каркаре, слуга Бахдге Шанкар Кистаджа и молодой беглец из Пенджаба Мадан Лал Пахве.

Когда подготовка к покушению заканчивалась (Бахдге раздобыл пять гранат, две пороховые бомбы и два пистолета с патронами), Мадан Лал Пахве появился у профессора Бомбейского университета Джайна и поведал ему о заговоре. Таким образом, профессор, преподаватель хинди Бомбейского университета уже 10 января 1948 года знал, что группа индусских экстремистов готовит покушение на Ганди, но оставил эти сведения при себе.

17 января 1948 года заговорщики Годсе и Апте прилетели в Дели под фамилией братьев Дешбанди и разместились в отеле «Марина». Каркаре и Мадан Лал прибыли в столицу поездом и прописались в гостинице «Шариф» под фальшивыми именами. Вечером, когда вокруг резиденции Ганди собиралась стотысячная толпа, у заговорщиков состоялось последнее совещание. Их план был прост. Апте, Бахдге и Кистаджа смешаются с толпой во время выступления Ганди. Бахдге повесит на шею фотоаппарат и будет вести себя как репортер, при этом он войдет в соседний дом и проникнет в помещение, отделенное от сада только решеткой. Там он будет находиться в засаде. Мадан Лал подожжет в саду фитиль бомбы. Взрыв вызовет панику, а Бахдге воспользуется суматохой и выстрелит в Ганди сзади в затылок.

Все шло по плану, когда террорист Бахдге, решившийся убить такую выдающуюся личность, в последнюю минуту испугался взгляда одноглазого человека, стоявшего недалеко от входа в помещение, из которого он должен был стрелять. Взгляд одноглазого, видимо, был предостерегающим знаком судьбы, дающим убийце понять, что следует изменить план.

Бахдге отказался стрелять, остальные также испугались плохой приметы. Ничего не подозревавший Мадан Лал бросил бомбу. Раздался взрыв, но возникшая паника была не такой уж сильной. Махатма Ганди опомнился первым и стал успокаивать толпу. Вся Индия слушала его слова у радиоприемников.

«Враг мусульман является врагом Индии», — сказал он и призвал присутствующих сохранять спокойствие. Потом Ганди продолжил свое выступление.

Мадан Лал Пахве оказался в полицейском участке, остальные заговорщики разбежались.

Гопал Годсе и Вишну Каркаре прописались под чужими фамилиями в гостинице «Шинду Франтье» Еще до этого заговорщики избавились от компрометирующего оружия Бахдге вместе со слугой уехал в Пуну. Натхурам Годсе и Апте купили билеты в Канпур. Едва они покинули отель «Марина», как к портье прибыли полицейские вместе с арестованным Маданом Лал Пахве. Однако комната под номером сорок, бывшая еще вчера главным штабом заговорщиков, оказалась пуста.

Мадан Лал Пахве рассказал все, что знал о заговоре, и назвал его участников. Другим важным свидетелем против заговорщиков стал профессор Джайн.

Полицейские знали соучастников покушения. Они установили, что речь идет о широком заговоре экстремистских сил. Однако префект полиции ухватился за версию о предполагаемом похищении. Он начал утверждать, что к акции готовилось в общей сложности двадцать боевых групп по двадцать человек в каждой, и объявил розыск четырехсот подозреваемых, но несуществующих похитителей. Вокруг виллы Ганди в Дели полиция удвоила охрану. Этим и ограничились. Заговорщики же могли спокойно готовить следующее покушение.

Вскоре после неудачной операции в Бомбей вернулись оба брата Годсе, Апте и Каркаре. Они разместились в разных гостиницах под чужими именами. В воскресенье 25 января, на рассвете, террористы собрались во дворце владельца издательства «Хиваджи принтинг пресо» Джоши. Здесь они договорились о дальнейших действиях.

Натхурам Годсе и Апре вылетели из Бомбея в Дели, но уже на следующий день сидели в купе экспресса, следующего в Мадрас. В полночь у вокзала в Гвалиоре они взяли рикшу и отправились в богатый район. Там около часа ночи они постучали в дверь вождя гвалиорских индусов Даттатраджи Парчу-ра и попросили у него оружие.

Потом заговорщики возвращаются в Дели и опять под чужими именами располагаются в привокзальной гостинице.

Махатма Ганди все это время жил своей обычной жизнью. Он не разрешает полицейским проводить обыск верующих, приходящих в сад его резиденции на вечерние собрания. Ганди публично прощает Мадана Лал Пахве, заявляя журналистам, что он вовсе не плохой человек и на преступный путь его толкнули другие Махатма Ганди понимал, что он был только орудием широко разветвленного заговора, и знал также, что заговорщики не оставят его в покое. Знала об этом и полиция. В своем признании Мадан Лал Пахве обратил внимание полиции на то, что убийцы вернутся. Несмотря на это, префект полиции не принял мер по обеспечению безопасности Ганди. А Махатма смотрел на свою судьбу с самым типичным индийским фатализмом.

Ганди ждал смерти. В роковой день он сказал внучке Ману: «Если я умру от болезни, ты

должна объявить меня недостойным, фальшивым Махатмой. Если же меня убьет бомба или кто-нибудь выстрелит и пуля попадет мне в грудь, а я сумею умереть без стонов, то тогда ты можешь говорить обо мне, как о настоящем Махатме».

Убийство Ганди всколыхнуло всю страну. В Индии возникла паника. Никто не знал, к какой партии принадлежит убийца, но кто-то стал распространять слухи, что он член Мусульманской лиги. Находившиеся в постоянной боевой готовности индусы немедленно выступили против мусульман. В Бомбее вскоре после покушения начались насилия, грабежи, пожары и убийства.

Потом появилось сообщение, что убийца принадлежал к организации «Хин-ду Махасабха». Когда в Сангме, где родился Натхурам Годсе, узнали, кто убил пророка мира, жизнью поплатилась вся семья Годсе. В результате возникшего здесь пожара обратились в пепел пятьдесят жилых домов. И в других городах функционеры «Хинду Махасабха» вынуждены были прекратить свою деятельность. Разъяренная толпа поджигала их жилища.

Убийство Махатмы Ганди явилось только первой из запланированных индусскими экстремистами акций. Другим политическим убийствам, однако, уже не суждено было осуществиться. Вмешалась полиция.

На следующей же день в Пуне арестовали Бахдге. В Бомбее обыскали резиденцию Саваркара. Начались репрессии против руководителей «Хинду Махасабха», ее вооруженные отряды были официально распущены, тысячи их членов очутились за решеткой.

Арестовали также доктора Парчура. Весьма интересной была его реакция на сообщение о покушении. Индийское радио передало сообщение около шести часов вечера. Доктор Парчур прослушал его, затем созвал большую компанию и торжественно отметил событие. С гордостью соавтора в присутствии свидетелей он заявил, что пистолет, из которого Годсе застрелил Махатму, куплен с его помощью в Гвалиоре. На следующий день предприимчивый доктор явился в Дом правительства и потребовал, чтобы его немедленно назначили членом местного правительства. Самоуверенность Парчура не знала границ. Он предсказывал политический переворот. А 2 февраля, то есть через два дня, он уже сидел за решеткой, где очутился и всемогущий Саваркар. Вскоре в тюрьме встретились и Гопал Годсе, Апте, Каркаре и Кистаджа, арестованные в бомбейской гостинице.

Спустя два дня после убийства в Дели собрались стотысячные толпы народа, чтобы проводить своего Махатму в последний путь. Этот путь длиной в восемь километров охраняли солдаты, на перекрестках стояли бронеавтомобили. Мертвый Ганди, покрытый индийским флагом, лежал на автомобиле, который катили двести пехотинцев. Убежденный пацифист, антимилитарист, пророк ненасилия приближался к костру в Радж Гхате в сопровождении четырех тысяч пехотинцев, тысячи летчиков, тысячи моряков и тысячи полицейских. Пять часов процессия шла по улицам Дели. В четыре часа сорок пять минут сын Махатмы Рамдас зажег костер из сандалового дерева под телом своего отца.

Процесс над убийцей и остальными заговорщиками проходил в Дели в Красной крепости. На скамью подсудимых 22 июня 1948 года сели все так или иначе принявшие участие в покушении, включая Винайяка Саваркара, еще совсем недавно очень влиятельного человека.

10 февраля 1949 года подсудимые выслушали приговор. Саваркар был освобожден за недостаточностью улик. Натхурам Годсе и Нарайян Апте были приговорены к смертной казни. Остальные должны были провести остаток своей жизни за решеткой.

При апелляционном разбирательстве, которое проходило в Симле, суд вердиктом от 2 мая 1949 года оправдал еще доктора Парчура и Кистаджу.

Двое приговоренных к смертной казни доживали свои последние дни в тюрьме в Амбале. Под конец убийца Годсе стал сожалеть о своем поступке, заявляя, что теперь, наученный горьким опытом, он бы посвятил себя борьбе за сохранение мира.

15 ноября 1949 года обоих приговоренных вывели на тюремный двор, где палачи поставили для них виселицу. Оба выкрикивали лозунги, против которых они боролись раньше: «Да здравствует единая Индия! Да здравствует на вечные времена!»

ПЕРЕВОРОТ НАСЕРА

Египет. 23—26 июля 1952 года

В июне 1952 года в Египте разразился политический кризис: на смену правительству Нагиба аль-Хилали пришел кабинет Хусейна Сирри. 4 июля 1952 года новый кабинет собрался на первое заседание в Александрии, летней резиденции королевского двора и правительства.

С первых дней деятельности нового правительства король Фарук стал добиваться закрытия Клуба офицеров, председателем которого был избран в январе 1952 года генерал Мухаммед Нагиб. Несмотря на попытки Хусейна Сирри внушить королю, что такой шаг может лишь обострить положение, клуб был закрыт, о чем поведала, несмотря на цензуру, газета «Аль-Мысри». Этот акт вызвал новый взрыв недовольства против Фарука и правительства и в то же время увеличил популярность Нагиба и патриотически настроенных офицеров.

21 июля 1952 года Хусейн Сирри подал в отставку, которая была тут же принята. Формирование нового правительства король снова поручил аль-Хилали. На следующий день, 22 июля, новый премьер занялся подбором министров. Однако часы режима были сочтены…

Государственный переворот совершила патриотическая организация «Свободные офицеры». Эта строго законспирированная организация состояла из отдельных ячеек по пяти офицеров в каждой. Члены ячеек должны были привлекать в союз новых сторонников, а также вызывать среди офицеров дискуссии на политические темы с тем, чтобы создать вокруг организации атмосферу симпатии и сочувствия.

Несмотря на тщательную конспирацию и на то, что вплоть до момента захвата власти никто из членов организации ее не выдал, король, безусловно, знал о существовании союза «Свободных офицеров». Однако Фарук полагал, что, держа в своих руках командование армии, он находится в безопасности и может не обращать внимания на группу «фрондирующей» армейской молодежи.

Планируя свое выступление, «Свободные офицеры» хотели избрать в качестве главы движения известную фигуру, которая могла бы придать ему солидность и престиж. Поскольку в то время никто из его членов, в том числе и Гамаль Абдель Насер, не имел популярности и даже известности среди египетского народа, Исполнительный комитет наметил трех кандидатов, пользующихся авторитетом в армейской среде: генералов Азиза аль-Масри, Фуада Са-дека и Мухаммеда Нагиба — председателя клуба офицеров.

Но на какие части опереться в случае проведения переворота? Вопрос действительно был не из легких, поскольку, за исключением летчиков (Гамаль Са-лем, Абдель Латиф аль-Богдади, Хасан Ибрахим), почти все руководство организации состояло из преподавателей и штабных офицеров, не имевших частей под своим командованием. Можно было рассчитывать на близкого друга Сар-вата Окаша, полковника Хусейна аш-Шафеи, командовавшего танковым соединением, а также на майора Халеда Мохи ад-Дина, командира батальона механизированной пехоты. Решено было установить контакты и с пехотным полковником Ахмедом Шауки, сыном паши и любителем легкой жизни, который, однако, был оппозиционно настроен в отношении короля Фарука и его окружения. Шауки командовал лучшим в египетской армии 13-м пехотным полком. 1

Тем временем король решил наконец последовать советам своего окружения, выступавшего за жесткую политику в отношении революционного движения в стране, и прежде всего за подавление недовольства в армии.

Фарук считал обстановку подходящей для установления личной диктатуры. К этому он уже давно готовился и создал политическую полицию во главе с офицером Ибрахимом Имамом, а также приступил к созданию тайной организации, так называемой «Железной гвардии», призванной защищать монарха и расправляться с помощью террора со всеми неугодными ему лицами.

Резко возросла природная подозрительность Фарука. Король все больше опирается на наиболее близких к нему лиц из его челяди, составлявших «королевский кухонный кабинет», в который входили его лейб-медик, бывший шофер, сделанный им полковником, камердинер, заведующий кухней и бывший дворцовый электромонтер. Отныне Фарук полностью доверяет только этим ничтожным лицам, всем своим положением обязанным ему. Вместо личных контактов с правительством Фарук действовал теперь через главу королевского кабинета

Хафеза Афифи-пашу, но даже ему указания короля нередко поступали от его слуг, передававших записки или устные распоряжения их господина.

10 июля 1952 года Хафез Афифи-паша получил следующую записку от заведующего королевской кухней Абдель Азиза: «Хайдар [главнокомандующий армией] должен быть отстранен в течение пяти дней, если он не распустит правление клуба офицеров и не устранит 12 офицеров, замышляющих заговор против Его Величества короля». Афифи-паша передал записку премьер-министру Сирри-паше.

Вызванный к премьеру генерал Хайдар ничего не знал о заговоре. Он не нашел ничего лучшего, как поручить майору Салаху Салему следить за офицерами, подозреваемыми в принадлежности к организации «Свободные офицеры» (Хайдар не знал, что майор один из руководителей этой организации). Салему удалось убедить его в том, что эти офицеры якобы не принадлежат к революционной организации, а являются всего лишь личными противниками генерала Сирри Амера, любимца короля.

Заговорщики решили выступить 5 августа. День был выбран по двум причинам: чтобы офицеры получили первого числа месячное жалованье, а также чтобы дождаться возвращения из Палестины 13-го пехотного полка, который должен был явиться основной силой при осуществлении переворота. Однако обстоятельства толкали офицеров на выступление ранее намеченных сроков.

22 июля, в 16 часов, в Каире на последнее заседание перед выступлением собрались члены Исполнительного комитета организации «Свободные офицеры».

Согласно разработанному плану, Абдель Латиф аль-Богдади и Хасан Ибрахим должны были со своими людьми обеспечить захват трех военно-воздушных баз вокруг Каира Аль-Мазы, Гелиополиса и Гарб аль-Кахе-ра. Хусейн аш-Шафеи и Халед Мохи ад-Дин обеспечивали механизированные и танковые части для охраны важнейших объектов, а Ахмед Шауки должен был блокировать генштаб армии с 13-м пехотным полком при поддержке 1-го моторизованного полка под командованием подполковника Юсефа Сиддыка Мансура. Общее руководство военными передвижениями было возложено на Закарию Мохи ад-Дина.

Загрворщикам предстояло захватить основные командные пункты воинских частей, расположенных в каирском районе Аббасия, затем арестовать генералов и высшее офицерство. В Каир, условно разделенный на четыре района, направлялись воинские части под командованием членов организации «Свободные офицеры». Кроме того, восставшие намеревались блокировать казармы, захватить радио— и телефонную станцию и перерезать пути сообщения. Паролем было слово «наср» (победа). В 18 часов члены Исполнительного комитета разошлись.

Мухаммед Нагиб в его заседании не участвовал: «Свободные офицеры», зная, что генерал находится под надзором, рекомендовали ему оставаться дома. Однако Нагиб узнал от своего брата Али, командовавшего каирским военным округом, что начальник генштаба генерал Хусейн Фарид срочно созвал к себе на совещание в 22 часа всех командующих родов войск и военных округов, чтобы обсудить вопрос о движении «Свободных офицеров». Нагиб немедленно сообщил об этом Амеру и посоветовал арестовать собравшихся при их выходе из здания генштаба.

Юсеф Сиддык и Абдель Хаким Амер, вооруженные пистолетами, вошли в кабинет начальника генштаба Хусейна Фарида, который сделал по ним три выстрела, не причинившие вреда. Вообще при занятии генштаба было убито в перестрелке два солдата — единственные жертвы в эту решающую ночь. В здании генштаба было арестовано 12 генералов и большое число других высших офицеров армии.

Тем временем бронемашины под командованием Халеда Мохи ад-Дина окружили районы Аббасии, Аль Куббы, Маншият аль-Бакри и Гелиополиса, где находились военные объекты Танки под командованием Хусейн аш-Шафеи заняли в Каире все стратегические пункты, в том числе радиостанцию, телеграф, аэропорт и железнодорожный вокзал. Никакого сопротивления восставшим оказано не было.

Правда, основному противнику «Свободных офицеров», генералу Сирри Амеру, удалось бежать, но на следующий день он был арестован в Эс-Саллуме на египетско-ливийской границе.

Находившийся в Александрии главнокомандующий армии Мухаммед Хай-дар ночью позвонил в генштаб генералу Хафезу Бакри, который был уже арестован Подошедший к телефону один из заговорщиков, выдав себя за этого генерала, успокоил Хайдара, заявив, что в столице все спокойно и что слухи о выступлении армии не соответствуют действительности В 2 часа 30 минут генерала Мухаммеда Нагиба, еще ничего не знавшего о происходящем, разбудил звонок министра внутренних дел Муртада аль-Мараги, звонившего из Александрии Аль-Мараги, видимо еще не осознав значения происходящего, сказал Нагибу «Что там делают твои люди? Успокой-ка их». В 3 часа за Нагибом заехала машина, которая доставила его в генштаб, где восставшие провозгласили его главнокомандующим армии.

В 4 часа участник переворота начальник разведки ВВС майор Али Сабри сообщил помощнику военно-морского атташе посольства США о том, что «Свободные офицеры» взяли под контроль армию, назначив главнокомандующим генерала Нагиба, и что это чисто внутреннее движение, ставящее целью исправление положения в стране; поэтому, если иностранные державы не вмешаются, все обойдется мирно. Будет охраняться порядок, как и жизнь и имущество иностранцев. Он заверил посла, что новый режим хотел бы поддерживать дружеские отношения с США. Одновременно аналогичное сообщение было сделано английскому и французскому посольствам.

В 7 часов утра по каирскому радио было зачитано первое коммюнике «Свободных офицеров», подписанное генералом Мухаммедом Нагибом.

Утром того же дня руководство революцией приняло решение предложить пост премьер-министра старому политическому деятелю Али Махеру, уже неоднократно занимавшему его Али Махер после некоторого колебания согласился, обусловив, однако, что его назначение должно быть утверждено королем 24 июля он направился в Александрию, где был принят королем Фарук одобрил состав его кабинета целиком, явно в результате того, что Али Махеру удалось убедить его в том, что восставшие прочно держат в своих руках Каир.

Первое заседание совета министров прошло под председательством самого Фарука. Король был вынужден также принять первые требования восставших назначение генерала Мухаммеда Нагиба главнокомандующим вооруженными силами вместо Хайдар-паши, смену правительства и удаление приспешников короля.

На почти непрерывных заседаниях революционного руководства в последующие дни обсуждается вопрос о судьбе Фарука. Часть офицеров требовала суда над королем и его казни. Однако верх взяла группа во главе с Насером, которая считала, что необходимо ограничиться отречением Фарука и высылкой его за пределы страны Их основным аргументом было то, что угроза жизни короля может вызвать вооруженное вмешательство англичан. Кроме того, Насер считал, что суд над королем может привлечь к нему, как жертве, даже некоторые симпатии общественного мнения западных стран.

Вечером 25 июля из Каира в Александрию был направлена колонна бронемашин, которая к 8 часам утра 26 июля окружила королевские дворцы. В завязавшейся перестрелке, прекращенной по приказу короля, было ранено семь человек.

К этому времени генерал Нагиб в сопровождении руководства «Свободных офицеров» прибыл в Александрию и поручил новому премьеру передать королю ультиматум армии.

Он гласил «Генерал Мухаммед Нагиб от имени офицеров и военнослужащих потребовал от короля, чтобы он отрекся от престола в пользу вашего наследника принца Ахмеда-Фуада не позднее 12 часов сегодняшнего дня, субботы 26 июля 1952 года, и покинул страну до 6 часов вечера того же дня».

Король не заставил себя долго убеждать, танки, окружавшие дворец, были достаточно внушительным аргументом к ультиматуму. Подписав отречение, Фарук, одетый в белую форму адмирала флота, вместе с королевой Нариман и шестимесячным «новым королем» Ахмедом-Фуадом, последним представителем династии Мухаммеда Али, в 6 часов вечера отплыл из Александрии на королевской яхте «Аль-Махруса».

Часть офицеров египетского флота имели намерение потопить яхту вместе с королем, когда она выйдет из порта Представителю революционного руководства пришлось потратить немало усилий, чтобы убедить их в том, что целесообразнее позволить Фаруку беспрепятственно покинуть страну.

Перед самым отплытием на берегу появилась автомашина, из которой вышли генерал Нагиб, полковник Ахмед Шауки, подполковник Хусейн аш-Шафеи и майор Гамаль Салем Далее разыгралась сцена, которую Ж. и С. Лакутюр описывают в своей книге «Египет в движении»: «Почтительно приблизившись к Фаруку, опиравшемуся на перила, генерал напомнил, что, когда англичане употребили силу против короны в феврале 1942 года, он подал в отставку, чтобы доказать свою верность трону. Казалось, Фарук, глаза которого были скрыты за темными стеклами очков, был тронут. „Заботьтесь об армии“, — сказал он. „Теперь она в хороших руках, государь“, — ответил Нагиб. Ответ не понравился Фаруку, и он сухо заметил „То, что вы сделали со мной, я готовился сделать с вами“.

Так закончились события 22—26 июля, в результате которых власть полностью перешла в руки Совета революционного руководства Выступление «Свободных офицеров» 23—26 июля было по своей форме переворотом, совершенным небольшим кругом лиц, захвативших власть Только принимая во внимание дальнейшие шаги революционного режима в Египте, причем на протяжении значительного отрезка времени, можно назвать переворот началом египетской революции.

КРЕМЛЕВСКИЙ ЗАГОВОР ПРОТИВ БЕРИИ

СССР, Москва. 1953 год

После смерти Сталина началась ожесточенная борьба за власть. Его соратники — Г Маленков, Л. Берия, Л. Каганович, Н. Хрущев, Н. Булганин — все они были опытными интриганами. Но даже на их фоне выделялся сильный, волевой, умный и безжалостный Берия. В Маленкове и Молотове он не видел серьезных соперников. Хрущева же вообще не принимал в расчет — слишком уж тот был для него прост, мужиковат и малообразован.

Весной и летом 1953 года ведущую роль первоначально играл Маленков. Он взял себе должность Председателя Совета Министров. Его первыми заместителями стали Берия, Булганин, Молотов и Каганович. Председателем Президиума Верховного Совета СССР являлся Ворошилов. Власть в ЦКч окончательно перешла в руки Хрущева. Реальной силой оставался Берия, опирающийся на ГБ и МВД

Маленков мог занять место Генерального секретаря. Но у него уже были собственные виды на будущее, свой план преобразований. Для этого ему была нужна должность Председателя Совета Министров. Пост Генсека ничего для Маленкова не значил, тем более что на перспективу, отдаленное будущее он думал уравнять компартию с профсоюзами и сделать две эти силы основой двухпартийной системы.

Маленков, поддержанный многими членами Президиума ЦК, начал десталинизацию с осторожной критики культа личности. При этом имя Сталина не фигурировало. Но уже с 20 марта газеты практически перестали цитировать Сталина, а имя его упоминалось все реже и реже.

Лаврентий Берия, в отличие от Маленкова, действовал гораздо более смело и напористо, выступив с целым рядом инициатив. Вступив в должность министра внутренних дел, он издает приказ о запрещении пыток и фальсификации дел по политическим обвинениям. Именно Берия опубликовал сообщение МВД о фальсификации «дела врачей». Тогда же членов и кандидатов в члены ЦК начинают знакомить с документами, в которых содержались свидетельства о роли Сталина в репрессиях. Судя по воспоминаниям генерала Судоплатова, 2 апреля на пленуме ЦК партии Берия обнародовал факты, подтверждающие, что «дело врачей» было сфабриковано Сталиным и Игнатьевым. Материалы этого пленума содержали многие из тех сенсационных обвинений, которые изложил Хрущев в докладе о культе личности Сталина на известном съезде КПСС.

Берия предложил забрать тюрьмы и лагеря у Министерства внутренних дел и передать их в ведение Министерства юстиции, провести широкую амнистию политзаключенных, выступил за примирение с Тито и за объединение Германии.

Прозорливый политик, Берия отчетливо видел, насколько взрывоопасна проводимая Москвой национальная политика русификации и подавления прав национальных меньшинств.

Он предлагал отказаться от насильственной русификации и способствовать выдвижению на руководящие посты национальных кадров.

Однако Берия явно недооценивал своих соперников. Конечно, беспечным он не был и предвидел ответные ходы. И все же в этих интригах и внутриполитическом противостоянии он проиграл своим оппонентам. 26 июня 1953 года министр внутренних дел был арестован Существует немало версий этих событий, но практически все сходятся в том, что ведущую роль в устранении Берии играл Хрущев.

В.М. Молотов рассказывал журналисту Ф Чуеву: «Если вы будете интересоваться одним моментом, последним заседанием по Берии — это одно, а ведь перед этим была подготовлена работа. Все-таки Хрущев тут был очень активным и хорошим организатором. В его руках была инициатива, он был Секретарем. Как организатор, безусловно, хороший.

Он вызвал меня в ЦК, я пришел «Насчет Берии хочу поговорить. Нельзя ему доверять».

Я говорю: «Я уж вполне поддерживаю, что его надо снять, исключить из состава Политбюро».

Ну-с, потом обратился к Микояну, что вот Берию нельзя оставлять, это опасно и так далее. «Нет, почему?» — сказал Микоян. Одним словом, не согласился. Не согласился. А занял такую выжидательную позицию и стал возражать. С ним говорил, по-моему, Маленков. Маленков поддерживал его. К Ворошилову Хрущев обратился — тот был в своем кабинете как Председатель Президиума Верховного Совета. Тот сразу же поддержал и закрыл телефоны, чтобы не подслушивали. Сразу же телефоны стал закрывать. Одним словом, стал шептать, дал согласие…

С Ворошиловым Хрущев разговор вел, видимо, перед самым заседанием, со мной накануне, дня за два перед заседанием говорил, и с Микояном раньше говорил… И уже перед самым заседанием мы уговорились, что его мало исключить из состава Политбюро, а надо арестовать.

Так он, видимо, предупредил Кагановича и других, сейчас не помню, но, видимо, он большинство предупредил, а потом собрали через пару дней Политбюро. Берия еще был в составе Политбюро, и там Хрущев доложил, что товарищ Берия — человек ненадежный…

Хрущев как секретарь тогда выполнял обязанности Первого секретаря, но еще не был Первым секретарем, он был организатором всего этого дела. Почему? Он сидел в ЦК. И ему прислали информацию, видимо, такого рода, что что-то Берия готовит. А у него были воинские части. Помимо аппарата… Дивизия была МВД…»

Некоторое недоумение вызывает тот факт, что сам Хрущев в разное время по-разному рассказывал об обстоятельствах ареста и казни Берии, что позволило американскому автору биографии Берии Т. Витлину заметить: «Трудно сказать с определенностью, был ли он [Берия] расстрелян Москаленко или Хрущевым, задушен Микояном или Молотовым при помощи тех трех генералов, которые схватили его за горло, как об этом тоже говорили. Так же трудно сказать, был ли он арестован на пути в Большой театр 27 июня, или после приема в польском посольстве, или на заседании Президиума ЦК… Поскольку Хрущев запустил в обращение несколько версий смерти Берии и каждая последующая отличается от предыдущей, трудно верить какой-либо из них».

Арест Берии по рассказам Хрущева выглядел так:

«Со стороны Берии ко мне отношение вроде не изменилось, но я понимал, что это уловка… Одновременно он развил бешеную деятельность по вмешательству в жизнь партийных организаций. Он сфабриковал какой-то документ о положении дел в руководстве Украиной. Первый удар он решил нанести по украинской организации…

Тут уж я Маленкову говорил:

— Неужели ты не видишь, куда дело клонится? Мы идем к катастрофе. Маленков мне тогда ответил:

— Я вижу это, но что делать? Я говорю:

— Надо сопротивляться. Вопросы, которые ставит Берия, имеют антипартийную направленность.

— Ты что? Хочешь, чтобы я один остался?

— Почему ты думаешь, что один останешься? Ты и я — уже двое. Булганин, я уверен,

тоже так же мыслит, я обменивался с ним мнениями. Другие, я уверен, тоже пойдут с нами, если мы будем аргументированно возражать, с партийных позиций.. Мы составляем повестку дня, так давай поставим острые вопросы, которые, с нашей точки зрения, неправильно вносятся Берией, и будем возражать ему. Я убежден, мы мобилизуем других членов президиума, и эти решения не будут приняты…

Мы видели, что Берия форсирует события. Он уже чувствовал себя над членами Президиума, важничал и даже внешне демонстрировал свое превосходство. Мы переживали очень опасный момент. Я считал, что нужно действовать. Я сказал Маленкову, что нужно поговорить с членами Президиума… С Булганиным я по этому вопросу раньше говорил, и я знал его мнение.

Наконец Маленков тоже согласился:

— Да, надо действовать».

Далее Хрущев рассказывает о своих встречах по поводу Берии с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Микояном…

И наконец: «Мы условились, как я говорил, что соберется заседание Президиума Совета Министров, но пригласили туда всех членов Президиума ЦК… Я, как мы заранее условились, попросил слова у председательствующего Маленкова и предложил вопрос о товарище Берии. Берия сидел от меня справа. Он сразу встрепенулся:

— Что ты, Никита? Я говорю:

— Вот ты и послушай…

Начал я с судьбы Гриши Каминского, который пропал после своего заявления о связи Берии с мусаватистской контрразведкой… Потом я указал на последние шаги Берии после смерти Сталина в отношении партийных организаций— украинской, белорусской и других… Сказал о его предложении вместо радикального решения вопроса о недопустимой практике ареста людей и суда над ними, которая была при Сталине, изменить максимальный срок осуждения органами МВД с 20 до 10 лет… Я закончил словами: «В результате у меня сложилось впечатление, что он не коммунист, что он карьерист, что он пролез в партию из карьеристских соображений»… Потом остальные выступили. Очень правильно говорил Молотов, с партийных позиций. Другие товарищи тоже проявили принципиальность… Когда все высказались, Маленков, как председатель, должен был подвести итог и сформулировать постановление. Он видимо растерялся, заседание оборвалось на последнем ораторе. Я попросил Маленкова, чтобы он предоставил мне слово для предложения. Как мы и договорились с товарищами, я предложил поставить на Пленуме ЦК вопрос об освобождении Берии… от всех государственных постов, которые он занимал.

Маленков все еще пребывал в растерянности. Он даже, по-моему, не поставил мой вопрос на голосование, а нажал секретную кнопку и вызвал военных, как мы условились. Первым зашел Жуков. За ним — Москаленко и другие генералы. С ними были один или два полковника…» >

Вспоминает Молотов: «…На Политбюро его [Берию] забирали… Прения были. Маленков председательствовал. Кто первым взял слово, я уже не помню. Я тоже в числе первых выступал, может, я даже первый, а, может, и второй. Заседание началось обычное, все были друзьями, но так как предварительно сговорились, что на этом заседании будет арест Берии, то формально так начали все по порядку, а потом, значит, перешли…

Были и другие вопросы, какие я сейчас точно не могу вспомнить. Может быть, с этого началось, начали с этого вопроса вне очереди, а вероятно, кто-то поставил вопрос: просто надо обсудить Берию, и тогда, значит, в числе первых я выступал: «Я считаю, что Берия перерожденец, что это человек, которого нельзя брать всерьез, он не коммунист, может быть, он был коммунистом, но он перерожденец, это человек, чуждый партии». Вот основная моя мысль. Я не знал так хорошо прошлого Берии, разговоры, конечно, слышал разные, но считал, что он все-таки коммунистом был каким-то рядовым и наконец наверху где-то попал в другую сторону дела.

После меня вскоре выступал Хрущев. Он со мной полемизировал: «Молотов говорит, что Берия перерожденец. Это неправильно. Перерожденец — это тот, который был коммунистом, а потом перестал быть коммунистом. Но Берия не был коммунистом! Какой же он

перерожденец?»

Хрущев пошел левее, левее взял. Я и не возражал, не отрицал. Это, наверное, правда было.

Берия говорил, защищался, прения же были. Выступал: «Конечно, у меня были ошибки, но прошу, чтобы не исключали из партии, я же всегда выполнял решения партии и указания Сталина. Сталин поручал мне самые ответственные дела секретного характера, я все это выполнял так, как требовалось, поэтому неправильно меня исключать…» Нет, он дураком не был».

Чтобы картина тех дней была более объективной, дадим слово и тем, кто непосредственно участвовал в аресте.

В изложении маршала Георгия Жукова арест Берии проходил так: «Меня вызвал Булганин, — тогда он был министром обороны — и сказал: „Поедем в Кремль, есть срочное дело“.

Поехали. Вошли в зал, где обычно проходят заседания Президиума ЦК партии .. В зале находились Маленков, Молотов, Микоян, другие члены Президиума Берии не было.

Первым заговорил Маленков — о том, что Берия хочет захватить власть, что мне поручается вместе с моими товарищами арестовать его. Потом стал говорить Хрущев, Микоян лишь подавал реплики. Говорили об угрозе, которую создает Берия, пытаясь захватить власть в свои руки.

— Сможешь выполнить эту рискованную задачу?

— Смогу, — отвечаю я.

…Решено было так. Лица из личной охраны членов Президиума находились в Кремле, недалеко от кабинета, где собирались члены Президиума. Арестовать личную охрану самого Берии поручили Серову. А мне нужно было арестовать Берию. Маленков сказал, как это будет сделано. Заседание Совета Министров отменят. Вместо этого откроется заседание Президиума.

Я вместе с Москаленко, Неделиным, Батицким и адъютантом Москаленко должен сидеть в отдельной комнате и ждать, пока раздадутся два звонка из зала заседания в эту комнату… Уходим. Сидим в этой комнате. Проходит час. Никаких звонков. Я уже встревожился… Немного погодя (это было в первом часу дня) раздается один звонок, второй. Я поднимаюсь первым… Идем в зал. Берия сидит за столом в центре. Мои генералы обходят стол, как бы намереваясь сесть у стены. Я подхожу к Берии сзади и командую:

— Встать! Вы арестованы!

Не успел Берия встать, как я заломил ему руки назад и, приподняв, эдак встряхнул. Гляжу на него — бледный-пребледный. И онемел.

Ведем его через комнату отдыха, в другую, что ведет через запасной ход. Там сделали ему генеральный обыск… Держали до 10 часов вечера, а потом на ЗИСе положили сзади, в ногах сиденья укутали ковром и вывезли из Кремля Это затем сделали, чтобы охрана, находившаяся в его руках, не заподозрила, кто в машине.

Вез его Москаленко. Берия был определен в тюрьму Московского военного округа. Там находился и во время следствия. И во время суда, там его и расстреляли».

На самом деле это была опасная операция, которую разработали Булганин с Жуковым. Войска НКВД — мощная сила. Кроме того, войсками МВО командовал генерал-полковник Артемьев, человек Берии. Министр обороны Булганин нашел благовидный предлог, чтобы удалить его из Москвы — на летние маневры под Смоленск. Под Москвой дислоцировалась дивизия внутренних войск — имени Лаврентия Берии! В Лефортовских казармах стоял полк бериевских войск.

Авторитет Берии «среди своих» был очень высок.

Было решено дивизию окружить, а полк в казарме заблокировать. Операция была назначена на 26 июня. Генерал Венедин, комендант Кремля, вызвал из-под Москвы полк, которым командовал его сын В Кремль ввели курсантов школы имени ВЦИК. Хрущев позвонил командующему войсками ПВО Московского военного округа генералу Москаленко, которого он знал еще по Украине. Его войска должны были блокировать бериевские военные силы, а сам Москаленко с надежными людьми прибыть в Кремль для ареста Берии.

Сделать это было совсем не просто. Берия предусмотрительно ввел порядок, при котором охрану внутри Кремля несли офицеры ГБ — хорошо проверенные элитные подразделения,

преданные ему лично. В Кремль пройти с оружием нельзя, его оставляли у охраны Казалось, Берия предусмотрел все…

И еще одно воспоминание участника событий, генерала Москаленко: «По предложению Булганина мы сели в его машину и поехали в Кремль. Его машина имела правительственные сигналы и не подлежала проверке при въезде в Кремль. Подъехав к зданию Совета Министров, я вместе с Булганиным поднялся на лифте, а Басков, Батицкий, Зуб и Юферев поднялись по лестнице. Вслед за ними на другой машине подъехали Жуков, Брежнев, Шатилов, Неделин, Гетман и Пронин. Всех нас Булганин провел в комнату ожидания при кабинете Маленкова, затем оставил нас и ушел в кабинет к Маленкову.

Через несколько минут вышли к нам Хрущев, Булганин, Маленков и Молотов. Они информировали нас, что сейчас будет заседание Президиума ЦК, а потом по условному сигналу, переданному через помощника Маленкова — Суханова, нам нужно войти в кабинет и арестовать Берию. К этому времени он еще не прибыл. Вскоре они ушли в кабинет Маленкова, когда все собрались, в том числе и Берия, началось заседание Президиума ЦК КПСС.

…Примерно через час, то есть в 13.00, 26 июня 1953 года, последовал условный сигнал и мы, пять человек вооруженных и шестой — Жуков, быстро вошли в кабинет, где шло заседание. Тов. Маленков объявил: «Именем советского закона арестовать Берию». Все обнажили оружие, я направил его прямо на Берию и приказал поднять руки вверх. В это время Жуков обыскал Берию, после чего мы отвели его в комнату отдыха Председателя Совета Министров, а все члены Президиума и кандидаты в члены Президиума остались проводить заседание, там же остался и Жуков.

Берия нервничал, пытался подходить к окну, несколько раз просился в уборную, мы все с обнаженным оружием сопровождали его туда и обратно. Видно было по всему, что он хотел как-то дать сигнал охране, которая всюду и везде стояла в военной форме и в штатском. Долго тянулось время…

В ночь с 26 на 27 июня, примерно около 24 часов, с помощью Суханова (помощника Маленкова) я вызвал пять легковых машин ЗИС и послал их в штаб Московского округа ПВО. К этому времени по моему распоряжению было подготовлено 30 офицеров — коммунистов под командованием полковника Ерастова. Все они были вооружены и привезены в Кремль. Окруженный охраной, Берия был выведен наружу и усажен в машину ЗИС-ПОна среднее сиденье. Там же сели сопровождавшие его вооруженные Батицкий, Басков, Зуб и Юферев. Сам я сел в эту машину спереди, рядом с шофером. На другой машине были шесть из прибывших офицеров из ПВО Мы проехали без остановки Спасские ворота и повезли Берию на гарнизонную гауптвахту г. Москвы».

На следующий день Берию перевели в Штаб МВО, его поместили в небольшую комнату, около 12 квадратных метров Особый кабинет отвели прокурору Здесь же, в бункере, и проходило следствие На охране штаба стояли танки и бронетранспортеры Берия держал себя нагло то хотел «приличную еду», то женщину, то закатил истерику, требуя, чтобы его выслушали члены правительства, то выражал возмущение тем, что его арестовали «случайные люди» Суд проходил на первом этаже штаба округа с 18 по 23 декабря под председательством маршала Конева Государственным обвинителем был Руденко Все обвиняемые — Берия и шесть его подручных — были приговорены к расстрелу Следствие продолжалось несколько месяцев, суд проходил при закрытых дверях.

Несомненно, Хрущев, решив арестовать Берию, шел на большой риск — противник был очень серьезный Недаром Никита Сергеевич так решил сразу две задачи — убрал главного соперника в борьбе за власть и серьезно ослабил позиции Маленкова, так как тот был силен только в связке с Берией Перейдя на сторону Хрущева, Маленков допустил вторую серьезную ошибку, стоившую ему карьеры Первой же ошибкой было то, что он уступил Хрущеву пост главы секретариата ЦК партии.

До сих пор нет полной ясности о последних днях Берии Официальная точка зрения Берия был расстрелян в декабре 1953 года в соответствии с приговором суда.

После устранения Берии было решено провести специальный пленум ЦК «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии» Он проходил с 2 по 7 июня 1953 года Хрущеву поручили вести заседание, а основным докладчиком был Маленков, который

выдвинул набор стандартных обвинений Берия стремился поставить МВД над партией и правительством, пытался через голову партии нормализовать отношения с Югославией, выступал против строительства социализма в ГДР В прениях первым вышел на трибуну Хрущев Говорил он не менее часа, как всегда путано и сумбурно, нередко отрываясь от подготовленного текста Он и не пытался увязать Берию, террор и бессудные расправы со сложившейся системой и всячески отводил даже малейшие подозрения от Сталина «Еще при жизни товарища Сталина мы видели, что Берия является большим интриганом Это коварный человек, ловкий карьерист Он очень крепко впился своими грязными лапами в душу товарища Сталина, он умел навязывать свое мнение товарищу Сталину»

В течение нескольких дней участники пленума неустанно разоблачали враждебные происки «подлейшего изменника и предателя интересов партии и народа» (выражение А Кириченко), «мрази» (А Микоян), «подлеца» (Н Михайлов), «мерзавца» (А Мирцхулава) и тому подобное.

В паутине запутанных интриг продолжалась борьба за власть Главным отныне стало противостояние Хрущева и Маленкова Каждый стремился использовать в свою пользу малейший промах или недосмотр соперника Так, осенью 1953 года на совещании по кадровым вопросам Маленков заявил, что аппарат переродился и с ним невозможно проводить курс на обновление Слова Маленкова были справедливы, однако это было покушение на привилегии партийной номенклатуры Недоумевающий и обеспокоенный зал притих И тут удачный ход делает Хрущев В напряженной тишине прозвучал его веселый голос «Все это, конечно, верно, Георгий Максимилианович Но аппарат — это наша опора» Ответом были бурные аплодисменты Так постепенно Хрущев набирал очки

Со временем «звезда» Маленкова стала закатываться. Все чаще звучало имя Хрущева, который в сентябре 1953 года стал первым секретарем ЦК КПСС. Он много выступал, по-прежнему любил общаться с народом. Многим нравились его простота, шутки, умение говорить без всяких бумажек, хотя образованных людей он подчас отталкивал своей грубостью, неотесанностью и малограмотностью.

В борьбе за политическое лидерство позиции Хрущева все более укреплялись. Контролируя партийный аппарат, он начал расставлять своих сторонников на всех ведущих постах в партийных органах, умело используя сложившуюся систему подбора и расстановки кадров. Выдвинутые Хрущевым кадры безоговорочно поддерживали его, когда он затевал самые невероятные реформы.

Осенью 1954 года, находясь на отдыхе в Крыму, Хрущев встречался с руководителями крупнейших партийных организаций Е Фурцевой (Москва), Ф Козловым (Ленинград), А Кириченко (Украина). Все они были его ставленниками, и, видимо Хрущев стремился заручиться их поддержкой в борьбе с Маленковым.

Вскоре Хрущев провел решение о создании в ЦК общего отдела и передаче ему функций канцелярии Президиума ЦК КПСС, которой руководил Маленков. Весь аппарат Центрального Комитета партии перешел к Хрущеву.

С ноября 1954 года документы Совета Министров начинают выходить только за подписью Булганина. Фактически для Маленкова это была уже отставка.

В конце января 1955 года на пленуме ЦК был поставлен вопрос о смещении Маленкова С докладом выступил Хрущев. Он не церемонился с фактически уже поверженным соперником. Надуманные и стандартные обвинения, политико-идеологические ярлыки — именно этим изобиловало выступление Хрущева. Он даже заявил, что, хотя Маленков и принял «под влиянием других членов ЦК» участие в пресечении преступной деятельности Берии, но на июльском пленуме в 1953 году «он не нашел в себе мужества, чтобы подвергнуть решительной партийной критике свои близкие отношения в течение длительного времени с провокатором Берией». Хотя самого Хрущева при жизни Сталина связывали с Берией не менее тесные отношения.

В феврале 1955 года на заседании Верховного Совета СССР было оглашено заявление Маленкова об отставке с поста Председателя Совета Министров.

ОПЕРАЦИЯ «АЯКС»

Иран 1953 год

В 1951 году правительство Ирана возглавил известный в стране политический деятель доктор Мохаммед Мосаддык. Лидер Национального фронта выступал за выдворение англичан из Ирана, восстановление его экономической и политической самостоятельности. Первым делом Моссадык национализировал нефтяную промышленность. 19 апреля 1951 года это решение было утверждено меджлисом.

Министр иностранных дел Великобритании Г. Моррисон встретил это решение воинственно, возмущаясь «неблагодарностью» Ирана. Рассматривались даже планы вторжения в эту страну. Но американцы не поддержали союзников.

13 июля 1952 года между шахом и Мосаддыком произошло первое крупное публичное столкновение, закончившееся смещением Мосаддыка. Но опрометчивое выдвижение в качестве его преемника кандидатуры Г. Султана вызвало бурные протесты в стране. 22 июля шах вынужден был восстановить Мосаддыка на посту премьер-министра и согласиться с требованием о предоставлении ему всей полноты власти для осуществления преобразований в стране.

В сентябре Г. Трумэн и У. Черчилль направили Мосаддыку ноту, в которой предлагалась формула решения нефтяной проблемы, разумеется, учитывавшая прежде всего интересы западных стран. Мосаддык отклонил ее и вовсе разорвал дипломатические отношения с Великобританией. Он обвинил шаха в интригах с «иностранными элементами». 28 февраля 1953 года тот объявил о сложении с себя полномочий конституционного монарха «по состоянию здоровья», но через несколько часов отменил свое решение.

США решили воспользоваться англо-иранским конфликтом и возникшими в связи с этим затруднениями у Англии, для того чтобы усилить собственные позиции в этом регионе. Премьер-министра Мосаддыка, осмелившегося национализировать нефтяные ресурсы своей страны, решено было свергнуть. Оговорена была и кандидатура нового премьер-министра — генерала Фазлоллы Захеди.

В подготовке и осуществлении государственного переворота в Иране активно сотрудничали разведки двух держав — США и Великобритании, однако организовал операцию директор ЦРУ Аллен Даллес.

Непосредственно переворот готовил агент ЦРУ Кермит Рузвельт. Проведя много лет в странах этого региона, он хорошо изучил их внутренние проблемы, нравы, обычаи и языки живущих там народов. По его собственному признанию, он чувствовал себя здесь так же свободно, как в любом из штатов Америки.

В Тегеране Рузвельт принялся ткать сложную сеть интриг, рассчитанных на то, чтобы натравить одних иранцев против других и тем самым ускорить падение правительства Мосаддыка. В числе тех, кто стоял в центре заговора на этапе его планирования, были Джордж Кювье, один из ведущих сотрудников ЦРУ, и его помощники Б. Херрман и Д. Менвилл.

Первые дни своего пребывания в Тегеране Рузвельт посвятил беседам с Кювье, Херрманом и другими сотрудниками, которые ввели его в курс последних событий в стране. По мнению Рузвельта, обстановка для операции складывалась благоприятно. В печати появлялось все больше публикаций, направленных против Мосаддыка и проводимых им социальных преобразований. Напряженность в Тегеране явно возрастала. Правительство издало приказ об аресте генерала Захеди, и он вынужден был скрываться в горах. Рузвельт тайно сносился с ним через посредников — Мустафу Вайси, друга генерала, и Дика Менвилла, студента американского университета в Бейруте, свободно говорившего по-персидски и выполнявшего роль главного связного. Именно он свел Рузвельта с Вайси.

Тем временем план переворота «АЯКС» поступил на рассмотрение государственного секретаря Джона Ф. Даллеса. 23 июня 1953 года в обстановке полной секретности и усиленных мер безопасности состоялось совещание представителей высшего эшелона власти США под председательством государственного секретаря. Совещание рекомендовало президенту утвердить план «АЯКС».

Было решено, что Кювье в целях маскировки отойдет от подготовки операции и покинет

страну до начала переворота, полностью передав нити заговора Рузвельту. Последний должен был действовать в Иране под вымышленным именем и крайне осторожно. Круг людей, с которыми ему предстояло общаться и через которых надлежало контролировать обстановку, ограничили только теми лицами, коим он был известен как Джеймс Ф. Локридж (под этим именем Рузвельт приезжал в Иран в прежние годы). В качестве преемника Кювье ЦРУ был предложен Херрман, обосновавшийся около года назад на Ближнем Востоке. В иранских кругах его знали только как бизнесмена, представлявшего крупный издательский синдикат. Вместе с Рузвельтом в Иран направлялся Стоунман, работавший когда-то в этом регионе. Как ответственного за военную часть плана операции, его предполагалось использовать для связи с представителями иранских вооруженных сил, которые в критический момент должны были выступить в поддержку шаха, против войск, верных Мосаддыку.

Важная роль отводилась двум местным иранцам «братьям Боско» (один из них был журналистом, другой юристом). Им следовало использовать свои знакомства и влияние, для того чтобы в нужный момент устроить демонстрацию «в поддержку его величества Шахин Шаха». С приведения в движение этой толпы и должно было начаться антиправительственное выступление прошахских сил.

Мосаддык, сознавая опасность сложившегося положения, распустил меджлис и 2 августа 1953 года провел референдум, который подавляющим большинством голосов одобрил эту акцию. Одновременно он попросил у народа предоставить ему право очистить армию и полицию от сомнительных элементов.

Из поступавшей в Вашингтон информации становилось ясно, что успех предприятия во многом будет зависеть от того, удастся ли убедить шаха в том, что США на его стороне. После нескольких встреч Рузвельта с шахом был окончательно согласован план свержения национального правительства. Шах его безоговорочно принял. Было условлено, что после свержения Мосаддыка генерал Захеди лично сформирует правительство.

Важным моментом тайных встреч К. Рузвельта с шахом явилось определение сроков проведения операции «АЯКС». Шах не был склонен к скоропалительным действиям, считая, что главное— все предусмотреть, взаимоувязать и выиграть время для мобилизации сил, не допустив утечки информации. Рузвельт договорился с шахом, что, когда все будет окончательно подготовлено к началу операции, шах подпишет фирманы — указы об отставке Мосаддыка и провозглашении премьер-министром Захеди, а затем отправится в свой дворец на побережье Каспийского моря «Если в силу какой-та случайности дела вдруг примут неблагоприятный оборот, — заявил шах, — мы с шахиней вылетим на нашем самолете в Багдад и, взвесив там все „за“ и „против“, окончательно решим, где нам следует быть».

Одно из центральных мест в переговорах с шахом занимал вопрос о «четырех линиях атаки», иными словами, о возможных союзниках шаха в назревавшем заговоре. Под «первой линией атаки» подразумевался союз с духовенством. «Вторая линия атаки» предусматривала обеспечение поддержки шаха со стороны военных. Рузвельт сказал шаху, что существует небольшая, вполне надежная группа офицеров, имеющая влияние в иранской армии. «Третья линия атаки» была связана с подпольной деятельностью «братьев Боско». Рузвельт уведомил шаха, что эти люди создали под своим началом сильную тайную организацию. Участники ее взяли на себя распространение антиправительственных листовок, устройство сборищ активных сторонников шаха, ведение слежки за видными деятелями оппозиции. Члены тайной организации должны были на время исчезнуть и ждать сигнала к общему выступлению. Под «четвертой линией атаки» имелись в виду действия Захеди и его сына. Сам генерал продолжал скрываться в горах. Рузвельт информировал шаха, что несколько дней назад он проник в убежище Захеди. Поведав шаху о содержании беседы с Захеди, Рузвельт перечислил ряд видных деятелей страны, которые могли быть привлечены к операции.

«Наконец, — вспоминает Рузвельт, — наступил момент действовать. В ночь с 8 на 9 августа состоялась наша последняя перед переворотом встреча с шахом. Мы еще раз оговорили детали операции. Я заверил его, что фирманы будут доставлены ему на подпись рано утром, до того как он отправится на Каспийское море, чтобы ждать там начала событий».

Но обстоятельства сложились так, что своевременно переправить фирманы во дворец не удалось. Решили действовать через доверенное лицо шаха полковника Нассири, начальника

дворцовой охраны.

В субботу, 15 августа 1953 года состоялось заключительное совещание заговорщиков, после которого Рузвельт и его люди отправились в город и, не обнаружив каких-либо признаков активности на улицах, в частности передвижения войск, вернулись в штаб-квартиру Херрмана, чтобы дождаться сообщения полковника Нассири, который должен был подтвердить вручение фирманов Мосаддыку и Заведи.

«Наступил рассвет, — пишет Рузвельт. — Мы включили приемник. В шесть утра из него не доносилось ни единого звука. Наконец в седьмом часу он ожил, были слышны грохот литавр, звуки походных маршей. Затем последовало заявление на фарси. По радио выступал Мосаддык, объявивший, что шах под влиянием иностранных элементов предпринял попытку насильственно сместить конституционного главу правительства и поэтому он вынужден взять власть в свои руки».

Таким образом, операция оказалась под угрозой срыва. Один молодой офицер, узнав о готовившемся свержении Мосаддыка, доложил об этом генералу Риахи. Тот немедленно выехал в город, чтобы поднять войска, сохранявшие верность правительству.

События развертывались следующим образом. 15 августа в 22 часа 30 минут, имея инструкцию вручить Мосаддыку фирман о смещении его с поста премьер-министра, полковник Нассири в сопровождении нескольких танков направился из дворца Садабад к дому премьер-министра. Арестовать, как планировалось, генерала Риахи до вручении фирмана Мосаддыку не удалось. Из-за вынужденных задержек Нассири достиг дома Мосаддыка позже установленного срока. За это время генерал Риахи успел разместить перед фасадом дома премьер-министра верные правительству соединения, намереваясь задержать Нассири. Заявление полковника, что он выполняет волю «его величества», внесло явное замешательство в ряды солдат, и, воспользовавшись этим, Нассири потребовал встречи с Мосаддыком, чтобы вручить ему фирман. Однако Риахи, обвинив полковника Нассири в подстрекательстве к мятежу, арестовал его и отправил в тюрьму.

Заговорщики решили перевезти генерала Захеди и спрятать его в подвале дома члена оперативной группы Рузвельта Ф. Циммермана. Рузвельт поспешил за генералом Захеди. Последний уже поджидал его, упаковав свой мундир в чемодан. Укрыв генерала одеялом, Рузвельт доставил его в машине в дом Циммермана.

Возвратившись в штаб-квартиру, Рузвельт проверил готовность радиобункера и, сделав необходимые распоряжения, принялся за изготовление на ротапринте копий двух фирманов шаха, в первую очередь того, которым Захеди провозглашался премьер-министром. Ими должны были снабдить «братьев Боско» и других агентов ЦРУ из числа иранцев для распространения среди населения в Тегеране. Мустафе Вайси и Мохсену Таю предстояло проделать то же самое в Истафане.

Затем Рузвельт отправился за генералом Захеди, решив переправить его в такое место, где он сможет приступить к исполнению обязанностей главы правительства. Командующему иранскими ВВС генералу Гюланшаху Рузвельт поручил вызвать танки и ждать появления Захеди, чтобы обеспечить безопасность его передвижения.

«Добравшись до дома Циммермана, — пишет Рузвельт, — я спустился в подвал. Готовый стать премьер-министром, генерал Захеди сидел там в нижнем белье, мундир его висел рядом на стуле. В тот момент, когда он стал одеваться, во дворе раздались сильный лязг и грохот. Дверь в подвал распахнулась. Среди других я различил Гюланшаха…» Чуть позже танки — в одном из них находился Захеди, — грохоча, вышли через ворота на Тахт-е-Джамшид и направились в сторону резиденции Моссадыка.

По пути генерал остановился в офицерском клубе и сразу же приступил к формированию правительственного кабинета, в состав которого в числе других вошли Вайси и Таю.

19 августа 1953 года события достигли кульминации. В действиях властей замечались разнобой, колебания и растерянность. Только в последний момент Мосаддык прибег к решительным мерам, отдав распоряжение ввести в столицу надежные войска. Однако он явно терял поддержку тех группировок, которые прежде стояли на его стороне: каждая из них надеялась использовать ситуацию к своей выгоде.

Тем временем группа бродячих артистов, сопровождаемая толпой подкупленных лиц,

устроила марш к дому Мосаддыка. Они размахивали флагами, выкрикивали лозунги в поддержку шаха. Пестрая многолюдная процессия, к которой примкнули солдаты и полицейские, медленно продвигалась по улицам мимо базаров и мечетей, обрастая все новыми и новыми участниками. В толпе начали раздаваться требования свержения правительства и казни Мосаддыка. Беспорядки усиливались, охватив весь город. И без того напряженная обстановка накалилась до предела. В столицу на грузовиках и танках вошли части, группировавшиеся вокруг генерала Захеди и его военных единомышленников. Мятежники захватили местную радиостанцию.

Ожесточенные схватки между сторонниками Мосаддыка и прошахскими силами продолжались более девяти часов.

19 августа 1953 года правительство Мосаддыка было свергнуто. Власть захватил генерал Захеди. 22 августа шах вернулся в Тегеран.

23 августа Рузвельт отправился во дворец. Шах, изумленный, как он выразился, «блестящим замыслом и не менее блестящим его исполнением», официально объявил благодарность представителю ЦРУ. Вскоре к шаху и Рузвельту присоединился генерал Захеди. В ответ на благодарственные слова шаха и генерала Рузвельт заявил: «То, что мы сделали, отвечает нашим обоюдным интересам. Достигнутое нас полностью вознаграждает». В память об этих событиях шах преподнес Рузвельту золотой портсигар.

4 сентября 1953 года доклад Рузвельта слушался в Овальном кабинете Белого дома. Президент горячо поздравил Рузвельта и лично вручил ему медаль «За национальную безопасность». (До него этой награды удостоился только директор ФБР Эдгар Гувер.)

Мосаддык и его ближайшие соратники в октябре 1953 года были преданы суду военного трибунала, длившемуся 43 дня. Предъявленное Мосаддыку обвинение содержало 14 пунктов: «государственная измена, неподчинение шаху, покушение на корону, попытка свержения правящего режима, намерение провозгласить республику» и т.д.

21 декабря 1953 года Мосаддык был приговорен к смертной казни. Но привести этот приговор в исполнение шах не решился. Наказание смягчили до трех лет тюремного заключения, по истечении которых он был отправлен под надзор властей в свое имение Ахмедабад под Тегераном, где и умер в марте 1967 года.

ПУТЧ 13 МАЯ

Франция, Алжир. 13 мая 1958 года

Французские авторы по-разному датируют истоки кризиса 1958 года, но все они сходятся в одном: к началу путча 13 мая государственная власть была абсолютно недееспособной. Лишь за первые три с половиной года алжирской войны (ноябрь 1954 — май 1958 гг.) в Париже сменилось шесть правительств.

Несомненно, путч 13 мая — результат нескольких заговоров, готовившихся различными политическими силами и группами.

Во-первых, переворот замышляли правоэкстремистские круги в метрополии и Алжире, объединявшие большое число полулегальных, а часто и подпольных националистических и террористических организаций. Наиболее старой из них являлось «Движение Молодая нация».

Вторая нить заговора тянулась в армейские круги. Начиная с 1956 года растущую активность проявляла подпольная организация «Большое О». Одним из ее шефов, законспирированным под псевдонимом «Большой А», являлся армейский генерал запаса П. Шеррьер, бывший главнокомандующий в Алжире. Уроженец Корсики, Шеррьер считал себя потомственным и непреклонным бонапартистом (его прадед служил в гвардии Наполеона).

Другим руководителем организации был тоже отставной армейский генерал авиации М.-Л. Шассэн (псевдоним «Большой Б»), занимавший пост командующего ПВО НАТО в Центральной Европе. Третье главное действующее лицо, скрытое под кличкой «Большой В», — доктор Ф. Мартэн, убежденный монархист. Наконец, четвертый основной персонаж — Ив Жиньяк, руководитель «Ассоциации ветеранов Французского Союза». В нелегальной организации он имел кличку «Маленький А».

Шеррьер, Шассэн, Мартэн и Жиньяк составляли так называемый «президиум», более известный как «Большое О». Организация располагала широко разветвленной сетью в армии и контролировала, в частности, объединения выпускников военных училищ Сен-Сира, Сомюра, Сен-Мексана, Версаля.

С января 1957 года члены «Большого О» начинают практическую подготовку антиреспубликанского заговора. Они заручились поддержкой генерала Р. Микеля, командующего 5-м военным округом, в котором были сосредоточены все парашютно-десантные части французской армии в метрополии.

Заговор «Большого О» предусматривал организацию вооруженного восстания в Алжире и одновременно в метрополии. Детонатором мятежа в алжирской столице должны были стать ультра из «Комитетов французского возрождения», руководимые владельцем виноградных плантаций Р. Мартелем, а также военизированные отряды территориального ополчения общей численностью свыше 20 тысяч человек, во главе которых стоял полковник Ж. То-мазо.

Мартель и Томазо должны были захватить здание министерства по делам Алжира (бывшее генерал-губернаторство) и обеспечить контроль над алжирской столицей, куда для руководства мятежом прибывает бывший главнокомандующий генерал Шеррьер.

Дальнейший сценарий мятежа выглядел следующим образом. В метрополии генерал Шассэн захватывает префектуру Сент-Этьена, где сосредоточиваются боевые группы мятежников, и создает «Комитет общественного спасения». Затем он захватывает Лион и объявляет по радио о целях восстания. Генерал Шеррьер направляет из Алжира в метрополию парашютно-десантные части для «восстановления порядка». Парашютисты движутся на Париж, где вооруженные отряды Жиньяка захватывают все стратегически важные пункты. После захвата столицы там учреждается военно-политическая директория вместо свергнутого правительства. Директория обеспечивает всю политическую власть в стране от двух до пяти лет, затем передает ее авторитарному правительству Обеспечение связи между Парижем и Алжиром в ходе подготовки и проведения операции было возложено на доверенного человека Мартеля Пьера Жоли.

Третье звено созревавшего антиреспубликанского заговора включало в себя правые партии. Активную роль в подготовке свержения Четвертой республики сыграли четыре известных политических деятеля, наиболее яростно пропагандировавших лозунг «французского Алжира», генеральный секретарь правой партии «независимых и крестьян» Р. Дюше, лидер правых радикалов А. Морис, почетный председатель клерикальной партии МРП Ж. Бидо и один из руководителей голлистской партии социальных республиканцев Ж. Сустель. Эти деятели имели каждый свою законспирированную сеть в Алжире. Особую активность по развитию контактов в Алжире в целях подготовки государственного переворота проявлял бывший генерал-губернатор Ж. Сустель.

Вторым организационным центром заговора голлистов являлась группа М. Дебре и М. Блок-Маскара. Они действовали внутри Государственного совета — высшего административного суда республики, докладчиками которого являлись. После избрания Дебре в Совет республики — вторую палату парламента он развернул там кампанию обличения правительства в неспособности справиться со стоящими перед страной проблемами. Дебре завоевывает на свою сторону директоров, префектов, генералов, начальников управлений.

В то время как Сустель вербовал сторонников в Алжире, а Дебре — среди высшей администрации, их коллега по партии социальных республиканцев Ж. Шабан-Дельмас обеспечивал голлистам позиции в армейских кругах. Для этого у него были идеальные возможности, так как в правительстве Гайяра он получил портфель министра национальной обороны.

Таким образом, к весне 1958 года в Алжире соперничали и боролись за влияние на армию и ультра по меньшей мере два основных заговорщических центра — «Большое О» и голлисты. Каждый из них претендовал на единоличное руководство готовившимся вооруженным выступлением.

После 15 апреля, когда с падением правительства Гайяра Франция оказалась в затяжном правительственном кризисе, заговор против республики вступил в свою активную фазу. Голлисты ускоряют подготовку путча.

8 мая их представители Дельбек и майор Пуже прибывают в Париж, где встречаются с заместителем начальника генерального штаба генералом А. Пети и с полковником А. Грибиусом, командиром 3-й танковой группы, дислоцированной в районе Рамбуйе. Пети и Грибиус дают им заверения в своей поддержке.

Обеспокоенные возросшей активностью голлистов, резиденты «Большого О» в Алжире собираются 11 мая на совещание, где обсуждают план действий. После встречи направляют своему шефу генералу Шеррьеру шифрованную телеграмму «Высылайте товар», что означало сигнал к немедленному прибытию в Алжир. Однако на следующий день становится известно, что «Большой А», который должен был «реставрировать бонапартизм», в последний момент заколебался и продолжал выжидать. Голлисты, сами того не подозревая, еще до начала событий оказались в выигрышном положении.

В Париже тем временем продолжалась суета вокруг министерских портфелей, начавшаяся 15 апреля После провала кандидатур Ж. Бидо и Р. Плевена президент Коти поручил формирование правительства одному из лидеров МРП П. Пфлимлену.

Французское военное командование в Алжире приступает к разработке плана собственного антиправительственного выступления. Он получил кодовое название «Возрождение» Ответственным за его разработку назначается полковник Дюкасс, заместитель генерала Массю.

10 мая французская печать сообщила о расстреле трех французских солдат, захваченных в плен Армией национального освобождения Алжира, виновных в расправах над мирным населением.

13 мая 1958 года тысячи жителей Алжира вышли на демонстрацию протеста. В 16 часов 30 минут толпа, предводительствуемая председателем Союза алжирских студентов Лагайярдом и четырьмя его вооруженными телохранителями, заполняет Форум и окружает Монумент павшим Лагайярд призывает сражаться за французский Алжир. В ответ раздается рев толпы.

В 19 часов 15 минут Лагайярд с группой вооруженных мятежников, в числе которых майор и несколько лейтенантов-парашютистов, врываются в здание Летнего дворца, резиденции министра Лакоста Вслед за ними туда ринулись тысячи демонстрантов, которые устроили погром Вскоре на место происшествия прибывают командир армейского корпуса генерал Ж. Аллар и командир 10-й дивизии генерал Ж. Массю. Толпа скандирует: «Да здравствует Массю!», «Армию к власти1»

Лагайярд убеждает Массю немедленно сформировать «Комитет общественного спасения» (КОС). В комитет вошли в основном люди Лагайярда и Марте-ля. Массю добавляет к этому списку полковников Тренкье, Дюкасса, Томазо и некоторых других резидентов «Большого О».

В 21 час 45 минут Ф. Гайяр телеграфирует в Алжир, что на заседании межминистерского совета, заменяющего отсутствующее правительство, принято решение о предоставлении главнокомандующему генералу Салану чрезвычайных полномочий «впредь до нового приказа»

Позиции голлистов в кругах армии в Алжире укрепились с прибытием туда поздно вечером 13 мая заместителя начальника генерального штаба дивизионного генерала А Пети, заявившего о необходимости обращения мятежников к де Голлю с призывом взять власть. В телеграмме, направленной из восставшего Алжира начальнику генерального штаба П Эли, он также высказал убеждение, что только создание правительства во главе с де Голлем способно успокоить мятежников.

Генерал Пети буквально заставляет Салана подписать составленное им заранее обращение к президенту республики Р. Коти с требованием сформировать под председательством де Голля правительство «общественного спасения». Генерал Массю сообщает мятежникам: «От имени Комитета общественного спасения я направляю телеграмму генералу де Голлю» Толпа отвечает криками. «Армию к власти!», «Да здравствует де Голль!» Отныне благодаря вмешательству генералов Салана и Массю путч направляется в голлистское русло.

В то время как телетайпы непрерывно приносят в Париж все новые и новые сообщения о развертывании путча в Алжире, в правящих сферах французской столицы наблюдалась настоящая паника В Елисейском дворце и отеле Матиньон шли непрерывные совещания с обсуждением различных правительственных вариантов.

Первый день показал, что к путчу присоединилось только четыре полка 10-й дивизии.

«…Армия не последовала за начавшимся движением», — с сожалением констатировал командир 6-го полка «леопардов». В разгар путча его организаторы узнали, что кто-то из гражданской администрации вызвал в город Алжир танковую дивизию. Среди путчистов начался переполох: они стали наспех строить противотанковые заслоны. Лишь вмешательство Массю,.договорившегося с командиром танкистов, предотвратило угрозу.

Рано утром Салан подписывает текст коммюнике, извещавшего армию и население о переходе к главнокомандующему всей военной и гражданской власти на территории Алжира.

В 8 часов 30 минут 14 мая «Радио Алжира» распространило призыв КОС ко всем офицерам запаса и территориальным ополченцам явиться в полной экипировке с оружием в штаб комитета. С утра по приказу Массю парашютисты заняли все стратегически важные точки города. В полдень состоялась новая 10-тысячная демонстрация ультра на Форуме.

В Париже в этот день поднимают голову сообщники алжирских путчистов На Елисейских полях происходит многотысячная демонстрация ультра, организованная Жиньяком и Биаджи. Она проходит под антиреспубликанскими лозунгами.

15 мая ситуация в алжирской столице существенно изменилась. В 18 часов секретариат де Голля передает журналистам следующее коммюнике, составленное лично генералом: «Деградация государства неизбежно влечет за собой отчуждение ассоциированных народов, волнения в действующей армии, национальный раскол, утрату независимости. В течение двенадцати лет Франция старается разрешить проблемы, непосильные для режима партий; она на пути к катастрофе. Однажды, в тяжелый час, страна доверилась мне с тем, чтобы я повел ее к спасению. Сегодня, перед лицом новых испытаний, страна должна знать, что я готов принять на себя полномочия Республики».

По словам французского историка, заявление де Голля «было последним ударом по агонизирующей Четвертой республике». Вмешательство де Голля вызвало настоящий переполох в правящих сферах.

16 мая правые экстремисты взорвали виллу Пфлимлена в Биаррице, а вечером этого же дня члены «Молодой нации» устроили антиправительственную демонстрацию на Елисейских полях.

18 мая маршал Жюэн посетил президента республики и объявил ему, что армия солидарна с мятежниками и что единственный выход состоит в обращении к де Голлю. Национальное собрание и Совет республики в этот день утверждают законопроект о введении чрезвычайного положения по всей территории Алжира.

Премьер Пфлимлен пытается маневрировать, но возможностей для этого у него с каждым днем становится все меньше. 23 мая он принимает решение о необходимости реформы конституции. Первое обсуждение проекта назначается на 27 мая. Однако ему уже не суждено состояться.

24 мая 12 самолетов французских ВВС, базировавшихся в районе Клермон-Феррана, поднявшись без приказа в воздух, образовали фигуру Лотарингско-го креста (эмблемы возглавлявшегося де Голлем в годы войны движения «Сражающаяся Франция»). Подобная форма демонстрации настроения армии приобрела в майские дни широкое распространение.

13 мая, в день путча в Алжире, на Корсике были созданы две группы по подготовке выступления на острове: одну возглавлял двоюродный брат де Голля.

Анри Майо, другую — некий Амбруаз Фьеши 20 мая обе группы слились и установили контакт с алжирскими мятежниками. Главным организатором путча на Корсике был Ж. Сустель, действовавший через своего представителя Паскаля Арриги, депутата Национального собрания от группы правых радикалов. По признанию самого Арриги, путч на Корсике должен был сорвать всякую возможность «примирения» между Алжиром и Парижем».

К утру 25 мая путчисты полностью контролировали положение на острове. Арриги провозглашал перед корсиканскими мятежниками: «Национальное единство должно быть достигнуто вокруг генерала де Голля».

Известие о путче на Корсике вызвало в политических кругах Парижа настоящую панику. Все повторяли брошенную кем-то фразу. «Вчера Алжир, сегодня Корсика, завтра Париж». Появились слухи о десанте парашютистов в Парижском районе.

27 мая полковник Дюкасс положил на стол генерала Салана папку с названием «Операция

„Возрождение“. План „Возрождение“ объединил обе соперничавшие ветви заговора — голлистскую и „Большого О“. Операция „Возрождение“ предусматривала высадку в Парижском районе двух полков парашютистов во главе с полковником Кусто и Мулье. Безопасность десанта должна была обеспечить танковая группа полковника Грибиуса. Конечная цель заговорщиков — создание правительства „общественного спасения“. Генерал Салан говорит в мемуарах, что во главе правительства предполагалось поставить де Голля.

28 мая Салан направляет в Париж своих представителей. Один из них генерал Дюлак встречается с де Голлем и раскрывает перед ним содержание операции «Возрождение». Он просит его одобрить акцию и возглавить ее. «У меня нет желания появляться из армейского обоза, — отвечает де Голль. — Я хочу остаться арбитром. Для меня предпочтительнее прийти к власти законно, через сформирование правительства».

28 мая Пфлимлен посетил президента и вручил ему заявление об отставке.

В этот момент совершенно неожиданное для Четвертой республики значение приобрел престарелый президент Коти. Юридически именно он должен был назвать фаворита.

Утром 29 мая Коти составил текст своего обращения к парламенту, который был зачитан в полдень. «Перед угрозой для родины и республики, — говорилось в обращении, — я решил обратиться к самому знаменитому из французов, к тому, кто в самые трудные часы нашей истории стал нашим руководителем с тем, чтобы отвоевать свободу, и который, объединив вокруг себя нацию, отказался от диктатуры ради установления республики».

Вечером того же дня де Голль впервые входит в Елисейский дворец, где у входа его встречает президент республики.

В 22 часа секретариат де Голля распространяет коммюнике следующего содержания: «Я имел честь встретиться с господином Рене Коти. По просьбе президента республики я указал ему, в каких условиях я мог бы взять на себя руководство правительством в этот решающий для судеб страны момент… Чрезвычайная угроза национальному единству требует восстановления порядка в государстве и установления общественной власти на высоту ее задач».

В воскресенье 1 июня де Голль, сопровождаемый своими министрами, впервые после 1946 года вошел в зал заседаний Национального собрания. Зачитав правительственную декларацию, где говорилось о необходимости «восстановить порядок в государстве и возродить единство нации», новый председатель совета министров покинул Бурбонский дворец, не дожидаясь результатов голосования. Впрочем, он мог уже предвидеть его общий итог. Против голосовали коммунисты, часть социалистов и левые радикалы — всего 224 депутата. Правительство получило инвеституру 329 голосами.

По возвращении из Национального собрания в отель «Лаперуз», где он всегда останавливался, де Голль, положив руку на плечо портье, который много лет прислуживал ему, сказал: «Альбер, я выиграл».

ПАРИЖСКИЙ ЗАГОВОР

Алжир, Франция. 1961 год

Интересы голлизма, утвердившегося у власти после 1958 года, требовали скорейшего решения наболевшей алжирской проблемы. Этого требовали интересы Франции, ее внешняя политика, экономика и финансы, в полной мере испытавшие губительное воздействие войны. Международная ситуация также толкала де Голля на мирное урегулирование алжирского вопроса. Теперь даже союзники Франции по НАТО и ЕЭС все более открыто высказывали раздражение по этому поводу.

Еще 14 февраля 1960 года был создан Комитет по алжирским делам под председательством президента де Голля. Это означало, что отныне де Голль непосредственно брал в свои руки все руководство алжирской политикой.

4 ноября президент выступает по радио и телевидению с речью: «Взяв на себя вновь руководство Францией, я решил от ее имени следовать по пути, который отныне ведет не к Алжиру, управляемому французской метрополией, а к алжирскому Алжиру… эмансипированному… имеющему свое собственное правительство, свои институты и свои

законы». Де Голль обещал оказать Алжиру «мощную и братскую помощь», если он выберет тесный союз с Францией.

В начале января 1961 года должен был состояться референдум о самоопределении Алжира. Именно в это время ультраправые силы предпринимают попытку объединиться и сорвать новый алжирский курс главы государства.

12 декабря 1960 года созывается совещание оставшихся на свободе руководителей организации ультра «Фронт французского Алжира» (ФАФ), на котором присутствовали также генерал Жуо, полковники Леконт, Ленуар, Массело и капитан Сержан. На призыв «штатских» ультра, поддержанный отставным генералом Жуо, немедленно начать военный путч и захватить де Голля полковники выразили серьезные сомнения, ссылаясь на значительные силы верных правительству частей. Одна лишь мобильная жандармерия располагала в городе 14 танковыми ротами. Кроме того, по мнению полковников, для успеха путча нужен «престижный лидер», вроде Массю. Кандидатура Жуо вызывала у полковников-парашютистов серьезные сомнения: во-первых, он мало известен в метрополии и к тому же — авиатор. В конечном счете было принято решение начать тщательную подготовку нового путча.

Недовольство алжирской политикой де Голля охватило круги высшего генералитета. 5 марта 1960 года, в день, когда де Голль впервые произнес слова «Алжирская республика», генерал М. Шалль, будущий руководитель апрельского путча, записал в свой дневник: «Начиная с этого момента я серьезно задумываюсь о смысле моего пребывания в армии». Другой руководитель путчистов, армейский генерал А. Зеллер, бывший начальник штаба сухопутных вооруженных сил Франции, скажет перед военным трибуналом: «Если вы попросите резюмировать глубокие причины моих действий [в апреле 1961 года], я отвечу, что они проистекали единственно из желания сохранить Алжир под французским суверенитетом». Ликвидация колониальной системы поставила бы под вопрос само существование многочисленной офицерской касты.

8 января 1961 года 20,7 млн избирателей (из 27,2 млн) приняли участие в референдуме: «да» самоопределению сказали 75,2% голосовавших. Таким образом, значительным большинством голосов политика самоопределения Алжира, объявленная де Голлем, получила одобрение.

Бывший начальник штаба Массю, А. Аргу стал к тому времени подлинным мозговым центром заговора. Выпускник Политехнической школы участник Второй мировой войны Аргу долгое время прослужил в Алжире под командованием Массю. Весной 1961 года он дезертирует из армии и, перейдя на нелегальное положение, целиком отдается подготовке нового путча в Алжире. К руководству путчем он стремится привлечь бывшего главнокомандующего Шалля.

В то время пока будущие руководители путча обсуждали положение в Алжире, его непосредственные организаторы и исполнители были заняты практической подготовкой выступления. 8 апреля 1961 года в одном из многочисленных кабинетов «Эколь милитэр» собралась группа военных: генералы Ванюксем и Фор, полковники Бруаза, Аргу и Годар, капитан Сержан, лейтенант Дегельдр. Было принято решение готовить путч одновременно и в метрополии.

11 апреля на пресс-конференции президент де Голль заявил, что Франция не будет препятствовать образованию независимого алжирского государства, «суверенного внутри и вовне».

Для Шалля вопрос был решен. На следующий день он дал согласие на участие в заговоре. «Генералы Зеллер, Жуо и я, — говорил впоследствии Шалль перед военным трибуналом, — назначили дату выступления на 20 апреля. Жуо вылетел в Алжир встречать нас».

20 апреля в 18 часов 45 минут с взлетной полосы военно-воздушной базы в Креле поднялся двухмоторный «Нор-2501» и взял курс на Алжир. На борту находились всего три пассажира Шалль, Зеллер и полковник Бруаза, переодетые в штатское. Спустя несколько часов самолет приземлился на аэродроме Блида, где его ожидал полковник Робэн в сопровождении группы парашютистов Иностранного легиона Он отправил двух генералов и полковника на виллу Тагарэн близ алжирской столицы. В этот же день в Алжир прибыли и другие руководители путча генерал Гарди, бывший генеральный инспектор Иностранного легиона,

Аргу и Годар.

Захват города Алжира возлагался на отряд десантников полковника Робэ-на и 1-й парашютно-десантный полк Иностранного легиона, входивший в 10-ю парашютно-десантную дивизию, дислоцированную в районе Зеральды. На него и возложили руководители путча все свои надежды.

Всякий заговор, а тем более такой, в который вовлечены десятки и сотни людей, всегда рискует быть раскрытым. Можно определенно утверждать, что для де Голля и его правительства путч не был неожиданностью во всех отношениях.

В ночь на 22 апреля путчисты, выдавая себя за правительственные войска, занимали общественные здания Это позволило им к 2 часам ночи без единого выстрела подойти к Летнему дворцу и арестовать там генерального делегата Морэна.

Другая группа путчистов в это время устремилась в квартал Пелиссье, где размещался штаб генерала Везинэ, командира столичного армейского корпуса. Преодолев слабое сопротивление охраны, парашютисты ворвались в кабинет Командир корпуса под конвоем путчистов покинул свою резиденцию.

После захвата Летнего дворца и штаба алжирского корпуса мятежники направились в «Форт императора», где размещался оперативный штаб. Его они заняли также без единого выстрела.

Последним из высших военных руководителей голлистской администрации в городе Алжире оставался вице-адмирал Кервилль, командующий французскими ВМС в Средиземном море. Ему удалось из адмиралтейства отдать соответствующие распоряжения, объявив, что как старший берет на себя временное командование всеми французскими войсками в Алжире.

Тем временем полковник Годар блокировал танками адмиралтейство, и командующему военно-морскими силами пришлось на сторожевом катере бежать в Оран.

Одновременно было занято здание центрального комиссариата полиции, а комиссар Фашо — арестован.

В этот вечер президент Сенегала Леопольд Сенгор в сопровождении президента Французской Республики генерала де Голля присутствовал в «Комеди Франсэз» на представлении трагедии «Британикус». Ни генерал, ни его спутник, сидя в президентской ложе, не подозревали, что лишь случайность избавила их от верной смерти. В этот день в ложу президента должна была быть заложена мина Но в самый последний момент из-за технических трудностей организаторы покушения вынуждены были отменить намеченную акцию Де Голль и президент Сенегала благополучно вернулись в свои резиденции.

22 апреля в 2 часа 10 минут утра начальник личной канцелярии президента Жоффруа де Курсель сообщил де Голлю, что в Алжире начался мятеж и столица перешла в руки мятежников, которыми руководит отставной генерал Шалль.

Супрефекты девяти округов получают приказы поднять по тревоге все полицейские силы Начальник штаба ВМС адмирал Кабанье, прибывший к де Голлю, получает распоряжение привести в боевую готовность французский флот в Тулоне и ждать приказа к отплытию в Алжир.

Уже с первых шагов мятежные генералы допустили целый ряд существенных промахов. Во-первых, их действия осуществлялись в основном в столице Алжира Из-за этого они вскоре оказались в изоляции Второй крупной ошибкой руководителей путча явилось то, что они не взяли под контроль государственное радио, которое продолжало свои передачи из Парижа. Третий важный просчет Шалля и его сообщников состоял в игнорировании их объективных союзников из числа «штатских» ультра.

Ближайшей и важнейшей задачей для Шалля и его сообщников было в тот момент заставить Оран и Константину присоединиться к Алжиру Большие надежды Шалль, Жуо и Зеллер возлагали на Париж, где ожидались важные события, которые могли коренным образом изменить ситуацию в их пользу.

Утром 22 апреля парижская префектура полиции осуществила удачную операцию, истинное значение которой стало понятным спустя некоторое время В ходе операции по аресту капитана французской армии Филиппа де Сен-Реми к своему удивлению полицейские обнаружили, помимо разыскиваемого капитана, еще несколько военных, в числе которых

оказался дивизионный генерал Ж. Фор, руководитель путча в метрополии. В «парижском заговоре» оказались замешаны более 130 человек.

Из найденных бумаг и показаний арестованных стало известно, что в Париже действовала хорошо законспирированная организация, возглавляемая генералом Фором. Организация состояла из трех отделов. Первый отдел занимался вербовкой сообщников из представителей крайне правых кругов и бывших военных Он должен был также обеспечить подчинение приказам Фора частей парижского гарнизона. Второй отдел добывал сведения о надежности или ненадежности тех или иных офицеров в целях их возможного использования или нейтрализации. В задачу третьего отдела входила психологическая и идеологическая обработка населения. В этом отделе работали специалисты с опытом Индокитая и Алжира Незадолго до апрельского путча были составлены и отпечатаны 2 тысячи листовок с призывом к армии выступить в поддержку мятежников.

Парижские заговорщики имели сообщников во французских войсках в ФРГ в лице заместителя командующего генерала Ванюксема и командира 5-й танковой бригады генерала Грибиуса. В операции по захвату Парижа должны были принять участие 501-й танковый полк, дислоцированный в Рамбуйе, и 2-й орлеанский гусарский (мотомеханизированный) полк.

Захват Парижа планировалось осуществить с трех направлений концентрическими ударами. Первая колонна, двигавшаяся из Осерра через Венсеннс-кий лес, площадь Нации и Аустерлицкий мост, должна была захватить парижскую префектуру полиции. Вторая колонна шла через Булонский лес и площадь Звезды и имела целью блокировать Елисейские поля. Третья, действуя со стороны бульвара Монпарнас, должна была захватить Бурбонский дворец — резиденцию Национального собрания и отель «Шатиньон» — резиденцию главы правительства. Точные места встречи путчистов и их дальнейшие действия после захвата правительственных учреждений должны были быть уточнены полковником Годаром в субботу 22 апреля.

В царившей панике только президент де Голль сохранял спокойствие. На заседании совета министров, созванном в 17 часов, он спокойно заявил: «В этом деле, господа, важно прежде всего то, что оно не серьезно». Де Голль хорошо знал людей, возглавивших путч, и был невысокого мнения об их смелости и способности действовать. В ответ на предупреждение, что генерал Шалль во главе парашютистов вот-вот будет в Париже, он отвечал: «Да, если бы это был Фидель Кастро. Но не Шалль».

После раскрытия «парижского заговора» надеяться на помощь из метрополии путчистам более не приходилось. Оставалось форсировать события в Алжире.

Центральным событием следующего дня путча, 23 апреля, явилось прибытие в столицу Алжира генерала Салана, с конца октября 1960 года обосновавшегося в Мадриде. Среди четырех главных действующих лиц апрельского путча Салан имел наибольшие политические амбиции.

В этот же день квартет генералов распределяет между собой обязанности: Шалль — командование вооруженными силами путчистов с присвоением ему ранга «главнокомандующий»; Жуо — организация снабжения и перевозок, а также ответственный за пропаганду; Зеллер— экономические и финансовые вопросы; Салан — гражданская администрация и связь с населением.

23 апреля в 15 часов 30 минут в Константину во главе отряда парашютистов прибывает генерал Зеллер. Генерал Гуро, командир армейского корпуса в Константине, под нажимом Зеллера был вынужден присоединиться со всеми частями своего корпуса к генералу Шаллю. Это был несомненный моральный успех путчистов.

А в Париже воскресный день начался взрывами пластиковых бомб. В 3 часа утра взрыв в аэропорту Орли. В 7 часов — на Лионском вокзале, затем на Аустерлицком вокзале. Радио также сообщает, что Шалль контролирует большую часть алжирской территории. В Елисейском дворце и отеле «Матиньон» идут непрерывные совещания, где обсуждаются возможные меры по обороне метрополии и столицы.

В 20 часов с обращением к нации по радио и телевидению выступил президент республики генерал де Голль. Резко осудив путч, он заявил: «Во имя Франции я приказываю использовать все средства, я подчеркиваю — все средства, чтобы преградить дорогу этим

людям… Я запрещаю любому французу, прежде всего любому солдату, выполнять их приказы… Француженки, французы, помогите мне!»

На следующий день президент де Голль ввел в действие статью 16 конституции, которая предоставляла ему неограниченные права.

24 апреля свыше 12 миллионов человек во Франции — рабочих и служащих — в знак протеста против действий путчистов объявили всеобщую забастовку. Она сопровождалась, несмотря на запреты властей, массовыми митингами и демонстрациями по всей стране. Это была самая крупная в послевоенной истории Франции всеобщая политическая забастовка.

Во вторник, 25-го становится ясно, что наступает развязка. Правительство под давлением демократических сил принимает экстренные меры по ликвидации путча. В Париж вводится 16-я пехотная дивизия генерала Гастинэ. В Оф-фенбурге по приказу командующего французскими войсками в Западной Германии генерала Крепэна арестован полковник Дюфур, один из главных сообщников алжирских путчистов. Утром появляется официальное сообщение министерства вооруженных сил: «Правительство вызвало из Германии в Париж войска и танковые части для пресечения возможных действий со стороны мятежных элементов. Население восточных районов Франции не должно беспокоиться фактом передвижения этих войск».

Путчисты предприняли последнюю попытку изменить ситуацию в свою пользу. Рано утром Шалль направил на базу французских ВМС в Мерс-эль-Кебир отряд парашютистов на 14 грузовиках во главе с полковником Леконтом. Цель операции — захват базы и арест адмирала Кервилля, возглавившего оппозицию путчу в Алжире.

Потерпев неудачу, путчисты решают эвакуироваться из расположенного поблизости Орана. В полдень город покидают генерал Гарди и полковник Аргу, а час спустя — последние отряды путчистов. Вслед за ними в Оран входят верные правительству части 12-й пехотной дивизии под командованием генерала Перрота.

А в алжирской столице тем временем усиливались панические настроения. В штабе Шалля собрались генералы Биго, Пети, Мантре и Леннюйе. Они прибыли сюда, чтобы склонить Шалля прекратить борьбу. Их поддерживает друг и ближайший помощник «главнокомандующего» полковник Буассье. Но Шалль и сам понимает, что дело проиграно: «Партия проиграна потому, что она была плохо начата», — говорит он своим сообщникам и составляет письмо президенту де Голлю. Зеллер поддерживает решение Шалля.

В 0 часов 45 минут 26 апреля парижское радио передало сообщение министра информации: «Экс-генерал Шалль сообщил правительству о своем намерении отдаться в руки правосудия».

В это самое время Шалль, Салан и Жуо садятся в грузовик 1 —го парашютно-десантного полка. По дороге Салан и Жуо исчезают. На прощание Шалль передал Жуо 300 тысяч франков на финансирование подрывных операций. Переночевав у легионеров, Шалль утром на специальном военном самолете был доставлен в Париж и заключен в тюрьму «Сантэ». 6 мая к нему присоединился экс-генерал Зеллер, также сдавшийся властям.

В 5 часов 30 минут в Париже будет получена телеграмма: «Генерал-губернаторство свободно. Законность восстановлена».

УБИЙСТВО ДЖОНА КЕННЕДИ

США, Даллас. 22 ноября 1963 года

22 ноября 1963 года в 11 часов 35 минут на далласский аэродром произвел посадку самолет военно-воздушных сил США. В нем прибыл вице-президент США Линдон Джонсон. А пятью минутами позже приземлился второй самолет американских ВВС. В нем находился 45-летний президент США Джон Фитцджеральд Кеннеди.

Президент и вице-президент, как всегда, летели на разных самолетах, чтобы не подвергать США опасности: в случае катастрофы одного из них, сразу лишиться двух ведущих политиков.

Основной причиной поездки Джона Кеннеди в Техас явилось желание укрепить в этом южном штате, на родине вице-президента Джонсона, свой престиж накануне президентских

выборов 1964 года. На выборах 1960 года Кеннеди чуть было не проиграл в Техасе представителю республиканской партии Никсону. Решение Кеннеди совершить эту поездку укрепилось и после скандального приема, который оказали жители Далласа, или по крайней мере часть из них, члену правительства США Стивенсону, когда он выступил там с призывом поддерживать политику Кеннеди.

Подготовка программы и маршрута поездки Кеннеди была поручена губернатору штата Техас Коннели и специальному помощнику президента О'Доннелу. Было решено, что в Далласе на поездку автомобилем от аэродрома до места, где в честь Кеннеди городские власти и бизнесмены планировали дать обед, будет отведено 45 минут. 19 ноября в далласских газетах был опубликован маршрут следования президентского кортежа. На одном из его участков автомашина президента должна была ехать по Эльм-стрит, постепенно спускавшейся под железнодорожный виадук. Секретная служба США не возражала против такого маршрута, так же как и против поездки Кеннеди в открытом, незащищенном автомобиле.

И вот Кеннеди в Далласе. В 11 часов 50 минут по местному времени президентский кортеж направился с аэродрома в город. В первой автомашине на заднем сиденье расположились Кеннеди с супругой, а на откидных сиденьях — губернатор штата Техас Коннели с супругой. На переднем сиденье автомашины разместились два агента секретной службы по охране президента. Непосредственно за автомашиной Кеннеди шла вторая, в которой находилось еще восемь агентов охраны. Третьей следовала автомашина вице-президента Л. Джонсона, за которой также ехала автомашина с охранниками. За ней тянулись автомобили встречавших Кеннеди местных представителей и прессы.

Остался позади пригород Далласа. Президентский эскорт въехал на Мэйн-стрит, основную артерию торгового района города, пересекавшую его с востока на запад.

В конце Мэйн-стрит колонна автомобилей повернула вправо, на Хьюстон-стрит. Впереди, на перекрестке Хьюстон-стрит с Эльм-стрит, возвышалось семиэтажное оранжевое кирпичное здание. Это был книжный склад. Время на. часах одного из зданий показывало 12 часов 30 минут. Машина президента медленно сделала левый поворот на Эльм-стрит.

Секундой позже в быстрой последовательности раздались сухие щелчки выстрелов. Позднее очевидцы убийства Кеннеди утверждали, что стреляли как из книжного склада, так и со стороны железнодорожного виадука. Последнее, однако, упорно отрицалось официальным следствием. Джон Кеннеди был смертельно ранен — в шею и голову.

Трагические события развивались с калейдоскопической быстротой. Хроника событий пятницы 22 ноября 1963 года в изложении американских телеграфных агентств выглядит примерно следующим образом:

12 час. 43 мин. Неизвестный стрелял в Кеннеди, когда он проезжал по улицам Далласа.

12 час. 45 мин. Фотограф из свиты президента заявил, что у Кеннеди хлынула кровь из головы.

12 час. 46 мин. Г-жа Кеннеди, сидевшая рядом с мужем, склонилась к нему и воскликнула: «О нет, нет!»

12 час. 47 мин. Президент Кеннеди отправлен в госпиталь.

12 час. 49 мин. Фотограф добавил, что слышал два выстрела.

12 час. 52 мин. Помощник президента Кеннет О'Доннел не дал ответа на вопрос корреспондента Ассошиэйтед Пресс: «Жив ли президент?»

Президент Кеннеди находится в Парклэндском госпитале, близ Далласа.

12 час. 54 мин. Президент Кеннеди и губернатор штата Техас Джон Коннели стали сегодня жертвами покушения, но еще неизвестно, убит ли кто-нибудь из них.

12 час. 57 мин. Пресс-служба Белого дома в Вашингтоне заявила, что не располагает другими сведениями о покушении на Кеннеди, кроме тех, которые были опубликованы в печати.

12 час. 59 мин. Сообщается, что по автомобилю президента Кеннеди было сделано три выстрела. Репортеры видели президента, лежащего в автомобиле, который въезжал во двор госпиталя.

13 час. 02 мин. Представитель техасской организации демократической партии сказал, что состояние президента «очень тяжелое».

13 час. 08 мин. Президент Кеннеди по-прежнему находится в палате неотложной помощи госпиталя в Далласе, куда его отвезли. Другая жертва покушения — губернатор штата Техас отправлен в операционную.

13 час. 11 мин. Секретарь Белого дома по делам печати заявил, что к изголовью президента Кеннеди вызваны два католических священника.

13 час. 15 мин. Из госпиталя в Далласе сообщили, что для спасения жизни президента Кеннеди ему сделано несколько переливаний крови.

13 час. 21 мин. Распространился слух, что Кеннеди умер; официальных подтверждений нет.

13 час. 31 мин. Священник, соборовавший Кеннеди, по выходе из госпиталя заявил, что «не верит, что президент Кеннеди умрет».

13 час. 34 мин. Джон Фитцджеральд Кеннеди скончался.

13 час. 36 мин. Вашингтон подтвердил сообщение о смерти президента.

13 час. 38 мин. Полиция ищет человека в возрасте около 30 лет, который, возможно, совершил покушение.

13 час. 41 мин. Вице-президент Джонсон автоматически становится президентом США.

13 час. 46 мин. Сенат США прекратил работу.

13 час. 47 мин. В Нью-Йорке закрылась биржа.

13 час. 48 мин. В толпе людей раздались рыдания, когда священники, соборовавшие президента Кеннеди, объявили о его смерти.

13 час. 49 мин. ТАСС сообщил о покушении на президента Кеннеди.

15 час. 41 мин. Гроб с телом президента США помещен в самолет, направлявшийся в Вашингтон.

16 час. 21 мин. В разных местах Далласа арестовано несколько подозрительных лиц, у которых найдено оружие.

17 час. 53 мин. Бронзовый гроб с телом президента Кеннеди доставлен в Вашингтон.

18 час. 23 мин. Новый президент созвал совещание лидеров обеих партий в конгрессе.

20 час. 00 мин. Освальду предъявлено официальное обвинение в убийстве…

С первых дней убийства Кеннеди всех, естественно, волнует вопрос, кто был его истинным убийцей. И по сей день ответа на этот вопрос, по существу, не дано.

Как известно, человек, которому предъявили обвинение в убийстве Кеннеди, Ли Харви Освальд, был застрелен в полицейском участке владельцем ночного клуба неким Джеком Руби, позже умершим в тюремном госпитале.

Ли Харви Освальд, как служащий книгохранилища техасской школы, имел доступ к окну на шестом этаже, откуда было очень удобно вести снайперский огонь. Во время прохождения кортежа автомобилей Освальд выстрелил два или три раза (согласно различным версиям), застрелив Кеннеди и серьезно ранив губернатора штата Техас Джона Б. Коннели, который сидел в роскошном лимузине прямо перед президентом. В статье, посвященной случившемуся и опубликованной в «Нью-Йорк тайме» в 1988 году, Филипп Шенон писал: «Прошло четверть века с тех пор, как на Дилей Плаза в Далласе раздались выстрелы, смертельно ранившие президента, но исследователи, ученые и общественность, кажется, так и не пришли к единодушному мнению об обстоятельствах убийства Джона Кеннеди. Многим исследователям события 22 ноября 1963 года ясно одно: они никогда не смогут точно узнать, что произошло в тот день и почему».

После выстрела Освальд спрятал винтовку и не спеша покинул здание. Он пришел домой, достал пистолет и снова вышел на улицу. Когда его остановил далласский полицейский Дж. Т. Типпит, Освальд выстрелил в него четыре раза, прошел в кинотеатр, но был задержан. Увидев полицейских, он пытался сопротивляться, но пистолет дал осечку.

Освальд отрицал, что убил президента и Типпита, хотя несколько свидетелей опознали в нем стрелявшего в последнего, а отпечатки его пальцев обнаружены на винтовке, из которой произведен смертельный выстрел в Кеннеди.

Жизнь Освальда, что называется, не складывалась: он уволился из морского флота в связи с увечьем матери, но недолго пробыл дома, помогая ей, уехал в Советский Союз и попытался отказаться от американского гражданства. Когда его уведомили, что срок визы истекает и что

через два часа он должен покинуть Москву, Освальд пытался покончить жизнь самоубийством. В конце концов ему разрешили остаться. Он устроился на работу и познакомился с русской женщиной Мариной, на которой вскоре женился. После двух с половиной лет Освальд, устав от однообразия советской жизни, решил вернуться в Америку вместе с женой и маленькой дочерью, получил ссуду от госдепартамента США и осел в Новом Орлеане, где присоединился к столь различным политическим группировкам, как правая «Китайское лобби», левая прокубинская «Честная игра», Коммунистическая партия и ее злостный враг Троцкистская социалистическая рабочая партия. Известно о его связях с людьми, занимавшимися поставками денег и оружия из ЦРУ в войска, осуществляющие карательные операции. Таким образом, Освальд мог быть и советским шпионом, и агентом ЦРУ, и просто сумасшедшим.

Но ему не суждено было дать показания, ибо через два дня после ареста — во время перевозки в окружную тюрьму — его уложил наповал Джек Руби.

Тогда, в ноябре 1963 года, все, в том числе и в США, задавали себе вопрос, как могло случиться, что опытная секретная служба Соединенных Штатов, которой поручено охранять президента, допустила столько легкомыслия и ошибок, не сумев предотвратить его трагического убийства? Как могло случиться, что единственный американец, схваченный за якобы совершенное им преступление, был тут же прикончен буквально на глазах у всех и, естественно, уже не мог дать никаких показаний?

29 ноября 1963 года приказом президента Джонсона была учреждена специальная комиссия по расследованию обстоятельств убийства президента Кеннеди. Во главе комиссии, состоявшей из семи человек (двух сенаторов, двух членов палаты представителей, бывшего руководителя ЦРУ Аллена Даллеса и банкира Джона Макклоя), был поставлен председатель Верховного суда США Эрл Уоррен. Почти десять месяцев продолжалась работа комиссии Уоррена. Основной ее задачей, согласно указанию Джонсона, было установить факты, имевшие место во время убийства Кеннеди и последующего убийства Освальда. 24 сентября 1964 года комиссия Уоррена представила Белому дому пространный доклад, допросив 552 свидетеля. Основной вывод комиссии гласил, что выстрелы, явившиеся причиной смерти президента Кеннеди, были сделаны американцем Ли Харви Освальдом. Комиссия также пришла к выводу, что убийство президента не было делом рук какой-либо группы заговорщиков и что Освальд действовал в одиночку. Такова официальная версия об убийстве Джона Кеннеди.

Но как считают многие в США, расследование не было в достаточной степени ни скрупулезным, ни беспристрастным. Далеко не всех американцев удовлетворил 27-томный доклад комиссии Уоррена, и не всем он показался убедительным.

Правоохранительные органы Далласа подверглись резкой критике, и даже с течением времени все отказываются поверить в то, что они действовали так неумело. Очевидно, они либо участвовали в заговоре, либо способствовали «заметанию следов». Вслед за тем приверженцы версии заговора нашли свидетельство наличия второго снайпера — фильм, снятый Абрахамом Запрудером любительской кинокамерой.

Согласно их исследованию, в Кеннеди попала одна пуля, а в губернатора Коннели — другая, значит; был еще один снайпер, поскольку Освальд не мог столь быстро перезарядить винтовку. Принимая во внимание данное обстоятельство, комиссия Уоррена заключила: пуля, попавшая Кеннеди в шею, попала и в Коннели, но не все приняли подобную точку зрения, исходя из траектории ее полета. Сам Коннели настаивал на ранении другой пулей. Криминалисты и журналисты не придали большого значения его заявлению, ибо меньше всего можно полагаться на воспоминания потерпевшего в столь драматической ситуации.

Возникло множество версий о сообщниках или «хозяевах» Освальда. Одни заявляли, что заговором руководил КГБ, другие— что агенты Кастро либо члены профсоюза водителей грузовиков, возглавляемого Джимми Хоффом, который ненавидел министра юстиции Роберта Ф. Кеннеди и решил путем устранения президента ослабить власть брата. Третьи считали виновником мафию, руководимую консерватором нефтепромышленником Х.Л. Хантом; ЦРУ или ФБР. Сторонники версии заговора предполагали даже, будто между отправкой тела Кеннеди из Далласа и доставкой его на вскрытие в Вашингтон заговорщикам удалось вынуть тело из гроба и хирургическим путем изменить раны, чтобы создать впечатление об их появлении от выстрела сзади, а не спереди; в то же самое время их сообщники подложили пулю

из винтовки Освальда на носилки губернатора Коннели в больнице Парклэнд-мемориал в Далласе.

По другой версии американская мафия, которая будто бы помогала Кеннеди-кандидату завоевать голоса избирателей в ходе президентских выборов, сама же и убрала Кеннеди-президента.

В середине 1970 года поток критики в адрес комиссии Уоррена привел к выбору нижней палатой конгресса Комитета по политическим убийствам. Хотя члены комитета находили противоречия в выводах комиссии Уоррена, они согласились со многими пунктами ее заключения, признав, что Типпита застрелил Освальд и что пуля, прошедшая через шею Кеннеди, также ранила Коннели. Экспертизы, проведенные на осколках, извлеченных из запястья Коннели, и самой пули, упавшей с носилок, подтвердили это.

Однако комитет получил новые, ранее неизвестные сведения: ЦРУ и мафия намеревались устранить Фиделя Кастро. Теперь ЦРУ, да и мафию тоже вполне можно было обвинить в сокрытии преступления из-за боязни огласки компрометирующей информации. Мог быть привлечен Кастро из чувства мести, а через него — Советский Союз. В конце концов комитет отклонил возможность участия Кастро и ЦРУ. Председатель комитета Стоукс встретился с Фиделем. «Я прямо спросил его об этом, и он ответил: „Послушайте, я должен быть сумасшедшим, чтобы убить президента Соединенных Штатов. Они бы стерли мою маленькую страну с лица земли“. Стоукс добавил: „Я поверил ему. Кастро слишком умен, чтобы быть замешанным в таком деле“. Комитет услышал еще одно свидетельское показание: Джек Руби и сам Освальд имели контакты с представителями организованной преступности. Однако в целом он был готов подтвердить заключение комиссии Уоррена, не найдя достаточно веских аргументов о наличии заговора.

В октябре 1976 года в США стал бестселлером номер журнала «Ясерис», посвященный одной-единственной проблеме: «Кто убил Дж. Кеннеди?» В журнале ставились вопросы, на которые до сих пор нет ответа. В частности, в нем говорилось о расхождениях между докладами ФБР и комиссии Уоррена. Журнал назвал расследование, проведенное комиссией Уоррена, «самой мощной операцией по сокрытию преступления» (17 свидетелей комиссии, дававших показания ее членам, за три года умерли при довольно подозрительных обстоятельствах или просто были убиты).

Механика подобного сокрытия была прекрасно показана в фильме американского режиссера О. Стоуна «Дж. Ф.К.» (инициалы Джона Фитцджеральда Кеннеди), вышедшем на экраны в 1991 году. Фильм рассказывает о неудавшейся попытке новоорлеанского прокурора Дж. Гаррисона провести процесс по обвинению одного из бизнесменов в организации заговора с целью убийства президента.

В 1987 году Министерство юстиции наконец закрыло расследование, присоединившись к выводу комиссии Уоррена, чем спровоцировало очередные слухи, в основном вращающиеся вокруг мафии. Их поддержал Роберт Блэки — главный советник Комитета по политическим убийствам — в книге «Заговор с целью убийства президента», написанной в соавторстве с Ричардом Н. Биллин-гом после выпуска отчета комитета в конце 1978 года. Книга появилась до вынесения последнего акустического заключения, но Блэки — профессор права университета Нотр Дам — продолжал верить в существование второго бандита, который выстрелил, но промахнулся. Слухи о мафии продолжали расти и в конце 80-х годов нашли отражение в двух книгах: «Сговор с Америкой» Дэвида Е. Шима и «Акула мафии: Карлос Марселло и убийство Джона Ф. Кеннеди» Джона Г. Дэвиса, биографа семей Кеннеди и Гугенгейм. Оба писателя пришли к противоречивым выводам, но вызвали большой интерес читателей. Книга Джеймса Рестона «Большие надежды Джона Коннели» привлекла меньше внимания. В ней автор предполагает, что Освальд целился не в Кеннеди, а в губернатора из кровной мести…

На Западе, в том числе и в США, появились многочисленные статьи и целые исследования, авторы которых считают, что загадка убийства Джона Кеннеди все еще не разгадана. Об этом во всеуслышание заявляют ученые и юристы, журналисты и историки.

КРЕМЛЕВСКИЙ ЗАГОВОР ПРОТИВ ХРУЩЕВА

СССР. 1964 год

Неопределенные слухи о растущем недовольстве политикой Хрущева стали распространяться в высших эшелонах власти уже в конце 1963 года. Видимо, тогда же в его окружении стали появляться и мысли о возможном отстранении Хрущева. Тем более что обиженных им было немало.

В 1962—1963 годах самыми близкими к Хрущеву людьми были Брежнев, Подгорный, Козлов и Шелепин. Брежнев, являясь вторым секретарем ЦК, в отсутствие Хрущева вел заседания Президиума и Секретариата ЦК КПСС. В этом ближайшем окружении Хрущева и начал постепенно вызревать замысел заговора.

Все эти люди отражали интересы номенклатуры, недовольной постоянными кадровыми перестановками, покушением на привилегии. Некоторые историки полагают, что определяющим стало решение Хрущева разделить партийные комитеты на промышленные и сельские. Новшество было принято в штыки. Как можно делить орган власти и противопоставлять одну часть аппарата другой? То ли Хрущев задумал нанести удар по функционерам, то ли вообще размышлял о возможности создания двух партий. Аппарат постепенно приходил к выводу, что лидер-реформатор — это смертельная опасность для него.

Особенно обеспокоила партноменклатуру речь Хрущева на пленуме ЦК в июле 1964 года, наполненная резкими выпадами и даже угрозами по адресу местных партийных органов в связи с провалами в сельском хозяйстве. И содержание, и тон выступления показали, что Хрущев готов к новым непредвиденным шагам, что он становится все более непредсказуемым. А вскоре на места поступила записка Хрущева от 18 июля: он предлагал исключить всякое вмешательство партийных органов в экономическую деятельность колхозов и совхозов.

Хрущев был по-прежнему энергичен и физически крепок, допоздна засиживался в своем кремлевском кабинете. Но постепенно копилась усталость, не столько даже физическая, сколько моральная, психологическая Он видел, что далеко не все из обещанного удается осуществить. Помощник Хрущева А. Шевченко вспоминает, как тот говорил в феврале 1964 года: «Чертовски устал! Вот 70 лет стукнет в апреле, надо или отказаться от всех постов, или оставить за собой что-нибудь маленькое». По мнению помощника, Хрущев действительно собирался уходить, потому что был на пределе. Да и выступая на заседании Президиума ЦК в день своего смещения, Хрущев сказал: «Я давно думал, что мне надо уходить».

17 апреля 1964 года Хрущеву исполнилось 70 лет. Юбиляру присвоили звание Героя Советского Союза. На торжественном обеде в Георгиевском зале Кремля все выступавшие говорили о крепком здоровье Хрущева и желали ему многих лет плодотворной работы на благо партии и советского народа.

Некоторые из активных участников смещения Хрущева позднее в своих интервью не раз говорили о том, что никакого заговора не было, а все осуществлялось в «рамках партийной демократии». Однако если все осуществлялось в рамках партийной демократии, то почему инициаторы смещения Хрущева так опасались разоблачения?! Почему в такой шок повергли их слова Хрущева: «Что-то вы, друзья, против меня замышляете?» Егорычев вспоминает, как был тогда напуган Брежнев: «Коля, Хрущеву все известно. Нас всех расстреляют». Спасло их лишь то, что самонадеянный Хрущев не принимал всерьез доходящую до него информацию о заговоре.

Кто же играл главную роль в подготовке смещения Хрущева? Называют фамилии Брежнева, Подгорного, Шелепина, Семичастного, Суслова, Игнатова. Хотя, конечно, в итоге вся руководящая политическая элита была вовлечена в заговор: создавалась ситуация «коллективной ответственности».

Сергей Хрущев свидетельствует, что по данным охранника Игнатова по фамилии Галюков, «Брежнев, Подгорный, Полянский, Шелепин, Семичастный уже почти год тайно подготавливали отстранение отца от власти. В отличие от самонадеянных Маленкова, Молотова и Кагановича, рассчитывавших в 1957 году лишь на поддержку членов Президиума ЦК, на сей раз все обставили обстоятельно. Под тем или иным предлогом переговорили с большинством членов ЦК, добились их согласия. Одни поддержали сразу: перестройки, перестановки им давно надоели. Других понадобилось уговаривать, убеждать, а кое-кого

подталкивать ссылками на сложившееся большинство».

В тайной политической борьбе объединились такие непохожие люди, как Н. Подгорный и А. Косыгин, М. Суслов и А. Шелепин, К. Мазуров и Д. Полянский. Но у них, этих непохожих, отныне была общая цель и один противник. Идея заговора объединяла даже В. Мжаванадзе, первого секретаря ЦК КП Грузии, и А. Шелепина, которые до этого не испытывали друг к другу симпатий.

1964 год стал годом особенно интенсивных поездок Хрущева по стране и за ее пределы. За девять месяцев этого года он 135 дней провел в поездках. Все это вызывало недовольство правящей элиты. Хрущев также предложил провести новую реформу управления сельским хозяйством. Свои идеи по этому поводу он изложил в записке от 18 июля, которую разослал по областным комитетам партии и ЦК компартий союзных республик. Обсуждение этой очередной реорганизации предполагалось провести на пленуме ЦК в ноябре.

В сентябре 1964 года, когда многие из заговорщиков находились на юге на отдыхе, были обсуждены все детали смещения Хрущева. Принимал их тогдашний первый секретарь Ставропольского крайкома Ф. Кулаков. В начале октября 1964 года Хрущев отправился на отдых в Пицунду. Аджубей свидетельствует: Хрущев знал, что один руководящий товарищ, разъезжая по областям, прямо заявляет: «Надо снимать Хрущева». Видимо, имелся в виду Игнатов, тогдашний глава Президиума Верховного Совета РСФСР, один из самых активных участников заговора, который в то время чуть ли не в открытую сколачивал антихрущевский блок.

12 октября в Кремле собрался Президиум ЦК. Председательствовал на нем Брежнев. Было решено обсудить на заседании Президиума некоторые вопросы нового пятилетнего плана с участием Хрущева, а также отозвать с мест записку Хрущева от 18 июля 1964 года «с путаными установками „О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации“.

Впрочем, судя по воспоминаниям первого секретаря ЦК КП Украины П. Шелеста, тогда вопрос «снимать — не снимать» Хрущева не ставился. Речь шла о том, чтобы пригласить его и откровенно поговорить. Наконец, решили, что Брежнев позвонит в Пицунду и пригласит Хрущева в Москву.

Заговорщики учли печальный опыт «антипартийной группы» 1957 года, когда, сняв Хрущева 18 июня, «маленковцы» собирались сообщить об этом в партийной печати и по радио, однако встретили отказ. Им ответили, что средства массовой информации подчиняются Первому секретарю ЦК и его аппарату, а не Президиуму ЦК. Поэтому накануне свержения Хрущева главный редактор «Правды» Г. Сатюков и председатель Гостелерадио М. Харламов были отправлены в зарубежные командировки, а главный редактор «Известий» А. Аджубей и секретарь ЦК по идеологии Л. Ильичев находились в поездке по стране. Накануне главных событий участники «дворцового переворота» поставили своих людей на ключевых постах в средствах массовой информации. Председателем Гостелерадио был назначен Н. Месяцев, а руководителем ТАСС —Д. Горюнов. Оба они были доверенными лицами Шелепина.

Когда днем 13 октября Хрущев прилетел в Москву, его встретили только председатель КГБ Семичастный и секретарь Президиума Верховного Совета СССР Георгадзе. «Где остальные?» — спросил Хрущев. — «В Кремле». — «Они уже пообедали?» — «Нет, кажется, Вас ждут». Семичастный свидетельствует, что Хрущев был спокоен; видимо, ни о чем не подозревал.

Протокол заседания Президиума ЦК 13 октября не вели. Выступили все члены Президиума. Говорили очень резко, что Хрущев игнорирует принцип коллективного руководства, проявляет самодурство, допустил много ошибок. И каждый из выступавших предлагал отстранить Хрущева от руководства.

Шелепин вспоминает, что выступил по следующим пунктам. Во-первых, критика сельскохозяйственной политики Хрущева. Во-вторых, неправомочное разделение партийных и советских органов на промышленные и сельские. В-третьих, что сыну Хрущева — Сергею — были совершенно неправильно присвоены звания Героя Социалистического Труда и лауреата Государственной премии. Говорил он также о крупных внешнеполитических ошибках, в результате чего страна трижды стояла на грани войны (Суэцкий, Берлинский и Кубинский

кризисы).

Для Хрущева все это оказалось неожиданным Вначале он вел себя достаточно самоуверенно, перебивал выступающих, бросал язвительные реплики. Но вскоре ему стало ясно, что все заранее предрешено, и он сник. На этом заседании Хрущеву пришлось выслушать немало резких слов.

Вот примерное содержание заключительного выступления Хрущева на заседании Президиума ЦК, которое Шелепин по своим сохранившимся записям надиктовал на магнитофон Н. Барсукову в мае 1989 года:

«Вы все здесь много говорили о моих отрицательных качествах и действиях и говорили также о моих положительных качествах, и за это вам спасибо Я с вами бороться не собираюсь, да и не могу. Я вместе с вами боролся с антипартийной группой. Вашу честность я ценю. Я по-разному относился к вам и извиняюсь за грубость, которую допускал в отношении некоторых товарищей. Извините меня за это. Я многого не помню, о чем здесь говорили, но главная моя ошибка состоит в том, что я проявил слабость и не замечал порочных явлений Я пытался не иметь два поста, но ведь эти два поста дали мне вы! Ошибка моя в том, что я не поставил этот вопрос на XXII съезде КПСС. Я понимаю, что я за все отвечаю, но я не могу все читать сам… ,

О Суэцком кризисе. Да, я был инициатором наших действий. Гордился и сейчас этим горжусь.

Карибский кризис. Этот вопрос мы обсуждали несколько раз и все откладывали, а потом направили туда ракеты.

Берлинский кризис. Признаю, что я допустил ошибку, но вместе с тем горжусь тем, что все так хорошо закончилось.

В отношении разделения обкомов партии на промышленные и сельские. Я считал и сейчас считаю, что решение об этом было принято правильно.

Я понимаю, что моей персоны уже нет, но я на вашем месте сразу мою персону не сбрасывал бы со счетов. Выступать на пленуме ЦК я не буду. Я не прошу у вас милости. Уходя со сцены, повторяю: бороться с вами не собираюсь и обмазывать вас не буду, так как мы единомышленники. Я сейчас переживаю, но и радуюсь, так как настал период, когда члены Президиума ЦК начали контролировать деятельность Первого секретаря ЦК и говорить полным голосом. Разве я — «культ»? Вы меня кругом обмазали г…, а я говорю: «Правильно». Разве это «культ»? Сегодняшнее заседание Президиума ЦК — это победа партии. Я давно думал, что мне надо уходить. Но жизнь — штука цепкая. Я сам вижу, что не справляюсь с делом, ни с кем из вас не встречаюсь. Я оторвался от вас. Вы меня за это здорово критиковали, а я и сам страдал из-за этого…

Я благодарю вас за предоставляемую мне возможность уйти в отставку. Прошу вас, напишите за меня заявление, и я его подпишу. Я готов сделать все во имя интересов партии. Я сорок шесть лет в партии состою — поймите меня! Я думал, что, может, вы сочтете возможным учредить какой-либо почетный пост, но я не прошу вас об этом. Где мне жить — решите сами. Я готов, если надо, уехать куда угодно. Еще раз спасибо вам за критику, за совместную работу в течение ряда лет и за вашу готовность дать мне возможность уйти в отставку».

В постановлении Президиума ЦК, датированном 13—14 октября 1964 года, говорилось: «Признать, что в результате ошибок и неправильных действий тов. Хрущева, нарушающих ленинские принципы коллективного руководства, в Президиуме ЦК за последнее время создалась совершенно ненормальная обстановка, затрудняющая выполнение членами Президиума ЦК ответственных обязанностей по руководству партией и страной». Хрущев обвинялся в том, что он проявляет нетерпимость и грубость к товарищам по Президиуму и ЦК, пренебрежительно относится к их мнению и допустил ряд крупных ошибок в практическом осуществлении линии, намеченной решениями XX, XXI и XXII съездов партии.

Как вспоминает П. Шелест, Хрущев будто бы хотел обратиться с просьбой к пленуму, но ему не разрешили!

«Я понимаю, — говорил Хрущев, — что это последняя моя политическая речь, как бы сказать, лебединая песня. На Пленуме я выступать не буду. Но я хотел бы обратиться к Пленуму с просьбой…»

Не успел он договорить, как ему в категорической форме Брежнев ответил: «Этого не будет». После чего Хрущев сказал. «Очевидно, теперь будет так, как вы считаете нужным, — при этом у него на глазах появились слезы. — Ну что же, я готов ко всему. Сам думал, что мне надо было уйти, ведь вопросов много, а в мои годы справиться с ними трудно. Надо двигать молодежь. О том, что происходит сейчас, история когда-то скажет свое веское правдивое слово.

Сейчас я прошу написать заявление о моей отставке, и я его подпишу. В этом вопросе я полагаюсь на вас. Если вам нужно, я уеду из Москвы».

Днем 14 октября 1964 года начался Пленум ЦК. Его открыл Брежнев, объявив, что на повестку дня поставлен вопрос о ненормальном положении, сложившемся в Президиуме ЦК в связи с неправильными действиями Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева. Затем с большим докладом выступил М. Суслов. Он отметил, что в последнее время в Президиуме и ЦК сложилось ненормальное положение, вызванное неправильными методами руководства партией и государством со стороны товарища Хрущева. Нарушая ленинские принципы коллективного руководства, он стремится к единоличному решению важнейших вопросов партийной и государственной работы.

За последнее время, говорил Суслов, даже крупные вопросы Хрущев решал по сути дела единолично, грубо навязывая свою субъективистскую, часто совершенно неправильную точку зрения. Он возомнил себя непогрешимым, присвоил себе монопольное право на истину. Всем, кто делал замечания, неугодные Хрущеву, он высокомерно давал всевозможные пренебрежительные и оскорбительные клички, унижающие человеческое достоинство. В итоге коллективное руководство становилось фактически невозможным. К тому же товарищ Хрущев систематически занимается интриганством, стремясь поссорить членов Президиума друг с другом. О стремлении товарища Хрущева уйти из-под контроля Президиума и ЦК свидетельствует и то, что за последние годы у нас проводились не Пленумы ЦК, которые бы собирались для делового обсуждения назревших проблем, а Всесоюзные совещания с участием до пяти-шести тысяч человек, с трибуны которых звучали восхваления в адрес товарища Хрущева.

Все это время Хрущев просидел, опустив голову, за столом Президиума. А вернувшись во второй половине дня домой, сказал: «Все… В отставке…»

Шелепин вспоминает, что после окончания Пленума в комнате для членов Президиума ЦК Хрущев попрощался с каждым из них за руку. Шелепину он сказал: «Поверьте, что с вами они поступят еще хуже, чем со мной».

Судя опять же по последующим воспоминаниям, многих удивляло то обстоятельство, что не стали открывать прения. Почему9 В. Семичастный полагает, что некоторые из членов Президиума попросту этого боялись: наряду с Хрущевым, могло достаться и Подгорному, и Полянскому, и Суслову, да и другим. «А когда начали голосовать, — вспоминает Семичастный, — началось сзади: „Исключить! Под суд отдать!“ Это самые ярые подхалимы. Я вот так, сидя в зале, наблюдал — кто больше всех подхалим, тот больше всех кричал: „Исключить!“ и „Под суд отдать!“ Но сам процесс был нормальный. Проголосовали, все как полагается. Единогласно».

Когда стало ясно, что смещение Хрущева прошло спокойно и сравнительно безболезненно, Брежнев был очень доволен: он благодарил соратников, а для близких друзей устроил роскошный ужин. Хрущеву же самолично определил круг привилегий: 1) пенсию в 500 рублей; 2) кремлевскую столовую и поликлинику; 3) дачу в Петро-Дальнем и городскую квартиру; 4) персональную машину. Есть свидетельства, что Брежневу предлагали подвергнуть Хрущева резкой критике в партийных организациях и печати, но он отказался.

Так был низвергнут с политического Олимпа один из самых интересных, незаурядных и противоречивых правителей советской эпохи.

ПЕРЕВОРОТ «ЧЕРНЫХ ПОЛКОВНИКОВ»

Греция. 21 апреля 1967 года

В 1967 году в результате военного переворота в Греции установился тоталитарный режим,

просуществовавший семь лет. В данном случае диктатуру олицетворяет не какая-то одна «сильная» личность, а целый ряд офицеров. Вот имена главных героев: К. Пападопулос, Паттакос, Кардамакис, Нацинас, Гогу-сис, Веллиос, Хаджипетрос, Макарезос, Мексис.

К середине 60-х годов в Греции наблюдался кризис власти: постоянные конфликты между королем Константином, взошедшим на престол после смерти своего отца короля Павла в 1965 году, и парламентом приводили к частой смене кабинета министров, а это вело к нестабильности в обществе. В отличие от Павла, умело лавировавшего между различными политическими партиями и имевшего хорошие контакты с руководством армии, Константин оказался неспособен существенно влиять на расстановку сил в стране.

15 июля 1965 года король грубо отстранил с поста премьер-министра Па-пандреу, лидера Союза центра, и назначил на этот пост лидера правых сил Е. Афанасладиса-Новаса.

Дворцовый переворот натолкнулся на решительное сопротивление. 70 дней не прекращались бурные демонстрации протеста. Вершиной этих выступлений явилась политическая забастовка 27 июля, в которой приняли участие 50 тысяч человек. Основные требования бастующих заключались в следующем: восстановить конституционные и профсоюзные свободы.

17 сентября 1965 года отколовшемуся от Союза центра правому крылу во главе со С. Стефанопулосом удалось сформировать правительство, получившее в парламенте вотум доверия большинством в один голос. В состав правительства вошли деятели, которые опирались исключительно на поддержку военных и королевского двора.

«Дворцовый переворот» 1965 года в Греции вызвал полосу политической нестабильности в стране, что отрицательно сказалось и на экономике. Власть сконцентрировалась в руках военных и королевского двора. Все больше стала проявляться тенденция к установлению открытой военной диктатуры. Правительство С. Стефанопулоса 21 декабря 1966 года ушло в отставку. Новый кабинет во главе с председателем Национального банка И. Параскевопулосом должен был подготовить такие условия для проведения парламентских выборов, которые бы обеспечили Национальному радикальному союзу уверенную победу.

В начале 1967 года развитие политического кризиса в Греции достигло крайней остроты. Правительство было не в состоянии справиться с растущим недовольством, а оппозиционные силы не могли решительно повернуть развитие событий в нужную сторону. На фоне такого шаткого равновесия королевский двор и лица, финансирующие его, готовились навязать военную диктатуру при помощи хунты генералов. Одновременно хунта греческих полковников готовила военный переворот на основе плана НАТО.

В годы оккупации на Ближнем Востоке был создан Союз молодых офицеров (САН) открыто промонархической направленности: Организация эта впоследствии была расширена и переименована в Священный союз греческих офицеров (ИДЕА). Явные диктаторские устремления лидеров Союза скрывались под лозунгами «национальных идеалов». Руководители Союза культивировали среди младших членов представление о том, что вступление в эту организацию означало для них приобщение к кругу избранных и таким образом открывало путь для скорейшего зачисления в офицерский корпус.

Все эти факторы позволили некоторым политическим наблюдателям предсказывать скорое установление диктатуры, которая только и способна разрешить сложившиеся проблемы. Метод решения политического конфликта с помощью диктатуры неоднократно применялся в Греции в XX веке. Так, в 1923 году была установлена диктатура Н. Пластираса, в 1925 году генерал Т. Пангалос осуществил государственный переворот, в 1936 году к власти пришел генерал И. Метаксас, в 1953 году — А. Папагос.

Официальные лица, однако, отрицали возможность установления в стране диктатуры, считая, что время военного правления в Европе прошло. Народ готов даже пожертвовать жизнью в защиту своих свобод. Армия же будет защищать народ.

30 марта 1967 года Национальный радикальный союз (ЭРЭ) спровоцировал правительственный кризис, в результате которого правительство И. Параскевопулоса ушло в отставку. 3 апреля король вручил лидеру ЭРЭ П. Канеллопулосу мандат на формирование правительства с правом роспуска парламента и проведения досрочных выборов, если оно не получит вотума доверия. Правительство Канеллопулоса не только не получило поддержки

большинства членов парламента, но и натолкнулось на осуждение всех парламентских фракций. 14 апреля парламент был распущен и на 28 мая назначены парламентские выборы.

Вскоре стало ясно, что оппозиция наверняка выиграет выборы. В этой ситуации в кругах генералитета и королевского двора видели единственным выходом из политического кризиса установление диктатуры.

20 февраля 1967 года король отдал приказ генералу Спандидакису, начальнику Генерального штаба, готовить переворот. Об этом приказе знали высшие офицеры: К Колиас, командующий первым армейским корпусом, И. Манетас, командующий 2-м корпусом, Г. Зоитакис, командующий 3-м корпусом, Х. Па-падопулос, командующий вооруженными силами на островах, О. Ангелис, заместитель начальника генерального штаба, и некоторые другие.

На Высшем военном совете, возглавившем переворот, Спандидакис и другие генералы проявили нерешительность в отношении даты проведения переворота. Одни называли 2 апреля, другие — 23 апреля, а третьи даже 28 мая — дату проведения парламентских выборов. Видя эти колебания и нерешительность, представители малой хунты полковников и их сторонники назначили выступление на 21 апреля, и Спандидакис, который заигрывал с обеими хунтами генералов и полковников, полностью солидаризировался с ними.

В ночь с 20-го на 21-е апреля 1967 года хунта полковников пустила в действие натовский план «Прометей», который предусматривал немедленное вступление в действие вооруженных сил в случае возникновения угрозы войны с социалистическими странами или «коммунистического восстания».

Ранним утром 21 апреля 1967 года жители Афин были разбужены шумом танков, двигавшихся по городу, а радио уже передавало обращение полковника Г. Пападопулоса к греческому народу, в котором он сообщал, что в стране произошла революция. Но это был государственный переворот. К власти пришло военное правительство во главе с Пападопулосом, управлявшее страной вплоть до 1974 года. Сами военные назвали переворот «Революцией 21 апреля, призванной вывести страну из состояния хаоса и разрухи».

Переворот произошел бескровно, жители Греции пассивно отнеслись к установлению военной диктатуры. С одной стороны, такая реакция была вызвана страхом перед новым правительством, которое с первых часов начало арестовывать людей, симпатизировавших левым, а с другой — объяснялось тем, что греки устали от постоянных политических кризисов на протяжении последних 10 лет и связывали с военными надежды на установление стабильности.

Из всех представителей «дохунтовского» политического мира только король Константин совершил попытку открыто выступить против режима. Подготавливая план контрпереворота, Константин обратился за помощью к представителям старого истэблишмента — Г. Папандреу и П. Канеллопулосу Оба согласились поддержать короля, хотя и понимали, что шансов на победу у него почти нет Военное правительство было прекрасно осведомлено о готовившемся контрперевороте и даже само спровоцировало его, представив 12 декабря 1967 года королю ультиматум, по которому он должен был уволить премьер-министра К Коллиаса и назначить на его место Пападопулоса.

Утром 13 декабря король и премьер-министр отправились в Кавалу, которая должна была стать центром переворота Само восстание планировалось начать в Ларисе, где были сосредоточены военно-воздушные силы страны, в рядах которых было максимальное количество верных Константину людей. Одновременно генерал Манетас должен был захватить пост начальника генерального штаба греческой армии. Он был арестован, а сообщение о перевороте было передано в Афины. Король обратился к греческому народу по радио и призвал греков к восстанию. Но войска остались на стороне Пападопулоса, восстание было подавлено, а сам король отправился в добровольное изгнание в Рим, откуда больше не вернулся.

На следующий день полковники сами выступили по Афинскому радио с заявлением. Из него следовало, что переворот пыталась осуществить «криминальная конспиративная организация, целью которой являлось уничтожение государства и законного порядка Заговорщики использовали короля для удовлетворения своих глупых амбиций» Таким образом, полковники официально не обвинили короля в попытке контрпереворота, оставив его номинально главой государства. Официально военное правительство демонстрировало

преданность монархии: в правительственных кабинетах были вывешены портреты членов королевской семьи, Синод греческой православной церкви отдал распоряжение продолжать молитвы за семью короля.

Военные понимали, что король не представляет существенной опасности режиму, но немедленное отстранение его от власти может повлечь новую волну протестов как со стороны европейских держав, так и внутри страны. Поэтому новое правительство предпочло объявить о ликвидации монархии законным способом — на референдуме 1973 года.

Официально военное правительство управляло страной коллегиально, но постепенно в стране начал складываться культ личности премьер-министра Греции — Пападопулоса. Он сконцентрировал в своих руках почти неограниченную власть, одновременно являясь премьер-министром, министром обороны и министром иностранных дел.

Георгиос Пападопулос родился в 1918 году в небольшой деревушке в северной части Пелопоннеса, в Морее. Отец Пападопулоса был сельским учителем. После окончания школы Пападопулос был отправлен в военную академию, поскольку родители не могли оплатить обучение в университете. Его карьера была успешной, полковник Пападопулос стал вторым человеком в Центральной службе информации и выступал в роли связного между американскими и греческими разведывательными органами, координировал деятельность греческой контрразведки и ЦРУ, накануне переворота занимал должность заместителя начальника Третьего бюро генерального штаба.

Профессиональный сотрудник спецслужб, Пападопулос был крайне осторожным и замкнутым человеком Обозреватель французской газеты «Монд» М Марсо описывал его так. «По своему внешнему виду, походке, почерку, манере разговаривать он напоминал скорее гражданское лицо, нежели военного, тем более лидера режима. Считается, что глаза — зеркало души, так вот, в его глазах читались подозрительность, тревога, мятежный дух».

Придя к власти вместе со своими соратниками и единомышленниками, считая себя одним из равных, к концу 60-х годов Пападопулос уже не сомневался, что он — единоличный правитель Греции.

Другой член «революционного комитета», Николас Макарезос, был очень жестким, хитрым и умным человеком. Одной из главных его черт являлось умение находить и претворять в жизнь новые, оригинальные идеи. Он всегда внимательно прислушивался к советам специалистов, оценивал их предложения с позиций эффективности. В течение долгого времени он работал военным атташе в греческом посольстве в Бонне, где посещал занятия по экономике и политологии. Макарезос отвечал за наиболее важное направление деятельности военного правительства — экономику. В этой области новое правительство стремилось завоевать доверие греков.

Третьим членом «триумвирата» стал Стилманос Паттакос. Он закончил военную академию вместе с Пападопулосом в 1940 году, четвертым выпускником, в последующие годы принимал участие во Второй мировой войне и гражданской, сражаясь против коммунистов. Как и большинство греков, Паттакос был очень религиозным человеком. Паттакос испытывал острую неприязнь к гражданским политикам, считая их лживыми, неискренними. В отличие от Пападопулоса, не расстававшегося с охраной ни на минуту, Паттакос редко пользовался услугами телохранителей. Он разъезжал по стране, выступал перед студентами, рабочими, регулярно посещал островную часть Греции. Паттакос часто заменял Пападопулоса, особенно во время выступления в закрытых помещениях, поскольку последний страдал клаустрофобией — боязнью замкнутого пространства. Речи Паттакоса всегда были эмоциональны, казалось, что он говорит искренне. Он редко шел на компромисс, и невозможно было представить, чтобы он мог сотрудничать с гражданскими чиновниками.

Полковники, однако, столкнулись с серьезной оппозицией внутри армии. Генералы и часть офицеров не готовы были идти на такую крайность, как установление диктатуры; плюс к тому их опередили и устранили в решительный момент действий.

Офицерский корпус делился не только на сторонников полковников либо генералов. После переворота выяснилось, что ряд офицеров сухопутных сил, большая часть офицеров военно-морского флота, военно-воздушных сил противодействовала перевороту; а позднее предприняли две попытки контрпереворота (одну попытку предприняла группировка,

сконцентрировавшаяся вокруг короля Константина в декабре 1967 года, вторую— экипаж миноносца «Велос» в декабре 1972 года).

Хунта сразу же после захвата власти вынуждена была прибегнуть к систематическим чисткам, чтобы изгнать из армии дух сопротивления и обеспечить беспрекословное подчинение и полную поддержку силы, которая установила саму диктатуру.

Чтобы обеспечить преданность офицеров, оставшихся в армии, хунта предоставила им многочисленные льготы. Офицерство после судовладельцев, банкиров и крупных предпринимателей стало наиболее привилегированным слоем общества. Одновременно на ключевые посты в армии были назначены наиболее доверенные лица. Быстро продвигались по служебной лестнице в первую очередь те, кто проявил особую активность в первые дни переворота.

Военные стремились установить контроль над всей жизнью страны. Представители хунты были направлены во все государственные, общественные и культурные учреждения, в университеты, молодежные и спортивные организации. Офицеры становились префектами и губернаторами провинций, на них возлагался контроль над печатью, кино и театром.

Этот этап истории Греции в зарубежной историографии трактовался как установление военной диктатуры, поскольку на протяжении семи лет правления военных не функционировал ни один демократический институт: придя к власти накануне парламентских выборов, новое правительство так и не провело их, все политические партии были запрещены, проведены массовые аресты, оппозиционеры отправлены в концентрационные лагеря, вся пресса находилась под жесточайшей цензурой, любое проявление инакомыслия немедленно подавлялось.

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ КАДДАФИ

Ливия. 1 сентября 1969 года

В 1964 году на берегу моря у небольшого селения Толмейта, в нескольких десятках километров от Бенгази, под руководством Муаммара Каддафи состоялся первый съезд молодых ливийских офицеров, разделявших лозунги египетской революции 1952 года: «Свобода, социализм, единство». Отсюда и название организации: «Свободные офицеры юнионисты-социалисты» (ОСОЮС). Ее центральный комитет принял решение начать всестороннюю подготовку к перевороту. Был определен так называемый кодекс поведения подпольщиков. «Во имя осуществления революционных идей» им запрещалось играть в карты, пить вино, посещать увеселительные заведения, рекомендовалось соблюдать религиозные обряды.

Члены Центрального комитета собирались сначала ежемесячно, но затем в целях конспирации были разделены на группы и начали действовать автономно. Состав групп и их задачи знал только сам Каддафи.

Вчерашние курсанты, получив офицерские звания, были направлены в войска для дальнейшего прохождения службы. Каддафи, Харруби, Могарейф, Рифи, Абдаррахман Сейид получили назначение в Бенгази. Джеллуд, Джабер, Ху-вейлди, Хуни — в Триполи, остальные — в другие гарнизоны страны. Связующим звеном подпольщиков остался Каддафи, который начал службу в войсках связи в военном лагере Гар Юнее, находившемся в четырех километрах от Бенгази. К нему поступала информация о деятельности групп, о положении в войсках, от него — указания по нелегальной работе, места явок, встреч. Фактически с этого времени, с 1965 года, начался этап непосредственной подготовки к военному перевороту.

Было создано два главных подпольных центра в Триполи и в Бенгази. Руководителем Триполийского центра был назначен Джеллуд, Бенгазийского — Могарейф.

К началу 1969 года лидеры подпольного оппозиционного движения почувствовали, что уже обладают достаточной силой, чтобы попытаться захватить власть. На их стороне была значительная часть молодых офицеров крупных гарнизонов, в стране нарастало общее недовольство иностранным присутствием и коррумпированным королевским режимом. ЦК ОСОЮС разработал детальный план переворота, руководители подпольных групп получили

приказ ждать условного сигнала. Однако выбрать время выступления оказалось не так-то просто.

Каддафи в своей «Истории революции» признает, что кроме внутренних факторов этому во многом мешало иностранное присутствие в Ливии, проводившийся западными специалистами «тотальный шпионаж» за всяким инакомыслием. Да и всего в нескольких километрах от королевского дворца в Триполи находилась американская военная база Уилус-филд, откуда король в любую минуту мог получить помощь.

Особо критическим для подпольщиков, ждавших сигнала, был период с марта по август 1969 года, когда дата их выступления несколько раз переносилась.

Во второй половине августа выяснилось, что король Идрис решил отправиться на лечение за границу. Это уже казалось странным, так как престарелый король никогда один без семьи в длительные вояжи не отправлялся. Среди офицеров поползли также слухи, что полковник Абдель Азиз Шелхи, занимавшийся реорганизацией армии с помощью 50 британских офицеров-инструкторов, признал на одном из совещаний, что намеревается отправить на учебу за границу значительную группу офицеров, в том числе и некоторых руководителей ведущих подпольных групп.

В то же время офицеры военной полиции, проходившие курс специальной подготовки в Англии, срочно отзывались в страну. Подпольщикам стало известно, что группа старших офицеров во главе с полковником Абдель Азизом Шелхи 15 сентября намеревается захватить власть. В случае успеха президентом должен был стать его брат Омар Шелхи, вице-президентом — Абдалла Абид ас-Сенуси (племянник короля), командующим вооруженными силами — сам Абдель Азиз Шелхи.

Учитывая расширение подпольного движения в армии, братья Шелхи решили часть молодых офицеров, нелояльных по отношению к режиму, отправить на учебу за границу. Срок выезда первой группы был назначен на 1 сентября. Заговорщики поняли, что пора действовать.

В ночь на 1 сентября в Ливии произошел государственный переворот.

«Возможно, я и играл доминирующую роль в нашем движении, но это было до часа „икс“, — вспоминал Каддафи. — После этого я, пожалуй, являлся скорее одним из рядовых участников переворота. 31-го оказался тогда в Бенгази, в казармах Гар Юнее. Начало выступления было назначено на 2 часа 30 минут утра одновременно по всей стране, за исключением самых дальних гарнизонов. Всем боевым группам была поставлена задача овладеть намеченными для них объектами не позднее 4 часов 30 минут.

Могарейф и Абдель Фаттах должны были захватить радиостанцию Бенгази и оттуда руководить операциями. Я должен был также передать в эфир наше первое коммюнике, заготовленное заранее, а также принять необходимые контрмеры на случай возможных осложнений (иностранная интервенция или попытки оказать сопротивление внутри страны).

В назначенное время, взяв с собой двух солдат, я в джипе направился к радиостанции. За мной последовала в автомашинах «группа захвата». По дороге какая-то колонна машин пересекла нам путь. Я остановился, чтобы выяснить, в чем дело. Оказалось, что Хар-руби, захватив казармы Бирка и взяв там командование в свои руки, решил направиться в полицейскую школу, чтобы нейтрализовать ее, так как там могло быть организовано сопротивление. Мы спокойно продолжали движение. И не опоздали. Радиостанция была захвачена в 4 часа утра. С высоты «своего» объекта я посмотрел на город и увидел, как от порта в сторону Бенгази идут колонны грузовиков с солдатами. Я понял, что наш план осуществляется…»

К дворцу кронпринца (он располагался на Суани-роуд, в четырех километрах южнее Триполи) прибыла группа заговорщиков из 25 человек во главе с Хувейлди. Через ворота и стену отряд проник в сад, затем в покои наследника короны. Везде было темно и тихо. Спавшая охрана не сделала ни одного выстрела. Заговорщикам показалось, что дворец пуст, а кронпринц находится где-то в другой из многочисленных резиденций. На некоторое время они даже прекратили поиски. Скоро к дворцу прибыла группа Харири на военных грузовиках.

Они быстро осмотрели дворец и тоже никого не нашли. Надо было ехать к другому объекту, к радиостанции. Один из солдат решил, однако, еще раз обойти королевские покои (к этому времени начало светать) и тут неожиданно натолкнулся на принца. Сбежав вниз, он

окликнул Харири и показал пальцем наверх. Харири понял, в чем дело, быстро поднялся и арестовал наследника престола. «Представляете, какая грозила бы нам опасность, если бы мы упустили кронпринца?»— восклицал позже Хувейлди. Нервы заговорщиков были на пределе, и они пришли в себя только тогда, когда захватили затем радиостанцию и стали ожидать диктора, за которым специально послали нарочного, но тот оказался строптивым и, хотя жил рядом, потребовал, чтобы за ним прислали автомашину…

Заговорщикам удалось захватить власть в главных городах страны — Бенгази и Триполи.

Но Каддафи знал, что этого недостаточно. Нужно было предусмотреть захват власти в таких важных городах, как Бейда, куда король в последние годы переносил правительственные учреждения и где находились большинство министров; Себха, являвшаяся столицей южной провинции Феццан; Дерна с ее важными правительственными учреждениями и крупными армейскими частями. Нужно было подумать о нейтрализации американской военно-воздушной базы Уилус-филд, расположенной в предместьях Триполи, и английской базы Эль-Адем, контролировавшей Тобрук и восточную часть страны, чтобы не дать правительствам США и Великобритании повод вмешаться во внутренние дела Ливии под предлогом защиты своих граждан. Надо было как-то обеспечить нормальную работу нефтепортов Сиртского залива, чтобы зарубежные нефтяные компании, действовавшие в Ливии, не пришли в движение. Наконец, надо было учесть возможности всех частей и гарнизонов, организовать взаимодействие и связь между ними.

Все это руководители заранее учли, расписали, довели до исполнителей и, главное, четко выполнили.

В эфир вышло известное «Коммюнике № 1», начинавшееся словами: «Граждане Ливии! В ответ на сокровенные чаяния и мечты, переполнявшие ваши сердца, в ответ на ваши непрестанные требования перемен и духовного возрождения, вашу длительную борьбу во имя этих идеалов, прислушиваясь к вашему призыву о восстании, преданные вам армейские силы взяли на себя эту задачу и свергли реакционный и коррумпированный режим».

Каддафи объявил новое название страны — Ливийская Арабская Республика, заверил, что будет руководствоваться принципами свободы, единства и социальной справедливости, и гарантировал всем гражданам равные права. Далее Каддафи сказал: «Все, кто был свидетелем священной борьбы нашего героя Омара аль-Мухтара за Ливию, арабизм и ислам! Все, кто сражался на стороне Ахмеда аш-Шерифа во имя светлых идеалов… Все сыны пустыни и наших древних городов, наших зеленых нив и прекрасных деревень — вперед!».

Каддафи обратился к «иностранным друзьям», которые находились в стране, с призывом продолжать свою деятельность, обещая им защиту со стороны вооруженных сил. Он отметил, что события в стране являются внутренним делом Ливии, не направлены против какого-либо государства и не затронут международные соглашения и договоры. До стабилизации власти на территории всей страны вводился комендантский час: были временно закрыты аэропорты и прерваны телефонная и радиосвязь.

«Под свободой, — говорил Каддафи, — мы понимаем такую индивидуальную и национальную независимость, которая исключает нищету, колониализм и присутствие на нашей земле иностранных войск и военных баз.

Под единством мы понимаем объединение всех арабских народов под руководством одного арабского правительства либо на основе федерации малых правительств, в зависимости от обстоятельств.

Под социализмом мы понимаем исламский социализм. Мы мусульмане. Мы следуем установлениям Корана, принципам частной собственности и наследования. Национальный капитал не только останется в руках тех, кто им владеет, но его деятельность будет даже поощряться в целях стимулирования развития страны».

Ливийское радио чередовало военные марши с программами новостей. Одним из первых было сообщение о создании высшего органа государственной власти — Совета революционного командования (СРК). Однако его состав обнародовать не спешили. Большинство наиболее видных участников восстания продолжали бороться за укрепление нового режима, за распространение его влияния на всю страну.

Итак, 1 сентября 1969 года в Ливии пал монархический режим. По свидетельству

очевидцев, в первые послереволюционные дни многие ливийские города выглядели вполне обычно. Если бы не танки на улицах и многочисленные военные посты, перекрывшие основные магистрали и окружившие государственные учреждения, и не сообщение о свержении монархии, ничто не говорило бы о том, что в стране недавно был совершен государственный переворот. Он прошел почти бескровно. Уже во второй половине дня 1 сентября наследный принц отказался от своих прав и призвал народ поддержать революционный режим. Высшая военная верхушка и большинство министров, находившихся в Триполи, Бенгази, Бейде и Дерне, были арестованы. Незначительное сопротивление оказали гарнизоны Бейды и Дерны, где находились правительственные учреждения.

Во многих городах комендантский час был вскоре отменен. Воинские подразделения вернулись в свои казармы. Служащие государственных учреждений получили указание выйти на работу. Открылись магазины, кафе На базарах не менее бойко, чем при короле, развернулась торговля. Аэропорты возобновили прием самолетов из-за рубежа Была восстановлена связь с внешним миром.

8 сентября страна узнала имя первого премьер-министра революционного режима. Им стал Махмуд Сулейман аль-Магриби, участник гражданского крыла подпольного движения.

Только 13 сентября стало известно имя вождя революции, Муаммара Каддафи, получившего звание полковника. Он был назначен председателем СРК Состав же Совета революционного командования был официально объявлен только 10 января 1970 года.

Пока страна постепенно приходила в себя после революционного урагана, в Триполи, в Азизийских казармах, куда из Бенгази переместился штаб революции, члены Совета революционного командования разрабатывали политическую и экономическую программу нового режима.

Переворот, осуществленный ливийскими офицерами, оказался неожиданным и впечатляющим. Находившийся в то время в Турции на лечении король Ливии Идрис сначала отказался поверить сообщениям информационных агентств и пытался дозвониться до Триполи, где он оставил вместо себя кронпринца Хасана Ар-Рида. Телефон молчал, а во второй половине дня 1 сентября наследник сам объявил по радио о своем отречении от престола и призвал народ поддержать новый режим.

Однако король все еще не верил в случившееся. Он ждал вестей от преданного ему командующего жандармерией, в подчинении которого было 12 000 человек. Наконец, Идрис ждал вестей из Лондона, куда срочно направил своего эмиссара Омара Шелхи, поскольку на основании Англо-ливийского договора от 1953 года королевское правительство Великобритании должно было вмешаться и восстановить рухнувший трон. Но в английской столице аудиенция Шелхи у министра иностранных дел М Стюарта длилась 20 минут и была весьма холодной. Ничего не добился он и в Вашингтоне, куда отправился из Лондона. В госдепартаменте США ему прямо заявили, что американские инвестиции в Ливии, достигшие в 1969 году 1,5 млрд долларов, самые высокие в Африке и они ценнее, чем любые соглашения, подписанные с королевским правительством.

Новый режим первыми признали Ирак, Сирия, Судан, Египет. Всего несколько дней ждали в Триполи и признания со стороны ведущих европейских государств… Только теперь король понял, что монархия рухнула. Идрис отрекся от престола и, уехав в Египет, объявил, что считает себя обычным ливийским гражданином. Там же, в Египте, он умер 25 мая 1983 года в возрасте 93 лет…

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ ПИНОЧЕТА

Чили. 11 сентября 1973 года

11 сентября 1973 года в Чили произошел военный переворот. Это был не обычный мятеж гарнизонного типа, а отлично спланированная военная операция, в центре которой была осуществлена комбинированная атака с применением авиации, артиллерии и пехоты. Восставшими сразу же были заняты все государственные и правительственные учреждения. Офицеры, отказавшиеся поддержать путч, были расстреляны.

Военный переворот явился кульминацией политического процесса, продолжавшегося несколько месяцев. Из-за безответственной политики части блока Народного единства, возглавляемой экстремистским крылом Социалистической партии, в Чили разразился кризис. Страну стали сотрясать забастовки, массовые манифестации. Осенью 1972 года началась общенациональная забастовка владельцев грузового автотранспорта и торговцев. Крайне негативную позицию в отношении правительства Народного единства занимала администрация США, недовольная внутренней и внешней политикой президента Сальвадора Альенде, который быстро сближался с Кубой и Советским Союзом. Международные корпорации фактически установили экономическую блокаду Чили. Были закрыты внешние источники финансирования и кредитования. Сам Альенде все больше подпадал под влияние радикальных кругов соц-партии. По сути дела, он отвернулся от большинства своих избирателей, тех, благодаря которым он и стал «народным президентом». Возникли разногласия и внутри правительственной коалиции. Это вынужден был признать глава компартии Луис Корвалан. В мае 1972 года он говорил: «Страна переживает в настоящее время очень трудный момент. Он труден не только потому, что мы встречаем серьезное сопротивление со стороны внутренней и внешней реакции, но и потому, и об этом мы должны сказать со всей откровенностью, что в Народном единстве наступил серьезный кризис. Кризис в определении политической линии, политической ориентации».

В ноябре 1972 года Альенде реорганизует правительство и вводит в него представителей вооруженных сил: генералов Карлоса Пратса и Клаудио Се-С. Альенде пульведу, а также адмирала Исмаэля Уэрту. После этого обстановка в стране несколько стабилизировалась. В марте 1973 года состоялись парламентские выборы. Партии Народного единства получили почти 44 процента голосов, на 7 процентов больше, чем на президентских выборах. Оппозиция получила 56,6 процента голосов, но две трети мест в парламенте набрать не сумела.

Режим Альенде оказался на распутье: или последовательно осуществлять правительственную программу, или отказаться от нее и вступить на путь противостояния с конгрессом, где сторонники Альенде были в меньшинстве. Президент все больше склонялся ко второму варианту, проявляя недовольство деятельностью парламента. Вместе с тем он отчетливо сознавал всю опасность создавшейся ситуации. В начале августа 1973 года Альенде на встрече с высшими офицерами заявил, что в стране зреет государственный переворот. По его мнению, разгулом террора и экономической дезорганизацией правые силы пытаются создать обстановку, благоприятную для военного мятежа.

Сальвадор Альенде маневрировал, пытаясь найти хоть какой-то выход из сложившегося положения, все более угрожающего власти правительства Народного единства. 8 августа президент назначает генерала Пратса министром обороны в своем правительстве. В кабинет вошли также адмирал Монтеро, генерал Руис, который командовал военно-воздушными силами, а также генеральный директор корпуса карабинеров Сепульведа.

После этих назначений генерал Аугусто Пиночет выполнял обязанности командующего сухопутными силами на время пребывания генерала Пратса «в большой политике». Авиационный генерал Густаво Ли Гусман замещал Руи-са. Наконец, адмирал Хосе Торибио Мерино, который командовал Первой военно-морской зоной (район Вальпараисо), занял место командующего военно-морским флотом Монтеро.

Однако уже 21 августа, после демонстрации у дома Пратса, когда прозвучали требования отстранить министра обороны от власти, тот подал в отставку.

В тот же день, 22 августа, парламент принимает «Соглашение палаты», где правительство Альенде было по сути дела объявлено вне закона, а сам президент обвинен в нарушении конституции. Особенно серьезным было то, что «Соглашение» практически призывало вооруженные силы к неподчинению властям, пока те «не встанут на путь законности».

В «Соглашении» говорилось, что правительство Сальвадора Альенде стремится захватить всю власть, установить самый жесткий экономический и политический контроль со стороны государства и таким путем утвердить тоталитарную систему.

После отставки Пратса Аугусто Пиночет становится главнокомандующим сухопутными войсками. Его имя все чаще начинает встречаться на страницах прессы.

Генерал Пиночет вызывал доверие у правительства Народного единства, как

дисциплинированный, ответственный офицер, верный своему воинскому долгу, квалифицированный специалист, конституционалист, казалось бы, весьма далекий от политических интриг. В 1972 году он был назначен начальником генерального штаба армии. Многие исследователи считают, что в этот период с ним в контакт вступает ЦРУ, видя в начальнике генштаба оптимальную кандидатуру для главы будущего военного переворота. Вероятно, поводом для такого подозрения могла стать поездка Пиночета в зону Панамского канала для официальной встречи с представителями командования Южным военным округом США.

Кроме того, сам Пиночет окончил командные и штабные курсы в Форт-Бенинге, а также трижды стажировался на американских военных базах в районе Панамского канала (1965, 1968, 1972). Генерал Ли также в течение десяти лет учился в США и являлся военным и военно-воздушным атташе в Вашингтоне. Адмирал Мерино был военно-морским атташе при посольстве Чили в Великобритании и стажировался на американской базе в зоне Панамского канала.

Вступил ли генерал Пиночет в контакты с североамериканскими службами для подготовки государственного переворота или нет, фактом остается то, что уже с этого времени он, по собственному признанию и по признаниям других членов хунты, начал готовить антиправительственный, антиконституционный переворот.

В том, что государственный переворот готовился заранее, сомнений нет. В частности, на одной из пресс-конференций вскоре после переворота генерал Серхио Арельяно Старк говорил, что оперативный план захвата столицы был разработан офицерами военной академии за шесть месяцев до мятежа. Он отмечал, что главными были три задачи: сосредоточение в руках заговорщиков командования сухопутными силами, ВМФ, ВВС и карабинерами; обеспечение того, чтобы вооруженные силы подчинялись всем приказам путчистов; предотвращение или подавление вооруженного сопротивления масс.

В рамки этого плана укладываются и дискредитация генерала Пратса, вследствие чего он вынужден был уйти в отставку, и чистка среди офицеров армии, проведенная в конце августа — начале сентября генералом Пиночетом.

Поднятая путчистами армия, проникнутая духом элитарности и чувством неприязни к простолюдинам и «агентам коммунизма», не могла остаться политически нейтральной. Сказалось и то, что Сальвадор Альенде покусился на материальные и социальные привилегии офицерского корпуса. Раньше пределом мечтаний офицеров было попасть на стажировку в зону Панамского канала, особенно в Форт-Гулик. Ведь вернувшись оттуда, многие из них могли купить и дом, и машину. А при Альенде их стали отправлять стажироваться на Кубу.

В обстановке нестабильности обыватель жаждал «твердой руки», и многие искренне преданные народу военные — особенно молодые офицеры — были близки к мысли о необходимости, нарушив «традиционный нейтралитет» чилийской армии, по-своему вмешаться в ход событий, разворачивавшихся в стране. Те же, кто оставался верным сторонником Альенде, подверглись самым разнообразным преследованиям — от организации кампаний по их компрометации до физического уничтожения…

Есть немало свидетельств, что 11 сентября в ходе своего выступления на митинге в Техническом университете Альенде собирался обнародовать план первоочередных действий правительства: проведение плебисцита о доверии президенту; осуществление экономических мер для защиты народных масс от последствий политической забастовки предпринимателей; принятие жестких мер против фашистских и террористических групп; созыв 20 сентября внеочередной сессии парламента для обсуждения проекта экономических и социальных реформ; проведение всеобщих выборов в учредительную ассамблею и преобразование конституционного режима в соответствии с подлинными потребностями народа.

Программа эта, несмотря на популистскую риторику, носила радикальный характер. Но она так и не была услышана.

11 сентября 1973 года в 6 часов 20 минут президенту Альенде позвонили и сообщили, что военно-морской флот в Вальпараисо поднял мятеж. В 7 часов 30 минут президент прибыл в свой дворец Ла Монеда и попытался связаться по телефону с командующими родами войск. Никто из них не отвечал. «Похоже, что на этот раз они все сговорились», — сказал президент.

Затем он обратился по радио к населению и обрисовал всю опасность сложившегося положения.

В 8 часов 30 минут радио Сантьяго передало экстренное сообщение. Диктор читал: «Прокламация военной правительственной хунты! Учитывая чрезвычайно серьезный экономический, социальный и моральный кризис, подрывающий страну… президент республики должен немедленно передать свои высокие полномочия чилийским вооруженным силам и корпусу карабинеров. Чилийские вооруженные силы и корпус карабинеров едины в своей решимости взять на себя ответственную историческую миссию и развернуть борьбу за освобождение отечества от марксистского ига и за восстановление порядка и конституционного правления. Рабочие Чили могут не сомневаться в том, что экономические и общественные блага, которых они добились на сегодняшний день, не будут подвергнуты большим изменениям. Печать, радиостанция и телевизионные каналы Народного единства с этого момента должны прекратить передачу информации, иначе они будут подвергнуты нападению с суши и с воздуха. Население Сантьяго должно оставаться дома во избежание гибели ни в чем не повинных людей. Коммюнике подписали: от вооруженных сил Чили генерал Аугусто Пиночет, адмирал Хосе Торибио Мерино, генерал Густаво Ли; от корпуса карабинеров генерал Сесар Мендоса».

После этого заявления военной хунты по радио «Порталес» выступил конституционный президент Чили Сальвадор Альенде: «Я заявляю, что не уйду со своего поста и своей жизнью готов защищать власть, данную мне трудящимися!» Спустя некоторое время радиостанция «Порталес» была подвергнута бомбежке с воздуха и замолчала.

Около 10 часов утра появившиеся на площади мятежники начали обстрел президентского дворца Ла Монеды, в котором находился Альенде и около сорока защитников дворца. По радио передали приказ хунты № 2, в котором предлагалось всем защитникам Ла Монеды сдаться, иначе в 11 часов дня дворец будет взят штурмом. Президент ответил отказом. Восставшие окружили дворец и стреляли по окнам. Около 12 часов дня самолеты начали обстрел Ла Монеды ракетами. Всего было сделано от семнадцати до девятнадцати залпов. Дворец горел. Около 14 часов мятежники заняли нижний этаж Ла Монеды.

В ходе боевых действий погиб Сальвадор Альенде. В руках у президента страны обнаружили автомат, подаренный чилийскому лидеру в 1971 году Фиделем Кастро. По одной из версий, именно из этого-то автомата мятежники и расстреляли бездыханное тело с целью имитации самоубийства Альенде. Что на самом деле произошло с президентом — был ли он убит или же покончил с собой — неизвестно.

После того как погиб Альенде, оборона дворца продолжалась. Все было кончено около 15 часов. На следующий день по радио и телевидению передали заявление хунты о том, что Альенде покончил жизнь самоубийством и уже похоронен в городе Винья-дель-Мар.

На ряде столичных заводов и фабрик бои шли в течение всего дня. Заняв тот или иной завод, солдаты убивали коммунистов, социалистов и профсоюзных лидеров. Улицы столицы патрулировались днем и ночью. С 18 часов действовал комендантский час, когда запрещалось выходить из дома. Шли повальные обыски и аресты.

Успех мятежа был полным. К власти в Чили пришла военная хунта, возглавляемая генералом Аугусто Пиночетом Угарте.

Начало идеологическому обоснованию режима было положено незадолго до событий 11 сентября 1973 года, когда в вооруженных силах обнародовали документ под названием «Рождается новый порядок». Составители документа недвусмысленно заявляли, что после их прихода к власти будут распущены все партии и высланы за рубеж партийные политики. «Мы полагаем, что мы, люди оружия, можем установить военную власть, которая позволит нам начертать политическую линию завтрашнего дня. Других сил, которые могли бы это сделать, не существует».

Военный режим сразу же объявил состояние «внутренней войны». Генерал Пиночет заявил: «Из всех наших врагов главным и наиболее опасным является коммунистическая партия. Мы должны разрушить ее сейчас, пока она реорганизуется по всей стране. Если нам это не удастся, она рано или поздно уничтожит нас». Ведущую роль в репрессиях играла армия. Были учреждены военные трибуналы, заменившие гражданские суды. Было создано несколько

концентрационных лагерей для политзаключенных, в том числе в Писагуа и Чакабуко в пустыне Атакама на севере страны.

21 сентября 1973 года согласно декрету-закону № 27 распускался национальный конгресс, как было заявлено, вследствие невозможности «соблюдать в настоящее время законодательные требования, предъявляемые к установленной процедуре принятия законов». По выражению Пиночета, в стране формируется новая демократия — «без плюрализма и политических партий».

Значительную роль в первые месяцы репрессий играли военные разведслужбы: армейская разведка, военно-морская разведка, разведка военно-воздушных сил и разведка корпуса карабинеров.

В мировой печати со ссылками на различные источники появились данные, что только за первые недели после переворота было убито 20 тысяч человек, 30 тысяч подверглись жестоким пыткам, более 200 тысяч рабочих были уволены с работы. Ярый противник военного режима, глава чилийской компартии Луис Корвалан, которого Москва обменяла на диссидента Владимира Буковского, в 1985 году свидетельствовал, что за годы военного режима репрессиям было подвергнуто 500 тысяч чилийцев. В марте 1974 года в Хельсинки на 1-й сессии Международной комиссии по расследованию преступлений военной хунты в Чили в ее резолюции фигурировала жесткая формулировка: «Вся картина, которая вырисовывается из анализа этих фактов, напоминает дни прихода к власти германских фашистов»».

Дальнейший ход событий покажет, что военные пришли к власти в Чили надолго, хотя сразу после переворота многие политики были уверены, что, сбросив «марксистское правительство» Сальвадора Альенде, мятежные генералы передадут власть гражданским. Однако этого не произошло, что, впрочем, вполне объяснимо. Во-первых, за предшествующие годы леворадикальные настроения широко распространились в обществе, особенно среди маргиналов и люмпенов, да и значительной части молодежи. Покончить с ними было непросто. Во-вторых, со временем генерал Пиночет почувствовал вкус к власти Его политические амбиции все более возрастали. Он умело и вовремя устранял конкурентов, тщательно просчитывал свои политические ходы. Одновременно с этим он начал новый «социальный эксперимент» — модернизацию страны, которая была прямо противопоставлена «чилийскому пути» к социализму Альенде и его сподвижников. Генерал Пиночет выдвинул задачу добиться экономического роста, установления социальной справедливости через проведение прагматической и реалистичной политики под руководством квалифицированных специалистов, свободных от каких-либо политических взглядов и симпатий. Отныне во главу угла ставился отказ от принципа социальной справедливости и утверждение принципов свободы выбора и равенства возможностей. Была ликвидирована система представительной демократии.

Первоначально хунта представляла собой нечто вроде коллективного руководства. В «Декларации о принципах» говорилось, что правительство вооруженных сил и сил порядка лишит власть «персонального характера, избегая всякого вождизма». Однако со временем генерал Пиночет сумел сосредоточить в своих руках всю полноту власти. Он устранил всех реальных конкурентов. Генерал Густаво Ли получил отставку. Адмирал Мерино со временем был лишен всякой реальной власти. Министр внутренних дел генерал Оскар Бонилья погиб в авиакатастрофе при невыясненных обстоятельствах.

Летом 1974 года был принят декрет-закон № 527 «О юридическом статусе правящей хунты», в котором генерал Пиночет провозглашался «верховным носителем власти». Он был наделен широкими полномочиями, в том числе правом единолично объявлять осадное положение, одобрять или отменять любые законы, назначать или смещать судей.

ЗАГОВОР ПРОТИВ «БАНДЫ ЧЕТЫРЕХ»

Китай. 1976 год

9 сентября 1976 года умер Мао Цзэдун. Заканчивалась целая эпоха в истории Китая. Годы диктатуры привели к тому, что для наследования «трона» хватило бы соответствующего

указания Мао. Ничего более легитимного попросту не могло быть. Поэтому и Хуа Гофэн, располагающий запиской Мао «Когда ты у власти, я спокоен», и Цзян Цин, законная супруга усопшего вождя, претендовали на власть. Вопрос стоял остро — кто кого?

И вот, менее чем через месяц, в Пекине арестовывают ближайших соратников Мао: жену председателя партии Цзян Цин, имевшую большее, чем другие, влияние на уже пожилого и больного Мао Цзэдуна;

Чжан Чуньцяо — «радикального идеолога из Шанхая, отличившегося во время „большого скачка“;

Яо Вэньюаня, контролировавшего весь пропагандистский аппарат партии;

Ван Хунвэня, совершившего головокружительный взлет с поста младшего офицера безопасности на шанхайской хлопковой фабрике до заместителя Мао, организатора хунвэйбиновских отрядов и народного ополчения. Чуть позже все эти люди станут известны как «банда четырех».

Официальное разъяснение было кратким: «четверка» планировала контрреволюционный переворот, но ее опередили. Главная заслуга в спасении партии и революции приписывались Хуа Гофэну.

Почувствовав неладное во время похорон Мао (жена вождя и трое ее сподвижников «всячески себя выпячивали»), Хуа начал за ними наблюдать. Вскоре ему доложили об «отвратительных кознях „банды четырех“ по узурпации власти». Хуа Гофэн тут же сообщил об этом министру обороны КНР Е. Цзяньину.

По их указанию без лишнего шума спецподразделение 8341 арестовало четырех преступников страны. Супруга Мао была арестована лично главным телохранителем Мао Цзэдуна Ван Дунсином. Согласно другой версии, «четверка» была вызвана на заседание ЦК КПК, где ее уже поджидали охранники.

Тем временем для покойного председателя на площади Тяньаньмэнь строится величественный мавзолей. Решено было также издать собрание сочинений Мао, редколлегию возглавил Хуа Гофэн. Новый вождь партии меняет прическу и все больше становится похожим на своего предшественника.

Устранение Цзян, Чжана, Вана и Яо не было стихийным актом или только заслугой Хуа Гофэна, а стало логическим завершением заговора Дэн Сяопина и его сторонников.

Дэн раздражал Мао, но Мао никогда, даже во времена культурной революции, не решался пойти на его уничтожение, несмотря на то что Цзян Цин готова была содрать с него живого кожу. Помимо прочих преступлений Дэна, было и то, что он постоянно насмехался над Цзян Цин. Мао ограничился тем, что отправил Дэна в ссылку, заклеймив и обозвав его «собачьей головой» и «рогатым чудовищем».

Но худшее для Цзян Цин было еще впереди: в 1973 году Дэн, «руководитель № 2, идущий по капиталистическому пути», вернулся в Пекин, хотя и немножко помятый. Он очень быстро наладил отношения с Мао и прекрасно сошелся с мандарином Чжоу Эньлаем, который как раз и вызвал его к себе. Напрасно взбешенная Цзян Цин взывала к мужу. «Этот как раз тебя и предаст…»

В течение трех лет ненависть Цзян Цин к Дэну и его сообщникам оставалась невостребованной. Но ей помог наконец случай: умер Чжоу Эньлай, народ оплакал его и, провожая в последний путь, потребовал от его имени свободы. Милиция ликвидировала беспорядки, и Цзян Цин удалось добиться от Мао наказания Дэна, входившего в правительство, обвинив его в организации волнений. Она добилась не слишком многого, Дэн впал в немилость и был сослан в Кантон.

Цзян Цин нуждалась в союзниках и советниках. За правильное толкование и развитие «мудрых указаний великого кормчего» в пекинской «семье» отвечали два бывших журналиста, Я о Вэньюань и Чжан Чуньцяо. Они же непрестанно вмешивались в деятельность внешнеполитического ведомства, партийного аппарата, тасовали руководство средств массовой информации, прикармливали постановщиков «образцовых революционных опер» и прочих работников искусств, к которым тянулась бывшая актриса Цзян Цин. Китайские идеологи были выходцами из комсомольско-партийной среды, получили неплохое образование. Куратором силовых ведомств был Ван Чунвэнь, выходец из технических кругов, темпераментный

защитник «кормчего», склонный идти на самые жесткие и жестокие меры ради удержания власти.

Влияние китайской «семьи», прозванной впоследствии «бандой четырех», возрастало по мере угасания «великого кормчего». Она проводила идеологические кампании против оставшихся у Мао друзей, замышляла и осуществляла заговоры против ведущих военачальников, запросто тасовала колоду высших государственных чиновников. Правда, ее всевластие тоже имело границы. Местные руководители, набравшие обороты за годы смуты, не всегда выполняли «мудрые указания центра», все чаще саботировали «пожелания» Цзян Цин и ее соратников. К счастью для Китая, «банде четырех» не удалось ликвидировать сосланного на «трудовое перевоспитание» в южные провинции Дэн Сяопина. Прилетевшей из Пекина группе убийц из органов госбезопасности местные коллеги и военные даже не позволили выйти из самолета и отправили ее обратно.

Власть «банды четырех», особенно в Пекине, была поистине безграничной. Это позволило ей удержать власть даже после смерти Мао Цзэдуна в октябре 1976 года. Подобрав слабого и лишенного связей деятеля по имени Хуа Гофэн на место наследника Мао Цзэдуна, Цзян Цин и ее команда надеялись по китайской традиции «править из-за ширмы», готовить все важные политические и кадровые решения для «озвучивания» номинальным лидером. Но судьба распорядилась по-иному.

При жизни Мао его жена, несмотря на свой вздорный характер и неуживчивость, пользовалась большим авторитетом и даже уважением. Доктор Ли Чжисуй свидетельствует, что когда она приходила на заседание политбюро, все вставали и в зале воцарялась тишина. Ей предлагали самое лучшее место, ловили каждое ее слово. Но уже на первом заседании политбюро после смерти Мао уважения как не бывало. Когда она вошла, никто не обратил на нее ни малейшего внимания. Когда Цзян Цин брала слово, ее никто не слушал. Обстановка в политбюро резко изменилась. К слову сказать, из его мемуаров мы узнаем, что у Цзян Цин на правой ноге было шесть пальцев — существенный психологический нюанс, позволяющий многое объяснить в ее поведении с точки зрения комплекса неполноценности.

Цзян Цин ощущала, как в политбюро нарастала к ней вражда. Она с возмущением говорила Хуа Гофэну: «Еще не успело остыть тело Председателя Мао, а Вы уже хотите вышвырнуть меня? Это так Вы благодарите Председателя за то, что он Вас выдвинул?» Хуа Гофэн на это отвечал: «Таких намерений у меня нет. Живите мирно у себя в доме. Вас никто не собирается выбрасывать оттуда». Однако вдова, явно переоценивая свои силы и возможности, не последовала этому достаточно прозрачно выраженному совету. А может быть, она уже не могла остановиться в своем стремлении к власти? Ее соратники деятельно готовились к возможным столкновениям.

Но и противники не дремали. По воспоминаниям Чжан Пинхуа, бывшего завотделом пропаганды ЦК КПК и «доверенного лица» Дэн Сяопина, идея устранения «банды четырех», то есть сторонников ультралевой политики, возникла у Дэна давно.

Для встречи с Дэн Сяопином в Гуандун выехал маршал Е. Цзяньин: договорились, что маршал поможет Дэну и его сторонникам установить контакт с группировкой Хуа Гофэна. В июле 1976 года в городе Цунхуа была созвана тайная вечеря, на которой помимо Дэн Сяопина присутствовали многие видные китайские начальники и партийные работники. Там и был намечен конкретный план устранения «банды четырех». Ответственные работники ЦК КПК были ознакомлены с планом переворота и согласились с ним.

В сентябре 1976 года Дэн Сэопин пребывает в Пекин для участия в похоронах Мао. За два дня до устранения «банды четырех» могущественный маршал Е. Цзяньин встретился с заместителем председателя партии Хуа Гофэном. Хуа был обещан пост председателя в случае участия в заговоре и при условии восстановления Дэн Сяопина во всех его должностях.

Хуа Гофэн, маршал Цзяньин и глава службы безопасности политбюро Ван Дунсин внимательно следили за действиями радикалов. Наконец, они приняли решение арестовать четверку вечером 6 октября.

В июле 1977 года Дэн Сяопин был восстановлен на посту заместителя премьера Госсовета КНР.

В ноябре 1980 года открылся судебный процесс над «бандой четырех». Реформаторы

предполагали, что это будет последний гвоздь в крышку гроба Мао и его наследия. Официальное обвинение было выдвинуто против видных радикалов, десять из них находились на скамье подсудимых: «четверка» во главе с Цзян Цин, Чэнь Бода — бывший личный секретарь Мао и идеолог «культурной революции», а также пятеро бывших военачальников, сторонников Линь Бяо. Остальные обвинялись посмертно.

Для рассмотрения дела членов «контрреволюционных группировок Линь Бяо и Цэян Цин» были созданы специальная прокуратура при Верховной народной прокуратуре и специальный суд при Верховном народном суде. В специальном суде одна палата разбирала дела гражданских лиц, другая — военных. Заметим: на скамью подсудимых посадили рядом две в свое время жестоко враждовавшие между собой группировки. Их соединили искусственно. Цель — доказать, что они совершили в принципе одинаковые преступления, свалить одним махом на две «контрреволюционные группировки» все трагедии и беззакония времен Мао, обелив при этом «великого кормчего».

В ходе судебного разбирательства морально подкошенный Ван Хунвэнь почти ничего не отрицал. Он, войдя в состав маоцзэдуновского окружения, не делал политики. Он исполнял чужие приказы. В старика превратился властолюбивый Чжан Чуньцяо, который весь процесс молчал. Яо Вэньюань выглядел как затравленный зверь. Он тупо смотрел в одну точку.

И только Цзян Цин, одетая в черный пиджак и такого же цвета брюки, в матерчатых тапочках, шла к скамье подсудимых с гордо поднятой головой.

Подсудимым вменялось в вину преследование партийных и государственных руководителей, кадровых работников и народных масс, попытка свержения государственной власти, покушение на жизнь Мао Цзэдуна, подготовка вооруженного мятежа в Шанхае. В общей сложности их обвинили в совершении 48 преступлений. Это был беспрецедентный политический процесс за тридцатилетнюю историю КНР: из десяти обвиняемых — девять бывших членов Политбюро ЦК КПК!

Работа суда проходила при закрытых дверях, а китайская печать и телевидение передавали о нем лишь краткие репортажи, в которых многие существенные политические моменты из показаний подсудимых были изъяты. В частности, не включались эпизоды, доказывающие прямую ответственность Мао Цзэдуна за репрессии периода «культурной революции».

Два с лишним месяца длился суд над «десяткой» — активными руководителями «культурной революции». Цзян Цин и Чжан Чуньцяо приговорены к смертной казни с отсрочкой исполнения приговора на два года. Ван Хунвэнь приговорен к пожизненному тюремному заключению, Яо Вэньюань — к 20 годам тюремного заключения. Остальные приговорены к различным срокам заключения — от 16 до 18 лет.

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ ЗИЯ-УЛЬ-ХАКА

Пакистан. 1977 год

Подавляющее большинство зарубежных наблюдателей, как и многие пакистанцы, впервые услышали о генерале Мохаммаде Зия-уль-Хаке 5 июля 1977 года — в день, когда он, отстранив от власти правительство Зульфикара Али Бхутто, оповестил соотечественников о переводе страны на военное положение.

Из официальной биографической справки следовало, что родился он в 1924 году в Пенджабе, двадцатилетним юношей поступил на военную службу, в 1955 году окончил штабной колледж в Кветте, а позднее прошел переподготовку в Форт-Ливенуорте (США).

Многочисленные военные перевороты в Пакистане были своего рода политической школой для Зия-уль-Хака. Он упорно двигался к высшим военным чинам и ждал своего часа.

Военное поражение и отделение Восточного Пакистана привело к взрыву внутри страны: режим Яхья Хана был сметен. На всеобщих выборах победила Пакистанская народная партия (ПНП), которую возглавлял Зульфикар Али Бхутто.

В стране начали восстанавливаться демократические нормы и институты, было сформировано гражданское правительство. Оно взяло курс на развитие добрых отношений с

соседними странами, на ликвидацию политической и экономической зависимости от США. В 1973 году Пакистан заявил о своем выходе из блока СЕАТО. Были предприняты усилия по ограничению некогда бесконтрольного хозяйничания в стране иностранных монополий. Все это не устраивало Запад.

Зия действовал осмотрительно и хитро. Исподволь плетя нити заговора, он одновременно изо всех сил демонстрировал свою «лояльность» премьер-министру.

По свидетельству американского журнала «Каунтерспай», начиная с 1973 года ЦРУ искало «сильного человека» в качестве альтернативы З.А. Бхутто. Надо полагать, оно обратило внимание на Зия-уль-Хака, который продолжал продвигаться по служебной лестнице.

Председательствуя в трибунале, рассматривавшем дело о раскрытом в 1973 году армейском антиправительственном заговоре, Зия-уль-Хак зарекомендовал себя как сторонник деполитизации вооруженных сил.

Под видом бесхитростного, честного и слегка ограниченного вояки, режущего с солдатской прямотой правду в глаза, скрывался достаточно ловкий стратег, стремившийся в дипломатии и политической борьбе применять военную тактику. «Противника можно победить и малыми силами, — говорил он. — Надо только сосредоточить их в одном месте, собрать в кулак. Чтобы приобрести политический вес в Пакистане, вовсе не обязательно быть политиком. Надо быть по крайней мере генералом».

В обход нескольких генералов, стоявших выше на иерархической лестнице, он был назначен в марте 1976 года начальником штаба сухопутных войск. Это повышение разозлило многих старших претендентов на этот пост. Но З.А. Бхутто полагал, что Зия-уль-Хак всецело верен ему, не имеет политических амбиций и готов всегда обеспечивать президенту поддержку армии. Это была роковая ошибка.

Зия ездит по стране, беседует с офицерами, пытается заручиться поддержкой влиятельных лиц До восхождения на политический Олимп остается совсем немного — устранить Бхутто.

Многолетняя принадлежность к высокополитизированному военному истэблишменту, имеющему постоянные каналы связи и обмена идеями с чиновничьими, предпринимательскими, технократическими кругами, способствовала совершенствованию тех специфических задатков государственного деятеля, которыми обладал Зия-уль-Хак, помогла ему ознакомиться с неписаными правилами верхушечной политической игры, развила у него, в дополнение к природной смекалке и хитрости, определенного рода кругозор и, без сомнения, амбиции, которые он вплоть до июля 1977 года и даже позднее благоразумно скрывал.

Итоги выборов, опросы общественного мнения свидетельствовали: Пакистанская народная партия занимала прочные позиции. С Бхутто общественность связывала надежды на возрождение политической стабильности. Удобный момент для Зия-уль-Хака настал летом 1977 года.

Пакистан находился тогда в состоянии глубокого социально-экономического кризиса, который правительство Бхутто преодолеть не сумело. В ходе выборов в марте 1977 года против премьер-министра выступила коалиция из девяти партий — Пакистанский национальный альянс. Однако Бхутто все же получил 155 из 200 мест в парламенте. Его обвинили в фальсификации результатов выборов, и оппозиция призвала к забастовке. В ответ Бхутто арестовал лидеров оппозиции и установил военное положение в крупнейших городах страны.

Начались массовые беспорядки, которые дали повод Зия-уль-Хаку приступить к решительным действиям. 5 июля 1977 года он осуществил бескровный переворот, взяв под стражу и Бхутто с его кабинетом, и лидеров оппозиции.

В тот же день Зия-уль-Хак заявил, что при совершении переворота «его единственной целью была организация свободных и справедливых выборов», которые якобы будут проведены в октябре.

Захватив власть, Зия-уль-Хак, судя по всему, не имел детально разработанного плана действий, вынужден был составлять таковой на ходу, методом проб и ошибок. Однако следует признать, что это обстоятельство он неоднократно умудрялся обращать себе на пользу. Нащупывая оптимальный вариант политической стратегии, генерал не только не скрывал своих поисков, но как бы выносил их на суд общественности в многочисленных интервью и публичных заявлениях. Недостатка в идеях и предложениях не было Вместе с тем ход

рассуждений периодически менялся, решения принимались и аннулировались. Давались торжественные обещания, однако, как только подходил срок выполнять их, скажем, проводить парламентские выборы, — выяснялось, что по весьма веским причинам сделать этого никак нельзя Действуя таким образом, Зия-уль-Хак наконец запутывал самых проницательных аналитиков, не говоря уже о рядовых пакистанцах.

Уже первые полтора-два года правления Зия-уль-Хака свидетельствовали о его пристальном внимании к опыту предшествующих военно-бюрократических диктатур Многое позаимствовав из стратегии Айюб-хана — Яхья-хана, он, однако, воздержался от механического копирования их действий, постарался не повторять их ошибок и выработал собственный курс, при котором учитывалась важность расширения социальной базы режима.

Зия-уль-Хак собирался позволить Бхутто принять участие в ближайших выборах, но затем решил, что тот долгое время правил страной «почти гестаповскими» методами, и, следуя решению гражданского суда, приказал снова арестовать его в том же 1977 году. Недовольство сторонников Бхутто привело к массовым арестам среди них и отсрочке обещанных выборов.

Зия-уль-Хак ввел военное положение на всей территории Пакистана, запретил все политические партии, учредил Военный совет в качестве законодательного и исполнительного органа, распустил Национальную Ассамблею, но сохранил Конституцию и даже позволил остаться у власти премьер-министру Илахи Чодхри.

В январе 1978 года Зия-уль-Хак уступил всеобщим требованиям создать гражданское правительство, но оставил за собой все ключевые посты.

Журнал «Фар истерн экономик ревью» как-то заметил, что Зия уль-Хак первые два года деятельности на посту президента и главного военного администратора занимался не столько насущными вопросами развития страны, сколько тем, чтобы навсегда покончить с Бхутто.

Ему было вменено в вину злоупотребление властью и участие в физическом устранении политического соперника. Генерал добивался от судебных инстанций вынесения Бхутто смертного приговора Далеко не последней причиной здесь была личная ненависть «Я терпеть не могу этого крючкотвора», — говорил Зия в кругу своих друзей. Бхутто казался генералу человеком из другого мира. Он окончил три университета, в том числе и знаменитый Оксфорд, великолепно знал юриспруденцию, был признанным оратором, автором нескольких книг.

Более полутора лет длился судебный процесс по делу свергнутого премьер-министра. Чтобы придать видимость законности хладнокровному и обдуманному убийству, генерал Зия проделал титаническую работу. Он читал все судебные материалы, пренебрегая юридическими нормами, лично опрашивал и натаскивал свидетелей, практически ликвидировал сравнительно независимую до того юридическую систему. В конце марта 1979 года Бхутто был признан виновным и приговорен к смертной казни через повешение.

Бхутто держался мужественно. Он отклонил все обвинения, отказался от права на апелляцию, не стал просить о помиловании. «Если этот человек задумал покончить со мной, — сказал он незадолго до смерти своей жене и дочери, — он это сделает».

Зия-уль-Хака не убедили ни просьбы пакистанской общественности, ни письма ведущих политических деятелей многих стран с призывом проявить гуманность. 4 апреля 1979 года Бхутто был казнен. Казнь Бхутто вызвала резкий протест как в Пакистане, так и во многих странах. Однако это не смутило генерала. Покончив с соперником, он начал наводить порядок. «Если вы поможете мне, — говорил Зия на одном из митингов вскоре после прихода к власти, — я приведу вас к благоденствию».

Именно Зия-уль-Хаку суждено было править Пакистаном дольше, чем кому бы то ни было, преодолеть не один кризис власти и обеспечить относительно устойчивые темпы роста пакистанской экономики. С учетом испытаний, которым в течение 11 лет подвергался его режим, политическая живучесть Зия-уль-Хака была просто поразительной.

УБИЙСТВО ИОАННА ПАВЛА I

Ватикан. 1978 год

Восшедший на папский престол в конце августа 1978 года Альбино Лучани, который

принял имя Иоанн Павел I, задумал осуществить ряд поистине кардинальных преобразований в римско-католической церкви.

Утром 28 сентября 1978 года начался 33-й день его понтификата.

Вечером Лучани, как обычно, ужинал в обществе своих секретарей, отца Диего Лоренци и отца Джона Маджи. Вечерняя трапеза, как всегда, проходила в столовой папских апартаментов на четвертом этаже Апостолического дворца в Ватикане.

Этажом ниже папских апартаментов горел свет в помещении Ватиканского банка. Главе этого учреждения, официальное название которого звучит весьма богоугодно — Институт религиозных дел (ИРД), Полу Марцинкусу было не до ужина. Этот прелат, родившийся в трущобах небольшого городка Сисеро в штате Иллинойс, сделал головокружительную карьеру, получив прозвище Божий банкир. До Марцинкуса сразу же дошли слухи, что новый папа уже начал личное и негласное расследование деятельности вверенного ему банка, особенно методов, которыми пользовался глава ИРД. Сколько раз после прихода к власти нового папы Марцинкус сожалел, что в 1972 году ввязался в сделку с «Банка каттолика дель Венето»…

Государственный секретарь Ватикана кардинал Жан Вийо, погруженный в тревожные раздумья, в тот вечер тоже допоздна не покидал своего кабинета. Вновь и вновь он внимательно перечитывал список новых назначений и предложений об отставке, который продиктовал ему папа не более часа назад. Драматические перестановки, какие задумал Иоанн Павел I, означали бы подлинную революцию не только в курии, но и во всем католическом мире. Кардиналу

Вийо это было более ясно, чем кому-либо другому. Будь они реализованы, политика Ватикана приняла бы иное направление практически во всех областях. Лично Вийо, да и все остальные, кому, согласно воле папы, завтра будет предложено подать в отставку, считают эти перемены весьма опасными. Отставка людей, перечисленных в списке, лишит реальной власти и могущества в Ватикане тех, кто состоит членами масонских лож. По сведениям папы, среди ватиканских монсень-оров более ста являются «вольными каменщиками», причем есть в их числе и кардиналы, хотя, согласно каноническому праву, причастность к масонству влечет автоматическое отлучение от церкви.

В тот вечер, 28 сентября 1978 года, помимо Марцинкуса, еще один банкир, правда за океаном, в Буэнос-Айресе, то и дело мысленно возвращался к личности Иоанна Павла I. То был Роберто Кальви, глава «Банко Амбрози-ано», которого в последние недели все больше раздражали и настораживали некоторые действия нового папы. Он поделился тревогами с двумя могущественными покровителями — Личо Джелли и Умберто Ортолани, неотступно державшими его под своим контролем. Кальви знал о пристальном внимании нового папы к деятельности Ватиканского банка. Кальви, как и Марцинкус, не сомневался, что рано или поздно оба независимых друг от друга расследования сойдутся в одной точке: придут к пониманию того, что оба финансовых гиганта — ИРД и «Банко Амброзиано» — на протяжении длительного времени связаны неразрывными узами, точнее, совместными крупными аферами, и что раскрытие подлинной деятельности одного означает раскрытие тайн другого.

Еще один банкир, сицилиец Микеле Синдона, следил в Нью-Йорке с величайшим беспокойством за действиями папы Иоанна Павла I. Этот авантюрист вот уже три года успешно боролся с попытками итальянского правительства добиться его выдачи у американских властей. Среди обвинений, выдвинутых против него, было, в частности, и обвинение в мошенничестве, стоившем государственной казне 225 млн долларов. Учитывая, что папа Иоанн Павел I наверняка тщательно изучит дела Ватиканского банка, Синдона не сомневался, что никакие сделки с американской мафией не помогут ему избежать выдачи итальянским властям, а следовательно, разоблачения, банкротства, позора и тюрьмы. Сеть коррупции, которой оказался опутан Ватиканский банк, хранивший деньги мафии и до сих пор остававшийся вне подозрений, крепко связывала ИРД не только с Роберто Кальви, но и с Микеле Синдоной.

Там же, в Соединенных Штатах, еще один князь церкви не мог уснуть спокойно с тех пор, как в Ватикане воцарился новый первосвященник. Его инициативы настораживали кардинала Джона Коуди, архиепископа богатейшей в мире Чикагской епархии, охватывавшей 2,5 миллиона верующих, более 3 тысяч священников, 450 приходов. Годовой доход своей епархии он был склонен считать чем-то сугубо личным, а поэтому его точную цифру не называл никому, но, по самым скромным подсчетам, он превышал 250 миллионов долларов. В конце

сентября кардиналу Коуди позвонил из Ватикана преданный и хорошо оплачиваемый информатор, рассказавший ему все важные новости. Голос доверительно сообщил, что Иоанн Павел I действовал решительно там, где его предшественник терзался сомнениями. Одним словом, отставка кардинала была делом решенным.

За спиной по крайней мере трех из упомянутых лиц настойчиво маячила фигура Личо Джелли. Он давно носил прозвище Иль Буратинайо — «кукольник». Марионеток, полностью послушных ему, было великое множество по всему свету. Он контролировал тайную ложу «П-2», а с ее помощью и всю Италию.

По утверждению Д. Яллопа, автора нашумевшего расследования «Кто убил папу римского?», именно эти шестеро могущественных и абсолютно беспринципных деятелей — Марцинкус, Вийо, Кальви, Синдона, Коуди и Джелли — имели все основания страстно желать его смерти…

26 сентября Лучани смог с удовлетворением подвести итоги первого месяца своего понтификата. В течение первых 30 дней было сделано немало. Начаты расследования случаев коррупции и мошенничества, к которым прибегали многие из тех, кто прикрывал страсть к наживе сутаной священника. Пренебрежение нового папы помпезностью, столь почитаемой в Ватикане, вызвало настоящую бурю.

28 сентября беседу со своим государственным секретарем кардиналом Вийо папа начал с того, что предложил ему чашку ромашкового чая. Он все чаще при встречах с ним переходил на родной язык кардинала, на французский. Утонченный француз оценил жест Лучани.

Первым возник вопрос, касавшийся Ватиканского банка. Лучани тоном, не предполагающим возражения, сказал Вийо, что Марцинкус должен немедленно покинуть свой пост. И не через неделю или через месяц, а завтра же. Он должен уйти в отпуск, „а позже, как только решится окончательно вопрос с кардиналом Коуди, ему подыщут подходящий пост в Чикаго.

Вийо было сказано, что место Марцинкуса займет монсеньор Джованни Анджело Аббо, секретарь префектуры по экономическим делам Святого престола. Монсиньор Аббо, как ведущая фигура финансового трибунала Ватикана, безусловно, оказался бы полезен, учитывая его профессиональную подготовку и огромный опыт финансовой деятельности. Прощаясь, Лучани сказал кардиналу Вийо: «Смещение Марцинкуса не единственная перемена, которую я наметил в отношении ИРД, причем безотлагательно. Меннини, де Стробель и монсеньор де Бонис также должны уйти со своих постов. Не медля. Место де Бониса займет монсеньор Антонетти. Кандидатуры на замещение двух других вакансий я должен обсудить прежде с монсеньором Аббо. Кроме того, я настаиваю, чтобы все наши деловые связи с финансовой группой „Банко Амброзиа-но“ были срочно прерваны, а это невозможно, если нынешнее руководство Ватиканского банка останется на своих постах».

По поводу архиепископа Чикаго Лучани передал Вийо содержание своего разговора с кардиналом Баджо относительно ультиматума, который следовало предъявить Коуди. Вийо отнесся к идее с одобрением. Как и Баджо, он считал, что Коуди слишком большой источник ненужных осложнений для католицизма в Америке.

Вийо подумывал об отставке. Он спросил: «Я полагал, что вы хотели видеть Казароли на моем месте?»

«Да, я так хотел, — ответил папа. — Я и теперь считаю, что во многих отношениях он был бы блестящей кандидатурой. Однако я разделяю сомнения Джованни Бенелли по поводу политических инициатив, предпринятых в последние годы в отношении стран Восточной Европы».

Беседа продолжалась около двух часов. В 19 часов 30 минут Вийо удалился. Вернувшись к себе, а его кабинет находился совсем неподалеку, он вновь просмотрел список перемещений. Затем, протянув руку и открыв ящик стола, он достал еще один список. Сравнив их, он увидел, что каждый из тех, кто был уволен, числился в списке предполагаемых масонов. Он держал в руках именно тот список, который опубликовал разочаровавшийся в масонстве член ложи «П-2» Мино Пекорелли. Марцинкус. Вийо. Полетти. Баджо. Де Бонис. Все вновь назначенные — Бенелли, Феличи, Аббо, Антонетти — в списке масонов не значились.

В 21 час 30 минут Альбино Лучани притворил двери кабинета…

В 4 часа 30 минут утра в пятницу 29 сентября 1978 года сестра Винченца, как обычно, принесла кофейник с горячим кофе в кабинет папы, смежный со спальней, в дверь которой и постучалась со словами традиционного приветствия: «Доброе утро, святой отец». Однако ответного приветствия она не услышала. Подождав минуту, сестра Винченца ушла, стараясь не шуметь. Через пятнадцать минут она вернулась. Поднос с кофе стоял нетронутым. Открыв дверь, она увидела Лучани в сидячей позе в кровати, в очках. В правой руке несколько исписанных листочков бумаги. Голова была повернута немного вправо. Белели зубы. Приоткрыт рот. Но то не была его обычная улыбка. То был оскал агонии. Монахиня приблизилась и прощупала пульс. Пульса не было.

К 5 часам утра Вийо уже был в папской опочивальне и убедился лично, как и предписывала традиция, что папа мертв. Если допустить, что Лучани умер естественной смертью, то шаги, предпринятые вслед затем Вийо, совершенно необъяснимы. Его поведение становится понятным лишь с одним допущением: либо сам кардинал участвовал в заговоре с целью убийства папы, либо он обнаружил в спальне следы преступления и, желая спасти престиж церкви, преднамеренно уничтожил улики.

В карманах его сутаны исчезли пузырек с микстурой, стоявший на столике у кровати, исписанные листки с пометками о предстоящих назначениях и отставках, которые покойный держал в руке, когда наступила смерть. С ними исчезло завещание Лучани, хранившееся в его рабочем столе. Кроме того, из опочивальни после ухода Вийо бесследно исчезли очки и шлепанцы покойного папы. Ни один из этих предметов впоследствии найден не был. Преднамеренность загадочных действий Вийо подтверждается тем, что, выйдя из папской опочивальни, кардинал-камерленго велел заучить изумленным членам папского окружения имевшую мало общего с действительностью версию об обстоятельствах смерти.

Более того, он наложил обет молчания на сестру Винченцу, которая обнаружила тело, и приказал всем присутствующим не разглашать до его особого распоряжения даже самого факта смерти. Затем, расположившись за рабочим столом Лучани, Вийо сделал несколько телефонных звонков.

Доктор Буцонетти, бегло осмотрев труп, сказал Вийо, что причиной смерти стал, видимо, обширный инфаркт миокарда. Смерть, по его словам, наступила около 23.00.

Следует отметить, однако, что, с точки зрения сведущих врачей, практически невозможно после столь поверхностного осмотра диагностировать инфаркт миокарда и установить час смерти с такой точностью.

Решение Вийо безотлагательно бальзамировать тело натолкнулось на непредвиденные осложнения. Кардиналы Феличи в Падуе и Бенелли во Флоренции, которые были полностью в курсе всех кадровых перемещений, намеченных Лучани, и, более того, не заблуждались относительно их мотивов, выражали несогласие с таким решением и не скрыли этого от Вийо. Все громче раздавались голоса по всей стране о необходимости вскрытия. Во всяком случае, преобладало мнение, что с Бенелли и Феличи следует согласиться, ибо если причиной смерти явился яд, то вскрытие теряло всякий смысл после бальзамирования.

Официально Ватикан поддерживал версию, что тело Иоанна Павла I было забальзамировано прежде, чем его выставили для прощания в полдень в пятницу На деле же те, кто пришел проститься с папой Лучани, в первый же день видели его еще не забальзамированное тело, то есть таким, как и сестра Винченца…

В первый день пришло проститься с папой Лучани более четверти миллиона человек. С каждой минутой усиливались разговоры о том, что папа умер не своей смертью. «Кто сделал это с тобой? Кто убил тебя?» — шептали многие, проходя мимо гроба Лучани.

Сокрытие и тщательное утаивание обстоятельств того, как было обнаружено тело, не оставляют сомнений в желании Ватикана не приподнимать завесу секретности над смертью папы. Все последующие заявления были сплошной ложью и в малом, и в большом. Вся эта ложь была в высшей степени целенаправленной, чтобы скрыть тот несомненный факт, что Альбино Лучани, папа Иоанн Павел I, был умерщвлен в промежуток между 21.30 вечера 28 сентября и 4.30 утра следующего дня.

Альбино Лучани был первым папой за 100 лет, который умер в полном одиночестве. Он был первым папой, который погиб насильственной смертью за гораздо более значительный

отрезок времени.

Итак, Коуди, Мардинкус, Вийо, Кальви, Джелли, Синдона. По крайней мере один из них пошел на то, что совершилось поздно вечером 28 сентября или на рассвете 29 сентября 1978 года. Происшедшее было прямым следствием вывода, что помочь в борьбе с Лучани могло лишь решение проблемы по-итальянски: папа должен умереть.

ЗАГОВОР ПРОТИВ АМИНА

Афганистан. 1979 год

Хафизулла Амин стал председателем Революционного совета Афганистана после упорной борьбы за власть. Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА) — партия коммунистов — с самого начала была расколота на две фракции: «большевиков» и «меньшевиков». «Большевиков» возглавляли Нур Мухаммед Тараки и Амин, «меньшевиков» — Бабрак Кармаль. Москве удалось примирить соперников, но, как оказалось, это было лишь декорацией.

Кармаль вскоре заключил тайный союз с Тараки, оставив в изоляции Амина. Однако когда в апреле 1978 года в Кабуле начались беспорядки и тогдашний председатель РС Мухаммед Дауд арестовал всех коммунистов, на свободе оказался один Амин. Он воспользовался этим обстоятельством и представил дело так, что якобы именно он возглавил успешное восстание против Дауда.

Амин сумел восстановить свое влияние в НДПА при режиме Тараки, который стал председателем РС и премьер-министром и получил при нем посты зама премьер-министра и министра иностранных дел. Но Тараки и Кармаль по-прежнему держали камень за пазухой против Амина, и в 1978 году в Москве подготовили заговор для его свержения Все это время Тараки просил себе охрану у нашего правительства, не доверяя никому из своих. На его беду, Амин узнал об этом и сам схватил Тараки, посадил в тюрьму, где того сразу убили, а сам провозгласил себя главой государства. И первым делом, как и его предшественник, начал просить охрану и себе.

Все попытки Амина наладить отношения с США и ближайшими соседями успеха не имели. Разумеется, он хотел побудить их отказаться от помощи афганским повстанцам. Он старался избавиться также и от назойливой советской опеки; стремился к большей самостоятельности, к расширению связей и контактов с внешним миром. При этом Амин вовсе не собирался рвать с Советским Союзом, так как только на его экономическую и военную помощь мог реально рассчитывать. Больше того, беспрестанно просил ввести в Афганистан советские войска; пусть они станут гарнизонами в крупных городах — это позволит афганской армии начать крупные операции против бандитских формирований в горах.

В октябре 1979 года оперативная группа спецназа «Зенит» провела скрытую операцию в Афганистане. Ее участники, в обличье местных жителей, как бы растворились среди афганцев, чтобы узнать, как те станут реагировать на ввод советских войск. Их заключение убийственно для тех, кто замышлял интервенцию. Ввод советских войск вызвал бы не просто негативную реакцию населения — он означал бы войну с Афганистаном.

Но руководство КГБ встретило заключение своих экспертов в штыки, а шеф КГБ Ю.В. Андропов его проигнорировал. Но была и другая информация. Вот, например, что пишет о сведениях, которые бытовали тогда в КГБ, один из руководителей советской контрразведки генерал-майор В.С. Широнин:

«Документальные материалы свидетельствовали, что Амин давно вошел в контакт с американской разведкой и взял ориентиры на США. Захватив власть, он тайно обсуждал варианты возможной поддержки Америкой своего режима вплоть до ввода под благовидным предлогом оккупационных войск… В США был, в частности, заготовлен план высадки, по.просьбе Амина, крупного военного десанта с использованием кандагарского аэродрома. Предполагалось оперативно разместить воинские подразделения в Кабульской, а также в некоторых других, в основном восточных провинциях». А министр обороны Д.Ф. Устинов ворчал: «Если американцы могут позволить себе проведение этих операций за десятки тысяч

километров от своих границ, у самой кромки Советского Союза, то почему мы не можем защитить свои интересы в соседнем Афганистане?»

В его близком окружении поговаривали: Дмитрий Федорович искренне верит, что стоит только советским войскам появиться в Афганистане, как одни мятежники тотчас сложат оружие, а другие попросту разбегутся.

Возражения кадровых военных — начальника Генерального штаба Н.В. Огаркова и его заместителя С.Ф. Ахромеева были проигнорированы.

Скверную роль в этом сыграли Суслов и руководство международного отдела, точнее, Пономарев и Ульяновский. Это они подстрекали Андропова и Устинова к военному вмешательству, давая как бы идеологическую подкладку затевавшейся авантюре. Афганистан, заклинали они, не просто соседняя дружественная страна, — это уже почти социалистическое государство.

В первых числах декабря 1979 года Андропов направил генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу записку, ставшую прологом к вторжению в Афганистан. Написана она была сверхсекретным образом — от руки, в единственном экземпляре; даже дата не проставлена.

Толчком к ее появлению явилась телеграмма главного представителя КГБ в Кабуле Б.С. Иванова, где сообщалось, что Амин — агент ЦРУ; один на один тайно встречается в загородных ресторанах с американским поверенным в делах, плетет заговор — обсуждает план вторжения США в Афганистан. Американские суда с войсками уже приближаются к побережью Пакистана. Там высадится десант, который проследует в Афганистан. Неподалеку от Джелалаба-да уже находится передовой отряд, действующий под видом специалистов по ирригации.

Опираясь на такого рода информацию, шеф КГБ писал Генеральному секретарю:

«Развитие событий в Афганистане создало, с одной стороны, угрозу завоеваниям апрельской революции, а с другой — угрозу нашим позициям в Афганистане. Сейчас нет гарантий, что Амин не обратится к Западу для обеспечения собственной власти».

Андропов делает такой вывод. Недавно группа афганских коммунистов, находящихся за границей (Бабрак Кармаль и Сарвари), информировала нас о планах подготовки восстания и попросила о помощи, включая военную, если она потребуется. У нас есть два батальона, которые находятся в Кабуле, так что мы можем в случае необходимости оказать определенную поддержку. Однако в чрезвычайных обстоятельствах, на крайний случай, нам нужно иметь группировку войск, размещенную вдоль границы. «Если такая операция будет проведена, она позволит нам решить вопросы защиты завоеваний апрельской революции, восстановления ленинских принципов государственного и партийного строительства в афганском руководстве и укрепить наши позиции в этой стране».

Пожалуй, в этой записке Андропова, как ни в одном другом документе, четко показано, как и почему Советский Союз оказался в Афганистане.

В книгах по Афганистану все внимание уделяется вводу войск и почти ни слова не говорится, когда и как возник план ликвидации Амина. На самом деле главное в сценарии, который разрабатывался в Москве, — устранение Амина. А ввод войск рассматривался лишь как сопутствующее мероприятие, призванное на первых порах стать опорой нового режима в случае беспорядков и выступления оппозиции.

В августе 1978 года в Москве на правах эмигранта появился лидер фракции «Парчам» Бабрак Кармаль, которого стали прочить на роль нового афганского лидера. По оценкам экспертов ЦК, он будто бы пользовался серьезной поддержкой в партии и потому ему было предложено возглавить борьбу за свержение Амина. Он сразу согласился.

12 ноября с аэродромов Чирчика и ташкентского на авиабазу Баграм под Кабулом перебрасывается 154-й отряд специального назначения численностью 520 человек. Личный состав — только трех национальностей; узбеков, туркменов и таджиков. Именно за национальный состав батальон потом назвали «мусульманским». Все офицеры и солдаты одеты в афганскую военную форму и внешне мало чем отличаются от местных военных. Официально эта акция оформлена решением Политбюро только 6 декабря. А тем временем спецназовцы в течение месяца занимаются боевой подготовкой, ожидая выдвижения в Кабул.

По поручению из Москвы новый посол Табеев посетил Амина и сообщил, что Советское правительство удовлетворило его просьбы о направлении двух батальонов для усиления охраны резиденции главы государства и авиабазы Баграм. Эти подразделения были переброшены в Афганистан 3 и 14 декабря.

С одним из них тайно прилетел Бабрак Кармаль, находившийся среди советских офицеров, под усиленной охраной КГБ. Примерно в это же время в Афганистан переправили и «четверку» опальных сподвижников бывшего Генерального секретаря Тараки, за которыми столь рьяно охотился Амин. Они тайно укрылись у своих сторонников в Кабуле, а Амину посол сообщил долгожданное известие: советское руководство готово принять его в Москве с официальным дружественным визитом.

Пружина событий начала стремительно раскручиваться 8 декабря. В этот день в кабинете Брежнева в Кремле состоялось узкое совещание, на котором присутствовали только Брежнев, Андропов, Суслов, Громыко и Устинов. В итоге решено работать по двум направлениям. Во-первых, руками спецслужб КГБ устранить Амина и поставить вместо него Кармаля. Во-вторых, для поддержки этой акции послать в Афганистан советские войска.

Десятого декабря начальника Генерального штаба Огаркова вызвали в кабинет к Брежневу. Там были уже Андропов, Устинов и глава МИДа Громыко. Опираясь на мнение Генерального штаба, Огарков снова возражал против ввода войск, сказал, что афганцам надо дать возможность самим решать свои проблемы. Напоминал о традициях этого народа, не терпевшего иноземцев на своей земле; предупреждал об опасности втягивания наших войск в боевые действия. Все напрасно.

Роковое решение было принято Политбюро 12 декабря 1979 года в строгой тайне — никаких протоколов не велось.

Считается, что советские войска пересекли границу 29 декабря 1979 года. Такова официальная версия. На самом деле время «Ч» было определено 25 декабря в 15.00. Именно тогда в Афганистан вошел отдельный разведывательный батальон 108-й мотострелковой дивизии. Одновременно транспортные самолеты 103-й воздушно-десантной дивизии с личным составом и боевой техникой приземлились на кабульском аэродроме.

И только 2 января 1980 года Политбюро официально одобрило интервенцию, утвердив «численность ограниченного контингента советских войск в Афганистане» — пятьдесят тысяч в дополнение к двухтысячному отряду КГБ. На этом же заседании Политбюро приняло решение сослать в Горький академика Сахарова, который выступил против начинавшейся афганской авантюры…

27 декабря 1979 года президент, председатель Революционного совета, вождь всего афганского народа Хафизулла Амин приглашает к себе на обед в роскошный дворец в конце проспекта Дар-уль-Аман весь революционный истеблишмент — членов Политбюро и министров с женами. Повод собрать их — возвращение из Москвы секретаря ЦК НДПА Панджшери.

За две недели до званого обеда в Кабул прилетели две группы спецназовцев КГБ— «Гром» и «Зенит». А с утра 17 декабря «мусульманский» батальон занял позиции вокруг президентского дворца Тадж-Бек. Афганские охранники радостно приветствовали прибывшее подкрепление и выдали всем по одеялу из верблюжьей шерсти — ночью стояли 30-градусные морозы.

Дворец Амина был превращен в неприступную крепость: здание стояло на высоком бугре, к нему вела только одна узкая серпантинная дорога, к тому же все склоны были заминированы, а по периметру закопаны три танка…

Непосредственно дворец охраняла рота личной охраны Амина. Их было 120 человек, и все они в основном являлись родственниками президента или особо преданными ему людьми. Это было самое элитное подразделение афганской армии, обучавшееся по программе коммандос.

Кроме того, вокруг дворца стояла еще одна бригада охраны, которую возглавлял главный порученец Амина майор Джандат. Бригада состояла из трех пехотных батальонов, танкового батальона, пулеметной и минометной рот, хозчасти, автомобильного взвода. Да еще зенитный полк, который был вооружен восемью нашими стомиллиметровыми зенитными пушками, двенадцатью спаренными зенитными пулеметами. Общее количество охраны достигало двух

тысяч человек. Наш «мусульманский» батальон должен был стать третьим кольцом охраны.

«А план этот [штурма дворца] мне было велено разработать за два дня, — рассказывает командир „мусульманского батальона“ Василий Колесник. — И вместо охраны распланировать захват дворца и еще девяти важных объектов. Я сразу сказал, что это нереально. Главный советник от КГБ генерал Борис Иванов и главный военный советник генерал Султан Магомедов поставили эту задачу мне и еще советнику при посольстве полковнику Пупышеву. Через день уже докладывали: Пупышев, как и было велено, просто перераспределил личный состав на все объекты. Я же сказал, что не только людей никуда не отдам, но и потребую еще усиление, потому что невозможно против двух тысяч человек пустить 500 наших. Да к тому же на такой объект, подступы к которому заминированы».

В шесть вечера Колеснику сообщили, что он утвержден руководить операцией захвата. Колесник связался с начальником Генштаба Огарковым, которому также объяснил, что требуется помощь. Сделал на этот счет шифрограмму и отправил в Москву. Через несколько часов в его распоряжение пришли рота ВДВ и взвод, вооруженный противотанковыми управляемыми снарядами (ПТУРС).

Началась непосредственная подготовка к операции Первая рота под командованием старшего лейтенанта В. Шарипова должна была помочь группам «Гром» и «Зенит» — подобраться ко дворцу. Вторая и третья роты отряда и присланные на подмогу десантники под командованием старшего лейтенанта Вострогина должны были блокировать охрану афганцев.

Чтобы усыпить бдительность афганцев, советский батальон стал проводить учения по ночам: стрельбы, выходы по тревоге, пуск осветительных ракет. Ночью стояли морозы, поэтому постоянно прогревали моторы бронетранспортеров.

В первый день афганцы перепугались. Расположение советского батальона сразу осветили прожекторами, туда прибыл начальник охраны президента. Ему объяснили: идет обычная боевая учеба — батальон поддерживает постоянную боеготовность, чтобы предотвратить внезапные вылазки моджахедов. Потом афганцы привыкли и успокоились. Только просили сильно не шуметь, чтобы не мешать спать Амину.

Званый обед во дворце проходил в веселой, непринужденной обстановке, тон задавал радушный хозяин.

Но когда гости перешли в зал, где были накрыты столы для чая, почти все неожиданно почувствовали себя плохо: их одолевала чудовищная сонливость; они падали в кресла и буквально отключались.

Странная болезнь в одночасье поразила всех, кроме Панджшери. Амин едва держался на ногах. За обедом ел мало — у него и так легкое расстройство желудка. Кроме того, он уже никому не доверял; воду, к примеру, пил только из разных сосудов небольшими порциями: боялся — отравят. Ночью спал в разных местах, порой даже в танке.

Увидев бледного, шатающегося хозяина, охрана стала звонить… в советское посольство и военный госпиталь — просить помощи. Продукты отправлены на экспертизу; повара-узбеки задержаны.

Вскоре во дворец приехала группа советских врачей, ничего не подозревавших о задуманном покушении. В огромных залах и на ступенях лестниц множество людей лежали или сидели в неестественных позах. Большинство без сознания; те, что пришли в себя, корчатся от боли. Врачи сразу определили массовое отравление и начали оказывать экстренную помощь. Но тут подбежал афганский медик и увел их к президенту: тот совсем плох.

Советские врачи активно принялись лечить главу дружественного государства. И только около 6 часов вечера Амин стал приходить в себя. «Почему это произошло в моем доме9 Кто это сделал? Случайность или диверсия?» — бормотал он.

Но ответить на эти вопросы его охрана не смогла. Последовало указание выставить дополнительные посты и вызвать танковую бригаду. Но было поздно: советскими десантниками в Кабуле уже плотно блокированы афганские воинские части.

Примерно в это же время в советском посольстве стало известно, что план отравления Амина провалился и нужно начинать военную операцию. Главный военный советник генерал-полковник Магометов вышел на связь с командиром «мусульманского» батальона и приказал штурмовать как можно скорее.

Спустя 15—20 минут группа захвата во главе с капитаном Сатаровым блокировала танки, простреливавшие дорогу во дворец. Небо над Кабулом осветили две красные ракеты — сигнал к выступлению спецгрупп КГБ и «мусульманского» батальона. На дворец сразу же обрушился шквал артиллерийского огня — штурм начался.

Самое странное, что до последней минуты Амин считал, что дворец штурмуют моджахеды, а не советские друзья. Услышав стрельбу, он поднялся с постели и вышел в коридор. Советские врачи с ужасом увидели: навстречу им идет президент в майке и белых трусах, держа в широко расставленных руках флаконы от капельницы с физраствором… Один из врачей бросился к нему, вытащил иглы из вен.

Президент присел к стене, но тут раздался детский плач и откуда-то из боковой комнаты выбежал мальчонка — сын Амина. Увидев отца, бросился к нему; Амин обнял его и велел адъютанту немедленно позвонить в советское посольство и предупредить советских военных о нападении на дворец. А адъютант ему: атаку ведут советские войска…

«Врешь! Не может быть1» — кричит Амин и запускает в него пепельницей.

Сам пытается позвонить начальнику генерального штаба — связь не работает. Зато в коридорах все явственнее разносится русский мат. Тогда Амин тихо произносит: «Я об этом догадывался, все верно». Это, видимо, его последние слова. Пять человек из спецгруппы КГБ «Гром» ворвались в комнату и дали очередь из автоматов. В перестрелке Амин был убит. Один из участников операции потом рассказывал: «…Человек, застреливший Амина, сказал мне, что приказ был живым Амина не брать. Кстати, тогда же в перестрелке был ранен в грудь и скончался сын Амина. Я собственными руками перевязывал рану его дочери — ее ранили в ногу. Мы оставили дворец, в котором ковры были пропитаны кровью и хлюпали под ногами».

Труп Амина завернули в ковер и унесли.

…Все солдаты аминовской охраны сдались, но с небольшими группами остальных «мусбат» продолжал бой еще сутки, пока единицы уцелевших не скрылись в горах. Всего было пленено около 1700 афганцев и еще 400 они потеряли убитыми. В то время как с нашей стороны погибли десять человек, среди которых был и командир «Альфы» полковник Бояринов.

В тот же вечер кабульское радио сообщило, что Бабрак Кармаль возглавил правительство Афганистана и попросил советской военной помощи. На следующий день «Правда» опубликовала его «Обращение к народу», вызвавшее полное недоумение у советских читателей, — они черпали информацию только из советских газет, где всегда говорилось, что в Афганистане все спокойно. Теперь в Обращении утверждалось нечто обратное. «После жестоких страданий и мучений наступил день свободы и возрождения всех братских народов Афганистана. Сегодня разбита машина пыток Амина и его приспешников — диких палачей, узурпаторов и убийц… Разрушены бастионы деспотизма, кровавой династии Амина и его сторонников — этих наемников мирового империализма во главе с американским империализмом. .»

Так начиналась эта кровавая и бессмысленная война. Очень скоро Брежнев стал ворчать на военных— «Не могли сделать как положено. — И досадовал: — Вот, черт побери, влипли в историю!»

ЖАНДАРМСКИЙ БУНТ

Испания. 23 февраля 1981 года

В работах многих историков и политологов процесс перехода Испании от франкизма к демократии выглядит почти идиллическим. На самом деле, как и в любом переходе от диктатуры к свободе, в Испании такой серьезный исторический перелом не обошелся без потрясений, риска и жертв, хотя и во многом благодаря усилиям короля Хуана Карлоса и его команды реформаторов удалось избежать новой гражданской войны. Самым серьезным испытанием была попытка военного переворота 23 февраля 1981 года.

Давайте вместе с Хуаном Кобо, корреспондентом РИА «Новости» в Испании, попытаемся восстановить ход событий двадцатилетней давности.

23 февраля 1981 года в испанском парламенте проходил очередной тур голосования, которое должно было завершить затянувшееся на несколько дней избрание нового председателя правительства Леопольдо Кальво Сотело. Он должен был сменить на этом посту подавшего незадолго до того в отставку Адольфо Суареса, исполнителя сложной политической операции по демонтажу диктаторских структур и созданию основ новой демократии в Испании, за которой стоял король Хуан Карлос и его ближайшие советники.

Правящая партия Союз демократического центра (СДЦ), которую возглавлял Суарес, исчерпав свой реформистский потенциал и вызвав ненависть консервативных элементов, прежде всего в армии, находилась на грани распада (через год СДЦ потерпел сокрушительное поражение на выборах, уступив место соцпартии). Армия, жандармерия и полиция были взбешены действиями террористов-басков из ЭТА, ультралевых из ГРАПО, ультраправых экстремистских организаций, которые устроили форменную охоту за представителями вооруженных сил и сил общественного порядка, убивая их почти каждый день выстрелами из-за угла. Генералы считали, что гражданская власть слишком слаба, не контролирует процесс, приведет страну к гибели.

В военной верхушке один за другим зрели заговоры. Пошли упорные разговоры о том, что требуется создание правительства «национального спасения». Некоторые социалисты — вторая уже тогда по силе и влиянию партия в стране — на тайных встречах с военными не скрывали, что не возражали бы против ввода в такое правительство высокопоставленных генералов, что должно было бы якобы придать новому Кабинету министров больший авторитет.

Сторонники такого выхода, в том числе и среди генералитета, считали, что необходимы решительные действия, дабы преградить дорогу другим генералам — сторонникам возвращения страны к неофранкистской диктатуре.

Итак, в зале испанских кортесов собрался парламент в полном составе, почти все члены кабинета, лидеры всех политических партий. Стрелки часов показали 18 часов 22 минуты, когда возле трибуны неожиданно возникла группа жандармов в черных лакированных треуголках, вооруженных автоматами и пистолетами. Их предводитель подполковник Техеро, давно известный всем как фанатичный сторонник Франко и враг демократии, закричал: «Всем лечь на?пол!» За этим последовала нецензурная брань и выстрелы. К счастью, в потолок. Депутаты повалились под свои кресла. Не захотели подчиниться приказу лишь Адольфо Суарес, его заместитель генерал Мануэль Гутьеррес Мельядо и лидер коммунистов Сантьяго Каррильо, продолжавший невозмутимо курить сигарету. Разгневанный генерал Мельядо — физически хрупкий, очень немолодой — чуть ли не с кулаками набросился на жандармов. Ему грубо скрутили руки. На выручку генералу поспешил Адольфо Суарес — с ним поступили не менее жестко.

Снова зазвучали выстрелы. К счастью, кровь и на этот раз не пролилась. Но этого никто не знал за пределами кортесов — по телевизору видели, как потерявший самообладание Техеро мечется, и слышали выстрелы. Как выяснилось позже, это сыграло важную роль: военные сторонники «мягкого» переворота в тот момент заколебались. Ведь условием своего участия в заговоре они сделали бескровный переворот, иной вариант мог бы привести к новой гражданской войне.

Но первая фаза переворота завершилась для заговорщиков успехом. Бесноватый жандармский офицер во главе группы из 445 послушных ему подчиненных держал в заложниках не только всю политическую верхушку страны, но и парламент в полном составе, который заговорщики под дулом пистолета намеревались заставить одобрить создание правительства «национального спасения» по составленному ими заранее списку.

Страны Западной Европы тут же осудили мятеж, госдепартамент США заявил, что это «внутреннее дело» Испании. Страну охватил страх.

В ту ночь, которая, казалось, никогда не кончится, вышедшие было из подполья активисты левых партий и организаций, участвовавшие в антифранкистском движении, укрылись на конспиративных квартирах, которые сохранялись «про запас» на случай такого поворота событий.

Особенно опасная угроза в тот вечер 23 февраля исходила от расквартированной в десятке километров от центра Мадрида бронетанковой дивизии «Бру-нете». Она получила приказ о

продвижении в центр столицы. Несколько подразделений дивизии приступили к исполнению приказа. В частности, ими было захвачено здание мадридского телецентра (тогда в Испании действовал лишь один государственный канал телевидения). Король на какое-то время лишился возможности обратиться к стране и, что особенно важно, к армии с призывом отказать в поддержке заговорщикам. Если бы вся дивизия «Брунете» вошла в Мадрид, эта акция могла вызвать «эффект домино»: за нею, не исключено, последовали бы и выступления других военных в Испании.

Подобное произошло в Валенсии, где один из главных заговорщиков, командующий военным округом генерал Хайме Милане дель Боек— бывший офицер «Голубой дивизии», лично награжденный Гитлером Железным крестом, поднял открытый мятеж. Четыре сотни его танков при поддержке 1800 офицеров и солдат вышли на ночные улицы Валенсии. Однако флот и авиация отказались поддержать Миланса. Более того, на военно-воздушной базе в Ма-нисесе генералу заявили, что при приближении его танков по ним будет открыт артиллерийский огонь. Милане принялся обзванивать других командующих военными округами, склоняя их к выступлению. Король отдал приказ арестовать мятежного кавалера Железного креста, но никто не отваживался сделать это.

…«Всем ждать! Скоро к вам обратится очень важная персона!» — произнес в зале парламента подполковник Техеро. Шел час за часом, но ничего не происходило…

«Важной персоной», как затем было установлено, был известный генерал Альфонсо Армада — человек умный, волевой и коварный. Он почти 20 лет входил в ближайшее окружение Хуана Карлоса, когда тот еще был преемником каудильо. Однако после смерти Франко генерал не скрывал своей враждебности к реформам, одобряемым королем, и постепенно потерял его доверие. Хуан Карлос отдалил генерала от себя, он был назначен заместителем начальника главного штаба армии. На этом посту, причем спекулируя на прежней близости к монарху, Армада кропотливо и тщательно организовал широко разветвленный заговор, приведший к захвату парламента. Идея была простая: поставить Хуана Карлоса перед фактом и тем самым принудить согласиться с правительством «национального спасения» во главе с Армадой.

Генерал постоянно намекал своим коллегам, что он якобы выполняет волю монарха, который не желает действовать в открытую, но будто бы одобряет действия, направленные на пресечение хаоса и анархии в стране.

Стремясь добиться своей цели, Армада в самый разгар событий предпринял поистине макиавеллиевский ход. Он позвонил королю, попросив срочно принять его в королевской резиденции «Сарсуэла», чтобы лично информировать о «сложившейся ситуации». Генерал рассчитывал, что его присутствие в «Сарсуэле» будет воспринято руководством армии как знак того, что он действительно пользуется молчаливой поддержкой монарха, но один из самых близких королю людей генерал Сабино Фернандес Кампос разгадал тайную суть этого хода, узнав по своим каналам, что в дивизии «Брунете» заговорщики ссылаются на Армаду как на «высшего авторитета» в предпринятой акции и внушают колеблющимся, что он находится в Сарсуэле. Хуан Карлос приказал Армаде оставаться на месте и воздержаться от появления в королевской резиденции, тем самым дезавуировав его перед лицом армии.

Когда командование «Брунете» узнало, что Армада вовсе не выражает волю короля, являющегося по конституции также и Верховным главнокомандующим, они приказали танкам вернуться в казармы.

Тем временем Хуан Карлос предупреждал Миланса: «Мятеж чреват риском гражданской войны в стране. Ответственность за это ляжет на всех вас». С такими же словами король обратился к другим командующим военными округами, которых обзванивал лично, требуя от них лояльности.

Лишь после этого Хуан Карлос и верные ему люди стали медленно брать ситуацию под контроль. Мятежные войска удалось убедить уйти из телецентра. Оттуда в «Сарсуэлу» в срочном порядке выехала телевизионная группа для записи обращения короля к нации.

Глубокой ночью на экранах телевизоров появился король Хуан Карлос, одетый в военную форму. Тем самым он подчеркивал, что выступает не только как король и глава государства, но и как верховный главнокомандующий. Он потребовал от армии безусловного соблюдения

демократических норм конституции, принятой народом.

Мятеж захлебнулся. Милане сдался властям. Техеро освободил кортесы и был препровожден в тюрьму. Взяли под стражу Армаду и других участников заговора. Через год состоялся судебный процесс. Судили лишь нескольких военных и одного гражданского. Обвиняемые оправдывались, что выполняли волю монарха. Сторонники Франко, толпившиеся у зала суда, скандировали: «Король предатель!»

Но это не подействовало на большинство испанцев, которые независимо от своего отношения к монархии как таковой именно в ту страшную ночь стали горячими хуанкарлистами.

После той февральской ночи были еще заговоры, были даже попытки покушения ультраправых военных на жизнь короля, вовремя обезвреженные, но скрытые от общественности, чтобы не накалять обстановку. Эта критическая ситуация положила конец не просто угрозе возврата к франкизму, она обозначила финал без малого 200-летней мятежно-кровавой полосы в истории Испании, когда страну без конца потрясали военные перевороты, приводившие к гражданским войнам и затормозившие продвижение испанцев к современному типу общества.

Теперь можно сказать, что есть в той истории много неясных моментов. Хуан Карлос не склонен говорить о некоторых нюансах той ночи и того, что ей предшествовало.

Среди многих версий случившегося очень распространена такая, согласно которой король, предчувствуя неизбежность мятежа, как бы сыграл на опережение: не стал тормозить его, а дал ему ход. На это, например, намекает королева София в книге-интервью «Королева». Едва ли она стала бы говорить такое, не согласовав это с мужем. Весьма информированный участник тех событий Сантьяго Каррильо заявил на презентации своей книги, что король в последние месяцы правления Адольфо Суареса не раз выражал перед генералами свое недовольство премьером, и они могли воспринять это как сигнал к действию.

И все же, по мнению большинства аналитиков, Хуан Карлос не мог желать военного переворота, даже если бы он был «в его пользу». Дело не только в его демократических убеждениях, но и в чисто личных мотивах. Перед королем, как и перед королевой, постоянно стоит пример брата Софии короля Греции Константина, который пошел на поводу у «черных полковников», а спустя некоторое время они свергли его.

Всех мятежников приговорили к длительным срокам заключения. Несколько лет назад Армаду и Миланса помиловали. Техеро, отказавшийся от помилования, вышел на свободу в ноябре 1996 года. Он отсидел в тюрьме три четверти своего срока. Все они полностью отошли от политики и уже не представляют никакой опасности.

Однако даже если вся сложная правда о тех событиях никогда не станет известной, время от времени некоторые детали всплывают наружу. Так, в самый канун 20-летней годовщины военного переворота в испанской прессе появились многочисленные документы, подтверждающие не просто причастность, но и прямое участие в том заговоре главной испанской спецслужбы СЕСИД. Более того, возглавляющий это ведомство генерал Хавьер Кальдерон, один из тогдашних руководителей этой службы, уличен в том, что знал о заговоре, помогал путчистам. Мало того, став главой СЕСИД, он выбросил из него тех офицеров, которые были против участия в перевороте и затем пытались сказать правду об этом.

Пресс-секретарь правительства Пио Кабанильяс заявил: «Суд уже осудил всех виновных, остальное дело историков». А испанская прокуратура заявила, что не может открыть дело по новым фактам, так как срок давности за те деяния истек как раз 23 февраля 2001 года.

УБИЙСТВО САДАТА

Египет. 6 октября 1981 года

В утренней сводке погоды говорилось, что день 6 октября 1981 года в египетской столице ожидается теплым, без осадков. Президент Египта Анвар Са-дат поднялся рано. Возможно, у него были какие-то предчувствия; позвонившему ему вице-президенту Хосни Мубараку он сказал, что с большим удовольствием остался бы дома. Разумеется, Садат знал, что это

невозможно: на вторник был назначен военный парад в честь годовщины начала четвертой израильско-арабской войны 6 октября 1973 года.

Для Египта день 6 октября стал Днем победы: с тех пор ежегодно по площади в Мадинет Наср, расположенной на окраине Каира, парадным маршем проходят войска, демонстрируя мощь египетской армии.

Парад начался ровно в одиннадцать часов по местному времени. Лучшие части египетской армии не одну неделю готовились к нему. Органы безопасности тщательно следили за тем, чтобы в руках военнослужащих, принимавших участие в параде, не было ни одного заряженного боевыми патронами пистолета или автомата. Даже приглашенные на трибуну почетные гости подверглись досмотру все они прошли через специальные детекторы.

Садат занял на трибуне центральное место в первом ряду. Справа от него расположился вице-президент Мубарак, слева — военный министр Абу Га-заль Все шло по заранее намеченному распорядку: дикторы на двух языках — арабском и английском — комментировали ход парада.

Парад подходил к концу, часы показывали без двадцати двенадцать На площадь выехали автомобили со 130-миллиметровыми пушками на прицепах Взгляды сидящих на трибуне были обращены в тот момент к небу. Из громкоговорителей звучали английские слова: «Сейчас вы увидите истребители-бомбардировщики типа „Мираж“, пилоты которых продемонстрируют свое мастерство». Под рев самолетов в небе на земле раздались выстрелы, взрывы гранат и автоматные очереди. Послышались выкрики. «Слава Египту! Вперед!» Эти слова доносились с площади, а из громкоговорителя уже неслось «Предатели! Предатели!»

Основная официальная версия была такой покушение совершено группой из четырех лиц Непосредственными исполнителями были старший лейтенант аль-Исламбули, командир артиллерийской установки, и три солдата, которые были членами одной из организаций исламских фундаменталистов и дали согласие на участие в акции. Старший лейтенант подписал увольнительную трем солдатам из обслуживания артустановки и заменил их заговорщиками Последние получили не только полное обмундирование, но сумели завладеть и оружием ушедших в увольнительную солдат Боевые патроны, ручные гранаты и дымовые шашки были получены из «внеармейских» источников.

Когда грузовик поравнялся с трибуной, старший лейтенант, сидевший в кабине рядом с шофером, дал команду остановиться. Шофер замешкался, но аль-Исламбули с помощью ручного тормоза остановил машину и выскочил из кабины. Его сообщники выпрыгнули из кузова. Сначала всем показалось, что они хотят подтолкнуть вышедшую из строя машину Но заговорщики сразу же открыли огонь по трибуне и начали бросать гранаты. По донесениям можно сделать вывод, что один из участников покушения оставался в машине и стрелял издалека, вероятно, он-то и ранил Садата (хотя позднее об этом факте умалчивалось)

Президент, видимо, предполагал, что солдаты хотят поприветствовать его, поскольку приподнялся и тем самым превратился в открытую мишень Он был ранен в живот и грудь, а осколок гранаты разорвал ему левое плечо Телохранитель попытался прикрыть президента своим телом, но было уже поздно. Получив смертельное ранение, он усугубил положение тем, что повалил Садата на землю и упал на него.

Трибуна являла собой страшное зрелище. Истекающие кровью раненые, мечущиеся охранники, старающиеся подняться почетные гости, перевернутые стулья. Вице-президент был легко ранен. К ногам военного министра была брошена граната, которая не взорвалась Еще одна граната разорвалась рядом с генералом и нанесла ему смертельную рану. Среди убитых оказались старший камердинер президента Хассан Аллам, фотограф Мохаммед Рашван и коптский епископ Самуэль. Получили ранения послы Кубы и Бельгии, первый секретарь австралийской дипломатической миссии, доверенный человек президента Сайед Марей и три американских военных советника, которые находились в Египте для переговоров относительно запланированных военных учений. Каждый из них представлял различные рода войск подполковник сухопутных войск Чарльз Ломи, майор военно-морских сил Джеральд Агенброд, капитан ВВС Христофер Риян.

Лишь через сорок пять секунд в бой вступили телохранители, которые либо убили, либо захватили раненых участников покушения.

Кто и почему совершил покушение? Еще, пожалуй, был жив Садат, когда один из английских журналистов, очевидно, по чьей-то подсказке, упомянув «неофициальные источники», обвинил в покушении палестинцев. Появились намеки и на «руку Ливии», поскольку отношения между Каиром и Триполи достигли горячей точки Эта версия была подхвачена несколькими американскими радиостанциями и телевидением.

Но вскоре появляется официальное заявление, в котором отрицается любое вмешательство из-за рубежа Многие журналисты отмечали, что власти стремятся сузить круг возможных участников покушения Они стараются пресечь все слухи о том, что заговор носил широкий характер и, возможно, был элементом планируемого государственного переворота, подготовленного вооруженными силами Каирские газеты писали, что последние слова Садата, обращенные к Мубараку, были следующие «Я решил повысить в звании тех офицеров, которые приняли участие в октябрьском поражении» Подобные сообщения свидетельствовали о стремлении поддержать версию покушение организовали всего лишь один офицер и три солдата Причин для беспокойства нет.

Однако не было недостатка и в других версиях Говорили, что в покушении участвовали не четыре, а шесть или восемь человек Вблизи от площади, где проходили парады, в Мадинет Наср, представляющем нагромождение строительного материала и отбросов, заговорщики якобы построили из мешков с песком копию трибуны и отрепетировали акцию с точностью до секунды Все это, однако, нельзя представить себе как действия одиночек Впрочем, уже вскоре выплыла на свет нелегальная правоэкстремистская религиозная организация «Ат-Такфир валь-Хиджра» («Искупление и исход»), к которой принадлежали заговорщики. Она представляла направление в исламском фундаментализме, которое проповедует необходимость следовать законам Корана, придерживаясь буквального толкования этих законов На деле это означает запрет на любое отклонение от учения, отказ от всего, чуждого исламу.

Открытый вызов был брошен Садату в 1977 году после похищения министра по делам вакуфов шейха Мухаммеда ад-Дахаби, приближенного к президенту человека Он был убит по всем правилам ритуальной казни, пуля проникла в мозг через левый глаз Когда в начале осени 1981 года Садат подписал приказ об аресте неугодных ему лиц, среди них было немало членов «Ат-Такфир валь-Хиджра» Из 1536 арестованных 467 принадлежало к этой организации. После покушения власти арестовали еще 553 членов секты Учитывая общее количество арестованных, нельзя поверить официальным данным, которые говорят о том, что «Ат-Такфир валь-Хиджра» насчитывает всего лишь около 500 членов По неофициальным данным, ядро организации состоит из 4000 человек, из них тысяча восемьсот готовы идти на самые отчаянные операции Сочувствующие составляют около десяти тысяч. Их основная задача — сбор пожертвований, особенно в молельные дни по пятницам около мечетей Из официальных заявлений можно сделать вывод, что были обнаружены нелегальные склады оружия и крупные денежные суммы, в том числе в американских долларах и риалах Саудовской Аравии.

Египетские власти были озабочены тем, что секта, провозгласившая первоначально отказ от «земных дел», пыталась внедрить своих людей в государственный аппарат, в армию, в службу безопасности. Более тридцати офицеров считались членами этой организации, среди них самый высокий пост занимал подполковник контрразведки Аббуд Абдель Латиф Хасан эз-Зумр, служивший в районе Асьюта.

Вскоре после начала расследования дела об убийстве президента на смену версии об «индивидуальной акции» пришла версия о заговоре под знаменем «хомейнистской революции». Суть этой версии такова: 6 октября террористы хотели уничтожить всех политических и военных руководителей Египта, но это не удалось. (Предполагалось, что готовится новое покушение, которое должно произойти во время похорон Садата, но предпринятые меры безопасности и аресты якобы помешали выполнению задуманного.)

Если бы такая акция совершилась, то вооруженные члены секты должны были бы ворваться в здание радио— и телецентра, где находились их доверенные люди, в частности диктор, который заранее записал на пленку сообщение о перевороте, и инженер, в задачу которого входило прервать передачу и передать сообщение по всем программам. «Ат-Такфир валь-Хиджра» собиралась создать Совет улемов (исламских ученых), Совет сур, который бы занимался толкованием Корана, и хорошо вооруженную «исламскую гвардию». Все это

осталось лишь в виде плана. В стране, за исключением некоторых мест, царило спокойствие. Наиболее серьезное положение создалось в Асьюте, где в ходе уличных перестрелок было убито и ранено 154 человека. Небольшие столкновения были в некоторых провинциальных городах и районах Каира, например на шоссе, ведущем к пирамидам. Все выступления такого рода были подавлены.

Мировая пресса подхватила вышеприведенную версию. В Каире официально она не была ни подтверждена, ни опровергнута.

Пресса цитировала и другие высказывания, которые намекали на иной характер заговора против Садата. Приводились, например, слова главнокомандующего национальной гвардией Саудовской Аравии принца Абдаллы, который при встрече с одним из высокопоставленных арабских гостей за неделю до покушения на Садата заявил: «Мы считаем, что Садат скоро сойдет с арены…» Это заявление можно толковать по-всякому. Западногерманский журнал «Шпигель» информировал своих читателей о том, что палестинские руководители через посредников известили египетского президента о готовящемся покушении, после чего Садат отказался от намеченного очередного визита в Европу. Эти слухи обратили на себя внимание прежде всего потому, что отношения между главой Египта и палестинцами были отнюдь не теплыми, учитывая переговоры в Кэмп-Дэвиде о так называемой автономии для палестинцев. Один из египетских министров вспоминает слова Садата, сказанные им в тот момент, когда его предупредили о маневрах исламских фундаменталистов: «Все до единого мои знакомые, их имена известны. В конечном итоге это мои дети…» Вскоре он дал приказ арестовать многих из своих «детей». Но большинство осталось на свободе.

Обозреватели до сих пор указывают на множество «белых пятен» в деле об убийстве Садата. Напрашивается невольное сравнение с Далласом: чем больше занимались расследованием убийства Джона Кеннеди, тем туманнее становилась картина покушения. Вот лишь некоторые моменты того каирского вторника.

Группой заговорщиков руководил старший лейтенант аль-Исламбули, брата которого арестовали 3 сентября как члена экстремистской исламской организации. В связи с арестом брата и самого старшего лейтенанта подвергли «строжайшей проверке», но не нашли ничего, компрометирующего. Действительно ли было проведено следствие? И если да, то каким образом ему удалось избежать разоблачения?

Каким образом удалось заговорщикам обойдя многократные проверки пронести боеприпасы и гранаты на площадь, где шел парад?

Согласно уставу египетской армии, за день до парада солдаты не имеют права покидать казарму даже в случае внезапной болезни. — Каким образом удалось дать увольнительные солдатам, заменив их неизвестными резервистами? Как проникла эта группа через кордон усиленного контроля и вышла на парад?

Военный министр издал в свое время приказ, согласно которому во время парада запрещено останавливаться перед главной трибуной любому виду транспорта. В случае остановки по машине должен быть открыт огонь, не дожидаясь особой команды. Почему не был выполнен этот приказ?

Телохранители занимали выгодные позиции по краям трибуны. Однако по показаниям свидетелей установлено, что они покинули свои посты за шестьдесят—тридцать секунд до того, как раздались первые выстрелы. Почему?

Как могло произойти, что при отличной организации покушения не сработали некоторые гранаты и, таким образом, только президент был смертельно ранен? Можно ли объяснить это случайностью?

Имели ли под собой почву распространяемые в Каире слухи о том, что заговорщики поддерживали связь с некоторыми лицами из контрразведки?

Все эти вопросы легче поставить, нежели найти на них ответ.

Можно ли после этого назвать покушение случайностью? Вероятно, в любом случае антисадатовские выступления вылились бы наружу, поставив под угрозу если не физическое, то политическое существование президента.

В то время, когда раздались выстрелы, рядом с Садатом сидели два человека: Хосни Мубарак и Абу Газаль. В первом варианте официального сообщения говорилось, что

террористическая группа исламских фундаменталистов намеревалась уничтожить все высшее руководство Египта. Главный подсудимый — старший лейтенант аль-Исламбули через своего адвоката просил пригласить Мубарака на заседание суда в качестве свидетеля. Судья отклонил просьбу защиты. Офицер указывал, что они могли убить и вице-президента и военного министра, но им нужен был лишь президент. Дальше в показаниях говорится, что когда аль-Исламбули подбежал к трибуне, то крикнул Абу Газалю: «Отойдите в сторону, мне нужна эта собака!» В дальнейшем подчеркивалось, что участники заговора покушались исключительно на жизнь Садата, остальные были невинными жертвами.

Говорят, что тайные встречи аль-Исламбули и его сообщников, состоявшиеся 21, 24 и 26 сентября, были прослушаны и даже запечатлены на кинопленку. На этих совещаниях было решено раздобыть оружие и убить Садата. Вроде бы эти материалы были положены на стол президента, но он не обратил на них никакого внимания. Вероятно, египетский президент не верил подобным документам, ведь они были реальным опровержением слов Садата, что «сыновья» обожают его.

Однако эти документы не попали в руки Мубарака. Вице-президент яснее видел создавшееся положение, более того, отдавал себе отчет в опасности экстремистских выступлений исламских фанатиков. В Каире считали, что окончательный вид многим импровизациям Садата придавали Хосни Мубарак и министр иностранных дел Бутрос Гали, но, видимо, далеко не все документы попадали непосредственно к ним.

На одной из каирских военных баз состоялся процесс по делу участвовавших в покушении на Садата. Обвинительное заключение в 450 страниц было написано довольно быстро, можно было начать суд, но он откладывался из-за сорокадневного траура. Двадцать четыре обвиняемых заняли места за стальной решеткой на скамье подсудимых.

Хроника этого процесса полна пробелов. Поскольку речь шла о национальных интересах, суд заседал при закрытых дверях, публика туда не допускалась. Процесс был полон театральных жестов, обвиняемые гордо сознавались в убийстве президента, из-за решеток раздавалось: «Шаллах акбар!» («аллах велик!»). Выяснилось, что заговорщики хотели создать в Египте исламскую республику. Участники заговора не были едины в том, нужно ли убивать одного только Садата или же следует уничтожить все египетское руководство.

После смерти Садата Мубарак взял в свои руки управление государством, а через неделю был официально избран на пост президента. Мубарак воспользовался сделанными в прессе разоблачениями, чтобы сменить всю «экономическую команду Садата» — министров экономики, промышленности, финансов, планирования и туризма.

УБИЙСТВО ПАЛЬМЕ

Швеция. 28 февраля 1986 года

Утром 28 февраля 1986 года лидер шведской социал-демократии и глава правительства Улоф Пальме принял шведских журналистов. В конце беседы ему был задан вопрос, как он оценивает возможности для мира и разрядки на международной арене?

«Долгое время, — сказал Пальме, — отношения между великими державами были холодными. Но сейчас можно видеть отчетливые признаки ломки льда. Международное положение просветлело. Недоверие рассеивается, как туман ранним весенним утром. Мы констатируем много предпосылок для разрядки. Все больше людей включаются в борьбу за мир, и это отрадно, поскольку широкое народное движение резко повышает возможности для мира и разоружения. Положено начало диалогу между великими державами».

В этот день, как обычно, Пальме покинул здание правительственной канцелярии последним.

…Жизнь Пальме-политика не была гладкой. Шаг за шагом давался в нелегкой борьбе с оппонентами, противниками и откровенными врагами. Правые консервативные круги никак не хотели простить ему, что он, «мальчик из высшего общества», стал социал-демократом и тем самым предал свой класс. Пальме порой характеризовали как беспощадного, агрессивного, злобного человека, без юмора и великодушия, с непомерным желанием отстаивать свое «я». А с

другой стороны, некоторые из социал-демократов с подозрением относились к Пальме как выходцу из буржуазных кругов. Они утверждали, что у него не получаются контакты с рабочими, что он высокомерен, как многие политики правого толка.

Можно смело утверждать, что немногие шведские политики подвергались таким резким личным нападкам и слышали такую похвалу, вызывали такую сильную антипатию и симпатию, как Пальме. Уже после его гибели шведская газета «Дагенс нюхетер» писала, что он не оставлял никого равнодушным, вызывая или восхищение, или гнев.

Устранить Пальме оказалось нетрудно в первую очередь потому, что он, как и его предшественники на постах премьера и руководителя Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ), предпочитал общественный транспорт, нередко ходил на работу и обратно пешком, беседуя по пути с прохожими.

Улоф Пальме с женой Лисбет смотрел в кинотеатре «Гранд» на улице Свеа-вэген фильм «Братья Моцарт». По дороге домой премьер был убит выстрелом в спину. Лисбет была легко ранена. Стреляли в упор. Место выбрали недалеко от входа в метро, на углу Туннельгатан, метрах в пятистах от «Гранда».

Удалось установить, что убийца — высокого роста, блондин. Незадолго до преступления его, а также других пассажиров автомобиля «Ауди» видели в окружении четы Пальме. Словом, Улофа Пальме «вели» профессионалы.

Городские часы показывали 23 часа 10 минут. Ночью кабинет министров собрался на экстренное заседание. У места, которое обычно занимал за столом совещаний глава правительства, была зажжена свеча. В ранние утренние часы в Стокгольме тысячи шведов направились в правительственную канцелярию Русенбад, в штаб-квартиры местных социал-демократических организаций по всей стране, чтобы выразить свое соболезнование и сделать записи в траурных книгах. К месту убийства, где еще не высохло кровавое пятно, стекались сток-гольмцы.

Восемь стран объявили траур в связи с гибелью Пальме. Сотни тысяч шведов приняли участие в проведенных общественными организациями спонтанных демонстрациях и митингах, посвященных памяти Пальме. На месте его гибели, где на рассвете 1 марта неизвестный прохожий оставил красную розу, вырос холм из живых цветов. Многие простые шведы, будучи не в силах понять и объяснить совершенное злодеяние, задавались вопросом: чьих рук это дело?

Полицией был арестован 42-летний безработный Кристер Петерсон, который якобы «крутился» около Пальме за несколько дней до убийства.

Но в том же 1986-м Петерсона условно освободили из-под стражи, и по сей день шведская полиция его периодически допрашивает. Он отрицает свою причастность к преступлению, считая, что «ведется некая математическая игра».

Судя по целой цепочке фактов, ликвидация Пальме тщательно организована и спланирована.

Дело в том, что, по оценкам руководства и экспертов шведской компании «Виниан АБ», торгующей оружием и боеприпасами, разрывная пуля, убившая Пальме (на которой не обнаружено опознавательных знаков), могла быть изготовлена в 1982—1983 годах американской фирмой «Винчестер-Узстерн Дивижн».

В ту роковую ночь одна женщина оказалась неподалеку от места убийства. Через несколько минут после выстрелов (это она поняла позже, узнав об убийстве из газет) она увидела, как полицейский автомобиль марки «СААБ», стоявший у тротуара, стремительно уехал. Женщина услышала слова водителя, сказанные в микрофон радиотелефона: «Ага, значит, вон там». Но «СААБ» умчался вовсе не в сторону места преступления. Власти были немало удивлены, почему водитель был в автомобиле один. Согласно инструкции, в патрульных машинах обязательно сидят двое полицейских. По этому делу бы|ло начато расследование.

Депутат риксдага от Левой партии Йорн Свенссон зачитал в парламенте исследование «Политические мотивы убийства У. Пальме».

Анализируя возможные мотивы преступления, депутат пришел к выводу: ненависть вашингтонской администрации и высших военных кругов НАТО вызывала прежде всего

деятельность Пальме на международной арене. Предложения Комиссии Пальме, отмечается в документе, грозили подорвать американские планы гонки вооружений. Нельзя упускать из виду и того, что Пальме пользовался большим авторитетом в общественных и политических кругах натовских стран, прежде всего в ФРГ и Голландии, а это — в перспективе — могло привести к нежелательным для Вашингтона изменениям в европейской стратегии.

Как отмечает Й. Свенссон, убийство было настолько тщательно подготовлено и спланировано, что можно утверждать о существовании заговора против Пальме. Все говорит о почерке американского шпионского ведомства, считает депутат. Он отметил, что ЦРУ, скорее всего, использовало в этих целях бывших наемников из числа командос, причастных ныне к деятельности пра-воэкстремистских организаций в Европе. С этим утверждением, кстати, перекликается сообщение газеты «Свенска дагбладет». Еще в январе 1986 года в полицию позвонил человек и заявил, что ему обещано вознаграждение — 2 миллиона долларов — за убийство Пальме. Предложение сделал американец, бывший офицер, участвовавший в войне во Вьетнаме.

Заметим, однако: со стороны полиции ни разу, во всяком случае официально, не упоминалась причастность ЦРУ к убийству в качестве одной из возможных версий. Как не вызвали у местной полиции «энтузиазма» и сообщения, в том числе лондонской газеты «Обсервер», о том, что пуля, оборвавшая жизнь Пальме, могла быть выпущена агентами чилийской охранки. На такую возможность указывали проживающие в Швеции чилийские эмигранты. Непосредственным организатором убийства назывался и Майкл Таунли, гражданин США, осуществивший совместно с чилийской охранкой ликвидацию, причем в Вашингтоне, Орландо Летельера — одного из лидеров социалистической партии Чили и антипиночетовской оппозиции.

Весной 1998-го появилась очередная версия. В конце апреля шведскому послу в Турции руководство ее МИДа сообщило: Улофа Пальме убили якобы по приказу лидера Курдской рабочей партии (КРП) А. Оджалана в связи с «антикурдскими» действиями шведского премьера (в 1980-х он распорядился усилить охрану посольства Турции в Стокгольме из-за частых демонстраций курдской диаспоры против турецкого геноцида курдов). Были представлены показания одного из заместителей Оджалана — Ш. Сакыка.

Всего же в полицейских компьютерах содержится 13 тысяч версий, имена почти 50 тысяч человек, хоть в какой-то степени имевших или могущих иметь отношение к преступлению. Результатов этой титанической работы пока не видно.

Имя Виктора Гуннарсона значилось одним из основных в списке: на него указывало слишком многое, и потому он был арестован. Один из шведских детективов, уже вышедший в отставку, даже опубликовал книгу, в которой доказывал, что именно Гуннарсон является преступником. Из этой книги и других источников известно, что в то время Гуннарсон состоял в экстремистской Европейской рабочей-партии, которая травила премьера, а в своих действиях не останавливалась перед насилием и террористическими актами. Были также сообщения о его тесных связях с другими экстремистами, в частности, с американской группировкой Ларуша.

Вскоре, однако, его пришлось отпустить «за недостаточностью прямых улик», хотя многие следователи до сих пор считают его причастным к убийству Пальме.

Выйдя на свободу, Гуннарсон почти сразу же перебрался на жительство в США, поскольку, как он объяснил журналистам, обвинения, выдвинутые против него, «поломали ему всю жизнь на родине». За океаном он спокойно зажил в городке Солсбери, обзавелся новыми знакомыми, но связи с друзьями и близкими в Швеции не терял, регулярно писал, посылал бандероли и посылки, иногда звонил. И вдруг неожиданно пропал. Его приятель, с которым они договорились о встрече, обнаружил дверь дома Гуннарсона открытой. Ничто не указывало ни на вторжение посторонних, ни на намерения хозяина уехать надолго, даже документы и деньги остались на письменном столе. Приятель, прождав сутки, сообщил в полицию об этом исчезновении. Вскоре забеспокоились родители, долгое время не получавшие весточек от сына, и в полиции составили протокол, в котором были указаны приметы пропавшего и содержалось несколько его фотографий.

Труп Гуннарсона обнаружили в пустынной сельской местности за 120 километров от Солсбери. Детективам никаких, даже самых мизерных следов, зацепок обнаружить не удалось,

похоже, работали профессионалы и, как заявил один из детективов, «скорее всего, гастролеры».

После сообщения об убийстве Гуннарсона группировка Ларуша разослала письма, в которых пыталась доказать, что никогда не была связана с убитым шведом и абсолютно не причастна к гибели Улофа Пальме.

Разумеется, это убийство может не иметь никакого отношения к «делу Пальме», но оно вызывает вопросы, на которые ни шведские, ни американские детективы дать ответа не могут. Почему Гуннарсон внезапно исчез из дома, никому ничего не сказав, и по своей ли воле он это сделал? Как и зачем он оказался так далеко от дома, когда его настигла смерть? Кому вообще потребовалось «убирать» человека, если он действительно никогда не совершал ничего предосудительного и никому не мешал?

Вопросы, вопросы, а время идет, и, похоже, убийство Улофа Пальме, как и Джона Кеннеди, так и останется нераскрытой тайной двадцатого столетия. Судя по событиям «вокруг» расследования, имеющего уже солидный возраст, вряд ли точки над i будут расставлены в ближайшее время. Слишком много очевидных фактов, оглашение и «сведение» которых воедино не в интересах кое-кого в Швеции и зарубежье.

ЗАГОВОР ГКЧП

СССР. Август 1991 года

В марте 1990 года III съезд народных депутатов СССР отменил 6-ю статью Конституции о «руководящей и направляющей» роли КПСС. М.С. Горбачев был избран Президентом СССР.

В июне на I съезде народных депутатов РСФСР Б.Н. Ельцина избирают Председателем Верховного Совета. У советников Ельцина возникает идея ввести в России институт президентства.

Идея «президентства» не могла понравиться только что избранному Верховному Совету России. Но и у центральной власти, Верховного Совета СССР, появился мощный конкурент — российская власть, которая фактически действовала почти на той же территории. Но демократы вынесли этот вопрос на референдум. 70% россиян проголосовали «за». Верховному Совету оставалось только назначить день выборов.

Горбачев отнесся к этим событиям с видимым спокойствием. Михаил Сергеевич занимался новым союзным договором, намечался визит в Вашингтон. В США он и узнал об избрании Ельцина Президентом России. Ельцин в первом же туре набрал 57,3%.

Для Горбачева настало тяжелое время. Шесть лет у власти — а реформы буксуют, прилавки пустеют, ситуация в стране выходит из-под контроля. Разрекламированная экономическая программа «500 дней» провалена. А тут еще захват ОМОНом телебашни в Вильнюсе. Эта провокация лишь подтолкнула процессы распада Союза… Горбачев говорил, что для него события в Вильнюсе — полная неожиданность, ему не верят. Ельцин же отправился в Прибалтику, а 19 февраля выступил в прямом эфире и прямо обвинил Горбачева и в развале государства, и в обнищании народа.

17 марта 1991 года был проведен референдум. Итоги оказались однозначными: в девяти республиках население высказалось за сохранение СССР. Но это были тщетные усилия. Было ясно, что в прежнем виде СССР существовать не может. Необходим новый союзный договор.

В апреле 1991 года в Новоогареве начались переговоры с руководителями девяти советских республик. В сложнейшей политической ситуации 1991 года, когда все разваливалось, все рушилось — и экономика, и политика, а центробежные силы разрывали Советский Союз, Горбачев старался сохранить хрупкое равновесие между интересами центральной власти и новыми требованиями со стороны республик. К июлю подготовку нового договора почти закончили. Верховный Совет СССР поддержал проект о Союзе Суверенных Государств «в основном». 2 августа Горбачев выступил по телевидению и сказал: «Договор открыт для подписания с 20 августа нынешнего года». Казалось, было сделано все, чтобы возродить новый Союз.

Но мало кто знает о том, что Михаил Сергеевич провел секретную встречу с руководителями двух самых крупных республик бывшего Советского Союза — с Борисом

Ельциным (которого считали главным политическим оппонентом Горбачева) и Нурсултаном Назарбаевым.

На тайной встрече 30 июня 1991 года на даче в Новоогарево три лидера договорились, что, как только будет подписан Союзный договор, мгновенно будут проведены выборы, создана новая команда для управления страной, а новый кабинет министров возглавит Нурсултан Назарбаев. Прежние руководители СССР должны были уйти в отставку. Но как говорил в интервью Горбачев: «Я абсолютно уверен, что эта беседа была зафиксирована органами госбезопасности».

Спустя четыре дня Михаил Сергеевич Горбачев с семьей отправился на отдых в Форос. А 5 августа председатель КГБ Владимир Крючков на секретном объекте своего комитета собрал: Олега Шенина, министра обороны Дмитрия Язова, заместителя председателя Совета обороны СССР Олега Бакланова и… что самое интересное, на этой встрече присутствовал самый доверенный человек лично Михаила Сергеевича и его семьи — Валерий Болдин, начальник его личного секретариата. По некоторым сведениям, именно он был четвертым участником встречи в Новоогарево. Заслушав информацию, товарищи поняли, что через две недели они будут «вне игры». И приговор Горбачеву был вынесен.

17 августа Крючков перед начальником 7-го Управления КГБ СССР Расчепо-вым Е.М. поставил задачу спланировать операцию, предусматривающую задержание и доставку на военный объект в Завидово президента России Ельцина.

На даче в деревне Машкино к 15 августа 1991 года была рождена аббревиатура ГКЧП, там же был разработан проект указа передачи власти Горбачевым Янаеву, там же были написаны обращение к советскому народу, обращение к народам мира и постановление № 1 о введении чрезвычайного положения и другие документы. Тогда же и началась работа Комитета госбезопасности по изготовлению печати ГКЧП, формированию групп по отключению связи в Форосе, то есть техническая разработка деталей.

17 августа на одном из объектов Комитета госбезопасности, который носил условное название АБЦ, встретились Павлов, Бакланов, Шенин, Язов, Бол-дин, Крючков. Во встрече принимали участие также заместители министра обороны СССР В.А. Ачалов и В. И. Варенников, заместитель председателя Комитета госбезопасности В.Ф. Грушко.

Премьер-министр СССР Павлов подробно рассказал о положении в экономике, глубоком кризисе, в который страна уже вползла и который ожидается в самое ближайшее время в еще больших масштабах.

«Я также проинформировал о ситуации в стране, — пишет Крючков в своей книге, — об усилении социально-политической напряженности, росте центробежных тенденций, осложнении криминогенной обстановки. Я заметил, что еще пару лет назад мы говорили о начальных проявлениях организованной преступности, сейчас это уже реальность. Преступность не ограничилась рамками отдельных регионов страны, вышла за пределы государства».

О кризисе в стране и резком падении престижа Советского Союза в мире говорили Язов, Шенин, Бакланов.

«В общем плане я сказал собравшимся о поступлении в Комитет госбезопасности настораживающей информации из-за рубежа, — продолжает Крючков, — а про себя думал об одной свежей телеграмме, которую я получил от нашего разведчика-нелегала всего несколько дней назад. В донесении, адресованном лично мне, разведчик сообщал, что в ведущих капиталистических странах в ближайшее время ожидают самого тяжелого развития ситуации в Советском Союзе. „Речь идет, — писал он, — о прекращении существования нашего государства. Осведомленные источники говорят об этом как о факте, который наверняка свершится, потому что, судя по всему, в Москве никто не пытается предупредить такое трагическое развитие событий“.

Сам нелегал отказывался понимать, почему нельзя помешать всему этому, почему не соблюдается Конституция Советского Союза, почему игнорируются итоги всенародного референдума 17 марта 1991 года, почему Президент и те, кто работает вместе с ним, проявляют безволие, пустили дело на самотек, более того, даже не говорят правды. Нелегал сообщал: под предлогом того, что наша страна чрезмерно велика и не в состоянии переварить занимаемое ею

пространство, ставится под вопрос территориальная целостность Советского государства».

На этой встрече сформировали и делегацию, которая должна была отправиться к Горбачеву: Шенин, Бакланов, Болдин и Варенников… На следующий день визитеры поехали на аэродром «Чкаловский».

Тем временем один из крупнейших лидеров мира, Горбачев, отдыхал на объекте «Заря». Дальше произошли общеизвестные события — выключили все телефоны, отняли ядерный чемоданчик и т.д. и т.п.

Горбачев рассказал об этом так: «…Я сидел, работал над выступлением на церемонии подписания Союзного договора. Самолет на завтра был уже заказан, договорились, кто полетит. Раиса Максимовна тоже решила лететь со мной.

Днем, примерно в 11—12 часов, разговаривал с вице-президентом Янаевым. Он спросил меня, когда я завтра точно прилетаю. Я ответил, что вечером. Он пообещал меня встретить.

От работы меня оторвал начальник личной охраны Медведев. Он зашел ко мне с известием, что приехала группа товарищей. Я спросил, что это за визит, не согласованный со мной? Как эти люди здесь оказались, ведь охрана не имеет права их пропускать? Говорит, что с ними Плеханов и Болдин, руководитель аппарата президента. Вижу, что состояние самого Медведева необычное. Ну, хорошо, говорю, пусть подождут. Беру трубку, чтобы позвонить Крючкову, узнать, что это за миссия. Странно: уезжаю завтра, и вдруг какая-то группа. Телефон не работает, беру другой — то же самое. Снял трубку внутреннего телефона — не работает. Все проверил — беру красный телефон — и он «мертв». Посмотрел на часы — 16.50».

Но еще раньше происходили события, о которых Горбачев не знал и не мог знать. Взлетную полосу, с которой должен был взлететь президентский самолет, перекрыли тягачами, дачу блокировали. Все это было сделано тихо и не привлекло ничье внимание. Но заговорщикам надо было действовать быстро. К делегации, которая летела в Форос, присоединились генерал Плеханов, который отвечал за охрану всех государственных и партийных деятелей. Начальник личной охраны президента подчинялся непосредственно Плеханову. «Делегация» из Москвы прошла к Горбачеву беспрепятственно.

Первым, по плану заговорщиков, разговор с Горбачевым должен был начать секретарь ЦК КПСС Олег Шенин, а потом каждый добавил бы свое Но Горбачев перехватил инициативу. Решив, что Бакланов здесь старший, спросил его, с чего они объявились в Форосе?

Задуманный порядок нарушился. Бакланову пришлось начинать первым. Он, а вслед за ним Олег Шенин от имени ГКЧП предложили президенту передать временно свои функции вице-президенту Геннадию Янаеву «с целью навести порядок в стране».

Горбачев напомнил, что на 20 августа назначено подписание Союзного договора.

«Подписания не будет, — возразил Бакланов. — Ельцин арестован». Потом поправился: «Будет арестован в пути». Это был, наверное, элемент шантажа, давления. Бакланов заявил примерно следующее: «Михаил Сергеевич, да от Вас ничего не потребуется. Побудьте здесь. Мы за Вас сделаем всю грязную работу».

Горбачев, находясь в шоке, отказался подписывать документы о передаче власти.

18 августа в 20.00 в Кремль в кабинет к Павлову пришли Крючков, Пуго, Язов, Лукьянов, привезли Янаева, которого долго не могли найти (он был в гостях), из Фороса вернулись Шенин, Болдин, Бакланов. И делегация доложила, что Горбачев болен и принимать решения не в состоянии. Его надо срочно лечить. В качестве лекарства Янаев Горбачеву прописал… отрешение от власти.

19 августа 1991 года рано утром по радио и телевидению было объявлено о прекращении полномочий Горбачева и о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению. Во главе ГКЧП стояли, вице-президент Г.И. Янаев, министр обороны Д.Т. Язов и его первый заместитель О.Д. Бакланов, председатель КГБ В.А. Крючков, министр внутренних дел Пуго (после провала путча он застрелится), премьер-министр В.С. Павлов, а также председатель Крестьянского союза СССР В.А. Стародубцев и президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР А.И. Тизяков.

Ельцин накануне, поздно ночью, прилетел из Казахстана, где встречался с Назарбаевым. О ГКЧП узнал утром. В 8 часов к нему в Архангельское приехали Полторанин, Бурбулис и

Собчак. Приехали совершенно беспрепятственно.

Ельцин прибыл в Белый дом к 11 часам. Он ехал по улицам Москвы открыто, лавируя между танками, рядом — машины сопровождения с мигалками. Едва появившись в Белом доме, Президент России сразу дал пресс-конференцию уже собравшимся там журналистам. Настроение Ельцина было боевое. Он тут же зачитал заявление, подписанное им, Председателем Верховного Совета России Р.И. Хасбулатовым и премьер-министром И.С. Силаевым:

«В ночь с 18 на 19 отстранен от власти законно выбранный президент страны Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с реакционным, антиконституционным переворотом…» Потом журналистов попросили покинуть Белый дом, потому что в Москву входят танки.

Танки в Москву действительно вошли. Четкой задачи перед ними поставлено не было, кроме того, что они должны пресекать действия неких экстремистских сил.

Приблизительно через час Ельцин вышел на площадь и, взобравшись на танк, один из тех, что по заданию Грачева охраняли Белый дом, зачитал обращение. Чуть позже он издал указ, который объявил ГКЧП вне закона. В ответ ГКЧП издал свой указ, в котором объявлял указы Ельцина недействительными.

Наконец «лидеры ГКЧП» решили как-то объясниться с общественностью и созвали пресс-конференцию в МИД СССР. В конференц-зал пропускали всех желающих, даже тех журналистов, чьи газеты были закрыты по решению этого самого ГКЧП.

Репортаж об этой пресс-конференции показали на всех телеканалах, и изумленные телезрители видели, как у главного ГКЧПиста вице-президента Янаева предательски дрожат руки.

С поддержкой ГКЧП были проблемы. Командующий Прибалтийским военным округом, получив директивы ГКЧП, приказал воинским частям не выходить за пределы своих гарнизонов и не поддаваться на провокации. Главком ВМФ Чернавин получил приказ блокировать порты в связи с чрезвычайным положением. ЧП вводилось, потому что президент болен и не может исполнять свои обязанности. Но с Черноморского флота ему доложили: видят президента живого и здорового на пляже в Форосе. Чернавин дает приказ по своим частям: ни в каких действиях ГКЧП не участвовать, кораблям продолжать нести боевое дежурство согласно ранее полученным приказам И Главком ВВС Шапошников отдал приказ не поднимать в воздух ни одного самолета без его личного приказа. Позже Ельцин назначит Шапошникова министром обороны.

Выполняя указ ГКЧП о введении в Москве чрезвычайного положения и приказ министра обороны Язова, командующий ВДВ генерал Павел Грачев обеспечивал прибытие в столицу 106-й Тульской воздушно-десантной дивизии и взятие под охрану стратегически важных объектов столицы. Тулякам он отдал какой-то странный приказ: «торопиться, не спеша». Из этого следовало, что Грачев пытался предугадать «чья возьмет». Тогда еще никто не догадывался, что Главком ВВС Евгений Шапошников с радостью обнаружил в Павле Сергеевиче своего единомышленника и они уже вели между собой телефонные разговоры на эзоповом языке. Грачев тогда рассчитал все точно: как и Шапошников, скрыто игнорируя приказы министра обороны, он дал понять засевшим в Белом доме, что никаких силовых мер против них предпринимать не будет. Выдвинув десантников к Белому дому с целью блокирования стратегического объекта, затем, когда ситуация стала меняться не в пользу ГКЧП, Грачев превратил их из блокировщиков в «защитников». То был ловкий ход, за который Ельцин вскоре пожаловал Павлу Сергеевичу должность первого зама министра обороны.

А 20-го в Белом доме была устроена новая пресс-конференция, которую на этот раз вел Владимир Лукин. На площади перед Белым домом собралось около 200 тысяч человек. Белый дом скорее напоминал проходной двор, а не логово мятежников. Никому и в голову не пришло его блокировать.

Поздно вечером 20 августа в Белый дом явился офицер КГБ и принес план подготовки штурма здания, который якобы должен был начаться в 2 часа ночи. На дверях кабинетов срочно стали менять таблички, чтобы сбить врага с толку. Руцкому предложили для маскировки наклеить бороду. Часть депутатов собралась в зале Совета национальностей и провела там всю

ночь. Но штурм так и не состоялся, ни в 2 часа, ни позже Потом командиры «Альфы» утверждали, что они штурмовать Белый дом отказались. ГКЧПисты говорили, что они и не собирались никого штурмовать.

Эти несколько дней и ночей, которые проходили в ожидании штурма, нагнетали состояние психоза. Перед телекамерами взволнованные защитники Белого дома говорили, что они насмерть готовы стоять за свободу и демократию «Они не пройдут!» О том же говорило радио «Свобода». По городу ползли слухи об «Альфе». Тревога нарастала А с наступлением темноты еще больше усилилась. Стали строить баррикады. С балкона Белого дома отдавал команды Руцкой: в случае чего, огонь открывать без предупреждения!..

В 23 часа колонна БМП выдвинулась на патрулирование. На пересечении Садового кольца с Калининским проспектом при въезде в тоннель БМП и солдат стали забрасывать камнями, палками и бутылками, в траки вставляли арматуру. Трое москвичей при этом погибло.

Коллегия Министерства обороны приняла решение: «Вывести войска из Москвы». Эго произошло с 8 до 9 часов утра 21 августа 1991 года. А в 10 часов весь ГКЧП срочно прибыл в Министерство обороны. Крючков, Тизяков, Бакланов, Плеханов, Шенин настаивали на продолжении борьбы. Произошла грязная перебранка.

ГКЧПисты срочно выехали в аэропорт Внуково. Бакланов, Тизяков, Плеханов, Ивашко, Крючков, Лукьянов, Язов полетели в Крым. Лукьянов в телефонном интервью главному редактору «Московских новостей» Егору Яковлеву сказал, что Горбачева «незаконно удерживают» в Форосе, что он «не может не поехать к человеку, с которым его связывали 40 лет», что он полетит к нему во что бы то ни стало, даже если его «там прикончат».

Но это не мешало Лукьянову сидеть в самолете рядом с Баклановым и расспрашивать о встрече представителей Комитета с Горбачевым три дня назад, 18 августа, на «Заре». Спикер вникал в детали, стараясь обнаружить в словах, тоне, которым они произносились, пространство для маневра в предстоящем нелегком разговоре с президентом.

Позже многие будут недоумевать, зачем заговорщики полетели в Форос к президенту, столь грубо оскорбленному ими?

Конечно, в Москве сидеть сложа руки не было резона. Армия уходила. Верховный Совет России требовал возбудить против ГКЧП уголовное дело. Лукьянов, как только стало ясно, что заговор обречен, демонстративно отмежевался от ГКЧП, Янаев был полностью деморализован.

Уже через пятнадцать минут полета подтвердилась правильность принятого решения. В самолет позвонил начальник Генерального штаба министерства обороны СССР Моисеев. Он сообщил Язову, что Ельцин намерен отдать распоряжение задержать самолет в аэропорту и всех членов ГКЧП арестовать.

Ельцин также решил лететь в Форос освобождать Горбачева. Может быть, не вместе с Крючковым, но сам. Лично. Его пытались отговорить соратники: «Вас собьют, кому вы верите, Борис Николаевич!» И Ельцин сказал: «Ну ладно, Саша, давай ты». Вице-президент Руцкой взял самолет, к нему присоединилась группа офицеров. В Форос к Горбачеву первыми прибыли путчисты. Но Горбачев дождался истинных спасителей — посланцев Ельцина.

Руцкой влетел на объект «Заря» и увидел Горбачева, который произнес: «Саша, спасибо, что приехал, спас меня от этих подонков и негодяев». Они обнялись. В руках у Руцкого было оружие… В этот момент по лестнице спускалась Раиса Максимовна Горбачева. Руцкой вспоминал: «Ни одна актриса не может сыграть того, что было у нее на лице. Она думала, что я приехал их расстреливать».

Руцкой забрал чету Горбачевых в свой самолет, взял с собой Крючкова. Во время полета Руцкой и Горбачев выпили бутылку водки…

На этот раз Руцкой обогнал самолет, в котором летел Дмитрий Язов. На аэродроме маршала ждал генпрокурор Валентин Степанков.

Следователи посадили в машину арестованных ГКЧПистов. «Пазик» отвез их в санаторий «Сенеж». Это было часов в 6 утра. А в восемь на каждого из них уже были направлены видеокамеры, их начали допрашивать. В состоянии шока они стали говорить все. Первый допрос Язова закончился тем, что он попросил сказать несколько слов Горбачеву. Следователь разрешил. Обернувшись к камере, маршал произнес: «Дорогой Михаил Сергеевич, я старый дурак, ввязался в эту авантюру. До конца дней моих меня будет жечь позор за принесенные

Вам, стране и народу обиды».

Правильно сказал кто-то из журналистов: «Горбачев вернулся в другую страну». Когда 23 августа Горбачев приехал в Белый дом на сессию Верховного Совета, его встретили плакатами «В отставку». Его время истекло. У страны появились другие герои. После путча наступило время Ельцина. Победители стали делить «трофейное имущество». Ельцин со своим аппаратом переехал в Кремль: президент СССР потеснился в первый корпус, а президент России занял четырнадцатый, у Спасских ворот.

Августовский путч спровоцировал распад СССР. Союзные республики объявили о своей независимости.

ЗАГОВОР БИН ЛАДЕНА ПРОТИВ США

США. 11 сентября 2001 года

После окончания «холодной войны» США оказались неспособны признать, что перед ними встают новые, совершенно непривычные угрозы. Америка привыкла к тому, что у нее один враг — Советский Союз, и к борьбе с ним она когда-то серьезно подготовилась. Но в отсутствие идеологического конфликта все оказалось намного более расплывчато и непонятно. Страна вплоть до последнего времени переживала некоторую эйфорию, связанную с тем, что она — единственная супердержава. Все изменилось 11 сентября 2001 года.

Такого дня у американских авиадиспетчеров еще не было. Красная тревога во всех 22 контрольных центрах воздушного ведомства FAA от побережья до побережья. Ни единого случая угона в США за последние десять лет, и вдруг — за один час — четыре.

Два угнанных «Боинга» врезаются в 110-этажные башни-близнецы Всемирного торгового центра, третий — падает на Пентагон, наконец, четвертый терпит крушение в окрестностях Шенксвилла, на западе Пенсильвании. Тысячи погибших…

Кадры, запечатлевшие, как на Манхэттен обрушивается чудовищный серый вал от двух рухнувших небоскребов Всемирного торгового центра, обошли весь мир. Сила взрыва, как считают, достигла тротилового эквивалента атомной бомбы. Знаменитые стальные конструкции, гордость американской строительной техники, на которых держались здания, смогли бы, возможно, выдержать даже и такой взрыв, но пожар расплавил металл…

Мало кто видел самую жуткую сцену, как еще до этого люди, которые оставались в здании, выходили на подоконники и поодиночке, а чаще вдвоем — взявшись за руки — бросались вниз с высоких этажей. Они предпочли встретить смерть на земле, потому что оставаться внутри горящего здания было еще страшнее. Позднее эти кадры были подвергнуты цензуре, и их не пустили в эфир.

Здания на глазах всего мира рухнули, погребая под собой, в числе многих жертв, пожарных, спасателей, полицейских. Пожарных 11 сентября здесь погибло больше, чем за полтора с лишним века существования противопожарной службы города. Еще одно трагическое сопоставление: за утро здесь и в Вашингтоне, в здании Пентагона — погибло больше американцев, чем за самый кровавый год войны во Вьетнаме.

Среди тех, кто находился в одном из небоскребов нью-йоркского Всемирного торгового центра в момент, когда произошел теракт, был российский гражданин Геннадий Потылицин, работающий по контракту аналитиком в финансово-инвестиционной компании «Лиман Бразерс». Он рассказал в интервью «Комсомольской правде» о пережитом им ужасе: «Наш офис размещался на 40-м этаже северной башни центра. Той, которую поразил первый самолет террористов. Я приехал на работу в 8.30 утра и пошел сполоснуть чашку для кофе. В этот момент раздался резкий удар, и здание сильно качнуло в одну сторону и через несколько мгновений — в обратную. Сразу же погас свет. Толчок был столь ощутимым, что я едва устоял на ногах. Все, кто находился на этаже (несколько десятков человек), высыпали в коридор. Почему-то мы решили, что началось землетрясение. Бросились к лифтам, но они не работали. Замолчали и телефоны. Тогда минут через пять мы решили спускаться по лестнице.

Особого страха сначала не было, лишь истерически рыдала одна из наших сотрудниц. Десять этажей прошли нормально, но потом из всех щелей повалил густой едкий дым. Еще

через несколько пролетов нам на головы полилась вода из разорванных труб.

На лестницу с других этажей выбегали все новые люди. Началась давка, переросшая в панику. Я успел заметить на одной из площадок двух инвалидов на колясках. Все бежали мимо, а они, беспомощные, с отчаянием смотрели на тех, у кого был шанс спастись. Господи, какие же страшные у них были лица…

Лестница вывела нас в торговый комплекс, расположенный под небоскребами центра. Здесь были очень сильные разрушения. Видимо, когда небоскреб «повело», внизу лопнули и погнулись многие стальные балки каркаса, просели бетонные опоры. Запомнилась «завязанная в узел» вращающаяся дверь одного из выходов…

В это время раздался взрыв на второй башне. Подоспевшая полиция вытолкала нас в близлежащий сквер. Пожар разгорался. На наших глазах из верхних этажей южного небоскреба выбросились несколько человек. Один из них уже горел… Мы побежали по Бродвею — подальше от места катастрофы, и тут рухнула первая башня. Через несколько секунд меня настигла ударная волна и накрыло облако густейшей пыли. Вместе со всеми я бежал из последних сил, пока не выбрался на безопасное место.

Мне кажется, в нашем северном небоскребе многие из тех, кто был на этажах ниже уровня самолетного тарана (80-й этаж), успели спастись. А вот люди, отрезанные пожаром наверху, скорее всего, погибли. Но ведь там же еще было 30 этажей!

Еще больше жертв должно быть в южной башне. В нее «Боинг» ударил на уровне 60—70-го этажей».

Паника охватила американскую столицу. Узнав о нападении террористов, власти тут же начали эвакуацию Белого дома, Капитолия, правительственных учреждений. Лидеры Конгресса нашли прибежище в каком-то бункере.

Министр обороны Доналд Рамсфелд, штатское лицо, оказался единственной крупной государственной фигурой на своем рабочем месте, в Пентагоне. Но именно здание министерства обороны оказалось объектом нападения террористов. Взрыв раздался в девять сорок пять, и уже через пять минут начался великий исход, эвакуация здания. Пожар длился многие часы, и министр все это время руководил спасательными работами.

Президент Буш на своем самолете в тот день совершил несколько взлетов и посадок в разных концах страны, причем средства массовой информации сообщали лишь о том, где он уже успел побывать. Прошло несколько часов после взрывов, когда наконец было передано обращение президента Буша, на пленке, не в прямом эфире. Оно было записано на военно-воздушной базе, которую президент уже успел к тому времени покинуть. В семь вечера президент наконец появился в столице и в восемь тридцать обратился к народу уже в прямом эфире.

Конгрессмены и сенаторы перезванивались по телефону: что делать, где собираться, ведь эвакуирован Капитолий, сидеть ли дома или добираться к избирателям в свой округ? (Авиалинии прекратили работу). Ждали новых выступлений террористов, газовых атак на города…

Не вызывает сомнений, что два самолета с самого же начала операции предназначались для уничтожения Всемирного торгового центра (ВТЦ), двух башен-близнецов в Нью-Йорке. Третий, возможно, был нацелен на Белый дом, но в последнюю минуту перенацелен на Пентагон, поскольку пилот-террорист мог не найти спрятанный в зелени листвы невысокий Белый дом. Что же касается Пентагона, то это огромный, легко различимый с воздуха пятиугольный комплекс — самое большое из зданий аппарата управления страны.

Четвертым самолетом, возможно, планировалось взорвать летнюю резиденцию президента США в Кэмп-Дэвиде. Есть такая версия. Именно там происходили вошедшие в историю переговоры по урегулированию положения на Ближнем Востоке. Но лайнер врезался в землю неподалеку от Питтсбурга. Возможно, на его борту произошла борьба, которая помешала осуществить замысел террористов.

Однако почему именно ВТЦ послужил объектом нападения террористов? Учреждения, арендовавшие в двух башнях ВТЦ служебные помещения, олицетворяли частный капитал, мировую торговлю. Невообразимо высокие башни служили красноречивым символом могущества и богатства Америки, ее «мирового господства». Неподалеку — Уолл-стрит, биржа,

часть Нью-Йорка, где произошла невиданная в истории концентрация мировых денег. Когда говорят о Нью-Йорке, что он — «финансовая столица мира», речь идет как раз об этой части города.

Для террористов, задавшихся целью унизить Америку, растоптать ее престиж и идеалы, ВТЦ был идеальной целью. Недаром именно здесь, в одной из башен Центра, арабские террористы предприняли в 1993 году первую попытку «взорвать Америку».

К тому же сами башни, выстроенные еще в 70-е годы, долгое время считались самыми высокими в мире.

Новый директор ФБР Роберт Мюллер сообщил прессе, что на расследование терактов брошена четвертая часть всех сотрудников бюро — 4 тысячи агентов, установлены фамилии многих террористов, большинство из которых были гражданами Египта, Саудовской Аравии или Объединенных Арабских Эмиратов. По всей Америке и за ее пределами начаты поиски их сообщников. В штатах Массачусетс, Род-Айленд, Флорида и даже в немецком городе Гамбурге уже задержаны около 20 человек.

Картина того, что творилось на борту захваченных самолетов, теперь слегка прояснилась. В каждом из них оказались, как считают теперь власти, от трех до шести террористов, вооруженных резаками. Резак — острое лезвие в пластмассовом корпусе В домашнем хозяйстве такими режут картон. На спецконтроле в аэропорту резак сойдет за бытовой инструмент. Но в умелых руках он вмиг перерезает горло.

Судя по некоторым звонкам пассажиров с борта, террористы грозились взорвать самолет Но настоящих бомб у них не было. После взлета они нападали на стюардов или затевали драку с пассажирами, подкарауливая, когда озадаченные происходящим пилоты откроют изнутри ведущую в кабину дверь.

После этого они врывались внутрь и полностью брали контроль над лайнером. Летчиков убивали сразу или после того, как они подчинялись приказам.

Террористов было, как считают, всего 18. По четыре-пять на каждый угнанный самолет В каждой группе было кому завладеть управлением и довести машину до места запланированного взрыва Установлено даже, кто из угонщиков, где и когда получал в США (в штате Флорида, в частной школе) соответствующую подготовку, научился летать на американских самолетах.

Обнародованы имена террористов. Власти, ведущие расследование, установили, каким образом и через какой контрольно-пропускной пункт (дело было в штате Мэн) они пробрались из Канады в США, как, когда и где делались пересадки с одного вида транспорта на другой (в Портленде), где покупались авиабилеты, какие брались напрокат автомашины, какими банковскими счетами пользовались… Однако без посторонней помощи террористы не справились бы с этой крупномасштабной, четко проведенной акцией. Организаторы грандиозного заговора остались в тени.

Первый, на кого сразу пало подозрение, это заклятый враг США террорист-миллионер Усама бин Ладен, который скрывался в Афганистане и выполнял функции министра обороны у талибов.

В США же в виновности Усамы бин Ладена не сомневались. «Мы уверены в этом более чем на 90 процентов, суммируя информацию ЦРУ и ФБР», — заявил один из высокопоставленных сотрудников американской администрации.

В то же время сам ден Ладен заявил, что не причастен к последним терактам, хотя и восхищен летчиками-смертниками.

«Мы с помощью Аллаха призываем всех правоверных мусульман выполнить долг перед Всевышним — долг убивать и грабить американцев, где бы они ни находились», — это одна из фраз, выпущенных бин Ладеном.

Усама бин Ладен родился 28 июня 1957 года в саудовской Джидде. Он стал 17-м ребенком в семье — один из 52 (!) детей. У его отца, крупного строительного магната, было около 20 жен. Усама — единственный сын 10-й жены миллиардера Активы этой семьи оцениваются в несколько миллиардов долларов. У самого бин Ладена на банковских счетах от 200 до 500 миллионов долларов. Он владеет несколькими фирмами, которые занимаются строительством и сельским хозяйством Ему удалось убедить других арабских толстосумов жертвовать колоссальные средства на «джихад».

В 1980-е годы Усама бин Ладен уже участвовал в «священной войне» На его деньги закупалось оружие и строились учебные лагеря для моджахедов, боровшихся против советского «ограниченного контингента» в Афганистане. Бин Ладен лично участвовал в афганских боевых действиях во главе отряда арабских боевиков, а затем в качестве одного из руководителей мусульманских наемников в этой стране. В боях он потерял глаз Рассказывают о жестокости бин Ладена он лично участвовал в расправах над безоружными пленными.

В 1980-е годы США тратили сотни миллионов долларов на поддержку афганских боевиков Что-то, разумеется, перепало и бин Ладену. В то время «империей зла» для бин Ладена и Вашингтона служила Москва. Общий враг и единая цель сближают.

После ухода советских войск из Афганистана в 1989 году бин Ладен сохранил крепкие связи с бойцами «сопротивления». Но у него появился новый враг. Он создает группировку «Аль-Кайда» («Основа»). По его словам, в то время он понял, что «США заняли место Советского Союза в качестве главного врага ислама».

В 1994 году власти Саудовской Аравии лишают бин Ладена подданства за поддержку оппозиции и «провокационные действия».

Впрочем, это не помешало мультимиллионеру бин Ладену организовать несколько терактов на родине, взрывы в Эр-Рияде в 1995 году и на американской базе Эль-Хобар в 1996 году — тогда погибли 24 американца.

Правда, всемирную известность бин Ладен обрел еще раньше. Попытку взрыва в здании Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в 1993 году также приписывают бин Ладену. У следователей, разбирающихся с обстоятельствами терактов у американских посольств в Найроби и Дар-эс-Саламе, нет сомнений, что экстремисты выполняли указания бин Ладена.

В 1998 году бин Ладен заявил о создании организации «Всемирный исламский фронт борьбы против иудеев и крестоносцев», объединившей несколько группировок Американские спецслужбы полагают, что бин Ладен успел заручиться поддержкой известных экстремистских организаций: «Исламская группа» в Египте, «Вооруженная исламская группа» в Алжире, «Харкатуль Муд-жахеддин» в Пакистане, Исламское движение в Узбекистане, а также оппозиционные группировки в Саудовской Аравии. Террористическая армия бин Ладена, по различным данным, насчитывает от 3 до 20 тысяч человек. Большинство из них — ветераны афганской войны с «советскими завоевателями», на которую ЦРУ потратило около 3 миллиардов долларов.

Похоже, дело Усамы бин Ладена и руководимой им исламской террористической организации «Аль-Кайда» будут распутывать годами. И вряд ли распутают до конца. Оно обрастает все новыми эпизодами. Члены ячеек «Аль-Кай-ды» безжалостно расправлялись со случайными свидетелями и деловыми партнерами, посвященными в тайны сообщества, приторговывали наркотиками, занимались подделкой документов, отмывали деньги.

«Аль-Кайда» пустила корни по всему миру, взяв на вооружение тактику «спящих агентов». Что это значит? Молодой мусульманин проходил подготовку в одном из лагерей «Аль-Кайды», возвращался к себе домой — к примеру, в Малайзию — и «засыпал». Женился, заводил детей и вел жизнь законопослушного гражданина, покуда невидимый паук не дергал нить паутины, в которую малаец однажды в юности угодил.

Наиболее комфортно конспираторы чувствовали себя в благополучных странах свободного мира, где господствуют веротерпимость и этническая пестрота Известно, что опорными пунктами заговорщиков были Гамбург, Париж и Лондон. Плотная сеть ячеек покрыла Италию, Грецию и Испанию. Не вызывает сомнений присутствие террористов в странах Юго-Восточной Азии, мусульманских государствах Африки, в Латинской Америке.

Важно другое «Аль-Кайда» не выжила бы без поддержки правительств тех стран, где она гнездилась. В разные периоды своей недолгой истории она пользовалась покровительством суданского, ливийского, пакистанского режимов и, конечно же, афганского Талибана. В 1996 году суданские власти, устав от санкций, сначала арестовали и выдали французскому правосудию Карлоса «Шакала», а затем предложили Клинтону экстрадицию бин Ладена. Однако юридические эксперты Белого дома, изучив вопрос, пришли к выводу, что администрация не располагает достаточными доказательствами его причастности к попытке взрыва Всемирного торгового центра в 1993 году и может попросту проиграть судебный

процесс. Так бин Ладен оказался в Афганистане. И США начали антитеррористическую операцию в этой стране…

ЛИТЕРАТУРА

Абаринов В., Велехов Л. В паутине аль-Кайды. — Совершенно секретно, 2001, №12.

Агарышев А.А. Гамаль Абдель Насер. — М.: Молодая гвардия, 1979.

Амбелен. Драмы и секреты истории. — М.. Издательская группа «Прогресс»; «Прогресс-Академия».

Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. — М.: Молодая гвардия, 2000.

Анисимов Е.В. Женщины на российском троне. — СПб.: Норинт, 1998.

Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. — М.: Мысль, 1986.

Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. — М.: Изд-во Восточной литературы, 1958.

Баблон Ж.-П. Генрих IV. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

Бай Е. Вашингтон стал похож на Кабул. — Известия, 2001, № 68.

Безвременье и временщики. Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720-е — 1760-е годы). — Л.: Художественная литература, 1991.

Белоусов Л.С. Бенито Муссолини— политический портрет. — Новая и новейшая история, 1991, № 5, 6.

Берве Г. Тираны Греции. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Берия С.Л. Мой отец — Лаврентий Берия. — М.: Современник, 1994.

Бодар Л. Тень Мао. — Смоленск: Русич, 1996.

Борисов Н.С. Иван III. — М.: Молодая гвардия, 2000.

Боровичка В.П. Выстрелы из засады. — М.: Прогресс, 1983.

Боханов А. Последняя ночь Распутина. — Неделя, 1990, № 6.

Бретон Г. История любви в истории Франции. Кн. 5. Женщины времен Июльской монархии. Т. 9. — М.: Крон-Пресс, 1994.

Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства. В 2 тт. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1963.

Валишевский К. Дочь Петра Великого. — М.: Квадрат, 1993.

Валова Т.Д. Искушение Европы. — М.: Гардарика, 1998.

Вандаль А. Возвышение Наполеона. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.

Варьяш О.И., Черных А.П. Португалия: дороги истории. — М.: Наука, 1990.

Велидов А.С. Похождения террориста: Одиссея Якова Блюмкина. — М.: Современник, 1998.

Вершинин Л.Р. К вопросу об обстоятельствах заговора против Филиппа II Македонского. — Вестник древней истории, 1990, № 1.

Война В. 100 этажей ада. — Новое время, 2001, № 38.

Волков В.К. Операция «Тевтонский меч». — М.: Мысль, 1966.

Вуколов Н., Погоржельский Д. Следы и версии. — Новое время, 1987, № 9.

Галан Х.М. Крушение монархии в Испании. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959.

Гарсиа Х. Диктатура Примо де Ривера. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1963.

Горянов М. Миражи генерала Зия. — Журналист, 1980.

Гордин Я.А. Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. — Л.: Лениздат, 1989.

Грациози А. Великие заговоры. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. ¦

Грималь П. Цицерон. — М.: Молодая гвардия, 1991.

Гриффите А.Р., Томас Р. Становление династии Тюдоров. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Гриневский О. Тайны советской дипломатии. — М.: Вагриус, 2000.

Гришко Р.Н. Вожди и тираны. — Минск: Современный литератор, 1998.

Дворцовые перевороты в России. 1725—1825. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

Димов Ю. Московская «банда четырех» — по стопам пекинской? — Версия, 1998.

Дунаев В. Честное слово бин Ладена. — Известия, 2001, № 68.

Дюрант В. Жизнь Греции. — М.: Крон-пресс, 1997.

Егорин А.З. Ливийская революция. — М.: Наука, 1989.

Ежов В.В. Самые знаменитые заговоры и перевороты России. — М.: Вече, 2002.

Иванов А. (Скуратов). Это началось так. — Молодая гвардия, 1989, № 8.

Иванова И. Жаркое лето 1991 года. — Версия, 2001, № 31.

Ильинский М.М. Жизнь и смерть Бенито Муссолини. — М.: Вече, 2000.

Испанские короли. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Исторический лексикон. XVII век. — М.: Знание, 1998.

Исторический лексикон. XVIII век. — М.: Знание; Владос, 1996.

История Швеции. — М.: Наука, 1974.

Кабанников А. Пентагон горит, но работает. — Комсомольская правда», 2001, №168.

Каменский А.Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. — М.: Знание, 1997.

Кан А.С. Швеция 1809—1810 годов. Государственный переворот или буржуазная революция. — Новая и новейшая история, 1973, № 1.

Карев В.М. Фрэнсис Бэкон: политическая биография. — Новая и новейшая история, 1980, № 3.

Карьялайнен Я. Кому мешал Улоф Пальме? — Российская газета, 1998, № 156.

Кашин В.П. Гибель Махатмы Ганди. — Вопросы истории, 1988, № 10.

Кащенков И.В. Народовольцы. — М.: Знание, 1989.

Кинросс Л. Расцвет и упадок Османской империи. — М.: Крон-пресс, 1999.

Кларк Р. «Человек без маски». — За рубежом, 1990, № 45.

Кнехт Р. Дж. Ришелье. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Кобо Х. Жандармский бунт. — Новое время, 2001, № 11.

Кобо Х. Убийца Троцкого: палач или жертва? — Московские новости, 1989, №12.

Ковтунович О. В. Революция «свободных офицеров» в Египте. — М.: Наука, 1984.

Колесов Ю. Вождя нашли в одних трусах под стойкой. — Огонек, 2000, №40.

Костин Н. Суд на террором. — Родина, 1993, № 10.

Костомаров Н.И. Самозванцы и пророки. — М.: Чарли, 1997.

Круговая Е.Г. «Черные полковники» в Греции. 1867—1974 гг. — Новая и новейшая история, 2001, № 3.

Крючков В.А. Личное дело: В 2 ч. — М.: Олимп; ТКО АСТ, 1996.

Лебедев В. Смерть авантюриста. — Совершенно секретно, 1999, № 2.

Лебедева О. Крах Лаврентия Берии: рассказывают «победители». — Секретные материалы, 2001, № 14.

Лебедева О. …Такого бездарного переворота не знала история. — Секретные материалы, 2001, № 16.

Левандовский А.П. Белый слон Карла Великого. — М.: Высшая школа, 1993.

Левандовский А.П. Робеспьер. — М.: Зевс; Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Максимовский В. Кола ди Риэнцо. — М.: Журнально-газетное объединение, 1936.

Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. — М.: Мысль, 1998.

Матвеев В.А. Страсть власти и власть страсти. — М.: Республика, 1997.

Медведенко А. Адольф Виссарионович Пиночет?! — Столица, 1993, № 15.

Меликов О.С. Установление диктатуры Реза-шаха в Иране. — М.: Издательство Восточной литературы, 1961.

Микоян А.И. Так было. — М.: Вагриус, 1999.

Михайлов В. Отголоски выстрела. Кто убил Улофа Пальме? — Алфавит, 2001, №3.

Михальчук Л. Лев Троцкий. — М.: Харвест, 1998.

Можейко И.В. 1185 год. — М.: Наука, 1989.

Молчанов Н.Н. Монтаньяры. — М.: Молодая гвардия, 1989.

Молчанов Н.Н. Огюст Бланки. — М.: Молодая гвардия, 1984.

Морозова Л.Е. Василий Иванович Шуйский. — Вопросы истории, 2000, № 10.

Москаленко В., Сумский В. Мохаммад Зия-уль-Хак. — Азия и Африка сегодня, 1989, № 4.

Мэсси Р. Николай и Александра. — М.: Интерпракс, 1990.
Наумов В. П. Елизавета Петровна. — Вопросы истории, 1993, № 5.
Нитобург Э.Л. Фульхенсо Батиста. — Вопросы истории, 1993, № 6.
Нони Д. Калигула. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
Орлов Б. Миф о Фанни Каплан. — Родина, 1993, № 10.
Охлябинин С. Тени у трона. — Алфавит, 1999, № 47.
Павленко Н.И. Петр Великий. — М.: Мысль, 1990.
Панкевич Ф.И. Капповский путч в Германии. — М.: Наука, 1972.
Петросян А.А. Ричард III — миф и реальность. — Вопросы истории, 1992, №11/12.
Печатнова Л.Г. Заговор Кинадона. — Вестник древней истории, 1984, № 2.
Писарев Ю. «Наши дети будут ходить по Вене…». Сараевское убийство 28 июня 1914 года и «Млада Босна». — Родина, 1993, № 8/9.
Плутарх. Сравнительные жизнеописания. — М.: ЭКСМО-пресс; Харьков: Фолио, 1999.
Погодин М. Три дня. — Смена, 1995, № 5.
Пожарская СП. Генералиссимус Франко и его время. — Новая и новейшая история, 1990, №6.
Политическая интрига на Востоке. — М.: Восточная литература, РАН, 2000.
Портнов А. Земной ад царя Ирода. — Труд-7, 1999, 2 июля.
Раух Г., Хильгер Г. Ленин. Сталин. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
Ревзин Г.И. Риэго. — М.: Молодая гвардия, 1958.
Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. 1789— 1799.—Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989.
Рети Э. Смерть на трибуне. — М.: Издательство АПН, 1983.
Ржевская Е. М. Геббельс: Портрет на фоне дневника. — М.: Слово/SLOVO, 1994.
Рогинский В.В. Густав III. В кн.: Исторический лексикон. XVIII век., — М.: Знание; Владос, 1996.
Руге В. Как Гитлер пришел к власти. — М.: Мысль, 1985.
Рыжов К. Все монархи мира. Древняя Греция. Древний Рим. Византия. — М: Вече, 1999.
Рыжов К. Все монархи мира. Западная Европа. — М.: Вече, 1999.
Рыжов К. Все монархи мира. Россия. — М.: Вече, 1999.
Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. — М.: Художественная литература, 1990.
Семанов В.И. Из жизни императрицы Цыси. — М.: Наука, 1979.
Сергеев Ф. Операция «АЯКС» (Иран, август 1953 года). — Международная жизнь, 1987, №№7, 8.
Сикейрос против Троцкого. — Агитатор, 1989, № 18.
Сиротенко В.Т. История международных отношений в Еврцпе во второй половине IV — начале VI в. — Пермь: Пермский госуниверситет, 1975.
Сифакис К. Энциклопедия покушений и убийств. — М.: Вече, 1998.
Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона. — М.: Алгоритм, 1997.
Соколов Б.В. Михаил Тухачевский. — Смоленск: Русич, 1999.
Соловьев О. Кинжал под кринолином. — Наука и религия, 1995, №№ 4—6.
Сорокин Ю.А. Павел I. — Вопросы истории, 1989, № 11.
Со шпагой и факелом. Дворцовые перевороты в России. 1725—1825 гг. — М.: Современник, 1991.
Степанков В.Г., Лисов Е.К. Кремлевский заговор. — М.: Изд-во «Огонек», ОГИЗ, 1992.
Тайны политических убийств. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
Тарле Е.В. Наполеон. Избранные сочинения в 4 т. Т. 2. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1994.
Теплов И. Убийство русского Гамлета. — Секретные материалы, 2001, № 7.
Тимахович Ю.Н. Персидские цари. — Минск: Беларусь, 1999.
Тоталитаризм в Европе XX века. Сб. — М.: Памятники исторической мысли, 1996.
Троцкий Л.Д. К истории русской революции. — М.: Политиздат, 1990.
Успенский Ф.И. История Византийской империи. — М.: Мысль, 1997.
Утченко С.Л. Цицерон и его время. — М.: Мысль, 1986.
Фалеева И.Е. Мидхат-паша. — М.: Наука, 1977.

Федорова Е.В. Императорский Рим в лицах. —Смоленск: Инга, 1995.

Федосеев С. «Заговор обреченных». — Совершенно секретно, 1997, № 8.

Филинкова И.С. Выдающиеся политики. — Минск: Современный литератор, 1999.

Финкер К. Заговор 20 июля /44 года. Дело полковника Штауффенберга. — М.: Прогресс, 1975.

Фор П. Александр Македонский. — М.: Молодая гвардия, 2001.

Хейг К. Елизавета I Английская. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Хиберт К. Муссолини. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

Хрущев Н.С. Воспоминания. — М.: Вагриус, 1997.

Цареубийство 11 марта 1801 года — М.: СП «Вся Москва», Издательское объединение «Культура», 1990.

Черкасов П.П. Агония империи. — М • Наука, 1979.

Черкасов П.П. Кардинал Ришелье. — М.: Международные отношения, 1990.

Черкасов П.П. Распад колониальной империи Франции (1939—1985). — М.: Наука, 1985.

Черная Л.Б. Коричневые диктаторы (Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс, Борман, Риббентроп). — Ростов-на-Дону. Феникс, 1999.

Черняк Е.Б. Вековые конфликты — М.: Международные отношения, 1988.

Черняк Е.Б. Времен минувших заговоры. — М.. Международные отношения, 1994.

Черняк Е.Б. «Пороховой заговор». — Советская юстиция, 1993, № 4.

Черняк Е.Б. Пять столетий тайной войны. — М.: Международные отношения, 1991.

Черняк Е.Б Судебная петля. — М.: Мысль, 1991.

Черняк Е.Б. Тайны Англии. — М. — Остожье, 1996.

Черняк Е.Б. Тайны Старого и Нового света. — М.: Остожье, 1996.

Чудодеев А. За что судили «банду четырех»? — Новое время, 1993, № 8.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. — М.: ТЕРРА, 1991.

Шахермайр Ф. Александр Македонский. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Шевелев В.Н. Диктаторы и боги. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

Шевелев В.Н. С. Хрущев. —Ростов-на-Дону Феникс, 1999

Шифман И.Ш. Александр Македонский. — М.: Наука, 1988.

Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. — Ефрона И. А. в 86 тт. — М.: Терра, 1994.

Яковлев М. Суд мести. —Журналист, 1981, № 4.

Яллоп Д. Кто убил папу римского? — М.: Прогресс, 1986.